

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСНИК ПОЛОЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя D. ЭКАНАМІЧНЫЯ І ЮРЫДЫЧНЫЯ НАВУКІ

У серыі D навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне эканомікі і кіравання, фінансавай дзейнасці і крэдытавання, дзяржаўнага будаўніцтва і права, пракурорскай і следчай работы.

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия D. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

В серии D научно-теоретического журнала публикуются на русском, белорусском и английском языках статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области экономики и управления, финансовой деятельности и кредитования, государственного строительства и права, прокурорской и следственной работы.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series D. ECONOMICS AND LAW SCIENCES

Series D includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in economics and management, finance and credits state and law criminal investigation.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 53 34 58, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск Н.Л. Белорусова, В.В. Богатырева, А.Н. Пугачев, И.В. Вегера.
Редактор Р.Н. Авласенок.

Подписано к печати 28.04.2016. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 30,22. Уч.-изд. л. 35,43. Тираж 100 экз. Заказ 1132.

Белорусский рынок труда, с одной стороны, в ближайшей перспективе будет развиваться на фоне снижения численности населения в трудоспособном возрасте, усиления миграционных процессов населения и иметь тенденцию к формированию трудодефицитного рынка рабочей силы. С другой стороны, экономический кризис предъявил четкие требования странам к поиску новых товарных ниш на мировых рынках. Все это актуализирует для Республики Беларусь процессы модернизации производства и внедрения ресурсосберегающих технологий, процессы оптимизации занятости и механизмы достижения эффективной занятости населения, процессы согласования профессионально-квалификационной структуры рабочей силы с технико-технологическими параметрами рабочих мест.

УДК 331.5

ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ МЕХАНИЗМОМ ДОСТИЖЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА, УСТАНОВЛЕНИЕМ УРОВНЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И НАВЫКАМИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ: МИРОВОЙ ОПЫТ

*канд. экон. наук, доц. И.В. ЗЕНЬКОВА
(Полоцкий государственный университет)*

Систематизированы основные факторы роста производительности труда и обобщены инструменты для ее достижения. Выделены факторы, связанные с процессом организации самого производства и с технологией: экономия времени на координацию труда, специализация труда, реакция со стороны нанимателя по заключению контрактных отношений на агрегированные запросы рабочей силы. Выявлены навыки и умения, которыми должна обладать рабочая сила: умение запоминать одновременно несколько производственных моментов, развитие интеллектуального потенциала, навык к прогнозированию, навык координации, предпринимательский навык, обладание высокой производственной моралью. Отмечено, что при исследовании причинно-следственных связей между механизмом достижения производительного труда, установлением уровня заработной платы, уровнем образования рабочей силы целесообразно опираться на теоретико-методологические подходы Оливера Уильямсона, Джона Кеннета Гэлбрейта.

Ключевые слова: факторы роста производительности труда, навыки и умения рабочей силы, уровень заработной платы, производственная мораль, коэффициент трудового участия.

С феноменологической природой категории занятости связаны категории заработной платы, производительного труда, образование. В научном исследовании систематизированы теоретико-методологические подходы к обозначенной проблематике Франсуа Кенэ (François Quesnay), Уильяма Петти (William Petty), Адама Смита (Adam Smith), Дугласа Сесила Норта (Douglass Cecil North), Торстейна Бунде Веблена (Thorstein Bunde Veblen), Рональда Гарри Коуз (Ronald Harry Coase), Карла Генриха Маркса (Karl Heinrich Marx), Джона Мейнарда Кейнса (John Maynard Keynes), Карла Менгера (Carl Menger), Альфреда Маршалла (Alfred Marshall), Ирвинга Фишера (Irving Fisher), Фрэнка Хайнемана Найта (Frank Knight), Джона Кеннета Гэлбрейта (John Kenneth Galbraith), Оливера Уильямсона (Oliver E. Williamson).

Основная часть. Согласно Государственной программе содействия занятости населения Республики Беларусь на 2015 год одной из мер, способствующих снижению спроса на рабочую силу на фоне снижения численности трудоспособного возраста, может послужить «... модернизация производства и внедрение ресурсосберегающих технологий, рост производительности труда и сокращение избыточной занятости ...» [1, с. 4].

Представитель физиократов Франсуа Кенэ (François Quesnay) выделял категорию «цена труда», затраченного на возделывание земли. Подход примечателен рассмотрением связи между категориями «зажиточность», «трудолюбие», «заработок». Справедливо отмечена связь зажиточности с честью, чувством и тщеславием. Подход ценен выделением мотивации к труду не только стремлением к зажиточности, связанной с высокими заработками, но и честью в соответствии со своим положением или статусом. Четко описан механизм связи труда с экономическим ростом, то есть исследователь подчеркивает важность траты денежных ресурсов (например, заработки или прибыльные доходы) для выгоды других людей, для «восстановления богатства» [2, с. 180].

Теоретический подход к производительности труда представителя классической школы политэкономии Уильяма Петту (*William Petty*) важен для нашего исследования выявлением категории «напряженный труд» и обоснованием его связи со средствами труда [3, с. 88].

Шотландский экономист Адам Смит (*Adam Smith*), представитель классической школы политэкономии, определил труд как «действительное мерило меновой стоимости всех товаров» [4, с. 88]. Его подход к взаимодействию индикаторов «производительность труда» и «заработная плата» вызывает интерес тем, что, как отмечает исследователь, особые способности работника и его талант требуют времени на формирование и предварительную работу над собой. В размере заработной платы должны быть отражены особый талант и способности работника, а также напряженность самого труда [4, с. 103].

Подход к производительному труду Карла Генриха Маркса (*Karl Heinrich Marx*) основоположника марксизма значим для нас выделением категории «полезный труд» и категории «целесообразная производительная деятельность»; определением причинно-следственной связи между категориями «полезный труд», «продукт», «рост или снижение производительной силы труда». Категория стоимости рабочей силы определена им как сумма жизненных средств [5, с. 46, 164].

Относительно взаимообусловленности производительности труда и заработной платой примечательно рассуждение Джоном Мейнардом Кейнсом (*John Maynard Keynes*) вознаграждения работников пропорционально эффективности их труда. Важно, что отмечен факт взаимозависимости вклада работником своего труда в совокупное предложение и получаемого вознаграждения за труд. Его теоретический подход к содержанию производительного труда и к заработной плате важен для нашего исследования обоснованием взаимосвязи уровня предельной производительности труда с уровнем занятости в отрасли, а также обоснованием в качестве факторов, определяющих уровень совокупной заработной платы, единицы заработной платы и объема занятости. Им показана связь между количеством работников, имеющих специальную квалификацию, достаточный опыт между доходностью оборудования и величиной занятости. Исследователь обосновал влияние на занятость выручки от реализованной продукции [6, с. 22–31] и справедливо идентифицировал зависимость устойчивости экономической системы от действия психологического закона (*fundamental psychological law*), который выявил принцип поведения людей в потреблении в зависимости от динамики роста дохода. В практическом применении данный закон четко обосновывает, что с ростом занятости и дохода в экономике не вся занятая рабочая сила нужна для удовлетворения возросшего потребления [6, с. 141].

Ценность теоретического подхода к цене труда Карла Менгера (*Carl Menger*), представителя австрийской экономической школы, заключается в выделении им цены простого труда, цены квалифицированного труда (с учетом ренты с таланта) и непривлекательного труда, в цене которого тоже должна учитываться экономическая выгода, которая покрывает неприятные ощущения [7, с. 182].

Говоря о производительном труде, обратим внимание на теоретические взгляды Альфреда Маршалла (*Alfred Marshall*), представителя кембриджской экономической школы, который емко отметил «...когда мы по отношению к труду употребляем само по себе слово «производительный», его следует понимать как означающее производящий средства производства и долговечные источники удовольствия...» [8, с. 126]. Рассуждая о мотивации к труду, А. Маршалл отмечал, что, безусловно, цель любого труда это материальная выгода, однако он отмечал и то, что к усилению напряжения сил занятого населения могут приводить перерывы в занятости. Ценность подхода А. Маршалла к цене труда заключается в обосновании им категорий «цена предложения», «перечень цен предложения». Эти категории напрямую связаны с напряжением усилий рабочей силы [8, с. 211–213].

Маршалл выделил причинно-следственную связь между предложением труда, спросом на труд и мотивацией родителей обучать детей более выгодным профессиям в ожидании высокого вознаграждения. Хотя справедливо отмечена неустойчивость такой связи между ними в течение всей жизни. Эффективность организации производства, по его мнению, достижима посредством согласования содержания самой выполняемой работы на станках, оборудовании с навыками и умениями рабочей силы. Важность подхода А. Маршалла к росту производительности производства для нашего исследования состоит в том, что им в качестве одного из факторов роста производительности обосновано разделение труда, а также выделена одна из способностей рабочей силы «физическая ловкость» [8, с. 330, 332].

Значимость теоретического подхода Ирвинга Фишера (*Irving Fisher*), представителя кембриджской экономической школы, к содержанию заработной платы состоит в обосновании необходимости дополнительной оплаты за дополнительную работу, а также в обосновании оплаты труда как стоимости производства для работодателя и как заработка для рабочей силы [9, с. 172–173].

Согласно теоретическому подходу к производительности труда (производительности производства) Фрэнка Хайнемана Найта (*Frank Knight*), представителя чикагской экономической школы, создание одного продукта возможно посредством разделения занятий в рамках различных отраслей, подход значим выделением категории «разнородный вклад в производство продукта» [10, с. 99]. Подход к заработной плате Ф.Х. Найта ценен для нас обоснованием переменного фактора в заработной плате, обусловленной неоднородной динамикой выручки, а также выделением заработной платы свободных профессий [10, с. 346].

Согласно теоретическому подходу представителя институционализма *Джона Кеннета Гэлбрейта (John Kenneth Galbraith)* к содержанию эффективного производства, важно наличие производственного капитала (например, предприятия, оборудование, сборочные линии, энергия, инструменты, вычислительные машины) и разумное управление им рабочей силой [11, с. 68]. Подход Дж.К. Гэлбрейта к производительности труда ценен обоснованием для производительного труда «усердного добросовестного исполнения», «достойного заслуживающего одобрения поведения» [11, с. 103].

Теоретический подход к производительному труду *Оливера Уильямсона (Oliver E. Williamson)*, представителя неинституционализма, значим для нашего исследования рассмотрением предпринимательского способа организации производства, где за каждым рабочим местом закреплен специалист. Им рассмотрены факторы, способствующие росту производительности труда, связанные с процессом организации самого производства и технологией. Они таковы: выполнение одной из технологической операции индивидуальным предпринимателем на дому на собственном оборудовании; расположение рабочих мест в одном месте и изготовление изделия каждым рабочим на своем рабочем месте, что позволяет избежать излишних издержек за непрерывностью производственного процесса, в таком случае имеют место уравнивательные трудовые отношения; включение каждого работника в изготовление изделий партиями, уточняется доля каждого работника в совокупном объеме продукции и осуществляется продажа своего конечного продукта на рынке; оплата труда рабочих происходит согласно учету средней производительности группы рабочих (здесь имеет место ротация по рабочим местам и специализация), а не их трудовому участию. В качестве очевидных инструментов для роста производительности труда выступают экономия времени на координацию труда, специализация труда, реакция со стороны нанимателя по заключению контрактных отношений на агрегированные запросы рабочей силы [12, с. 345–360].

Ценность подхода О. Уильямсона состоит в комплексном рассмотрении причинно-следственных взаимосвязей между элементами «навыки и умения», «производительность труда», «обучение», «уровень оплаты труда». Профессиональные навыки рабочей силы рассматриваются специфическим активом. Важно выделение им экономической ценности навыков рабочей силы [12, с. 386–387].

Согласно неинституционализму уровень оплаты труда и производительность труда детерминированы в большей мере организационными аспектами, а не самими навыками, как у неоклассиков. Навыки, приобретенные в процессе обучения рабочей силы в процессе занятости на рабочем месте, должны быть встроены в защитную структуру управления.

Справедливо подняты вопросы неделимости трудовых заданий, а вместе с ними и некорректность оценки индивидуальной производительности труда выпуском производства. В научный оборот введена категория «индивидуальный вклад в получение данного результата». Интересен факт обоснования: если занятая рабочая сила не обладает неспецифическими навыками и трудовые операции делимы, то соответствие их «человеческого актива» трудовым заданиям регулируется рынком. Также справедливо введена категория «трудовые отношения на основе внутреннего рынка наличных ресурсов», где наниматели и наемная рабочая сила могут спокойно заключать и расторгать между собой договоры без потери производительности труда наемного [12, с. 392]. Обоснована категория специфического актива (знаний работника) для фирмы, который объединяет технологический и организационный опыт работы. В таком случае для сохранения продуктивного труда необходима модель гарантированной занятости, где трудовые отношения двух сторон выстраиваются на взаимовыгодной основе, с денежными наказаниями для работника в случае непредвиденного увольнения по собственному желанию (например, лишение выходного пособия), а также с применением безвременного регламента для выхода таких работников, являющихся специфическим активом компании, на пенсию и наличие льгот [12, с. 393–394].

Им показано возможное построение трудовых отношений на основе понимания и разделения рабочей силы целей фирмы, основным инструментом регулирования таких отношений показаны привлекательные социальные условия труда для рабочей силы и значительная гарантия занятости. Основными факторами достижения производительности труда здесь могут выступать: высокая лояльность рабочей силы к целям компании, отсутствие сопротивления работников технологическим изменениям, отсутствие прогулов, простоев, низкая текучесть кадров [12, с. 394–395].

Теоретический подход О. Уильямсона значим для нас осознанием понятия «транзакционно-специфические инвестиции, введенного им в профессиональные навыки» как научного термина, а также категорией «аллокативная эффективность» (allocative efficiency) как эффективность размещения ресурсов [12, с. 418]. В части создания экономически целесообразных рабочих мест актуален разговор О. Уильямсона о созидательной работе и об инициативе [12, с. 419; 13].

Теоретический подход *Дугласа Сесила Норта (Douglass Cecil North)*, представителя неинституционализма, к производительности труда ценен для нашего исследования обоснованием факторов роста индикатора занятости, таких как хорошо развитые права собственности, динамическая структура политических и экономических рынков [14, с. 14]. По Д.С. Норту, эффективность – это «такое состояние, при котором при заданных состоянии технологий и издержках на информацию рынок имеет наименьшие возможные себестоимость производства и транзакционные издержки...» [14, с. 30].

Теоретический подход к эффективности Д.С. Норты интересен для нас выделением фундаментальных причин роста человеческого благосостояния. Они таковы: увеличение объема знаний, изменение институциональных стимулов, изменение относительных цен на факторы производства, формирование новых убеждений, перераспределение ресурсов, увеличение выгоды от совместной деятельности, усиление стимулов к инновациям, снижение стоимости транзакций на рынках [14, с. 33–34]. Основным фактором производительности экономики, по Д.С. Норту, – это упорядочение структуры политической и экономической среды, где важная роль в упорядочении принадлежит государству, поскольку оно упорядочивает экономические правила (права собственности на владение и отчуждение ресурсов) [14, с. 91].

Теоретический подход С.Д. Норты к пониманию экономического роста ценен выделением взаимосвязанных элементов (рис. 1).

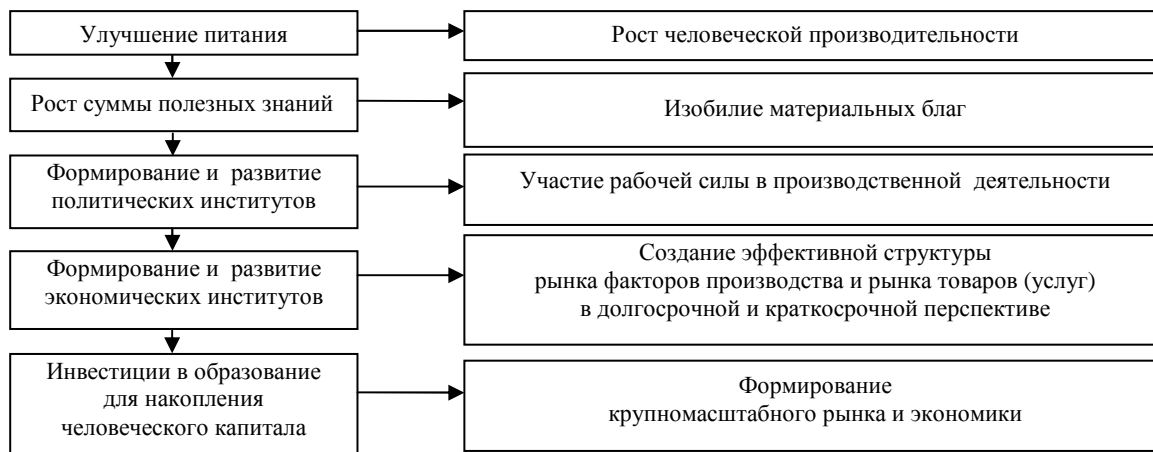

Рисунок 1 – Фундаментальные факторы экономического роста по Д.С. Норту

Источник: составлено на основании данных [14, с. 148].

Факторы роста эффективности таковы: измерение транзакционных издержек на различных рынках продукции и факторов производства; обобщение разрозненных знаний для создания и развития производственного потенциала; доля внутреннего валового продукта, перераспределяемая исполнительной властью, а также постоянно изменяющиеся правила регулирования; разумное использование инструментов трансформации (сочетание экономической, структурной инвестиционной политики) [13, с. 236–237; 14, с. 7–10].

Проанализирована динамика ВВП в разрезе таких стран, как: Республика Беларусь, Чешская Республика, Франция, Израиль, Казахстан, Польша, Литва, Латвия, Российская Федерация, Украина, Швеция, США [15; 16].

Наибольшее сокращение темпов развития экономик стран наблюдается в 2009 году, особенно подвержены влиянию кризисных явлений и их последствий по сокращению ВВП оказались Литва, Украина и Латвия. Наиболее высокие темпы роста ВВП за период 2008–2014 годов в анализируемых странах приходится на 2011 год. При этом темп роста ВВП Республики Беларусь составил 5,5% в год при среднем темпе роста ВВП в данной группе стран 4,4% в год. В качестве положительной тенденции следует отметить, что в Республике Беларусь в 2008–2014 годах не наблюдалось снижения темпа роста ВВП.

В абсолютном выражении наибольшее значение показателя ВВП на душу населения приходится на Швейцарию, США, Францию и Израиль. Республика Беларусь находится по данному показателю на предпоследнем месте среди рассматриваемой группы стран (последнее место в данной выборке у Украины). В то же время устойчивая тенденция роста ВВП на душу населения в Республике Беларусь в долларовом выражении указывает на поступательное повышение уровня развития экономики страны, успешную реализацию мероприятий по социальной поддержке населения.

Анализ динамики производительности труда в разрезе рассмотренных стран проиллюстрирован рисунком 2, из которого видно, что лидером по показателю темпа роста производительности труда за период с 2003 по 2008 год является Республика Беларусь. Однако начиная с 2005 года наблюдается замедление темпов роста производительности труда, что в условиях нарастания негативного влияния мировых экономических проблем привело к ухудшению основных макроэкономических показателей. Особенно сильное снижение данного показателя характерно для экономик малых стран, таких как Израиль, Чешская Республика, Литва, Латвия, а также для экономики в условиях нестабильности политической ситуации (Украина).

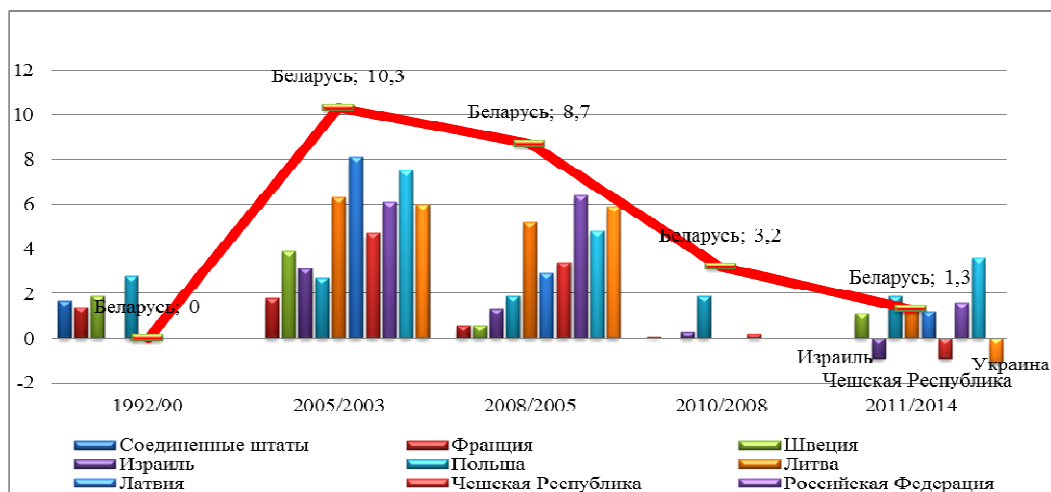

Рисунок 2 – Динамика производительности труда, в % от ВВП

Источник: составлено на основании данных [17, с. 74–76; 18, с. 48–50; 19, с. 54–56; 20–23].

Далее рассмотрим теоретические взгляды к содержанию категории «образование». Так, яркий представитель кембриджской экономической школы *Альфред Маршалл (Alfred Marshall)* обосновал важность обучения для роста производительности труда, возможность развития любой способности в течение жизни, ценной для индивида. Подход ценен для нас выделением квалифицированного ручного труда как узкоспециализированного, а значит несущественного фактора производства. Им названы способности, которыми должна обладать нация для экономического развития страны. Они таковы: умение запоминать одновременно несколько вещей, умение адаптироваться к изменяющимся условиям труда, быть уверенным в себе, обладать навыком точности, умение концентрировать все силы в чрезвычайной обстановке [8, с. 281].

Маршаллом выделено общее и техническое образование. Общее образование способствует применению навыков и умений в бизнесе, деловой жизни. Техническое образование предполагает изучение специальных областей знания, необходимых для конкретных отраслей хозяйства [8, с. 286]. Им также обоснованы выгоды от образования для работника: развитие умственной жизни, целеустремленность и пытливость ума, воспитание научного мышления, а значит укрепление характера. Маршалл справедливо аргументировал становление разумной карьеры работника на предприятии от рабочего до управленца через все уровни управления. Им описана горизонтальная мобильность внутри профессии и вертикальная профессиональная мобильность [8, с. 289–290, 295].

Согласно теоретическому подходу к образованию *Ирвинга Фишера (Irving Fisher)*, образование предполагает работу над личностными и физическими качествами работника в зависимости от выбранной профессии [9, с. 170].

В соответствии с теоретическим подходом *Фрэнка Хайнемана Найта (Frank Knight)*, представителя чикагской экономической школы, в основе разграничения видов деятельности лежит тип и объем знаний. Рабочая сила конкурирует между собой профессиональным мастерством и управленческими способностями, интеллектуальным потенциалом и умением осуществлять контроль, уверенностью в своих суждениях. Отдельно Ф.Х. Найтом подчеркнут навык рабочей силы к прогнозированию [10, с. 257–258].

Согласно теоретическому подходу к образованию *Торстейна Бунде Веблена (Thorstein Bunde Veblen)*, представителя институционализма, выделено эзотерическое знание и экзотерическое знание [24, с. 337]. Примечательно, что эзотерическое знание принято считать бесполезным для экономических и производственных отношений, а экзотерическое, наоборот, знание о привычных производственных процессах, а также знание, необходимое для создания материальных условий жизни.

В свою очередь, *Джон Кеннет Гэлбрейт (John Kenneth Galbraith)* справедливо обосновал необходимость состыковки навыков и умений специалистов с требованиями техники, оборудования, а также обосновал важность организации труда. Сделал вывод о необходимости высокого уровня образования рабочей силы для технотехнологии [11, с. 68, 257–258].

Рональд Гарри Коуз (Ronald Harry Coase), представитель новой институциональной теории, обосновал возможность получения дохода от использования лучшего знания или способности суждения с учетом заключенных договоров с производителями [25, с. 52].

Согласно теоретическому подходу к образованию *Оливера Уильямсона (Oliver E. Williamson)*, познавательные способности рабочей силы служат стимулом к исследованию экономических институтов. Он справедливо выделил категорию транзакционно-специфических инвестиций в человеческий капитал, которые предполагают специализированные тренинг и обучение на рабочем месте при производственных операциях. Определил соответствие способностей рабочей силы назначенному заданию как важное

условие реализации таланта [12, с. 95, 119, 359]. Теоретический подход О. Уильямсона близок нам в части рассуждений о реализации человеческого капитала, где профессиональные навыки должны быть углублены и специализированы относительно конкретного нанимателя с сохранением экономической ценности навыков и учетом найма (увольнения) [12, с. 386–387]. Важно, что при рассмотрении аллокативной эффективности он поднимает вопрос эффективности размещения ресурсов, а также выдвигает приоритет качеству отработанного времени [12, с. 418].

Теоретический подход к образованию *Дугласа Сесила Норта (Douglass Cecil North)*, представителя неинституционализма, определяет человеческий капитал как – «...объем имеющихся у людей знаний, их убеждения, а также институты, создаваемые ими на основе этих убеждений» [13, с. 79]. Объясняет необходимость вложения ресурсов компаний в развитие навыков и знаний; рассматривает категории специализированных знаний и вспомогательных знаний, а также их разумную интеграцию [14, с. 172–173]. Им справедливо поднята проблема наличия у развитых стран институционально-организационного каркаса (в том числе производственного потенциала), последний создается обобщением знаний [13, с. 236–237].

Норт верно подчеркивает важность обучения рабочей силы в процессе деятельности (*learning by doing*) для того, чтобы организация достигла результата к назначенному времени [14, с. 20]. В качестве немаловажных способностей рабочей силы для «работы на результат» Д. Норт актуализируются склонность к интенсивному труду и высокая производственная мораль [14, с. 90].

Подход Д. Норта к образованию ценен для нас выделением неформального, неявного знания (*tacit knowledge*) и знаний, накапливаемых рабочей силой в процессе деятельности, например, навык координации, предпринимательский навык [14, с. 99–100].

Данный подход важен выделением изменения спроса на навыки в зависимости от институциональных изменений, в каждой экономической системе общество индивидуально промотивировано на получение знаний. Отмечено, что прикладное знание выступает важным фактором развития чистого знания. Справедливо показана роль инвестиций в знания, увеличивающие производительность физического, человеческого капитала, а также повышающие уровень подготовки предпринимателя и, как следствие, способствующие экономическому росту страны [14, с. 103]. Например, в США В XIX веке осознание вознаграждения от роста знаний и образования способствовало расширению общественных и частных инвестиций в формальное образование, обучение на рабочих местах и прикладные исследования в сельском хозяйстве и промышленности [14, с. 104–105].

Кроме того, Д. Норт обоснованы рациональность вложения инвестиций в начальное образование, причем большинство стран придерживаются политики вложения государственных средств в сферу начального образования с целью получения социальной нормы прибыли. Важно и понимание Д. Норт, «... в какой степени общество и экономика поощряют эксперименты и инновации, которые мы могли бы назвать адаптивно эффективными» [14, с. 10, 106].

Динамика государственных расходов на образование в разрезе таких стран, как: Республика Беларусь, Чешская Республика, Франция, Израиль, Казахстан, Польша, Литва, Латвия, Российская Федерация, Украина, Швеция, США, проанализирована и проиллюстрирована на рисунке 3.

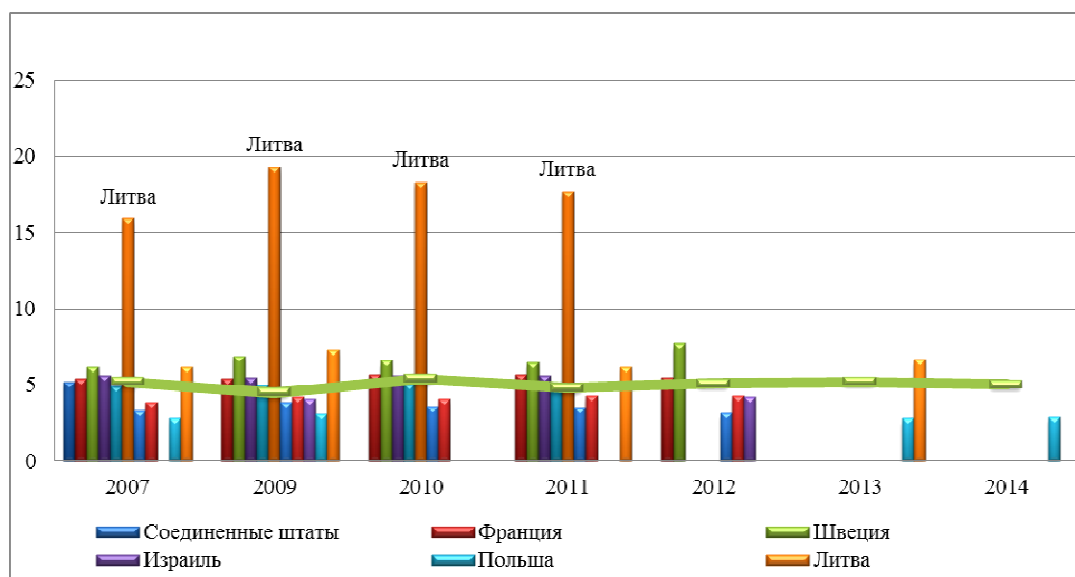

Рисунок 3 – Динамика государственных расходов на образование, в % от ВВП

Источник: составлено на основании данных [26].

Анализ рисунка 3 показал, что в представленной группе стран доля государственных расходов на образование колеблется от 2,8% (Казахстан в 2007 г.) до 19,3% (Литва в 2009 г.). Наибольшую долю указанные расходы составляют в Литве, наименьшие – в Казахстане. Уровень расходов на образование в Республике Беларусь существенно не изменяется и находится на уровне около 5% ВВП, что незначительно отличается от доли расходов на образование в США, Польше, Франции и Израиле. В то же время вложения в образование детей, молодежи и взрослых не привели в достаточной степени к росту макроэкономических показателей и не позволили сохранить их значения на прежнем уровне: темпы роста ВВП снизились в 6,4 раза, производительность труда (в процентах от ВВП) снизилась почти в 8 раз. Все это указывает на важность выявления факторов роста производительности труда и инструментов для ее достижения.

Заключение. В результате проведенного исследования систематизированы основные факторы и обобщены инструменты роста производительности труда. Они таковы:

- формирование способностей работником, таланта и предварительная работа над собой;
- изготовление средств производства и товаров долгосрочного пользования для стимулирования экономического роста;
- разделение труда, где особое внимание отводится такому качеству рабочей силы, как «физическая ловкость»;
- учет разнородного вклада рабочей силой в производство продукта;
- разумное использование производственного капитала: предприятий, оборудования, сборочных линий, энергии, инструментов, вычислительных машин, а также разумное управление им со стороны специалистов;
- добросовестное исполнение, достойное, заслуживающее одобрения поведение рабочей силы;
- факторы, связанные с процессом организации самого производства и с технологией: экономия времени на координации труда, специализация труда, реакция со стороны нанимателя по заключению контрактных отношений на агрегированные запросы рабочей силы.

Кроме того, исследованы причинно-следственные отношения между механизмами достижения производительного труда и установлением уровня заработной платы. Выявлено, что зачастую мотивацией к труду может выступать не столько стремление к зажиточности посредством высоких заработков, сколько требования, продиктованные положением и статусом работника. Отмечено, что уровень заработной платы должен учитывать особый талант и способности работника, а также тяжесть самого труда, а уровень вознаграждения работников должен устанавливаться пропорционально эффективности их труда.

Сделан вывод о том, что количественно уровень совокупной заработной платы детерминирован размером единицы заработной платы и объемом занятости в отрасли. Отмечено, что имеет место дифференциация уровня заработной платы, и в этой системе представлены: цена простого труда; цена квалифицированного труда (с учетом ренты с таланта); цена непривлекательного труда, в цене которого учитывается экономическая выгода, покрывающая неприятные ощущения при труде. Установлена причинно-следственная связь между предложением труда, спросом на труд и желанием родителей обучать детей более выгодным профессиям в ожидании высокого вознаграждения. Исследователями обоснована необходимость дополнительных затрат на оплату труда за дополнительный труд.

Проведенный анализ теоретических подходов к образованию показал актуальность получения образования для экономического развития общества, позволил систематизировать навыки и способности, способствующие производительному труду, и, наконец, четко указал на необходимость стыковки знаний, умений, навыков с назначенными заданиями, технологией.

На важность образованной нации, на наш взгляд, указывают следующие теоретические *выводы*:

- во-первых, обобщение знаний позволяет обществу формировать институционально-организационный каркас, в том числе производственный потенциал;
- во-вторых, знания необходимы для того, чтобы организация достигла результата к назначенному времени;
- в-третьих, прикладное знание выступает важным фактором развития чистого знания в экономической системе;
- в-четвертых, актуальна возможность получения дохода от использования лучшего знания или способности суждения с учетом заключенных договоров с производителями.

Отмечено, что общество в разные времена предъявляло и предъявляет к рабочей силе актуальные требования. Для нашего подхода ценны следующие систематизированные и обобщенные навыки и умения, которыми должна обладать рабочая сила:

- умение запоминать одновременно несколько вещей;
- умение адаптироваться к изменяющимся условиям труда;
- обладание уверенностью в себе и уверенностью в своих суждениях;

- обладание навыком точности;
- умение собирать все силы в чрезвычайной обстановке;
- развитие умственной жизни (образование через всю жизнь);
- целеустремленность и пытливость ума;
- воспитание научного мышления;
- профессиональное мастерство и управленческие способности;
- развитие интеллектуального потенциала;
- навык к прогнозированию;
- навык координации;
- предпринимательский навык;
- склонность к интенсивному труду;
- обладание высокой производственной моралью.

В своем исследовании причинно-следственных связей между достижением производительного труда, установлением уровня заработной платы, а также уровнем образования рабочей силы мы опираемся на теоретико-методологические подходы Оливера Уильямсона (Oliver E. Williamson), Джона Кеннета Гэлбрейта (John Kenneth Galbraith), в которых актуализированы: состыковка навыков и умений специалистов с техническими параметрами рабочих мест, с оборудованием, отмечается важность самой организации труда; соответствие способностей рабочей силы назначенному заданию как важное условие реализации таланта; углубление и специализация профессиональных навыков относительно конкретного нанимателя с сохранением экономической ценности навыков, с учетом найма или увольнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Государственной программы содействия занятости населения Республики Беларусь на 2015 год: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 7 февр. 2015 г. № 77 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 13.02.2015, 5/40106 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mintrud.gov.by/ru/min_progs. – Дата доступа: 27.02.2016.
2. Кенэ, Ф. Избранные экономические сочинения / Ф. Кенэ; пер. А.В. Горбунова, Ф.Р. Каплан, Л.А. Фейгиной. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. – 517 с.
3. Петти, У. Экономические и статистические работы / Уильям Петти; пер. под ред. М. Смита. – М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1940. – 368 с.
4. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит; [пер с англ; предисл. В.С. Афанасьева]. – М.: Эксмо, 2009. – 960 с.
5. Маркс, К. Критика политической экономии. Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1983. – 3883 с.
6. Keynes, John Maynard. The General Theory of Employment, Interest, and Money: ISN / John Maynard Keynes. – 190 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://etext.library.adelaide.edu.au/k/keynes/john_maynard/k44g/k44g.html. – Дата доступа: 19.01.2016.
7. Менгер, К. Избранные работы / Карл Менгер. – М.: Изд. Дом «Территория будущего», 2005. – 496 с.
8. Маршалл, А. Принципы политэкономии: в 3-х т. Т. 1 / А. Маршалл; пер. Р.И. Столпера. – М.: Изд-во Прогресс, 1983. – 415 с.
9. Fisher, Irving. The nature of capital and income / Irving Fisher; Yale University. – New Yourk: The Macmillan company; London, 1906. – 407 с.
10. Найт, Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль: пер. с англ. / Ф.Х. Найт. – М.: Дело, 2003. – 360 с.
11. Гэлбрейт, Дж. Экономические теории и цели общества / Дж. Гэлбрейт; пер. с англ. Н.И. Иноземцева, и чл.-кор. АН СССР А.Г. Милейковского. – М.: Прогресс, 1979. – 390 с.
12. Уильямсон, Оливер И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция / Оливер И. Уильямсон; науч. ред. В.С. Катыкало / пер. с англ. Ю.Е. Благова, В.С. Катыкало. – СПб.: Лениздат, CEV Press, 1996. – 702 с.
13. Понимание процесса экономических изменений [Текст] / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана; Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. – 256 с.
14. Дуглас, Н. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Норт Дуглас; пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
15. ВВП на душу населения в текущих долл. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>. – Дата доступа: 27.02.2016.

16. Темп роста ВВП, % в год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.KD.ZG?page=1&order=wbapi_data_value_1991%20wbapi_data_value%20wbapi_data_value-first&sort. – Дата доступа: 27.02.2016.
17. World Development Indicators, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators/wdi-2010>. – Дата доступа: 27.02.2016.
18. World Development Indicators, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators/wdi-2011>. – Дата доступа: 27.02.2016.
19. World Development Indicators, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators/wdi-2012>. – Дата доступа: 27.02.2016.
20. Decent work and productive employment. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wdi.worldbank.org/table/2.4>. – Дата доступа: 27.02.2016.
21. World development indicators, 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators/wdi-2014>. – Дата доступа: 27.02.2016.
22. World development indicators, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators/wdi-2015>. – Дата доступа: 27.02.2016.
23. World development indicators, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators/wdi-2013>. – Дата доступа: 29.06.2016.
24. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен; [пер с англ., вступ. ст. С.Г. Сорокиной]; общ ред. В.В. Мотылева. – М.: Изд-во «Прогресс», 1984. – 367 с.
25. Коуз, Р. Фирма, рынок и право: пер. с англ. / Р. Коуз. – М.: Новое изд-во, 2007. – 224 с.
26. Государственные расходы на образование в % от ВВП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=education-statistics--all-indicators&preview=on>. – Дата доступа: 27.02.2016.

Поступила 02.03.2016

**THEORETICAL ANALYSIS OF THE CAUSES
AND EFFECT RELATIONSHIP BETWEEN THE MECHANISMS
TO ACHIEVE PRODUCTIVITY, THE PAY LEVEL AND SKILLS LABOUR FORCE**

I. ZIANKOVA

Systematized the main factors of productivity growth and summarizes the tools to achieve it. The factors associated with the process of the organization of production and technology. They are: time saving on labor coordination, specialization of labor, the reaction on the part of the employer to conclude a contractual relationship on the aggregated queries workforce. Identified skills that should have workforce. They are: the ability to store multiple things, the development of intellectual potential and skill to forecasting, coordination skills, entrepreneurial skills, possession of high production ethics. It is noted that for the study of the causal relationships between the mechanism for achieving productive labor, the establishment of the level of wages, the level of education of labor it is advisable to rely on the theoretical and methodological approaches Oliver E. Williamson, John Kenneth Galbraith

Keywords: *labour productivity growth factors, skills and labor force wage levels, production morale labor participation coefficient.*

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 001.895:338.45

ИННОВАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ: СЕКТОРАЛЬНЫЙ ПОДХОД КАК УСЛОВИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

д-р экон. наук, проф. Н.И. БОГДАН; Т.С. КОРЗУН
(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

Рассматривается концепция инновационной системы с позиции формирования современной промышленной политики. Изложена сущность секторального подхода к формированию инновационной системы, отмечены его особенности. Сделан вывод, что каждая инновационная система по своей природе динамична, поэтому и разрабатываемая политика всегда будет носить адаптивный и экспериментальный характер. Представлены элементы инновационной системы, ее участники и институты. Выделены три основных компонента секторальных инновационных систем: агенты (субъекты), знания (информационная база), институты.

Ключевые слова: современная промышленная политика, инновационные системы, элементы инновационных систем, секторальный подход к формированию инновационных систем.

Современная экономика показывает усиление роли промышленной политики для многих развитых и развивающихся стран. Кризис 2008–2009 годов подчеркнул важность реального сектора экономики и сильной промышленности. Европейская Комиссия приняла ряд документов, позволяющих сделать выводы о повышении роли промышленной политики Европейского союза и ее тесной интеграции с инновационной политикой¹. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) рассматривает возрождение промышленной политики, определив ее тесное взаимодействие с развитием инновационной экономики².

Промышленная деятельность интегрирована во все более сложные цепочки создания стоимости, связывает крупные корпорации, а также малые и средние предприятия в разных секторах и странах. Анализ стратегических документов развитых стран свидетельствует, что современные условия развития промышленности неразрывно связаны с задачами формирования инновационных систем. Как правило, при рассмотрении концепции инновационных систем рассматривают национальный и региональный уровень ее формирования [1; 2]. Отраслевой или секторальный уровень инновационной системы исследован гораздо меньше, однако его роль при реализации современной промышленной политики существенно возрастает.

Цель данной работы – анализ концепции инновационной системы с позиции формирования современной промышленной политики, для чего необходимо рассмотреть:

- сущность категории «инновационная система», ее характеристики;
- элементы инновационной системы, ее участников, институты и связи;
- роль политики в ее формировании;
- особенности секторального подхода к формированию инновационной системы.

Сущность категории «инновационная система». Классические политэкономы в лице А. Смита были хорошо осведомлены о важной роли технологий в экономическом прогрессе, они обычно считали технический прогресс полностью воплощенным в понятии капитала. Это видение оставалось доминирующим вплоть до конца 1950-х годов. Основное течение экономической мысли достижения техники обуславливало изобретательность людей, занятых непосредственно в производственном процессе или непосредственно связанных с ним: «... большая часть машин используется в тех производствах, в которых труд разделен, это изначальное изобретение рабочих» (Смит, 1776, с. 8) [цит.: по 3].

Этот взгляд на технологический прогресс был подвергнут критике со стороны Фридриха Листа, который в 1841 году писал: «Адам Смит просто принял слово капитал в том смысле, в котором это обязательно для понимания рантье или купцов в создании их бухгалтерии и балансов ... Он забыл, что сам он включил в этот термин интеллектуальные и телесные способности производителей. Он ошибочно ут-

¹European Competitiveness Report 2013 “Towards knowledge-driven Reindustrialisation” [Electronic resource]. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enterprise/policies/industrial-competitiveness/competitiveness-analysis/european-competitiveness-report/files/eu-2013-eur-comp-rep_en.pdf.

“Member states Competitiveness Performance and Implementation of EU Industrial Policy” [Electronic resource]. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enterprise/policies/industrial-competitiveness/monitoring-member-states/files/scoreboard-2013_en.pdf.

²Beyond industrial policy: emerging issues and new trends. OECD science, technology and industry (STI) policy papers [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.oecd.org/sti>.

верждал, что доходы нации зависят только от суммы материального капитала» [4, с. 183]. Таким образом, уже в конце XIX века Ф. Лист внес существенный вклад в экономическую теорию, признав роль «системных» взаимоотношений между наукой, технологией и навыками в экономическом росте наций. Для Ф. Листа, накопление знаний являлось важным фактором экономического роста. Признание Ф. Листом взаимозависимости материальных и нематериальных инвестиций имеет абсолютно современный подход. Он был, наверное, первым экономистом, утверждающим, что промышленность должна быть привязана к формальным институтам науки и образования. Именно его позиция заложила основу современной концепции национальных инновационных систем [5–7].

Принципы формирования инновационных систем, значение «системных» взаимодействий между различными компонентами изобретений, исследований, технического прогресса, обучения и инноваций были в дальнейшем развиты современными исследователями национальных инновационных систем Фриманом (1987), Лундваллом (1992) и Нельсоном (1993). Следует особо подчеркнуть, что концепция инновационных систем ставит на передний план роль государства как координирующего агента, при этом явно признает необходимость комплементарной политики, которая обращает внимание на слабые места в системе, подчеркивая национальное регулирование большинства институтов.

Центральной идеей в современной теории инновационных систем является понимание того, что появление инновации в действительности есть результат интерактивного процесса, в котором участвуют многие субъекты на микроуровне, и что вместе с рыночными силами множество этих взаимодействий регулируется нерыночными институтами. Эффективность этого процесса, наблюдаемая на макроуровне, зависит от поведения отдельных лиц и организаций, регулирования их взаимодействия, координации возникающих проблем. Исследователи эволюционной экономической теории (например, Нельсон и Винтер (1982) и Меткалф (1988)) стали сильнейшими сторонниками концепции инновационных систем. В их представлениях система инноваций – это непрерывный процесс, в котором неформальные институты (обычай и традиции), процессы обучения и сети играют центральную роль в генерировании инноваций и технологических изменениях.

Существует множество различных определений национальной инновационной системы (НИС). Кристофер Фриман считает, что «НИС – это сеть институтов в государственном и частном секторах, чья деятельность и взаимодействие иницируют, импортируют, модифицируют и распространяют новые технологии» [6, с. 1]. Концептуальный подход Лундвалла к НИС включает «все части и аспекты экономической структуры и институциональной системы, влияющие на обучение, а также поиск и научные исследования» [7, с. 12]. Нельсон отмечает, что инновационная система – это «набор институтов, чье взаимодействие определяет инновационную производительность национальных фирм», наиболее важными институтами являются те, которые поддерживают НИОКР [8, с. 4]. Меткалф утверждает, что НИС – это набор институтов, которые вносят вклад в развитие и распространение новых технологий и обеспечивают рамки, в которых правительства формируют и реализуют влияние политики на инновационный процесс [9]. Эти определения показывают различные мнения о важности институтов и взаимодействиях участников, координирующей роли правительства в поддержании системы в рабочем состоянии и необходимости обеспечения исторического похода, но эти определения не обеспечивают единой точки зрения для развития инновационных систем.

Элементы инновационной системы, ее участники и институты. С нашей точки зрения, для понимания процесса формирования инновационной системы важно выделить *участников*, различать *уровни инноваций* и определить роль *нерыночных институтов* в системе. *Участники* инновационной деятельности определяются видами деятельности субъектов, входящих в систему, которая стимулирует инновации. Мы согласны с позицией Лундвалла, который подчеркивает различия между «обучением» и «поиском и исследованиями». Обучение представлено результатом рутинной деятельности, такой как производство, маркетинг и потребление. Эта деятельность дает опыт и идеи, которые приводят к новым знаниям и инновациям. Роль обучения в таком понимании согласуется с идеей практического обучения [10]. Обучение является отдельным видом деятельности, который может привести к инновациям; НИОКР выступает в качестве второго источника инноваций. Это касается как корпоративных НИОКР, анализа рынка (поиск), так и академических (исследования).

Уровни инноваций могут быть разными, в частности различают инкрементальные инновации (увеличивающиеся постепенно, усовершенствования) и радикальные инновации (резкие изменения). Инкрементальные инновации возникают в результате постоянного обучения и поиска фирм. Значимым аспектом этого процесса является обратная связь между различными участниками, так как каждая инкрементальная инновация – это частично реакция на предыдущие инновации и реакция других специалистов, работающих в «системе».

В концепции инновационных систем также важен фактор *нерыночных институтов*. Он проявляется через взаимодействие «потребитель – производитель» и связан с обменом информацией между пользователями и производителями. Хотя совершенно очевидны рыночные отношения между этими субъектами, идея здесь заключается в том, что обмен информацией о производстве и потреблении товаров или услуг выходит за рамки рыночных отношений. Продуманная связь с пользователями помогает производителям

адаптировать свою продукцию к требованиям заказчика и внести инновации. Другим проявлением нерыночных факторов являются неформальные институты. Институты понимаются как «закономерности поведения», что во многом определено исторически, а также имеют тесную связь с культурой [11]. Такие институты снижают неопределенность и волатильность и обеспечивают стабильность для людей, задействованных в системе. Важнейшую роль здесь играет социальный капитал общества, умение договариваться, доверие и сотрудничество. Таким образом, для понимания развития инновационных систем считаем необходимым реализовать «широкий подход к концепции инновационных систем». Актуальность этой позиции подчеркивается и современными данными об источниках инноваций. Значимость отдельных источников информации показана на рисунке 1.

Рисунок 1 – Удельный вес организаций, оценивших отдельные источники информации как основные в общем числе организаций, осуществлявших технологические инновации, 2013 год (см. также с. 14)

Источник: [12].

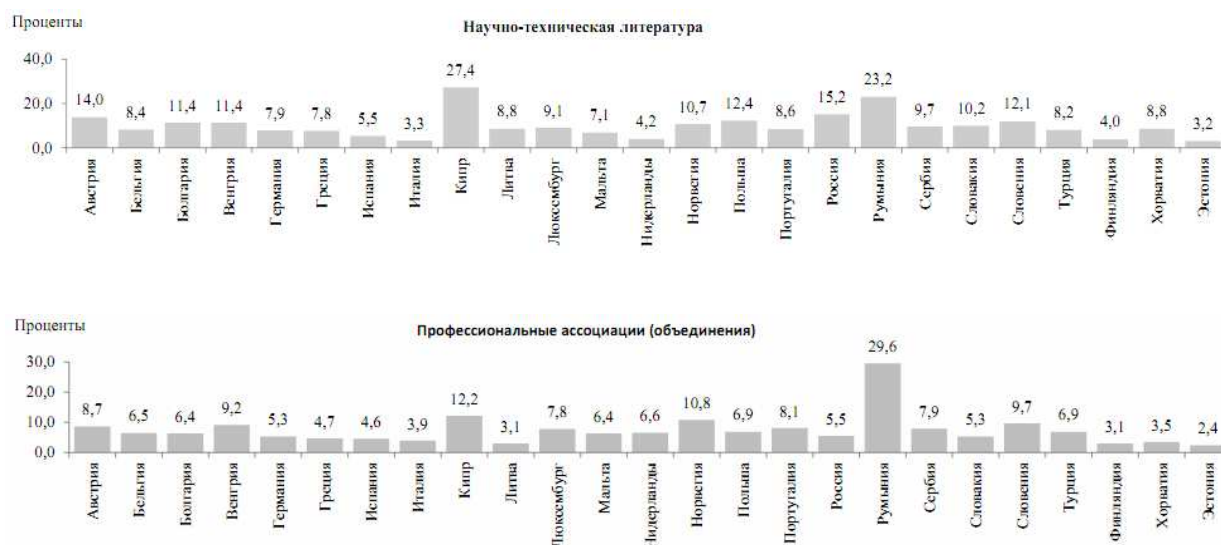
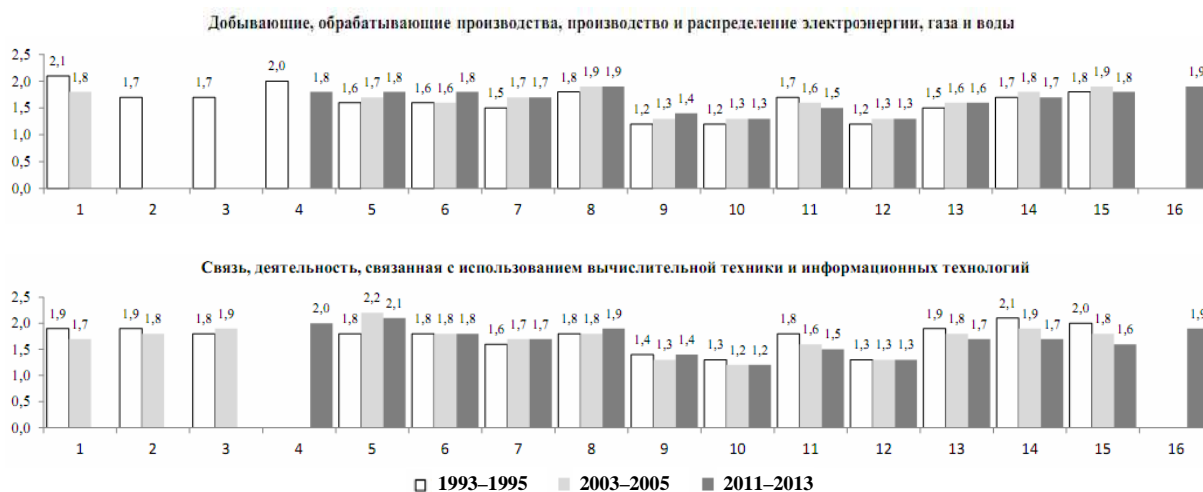

Рисунок 1 – Окончание

Европейские данные свидетельствуют, что многие фирмы в инновационном развитии опираются не только и не столько на научные исследования, но и на распространение опыта, приобретение оборудования, обучение кадров. Как видно на рисунке 1, в большинстве европейских стран организации, осуществляющие технологические инновации, отмечают высокую роль информации, полученной от предприятий, входящих в состав их группы (ассоциации, кластеры и т.п.). На современном этапе к источникам информации для осуществления технологических инноваций помимо науки можно также отнести поставщиков оборудования и комплектующих, конкурентов, консалтинговые и информационные фирмы, высшие учебные заведения и профессиональные объединения. Диверсификация источников инноваций характерна для современной *открытой модели инновационного процесса*.

Как показывают опросы российских организаций промышленного производства и сферы услуг, значимость источников информации для технологических инноваций незначительно отличается по сферам экономической деятельности, однако она изменяется с течением времени (рис. 2).

Внутренние источники: 1 – научно-исследовательские; 2 – производственные; 3 – маркетинговые подразделения; 4 – внутренние источники организации; 5 – организации в составе группы, в которую входит организация.
Рыночные источники: 6 – поставщики оборудования, материалов, комплектующих, программных средств; 7 – конкуренты в отрасли; 8 – потребители товаров, работ, услуг; 9 – консалтинговые, информационные формы.
Институциональные источники: 10 – академического; 11 – отраслевого профиля; 12 – университеты, другие высшие учебные заведения.
Общедоступная информация: 13 – конференции, семинары, симпозиумы; 14 – научно-техническая литература; 15 – выставки, ярмарки, другие рекламные средства; 16 – Интернет

Рисунок 2 – Рейтинг источников информации для технологических инноваций

Источник: [12].

Роль внутренних источников, таких как научно-исследовательские, производственные и маркетинговые подразделения предприятий, была существенной на протяжении 1990-х годов и до 2005 года. Но уже в 2011–2013 годах они перестали практически использоваться как источники информации об инновациях. Это, возможно, связано с тем, что затраты на получение информации подобным образом превышают финансовый результат внедрения инноваций. Снижается роль и общедоступных источников информации (конференции, семинары, симпозиумы, научно-техническая литература, выставки, ярмарки, другие рекламные средства) при достаточно высоком уровне значимости сети Интернет. Прочное место в течение длительного периода занимают рыночные источники информации, такие как потребители товаров и услуг, поставщики оборудования, материалов и комплектующих, а также конкуренты в отрасли.

Динамический характер системы требует непрерывного обучения в целях адаптации к возникающим проблемам. Процесс обучения включает в себя новые знания, новые комбинации или представление знаний новому человеку. Основной акцент должен быть сделан на интерактивное обучение, обеспечивающее связь между теорией инновационных систем и концепциями, системами управления человеческими ресурсами (институтами рынка труда, кадровыми ресурсами, системой образования и переподготовки кадров) [13]. Другим важным фактором, требующим широкого подхода к концепции инновационных систем во взаимосвязи с промышленной политикой, является учет *взаимодействий* в процессе инновационной деятельности. Вероятность «системных сбоев», другими словами, низкой результативности инновационной деятельности из-за отсутствия координации между частями системы – основная причина слабой эффективности инновационной политики.

Роль политики в формировании инновационной системы. Основной смысл концепции инновационных систем с точки зрения политики заключается в том, что она обеспечивает гораздо более широкую основу для политики по сравнению с традиционным подходом, когда необходимость политики основана на концепции «рыночных провалов». При обосновании вмешательства государства и формировании инновационной политики с позиции «рыночных провалов» все меры политики должны быть обоснованы с точки зрения идентификации некоторых форм нарушения рынка и аргументами, которые объясняют, каким образом политика может приблизить систему к своему оптимальному состоянию. Однако, как показывает практика, «провалы правительства» могут быть более серьезными, чем «провалы рынка».

В инновационной системе рынки не играют первостепенной роли для формирования ее оптимального состояния. Как правило, нерыночные институты являются важной составляющей в макрорезультатах инновационной деятельности (экономический рост, конкурентоспособность). Из-за разнообразия институтов, влияющих на инновации, и в связи с многомерной природой инноваций концепция инновационных систем не ставит достижение оптимального состояния системы в качестве цели политики. Инновационная политика, как и инновации, находится перманентно в динамическом состоянии.

Широкое понимание политики имеет два основных последствия для реальных политических мер: *во-первых*, это более широкое обоснование применения инструментов политики по сравнению с политикой, основанной «на провалах рынка». Например, такой инструмент, как субсидии на НИОКР в политике, основанной на провалах рынка, базируется на отсутствии стимулов у бизнеса проводить научные исследования, и субсидии имеют цель снизить расходы бизнеса и таким образом довести инвестиции до уровня, где социальные издержки равны социальным льготам. В соответствии с системным подходом субсидии служат более общей цели, которая состоит в оказании влияния на абсорбционную способность фирм [14; 15]; *во-вторых*, правительство или орган, регулирующий политику, является частью системы с ее собственными целями и задачами, которые являются эндогенными. Как участники системы, директивные органы не способны создать систему, действуя «сверху вниз». В политике, основанной на рыночных провалах, эта ситуация характеризуется как «политический провал», то есть невозможность достичь наилучшего благосостояния таким способом принятия решений. С позиции формирования системы политика всегда носит адаптивный характер. Инструменты политики во многих случаях специфичны для системы, для которой они были разработаны и, скорее всего, будут неэффективными в других условиях. Их сила кроется в косвенных эффектах, которые они имеют в рамках всей системы, но такие последствия трудно точно предсказать, и поэтому политика носит экспериментальный характер [15].

Набор инструментов политики для формирования инновационной системы включает все меры, которые традиционно используются в области научной и технологической политики, а также включают инструментариум политики в области обучения. Кроме того, промышленная политика и региональная политика также являются важными составляющими для политических мер, направленных на формирование инновационной системы.

Анализ показывает, что национальные инновационные системы разных стран значительно отличаются, что связано с их историческими условиями и направлениями специализации. Для стран дого-

няющего развития необходимо определить, какие элементы инновационной системы могут быть подвержены инерции, для того, чтобы эти недостатки могли быть устранены.

В литературе по развитию инновационных систем появился термин «динамическая коэволюция (coevolution) знаний, инноваций, организаций и институтов» [3; 17]. С системной точки зрения это слабейшее звено, которое становится наиболее важным для экономического роста и развития и, следовательно, для вмешательства на уровне политики. В этом контексте Моисей Абрамовиц (1986) ввел понятие «технологическая согласованность и социальная возможность», что формирует «абсорбционный потенциал» отстающих стран [17]. Концепция технологической согласованности основана на учете факторов, обеспечивающих совместимость характеристик стран-лидеров и стран-последователей, например, по размерам рынка и ресурсным возможностям. Понятие «социальная возможность» определяет условия, по которым отстающие страны имели необходимый потенциал, обеспечивающий качество образования, инфраструктуру, НИОКР, услуги. В качестве примера М. Абрамовиц приводит Европейскую экономическую интеграцию, которая способствовала созданию более крупных и более однородных рынков в Европе и, следовательно, передаче масштабно-интенсивных технологий, изначально разработанных в условиях США. В аналогичном ключе неспособность многих развивающихся стран использовать те же возможности обычно объясняется отсутствием технологической согласованности и отсутствием социальных возможностей (например, слабость финансовой системы, слишком низкий уровень или неравномерное распределение образования).

Исследователи выделяют четыре фактора политики, которые в современных условиях жизненно важны для функционирования национальной инновационной системы [3]:

- в первую очередь, это *инвестиции страны в социальный и человеческий капитал*;
- вторым фактором является *исследовательский потенциал* страны (или региона) и пути его тесного взаимодействия с системой высшего образования. В большинстве моделей современного экономического роста эти составляющие – высшее образование и научные исследования – сформировали необходимые «динамические эффекты», или «дрожжевые» эффекты (Харбергер, 1998), заложенные в понятии технологических изменений [18–20]. Накопленные знания и человеческий капитал действуют как «дрожжи», что позволяет увеличить производительность труда и обеспечить экономический рост;
- третья составляющая – *географическая близость*. Кластеры в промышленной деятельности формируются на основе тесного взаимодействия между поставщиками и потребителями, при наличии сетей между фирмами, а также между государственными и частными участниками инновационной деятельности и представляют наиболее гибкую и динамичную организационную структуру. Формирование сетей может позволить освоить интенсивные потоки информации, сформировать взаимное обучение и создать эффект масштаба среди фирм, научно-образовательных учреждений, учебных заведений и др.;
- четвертый фактор связан с *факторами спроса*, влияющими на восприятие инноваций и, следовательно, ожидаемую доходность инноватора. Потребители, в более широком смысле – граждане, могут быть более приспособлены для новых товаров, идей, что стимулирует их быстрое распространение, или очень консервативны и подозрительны. Эти факторы и формируют основные направления инновационной политики.

Особенности секторального подхода к формированию инновационной системы. Исследования, основанные на понятии национальной инновационной системы, дают основу для разработки технологической и промышленной политики. Однако концентрируясь на факторах макроуровня, они не способны принимать во внимание факторы, специфичные для сектора или отрасли экономики.

Основу секторального подхода к формированию инновационной системы составляет положение о том, что изменения в инновациях и технологиях происходят с разной скоростью и в разных направлениях в зависимости от сектора.

Понятие «секторальная система инноваций и производства» (sectoral system of innovation and production) или «секторальная инновационная система» сформулировано и впервые представлено в 1997 году профессорами Ф. Малерба и С. Бреши в работе «Отраслевые системы инноваций: технологические режимы, шумпетерианская динамика и пространственные границы» [21].

Секторальная инновационная система представляет собой «множество разнородных агентов, осуществляющих рыночные и нерыночные взаимодействия для создания, внедрения и использования (новых и существующих) технологий с целью создания, производства и продажи (новой и существующей) однородной продукции («секторальной продукции») [22, с. 4].

Исходя из определения, можно выделить три основных компонента секторальных инновационных систем: агенты (субъекты); знания (информационная база); институты. Сектора (отрасли) отличаются базой знаний, субъектами инновационных процессов и, наоборот, компании с аналогичными производственными процессами, использующие схожие базы знаний и встроенные в одну институциональную

среду, имеют общие поведенческие и организационные черты и разрабатывают одинаковые модели обучения и формы организации [23].

1. *Агентами* являются физические лица и организации на различных уровнях агрегации, которые взаимодействуют через процессы общения, обмена, сотрудничества, конкуренции. Агентами могут выступать как предприятия (производители и поставщики), так и непромышленные организации (университеты, финансовые и государственные учреждения), а также подразделения крупных организаций (например, исследовательские или производственные подразделения) или группы предприятий (ассоциации). Агенты характеризуются специфическими процессами обучения, компетенциями, убеждениями, целями, организационной структурой и поведением, которые взаимодействуют через процессы коммуникаций, обмена, сотрудничества, конкуренции и управления. Компании в секторе имеют некоторые общие черты, и в то же время неоднородны. В рамках секторальных систем агенты взаимосвязаны разными рыночными и нерыночными отношениями.

2. *Знания* играют ключевую роль в инновационных процессах и значительно различаются в зависимости от компании. Знания не распространяются свободно и автоматически между компаниями, а должны поглощаться за счет способностей организаций к дифференциации и диверсификации, которые накапливаются в процессе функционирования. Фундаментальная наука формирует новые знания, позволяющие создавать базовые технологии. В процессе трансфера фундаментальных знаний проводится ряд прикладных исследований, которые приводят к созданию технологий, определяющих производственные границы сектора, специфичную теоретическую и методологическую базу. Источниками знаний выступают как субъекты сектора, так и субъекты внешней среды (правительство, другие сектора (отрасли), потребители). Знания в различных секторах отличаются в терминах предметных областей и могут иметь различные степени доступности. Кроме того, источники технологических возможностей заметно отличаются в различных секторах. Накопление знаний и технологий происходит в рамках социальной системы, поэтому границы секторальных систем не являются статичными.

3. *Действия и взаимосвязи субъектов* формируются институтами, которые определяют нормы, процедуры, правила, законы, стандарты и т.п. Институты могут варьироваться: одни оказывают влияние на субъекты инновационной системы или регулируют их взаимоотношения, другие создаются в результате взаимодействия между субъектами (например, контрактные отношения). Институты могут носить обязательный (формальный) или рекомендательный характер (неформальный). Институты могут быть национальными (например, патентная система) или специфическими для конкретного сектора (например, отраслевые рынки труда или специфические финансовые учреждения). Институциональная структура инновационной системы создается как государством, так и субъектами системы.

Важной составляющей концепции секторальной инновационной системы является взаимодействие между секторальными системами и НИС. Секторальные системы имеют свои особенности в плане технологий, спроса, знаний, фирм, сетей, институтов и динамики. Различия между разными такими системами могут быть значительными. Однако все секторальные системы зависят от национальных условий, таких как: национальная финансовая система, образование, рынок труда, права интеллектуальной собственности и т.д. Кроме того, функциональная структура секторальной инновационной системы отражает функции национальной инновационной системы только с учетом специфики сектора.

Применительно к отраслевому уровню следует отметить, что основной целью управления развития НИОКР в отраслевой системе должно быть *развитие инновационного потенциала отрасли в целом, а не субсидирование отдельных предприятий*. Необходимость кооперации в процессе исследований и разработок актуальна для отраслей, в которых проведение НИОКР требует значительных финансовых и материальных ресурсов и реализуется в течение длительного срока. Для компаний основными причинами кооперации служат поддержка существующих процессов и создание базиса для стратегических решений в новых областях, так как накопленные знания снижают уровень неопределенности. Для университетов такое партнерство дает лучшее понимание ключевых вопросов для бизнеса и направлений использования знаний.

Таким образом, можно выделить следующие особенности секторального подхода к формированию инновационной системы:

- объединение в единое целое «продукции сектора» с технологиями, на которых она производится, с базой знаний, которая является источником и основой конкурентоспособности;
- секторальная инновационная система является подсистемой НИС, границы секторов шире, чем в традиционной трактовке (включают не только компании сектора, но и университеты, академические институты и других агентов);
- многомерность, комплексность и динамичность являются основными понятиями (характеристиками) секторальных инновационных систем;
- современная промышленная политика неразрывно связана с формированием секторального уровня инновационной системы страны

Заключение. Подытоживая результаты проведенного исследования, можно сделать вывод, что при рассмотрении категории «инновационная система» важно выделять особенности и свойства, характерные для каждого из ее уровней: национального, регионального, секторального. В зависимости от уровня, для которого разрабатываются меры политики, необходимо определять соответствующие механизмы и инструменты реализации, а также систему показателей оценки эффективности политики.

Каждая инновационная система по своей природе динамична, поэтому и разрабатываемая политика всегда будет носить адаптивный и экспериментальный характер. Набор инструментов политики для формирования инновационной системы очень обширный. Он включает меры научной и технологической политики, политики в области обучения, а также меры региональной и промышленной политики.

Промышленная политика в секторальном разрезе, в самом общем смысле, представляет собой комплекс мероприятий государства, которые направлены на один или несколько секторов, технологий для достижения определенных целей и/или реализации поставленных задач. На практике секторальные подходы могут принимать различные формы, начиная от одного конкретного инструмента для конкретной отрасли или сектора или нескольких инструментов, направленных на повышение производительности отдельного сектора, до нескольких инструментов, ориентированных на несколько секторов одновременно.

Секторальные подходы могут включать налоговые льготы, получение финансирования, бизнес-консультации и т.п. Они могут также включать в себя различные институциональные механизмы, в том числе государственно-частное партнерство, центры компетенции, отраслевые советы и другие формы сотрудничества между правительством и промышленным сектором.

При применении пакета мер следует также принимать во внимание возможность системных эффектов и динамических взаимодействий (например, воздействие на другие отрасли или сектора посредством распространения знаний или других внешних факторов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Нехорошева, Л.Н. Инновационные системы современной экономики / Л.Н. Нехорошева, Н.И. Богдан. – Минск БГЭУ 2003. – 209 с.
2. Научная и инновационная политика. Россия и мир. 2011–2012 / под ред. Н.И. Ивановой, В.В. Иванова. – М.: Наука, 2013. – 480 с.
3. Soete, L. Systems of Innovation' Working Paper Series 2009-062 / L. Soete, B. Verspagen, B. Weel; United Nations University – Maastricht Economic and social Research and training centre on Innovation and Technology. – 2010.
4. List, F. Das Nationale System der Politischen Ökonomie / F. List. – Basel: Kyklos (translated and published under the title: The National System of Political Economy' by Longmans, Green and Co. – London, 1841.
5. Nelson, R. An Evolutionary Theory of Economic Change / R. Nelson and G.W. Winter. – Cambridge (MA): Harvard University Press, 1982.
6. Freeman, C. Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan / C. Freeman. – London: Pinter, 1987.
7. Lundvall, B.A. National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning / B.A. Lundvall. – London: Pinter, 1992.
8. Nelson, R. National Innovation Systems: A Comparative Analysis / R. Nelson. New York: Oxford University Press, 1993.
9. Metcalfe, S. Technology Systems and Technology Policy in an Evolutionary Framework / S. Metcalfe // Cambridge Journal of Economics. – 1995. – 19. – P. 25–46.
10. Arrow, K.J. The Economic Implications of Learning by Doing / K.J. Arrow // The Review of Economic Studies. – 1962. – 29(3). – P. 155–173.
11. Johnson, B. Institutional learning, in: B.-Å. Lundvall, ed., National Innovation Systems: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning / B. Johnson. – London: Pinter, 1992.
12. Индикаторы инновационной деятельности [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2015/04/07/1096379758/Индикаторы_инновационной_деятельности_2015.pdf.
13. Bercovitz, J. Entrepreneurial Universities and Technology Transfer: A Conceptual Framework for Understanding Knowledge-Based Economic Development / J. Bercovitz, and M. Feldmann // Journal of Technology Transfer. – 2006. – 31(1). – P. 175–188.
14. Bach, L. From Economic Foundations to S&T Policy Tools / L. Bach and M. Matt // Innovation policy in a knowledge-based economy: theory and practice / P. Llenera, M. Matt and M. Avadikya. – Berlin: Springer Verlag. – 2005. – P. 17–46.

15. David, P.A. Heart of Darkness: Public-Private Interactions Inside the R&D Black Box / P.A. David and B.H. Hall // *Research Policy*. – 2000. – 29. – P. 1165–1183.
16. Metcalfe, S. Systems Failure and the Case of Innovation Policy / S. Metcalfe // *Innovation policy in a knowledge-based economy: theory and practice* / P. Llenera, M. Matt, and M. Avadikya. – Berlin: Springer Verlag, 2005.
17. Abramovitz, M. Catching Up, Forging Ahead, and Falling Behind / M. Abramovitz // *Journal of Economic History*. – 1986. – 46. – P. 386–406.
18. Soete, L. Technology Diffusion and the Rate of Technical Change / L. Soete and R. Turner // *Economic Journal*. – 1984). – 94(375). – P. 612–623.
19. Dosi, G. Sources, procedures, and microeconomic effects of innovation / G. Dosi // *Journal of Economic Literature*. – 1988. – 26. – P. 1120–1171.
20. Harberger, A. A vision of the growth process / A. Harberger // *American Economic Review*. – 1998. – Vol. 88(1). – P. 1–32.
21. Breschi, S. Sectoral systems of innovation: technological regimes, Schumpeterian dynamics and spatial boundaries; Edquist C. (ed.), *Systems of innovation* / S. Breschi, F. Malerba. – London: Pinter, 1997.
22. Malerba, F. Sectoral systems of innovation and production / F. Malerba [Electronic resource] // DRUID Conference on: National Innovation Systems, Industrial Dynamics and Innovation Policy, Rebuild, June 9–12, 1999. – Mode of access: http://www.druid.dk/uploads/tx_picturedb/ds1999-69.pdf. – Date of access: 19.02.2016.
23. Malerba, F. Catching up in different sectoral systems: evidence from six industries / F. Malerba, R. Nelson [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: http://umconference.um.edu.my/upload/43-1/papers/198%20FrancoMalerba_RichardNelson.pdf.

Поступила 05.04.2016

INNOVATIVE SYSTEMS: SECTORAL APPROACH AS A CONDITION OF MODERN INDUSTRIAL POLICY

N. BOGDAN, T. KORZUN

The concept of the innovation system from the standpoint of the formation of a modern industrial policy is analyzed. The essence of a sectoral approach to the development of innovation system is presented and its features are marked. It is concluded that each innovation system by its nature is dynamic, and therefore the developed policy will always carry an adaptive and experimental character. The elements of the innovation system, its participants and institutions are presented. Three main components of sectoral innovation systems: agents (actors), knowledge (information base), institutions are given.

Keywords: *modern industrial policy, innovation system, elements of innovation systems, sectoral approach to the formation of innovation systems.*

УДК 314.117-053.9(510)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КИТАЯ

д-р экон. наук, проф. Л.Е. ТИХОНОВА; ПАНЬ ЦЯНЬ
(Белорусский государственный университет, Минск)

Исследуется процесс старения населения в мире и в Китайской Народной Республике. Рассмотрены факторы, влияющие на старение населения как в мировом масштабе, так и в конкретной стране, в частности в Китае. Анализ демографической ситуации этой самой крупной по численности страны мира показал, что численность населения Китая постоянно растет, а демографическая ситуация меняется, с одной стороны, под воздействием мировых процессов демографического перехода к низкой рождаемости и невысокой смертности населения, а с другой – под влиянием принятой государственной политики регулирования демографических процессов в Китае. Сделан вывод, что данная политика привела к перекошу половозрастной структуры населения – возрастная структура населения представляет серьезную проблему, так как общество Китая уже вступило в стадию быстрого старения населения, снижения доли трудоспособного населения и, как следствие, роста нагрузки на трудоспособное население. Показано, что процесс старения населения в разных регионах страны происходит разными темпами.

Ключевые слова: Китай, старение населения, государственная политика, анализ, демографические процессы, возрастная структура населения.

Двадцать первый век принес человечеству большие перемены, в том числе и демографические. Одна из них – неопределимый дар человечеству жить значительно дольше, а это значит, что в мире появляется все больше людей старших возрастных групп. Такой, казалось бы, положительный для человека фактор доставляет много проблем правительствам разных стран. Прежде всего, это связано с социальным обеспечением населения, развитием здравоохранения, пенсионного обеспечения и т.д. Увеличивается нагрузка на трудоспособное население. Иными словами, благо не стареть и жить долго является проблемой в социально-экономической жизни общества: необходимо постоянно увеличивать расходы на содержание пенсионеров, пересматривать пенсионный фонд и пенсионное обеспечение, адаптировать работу здравоохранения, медицинского обслуживания, ухода за престарелыми людьми и т.д.

Изучением данной проблемы занимаются ученые всех стран мира. Не осталась в стороне и самая многонаселенная страна мира – Китайская Народная Республика.

Основная часть

Анализ старения населения в мире. Старение населения характерно для всех развитых стран Северной Америки, Западной, Центральной и Восточной Европы, Центральной Азии и выдвигает задачи, которые решаются на уровне правительства. Необходимо постоянно пересматривать пенсионное обеспечение, размеры пенсионного фонда, адаптировать работу здравоохранения, медицинского обслуживания престарелых людей и т.д. Увеличивается нагрузка на трудоспособное население. Массовое «дожитие» до старости нельзя считать проблемой только богатых стран. Прогнозы, выполненные экспертами ООН, показывают значительное старение населения во всех странах мира (табл. 1).

Таблица 1 – Изменение возрастной структуры мирового населения по среднему варианту прогноза ООН, 2000–2050 годы в %

Возрастные группы	1995 г.	2000 г.	2025 г.	2050 г.
0–4 года	10,7	10,0	7,8	6,6
5–14 лет	20,5	19,7	15,6	13,1
15–24 года	18,1	17,6	15,2	13,2
60 лет и старше	9,6	10,0	15,1	22,1
Женщины в возрасте 15–49 лет (в женском населении)	51,2	51,8	49,2	45,2
Медианный возраст	25,4	26,6	32,7	37,8

Источник: [1].

Как видно из данной таблицы, доля престарелых в мире за период 2000–2050 годов неуклонно будет возрастать.

Известный российский демограф Н.М. Римашевская, анализируя процессы старения населения и исходя из расчетов ООН на период до 2050 года, делает следующие выводы:

- темпы процесса старения населения являются беспрецедентными, не имеющими аналогов в истории человечества. Увеличение доли пожилых людей (в возрасте 64 лет и старше) сопровождается уменьшением доли молодежи (до 15 лет). К 2050 году число престарелых в мире впервые в истории превысит общую численность молодежи. Более того, к 1999 году такое кардинальное изменение соотношения доли стариков и молодежи уже произошло в более развитых регионах;

- процесс старения населения – глобальное явление, воздействующее на все без исключения слои населения. Неуклонное увеличение доли людей старших возрастных групп в составе населения как в абсолютном выражении, так и по отношению к трудоспособным непосредственно сказывается на лежащих в основе любого общества принципах справедливости и солидарности между поколениями и внутри поколений;

- старение населения носит долговременный характер.

В двадцатом веке доля пожилых людей постоянно увеличивалась, и, как ожидается, эта тенденция сохранится и в XXI веке. Так, например, доля пожилых составляла 8% в 1950 году и 10% в 2000 и, по прогнозам, достигнет 22% в 2050 году.

В 1950 году средняя продолжительность жизни в мире составляла 46 лет, в 2050 году она достигнет 76 лет, а медианный возраст увеличится с 25 до 38 лет. В глобальном масштабе число пожилых людей ежегодно увеличивается на 2%, то есть значительно быстрее, чем численность населения в целом; к середине века этот процент возрастет до 2,8 [2, с. 352].

При изучении демографического старения населения следует помнить, что существует два типа старения: *снизу*, что связано со снижением рождаемости; *сверху*, что является результатом увеличения средней продолжительности жизни, снижением смертности именно в старших возрастах в условиях низкой рождаемости, обусловленными успехами мировой медицины и уровнем социального развития разных стран мира. В связи с этим в разных странах мира старение населения протекает по-разному.

Рассмотрим, как происходит старение населения в Китайской Республике.

Основные факторы, влияющие на старение населения Китая. Чтобы разобраться в природе старения населения Китая, исследуются факторы, влияющие на воспроизводство населения данной страны. Закономерности смены типов воспроизводства населения объясняет теория «демографических переходов», которая рассматривает демографическое развитие в связи с крупными историческими этапами развития общества. Из истории демографического развития населения мира известны два основных типа воспроизводства населения и ряд переходных между ними. Патриархальный, или традиционный, тип существовал тысячелетиями, на смену ему пришел так называемый современный. Первому из них свойственны высокая неограниченная рождаемость и высокий уровень смертности, небольшая продолжительность жизни и, следовательно, быстрая смена поколений. Второй тип имеет низкие уровни рождаемости и смертности, большую продолжительность жизни благодаря успехам медицинской науки. Таким образом, «демографическим переходом» называют процесс, в ходе которого на смену высокой рождаемости и смертности приходят низкая рождаемость и смертность. Теория классифицирует стадии этого процесса, предлагает объяснение его причин и создает основу для его анализа по странам мира [3, с. 6–65].

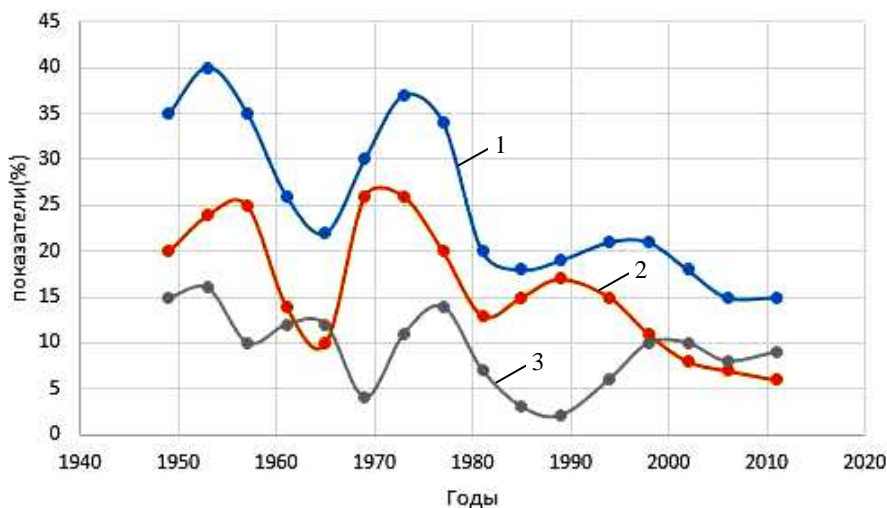
Если говорить в целом о населении Китая, то следует отметить, что процесс изменения воспроизводства страны подчиняется общим законам теории демографического перехода. Начиная с 1949 года, когда была основана Китайская Народная Республика, и до настоящего времени в структуре численности населения Китая происходят значительные изменения в воспроизводстве населения – от этапов демографического взрыва, до спада воспроизводства. Согласно теории демографического перехода эти изменения, как правило, делятся на четыре этапа.

Первый этап приходится на первое десятилетие после освобождения Китая (1949–1958), когда государство получило независимость. В стране прекратились военные столкновения, люди получили доступ к земле и другим производственным ресурсам, стала развиваться промышленность, сельское хозяйство. Быстрое социально-экономическое развитие страны, появление новых медицинских технологий и т.д. способствовало быстрым темпам рождаемости населения, которая в этот период в целом по стране выросла почти на 30%. Вместе с тем для данного периода характерна и высокая смертность населения (с 25 до 10%).

Естественный прирост населения на данном этапе составлял в среднем 20%. Процесс демографического перехода происходил достаточно быстрыми темпами. Это был первый демографический взрыв в Китайской Народной Республике.

Второй этап приходится на 1959–1968 годы, от «трех великих преобразований» (социалистического преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности, частной промышленности и торговли) до начала «культурной революции». Этот период характеризуется природными катаклизмами и общественными потрясениями из-за «Большого скачка» и трехлетнего природного катаклизма, значительная часть людей погибла, смертность выросла до 25%, Начала снижаться рождаемость, в результате чего естественный прирост населения также начал уменьшаться стремительными темпами. Однако

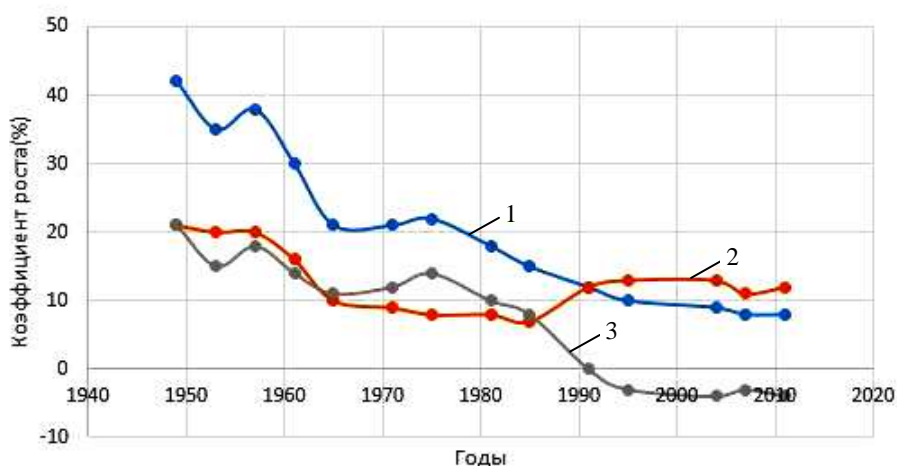
после трех лет стихийных бедствий сельское хозяйство постепенно начало возрождаться, социально-экономическое развитие приходит в норму, численность населения страны снова начала увеличиваться. В течение последующих четырех лет показатель рождаемости вырос почти на 40%, произошел следующий демографический взрыв.

1 – рождаемость населения; 2 – смертность населения; 3 – естественный прирост населения

Рисунок 1 – Процесс демографического перехода в Китае (1949–2011 гг.)

Источник: [4].

1 – рождаемость населения; 2 – смертность населения; 3 – естественный прирост населения

Рисунок 2 – Тенденция демографических изменений в Китае (1949–2011 гг.)

Источник: [5].

Третий этап приходится на следующую десятилетку. Это был период с начала «культурной революции» до начала «политики реформ и открытости». В период культурной революции, ввиду ошибочной критики теории народонаселения Ма Иньчу, уже начавшаяся программа контроля над рождаемостью была свернута, ввиду чего численность населения увеличивалась стремительными темпами, показатели рождаемости начали расти, смертности снижаться, в результате естественный прирост населения увеличивался достаточно высокими темпами. Данное обстоятельство потребовало принятия мер по снижению быстрого роста численности населения страны. Такое требование правительству Китая выдвинуло и мировое сообщество – проводить в стране контроль над рождаемостью. Правительством страны было принято решение контроля рождаемости – «одна семья – один ребенок». Контроль над рождаемостью снизил быстрый прирост населения, но резко изменил возрастную структуру населения. Страна вступила в стадию быстрого старения населения.

Рассмотрим более подробно **возрастную структуру и процесс старения населения Китая.**

Анализ численности и возрастной структуры населения Китая. Начнем анализ численности и возрастной структуры населения Китая с последней – Шестой переписи населения, которая была проведена в 2010 году Национальным бюро статистики Китайской Народной Республики. По данным ее итогов, общая численность населения страны составила 1340 млн человек. При этом численность населения в возрасте 0–14 лет – 16,6%, 15–59 лет – 70,1%, старше 60 лет – 13,3%. Как видим, принятые правительством меры по снижению роста общей численности населения привели в последние годы к резкому снижению как абсолютного прироста, так и темпов роста общей численности населения, что видно из приведенных в таблице 2 данных. При этом, как показал анализ, быстро стала расти численность старших возрастных групп.

Таблица 2 – Численность населения Китая с 2000 по 2014 год, млн чел.

Показатели	2000	2005	2010	2014	Темпы роста %		
					2005 год к 2000	2010 год к 2005	2014 год к 2010
Общая численность населения	1267,43	1307,56	1340,91	1367,82	103,2	102,5	102,0
Население старше 60 лет	71,32	120,56	189,76	212,42	171,4	157,4	112,0

Источник: [6].

Как показывает анализ таблицы 2, численность населения начиная с 2000 года стала сокращаться. В 2005 году ее темп роста составил 3,2% и уже в 2010 снизился до 2,5%. За 4 года, прошедших после последней переписи населения, темпы роста численности еще больше снизились и составили 2%. В то же время численность населения старших возрастных групп соответственно росла с 71,4 до 57,4 и 12%. Это говорит о том, что Китай уже вступил в стадию старения населения. Как показывает анализ, с каждым годом в Китае все больше усугубляется тенденция старения населения и увеличение среднего возраста пожилых людей, что привело к значительным изменениям в социальной структуре. Традиционная форма содержания пожилых сельских жителей на иждивении родственников начала отходить в прошлое, а вопрос старения сельского населения стал серьезной проблемой, которая все больше стала проявляться в стране. В течение нескольких лет в целях осуществления единого планирования социальной политики по отношению к городскому и сельскому населению Партия и правительство по мере постоянного повышения уровня национальной экономики всеми способами старается улучшить уровень системы социального страхования населения, что способствует дальнейшему росту продолжительности жизни населения страны, а следовательно и дальнейшему ее старению.

Таким образом, старение населения связано как с ростом рождаемости, с одной стороны, так и со значительным снижением смертности населения и роста продолжительности жизни – с другой. В результате численность населения страны старших возрастных групп растет более быстрыми темпами, чем численность детей и населения трудоспособного возраста.

Проанализируем более подробно возрастную структуру населения (табл. 3).

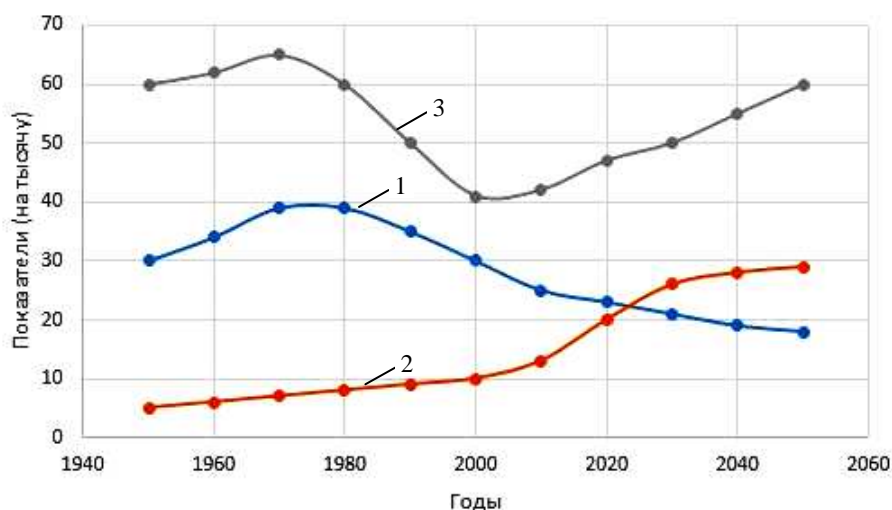
Таблица 3 – Численность и возрастная структура населения Китая за 2000–2014 годы

Год	Общая численность населения, млн чел.	Численность населения по возрастным группам, млн чел.				Доля возрастных групп, %			
		0–14	15–64	65–74	75 и старше	0–14	15–64	65–74	75 и старше
2000	1267,43	290,12	889,10	84,28	3,93	22,89	70,15	6,65	0,31
2005	1307,56	265,04	941,97	95,27	5,28	20,27	72,04	7,29	0,40
2010	1340,91	222,59	999,38	112,42	6,52	16,60	74,53	8,38	0,49
2014	1367,82	225,58	1004,69	132,18	5,37	16,49	73,45	9,66	0,40

Источник: [7].

Как видно из таблицы 3, в период с 2000 по 2014 год на фоне продолжающегося роста населения Китая численность детей в возрасте до 14 лет постепенно начинала снижаться. Что касается населения в трудоспособном возрасте, то их численность пока растет, однако темпы роста в последние годы стали сокращаться. Но численность старших возрастных групп 65 лет и старше с каждым годом, как уже было сказано, быстро увеличивается. В процессе снижения роста численности населения явно просматривает-

ся тенденция старения населения Китая, а также роста коэффициента демографической нагрузки населения Китая (рис. 3). Коэффициент демографической нагрузки – это соотношение численности населения трудоспособного возраста к численности неработающих категорий населения (детей в возрасте от 0 до 14 лет и пожилых людей в возрасте старше 65 лет). С точки зрения экономической теории коэффициент демографической нагрузки выступает в качестве критерия измерения демографической ответственности, его можно разделить на коэффициенты демографической нагрузки по пожилому населению, по детскому населению и в целом по населению.

1 – коэффициент демографической нагрузки за счет населения детского возраста;
2 – коэффициент демографической нагрузки за счет населения пожилого возраста;
3 – общий коэффициент демографической нагрузки

Рисунок 3 – Тенденция изменения демографической нагрузки населения (1950–2050)

Источник: [8].

В процессе демографического перехода в различных странах и районах коэффициент демографической нагрузки населения оказывает значительное влияние на экономический рост, страна показателя также отличается поэтапностью. В первое десятилетие после образования Китайской Народной Республики коэффициент демографической нагрузки за счет детей неуклонно увеличивался, а коэффициент демографической нагрузки за счет населения старше трудоспособного возраста оставался неизменным, при этом первый показатель был гораздо больше второго, что привело к увеличению коэффициента демографической нагрузки за счет общей численности населения и, как следствие, повышению экономической ответственности населения трудоспособного возраста. Начиная с 1966 года в Китае наблюдается тенденция постоянного снижения коэффициента демографической нагрузки за счет населения младше трудоспособного возраста, а аналогичный показатель за счет пожилого населения в основном сохраняет равновесие, поэтому в целом по государству наблюдается снижение коэффициента демографической нагрузки за счет общей численности населения. Затем по мере того, как коэффициент демографической нагрузки за счет населения младше трудоспособного возраста будет неуклонно снижаться, а за счет пожилого населения – повышаться, по предварительным расчетам, к 2030 году значение второго показателя превысит значение первого.

После основания Китайской Народной Республики возрастная структура населения страны претерпела серьезные изменения, пройдя трансформацию от периода высоких показателей рождаемости и смертности и низкого естественного прироста населения до периода высокой рождаемости населения, низкой смертности и высокого естественного прироста населения. С начала осуществления политики реформ и открытости по мере того, как повышался жизненный уровень населения и уровень развития медицинских технологий, смертность населения постепенно снижалась, ожидаемая продолжительность жизни населения неуклонно увеличивалась, что привело к большим изменениям в возрастной структуре населения, продемонстрировав тем самым поэтапность данного процесса.

Кроме того, несмотря на то, что мы наблюдаем поэтапную тенденцию незначительного роста численности трудоспособного населения в возрасте от 15 до 64 лет, однако удельный вес численности трудоспособного населения постепенно снижается. Что дает основание предположить, что в Китае в будущем может появиться проблема трудовых ресурсов. В настоящее время демографическая политика

в Китае отрегулирована, проходит полномасштабная реализация политики «два ребенка в семье», однако в течение короткого времени трудно изменить тенденцию старения населения.

Заключение. На основании результатов проведенного исследования можно сделать следующие выводы: *во-первых*, процесс трансформации возрастной структуры населения Китая развивается под влиянием естественных закономерностей перехода от «высокой рождаемости, высокой смертности, высокого естественного прироста» к «низкой рождаемости, низкой смертности, низкому естественному приросту». Однако данный процесс трансформации ускорился под влиянием искусственного фактора государственной политики – контроль рождаемости; *во-вторых*, из-за проведения политики планирования семьи в демографическом развитии Китая наметилась тенденция к снижению рождаемости, что наряду с увеличением средней продолжительности жизни привело к ускорению процесса старения населения и уменьшению численности населения трудоспособного возраста. Вследствие этого демографические дивиденды, созданные при трансформации структуры населения, постепенно уменьшаются, что в скором будущем приведет к их полному исчерпанию; *в-третьих*, возрастная структура населения Китая неоднородна по административным единицам, даже в пределах одного района могут наблюдаться существенные различия. Кроме того, для административных районов Китая характерно постепенное убывание распределения населения старше 65 лет в направлении с востока на запад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационная сеть по вопросам народонаселения при ООН // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://esa.un.org/unpd/wpp>. – Дата доступа: 16.04.2014.
2. Римашевская, Н.М. Человек и реформы: секреты выживания / Н.М. Римашевская. – М.: ИСЭПН РАН, 2003. – 392 с.
3. Шахотько, Л.П. Теоретические основы демографического развития Республики Беларусь в условиях глобализации / Л.П. Шахотько // Демографический потенциал человеческий и социальный капитал в условиях глобализации / С.Ю. Солодовников [и др.]; под ред. С.Ю. Солодовникова. – Минск, 2006. – Очерк 1. – С. 6–65.
4. Статистический ежегодник Национального бюро статистики Китая. Стат. сб. / Нац. бюро статистики Китая. – Пекин, 2011. – 120 с.
5. Официальный сайт Национального бюро статистики КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/>. – Дата доступа: 15.04.2014.
6. Официальный сайт Национального бюро статистики КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/>. – Дата доступа: 25.10.2010.
7. Официальный сайт Национального бюро статистики КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/>. – Дата доступа: 26.10.2010.
8. Информационная сеть по вопросам народонаселения при ООН // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://esa.un.org/unpd/wpp>. – Дата доступа: 15.01.2015.

Поступила 27.01.2016

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF AGING OF THE POPULATION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

L. TИHONOVA, PAN CJAN

In this article are described process of aging of the population in the world and in People's Republic of China. The factors influencing aging of the population as on a global scale, and in China are studied. The analysis of a demographic situation of the largest country of the world on number is offered. It is shown that population of China constantly grows, and the demographic situation changes on the one hand as a result of world processes of demographic transition to low birth rate and low mortality of the population and, with another under the influence of the accepted state policy of regulation of demographic processes in China. In particular, policy of planning of a family and control of birth rate which led to a serious distortion of gender and age structure of the population. It is shown that, the age structure of the population represents a serious problem as society of China already entered a stage of fast aging of the population, decrease in a share of able-bodied population and, as a result, growth of load of able-bodied population of the country. It is shown that process of aging of the population happens different rates in different regions of the country.

Keywords: China, population aging, public policy, analysis, demographic processes, the age structure of the population.

УДК 330.322

ЭКСПЕРТИЗА СООТВЕТСТВИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНО-ОТВЕТСТВЕННОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ

Е.О. ДРУЖИНИНА

(Брестский государственный технический университет)

Рассматривается единство экономического, экологического и социального измерений деятельности организаций, которое приобретает аксиоматический характер и становится общепринятым во всем мировом сообществе. Новые требования к бизнес-проектам основаны на рассмотрении их привлекательности с учетом их воздействия на социозкосистему территории (региона). Раскрывается проблематика деструктивного воздействия реализации проектных решений на социально-экологическую и экономическую сферы. Обосновывается необходимость проведения экспертизы соответствия социально-экологических параметров инвестиционных проектов концепции социально-ответственного инвестирования на предынвестиционном этапе, предлагается её методическое обеспечение. Такой подход, в отличие от существующих, позволяет не только оценить социально-экологическую эффективность инвестиционного проекта, но и учесть регламентированную и инициативную составляющую его социальной ответственности.

Ключевые слова: *экспертиза, бизнес-планирование, социально-экологические аспекты, инвестиционные проекты.*

Введение. Существенные социально-экологические изменения, произошедшие в мире за последние годы, ставят перед обществом и государством задачу осмысления сложившихся тенденций и разработки новых концепций развития бизнеса. Постоянное влияние предпринимательства на окружающую среду может иметь деструктивные последствия для социозкосистемы, что создает дополнительные факторы угрозы устойчивому развитию страны. На государственном уровне данные задачи решаются в рамках реализации различных стратегий рационального взаимодействия природы и общества. Одной из причин данной проблемы является недостаточная мотивация ответственного поведения субъектов хозяйствования. Особое значение приобретает управление инвестиционной деятельностью организации с позиций социально-ответственного поведения, выдвигающего наряду с экономическими критериями социальные и экологические критерии благосостояния, согласующие интересы общества, государства и бизнеса. Эффективным инструментом контроля инвестиционной деятельности является экспертиза инвестиционных проектов, результаты которой должны не только отражать выполнение законодательных требований, но и позволить выявлять проекты с высокими социально-экологическими рисками и проекты социально-ответственной направленности.

В настоящее время учет социально-экологических аспектов инвестирования осуществляется посредством оценки общественной эффективности проекта, однако при этом вопросы экологических и социальных последствий учтены не в полной мере. В научной экономической литературе предлагаются различные модели перераспределения социальной и экологической ответственности между субъектами хозяйствования посредством налоговых инструментов (А. Пигу), на основе определения прав собственности через переговоры между заинтересованными сторонами (Р. Коуз) и другие. Значительный вклад в исследование проблем социальной ответственности бизнеса и инвестирования внесли зарубежные ученые: Г. Боуэн, К. Дэвис, П. Друкер, А. Кэрролл, Т. Левитт, М. Портер, С. Сети, Д. Старчер, М. Фридман, Э. Фримен и другие; российские и белорусские ученые: Ю.Е. Благов, А.А. Нецадин, С.П. Перегудов, М.В. Петрович, В.А. Симхович, А.П. Шихвердиев и другие [1; 2]. Проблематика в области устойчивого развития на макро-, мезо- и микроуровне рассмотрена в работах О.А. Высоцкого, С.С. Полоника, О.С. Шимовой и других. Различные аспекты планирования и анализа эффективности инвестиций, в том числе с учетом социально-экологических факторов, рассмотрены такими учеными, как М.М. Ковалев, В.Н. Лившиц, Г.А. Маховикова, Е.В. Рюмина, А.Н. Сенько, С.А. Смоляк, Т.С. Хачатуров, и другими [3–5]. Основные положения экспертизы инвестиционных проектов на общегосударственном уровне установлены национальным законодательством, существенный вклад в развитие задач и методов экспертизы внесли идеи, отраженные в работах по макро- и микроэкономическому анализу и менеджменту В.Ф. Байнева, Н.П. Беляцкого, А.А. Быкова, А.В. Данильченко, А.Е. Дайнеко, Д.А. Ендовицкого, В.Н. Комкова, П.С. Лемещенко, А.В. Неверова, Р.С. Пиндайка, Н.Ф. Реймерса, С.Ю. Солодовникова, В.И. Тарасова, Д.Л. Рабинфельда, В.Н. Шимова и других.

Несмотря на усиление интересов ученых и специалистов к данной теме в последние годы, недостаточно разработаны теоретико-методические аспекты количественной и качественной оценки социальной ответственности и деструктивности инвестиционных проектов, отражающих потенциальное влияние

на социоэкосистему региона. Объективная необходимость дополнения существующей экспертизы инвестиционных проектов оценкой соблюдения требований международных стандартов в области корпоративной социальной ответственности на основе анализа социально-экологических последствий их реализации и применение ее результатов для обоснования методов стимулирования, оказания государственной поддержки или компенсации потерь предопределили актуальность настоящего исследования.

Основная часть. Усиление роли международной торговли и международного движения факторов производства обуславливает перемещение капитала и интернационализацию хозяйственной жизни, что вызывает позитивные последствия притока иностранных финансовых средств, таких как оживление экономики и рост доходности капитала, и негативные проявления – снижение управляемости национальной экономикой, высокая зависимость от неконтролируемых финансовых потоков и интересов транснациональных компаний. Кроме того, опыт ряда стран свидетельствует о росте числа вредных неконтролируемых производств, сопровождаемых токсичными выбросами, сбросами и отходами, содержанием опасных компонентов в продукции: в Украине (Львовский завод производства пенополиуретана «Полисинтез»); России (завод в Воронеже по добыче и переработке никелевых руд Уральской горно-металлургической компании); Казахстане (освоение месторождения Кенлик ТОО «Саутс Ойл»). Немалый вред наносят и такие проблемы, как заброшенные заводы, финансовые резервы на рекультивацию земель, устранение которых необходимо было закладывать при разработке их бизнес-проектов с учетом инфляционных процессов на весь релевантный период.

Ограниченная ответственность бизнеса при осуществлении инвестиционной деятельности приводит к деструктивному хозяйствованию субъектов, перекладыванию социальных функций на других субъектов, государство или население. Автором проведена систематизация деструктивных последствий, индуцируемых инвестиционным проектом, которые необходимо выявлять и учитывать на предынвестиционной стадии (табл. 1).

Таблица 1 – Систематизация деструктивных последствий реализации инвестиционного проекта, выявляемых на этапе бизнес-планирования, по видам ресурсов

Экономические	Социальные	Экологические
<i>Группа – природные и материальные</i>		
Использование импортного сырья и материалов при наличии отечественных аналогов. Использование основных средств с высокой долей изношенности и морального устаревания, отсутствие отчислений на реновацию. Отрицательное изменение ключевых экономических параметров отрасли (цен, качества продукции). Вытеснение национальной продукции, технологий, торговых сетей и деловой практики	Наличие тактильного, дыхательного, физического воздействия и вредных последствий для здоровья жителей региона и работников. Наличие вредных и опасных условий труда, слабая организация охраны труда. Увеличение заболеваемости и смертности жителей региона и работников	Загрязнение окружающей среды (наличие вредных и опасных сбросов, выбросов, отходов высокого класса опасности). Нарушение норм промышленной безопасности. Истощение природных ресурсов. Наличие трансграничного воздействия. Использование редких, невозполнимых, находящихся под охраной природных ресурсов
<i>Группа – трудовые</i>		
Производство деструктивных товаров, отсутствие сертификации продукции, менеджмента качества	Миграционный отток из региона. Прирост безработицы в регионе. Отсутствие социальных гарантий	Несоблюдение санитарно-гигиенических норм производства и экологических требований к эксплуатации ресурсов
<i>Группа – финансовые</i>		
Недопоступление в бюджет налогов, пошлин и иных платежей в связи с предоставлением льгот, отсрочек уплаты налогов. Прирост оттока капитала из страны	Дискриминация в оплате труда (уровень заработной платы ниже среднеотраслевого). Отсутствие распределения части прибыли предприятия согласно вкладу работника	Увеличение бюджетных расходов на восстановление социоэкосистемы, рекультивацию земель и другие природновосстановительные работы

Источник: составлено автором.

В связи с тем, что государственной комплексной и экологической экспертизе подлежат только законодательно определенные проекты, есть *вероятность реализации инвестиционных проектов с последующим деструктивным воздействием*. Таким образом, наряду с использованием традиционных показателей эффективности инвестиционных проектов важно учитывать и оценку последствий, характеризующих социальную ответственность проекта.

Под *социальной ответственностью инвестиционного проекта* понимается предусмотренный проектом добровольный вклад в развитие экономической, социальной и экологической сфер сверх законодательных требований в соответствии с принципами корпоративной социальной ответственности (КСО). В основу данного подхода положено изучение проекта на предмет соответствия международным стандартам в области социальной ответственности бизнеса. Научным сообществом КСО признается как добровольная инициатива субъектов хозяйствования, руководством которой служит более 30 международных стандартов социальной ответственности, носящих рекомендательный и универсальный характер, на базе которых при необходимости формируются государственные стандарты. Международные стандарты представляют собой системное обобщение инициатив различных международных организаций с целью учета ожиданий заинтересованных сторон по обеспечению достойного качества жизни, условий и охраны труда, природоохранных требований, то есть являются руководством по принципам, требованиям, критериям социальной ответственности. В Республике Беларусь минимальные социальные стандарты включены в систему законодательного регулирования, остальные требования корпоративной социальной ответственности нормативно не регулируются.

Автором предлагается усовершенствовать механизм контроля инвестиционной деятельности путем дополнения *экспертизы инвестиционного проекта процедурой оценки его социальной ответственности* для выявления и последующего отклонения проектов, несущих значимые деструктивные изменения социозэкосистемы региона, и идентификации проектов по уровню социальной ответственности. Авторские предложения по дополнению экспертизы позволяют комплексно оценить социально-экологические последствия реализации проектов на социозэкосистему региона на основе проверки выполнения требований международных стандартов социальной ответственности, выявить возможную финансовую величину потенциальных потерь от реализации бизнес-проекта для социозэкосистемы региона или, напротив, вклада в улучшение благосостояния общества сверх требований, определяемых законодательством.

Анализ существующих классификаций инвестиционных проектов показал отсутствие оснований, учитывающих признак социальной ответственности при характеристике их содержания. В связи с этим автором предлагается классификация инвестиционных проектов на основе нового классификационного признака – «уровень социальной ответственности» – для целей применения мер государственного регулирования инвестиций в зависимости от добровольного вклада проекта в развитие региона в рамках проекта.

Применение разработанной классификации позволяет разграничить проекты следующим образом:

- *социально-ответственный инвестиционный проект (СОИП)* – проект, обеспечивающий добровольный вклад в развитие региона в соответствии с принципами и критериями обеспечения социальной ответственности: соблюдение этических, социальных и экологических норм, приоритетность общественных ценностей, целенаправленное позитивное воздействие на повышение благосостояния населения;

- *социально-деструктивный инвестиционный проект (СДИП)* – проект, предполагающий негативное влияние планируемой деятельности на социозэкосистему региона, проявляющееся в нарушении баланса окружающей среды и процессов общественного развития, в снижении уровня и качества жизни, в росте социальной неудовлетворительности;

- *инвестиционный проект социально-ответственной направленности (СОИП)*, характеризующийся преобладающей долей социально-ответственных инвестиций;

- *инвестиционный проект социально-деструктивной направленности (СДИП)*, характеризующийся преобладающей долей социально-деструктивных инвестиций.

Предложенная классификация инвестиционных проектов позволяет учесть признак социальной ответственности при характеристике их содержания.

В зависимости от источников финансирования экспертиза инвестиционного проекта по оценке его социальной ответственности проводится: а) органами исполнительной власти разного уровня (на уровне региона – отделами облисполкомов) при финансировании за счет бюджетных средств, при оказании государственной поддержки; б) уполномоченными отделами финансирующих организаций – по внебюджетным привлеченным средствам (кредиты банков, гранты и средства международных организаций, средства внебюджетных фондов, лизинг и другие источники); в) вышестоящей организацией или уполномоченными отделами исполнительных органов власти соответствующего уровня при использовании собственных средств; г) органами исполнительной власти разного уровня или уполномоченными организациями – при применении комбинированных схем финансирования.

Критерии отбора инвестиционных проектов для прохождения экспертизы включают: *экологические*, когда объект инвестиций предполагает использование редких и невозполнимых природных ресурсов, опасных и вредных веществ, получение результатов в виде отходов, выбросов в атмосферу и сбросов в водоемы и аналогичные факторы; *социальные* – при создании средних и крупных организаций и (или) намечаемая деятельность сопровождается вредными условиями труда; *финансовые* – для проектов с существенной долей объема инвестиций в инвестиционной емкости региона. Предложенные критерии охватывают инвестиционные проекты, значимые для региона, и позволяют создать массив информации для определения качественного и количественного воздействия проектов на социозэкосистему региона.

Экспертиза социальной ответственности проекта включает: *диагностику* потенциального влияния инвестиционного проекта на социоэкосистему региона, результатом которой является комплексная характеристика проекта по признаку социальной ответственности; *определение* эффекта социально-ответственного инвестирования, отражающего стоимостное выражение потенциальных последствий для социоэкосистемы региона. В заключении экспертизы отражаются: *вид инвестиционного проекта* по признаку социальной ответственности по данным диагностики: 1 – СОИП; 2 – СДИП; 3 – СОНП; 4 – СДНП. В зависимости от вида инвестиционного проекта формируются выводы о возможности его реализации, необходимости отклонения или применения мер регулирования; *эффект социально-ответственного инвестирования* в стоимостном выражении предлагаемого к реализации инвестиционного проекта, который выступает основой как для применения финансовых инструментов стимулирования СОИП, так и для компенсации деструктивных последствий; *рекомендации* по регулированию инвестиционных проектов с применением мер компенсационно-стимулирующего характера [6].

На **I этапе** экспертизы соответствия социально-экологических параметров инвестиционных проектов концепции социально-ответственного инвестирования осуществляется *диагностика потенциального влияния инвестиционного проекта на социоэкосистему региона*. Методическое обеспечение диагностики основано на применении системы значимых качественных и количественных показателей, обеспечивающих максимальную степень объективности оценки проекта. Оценка параметров социальной ответственности производится с использованием актуальных критериев оптимальности как частного случая признака, по которому функционирование системы признается наилучшим из возможных вариантов ее жизнедеятельности в данных ситуационных условиях. Методика диагностики потенциального влияния инвестиционного проекта на социоэкосистему региона включает ряд процедур:

1) определение уровня позитивного влияния проекта на основе систематизированных количественных и качественных показателей по совокупности параметров:

- эффективность инвестиций (получение социального, экологического, экономического результата): коэффициент соответствия заработной платы уровню жизни, отношение уровня снижения вредных выбросов, сбросов к объему инвестиций в природоохранные мероприятия, индекс доходности инвестиций и др.;

- устойчивость инвестиций (высокая вероятность получения положительных результатов в долгосрочном периоде на макро- и микроуровнях): доля социальных расходов в общей сумме фонда оплаты труда, отношение затрат на обновление основных средств, оказывающих воздействие на окружающую среду к их среднегодовой стоимости, коэффициент концентрации высоких технологий и др.;

- безопасность инвестиций (обеспечение допустимого уровня социально-экологических и экономических рисков): доля затрат на охрану труда в общей сумме затрат, уровень безотходности производства, доля основных средств, обеспечивающих экологически чистый производственный процесс и др.;

2) определение уровня негативного влияния проекта на основе выделенных автором деструктивных факторов по совокупности параметров:

- компонентность влияния проекта (указывает на область воздействия): наличие антропогенного воздействия опасного характера на компоненты окружающей среды, устойчивость и чувствительность компонентов экосистемы и др.;

- масштабность влияния проекта (отражает временной и территориальной охват деструктивного воздействия): наличие трансграничного или внутригосударственного воздействия, наличие видов производства, сопровождающихся высокими экологическими рисками, отношение объемов эмиссии опасных веществ на рубль произведенной продукции в натуральном выражении и др.;

- интенсивность влияния проекта (характеризует глубину его деструктивного влияния на социоэкосистему): поступление высокоопасных выбросов, сбросов, отходов в единицу времени, их концентрация, скорость истощения природных ресурсов и др.;

3) интерпретация результатов оценки:

- позитивного влияния проекта (указывает на социальную ответственность участников инвестиционной деятельности): *высокий* уровень – соблюдение социально-экологических норм, значительное участие в решении социальных задач, улучшении природной среды и возможность развивать это направление; *средний* уровень – минимальный экономический, социальный, экологический вклад в рамках реализации проекта; *низкий* уровень – участие в социально-экологических мероприятиях определяется достаточным, вложение капитала носит традиционный характер;

- негативного влияния проекта (указывает на деструктивную позицию участников инвестиционной деятельности): *высокий* уровень – значительные социально-экологические и экономические риски, высокая пространственная распространенность и длительная временная протяженность, высокая, зачастую неуправляемая проникновенность в структуру социоэкосистемы, существует риск экологических катастроф; *средний* уровень – приемлемые социально-экологические и экономические риски, ограниченная пространственная распространенность и временная протяженность, управляемая проникновенность в структуру социоэкосистемы; *низкий* уровень – минимальные социально-экологические и экономические риски, низкая территориальная распространенность и временная протяженность, незначительная проникновенность в структуру социоэкосистемы.

В таблице 2 представлен порядок расчета количественных и качественных показателей по социальному, экологическому, экономическому компонентам социальной ответственности проекта.

Таблица 2 – Определение количественных и качественных показателей

Последовательность расчета показателей	Показатели
1. По каждому количественному показателю рассчитывается коэффициент k_i (формула (1)). Фактическое значение количественного показателя сравнивается с базой сравнения. Базой сравнения выступают среднеотраслевые и нормативные значения показателя, для показателей, рассчитываемых как среднегодовой темп роста, базой сравнения является 1. Показатели, увеличение которых ведет к подъему уровня социальной ответственности, назовем нормально-положительными. Показатели, уменьшение которых ведет к подъему уровня социальной ответственности, назовем нормально-отрицательными.	$k_i = \frac{P_{pf} - P_b}{P_b} = \frac{\Delta_i}{P_b}, \quad (1)$ <p>где P_{pf} – фактическое значение нормально-положительного показателя; P_b – нормативное значение показателя; Δ_i – разница между фактическим и нормативным значением i-го показателя</p>
2. Для приведения множества показателей в единый интегральный показатель необходимо значения нормально-отрицательных показателей привести к нормально-положительному виду (формула (2)).	$k_i = 1 - \frac{P_{pf}}{P_b}, \quad (2)$
3. На основе рассчитанных количественных показателей (k_i) определяется интегральный показатель в разрезе социального, экологического, экономического компонентов социальной ответственности проекта (k_s, k_c, k_e) (формула (3)). Показатели с отрицательными значениями в расчете интегрального показателя не учитываются, учитывается только множество показателей с положительным значением.	$k_{s(c,e)} = \sqrt[n]{k_1 k_2 \dots k_n}, \quad (3)$ <p>где n – количество показателей, по которым производится оценка как с положительным, так и отрицательным значением по результатам расчета</p>
4. Рассчитывается (формула (4)) среднее значение качественных показателей (k_j) внутри каждой группы (социальной, экологической, экономической компоненты). Качественные показатели призваны учесть факт наличия или отсутствия позитивных (негативных) параметров проекта. Оценка качественных показателей производится путем установления отсутствия (0) или наличия (1) благоприятного (неблагоприятного) воздействия на общественные сферы. Рассчитанные показатели являются весовыми коэффициентами (w_i) и применяются к своей группе, что позволяет усилить количественную оценку уровня влияния качественной характеристикой. Значение показателя варьируется от 0 до 1	$k_j = \frac{1}{m} \sum_{j=1}^m P_{qj}, \quad (4)$ <p>где P_{qj} – переменная, принимающая значение 1, если j-й показатель характеризует факт наличия параметра, и равна 0, если отсутствует; m – количество показателей, по которым проводится оценка</p>

Источник: составлено автором.

Для характеристики инвестиционных проектов в разрезе экономического, социального и экологического компонентов социальной ответственности автором предлагается использовать трехкомпонентный показатель для определения уровней позитивного и негативного влияния проекта на социоэкологическую систему региона. Интегральный показатель уровня позитивного влияния инвестиционного проекта (I_{psr}), учитывающий количественную и качественную оценку, рассчитывается по формуле средней геометрической (формула (5)):

$$I_{psr} = \sqrt[3]{((1 + w_s) \cdot k_s) \cdot ((1 + w_c) \cdot k_c) \cdot ((1 + w_e) \cdot k_e)}, \quad (5)$$

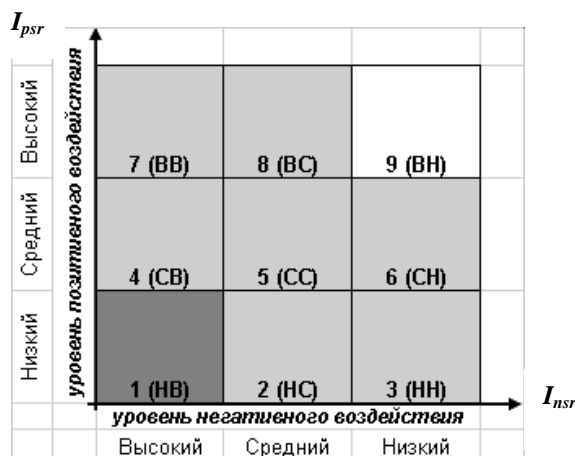
где w_s, w_c, w_e – весовые коэффициенты увеличения (снижения) значимости показателя, определяемые как среднее значение качественных показателей соответственно по социальному (s), экологическому (c), экономическому (e) компонентам; k_s, k_c, k_e – комплексный (единый) показатель количественных характеристик, определяемый как среднее геометрическое соответственно по этим компонентам.

Расчет интегрального показателя уровня негативного влияния планируемой деятельности на социоэкологическую систему региона (I_{nsr}) осуществляется аналогично трехкомпонентному показателю уровня позитивного воздействия (I_{psr}).

Один и тот же проект может иметь как негативное, так и позитивное влияние на социоэкологическую систему региона (представлено в виде матрицы на рисунке). Интегрирование уровней позитивного и негативного воздействия позволяет *идентифицировать инвестиционные проекты на II этапе* экспертизы инвестиционных проектов:

- социально-ответственные ИП – 9(ВН);
- социально-деструктивные ИП – 1(НВ);
- проекты СО направленности – 3(НН), 6(СН), 8(ВС);
- проекты СД направленности – 2(НС), 4(СВ), 5(СС), 7(ВВ).

Оценка социальной ответственности и социальной деструктивности проекта на основе разработанной матрицы служит информационной поддержкой для осуществления регулирования инвестиционного процесса и принятия компенсационно-стимулирующих мер к проекту.

Матрица интеграции уровней позитивного и негативного влияния инвестиционного проекта на социальную экосистему региона

Источник: составлено автором.

На **III этапе** экспертизы осуществляется расчет *эффекта социально-ответственного инвестирования* путем суммирования в составе денежных потоков показателей, характеризующих социальную ответственность проекта, позволяющего определить в стоимостном выражении величину вклада или потерь от реализации инвестиционного проекта для социальную экосистему региона (на основе авторской методики).

Автором на основе анализа международных стандартов, проведена систематизация проектных расходов для методического обеспечения оценки социальной ответственности проекта:

- расходы на сертификацию продукции, работ, услуг, систему управления качеством, охрану труда и т.п.;
- расходы на обновление и модернизацию основных фондов для приведения их в соответствие современным требованиям и уровню научно-технического прогресса;
- внедрение инноваций;
- распределение части прибыли работникам предприятия согласно их трудовому участию;
- предоставление социального пакета, гарантий и др.

При расчете эффекта социально-ответственного инвестирования к доходам относятся: сокращение затрат на воду, энергию, утилизацию и переработку производственных отходов и т.п.; снижение компенсационных расходов (например, снижение травматизма) и т.п. Предлагаемая методика предусматривает суммирование социально-экологического и бюджетного эффектов, показывает положительный (+ESR) или отрицательный (-ESR) эффект социально-ответственного инвестирования в стоимостном выражении для социальную экосистему региона. В зависимости от полученного положительного или отрицательного эффекта определяются коэффициенты бюджетной социально-экологической эффективности (SR) или бюджетной социально-экологической деструктивности проекта (SD) как отношение полученного эффекта к расходам регионального бюджета на охрану окружающей среды и социальную политику. Сопоставление предложенных коэффициентов с показателем социально-экологической нагрузки на регион, рассчитываемым как отношение расходов консолидированного бюджета, государственных внебюджетных фондов на охрану окружающей среды и социальную политику к валовому внутреннему продукту, позволяет определить значимость социально-экологического влияния инвестиционного проекта для региона. Полученный эффект, скорректированный с учетом ожидаемого уровня социальной ответственности, установленного как доля социально-экологических расходов в общей сумме инвестиций по данным стран, занимающих ведущие позиции в рейтинге по социальной ответственности, позволит определить уточненную финансовую величину потенциальных потерь или вклада для социальную экосистему региона и обосновать размер денежной компенсации или, напротив, государственной поддержки.

Реализуемые на территории регионов страны инвестиционные проекты подпадают под единство критериев их оценки посредством унифицированного подхода к методическому обеспечению бизнес-планирования и оценке эффективности инвестиционных проектов, регламентированных Правилами по разработке бизнес-планов [7]. Для отражения доходов и расходов (денежных притоков и оттоков) целесообразно в структуру бизнес-плана инвестиционного проекта добавить отдельный раздел «Оценка социальной ответственности», в котором следует отражать основные расчетные показатели проекта, характеризующие вклад проекта в развитие региона сверх законодательно установленных требований.

Заключение. Экономико-правовой анализ сущности инвестиционного процесса позволил установить, что реализация проектов сопровождается рисками и социальной ответственностью участников инвестиционной деятельности, ограничение или пренебрежение которыми индуцирует различного рода негативное воздействие на все сферы общественной жизни и окружающую среду. В условиях реализации концепции устойчивого развития предложен концептуальный подход к оценке последствий влияния инвестиционной деятельности на социоэкосистему региона в рамках проведения экспертизы инвестиционного проекта по оценке его параметров социальной ответственности, которую проходит инициатор проекта. Действующие процедуры экспертизы инвестиционных проектов на этапе бизнес-проектирования не предусматривают оценку социальной ответственности, что ограничивает возможность управления данным процессом. Комплексная оценка социальной ответственности проекта путем установления соответствия параметров бизнес-планов требованиям законодательства, а также международных стандартов социальной ответственности, принимаемых на добровольной основе, дает возможность оценить потенциальные потери от проекта для социоэкосистемы региона или, напротив, вклад в улучшение благосостояния общества. Использование результатов предлагаемой процедуры экспертизы позволит на микроуровне повысить качество процесса управления инвестиционными проектами для достижения устойчивого развития организации, на макроуровне – обосновать компенсационно-стимулирующие меры государственного регулирования инвестиционной деятельности в зависимости от оценки значимости последствий реализации проекта для региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симхович, В.А. Корпоративная социальная ответственность: философско-управленческие аспекты современного бизнеса / В.А. Симхович. – Минск: Мисанта, 2011. – 199 с.
2. Благов, Ю.Е. Концепция корпоративной социальной ответственности и стратегическое управление / Ю.Е. Благов // Рос. журн. менеджмента. – 2003. – № 3. – С. 17–24.
3. Виленский, П.Л. Оценка эффективности инвестиционных проектов: теория и практика / П. Л. Виленский, В.Н. Лившиц, С.А. Смоляк. – М.: Дело, 2002. – 888 с.
4. Рюмина, Е.В. Экономический анализ ущерба от экологических нарушений / Е.В. Рюмина. – М.: Наука, 2009. – 329 с.
5. Сенько, А.Н. Инвестиции и бизнес-проектирование: пособие / А.Н. Сенько. – Минск: Белорус. гос. ун-т, 2012. – 190 с.
6. Дружинина, Е.О. Совершенствование практики регулирования социально-ответственного инвестирования / Е.О. Дружинина // Рынок транспортных услуг (проблемы повышения эффективности): междунар. сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т транспорта. – Гомель, 2015. – Вып. 8, ч. 3. – С. 236–248.
7. Правила по разработке бизнес-планов инвестиционных проектов [Электронный ресурс]: утв. постановлением М-ва экономики Респ. Беларусь, 31 авг. 2005 г., № 158; в ред. постановления М-ва экономики Респ. Беларусь от 02.07.2015 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

Поступила 27.01.2016

EXAMINATION OF THE CONFORMITY OF SOCIAL AND ENVIRONMENTAL PARAMETERS OF INVESTMENT PROJECT TO THE CONCEPT OF SOCIALLY-RESPONSIBLE INVESTMENT

E. DRUZININA

The unity of the economic, environmental and social dimensions of the organization, which acquires the axiomatic character and becomes generally accepted in the whole community, is considered. New requirements for business projects which based on consideration of their attractiveness, taking into account their impact on socio-eco-system of territory (region). The problems of the destructive impacts of design decisions on socio-environmental and economic spheres are revealed. The necessity of the examination of compliance of social and environmental performance of investment projects of socially responsible investing concept in the pre-investment stage is justified; it is proposed its methodological support. This approach, unlike the existing ones, assess not only to estimate the social and environmental performance of the investment project, but also takes into account the statutory and proactive component of its social responsibility.

Keywords: *expertise, business planning, socio-environmental aspects of investment projects.*

УДК 330.345(510)

**ВЛИЯНИЕ ВЫПУСКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЛИГАЦИЙ
НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ КИТАЯ**

д-р экон. наук, проф. ЧЖОУ ВЭЙДИ; ЛУЙ ЦИНУЭНЬ
*(Институт экономики и деловой администрации,
Педагогический университет центрального Китая, Ухань, КНР)*

Анализируются темпы экономического роста реального сектора экономики Китайской Народной Республики и воздействия на них инструментов кредитно-денежного рынка. Поскольку государственный долг является важнейшим инструментом правительства по макроэкономическому регулированию и контролю в условиях современного мирового экономического и валютного кризиса, то особое внимание правительством Китая уделяется именно инструментам государственных заимствований, которые в современных условиях управления экономикой становятся все более существенными.

Ключевые слова: государственные облигации, экономический рост, государственный долг, макроэкономическое регулирование и контроль, мировой экономический и валютный кризис.

Введение. С начала 80-х годов XX века среди экономистов Китайской Народной Республики (далее – КНР) ведутся дискуссии относительно оптимального соотношения между национальным долгом и темпами экономического развития, влияния государственных заимствований на темпы экономического развития реального сектора национальной экономики КНР и теоретического обоснования этих пропорций в экономической теории. Правительство КНР (далее – правительство), исходя из хозяйственной практики, постоянно наращивает объемы государственных заимствований для содействия экономическому росту страны. Данные действия правительства постоянно анализируются китайскими экономистами, и на основе эмпирического анализа продолжают дискуссии относительно размеров государственного долга правительства, оказывающего прямое воздействие на экономическое и социальное развитие. Основной проблемой, вызывающей определенные споры среди экономистов КНР, являются уровень и размеры государственного долга, которые постоянно возрастают на фондовом рынке КНР. Замедление темпов экономического развития в начале XXI века, вызванного в том числе и достигнутым уровнем развития экономики КНР, вновь усиливает дискуссию относительно соотношения параметров государственного долга и его воздействия на экономический рост в условиях перехода к новому VI информационному укладу мегаэкономики.

Процесс глобализации оказывает непосредственное влияние на экономическое сотрудничество КНР с другими странами мегаэкономики, которое в условиях мирового экономического кризиса несколько сократилось и повлияло на социально-экономическое развитие КНР. В реальном секторе экономики КНР, как и в остальных государствах мегаэкономики, в 2015 году стали замедляться темпы экономического развития, обусловленные четвертой волной мирового экономического и валютного кризиса. Именно поэтому правительство вынуждено расширять применение инструментов регулирования экономического развития на основе государственных облигаций.

В современных условиях самым действенным инструментом регулирования макроэкономического развития являются государственные заимствования как на внутреннем, так и на внешнем рынках, а правительство в зависимости от складывающейся ситуации принимает решение об эмиссии облигаций, включая размеры эмиссии, объем и сроки обращения [1; 2]. Народный банк КНР регулирует объемы денежной массы путем покупки и продажи гособлигаций на открытом рынке для целей устойчивого макроэкономического развития национальной экономической системы КНР, покрытия возникающего дефицита бюджетных расходов, а также для целей аккумулирования необходимых денежных ресурсов для выделения кредитных ресурсов ниже ставки рефинансирования Народного банка КНР, необходимых для инновационного обновления реального сектора национальной экономики. В современных условиях в экономике КНР наметилась тенденция замедления темпов экономического развития. Для определения объемов эмиссий государственных облигаций и степени их воздействия необходимо провести дополнительный экономический анализ. Особенно важно при осуществлении данного научного исследования определить степень влияния эмиссии гособлигаций и их объемов на общий уровень социально-экономического развития реального сектора национальной экономики. Государственные заимствования являются важным инструментом воздействия правительства на механизм устойчивого экономического развития. При проведении исследования по оценке влияния государственных облигаций на темпы экономического роста в КНР среди ученых-экономистов возникли разные точки зрения о степени влияния облигационных займов на устойчивость экономического развития финансового рынка. В связи с этим сформировались и различные подходы оценки использования инструментов облигационных заимствований, воздействующих на темпы экономического роста в КНР, особенно в условиях нового мирового экономического и валютного кризиса, охватившего все экономические системы мегаэкономики.

Обзор основных достижений по рассматриваемой теме. На основе анализа проведенных китайскими экономистами исследований рассматривается генезис эмиссии гособлигаций в КНР и их влияния на темпы экономического роста с 1981 по 2013 год. Китайскими экономистами рассмотрены процессы воздействия регулируемого выпуска гособлигаций на совокупное предложение в краткосрочном периоде, а также их влияние на совокупный спрос в долгосрочном периоде. Так, С. Пул [14] в своем исследовании с использованием модели эндогенного экономического роста показал, что облигационные заимствования правительства отрицательно коррелируют с экономическим ростом реального сектора национальной экономики. Им также показано, что процентные выплаты по этим облигационным займам в период с 1981 по 2013 год не всегда оказывали стимулирующее влияние на темпы экономического развития. На основе аналитических данных 70-ти развивающихся экономик всех стран мегаэкономики М. Нельсон [15] отметил, что дефицит платежного баланса не имеет прямого воздействия на темпы экономического развития реального сектора национальной экономики, а существенным является использование средств дефицитного бюджета, его рациональное применение для целей стимулирования экономического роста. Ряд экономистов отмечает [4], что если ресурсы дефицитного бюджета использованы грамотно и рационально при финансировании инфраструктурных изменений, они содействуют экономическому развитию. Это также относится и к частным инвестициям при операциях с гособлигациями. При использовании модели эндогенного экономического роста А. Грейнер также получил результаты, свидетельствующие о том, что средства, собранные путем выпуска гособлигаций, используются для развития общественной инфраструктуры, и при этом они содействуют экономическому росту. Однако А. Грейнер выделил, что если собранные путем выпуска гособлигаций средства используются на прямое потребление правительством (или трансфертные платежи), то в этом случае эмиссия гособлигаций будет отрицательно воздействовать на темпы экономического развития [13]. К точно таким же результатам научных исследований пришли и китайские экономисты Лю Жонсан и Ма Шуанью [6]. Аналогичные результаты научных исследований получили Уан Пань и Моу Хуэй [7], которые на основе анализа бюджетного дефицита в период с 1981 по 2005 год и объемов эмиссии гособлигаций КНР отметили, что невысокая процентная ставка, обусловленная бюджетным дефицитом, не содействует привлечению больших объемов частного капитала, что, в свою очередь, способствует в достаточной мере темпам экономического роста. Однако именно эмиссия гособлигаций в этот период обуславливала экономический рост, снижая объемы дефицита кредитных ресурсов в КНР. Для определения влияния облигаций на экономический рост путем метода эмпирического анализа У. Юелян предложил простую формулу. Применение данных экономико-математических методов позволяет оценить результаты влияния выпуска облигаций на темпы экономического развития национальной экономики КНР. При этом применение оценочной формулы У. Юеляна указывает на прямую зависимость между объемами заимствований на основе гособлигаций и темпами экономического роста. Как показали расчеты У. Юеляна, заимствования на внутреннем рынке с применением инструментов госзаимствования имеют двойной экономический эффект, в том числе оказывают достаточно сильное воздействие на темпы экономического роста [8]. К таким же выводам пришли Уан Цепен и Жан Цаопинь, которые провели анализ экономических эффектов, вызванных заимствованием и эмиссией гособлигаций. На основе теоретического анализа и эмпирического метода они убедительно показали в своих работах, что объемы выпуска облигаций положительно коррелирует с экономическим развитием реального сектора национальной экономики КНР [9]. Бай Циян считает, что гособлигации усиливают экономический эффект при операциях на открытом рынке с применением гособлигаций через изменения органического строения капитала, при этом формируют новый механизм воздействия финансовых каналов для стимулирования существенного экономического роста [10]. Ма Цин на основе использования эмпирического метода полагает, что прямые эффекты воздействия облигаций на темпы роста экономики небольшие, но они могут стимулировать экономическое развитие через влияние облигаций государственных органов управления на частные инвестиционные вложения [11]. Ши Фунхэ, Женьму и Чжан Ишань, применяя эмпирический метод исследования влияния выпуска облигаций на экономический рост, выяснили, что выпуск облигаций стимулирует экономическое развитие реального сектора экономики Китая, в том числе и в долгосрочном периоде [5].

Анализируя работы исследователей КНР конца XX – начала XXI века, следует отметить, что учеными доказана прямая зависимость между объемом заимствований с использованием гособлигаций и темпами экономического роста КНР в вышеотмеченный период. Проведенные исследования китайских ученых с использованием эмпирического метода показывают, что государственные облигации могут сыграть существенную роль и в стимулировании темпов экономического развития в условиях четвертой волны мирового экономического и валютного кризиса.

В данной работе авторами предлагаются некоторые механизмы улучшения эмиссии гособлигаций и повышения эффективности их обращения в условиях снижения темпов экономического развития КНР, обусловленных мировым экономическим и валютным кризисом.

Механизм и структура выпуска гособлигаций в КНР. С момента начала реформ и открытости национальной экономики КНР, начиная с 1981 года, китайское правительство осуществляло облигационные заимствования, которые более чем за 30 лет увеличились в несколько раз. В 2013 году общий объем

выпуска облигаций составил 155,44 млрд уан, а общая сумма выпуска облигаций – 1798,85 млрд уан, который вырос более, чем в 300 раз (табл. 1).

Таблица 1 – Структура выпуска государственных облигаций в КНР (с 1981 по 2013 год, млрд уан)

Годы	Объем выпуска гособлигаций (млрд уан)	Бюджетный дефицит (профицит)	Остатки гособлигаций	Темп роста выпуска гособлигаций (%)
1981	46,65	-37,38	48,66	0
1982	43,38	17,65	92,81	-6,02
1983	41,58	42,57	134,51	-5,13
1984	42,53	58,16	176,67	2,28
1985	60,61	-0,57	237,97	42,51
1986	62,51	82,90	293,62	3,13
1987	116,87	62,83	391,81	86,96
1988	188,77	133,97	558,51	61,52
1989	223,91	158,88	771,41	18,62
1990	197,23	146,49	892,42	-11,92
1991	281,25	237,14	1061,65	42,60
1992	460,78	258,83	1284,35	56,72
1993	381,31	293,35	1542,38	-13,49
1994	1137,55	574,52	2288,04	198,33
1995	1510,86	581,52	3301,93	32,82
1996	1847,77	565,56	4363,80	22,30
1997	2411,79	582,42	5511,06	30,52
1998	3808,77	922,23	7838,65	57,92
1999	4015,00	1743,59	10606,85	5,42
2000	4657,00	2491,27	13211,64	15,99
2001	4884,00	2516,54	16326,93	4,87
2002	5934,30	3149,51	19727,91	21,51
2003	6280,10	2934,70	21034,60	5,83
2004	6923,90	2090,42	24176,74	10,25
2005	7042,00	2280,99	27074,49	1,71
2006	8883,30	1662,53	29048,17	26,15
2007	23139,10	-1540,43	46502,61	160,48
2008	8558,20	1262,31	48753,36	-96,30
2009	17927,24	7781,63	57411,37	109,47
2010	19778,30	6772,65	66628,69	10,33
2011	17100,00	5373,36	73839,07	-13,54
2012	16154,20	8699,45	80735,93	-5,33
2013	15544,01	11002,46	91780,65	-3,78

Источник: составлено и рассчитано на основе данных [1; 2].

Рассматривая весь период облигационных заимствований в КНР, можно выделить три основных периода, характеризующих особенности облигационных заимствований правительством, исходя из складывающейся экономической ситуации. *Первый период развития облигационных заимствований* в КНР характеризуется выпуском облигаций для целей покрытия бюджетного дефицита страны (1981–1993). В начальный период реформ и открытости китайской экономики правительство не в полной мере использовало механизм макроэкономического регулирования экономики на основе облигационных заимствований, и эмиссия облигаций находилась на начальном периоде их развития. Национальный рынок облигаций КНР в тот период был только образован и строго контролировался правительством, что не в полной мере позволяло осуществлять заимствования на рынке мегаэкономики на основе облигаций. Поэтому в этот период общий объем выпуска облигаций был небольшим (небольшая была процентная ставка по купонным выплатам государственных облигационных заимствований). Самым большим эмиссионным выпуском государственных облигаций была эмиссия в размере 10 млрд уан, которая в тот период была равна сумме бюджетного дефицита страны. Поэтому совершенно очевидно, что цель выпуска облигаций в тот период заключалась в покрытии бюджетного дефицита.

Второй период развития облигационных заимствований в КНР характеризуется выпуском облигаций для покрытия бюджетного дефицита и аккумулированием средств, для развития реального сектора национальной экономики строительства (1994–1997). С 1994 года в КНР началось формирование системы социалистической рыночной открытой экономики. В условиях перехода к рынку правительство в значительной степени открыло реальный сектор национальной экономики для иностранных инвесторов, при этом значение привлечения ресурсов с мировых рынков для целей экономического роста в КНР на

основе облигационных заимствований постепенно усиливало роль выпуска облигаций для целей стимулирования экономического развития на основе аккумулирования средств с рынков мегаэкономики. Данные мероприятия активизировали инвесторов на внутреннем рынке КНР (в том числе и физических лиц), что увеличило внутренний спрос, благодаря чему экономика КНР начала расти достаточно быстро, воздействуя на увеличение внутреннего потребления и инвестиций. Вместе с тем для снижения темпов инфляционного давления в тот период на реальный сектор экономики КНР правительство приняло решение прекратить заимствования, которые направлялись на стимулирование экономического роста. Начиная с 1994 года объем выпуска облигаций впервые превысил 10 млрд уан с процентными выплатами в 200%, а также в 1994 году стал больше суммы бюджетного дефицита. Это было важным моментом в теории и практике размещения гособлигаций в КНР. В 1996 году Народный банк впервые приобрел гособлигации в размере 290 млн уан, что стало началом применения нового денежного инструмента для Народного банка КНР – проведением операций на открытом рынке. Это свидетельствовало о том, что гособлигации приобрели важность как инструмент макроэкономического регулирования экономики КНР и продолжают играть существенную роль до настоящего времени. Тем не менее следует отметить, что в тот период главной целью выпуска гособлигаций все же являлось покрытие бюджетного дефицита в стране.

Третий период развития облигационных заимствований в КНР характеризуется аккумулированием средств для стимулирования экономического развития реального сектора национальной экономики (с 1998 года до настоящего времени). Этот период характеризуется значительным выпуском гособлигаций для обеспечения высоких темпов реального сектора национальной экономики КНР. Объемы гособлигаций значительно выросли, намного превысив сумму бюджетного дефицита, и в настоящее время продолжают стремительно увеличиваться. На этом этапе основная цель выпуска гособлигаций – не только и не столько покрытие бюджетного дефицита, сколько аккумулирование ресурсов для обеспечения экономического развития, соответствующего новому информационному укладу.

В 1997 году из-за финансового кризиса в Азии экономический рост экономики КНР несколько замедлился. В этот период для того, чтобы стимулировать экономическое развитие, китайское правительство на основе предшествующего опыта эмиссии облигаций приняло решение о проведении кредитно-денежной политики Народного банка на основе значительного расширения эмиссии облигаций, которая была осуществлена в значительных масштабах (см. табл. 1, 1998–1999 гг.). На основе этой эмиссии расширенный объем облигаций позволил обеспечить аккумулирование средств для целей стимулирования экономического роста КНР, при этом облигации становились важным инструментом регулирования макроэкономики. В 1998 году правительство выпустило специальные краткосрочные облигации в объеме 370 млрд уан. Но уже в течение 1998–2004 годов были выпущены долгосрочные облигации на период обращения до 5 лет в объеме 910 млрд уан, которые были необходимы для аккумулирования ресурсов для целей развития национальной инфраструктуры. Это значительно стимулировало рост внутреннего спроса, позволило успешно минимизировать последствия мирового финансово-экономического кризиса и обеспечить гарантированное стабильное развитие реального сектора национальной экономики КНР. В 2004 году для целей подавления «перегрева» экономики из-за финансовой политики стимулирования экономического развития в предыдущие 6 лет правительство стало проводить «стабилизационную» финансовую политику, при которой были сокращены инвестиции и объемы выпуска облигаций. В результате была достигнута так называемая «мягкая посадка» китайской экономики, хотя абсолютная величина облигаций все же выросла.

Ипотечный кризис 2007 года в США распространился на всю мировую экономику, оказав также негативное влияние и на реальный сектор экономики КНР. Для целей противодействия третьей волне мирового экономического и валютного кризиса и обеспечения экономического роста в реальном национальном секторе правительство приняло решение о проведении финансовой политики на основе экспансии и расширило объем выпуска облигаций в 231,39 млрд уан до самого большого уровня начиная с 1981 года. Следует отметить, что только в 2008 году была проведена дальнейшая политика стимулирования экономики на основе инвестиционных вложений в сумме 4000 млрд уан (среди которых 2000 млрд уан было собрано путем выпуска облигаций) для инвестирования инфраструктуры, основных промышленных отраслей, инновационных проектов для целей расширения внутреннего спроса, которые в целом положительно сказываются на стабильных темпах экономического роста экономики КНР. Поскольку произошли существенные изменения внутренней и внешней среды экономического развития, начиная с 2010 года правительство сократило объем выпуска облигаций, но их совокупный объем остался все же достаточно большой.

На основе генезиса эмиссии государственных облигаций в КНР с начала реформ (1981 г.) и вхождения реального сектора национальной экономики в мировое экономическое пространство объемы выпуска облигаций в КНР с каждым годом увеличиваются, периоды обращения также увеличиваются, что обеспечивает их сохранение в достаточно больших объемах. Кроме этого, в современной экономике КНР облигации выступают как существенный инструмент макроэкономического регулирования, играют все более важную роль в обеспечении лидирующих позиций в мегаэкономике и прямо оказывают воздействие на социальную ориентацию экономического развития КНР.

Теоретическое исследование влияния облигаций на экономический рост. Спрос и потребление – два важнейших параметра макроэкономического анализа, характеризующих уровень экономического развития. Облигации обычно влияют на экономический рост через изменение спроса и потребления, прежде всего на внутреннем финансовом рынке, и являются демпфером при волатильности финансовых рынков мегаэкономики. В нашем исследовании мы рассматриваем влияние облигаций на экономический рост на основе анализа совокупного спроса и потребления национальной экономики КНР.

Анализ влияния выпуска гособлигаций на совокупный спрос. В краткосрочном периоде без существенных изменений совокупного спроса потребление изменяется прямо пропорционально совокупному спросу физических лиц исходя из ценовых параметров социальных продуктов и доходов, а совокупный спрос национальной экономики зависит от инвестиционного спроса и спроса потребления на всем внутреннем рынке. Правительство может регулировать макроэкономику через выпуск гособлигаций в целях управления совокупным социальным спросом. С 1994 года значительная часть собранных благодаря выпуску облигаций средств была использована на развитие инфраструктуры и ключевых инновационных проектов в реальном секторе национальной экономики КНР, при этом инвестиции правительства существенно увеличили социальный инвестиционный спрос на внутреннем рынке. Выпуск гособлигаций создал благоприятную среду для инвестиций частного капитала в реальный сектор экономики страны, повысил предельный эффект частного капитала и стимулировал рост спроса частных инвестиций на экономическом пространстве КНР. Эффект доходности облигационных займов напрямую влияет на предпочтения инвесторов, поскольку вызывает у частных инвесторов психологические ожидания вложений по надежности и прямо влияет на увеличение расходов на потребление. Кроме того, аккумулированные ресурсы на основе выпуска гособлигаций и вложения в реальный сектор национальной экономики КНР создают дополнительные рабочие места, повышают доходы наемных работников. Также правительство в некоторых случаях прямо осуществляет трансфертные платежи от части собранных средств путем эмиссии гособлигаций физическим лицам, что также увеличивает доходы населения. Поэтому в краткосрочном периоде выпуск гособлигаций правительством стимулирует экономический рост на основе использования увеличения инвестиционного и потребительского спроса.

На рисунке 1 показано, что в краткосрочном периоде кривой совокупного потребления является наклонная вверх прямая линия, которая пересекается с кривой совокупного спроса в точке E_1 , соответственно получен национальный доход в точке Y_1 . Правительство через выпуск гособлигаций расширяет совокупный спрос, что заставляет кривую совокупного потребления переместиться из прямой AD до прямой AD' , при этом AD' пересекается с AS в точке E_2 , и соответственно национальный доход характеризуется точкой Y_2 .

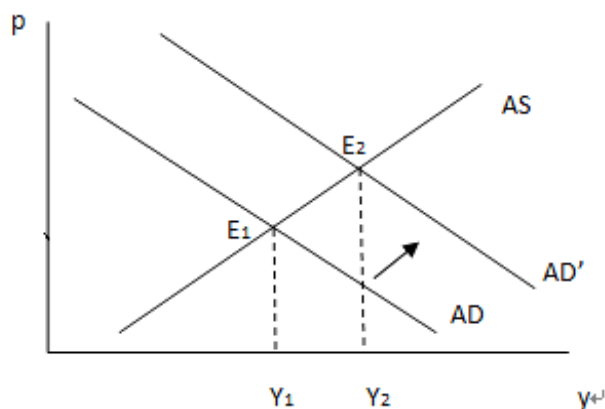

Рисунок 1 – Анализ совокупного спроса в национальной экономике Китайской Народной Республики

Как следует из рисунка 1, $Y_2 > Y_1$, и это доказывает, что в краткосрочном периоде без изменения совокупного потребления увеличение совокупного спроса стимулирует экономический рост и увеличение национального дохода.

Влияние выпуска облигаций на совокупное потребление. В условиях социально-ориентированной рыночной экономики со спецификой КНР на совокупное потребление непосредственно влияют такие факторы, как капитал, труд и наука¹. Выпуск облигаций опосредованно стимулирует прирост инновационно-

¹Мы согласны с учеными, утверждающими, что в условиях информационного уклада мегаэкономики наука превратилась в четвертый фактор производственно-экономического развития и формирования интеграционных группировок [3].

го капитала и его накопление. Китайское правительство увеличивает креативный капитал путем выпуска облигаций для инвестирования инфраструктуры и ключевых инновационных отраслей, причем прирост инвестиционных капиталов увеличивает выпуск инновационных продуктов, увеличивая тем самым доходы населения, накопление капитала в креативных отраслях и реинвестирование капитала в креативные структуры. Причем инвестирование правительства в систему общественных отраслей улучшает в целом среду инвестиций для частных инвесторов, увеличивает производительность и доходы физических лиц. Эти и другие параметры активности правительства на финансовом рынке непосредственно стимулируют и активность частного капитала. Постепенное накопление креативного капитала и его расширение, несомненно, сказываются на увеличении совокупного потребления, которое, в свою очередь, содействует росту экономического потенциала КНР.

Выпуск гособлигаций в экономике стимулирует и рост креативного капитала, поскольку правительство использует часть собранных средств через выпуск гособлигаций при инвестировании в культуру и образование. Например, улучшение инфраструктуры образования, обеспечение обязательного профессионального обучения, стимулирование высшего образования, содействие росту специалистов с учеными степенями улучшает качественные характеристики товара, рабочей силы на внутреннем рынке КНР, а также существенно повышает его конкурентные позиции на внешних рынках мегаэкономики, в том числе на рынках Западной Европы и Северной Америки. Кроме этого, правительство в начале XXI века существенно увеличило инвестиции, аккумулированные за счет эмиссии гособлигаций в систему здравоохранения для ее развития и улучшения здоровья населения КНР. Все эти мероприятия прямо оказывают воздействие на качественные параметры креативного капитала, что приводит к дополнительному оживлению деловой активности на внутреннем рынке КНР.

Выпуск гособлигаций содействует прогрессу техники и ее качественной модернизации. Правительство начиная с 2005 года существенно увеличило инвестиции в образование для распространения знаний и их прироста, которые лежат в основе научно-технического прогресса и стимулируют появление новых креативных товаров как на внутреннем рынке КНР, так и на внешнем (экспорт на рынки мегаэкономики). Правительство оказывает предприятиям всех форм собственности финансовую поддержку для стимулирования инноваций и их использования в научных и технологических достижениях в реальном секторе национальной экономики КНР для увеличения практической производительности всех составляющих его параметров, что повысит производственную эффективность и будет содействовать приросту выпуска новых, инновационных продуктов.

На рисунке 2 проиллюстрировано изменение совокупного потребления при увеличении инвестирования со стороны правительства на основе аккумулирования ресурсов при дополнительном размещении гособлигаций.

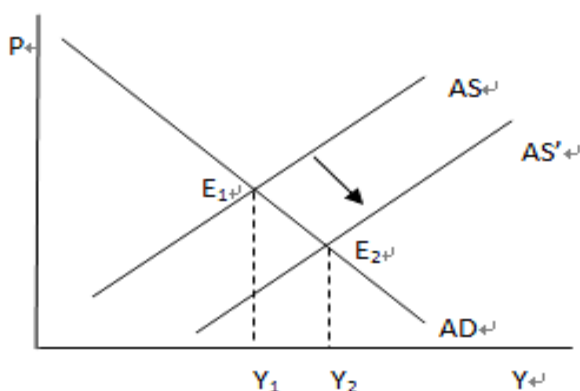

Рисунок 2 – Анализ совокупного потребления в национальной экономике Китайской Народной Республики

Как показано на рисунке 2, первоначальная кривая совокупного спроса AD пересекается с кривой совокупного потребления AS в точке E_1 , при этом сбалансированная точка национальных доходов находится в точке Y_1 . При увеличении правительством совокупного снабжения с использованием собранных средств через эмиссию гособлигаций кривая совокупного потребления перешла из точки AS в точку AS' , и полученная новая сбалансированная точка национальных доходов E_2 выражает соответственно уровни национальных доходов в точках $Y_2 > Y_1$. А это означает, что без изменения совокупного спроса прирост совокупного потребления перемещает точку формирования уровней национального дохода из точки Y_1 в точку Y_2 .

Эмпирический анализ влияния облигаций на экономический рост показал, что выпуск облигаций, как уже говорилось, является важным инструментом правительства для целей макроэкономического регулирования национальной экономики.

На основе проведенного нами эмпирического анализа выявлена прямая с непосредственной взаимосвязью между эмиссией гособлигаций в КНР и обусловленными ею темпами экономического роста.

В данном исследовании использован фактический материал за период 1981–2013 годов, заимствованный из Государственного бюро статистики КНР, на основе чего была создана простая линейная модель регрессии, где остатки облигаций являются независимыми переменными, а ВВП – зависимыми переменными в последующих периодах.

$$\text{LnGDP} = \alpha + \beta \text{LnD} + \mu. \quad (1)$$

Согласно вышеизложенному подходу проводится оценка базисных периодов (Unit Root Test). Вначале проводим тест стабильности к двум временным рядам «остатки облигаций» и «ВВП». Чтобы предотвратить возможность гетероскедастичности, сформируем логарифм к этим двум временным рядам. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Стабильность теста на единичный корень к остаткам облигаций и ВВП

Переменные	Значение ADF (Augmented Dickey – Fisher)	Уровень значимости [не менее 5% (Тест Т)]	Погрешность	Стабильность
LnGDP	-3,562779	-0,352867	0,9850	He
LnOD	-3,562882	-2,480996	0,3345	He
D(lnGDP)	-3,568379	-4,112381	0,0153	Да
D(lnOD)	-2,963972	-3,367270	0,0205	Да

Как видно из таблицы 2, на уровне значимости не менее 5% две временные последовательности, то есть остатки облигаций и ВВП, зависят прямо пропорционально, а это значит, что у двух временных последовательностей существует единичная основа, причем она сильно волатильна. В результате оценочных действий дисперсии первого порядка (First-order sequence variance) временных последовательности двух переменных отошли от прямой зависимости, и в перспективе все временные последовательности дисперсии первого порядка оказались стабильны, поэтому две используемые переменные прошли тест в единичные параметры устойчивости, а в дальнейшем можно провести коинтеграционный анализ взаимозависимости выпуска гособлигаций и темпов экономического развития.

Исследование коинтеграционных отношений. В таблице 2 показано, что временные последовательности остатков гособлигаций и ВВП имеют аналогичные тенденции изменения. Для того чтобы избежать возможных ложных регрессий между временными последовательностями, нам следует провести дальнейший коинтеграционный анализ в целях определить, существуют ли отношения долгосрочного равновесия между двумя переменными на финансовом рынке. В таблице 3 представлены результаты коинтеграционного теста на основе временной последовательности роста ВВП и остатков гособлигаций.

Таблица 3 – Результаты коинтеграционной оценки по временной последовательности ВВП и остатков гособлигаций

Базовые характеристики no. of CE(s)	Собственное значение	Общая статистическая оценка	Критическая величина 0,05	Погрешность
Максимальные допущения, не более 1	0,302420 0,114036	14,91774 3,753461	15,49471 3,841466	0,0069 0,0257

Как следует из таблицы 3, на уровне значимости в параметрах менее 5% в колонке с отсутствием коинтеграционных отношений значение погрешности равно 0,0069, что подтверждает первоначальный подход оценки, а в колонке с небольшим одним значением коинтеграции значение погрешности составляет 0,0257, что также подтверждает первоначальную гипотезу.

Исходя из вышеуказанных значений следует, что две временные последовательности ВВП и остатков гособлигаций прошли коинтеграционный тест, у них существуют долгосрочные коинтеграционные отношения, поэтому можно проводить линейный регрессионный анализ.

Регрессионный анализ временной взаимосвязи ВВП и остатков гособлигаций приведен в таблице 4, где показаны результаты линейного регрессионного анализа.

Таблица 4 – Результаты линейного регрессионного анализа

Переменная	Коэффициент	Статистическая ошибка	t-статистический	Ошибка
C	5,582736	0,113837	49,04147	
ХТ	0,648213	0,013194	49,13019	0,0000
R-квадрат	0,987320	среднее зависимое вариантыности		10,98592
Скорректированный R-квадрат	0,986911	S.D. зависимая вариантыность		1,475881
Регрессия фондовой биржи	0,168852	Акаике информационные критерии		-0,660894
Сумма квадратов роста	0,883843	критерий Шварца		-0,570196
Вероятность отклонения	12,90475	критерий Ханнана – Куина		-0,630377
F-статистика	2413,776	статистический коэффициент Дарбина – Уотсона		
Ошибка (F-статистики)	0,000000			0,337234

Из таблицы 4 видно, что R-квадрат равно 0,987320, а это значит, что данная модель хорошо подходит к результатам исследования и проведенному анализу, поэтому отношения между ними могут выражаться в следующем:

$$\ln GDP = 5,582736 + 0,648213 \ln OD + \mu. \quad (2)$$

В уравнении (2) коэффициент 0,648213 > 0 указывает на положительное отношение между остатками облигаций и ВВП и также доказывает, что выпуск правительством КНР гособлигаций в рассматриваемый период существенно стимулировал экономический рост.

Закключение. На основе проведенного анализа выявлено, что не только в краткосрочной перспективе, но и в долгосрочный период выпуск облигаций прямо содействует экономическому развитию реального сектора национальной экономики. В современных условиях негативные вызовы мегарынка могут быть нивелированы с помощью государственных облигаций, инструментарий которых опробован на фондовом рынке КНР начала XXI века. На основе опыта КНР можно сделать вывод, что гособлигации могут играть определенную роль в стимулировании экономического роста. Однако следует отметить, что в дальнейшем для развития рынка облигаций в КНР и его влияния на экономический рост необходимо:

- усовершенствовать государственное управление рынком гособлигаций;
- осуществлять регулирование эмиссионных параметров государственных облигаций в соответствии с потребностями экономического развития;
- осуществлять регулирование структуры государственных облигаций.

Улучшение рынка облигаций. Как показали наши исследования, эффективность выпуска гособлигаций и их положительное стимулирование макроэкономического роста зависят от механизма устойчивости национального фондового рынка КНР. В настоящее время рынок гособлигаций в КНР находится на стадии низкой волатильности, поэтому необходимо совершенствовать инфраструктуру рынка облигаций, включая улучшение сотрудничества между разными рынками, прежде всего с фондовым Евразийским рынком экономического и валютного союза (Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Беларусь), продвижение инструментов объединенных рынков, увеличение ликвидности средств на вторичном рынке финансовых деривативов, стимулирование эффективного сотрудничества первичного и вторичного рынков гособлигаций, стимулирование активности участников рынка, чтобы сформировать эффективно функционирующие рынки в условиях «новой экономики».

Регулирование объема выпуска облигаций. Положительная роль гособлигаций в стимулировании экономического роста зависит от рациональных объемов гособлигаций, которые, как показали наши расчеты, определяются требованием национального экономического развития. Поэтому в долгосрочном периоде правительству необходимо выработать средне- и долгосрочный планы выпуска гособлигаций с учетом тенденций мирового экономического и валютного кризиса, который приобретает системный характер, при этом осуществлять эмиссию в соответствии с целями краткосрочного периода развития КНР с учетом волатильности, обусловленной четвертой волной мирового экономического и валютного кризиса. В краткосрочном периоде для эффективного воздействия на темпы экономического роста следует регулировать объемы эмиссии государственных облигаций их рациональные объемы, которые в зависимости от изменяющейся ситуации на рынках мегаэкономики позволят обеспечить стране устойчивое экономическое развитие, без значительных колебаний как в сторону развития, так и в сторону снижения темпов экономического роста реального сектора национальной экономики.

Регулирование структуры облигаций. В начале XXI века структура обращения гособлигаций на внутреннем рынке КНР, как показал наш анализ, находится в состоянии сильной волатильности, обусловленной четвертой волной мирового экономического и валютного кризиса. С целью оказания воздействия на равновесный экономический рост КНР с помощью гособлигаций необходимо улучшить структуру гособ-

лигаций, в том числе на основе регулирования доли облигаций с разными сроками погашения, обеспечения надлежащего равновесия гособлигаций как в среднесрочном периоде, так и в долгосрочном периоде, с учетом обращения гособлигаций Евразийского экономического союза стран СНГ. Необходимо также расширить спектр видов гособлигаций в целях удовлетворения потенциального спроса инвесторов. При этом также следует регулировать структуру процентных ставок гособлигаций для того, чтобы достигнуть равновесия на рынке процентных ставок ценных бумаг. Важным также является регулировка структуры использования гособлигаций для целей повышения эффективности их инвестирования в направлении усиления воздействия на стимулирующую и регулируемую функции государственных облигаций в рамках воздействия на экономический рост, обусловленный VI информационным укладом мегаэкономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Государственного статистического Бюро Китая. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn>.
2. Официальный сайт М-ва финансов Китая. – Режим доступа: <http://www.mof.gov.cn/index.htm>.
3. Козловский, В.В. Экономический механизм валютной интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь на основе современной экономической теории макроэкономического равновесия / В.В. Козловский // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2003. – № 2. – С. 94–99.
4. Козловский, В.В. Особенности пенсионной реформы Китая / В.В. Козловский, А.С. Селищев // Вестн. Полоц. гос. ун-та. – 2015. – № 13. – С. 86–89.
5. 史峰赫, 陈默, 张屹山.赤字财政预算下我国国债增长的影响研究 [J]. 工业技术经济, 2014, (3), с. 66–68.
6. 刘溶, 马拴友.赤字、国债与经增关系的实证分析 – 兼评极财政政策是否有挤出效应 [J] 经济研究, 2001, (2), с. 13–28.
7. 王攀, 牟.财政赤字、国债与经增长[J], 地质技术经济管理, 2003, (2), с. 14–16.
8. 乌跃良.国债与经增长系的定量分析[J], 财经问题研究, 2007, (6), с. 26–29.
9. 王哲, 张斌, 国债国民经增长影响的初步分析[J], 平原大学学报, 2007, (3), с. 13–16.
10. 白积洋, 国债政策对增长的作用机制研究 – 基于中国金融发展的计量检[J], 经济前沿, 2009, (07), с. 40–49.
11. 马静.我国国债增长效应的实证分析[J].赤峰学院院, 2013, (3), с. 68–70.
12. 史峰赫, 陈默, 张屹山.赤字财政预算下我国国债增长的影响研究 [J], 工业技术经济, 2014, (03), с. 66–68.
13. 阿尔弗雷德·格雷纳: 财政政策与经济增长 (郭庆旺, 杨铁山译), 北京经济科学出版社, 2000. – 356 с.
14. Gilles, Saint-Paul. Fiscal Policy in an endogenous growth model / Сен-Поль Жиль // The Quaterly Journal of Economic. – 1992. – November. – P. 1243–1259.
15. Michel, A. Nelsonn The deficit growth connection: Some recent evidence from developing countries / Michel, A. Nelsonn and D. Singh, // Ecnomic Developmet and Culture Change. – 1994. – № 2. – P. 167–191.

Поступила 16.02.2016

THE IMPACT OF NATIONAL BONDS ON CHINAS ECONOMIC GROWTH

ZHOU WEIDI, LU JINGWEN

The growth of the real sector of the China economy and the impact on them of instruments of monetary market are analyzed. Since the government debt is an important tool for the government macroeconomic regulation and control in modern global economic and monetary crisis, particular attention is paid to the Government of China's instrument of government borrowing, which in the current conditions of economic management are becoming increasingly important and essential.

Keywords: government bonds, economic growth, public debt, macro-economic regulation and control, the global economic and monetary crisis.

УДК 339.137.2

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ
(НА ПРИМЕРЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ)**

*канд. экон. наук, доц. Н.П. ЧЕТЫРБОК; Т.Н. ОСОПРЕЛКО
(Брестский государственный технический университет)*

На основе проведенного анализа отечественных и зарубежных теоретико-методических и прикладных аспектов формирования конкурентоспособности региона предложен алгоритм оценки конкурентной привлекательности регионов, который учитывает и сопоставляет ценности и ориентиры развития, актуальные как для Брестской области, так и для всей Беларуси. Результаты оценки конкурентоспособности регионов по четырем факторам и интегральной оценке сведены в таблицы оценок в разрезе регионов, построен ряд типологий, позволяющих отметить достоинства и недостатки области и каждого участника конкурентного соревнования регионов за потребителей социально-экономического пространства.

Ключевые слова: *регион, конкурентоспособность, факторы конкурентоспособности, конкурентное преимущество, оценка конкурентоспособности.*

Введение. Актуальность настоящей работы обусловлена, с одной стороны, большим интересом к исследованиям, затрагивающим вопросы оценки конкурентоспособности регионов в современной науке, с другой – недостаточной разработанностью данной тематики. Наибольший вклад в изучение теоретических и практических основ устойчивого развития внесли Я.М. Александрович, С.Н. Бобылев, А.В. Богданович, С.А. Бокарев, Л. Браун, В.И. Данилов-Данильян, Л.М. Крюков, В.К. Левашов, Н.Н. Моисеев, А. Паччеи, С.С. Полоник, А.Д. Урсул, В.Н. Шимов, О.С. Шимова, И.Н. Русак и другие исследователи. Вопросам исследования функционирования и развития региональной экономической системы посвящены труды В.Ф. Байнева, А.Г. Гранберга, В.С. Фатеева, Т.С. Вергинской, Н.И. Лозовика, М.В. Никитенко, П.Г. Никитенко, Ю.М. Осипова, С.А. Пелиха, Т.В. Сорокиной и других ученых. Наиболее активно проводятся фундаментальные и прикладные исследования в области региональной экономики и управления в Белорусском государственном экономическом университете, Институте экономики НАН Беларуси, НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь, в Исследовательском центре Института приватизации и менеджмента, в Белорусском государственном университете, в Академии управления при Президенте Республики Беларусь, в Брестском государственном техническом университете, Гродненском государственном университете и в других НИИ и вузах.

В имеющихся в настоящее время в основных государственных прогнозах и программах развития конкуренции в Республике Беларусь рассматривается целый ряд важнейших вопросов, регулирующих конкуренцию. В него включены вопросы антимонопольного законодательства, соотношения общеправовых принципов и правовых норм по защите конкуренции и др. Однако в этих документах условия и требования развития межрегиональной конкуренции не затрагиваются, не рассмотрены мероприятия по развитию конкуренции между городами и районами внутри региона или между соседними регионами. Конкурентоспособность и источники существующих различий в уровне развития регионов Беларуси остаются недостаточно изученными.

Основная часть. В современных условиях регионы и территории находятся в многомерном экономическом пространстве, с великим множеством межрегиональных взаимодействий. Существующие различные подходы к определению понятия «регион» отечественных и зарубежных ученых позволяют утверждать, что регионы являются как объектами конкурентоспособности, которые обеспечивают конкурентоспособность предприятий данных территорий (территориальный подход к определению понятия «регион»), так и субъектами конкурентоспособности, участниками конкурентных отношений (определение региона как социальной конструкции) [1].

В Республике Беларусь в силу сложившейся структуры расселения, что связано с особенностями природных условий, социально-демографического, исторического и культурного развития государства, при исследовании региональных аспектов социально-экономического развития правомерно выделять регионы в соответствии с принятым в республике административно-территориальным делением (шесть областей Беларуси и город Минск).

Конкурентоспособность региона определяется как совокупность экономических отношений по поводу устойчивого развития региона, отражающих эффективность использования текущих и перспективных конкурентных преимуществ региона в целях обеспечения высокого уровня жизни населения [2]. Актуальность направлений дифференцируется в зависимости от исторических, географических, демографических и других особенностей и ресурсного потенциала конкретного региона. При этом в определенном временном интервале *направления и предмет конкуренции* могут меняться [3].

На сегодняшний день в экономической литературе в большей степени разработаны и представлены методические приемы количественной оценки конкурентоспособности предприятий и стран. Алгоритм оценки конкурентоспособности различных территориальных образований (город, регион) еще не в полной мере адаптирован к открытой экономической системе. Различные точки зрения авторов совпадают в вопросах, касающихся факторов конкурентоспособности макроуровня. Некоторые ученые акцентируют внимание на факторах микроуровня (т.е. предприятия) или обращают внимание на «неосязаемые» факторы конкурентоспособности регионов. Системный анализ конкурентоспособности регионов современной Беларуси не проводится, исследования носят узконаправленный характер, нет однозначного подхода к оценке конкурентоспособности региона. Однако количественное измерение и расчет сводных индексов конкурентоспособности регионов является важным инструментом для разработки экономической политики.

Для анализа и оценки конкурентоспособности региона нами предлагаются наиболее значимые для данного периода времени и уровня социально-экономического развития Республики Беларусь факторы, которые отражают интегральную конкурентоспособность отдельных регионов для наиболее важных потребителей (население, туристов, студентов, предприятия): экономическое и инновационное развитие, качество жизни и человеческий потенциал.

Для оценки экономического развития в качестве свойств выбраны следующие: наличие и структура рабочих мест; уровень эффективности экономики; экономика в развитии; структура экономики субъектов, адекватная рыночной экономике.

Инновационное развитие характеризуется пятью свойствами, такими как: наличие и квалификация научно-технического персонала; финансовая обеспеченность инновационного процесса; результативность инновационного процесса; применение инновационных технологий; производство инновационной продукции и технологий.

Для характеристики качества жизни выбраны шесть свойств: жилищные условия; уровень денежных доходов населения; безопасность; культура; экология; обеспеченность медицинским обслуживанием.

При характеристике развития человеческого потенциала целесообразно рассмотреть следующие свойства: воспроизводство населения; здоровье населения и физическое развитие; культура; уровень образования и профессиональной подготовки.

Для измерения факторов конкурентоспособности регионов необходимо сформировать систему показателей, которые наиболее полно отображают свойства привлекательности регионов для потребителей. Выбор показателей подчинен критериальным требованиям: статистическая наблюдаемость, величина диапазона оценок по регионам, невысокая степень взаимной корреляции с другими выбранными показателями. Для приведения показателей в единую безразмерную форму полученные оценки переводятся в баллы по 100-балльной интервальной шкале.

Принимая во внимание рассматриваемые подходы различных авторов, для анализа экономического развития региона целесообразно выбрать две стороны экономической конкурентоспособности региона – *уровень экономического развития и динамику роста экономики*.

Из официальных изданий Национального статистического комитета Республики Беларусь для характеристики *уровня экономического развития* взяты наиболее значимые на современной стадии экономического развития следующие индикаторы: валовой региональный продукт на одного занятого в экономике (млрд руб.); чистая прибыль организаций на одного занятого в экономике (млрд руб.); доля занятых на малых предприятиях к общей численности занятых в экономике; доля экспорта в продукции обрабатывающих и добывающих производств и сельского хозяйства; уровень безработицы.

Для характеристики влияния *динамики экономического роста* на конкурентные свойства региона предлагаются следующие индикаторы: прирост валового регионального продукта (ВРП) в сопоставимых ценах; прирост производительности труда в сопоставимых ценах; инвестиции в основной капитал на душу населения; рост реальных располагаемых денежных доходов населения; рост численности занятых в экономике.

Эти показатели позволяют измерить влияние конкурентной привлекательности региона на улучшение показателей масштабов производства (прирост ВРП и рост численности занятых), эффективности производства (прирост производительности труда) и оценить эффективность маркетинга региона по привлечению инвестиций. Предложенные показатели не охватывают все стороны экономического развития региона. Однако дальнейшее расширение количества показателей будет принимать значение каждого из уже примененных показателей [4].

Выбранные в данном исследовании показатели для характеристики инновационной привлекательности регионов сгруппированы по двум фазам: *производство* научных знаний и технических инноваций и *применение* научных знаний, технологий, новой техники. Для первого субфактора предлагается использовать следующие показатели: численность занятых в науке, исследованиях и разработках на тысячу занятых в экономике; доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП; объем выполненных научно-технических работ организациями, проводившими научные исследования и разработки; соотношение затрат на технологические инновации и затрат на научную деятельность и разработки; удельный

вес инновационно активных организаций, осуществляющих затраты на технологические инновации, в общем числе обследованных организаций промышленности.

Для характеристики второго субфактора выбраны следующие показатели: удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции промышленности; удельный вес машино- и приборостроения в экономике региона; удельный вес численности работников, использовавших персональные компьютеры (в %) к списочной численности работников; инвестиции в основной капитал (только затраты на приобретение машин, оборудования, транспортных средств); доля затрат на технологические инновации в валовом региональном продукте.

Для оценки уровня конкурентоспособности регионов по фактору «качество жизни» предлагается распределить показатели по двум субфакторам: денежные доходы населения и условия жизни населения.

Для характеристики денежных доходов предлагаются три индикатора: номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников, тыс. руб.; соотношение доходов населения с бюджетом прожиточного минимума (в %); распределение населения по соотношению среднедушевых располагаемых ресурсов с бюджетом прожиточного минимума (в %).

Условия жизни населения оцениваются по следующим показателям: удовлетворенность домашних хозяйств жилищными условиями (полностью удовлетворены), в % к итогу; ввод в эксплуатацию общей площади жилых домов на 1000 человек населения, тыс. кв. м; численность практикующих врачей на 10 000 человек населения; число посещений театров, соизмеримое с численностью городского населения; выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников в расчете на одного жителя, кг; отведение недостаточно очищенных вод, соизмеренное с численностью городского населения, млн. куб. м; число зарегистрированных преступлений на 100 000 чел. населения, случаев.

Наиболее важными компонентами человеческого потенциала в условиях современной Беларуси являются демографическая и образовательная составляющие. В состав субфактора демографического развития включены следующие показатели: уровень рождаемости на 1000 чел. населения; ожидаемая продолжительность жизни населения; число преступлений, совершенных несовершеннолетними на 1000 чел. населения; заболевание населения алкоголизмом и алкогольными психозами на 100 тыс. человек; заболеваемость на 100 тыс. человек населения с установленным впервые в жизни диагнозом. В состав субфактора образования включены следующие показатели: охват детей дошкольным образованием; выпуск учащихся с аттестатом о среднем образовании на 1000 человек населения; выпуск квалифицированных рабочих и служащих, соотнесенные с общим числом населения; выпуск специалистов с высшим образованием, соотнесенный с численностью населения; численность исследователей с учеными степенями на 1000 человек населения.

В таблице 1 приведены балльные оценки по регионам Республики Беларусь по четырем факторам и восьми субфакторам, интегральные оценки конкурентоспособности регионов. В таблице 2 представлены регионы Республики Беларусь в ранжированном виде по уровню балльной интегральной оценки. Ранги приведены от одного до семи, которые получили регионы по каждому из факторов и субфакторов. На рисунке 1 представлена динамика балльных оценок конкурентных свойств по 8 субфакторам и интегральному показателю конкурентоспособности Брестского региона 2011 и 2014 годов.

Интегральная оценка конкурентоспособности по всем факторам

$$I = \frac{\sum_{i=1}^n K\Pi_j}{n}, \quad (1)$$

где $K\Pi_j$ – обобщенная нормированная оценка по фактору; n – количество учитываемых факторов при измерении уровня конкурентоспособности.

Наивысшую оценку конкурентоспособности имеет город Минск (74 балла). В этом регионе все субфакторы имеют балльные оценки выше, чем в среднем по Республике Беларусь. Самую низкую оценку интегральной конкурентоспособности имеет Могилевская область (22 балла).

Брестский регион в конкурентном соревновании в 2014 году занимает третье место по интегральной оценке конкурентоспособности регионов Республики Беларусь (40,5 балла); в 2011 году был только на пятом месте. *Слабым звеном* в развитии Брестской области является инновационная составляющая (17 баллов, 6 место) и низким остается уровень развития экономики (14 баллов, 5 место). Эти показатели в сочетании с низкими денежными доходами населения региона (34 балла) существенно понижают интегральную оценку конкурентной привлекательности Брестского региона. *Преимуществами* региона остаются условия жизни населения (63 балла, 2 место) и демографическая составляющая конкурентного потенциала (77 баллов, 1 место). Повысились в 2014 году конкурентные свойства Брестской области по динамике роста экономики (14 баллов, 7 место в 2011 году и 53 балла, 6 место в 2014 году). По денежным доходам Брестский регион переместился с седьмого места в 2011 году на второе в 2014 году.

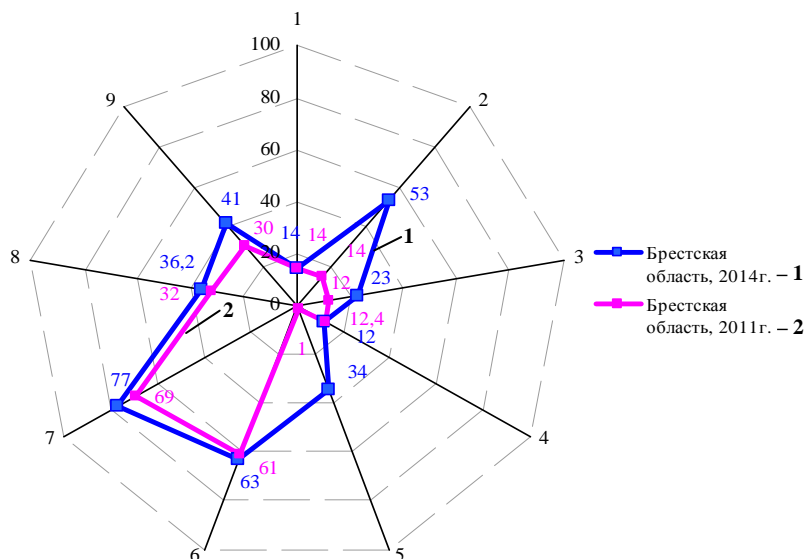
Таблица 1 – Оценки по факторам и субфакторам и интегральной оценке конкурентности регионов Республики Беларусь в баллах, 2014 год

Регион	По фактору экономики			По фактору инновации				По фактору качества жизни				По фактору человеческого потенциала				Интегральная оценка
	по уровню развития экономики	по росту экономики	в целом по экономическому фактору	производство научных знаний и технических инноваций	научные знания, технологии, применение новой техники	в целом по инновационному фактору		денежные доходы населения	условия жизни населения	в целом по фактору качества жизни	субфактор демографического развития	субфактор образования	в целом по фактору человеческого потенциала	субфактор развития человеческого потенциала		
						научные знания, технологии, применение новой техники	инновационному фактору									
Республика Беларусь	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	
Брестская область	14	53	34	23	12	17	34	63	54	77	36,2	57	40,5	40,5	40,5	
Витебская область	8	58	33	38	34	36	23	47	39,5	44	36,4	40	37,13	37,13	37,13	
Гомельская область	20	64	42	28	55	42	21	48	39,6	55	30	42	41,4	41,4	41,4	
Гродненская область	19	70	44	21	9,3	15	15	58	45	48,8	39	44	37	37	37	
г. Минск	100	57	78	80	74	77	70	71	71	60	80	70	74	74	74	
Минская область	55	93	74	14	24	18,9	17	38	32	48,9	12	31	39	39	39	
Могилевская область	2	4	3	14,3	22	18,4	2	36	26	47	34	41	22	22	22	

Таблица 2 – Ранжирование регионов Республики Беларусь по интегральной оценке конкурентной привлекательности, 2014 год

Регион	Ранги регионов														Интегральная оценка		
	по фактору экономики				по фактору инновации				по фактору качества жизни				по фактору человеческого потенциала				
	по уровню развития экономики	по росту экономики	в целом по экономическому фактору	производство научных знаний и технических инноваций	научные знания, технологии, применение новой техники	в целом по инновационному фактору	денежные доходы населения	условия жизни населения	в целом по фактору качества жизни	субфактор демографического развития	субфактор образования	в целом по фактору человеческого потенциала	субфактор развития человеческого потенциала	субфактор образования		в целом по фактору человеческого потенциала	
Брестская область	5	6	5	4	6	6	2	2	2	1	4	2	3	3	3		
Витебская область	6	4	6	2	3	3	3	5	5	7	3	6	5	5	5		
Гомельская область	3	3	4	3	2	2	4	4	4	3	6	4	2	2	2		
Гродненская область	4	2	3	5	7	7	6	3	3	5	2	3	6	6	6		
г. Минск	1	5	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	1	1	1		
Минская область	2	1	2	7	4	4	5	6	6	4	7	7	4	4	4		
Могилевская область	7	7	7	6	5	5	7	7	7	6	5	5	7	7	7		

Порядковый номер региона в общем рейтинге конкурентоспособности не полностью характеризует его место среди регионов Республики Беларусь. Если весь диапазон шкалы (от 74 у Минска и до 22 баллов у Могилевской области) разделить на пять равных отрезков, то можно увидеть, в какую группу попадает тот или иной регион по конкурентоспособности.

1 – уровень развития экономики; 2 – динамика роста экономики;
3 – производство научных знаний и технических инноваций;
4 – применение научных знаний, технологий, новой техники;
5 – денежные доходы населения; 6 – условия жизни населения;

7 – субфактор демографического развития региона; 8 – субфактор образования; 9 – интегральная оценка

Рисунок 1 – Сопоставление балльных оценок конкурентных свойств по 8 субфакторам и интегральному показателю конкурентоспособности Брестского региона, 2011 и 2014 годы

Первая (высшая) группа регионов разместились в диапазоне от 74 до 63,6 балла включительно. В эту часть диапазона попал один регион – город Минск, который отнесен к группе с *высокими конкурентными свойствами*. Следующие два участка диапазона от 63,6 до 53,2 балла (группа с повышенной конкурентной привлекательностью) и от 53,2 до 42,8 балла остались без регионов. Все остальные регионы разместились в участках диапазона конкурентоспособности по интегральной оценке от 53,2 до 22 баллов – места с *пониженными или низкими конкурентными свойствами*.

В таблице 3 приведены данные о распределении регионов по группам конкурентоспособности с указанием численности населения, проживающего в этих регионах; 79,6% населения Республики Беларусь проживает в регионах с *пониженными или низкими конкурентными свойствами*.

Таблица 3 – Ранжирование и группировка регионов по интегральной оценке конкурентной привлекательности, 2014 год

Регион	Интегральная оценка конкурентной привлекательности	Группа по уровню конкурентной привлекательности	Численность населения по группе регионов, тыс. чел.	Удельный вес по группе регионов, %, ко всем жителям Беларуси
Город Минск	74	1	1 938,2	20,4
Гомельская область	41,4	4	6471,9	68,3
Брестская область	40,5	4		
Минская область	39	4		
Витебская область	37,13	4		
Гродненская область	37	4		
Могилевская область	22	5	1070,8	11,3

Еще ниже результаты конкурентных свойств по интегральному показателю конкурентоспособности регионов Республики Беларусь были в 2011 году. Пониженная конкурентная привлекательность регионов будет приводить к тому, что как рабочие места, так и население последних групп регионов будут постоянно перемещаться в регионы с более высокими конкурентными свойствами [5].

Кроме ранжирования и группировки регионов целесообразно осуществить типологические построения регионов по интегральной оценке по следующим сочетаниям факторов: экономическое и инновационное развитие; экономическое развитие и качество жизни; экономическое развитие и человеческий потенциал. Результаты расчетов показывают, что к первому типу регионов, сочетающих высокий и повышенный уровень экономического и инновационного развития, относится город Минск. Ко второму типу регионов с повышенным уровнем экономического, но ниже среднего по стране уровнем инновационного развития – Минская область (табл. 4).

Таблица 4 – Типология регионов по взаимосочетанию обобщенных оценок по факторам экономического и инновационного развития, 2014 год

Группа регионов	Название региона и нормированные балльные оценки по факторам экономического и инновационного развития
Тип 1. Регионы с высоким уровнем экономического и инновационного развития	Город Минск (77; 78)
Тип 2. Регионы с высоким уровнем экономического и низким уровнем инновационного развития	Минская область (18,9; 74)
Тип 3. Регионы с высоким инновационным и низким уровнем экономического развития	–
Тип 4. Регионы с низким уровнем экономического и инновационного развития	Брестская область (17; 34); Витебская область (36; 33) Гомельская область (42; 42); Гродненская область (15; 44) Могилевская область (18,4; 3)

Брестская область относится к четвертому типу регионов по сочетанию *низкого уровня экономического и инновационного развития*. Брестский регион имеет опережение по экономическому развитию по сравнению с инновационным (34 и 17 баллов), что свидетельствует о недостаточном внимании и усилиях местных предприятий к использованию научно-технических достижений. По сравнению с 2011 годом в 2014 году Брестский регион нарастил потенциал экономического и инновационного факторов: 12 и 15 баллов в 2011 году и 17 и 34 баллов в 2014 году. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы Брестская область смогла переместиться из регионов 4 типа в более прогрессивные группы регионов с повышенными соотношениями уровня развития инновационного и экономического факторов. Распределение регионов по рассмотренной типологии инновационно-экономического развития показывает необходимость экономического роста с обязательным использованием инновационных достижений в регионах.

В типологии по сочетанию уровня развития экономики и качества жизни по сравнению с предыдущей видим улучшение ситуации (табл. 5). Брестский регион использовал свои резервы области в повышении конкурентных свойств региона за счет увеличения уровня развития экономики и улучшения качества жизни и перешел из 4 типа регионов в 2011 году в третью группу в 2014 году, оставив позади другие регионы четвертой группы по данной типологии.

Таблица 5 – Типология регионов по взаимосочетанию обобщенных оценок по факторам экономического развития и качества жизни

Группа регионов	Название региона и нормированные балльные оценки по факторам экономического развития и качества жизни
Тип 1. Регионы с высоким уровнем экономического развития и качества жизни	Город Минск (71;80)
Тип 2. Регионы с высоким уровнем экономического и низким уровнем качества жизни	Минская область (32; 64)
Тип 3. Регионы с высоким уровнем качества жизни и низким уровнем экономического развития	Брестская область (54; 26)
Тип 4. Регионы с низким уровнем экономического развития и качества жизни	Витебская область (39,5; 28); Гомельская область (39,6; 45) Гродненская область (45;44); Могилевская область (26;13)

В таблице 6 представлена типология по соотношению уровня экономического развития и человеческого потенциала. Брестский регион в 2014 году улучшил свои балльные оценки экономического развития и человеческого потенциала за счет демографического развития (69 баллов в 2011 году и 77 баллов в 2014 году) и укрепился среди регионов на третьем месте.

Для стратегического маневра и ускорения развития региона выделить актуальные из всей совокупности факторов достаточно трудно. Взаимовлияние таких факторов роста, как образование и инновации, имеют «примеси» влияния коррелированных с этими других движущих или тормозящих сил.

Таблица 6 – Типология регионов по взаимосочетанию обобщенных оценок по факторам экономического развития и человеческого потенциала

Группа регионов	Название региона и нормированные балльные оценки по факторам экономического развития и человеческого потенциала
Тип 1. Регионы с высоким уровнем экономического и человеческого потенциала	Город Минск (70; 80)
Тип 2. Регионы с высоким уровнем экономического и низким уровнем развития человеческого потенциала	Минская область (31; 64)
Тип 3. Регионы с высоким уровнем развития человеческого потенциала и низким уровнем экономического развития	Брестская область (57; 26)
Тип 4. Регионы с низким уровнем экономического развития и уровнем человеческого потенциала	Витебская область (40; 28) Гомельская область (42; 45) Гродненская область (44; 44) Могилевская область (41; 13)

Очевидно, что уровень развития сферы образования, влияет на инновационную сферу, так как инновационная сфера использует работников с высоким уровнем образования и опытом исследовательской работы. Направление влияния «образование – экономика» показывает все большую необходимость для сферы производства людей с высоким уровнем общего и специального среднего и высшего образования. Уровень образования в экономике в сегодняшних условиях влияет на экономический рост не только за счет более высокой производительности труда квалифицированного работника, но и создает возможности быстрых структурных сдвигов в экономике, соответствующих тенденциям мирового прогресса. Сфера образования влияет и на качество жизни, создаются новые возможности для познания мира, информационного обеспечения людей, более эффективного использования свободного времени. В задачу исследования входят и возможные количественные оценки взаимовлияний сфер «инновации – экономика» и «инновации – качество жизни».

Для оценки взаимовлияния исследуемых сфер социально-экономического развития регионов может быть использован показатель «коэффициент взаимовлияния сфер развития» [5]. Данный коэффициент может быть рассчитан на основе обобщающих оценок конкурентоспособности каждой пары сфер развития (табл. 7), например, образования инноваций, образования и экономики и т.д.:

$$K_{BVi}^{o \rightarrow z} = \frac{K_i^o}{K_{max}^o} \cdot \frac{K_i^z}{K_{max}^z}, \quad (2)$$

где $K_{BVi}^{o \rightarrow z}$ – коэффициент взаимовлияния сфер образования и экономики i -го региона; K_i^o – оценка конкурентоспособности сферы образования i -го региона в баллах; K_{max}^o – максимальное значение оценки конкурентоспособности сферы образования в баллах по всем регионам Беларуси; K_i^z – конкурентный потенциал сферы экономики i -го региона в баллах; K_{max}^z – максимальное значение оценки конкурентоспособности сферы экономики в баллах по всем регионам Беларуси.

Математический смысл коэффициента взаимовлияния исследуемых социально-экономических сфер жизнедеятельности региона заключается в обобщении (перемножении) оценок *относительного уровня конкурентоспособности* каждой из сфер с учетом максимальных и минимальных значений по регионам Республики Беларусь в единую оценку, величина которой отображает не только достигнутый *уровень конкурентоспособности*, но и *эффективность взаимодействия* двух оцениваемых сфер [5].

Экономический смысл коэффициента взаимовлияния исследуемых социально-экономических сфер жизнедеятельности региона заключается в *оценке уровня эффективности и потенциала роста* каждой из сфер в процессе развития. Чем выше коэффициент взаимовлияния сфер, тем выше исходные уровни развития каждой из них и эффективнее их взаимовлияние. Величина коэффициента взаимовлияния может варьироваться в диапазоне от 0 до 1, коэффициент тем выше, чем выше балльная оценка конкурентоспособности любой из сфер развития. Коэффициент взаимовлияния может снижаться вплоть до 0. Большие коэффициенты взаимовлияния получаются при равнонаправленных повышенных значениях конкурентоспособности по факторам [5]. Регионом-лидером по всем вариантам взаимодействия сфер развития является город Минск. Брестская область имеет низкий результат (0,21) по интегральной оценке коэффициентов взаимовлияния сфер развития региона из-за низкого уровня развития инновационной сферы, экономики и образования (17, 34 и 36 баллов). Низкие конкурентные свойства этих сфер развития снижают возможности воздействовать на другие сферы или воспринимать это воздействие. Величина коэффициента влияния образования на экономику составляет 0,197; влияния образования на инновационную сферу – 0,1. Отставание развития образования здесь снижает возможные резервы роста и усиления инновационности экономики. Фактор образования на качество жизни стал влиять больше – коэффициент взаимовлияния образования на качество жизни (0,344) выше, чем у других регионов. Низкие балльные оценки конкурентоспособности по факторам инноваций и экономики дали очень низкий коэффициент взаимовлияния – 0,072. Низкие коэффициенты взаимовлияния указывают не только на низкую эффективность использования всех ресурсов развития в регионе, но и на большой потенциал роста каждой из сфер в процессе развития Брестского региона. *Потенциал роста* всегда ограничен, у менее конкурентоспособных регионов он тем более низок.

Таблица 7 – Коэффициенты взаимовлияния сфер развития регионов Республики Беларусь, ранжированные по интегральной оценке, 2014 год

Ранг среди регионов Республики Беларусь	Регион	Образование – экономика		Образование – инновации		Образование – качество жизни		Инновации – экономика		Инновации – качество жизни		Экономика – качество жизни		Интегральная оценка							
		уровень конкурентоспособности	экономика	уровень конкурентоспособности	инновации	уровень конкурентоспособности	образование	уровень конкурентоспособности	экономика	уровень конкурентоспособности	инновации	уровень конкурентоспособности	экономика		уровень конкурентоспособности	коэффициент взаимовлияния					
3	Брестская область	36,2	34	0,197	0,1	36,2	17	0,1	36,2	54	0,344	17	34	0,072	17	54	0,17	34	54	0,33	0,21
5	Витебская область	36,4	33	0,193	0,21	36,4	36	0,21	36,4	39,5	0,253	36	33	0,164	36	39,5	0,26	33	39,5	0,24	0,23
2	Гомельская область	30	42	0,202	0,2	30	42	0,2	30	39,6	0,209	42	42	0,307	42	39,6	0,3	42	39,6	0,3	0,25
6	Гродненская область	39	44	0,275	0,09	39	15	0,09	39	45	0,309	15	44	0,107	15	45	0,12	44	45	0,36	0,21
1	г. Минск	80	78	1	1	80	77	1	80	71	1	77	78	1	77	71	1	78	71	1	1
4	Минская область	12	74	0,142	0,04	12	18,9	0,04	12	32	0,088	18,9	74	0,196	18,9	32	0,11	74	32	0,43	0,17
7	Могилевская область	34	3	0,016	0,1	34	18,4	0,1	34	26	0,156	18,4	3	0,039	18,4	26	0,09	3	26	0,01	0,06

Из проведенного исследования и выявленных особенностей в соотношении величины конкурентоспособности регионов Республики Беларусь *можно предложить* для выбора приоритетов в процессе регионального управления придерживаться следующего соотношения оценок конкурентоспособности сфер образования, инноваций, экономики и качества жизни:

$$K_o \geq K_u \geq K_z \leq K_{жж}, \quad (3)$$

где K_o – конкурентоспособность сферы образования; K_u – конкурентоспособность сферы инноваций; K_z – конкурентоспособность сферы экономики; $K_{жж}$ – конкурентоспособность сферы качества жизни.

Самой *приоритетной* и обеспечивающей необходимое качество развития является *сфера образования*. Без достаточного уровня общего и профессионального образования невозможно обеспечить инновационность развития.

Брестская область вошла в группу регионов с *наименьшими отклонениями* от оптимальной модели в пользу приоритета развития экономики над инновациями. Таким образом, Брестский регион характеризуется тем, что обеспечивает повышенный приоритет развития экономики по сравнению с инновационной сферой, то есть у него *экономическое развитие недостаточно инновационно*.

Приведенный пример показывает, что предложенный коэффициент взаимовлияния как *инструмент анализа планирования* может быть полезен для применения в органах управления.

Заключение. Предложенная методика оценки конкурентоспособности регионов Республики Беларусь, оценки и результаты анализа конкурентоспособности регионов может эффективно использоваться в целях мониторинга и маркетинга преимуществ и привлекательности Брестского региона, для дальнейших научных разработок отделов региональных центров социально-экономических исследований ГНУ «НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь». Органы региональной власти могут использовать регулярно обновляемые оценки и анализ конкурентоспособности территориального пространства в целях формирования долгосрочной политики развития территорий, усиления сотрудничества и обмена опытом между субъектами территориального развития [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Савельев, Ю.В. Управление конкурентоспособностью региона: от теории к практике / Ю.В. Савельев; Ин-т экономики КарНЦ РАН. – Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2010. – 516 с.
2. Шашко, А.А. Управление конкурентоспособностью регионов Беларуси на основе рейтингового подхода к анализу их инновационно-инвестиционного потенциала [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. экон. наук / А.А. Шашко; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2013. – 28 с.
3. Барабанов, А.С. Управление региональной конкурентоспособностью [Текст] / А.С. Барабанов; под науч. рук. Т.В. Усковой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 160 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/isedt/2014/1403589639BARABANOV.PDF>.
4. Экономика: учебник / под ред. А.С. Булатова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономика, 2006. – 831 с.
5. Гринчель, Б.М. Экспериментальная проверка метода измерения конкурентного потенциала регионов России / Б.М. Гринчель, Е.А. Назарова // Модернизация и экономическая безопасность России. Т. 2 / под ред. Н.Я. Петракова. – М., 2011; Развитие российских регионов: новые теоретические и методологические подходы / Ин-т проблем региональной экономики РАН; отв. ред. Е.Б. Костяновская. – СПб.: Наука, 2006. – 618 с.
6. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. – Минск, 2015; Асаул, А.Н. Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов / А.Н. Асаул // Проблемы современной экономики. – СПб., 2013. – № 4 (48). – С. 257–260.

Поступила 11.04.2016

MODERN APPROACHES TO THE COMPETITIVENESS ASSESSMENT REGIONS OF BELARUS (ON THE EXAMPLE OF THE BREST REGION)

N. CHETYRBOK, T. OSOPRELKO

On the basis of the carried-out analysis of domestic and foreign teoretiko-methodical and applied aspects of formation of competitiveness of the region the algorithm of an assessment of competitive appeal of regions which considers and compares values and the reference points of development actual for the Brest region and for all Belarus is offered. Results of an assessment of competitiveness of regions on four factors and an integrated assessment are tabulated estimates in a section of regions, a number of the tipologiya helping to note merits and demerits of area and each participant of competitive competition of regions for consumers of social and economic space is under construction.

Keywords: *region, competitiveness, factors of competitiveness, competitive advantage, competitiveness assessment.*

УДК 658.001.895

**АНАЛИЗ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ТЕХНИКИ НА СТАДИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ**

*канд. экон. наук, доц. Д.В. ТИМОФЕЕВ
(Полоцкий государственный университет);*

*канд. экон. наук Л.С. СТРИГУЛЬ
(Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт, Украина, Харьков»)*

Рассматривается сущность различных подходов к оценке конкурентоспособности промышленной продукции предприятия. Представлены пять видов оценки конкурентоспособности, разнесенных по стадиям жизненного цикла продукции. Доказано, что важность выбора оценки конкурентоспособности, особенно на стадии конструкторской разработки, состоит в достоверности и полноте результатов оценки, что, в свою очередь, влияет на успешность реализации технического проекта. Обоснован основной недостаток существующих методов оценки конкурентоспособности – отсутствие учета фактора времени и динамического изменения показателей конкурентоспособности продукции. Проанализированы современные концепции оценки уровня конкурентоспособности. Показано, что в системе методов оценки конкурентоспособности можно выделить две основные категории – ее показатели и уровень.

Ключевые слова: конкурентоспособность продукции, методы оценки, интегральный показатель, системный подход, цена потребления, динамические аспекты оценки конкурентоспособности продукции.

Введение. В условиях рыночной экономики главной задачей товаропроизводителя является не производство продукции, а ее реализация. В таких условиях функция производства становится подчиненной, зависимой от функции сбыта. При этом центр тяжести экономико-аналитической работы перемещается в область изучения потребителей и спроса на рынке сбыта. Стремление добиться преимуществ в конкурентной борьбе заставляет фирмы-производители предлагать конкурентоспособные модели изделий, которые обеспечивают потребителю повышение степени удовлетворения потребности при неизменных или уменьшающихся затратах с его стороны. Совершенствование изделий может идти не только по пути улучшения их параметров, но и через создание принципиально новых с точки зрения конструкции средств удовлетворения потребности. Этим, прежде всего, определяется конкурентоспособность (КС) продукции как совокупность качественных и стоимостных характеристик товара, который обеспечивает удовлетворение конкретной потребности покупателя [1; 2].

На стадии разработки и создания изделий (особенно сложной конструкции и длительных сроков службы) проблема оценки их КС существенным образом усложняется. Это обусловлено, во-первых, влиянием фактора времени, учитывая, что существует заметный разрыв по срокам оценки КС на данной стадии и фактическим ее проявлением на стадии реализации и применения продукции. Существенным образом усложняется при этом управление процессом формирования КС. Во-вторых, на стадии создания изделий существует проблема неопределенности и недостатка информации о будущих характеристиках рынка сбыта, сфер производства и применения продукции, являющихся, безусловно, функциями времени [3].

Исследование и разработки всегда имеют большую степень неопределенности. Так, в среднем 70% разработок инновационной продукции не приводят к ожидаемому результату. Причем 80% неудач выявляются после создания новых товаров и проявляются лишь на стадии пробной реализации. Коммерческий успех имеют не больше 10% разработанных идей [4; 5], поэтому многие крупные фирмы ведут разработку 50–100 новых изделий одновременно, что позволяет менеджерам и маркетологам выбрать наиболее удачные для внедрения в производство [6]. Чем раньше осуществляется оценка идеи, тем меньше затрат понесет производитель продукции при ее разработке и внедрении в производство. Как отмечается в [7], уровень мирового класса достигается исключительно за счет высокой культуры производства, включая инновационные процессы и принятие концепции непрерывного совершенствования. В такой ситуации затраты на НИОКР являются наиболее важным фактором, обеспечивающим КС промышленного предприятия, в особенности выпускающего передовую наукоемкую продукцию [8–10].

Основная часть. Рассмотрим общие принципиальные подходы к оценке КС техники и ее особенности на стадии создания изделий. Согласно стадийному характеру производства (разработка – изготовление – продажа – эксплуатация) оценка КС необходима на всех стадиях жизненного цикла продукции. Соответственно этому выделяются пять видов оценки [11]: предпроектная; проектная (по отношению к опытному или опытно-промышленному образцу); готового изделия (серийного или уникального); рыночная; потребителем (в процессе эксплуатации).

Предпроектная оценка заключается в анализе потенциальной КС изделия, предоставленного в виде набора технико-экономических характеристик, которые и представляют базу для разработки технического задания (ТЗ). Именно на этой стадии необходимо провести тщательные маркетинговые исследования, выявляющие:

- основных производителей аналогичной продукции, их положение на рынке;
- главные технические, технико-экономические, стоимостные и потребительские характеристики, которые обуславливают успех на рынке;
- методы и приемы, применяемые главными конкурентами в сфере неценовой конкуренции;
- наиболее значимые конъюнктурообразующие факторы, рассчитанные соответственно определенным прогностическим моделям на дату выхода с данным изделием на рынок.

Результаты маркетинговых исследований, проведенных предприятием-производителем, должны влиять на принятие решения о разработке и характеристиках ТЗ на новое изделие.

Проектная оценка осуществляется на основе данных, полученных в процессе испытаний опытного образца или опытно-промышленного образца изделия. В отличие от предыдущей стадии, здесь оцениваются технический уровень (ТУ) и качество не только самого изделия, но и основных узлов, агрегатов и комплектующих изделий, полученных от других предприятий, а также используемых материалов. Кроме входного контроля предприятие-потребитель комплектующих и материалов может принимать участие в усовершенствовании и реконструкции производства предприятия-поставщика, заинтересовать его в прибыли от продажи конечной продукции.

Оценка готового изделия предполагает уточнение всего набора показателей КС новой продукции. Набор оцениваемых показателей на данной стадии расширяется. Кроме дефектности оцениваются стандартность используемой системы технологического обеспечения выпуска серийной продукции, а также возможности оснащения нового изделия дополнительными устройствами, увеличивающими универсальность его использования и тем самым повышающими его потребительские свойства.

Рыночная оценка КС продукции дается потребителем в процессе купли-продажи, то есть в условиях выбора он отдает предпочтение тому или другому изделию исходя из своих средств и потребностей.

Потребительская оценка КС изделия осуществляется потребителем в процессе эксплуатации. Важно, чтобы такие данные доходили до производителя, создавая обратную связь с потребителем. Эти данные, а также результаты рыночной оценки становятся базой для следующего цикла создания принципиально нового изделия.

Из современных концепций оценки уровня КС известны [12–14]:

- *оценка КС с позиции сравнительных преимуществ*. Непосредственное изменение сравнительных преимуществ, как утверждают авторы этих работ, невозможно, поэтому применяются косвенные методы оценки (например, построенные на предположении – чем ниже издержки производства в области изучения потребителей и спроса на рынке сбыта, тем большим преимуществом она обладает по отношению к конкурентам. В рамках теории сравнительных преимуществ для оценки уровня КС используют в качестве критерия оценки уровень достижения производителем каких-либо целей: объема прибыли, нормы прибыли, уровня продаж, доли на рынке и др.;

- *изучение КС производителя исходя из теории равновесия*. Этот метод применяется только в условиях совершенной конъюнктуры и для составления равновесия области в результате своего развития. Такое равновесие надо уметь оценить, так как данный метод оценки КС имеет больше теоретическое, чем практическое значение.

- *оценка КС, выполняемая исходя из теории конкуренции*, в основе которой находится разработка критерия для признания достаточным для поддержания высокой эффективности хозяйственной деятельности, оцениваемой системой показателей: соотношение издержки – цены, загрузка производственных мощностей, объемы выпуска продукции, норма прибыли и т.д.;

- *матричные методы изучения КС*, широко применяемые американскими консалтинговыми фирмами. Конкурентоспособность «стратегических единиц бизнеса» определяется на основе матрицы, где отображаются темпы роста ёмкости рынка и доля процента на рынке. Наиболее конкурентоспособны те «единицы бизнеса», которые занимают значительную долю на быстрорастущем рынке;

- *оценка КС на базе теории качества товара*. В данном методе уровень КС связывают с показателями качества выпускаемой продукции, объективная оценка качества которой предполагает сравнение товара с аналогичным изделием фирмы или отрасли конкурента по параметрам, отражающим потребительские свойства товара. Этот метод базируется на положениях теории маркетинга и широко используется консалтинговыми фирмами Западной Европы.

На практике распространены два односторонних подхода к оценке конкурентоспособности техники (КСТ). В первом случае под КСТ понимают лишь комплекс потребительских свойств, отделяя его от стоимости. Считается, что низкая КСТ ведет к снижению цен на товары, и наоборот, повышение КСТ

обуславливает рост цен. В промышленности западных стран потери от низкого качества, составляющие 10–15% стоимости произведенной продукции, во много раз перекрывают затраты на его обеспечение и поддержание. Безусловно, в условиях рыночной конкуренции качество выпускаемой продукции (т.е. совокупность свойств продукции, которые обуславливают ее пригодность удовлетворять нужды потребителя) является одним из ключевых факторов, без которого невозможно обеспечить необходимый объем сбыта товаров. Другой подход основывается на определении КСТ через цену, которая выходит из представления о цене как об универсальной характеристике товара, в которой отображаются все его потребительские свойства. Различие таких свойств у конкурирующих товаров должно проявляться в различии цен, что и является конкурентоспособностью этих товаров по отношению друг к другу [15–17].

Однако эти подходы взаимосвязаны. Исходя из этого, в условиях развитых рыночных отношений возникает необходимость построения оценки уровня КСТ, основанной на принципах системного подхода (СП), устраняющих разобщенность и несогласованность отдельных подходов к проблеме КС товара и ее составляющим. Системный подход используется как методология анализа и синтеза науки и техники, организационных и производственных комплексов в целом как систем [18; 19]. Исходя из главного принципа СП – целостности – система оценки КСТ должна строиться на основе так называемого интегрального аспекта, который изучает основные факторы, обуславливающие формирование и функционирование системы.

Соответственно, в существующих подходах основой для оценки КС техники являются потребительские свойства продукции, затраты покупателя и конъюнктура рынка. Так, совмещенный анализ, предлагаемый в [20], представляет метод декомпозиции, который позволяет оценить структуру потребительских преимуществ при условии, что общая оценка альтернатив может быть описана в терминах уровней различных признаков. Предложена модель оптимального выбора цены для нового товара со многими признаками на основе значений полезности для разных уровней признаков, измеренных с помощью совмещенного анализа. Значение полезности для каждого уровня признаков оценивается вероятностными методами. Таким образом, показатель КС продукции оцениваемого образца можно представить как отношение уровня качества этого образца к предлагаемой или фактической цене реализации:

$$П_{kj} = \frac{КП_{y kj}}{Ц_j}, \quad (1)$$

где $КП_{y kj}$ – комплексный показатель уровня качества j -го оцениваемого образца продукции; $Ц_j$ – предвиденная или фактическая цена реализации образца.

Качество продукции при этом оценивается относительной характеристикой продукции, основанной на сопоставлении значений показателей, характеризующих техническое и эстетико-эргономичное совершенство, комплексных показателей надежности и безопасности оцениваемой продукции с базовыми значениями соответствующих показателей.

Предлагается также оценка КС продукции, которая выглядит в относительном виде, когда эталонном сравнения берется базовый образец, как

$$ОП_{kj} = \frac{П_{kj}}{П_{kб}}, \quad (2)$$

где $ОП_{kj}$ – относительный показатель КС рассматриваемого j -го образца; $П_{kб}$ – показатель КС базового образца, за который принимают аналог, пользующийся наибольшим спросом.

Показатель КС базового образца определяется аналогично показателю КС оцениваемого образца. В этом случае относительный показатель КС оцениваемого образца может быть выражен как:

$$ОП_k = \frac{П_{kj}}{П_{kб}} = \frac{\frac{КП_{y kj}}{Ц_j}}{\frac{КП_{y kб}}{Ц_б}} = \frac{ОП_{y k}}{ОУ_ц}, \quad (3)$$

где $ОП_{y k}$ – относительный показатель уровня качества рассматриваемого образца; $ОУ_ц$ – относительный уровень цены реализации рассматриваемого образца.

В результате приведения к базовому значению относительный показатель КС оцениваемого образца получает наглядное выражение. Если $ОП_k \geq 1$, то показатель КС оцениваемого образца превышает или равняется показателю КС базового образца. При $ОП_k < 1$ видна степень отставания КС рассматриваемого образца от базового.

Расчет относительного показателя КС оцениваемого образца не заменит маркетинговых исследований. Однако на этапе планирования и разработки новых образцов технических изделий, вполне достаточно знания относительного показателя КС планируемого или оцениваемого образца с точки зрения прогноза рентабельности разработки, ориентировочных сроков окупаемости разработки и производства тех или иных технических изделий.

Для многих видов изделий реализация полезного эффекта достигается в ходе эксплуатации, что связано с дополнительными расходами для покупателя. Таким образом, при удовлетворении потребности покупатель несет расходы, как по приобретению изделия, так и по его потреблению. В целом общая сумма этих затрат выступает для покупателя в виде «цены удовлетворения потребности» или цены потребления (ЦП).

Уровень ЦП должен соответствовать размеру средств, которые покупатель готов ассигновать на удовлетворение конкретной потребности, т.е. представляется для покупателя фактором, определяющим КС конкретного изделия. Поэтому для оценки КС необходимо сопоставить параметры анализируемого изделия и изделия-конкурента с уровнем, заданным потребностью покупателя.

При оценке КС сложных технических изделий, осуществляемой на стадии их создания, важно оценить весь спектр показателей. При этом на КС техники влияет комплекс из трех групп параметров: технических, экономических и социально-организационных.

1) *технические параметры*. По ним можно судить о назначении товара, его принадлежности к определенному виду продукции. Это также характеристики, отображающие технико-конструкторские решения. Сюда относят стандарты, нормы, правила, законодательные акты, определяющие границы изменения технических параметров. Это также и эргономичные показатели, отображающие, насколько товар соответствует свойствам человеческого организма и его психики (удобство работы, скорость утомления, степень стыковки человека с машиной);

2) *экономические параметры* представлены величиной затрат на производство товара, его ценой, расходами на транспортировку, установку, ремонт, эксплуатацию и техническое обслуживание, обучение персонала, образующие цену потребления. Цена потребления, как правило, выше цены продажи;

3) *социально-организационные параметры* – это учет социальной структуры потребителей, национальных особенностей в организации производства, сбыта, рекламы товара и др.

В работе [20] предложена методика оценки уровня КС товара как интегрированного результата действия широкого круга факторов. Она предполагает проведение нескольких этапов расчета.

На *первом этапе* определяется комплексный показатель «осознанного качества». Этот показатель учитывает улучшение технического уровня и качества нового товара лишь в пределах, отвечающих нуждам клиента. Выполнение задач первого этапа предусматривает: во-первых, выбор аналога; во-вторых, определение весовости параметров нового изделия и аналога; в-третьих, определение параметрических индексов качества нового изделия по каждому показателю в сравнении с аналогом и учет значений «потребностей потребителя». Четвертый шаг предполагает определение, собственно, комплексного показателя осознанного качества как суммы произведений каждого из параметрических индексов качества определенного показателя на его весовость.

Вторым этапом определения уровня КСТ является сопоставление цен потребления нового товара и аналога. Предлагается использование следующего метода расчета ЦП:

$$Ц_{nom} = Ц_m + B_{эк}^{pv}, \quad (4)$$

где $Ц_m$ – цена производства товара с учетом (при необходимости) стоимости транспортно-монтажных работ и обучение персонала; $B_{эк}^{pv}$ – настоящая стоимость ежегодных эксплуатационных расходов на протяжении срока службы изделия ($B_{эк}^{pv}$ определяется как сумма дисконтируемых ежегодных эксплуатационных расходов на протяжении срока службы изделия).

Третий этап состоит в оценке уровня качественно-ценовой КС нового изделия (УКЦКСНИ). Особенность подхода в том, что новое изделие может быть признано конкурентоспособным, если его ЦП ($Ц_{nom}^n$) не больше ЦП аналога ($Ц_{nom}^a$), скорректированной на комплексный показатель осознанного качества нового изделия ($K_n^{ко}$). Расчет индекса УКЦКСНИ (I_k^{u-k}) осуществляется по следующей формуле:

$$I_k^{u-k} = Ц_{nom}^a \cdot \frac{K_n^{ко}}{Ц_{nom}^n}. \quad (5)$$

При условии $I_k^{u-k} \geq 1$ новое изделие конкурентоспособно по качественно-ценовым характеристикам.

На *четвертом этапе* учитываются также и другие факторы, существенно влияющие на общий уровень конкурентоспособности: движение товаров, сервисное обслуживание. Показатели, по которым оцени-

ваются данные факторы, берутся: для условий доставки – срок доставки товара потребителю и гарантийный период, период обеспечения запчастями при послегарантийном обслуживании, полнота техобслуживания; для условий оплаты – наличие и размер скидок и кредитов. Оценка влияния этих факторов осуществляется на основе балльной оценки с учетом их весомости, что позволяет определить комплексный показатель «сервисных факторов» и соответственно уровень КС нового товара по этой составляющей.

На основе рассчитанных уровней КС нового товара (по качественно-ценовым характеристикам и по сервисным факторам) определяется индекс общей КС изделия. Это создает условия для расчета оптимальной цены реализации нового товара и предлагается формула для ее определения. В целом предложенные в работе [21] методические подходы позволяют осуществлять оценку КС на стадии проектирования товара и уже на первых стадиях жизненного цикла обнаруживать его конкурентные преимущества и «слабые» места.

Среди методов оценки КСТ известен также так называемый критериальный подход [22]. При выборе критерия КС имеет место множество различных и противоречивых точек зрения. Это объясняется не только различными подходами к трактованию критерия, но и сложностью оценки КС. Классическим примером критерия, используемого при оценке уровня КС продукции, является максимум величины полезного эффекта, отнесенного на единицу расходов на приобретение и эксплуатацию изделия:

$$K_u = \left(\frac{\mathcal{E}}{\text{ЦП}} \right) \rightarrow \max, \quad (6)$$

где ЦП – цена потребления данного изделия; \mathcal{E} – полезный эффект от эксплуатации или потребления продукции.

При определении экономического эффекта у потребителя в связи с повышением качества необходимо пользоваться правилом тождественности эффектов, сущность которых заключается в корректировке (умножении) расходов у потребителя при использовании изделия более низкого качества.

Критериальный показатель $\mathcal{E}/\text{ЦП}$ используют в связи с тем, что покупателя интересует не абсолютный, а относительный рост технических параметров, т.е. когда затраты на выполнение единицы работы с помощью данного вида оборудования снижаются. Такой критерий предлагается как интегральная оценка уровня КС. Однако расчет уровня КС продукции на основании этого критерия затруднен, так как отсутствует информация о полезном эффекте от эксплуатации изделия за весь срок службы. Другой критерий представляет собой минимум совокупных расходов потребителя на приобретение и эксплуатацию изделия в расчете на единицу его основного технического параметра, а при отсутствии такого – на единицу обобщающего показателя ТУ:

$$K_u = \left(\frac{\text{ЦС}}{P} \right) \rightarrow \min, \quad (7)$$

где P – главный технический параметр изделия.

Однако этот подход является весьма укрупненным, учитывая то, что один, хотя и главный, параметр довольно узко характеризует изделие.

Широко используется критерий максимизации интегрального показателя КС [23], что определяется по следующей формуле:

$$K_u = \left(\frac{J_{н.н.} \cdot J_{м.н.}}{J_{э.н.}} \right) \rightarrow \max, \quad (8)$$

где $J_{н.н.}$ – групповой показатель по нормативным параметрам; $J_{м.н.}$ – групповой показатель по техническим параметрам; $J_{э.н.}$ – групповой показатель по экономическим параметрам.

Этот метод исходит из двух принципов построения сводного, обобщающего показателя уровня КС: во-первых, используются относительные единичные и обобщающие показатели оценки КС с целью устранения несопоставимости физических величин, их размерности; во-вторых, применяются условные расчеты величин, которые не имеют реального экономического содержания. То есть экономическая трактовка полученных оценочных показателей в этом случае затруднена.

Аналогичные выводы можно сделать и по индексному методу построения показателей КС, что рекомендуется в работе [24], при котором обобщающую характеристику КС дает ее интегральный индекс:

$$J_{КС} = \frac{J_n}{J_э}, \quad (9)$$

где J_n – сводный параметрический индекс; $J_э$ – сводный индекс экономических факторов.

В качестве последнего показателя можно представить отношение цен потребления сравниваемых товаров. Формулы (8) и (9) по смыслу и способом расчета являются идентичными, и их применение для оценки уровня КС дает аналогичные результаты.

В целом вышеизложенные методы оценки КСТ отображают основной спектр существующих подходов к решению данной задачи. Следует отметить, что в рассмотренном комплексе этих методов довольно заметна тенденция к формированию обобщенного и интегрального показателей КСТ. Это объективно, принимая во внимание сложность, многоаспектность проявления и взаимосвязь отдельных (единичных) показателей КСТ. Кроме того, учитывая то, что превалирующим свойством КСТ является ее относительность, четко проявляется стремление оценки ее уровня (по отношению базы сравнения: товару-аналогу) в противовес оценке отдельных показателей КСТ.

В итоге, рассматривая систему методов оценки КСТ, можно выделить в ней две основные категории: показатели КСТ и уровень КСТ.

Показатели КСТ отображают интенсивность проявления ее отдельных свойств (единичные показатели) или совокупность свойств (комплексные или интегральные обобщающие показатели). Уровень КСТ является ее относительной характеристикой и несет уже значительно больше информации (является информационно емким). В рассмотренных методах оценки КСТ ее уровень определяется по отдельным единичным показателям, комплексным или интегральным относительно определенной базы сравнения. При этом в качестве последней выступает, как правило, товар-аналог. Однако и показатели, и уровень КСТ, найденные подобным образом, тем не менее характеризуют отдельные стороны КСТ и главным образом проявляются как ее факторы. Более объективная оценка КСТ может осуществляться, прежде всего, в условиях ее проявления, то есть на рынке сбыта товаров одного назначения (товаров-аналогов). Кроме того, основа сущности КСТ (ее целевая функция) состоит в возможности данного товара быть реализованным на конкретном рынке сбыта. Поэтому более объективным будет показатель КСТ, определяемый в масштабах конкретного рынка сбыта (или его сегмента).

Исходя из сказанного, можно предложить в качестве критерия использовать относительную долю продаж оцениваемого товара по сравнению с товаром-конкурентом. В этом случае показателем КСТ может служить доля реализации (в стоимостном выражении) i -й продукции на рынке конкурирующих товаров одного назначения, которая может выражаться как отношение:

$$P_i = \frac{Q_i \cdot C_i}{S_o}, \quad (10)$$

где Q_i , C_i – соответственно количество реализованных и средняя цена i -х изделий за принятый учетный период; S_o – общая стоимость продаж на данном товарном рынке за тот же период.

Однако непосредственно доля реализации данного товара на рынке зависит также от факторов, которые не связаны с конкурентоспособностью оцениваемой продукции. Сюда в первую очередь относятся количество товаропроизводителей-конкурентов, которые предлагают свою продукцию на данном рынке сбыта. В связи с этим объективно возникает необходимость использования при оценке уровня КСТ эталонной базы сравнения для данных условий, которой закономерно может служить доля реализации товара с максимальным ее значением на данном рынке. Соответственно, уровень КС i -го товара при этом может быть найден по следующей формуле:

$$U_i = \frac{P_i}{P_{\max}}, \quad (11)$$

где P_i , P_{\max} – доля реализации на данном рынке соответственно i -го товара и товара с максимальной долей реализации ($U_i \leq 1$).

Итак, решение вопросов оценки и управления КСТ непосредственно связано с прогнозированием, планированием, обеспечением и регулированием объемов реализации продукции. С другой стороны, анализ факторов КС, оценка и прогнозирование ее уровня по доле реализации на рынке конкурирующих изделий основывается в основном на исследовании закономерностей формирования и динамики масштабов применения оцениваемой продукции.

Изложенный подход, однако, не исключает оценку уровня КСТ относительно принятых баз сравнения (товарам-конкурентам). Это необходимо прежде всего для принятия решений в процессе создания и освоения производства новой продукции, организации ее реализации, выбора и освоения рынков сбыта, расширения существующих рынков сбыта и др. При этом генеральную цель организации при стратегическом планировании следует ориентировать не на группы покупателей, а на нужды, так как первые – категория непостоянная. В связи с этим в качестве интегрального показателя конкурентоспособности (ИПКС) по качественно-ценовым характеристикам товара, по нашему мнению, следует принимать показатель, отображающий эффективность удовлетворения потребности. В большей степени этому соответ-

ствует объем удовлетворяемой потребности, приходящийся на единицу затрат на ее удовлетворение за принятый учетный период (год, срок службы, среднегодовой за срок службы и т.д.). Выбор учетного периода при этом будет зависеть от конкретных решаемых задач и периода жизненного цикла товара, на который принимаются решение по управлению КСТ. Этот показатель стремится к максимуму и может быть выражен как

$$K = \frac{B}{3} \rightarrow \max, \quad (12)$$

где B , C – соответственно объем удовлетворяемой потребности и затраты на ее удовлетворение за учетный период.

Для изделий-орудий труда, то есть техники производственного назначения, показатель B представляет собой объем выполняемых работ или изготовленной продукции за учетный период. Для предметов потребления данный показатель будет зависеть от уровня качества и объемов их потребления, а показатель затрат C будет равен цене потребления данного изделия, если учетный период равен сроку службы.

Интегральный показатель КС может быть также представлен в виде обратной величины и, соответственно, быть равным полным затратам (цена потребления) в расчете на единицу удовлетворяемой потребности. То есть это удельная цена потребления, которая стремится к минимуму и может быть выражена формулой:

$$Z = \frac{3}{B} \rightarrow \min. \quad (13)$$

Следует отметить, что оценка КСТ на стадии ее создания представляется как активный процесс исследования и прогнозирования показателей, прежде всего на стадии применения изделий с учетом влияния темпов НТП, динамики потребностей и стоимости ресурсов, развития конкурирующих моделей и др. На основе этого строится анализ и моделирование процесса реализации товара в среде товаров-конкурентов, что и служит базой оценки КС проектируемой продукции.

Выводы. Проведенный анализ методов и показателей оценки КС техники показал, что существует достаточно полно сформированный комплекс подходов к решению рассмотренного вопроса. Оценка КС осуществляется по показателям отдельных свойств или интегральным показателям с отображением их относительного уровня. Однако стадия проектирования техники – творческий процесс, и оценка КС должна содействовать (активизировать) процессу принятия решений на данной стадии. Это предполагает определение «узких мест» в комплексе взаимосвязанных показателей КС оцениваемой техники. Решение такой задачи предполагает использование структурного подхода к оценке свойств КС проектируемой техники на основе ИПКС. Анализ структуры интегрального показателя по разным признакам позволит более глубоко оценивать отдельные свойства техники с учетом их взаимосвязи и значимости (весомости) в формировании интегрального показателя. С достаточно очевидной необходимостью возможны два основных направления анализа структуры КС проектируемой техники. Первое направление по ее ресурсосберегающим свойствам, а второе – по количественным и качественным характеристикам удовлетворяемых с ее помощью потребностей.

Таким образом, основная цель данного анализа – поиск и обоснование методических подходов к активизации оценки конкурентоспособности на основе исследования структуры комплексов (подсистем) основных свойств техники с учетом динамических факторов конкурентоспособности техники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чурсин, А.А. Управление конкурентоспособностью организации / А.А. Чурсин. – М.: НТЦ «Информтехника», 2006.
2. Байнев, В.Ф. Научно-технический прогресс и устойчивое развитие: теория и практика полезностной (потребительно-стоимостной) оценки эффективности новой техники / В.Ф. Байнев; БГУ. – Минск: Право и экономика, 2008. – 189 с.
3. Тимофеев, Д.В. Основные факторы оценки конкурентоспособности техники на стадии создания / Д.В. Тимофеев // Вісник нац. техн. ун-ту «Харківський політехнічний інститут» Технічний прогрес і ефективність виробництва. – Харків: НТУ «ХПІ», 2008. – № 55 (1). – С. 93–98.
4. Грачева, М.В. Анализ и управление рисками инновационной деятельности / М.В. Грачева, С. Ю. Ляпина // Инновации. – 2006. – № 1. – С. 38–46.
5. Lindinger, A. Review: Kort. Optimal R&D investment of the firm. 2006 / A. Lindinger [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://andre-aslindinger.net>.
6. Тихонов, Р.М. Конкурентоспособность промышленной продукции / Р.М. Тихонов. – М.: Изд-во стандартов, 1985. – 174 с.

7. Sweeney, M.T. Benchmarking for strategic manufacturing management / M.T. Sweeney // Int. J. Oper. and Prod. Manag. – 1994. – 14, № 9. – P. 4–15.
8. Иванов, Ю.Б. Конкурентні переваги підприємства: оцінка, формування та розвиток / Ю.Б. Иванов, П.А. Орлов, О. Ю. Иванова. – Х.: ВД «ІНЖЕК», 2008. – 352 с.
9. Нагорская, М.Н. Особенности управления конкурентоспособностью предприятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://science.crimea.edu/zapiski/djvu_econom/2009/econ_29_2009/nagorskaya.pdf.
10. Фатхутдинов, Р.А. Управление конкурентоспособностью организации: учеб. пособие / Р.А. Фатхутдинов. – М.: Эксмо, 2005. – 544 с.
11. Кузин, В.В. Оценка конкурентоспособности машиностроительной продукции / В.В. Кузин // Проблемы управления конкурентоспособностью продукции: сб. науч. тр. НИИ планирования и нормативов. – М., 1990.
12. Дубинина, Н.А. Сравнительная характеристика методов анализа и оценки конкурентоспособности продукции / Н.А. Дубинина // Вестн. Астрахан. гос. техн. ун-та. Сер. Экономика. – 2013. – № 2. – С. 52–61.
13. Ларка, А.В. Конкурентоспроможність машинобудівної продукції в умовах нестабільної ринкової кон'юнктури: дис. ... канд. екон. наук: 08.07.01 / А.В. Ларка; Нац. техн. ун-т «Харківський політехнічний ін-т». – Х., 2006. – 214 л.
14. Лазарева, И.П. Оценка конкурентоспособности внедряемых в производство новаций / И.П. Лазарева // Фундаментальные исслед. – 2015. – № 2–4. – С. 759–763 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36928>.
15. Свирейко, Н.Е. Оценка конкурентоспособности масложировых продуктов / Н.Е. Свирейко // Маркетинг в России и за рубежом. – М., 2004. – № 3 (41).
16. Окрепилов, В.В. Управление качеством / В.В. Окрепилов. – М.: Экономика, 1998.
17. Гличев, А.В. Основы управления качеством продукции / А.В. Гличев. – М.: Изд-во стандартов, 1998.
18. Кирцнер, И. Конкуренция и предпринимательство / И. Кирцнер. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.
19. Дурович, А.П. Конкурентоспособность товаров в системе маркетинга / А.П. Дурович. – Минск, 1993. – С. 7–10.
20. Yoo, D. An application of conjoint analysis to optimal pricing for new multiattribute products / D. Yoo, H. Ohta // Bull. Univ. Osaka Prefect. A. – 1994. – № 1 (43). – P. 39–47.
21. Литвинова, В.А. Методы оценки конкурентоспособности: проблемы классификации / В.А. Литвинова // Вісник Дніпропетровського ун-ту. – 2012. – Вип. 20, т. 1. – С. 235–240.
22. Долинская, М.Г. Маркетинг и конкурентоспособность промышленной продукции / М.Г. Долинская, И.А. Соловьев. – М.: Изд-во стандартов, 1991. – 128 с.
23. Нагорская, М.Н. Особенности управления конкурентоспособностью предприятия / М.Н. Нагорская [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://science.crimea.edu/zapiski/djvu_econom/2009/econ_29_2009/nagorskaya.pdf.
24. Мухина, Е.Р. Вопросы оценки конкурентоспособности продукции предприятия на примере ООО «НПК Энергия» / Е.Р. Мухина // Apriori. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apriori-journal.ru/seria1/2-2015/Muhina3.pdf>.

Поступила 29.03.2016

ANALYSIS OF METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE COMPETITIVENESS ASSESSMENT OF EQUIPMENT AT THE DESIGN STAGE

D. TYMOFEYEV, L. STRYGUL

The content of different approaches, which make it possible to give an estimation to competitiveness of the production of an enterprise is considered. It was introduced five types of competitive assessment, separated by stages of the product life cycle. It has proved that the importance of selecting an estimation of competitiveness especially at the stage of design development is at the reliability and completeness of the evaluation results which in its turn affects on the successful implementation of a technical project. According to the results of the analysis, the conclusion that the main disadvantage in the existing methods is in the absence of the registration of the dynamics of the indices of the productive competitiveness is made. It has considered the modern concept of the competitiveness level evaluating. It has proved that two main categories: its performance and its level – can be identified in the system of the competitiveness evaluation methods.

Keywords: *the competitiveness of products, methods of assessment, integrated indicator of the competitiveness of products, systems approach, consumer price, dynamic aspects of the assessment of products competitiveness.*

УДК 658.152

**ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ:
ОЦЕНКА И НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ***канд. техн. наук, доц. Е.В. ЧУКАСОВА-ИЛЬЮШКИНА; канд. техн. наук, доц. Т.Б. САВИЦКАЯ
(Витебский государственный технологический университет)*

Демонстрируется методика оценки производственного потенциала, базирующаяся на изучении следующих элементов: анализ ресурсной составляющей; анализ составляющей, показывающей эффективность использования ресурсов; анализ составляющей, устанавливающей соответствие фактической динамики показателей эталонной динамике. Методика рассмотрена на основе примера организации машиностроительного производства. Представлены исходные данные для оценки всех составляющих производственного потенциала, результаты промежуточных расчетов и количественная оценка производственного потенциала предприятия. По результатам анализа работы предприятия разработан ряд мероприятий, направленных на стабилизацию, совершенствование и повышение эффективности деятельности организации.

Ключевые слова: производственный потенциал, промышленная организация, эффективность производства, кооперация, стабилизация, методика оценки производственного потенциала.

Введение. В современных условиях хозяйствования эффективность производственной деятельности предприятий определяется большим числом факторов социально-экономического, технологического, организационно-технического характера. Существенная роль в создании условий реализации возможностей совершенствования производства принадлежит анализу и оценке производственного потенциала предприятия. Производственный потенциал – это основа производственной эффективности, знание уровня которой дает возможность принимать своевременные и экономически целесообразные решения в управлении организацией, влияющие на ее текущее и перспективное состояние. При этом важно объективно оценивать общее состояние организации, ее ресурсов, степени влияния внутренней и внешней среды. Производственный потенциал определяется количественными и качественными характеристиками располагаемых ресурсов, их способностью адекватно реагировать на быстро меняющуюся ситуацию на рынке. В большинстве литературных источников авторы выделяют такие элементы производственного потенциала, как: производственная составляющая – основные средства предприятия, его нематериальные активы, которые предприятие содержит с целью использования в процессе производства, представляет стоимостное выражение средств труда; материальная составляющая – оборотные средства предприятия, материальные ресурсы; кадровая составляющая – персонал; технико-технологическая составляющая – техническая база предприятия и применяемые технологии; информационная составляющая – особые знания, информационные технологии и ресурсы [1–4].

Производственные возможности предприятия можно установить, оценив как его производственный потенциал, так и показатели эффективности деятельности организации.

Исследование производственного потенциала позволяет выявить неиспользуемые резервы. Потенциал является базовым элементом предприятия, объединяющим в себе цели, движущие силы и источники его развития. Его содержание определяют следующим: потенциал является динамической характеристикой и проявляется только в процессе его использования; использование потенциала должно сопровождаться его ростом; процесс использования и наращивания потенциала является непрерывным и дополняет друг друга [5].

Основная часть. Для исследования производственного потенциала в качестве объекта выступает машиностроительное предприятие с частным капиталом, общей численностью работников до 100 человек, относящееся к малым организациям. Исследуемое предприятие экспортоориентированное, узкоспециализированное, характеризуется единичным типом производства, производит высокосложное оборудование для нефте- и газодобывающих организаций. Особенность предприятия и его уязвимость – полная зависимость от заказов и жесткий контроль со стороны владельцев компании. Анализ проводился за период 2011–2013 годов. Предоставление более поздней информации (2014–2015 гг.) ограничено ввиду ссылки предприятия на коммерческую тайну. Производственный потенциал определен по методике, включающей следующие элементы: анализ ресурсной составляющей, анализ составляющей, которая характеризует эффективность использования ресурсов, и составляющей, которая показывает соответствие фактической динамики показателей эталонной динамике [6].

В качестве комплекса показателей ресурсной составляющей приняты следующие показатели: среднегодовая производственная мощность; объем производства; среднегодовая стоимость основных средств; удельный вес активной части основных средств; численность рабочих; коэффициент годности основных средств; коэффициент обновления основных средств. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Исходные данные для оценки ресурсной составляющей

Показатель	Кодировка показателя	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Среднегодовая производственная мощность, условных деталей	X1	4681	5996	7079
Объем производства, млн белорус. руб.	X2	17185	31307	26610
Среднегодовая стоимость основных средств, млн белорус. руб.	X3	6461	9413	14317,5
Удельный вес активной части основных средств, %	X4	78,5	81,8	83,9
Численность рабочих, чел.	X5	34	40	42
Коэффициент годности основных средств	X6	0,78	0,75	0,72
Коэффициент обновления основных средств	X7	0,57	0,59	0,67

Источник: составлено авторами.

Анализ и оценку ресурсной составляющей производственного потенциала целесообразно проводить, используя аналитический метод системного анализа, базирующегося на принципах классической математики [7]. Результаты расчета представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты расчета ресурсной составляющей производственного потенциала

Показатели	X1, усл. дет.	X2, млн руб.	X3, млн руб.	X4, %	X5, чел.	X6,	X7,	
Среднее значение	5918,7	25034	10063,8	81,4	38,7	0,75	0,57	
Среднее квадратическое отклонение	980,5	5872	3240,85	2,22	3	0,024	0,54	
Стандартизированные значения показателей								
2011 г.	4,77	2,92	1,99	35,3	11,3	32,5	1,05	
2012 г.	6,11	5,33	2,9	36,8	13,3	31,25	1,09	
2013 г.	7,22	4,53	4,41	37,8	14	30	1,13	
Эталонные значения X_j^*	7100	32000	15000	85	45	0,8	0,7	
Стандартизированное значение эталона Z_j^*	7,24	5,45	4,63	38,3	15	33,33	1,29	
Вес показателя в интегральной оценке a_j	0,13	0,101	0,085	0,71	0,28	0,62	0,024	
$a_j Z_j^*$	0,914	0,55	0,39	27,18	4,17	20,66	0,03	$y^* = 53,9$

Источник: рассчитано авторами.

Таким образом, потенциальная функция имеет вид:

$$Y = 0,13Z1 + 0,101Z2 + 0,085Z3 + 0,71Z4 + 0,2785Z5 + 0,62Z6 + 0,024Z7.$$

Результаты расчета комплексной оценки ресурсной составляющей приведены в таблице 3.

Таблица 3 – Комплексная оценка ресурсной составляющей

Годы	$a1Z1$	$a2Z2$	$a3Z3$	$a4Z4$	$a5Z5$	$a6Z6$	$a7Z7$	C_i
2011	0,62	0,295	0,170	25,06	3,14	20,15	0,025	91,7
2012	0,79	0,538	0,246	26,15	3,69	19,37	0,026	94,3
2013	0,93	0,457	0,375	26,83	3,89	18,6	0,027	94,8

Источник: рассчитано авторами.

В качестве комплекса составляющей, которая показывает эффективность использования производственных ресурсов, приняты следующие показатели: фондоотдача; фондовооруженность; фондорентабельность; рентабельность производства; коэффициент оборачиваемости запасов материалов; коэффициент оборачиваемости запасов незавершенного производства. Исходные данные представлены в таблице 4, результаты расчета – в таблице 5.

Потенциальная функция имеет вид:

$$Y = 0,44Z1 + 0,42Z2 + 0,32Z3 + 0,34Z4 + 0,467Z5 + 0,44Z6.$$

Расчет комплексной оценки составляющей по эффективности использования ресурсов приведен в таблице 6.

Таблица 4 – Исходные данные для оценки эффективности использования ресурсов

Показатель	Кодировка показателя	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Фондоотдача, руб./руб.	X1	1,86	1,99	1,13
Фондовооруженность, млн руб./чел.	X2	161,79	241,15	331,69
Фондорентабельность, %	X3	19,6	52,19	25,16
Рентабельность производства, %	X4	14,8	37,14	18,67
Коэффициент оборачиваемости запасов материалов	X5	7,411	6,646	4,080
Коэффициент оборачиваемости незавершенного производства	X6	19,49	19,02	6,72

Источник: составлено авторами.

Таблица 5 – Результаты расчета составляющей по эффективности использования ресурсов

Показатели	X ₁ руб./руб.	X ₂ млн руб./чел.	X ₃ %	X ₄ %	X ₅	X ₆
Среднее значение	1,66	244,88	32,31	23,53	6,04	15,07
Среднее квадратическое отклонение	0,38	69,4	14,23	9,75	1,43	3,8
<i>Стандартизированные значения показателей</i>						
2011 г.	4,89	2,33	1,37	1,52	5,2	5,12
2012 г.	5,23	3,47	3,66	3,81	4,64	5,00
2013 г.	2,97	4,78	1,77	1,91	4,22	1,77
Эталонные значения X _i *	2,0	350	55	40	8	20
Стандартизированное значение эталона Z _i *	5,26	5,04	3,86	4,1	5,6	5,26
Вес показателя в интегральной оценке a _i	0,44	0,42	0,32	0,34	0,47	0,45
a _i Z _i *	2,31	2,11	1,23	1,394	2,6	2,314

y* = 11,96

Источник: рассчитано авторами.

Таблица 6 – Комплексная оценка составляющей по эффективности использования ресурсов

Годы	a1Z1	a2Z2	a3Z3	a4Z4	a5Z5	a6Z6	Ci
2011	2,15	0,97	0,43	0,52	2,42	2,52	73,1
2012	2,3	1,45	1,17	1,295	2,16	2,2	88,42
2013	1,3	2,0	0,56	0,65	1,97	0,788	60,7

Источник: рассчитано авторами.

В качестве эталонной динамики принято неравенство: *темп роста среднегодовой стоимости введенных основных средств > темп роста среднегодовой стоимости основных средств > темп роста фондоотдачи > темп роста фондорентабельности > темп роста фондоёмкости > темп роста показателей использования производственной мощности.*

Сравнение эталонной и фактической динамики показателей проводится с использованием коэффициента конкордации Кенделла между эталонными и фактическими рядами рангов. Результаты сравнения представлены в таблице 7.

Таблица 7 – Количественная оценка производственного потенциала, %

Оценочные блоки	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Ресурсная составляющая	91,7	94,3	94,8
Эффективность использования производственных ресурсов	73,1	88,62	60,7
Соответствие эталонной динамике показателей	52	65	45
Интегральный показатель производственного потенциала	70,37	81,6	63,7

Источник: составлено авторами.

В результате расчета установлено, что предприятие в период 2011–2012 годов наращивало производственный потенциал, на момент 2012 года его уровень оценивается как высокий, в период 2012–2013 годов произошел спад до среднего уровня, и в 2013 году этот показатель оказался самым низким за исследуемый период. Такая же тенденция прослеживается и при оценке предприятия по системе показателей эффективности. В систему показателей эффективности входят общие и частные показатели [8, с. 8]. Общие показатели характеризуют эффективность деятельности предприятия в целом, при расчете которых учиты-

ваются весь совокупный результат и все совокупные затраты (ресурсы) предприятия. Частные показатели характеризуют эффективность использования отдельных видов ресурсов, входящих в группу элементов, составляющих производственный потенциал, или эффективность деятельности какого-либо отдельного подразделения предприятия. При расчете частных показателей учитываются результат и затраты (ресурсы), соответствующие объекту расчета эффективности [8, с. 6]. К обобщающим показателям относят рентабельность организации, производительность труда, к частным – рентабельность продукции, рентабельность продаж, рентабельность капитала, материалоемкость, трудоемкость, фондоемкость и другие.

Динамику основных технико-экономических показателей производственно-хозяйственной деятельности организации за период 2011–2012 годов можно охарактеризовать как положительную, объем производства увеличился на 94%, возросла прибыль на 350%, рентабельность увеличилась на 21,08 п.п. За период 2012–2013 годов положение организации ухудшилось – произошло снижение таких важных показателей, как: объем производства промышленной продукции (на 15%); выручка от реализации продукции (на 9%); прибыль (на 24%); рентабельность (на 18,47 п.п.). Установлено, что организация развивается, систематически обновляет производство, увеличивает производственные площади, что положительно скажется на ее состоянии в будущем. Однако имеется ряд негативных факторов: темп роста заработной платы превышает темп роста производительности труда и эта тенденция сохраняется в течение нескольких лет, рост себестоимости продукции в значительной мере понижает ее рентабельность, рентабельность продаж и рентабельность предприятия в целом. Очевидно, что предприятие за отчетный период не было обеспечено таким количеством заказов, чтобы более полно использовать свою производственную мощность.

Таким образом, по результатам анализа работы предприятия, определения его производственного потенциала, показателей эффективности его работы, выявленных недостатков и перспективного плана развития целесообразно рекомендовать ряд мероприятий, направленных на стабилизацию, совершенствование и повышение эффективности деятельности организации: повышение доли кооперации при конструкторской подготовке производства и при изготовлении унифицированных деталей, приобретение собственного стенда для испытаний сложного оборудования под высоким давлением.

Повышение доли кооперации при конструкторской подготовке производства. Конструкторская подготовка производства представляет собой совокупность процессов, целью которых является подготовка предприятия к выпуску продукции с обеспечением заложенных при конструировании ее технико-экономических параметров – разделение процесса конструкторской подготовки производства на конкретные этапы и передача ряда этапов для разработки специализированной организации. Специализированная организация должна иметь опыт в проектировании, моделировании, разработке технических предложений, эскизных и технических проектов. Такие этапы, как разработка технического задания, проверка и итоговый контроль, должны быть закреплены за организацией, изготавливающей продукцию. Учитывая значительный опыт и соответствующее научно-техническое сопровождение, специализированной организацией может стать научно-технический парк Витебского государственного технологического университета. В результате такой кооперации возникают следующие преимущества: сокращение цикла проектирования, снижение себестоимости проектных работ, усиление связи между учреждением образования и конкретным производством, возможность получения уникального опыта при проектировании и изготовлении нестандартных деталей и узлов.

Цель повышения доли кооперации при изготовлении унифицированных деталей – фокусировка собственных ресурсов на производстве сложных производственных конструкций, при этом второстепенные детали передаются для производства сторонним специализированным компаниям. Сторонними организациями могут стать машиностроительные заводы Витебского региона. При этом предполагается наличие следующих преимуществ: снижение себестоимости операции, передаваемой сторонним организациям, за счет их узкой специализации; получение доступа к ресурсам, которых нет у анализируемого предприятия; сторонние предприятия принимают на себя ответственность за выполнение конкретной операции и несут все риски, связанные с выполнением работ.

Приобретение собственного стенда для испытаний сложного оборудования под высоким давлением позволит сократить затраты на транспортировку и испытания, повысит скорость исполнения заказов, предприятие сможет оказывать услуги по испытанию механизмов, работающих под высоким давлением, сторонним организациям. В капитальные затраты, необходимые для реализации мероприятия, входят: затраты на приобретение стенда и его транспортировку, затраты на монтаж и пусконаладочные работы. Планируемый срок окупаемости затрат на данное мероприятие составляет 5 лет.

Задача повышения производительности труда может быть решена на основе стимулирования прогрессивных изменений в структуре производства, совершенствования организации и повышения технического уровня производства. Актуальной является проблема улучшения использования рабочего времени и уменьшения его потерь. Именно здесь скрыты наибольшие резервы повышения производительности труда в данной организации. Важным является проведение анализа затрат рабочего времени на рабочих местах.

В результате анализа фактических затрат времени установлены излишние и подлежащие сокращению затраты времени: время на транспортные работы в составе времени на обслуживание рабочего места и потери времени из-за нарушения трудовой дисциплины. Значительные затраты времени на транспортные работы обусловлены необходимостью рабочих самостоятельно доставлять заготовки деталей от

складского участка и необходимого инструмента из цеховой кладовой к рабочим местам, отсутствием средств малой механизации. Потери времени из-за нарушения трудовой дисциплины являются следствием недостаточного контроля ответственных лиц за подчиненными. Для исключения выявленных недостатков в организации работы производственного цеха предполагается приобретение средств малой механизации, перевод функции доставки заготовок и инструмента на работников склада. Для повышения трудовой дисциплины предлагается установка в цеху системы видеонаблюдения за производственным процессом. В результате внедрения разработанного мероприятия могут быть сокращены непроизводительные потери рабочего времени и усовершенствована организация рабочих мест основных производственных рабочих. Увеличение оперативного времени составит 12 минут, повышение производительности труда – 3,36%, что позволит предприятию увеличить объем выпускаемой продукции.

Разработанные мероприятия окажут положительное влияние на основные технико-экономические показатели работы предприятия. При реализации мероприятий возможно увеличение объема выпускаемой продукции. Экономия затрат на второстепенных операциях и на испытании готовой продукции позволит снизить себестоимость. В результате снижения себестоимости на 1,7% и роста объема выпускаемой продукции увеличится прибыль от реализации продукции. При этом рентабельность продаж увеличится на 1,25 п.п., а рентабельность продукции – на 2,17 п.п. Эффективность капитальных вложений в основные средства характеризуется показателями фондоотдачи и фондоемкости. Фондоотдача увеличится на 0,025 руб./руб., фондоемкость, соответственно, снизится и составит 0,02 руб./руб. Производительность труда в ходе реализации мероприятий может увеличиться более чем на 3%.

Дальнейшими направлениями по повышению эффективности деятельности организации может стать проведение рекламной кампании по оказанию услуг на уникальном оборудовании, разработка мероприятий по централизации обслуживания рабочих мест, повышению трудовой дисциплины и мотивации за счет гибкого премирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Избембетова, Ж.Д. Производственный потенциал предприятия / Ж.Д. Избембетова // Вестн. ОГУ. – Оренбург, 2005. – № 12. – дек. – С. 253–255.
2. Попов, Е.В. Структура рыночного потенциала предприятия / Е.В. Попов, В.Л. Ханжина // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 6. – С. 118–122.
3. Шафиков, М.Т. Потенциал: сущность и структура / М.Т. Шафиков // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 1. – С. 236–246.
4. Шутяева, Н.О. Алгоритм оценки производственного потенциала промышленного предприятия / Н.А. Мансурова, Н.О. Шутяева // Науч. интернет-журнал. – Электронное периодическое издание. – 2012. – сент. – Режим доступа: <http://www.erce.ru>.
5. Ерыгин, Ю.В. Потенциал: содержание понятия и его структура / Ю.В. Ерыгин, Т.Р. Улицкая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://science-bsea.narod.ru/2008/ekonom_2008/erygin_potencial.htm.
6. Фомин, П.А. Особенности оценки потенциала промышленных предприятий / П.А. Фомин, М.К. Старовойтов [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http://www.cfin.ru/management/manufact/manufact_potential.shtml.
7. Шаланов, Н.В. Системный анализ. Кибернетика. Синергетика: математические методы и модели: экономические аспекты / Н.В. Шаланов. – Новосибирск: НГТУ, 2008. – 288 с.
8. Анализ эффективности деятельности предприятия: учеб. пособие / И.И. Мазурова [и др.]. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 113 с.

Поступила 08.12.2015

PRODUCTION POTENTIAL AN INDUSTRIAL ORGANIZATION: ESTIMATION AND DIRECTIONS OF INCREASE OF EFFICIENCY OF ITS USE

E. CHUKASOVA-ILYUSHKINA, T. SAVITSKAYA

This article presents a methodology for evaluating the production potential. The methodology is based on a study of the following elements. Such elements are resource component, component of resource efficiency, component, which indicates compliance with the actual dynamics of indicators of reference dynamics. Example is the Engineering Enterprise. This article contains the raw data for the evaluation of all components of the production potential, the results of the midway calculation and quantitative assessment the production potential the machine-building enterprises. The studies developed measures. Measures aimed to stabilize, improve and increase the efficiency of the organization. Measures will be positive for the organization.

Keywords: *production potential, industrial organization, production efficiency, cooperation, stabilization, methods of evaluation of production capacity.*

УДК 504.064.45:665.35

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОТХОДОВ ПРОИЗВОДСТВА МАСЛОЖИРОВОЙ ОТРАСЛИ

канд. экон. наук **Н.А. ПОПОВ**

(Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», Украина)

Анализируется динамика основных показателей развития масложировой отрасли Украины, значение и место сектора в структуре отечественной промышленности. Обосновано, что в условиях обостренной конкуренции масложировых предприятий на отечественном и мировом рынках повышение эффективности функционирования деятельности возможно за счет рационального использования отходов и побочных продуктов производства. Рассмотрено фактическое состояние образования и использования отходов производства масложировой отрасли Украины в условиях конкурентной среды. Приведена классификация отходов масложирового производства по видам экономической деятельности, технологической стадии образования, классу безопасности, объемам образования, агрегатному состоянию, степени использования. Предложены основные стратегические приоритеты использования отходов производства отечественных предприятий как маслодобывающего, так и маслоперерабатывающего комплексов.

Ключевые слова: масложировая отрасль, конкуренция, эффективность, отходы и побочные продукты производства, классификация.

В современных условиях функционирования и развития промышленных предприятий одна из важнейших стратегических задач – повышение эффективности и рациональности использования материальных ресурсов, поскольку именно материальные затраты составляют значительный удельный вес в структуре себестоимости производимой продукции, от которых в значительной степени зависит размер прибыли. Данная проблема приобретает особую актуальность на предприятиях масложировой отрасли, которая является наиболее материалоемкой в пищевой и перерабатывающей промышленности Украины. В качестве одного из потенциальных направлений интенсификации использования материальных ресурсов в отрасли выступает многоцелевое использование отходов и побочной продукции производства. В таком контексте возникает насущная необходимость в организационно-экономическом обеспечении эффективного использования отходов масложирового производства на отечественных предприятиях, особенно в условиях обострения конкуренции на продовольственном рынке.

Основная часть. На современном этапе развития рыночных отношений масложировая отрасль – наиболее стабильный и динамично развивающийся сектор промышленности Украины. Это обусловлено, прежде всего, наращиванием производственных мощностей и, соответственно, ростом объема производства масложировой продукции отечественными предприятиями (табл. 1).

Таблица 1 – Динамика производства масложировой продукции в Украине, тыс. тонн

Наименование продукции	Годы					
	2000	2005	2008	2011	2013	2014
Нерафинированное масло, в том числе:	742,5	1243,5	1782,0	3080,5	3345,1	4407,1
- подсолнечное;	727,3	1204,0	1730,4	3023,5	3202,7	4178,0
- соевое;	9,0	16,8	17,5	46,2	95,2	132,1
- рапсовое	6,2	22,7	33,8	10,7	47,2	97,0
Рафинированное масло	121,8	326,1	374,9	592,2	589,2	686,3
Мargarиновая продукция	152,4	298,2	314,0	364,5	280,5	269,3
Майонезная продукция	36,3	164,6	174,6	163,3	176,2	164,1
Мыловаренная продукция, в том числе:	–	55,9	50,3	44,0	46,4	43,6
- туалетное;	–	29,4	30,2	31,2	32,5	30,6
- хозяйственное	–	26,5	20,1	12,8	13,9	13,0

Источник: составлено по данным [1–6].

Анализ приведенных в таблице 1 данных свидетельствует, что на протяжении 2000–2014 годов в целом наблюдается позитивная динамика производства масложировой продукции в Украине. Особенно интенсивно развивается маслодобывающий комплекс, если в 2000 году было произведено 742,5 тыс. тонн нерафинированного масла, то в 2014-м данный показатель составил 4407,1 тыс. тонн, то есть производ-

ство выросло в 6 раз. Необходимо подчеркнуть, что в разрезе видов нерафинированного масла наиболее ликвидным является подсолнечное масло, объемы производства которого за исследуемый период выросли в 5,7 раз. Такие результаты обеспечивают Украине на протяжении пяти маркетинговых лет первое место в мире по производству нерафинированного подсолнечного масла. Нарастание объемов нерафинированного масла побуждает к увеличению производства рафинированного масла. В период с 2000 по 2014 год производство рафинированного масла выросло до 686,3 тыс. тонн.

Одновременно за анализируемый период производство майонезной и мыловаренной продукции в натуральных показателях практически не изменилось. Однако в структуре производства мыловаренной продукции наблюдается резкое уменьшение объемов выпуска хозяйственного мыла, так как потребители перешли на альтернативные, более дешевые, синтетически моющие средства.

Производство маргариновой продукции можно условно разделить на 2 периода развития: первый – с 2000 по 2011 год, характеризуется тенденцией роста данного вида масложировой продукции (если в 2000 году было произведено 152,4 тыс. тонн, то в 2011 году – 364,5 тыс. тонн); второй – с 2011 по 2014 год, характеризуется резким уменьшением производства маргариновой продукции (снижение объемов составило в 2014 году против 2011 года 26%). Это объясняется полным насыщением потребностей внутреннего рынка, исходя из покупательной способности населения, сокращением экспорта данной продукции из Украины и ростом ее импорта.

Очевидно, что рост объемов производства целевой продукции увеличивает и количество образовавшихся отходов в маслодобывающем и маслоперерабатывающем комплексах. На основе анализа оперативных данных предприятий и статистической наработки Украинского научно-исследовательского института масел и жиров Национальной академии аграрных наук получены данные, представленные в таблице 2.

Таблица 2 – Динамика объемов образовавшихся отходов масложирового производства Украины, тыс. тонн

Наименование продукции	Год					
	2000	2005	2008	2011	2013	2014
<i>Производство маслодобывающего комплекса</i>						
Лузга	257,5	435,9	626,3	1201,2	1310,6	1729,9
Шрот/Жмых	648,4	1073,1	1872,2	3179,2	3556,3	4472,8
<i>Производство маслоперерабатывающего комплекса</i>						
Фосфатидный осадок	1,4	4,1	8,3	17,2	24,7	28,7
Подмыльный щелок	5,9	6,0	6,2	6,5	6,2	6,1

Источник: составлено по данным [1–6].

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что с увеличением объемов готовой продукции пропорционально увеличиваются объемы отходов производства. В частности, в маслодобывающем комплексе за исследуемый период производство лузги увеличилось в 7 раз, производство шрота (макухи) – в 6,7 раза. В то время как в маслоперерабатывающем комплексе при переработке растительного масла, образование фосфатидного осадка увеличилось с 2000 по 2014 год в 20 раз и составляет 28,7 тыс. тонн. В мыловарении образование такого отхода, как подмыльный щелок, находится на одном уровне, так как тенденция производства туалетного мыла практически не изменяется за этот период.

С целью анализа, планирования и эффективности использования отходов производства на предприятиях масложировой отрасли целесообразно привести их классификацию по таким классификационным признакам:

- по видам экономической деятельности: отходы переработки масличного сырья; отходы производства рафинированного масла, маргариновой и майонезной продукции; отходы производства туалетного и хозяйственного мыла;

- по технологической стадии образования: стадия сепарирования рушанки; стадия прессования ядра (мезги); стадия очистки масел и жиров; стадия отбеливания масел и жиров; стадия дезодорации масла; стадия омыления жиров;

- по агрегатному состоянию: твердые; пастообразные; жидкие; вязкая жидкость;

- по классу безопасности: первый класс; второй класс; третий класс; четвертый класс;

- по объемам образования: малотоннажные; среднетоннажные; многотоннажные;

- по степени использования: используемые; малоиспользуемые; неиспользуемые.

Эта классификация, а также анализ различных источников информации [7–9] позволили идентифицировать и систематизировать стратегические приоритеты использования отходов производства в масложировой отрасли (табл. 3).

Таблица 3 – Потенциальные стратегические направления использования отходов производства масложировой отрасли

Наименование отходов	Потенциальные направления использования
<i>Отходы производства маслодобывающего комплекса</i>	
Сорные примеси	- Отпускается другим предприятиям в качестве наполнителя в корм животным и птицам;
Масляные примеси	- в брикетированном виде используется как биотопливо
Лузга	- Получение тепловой энергии в виде пара, горячей воды; - одновременно генерация электрической энергии и тепловой энергии, используя технологию когенерации; - в строительстве при производстве плит, теплоизоляционного материала, а также как наполнитель для изготовления керамзитового гравия и кирпича; - производство комбикормов в животноводстве и птицеводстве; - производство твердого топлива в результате гранулирования (пеллетирования), брикетирования на прессах и брикетирования экструзионное (с использованием шнеков); - производство фурфурола, ацетона, этанола, ксилозы; - получение воска для косметического и медицинского назначения; - для производства субстрата при выращивании грибов; - получение кормовых дрожжей в гидролизном производстве
Жмых	- Получение белкового изолята, белковой жмыха, крупки, белкового концентрата для дальнейшего использования в пищевой промышленности;
Шрот	- использование в качестве кормовой высокопротеиновой добавки при производстве комбикормов
Фуз (баковый отстой)	- Использование в качестве кормовой добавки при производстве комбикорма в животноводстве и птицеводстве; - рециклинг для обогащения фосфолипидами шрота
<i>Отходы производства маслоперерабатывающего комплекса</i>	
Погоны сушки, дезодорации, без щелочной рафинации (деодистиллят)	- Производство жирных кислот и смазочных средств; - получение биологически активных веществ (токоферолов) - производство мыловаренной продукции; - использование в качестве компонента в лакокрасочной промышленности; - производство биодизеля
Фосфатидный осадок (фосфатидная эмульсия масла)	- Пищевая фосфатидных концентратов для хлебопекарной и кондитерской промышленности, которые являются биологически активными и полезными пищевыми поверхностно-активными веществами; - производство кормовых концентратов для приготовления комбикормов; - использование в качестве эмульгатора в масложировой отрасли при производстве маргариновой продукции; - производство лецитина для фармацевтической и пищевой промышленности; - возврат в производство для обогащения фосфатидами шрота (жмыха)
Соапсток	- Отправка на мыловаренный предприятия для производства хозяйственного мыла; - производство биодизеля
Глина отбеливающая	- Производство очистных бытовых паст;
Фильтровальный порошок	- использование на маслоэкстракционных заводах для обогащения шрота
Подмыльный щелок	- Производство дистиллированного глицерина; - производство «кальциевого мыла»; - использование в качестве фиксатора раствора в строительных организациях
Гудрон	- Использование в строительных организациях при производстве дорог; - использование в полиграфической промышленности и при прокате листового материала

Как видно из таблицы 3, отходы масложирового производства находят широкое применение и стратегическое значение в различных сферах экономической деятельности. В том числе для предприятий масложировой отрасли эффективное управление отходами производства позволит снизить собственные материальные затраты в структуре себестоимости, повысив тем самым конкурентоспособность продукции на продовольственном рынке. Для субъектов хозяйствования другой сферы деятельности, разработка и реализация проектов с применением масложировых отходов сможет в значительной степени повысить как качество продукции, так и эффективность функционирования их в целом. Более того, необходимо отметить, что государство также должно быть заинтересовано в рациональном и эффективном использовании отходов производства, так как это не только прямой источник пополнения бюджета, но и обеспечение рабочими местами населения, а также улучшение экологической ситуации.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие **выводы**:

- в хозяйственной деятельности предприятий масложировой отрасли в связи с наращиванием производственных мощностей значительно увеличиваются объемы отходов производства;
- в условиях интенсификации мирового финансово-экономического кризиса и трансформации экономики Украины, вопросы комплексной переработки сырья для масложировых предприятий являются одними из приоритетных;
- выявлены основные стратегические направления эффективного использования отходов производства маслосебячающего и маслосебячающего комплексов, реализация которых позволит как предприятиям, так и государству получить полезные экономические, социальные и экологические эффекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Масложировая промышленность Украины. Показатели работы за 2000 год. – Харьков: УкрНИИМЖ НААН, 2001. – 94 с.
2. Масложировая отрасль Украины и Российской Федерации. Показатели работы за 2005 год и январь 2006 года. – Харьков: УкрНИИМЖ УААН, 2006. – 112 с.
3. Масложировая отрасль Украины // Информационно-аналитический бюллетень масложировой отрасли Украины и Российской Федерации. Показатели работы за 2008 год и январь 2009 года. – Харьков: УкрНИИМЖ НААН, 2009. – № 1 (8). – 103 с.
4. Масложировая отрасль Украины / Информационно-аналитический бюллетень масложировой отрасли Украины и Российской Федерации. Показатели работы за 2011 год и январь 2012 года. – Харьков: УкрНИИМЖ НААН, 2012. – № 4 (20). – 124 с.
5. Масложировая отрасль Украины // Информационно-аналитический бюллетень масложировой отрасли Украины и Российской Федерации. Показатели работы за 2013 год и январь 2014 года. – Харьков: УкрНИИМЖ НААН, 2014. – № 4 (28). – 111 с.
6. Масложировая отрасль Украины // Информационно-аналитический бюллетень масложировой отрасли Украины и Российской Федерации. Показатели работы за 2014 год, 2014/15 МГ. – Харьков: УкрНИИМЖ НААН, 2015. – № 4 (28). – 117 с.
7. Ланецкий, В.А. Рациональное использование лузги масличных культур / В.А. Ланецкий // Масложировая промышленность. – 2009. – № 5. – С. 22–23.
8. Шильцова, Т.А. Методика калькулирования шрота / Т.А. Шильцова, И.В. Реутская // Современные тенденции развития российской экономики: сб. ст. – Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2006. – С. 275–277.
9. Щербаков, В.Г. Рациональное использование отходов при переработке семян подсолнечника [Электронный ресурс] / В.Г. Щербаков, С.Ю. Ксандопуло, А.В. Александрова // РФ Контакт. – 2009. – Вып. 2. – С. 5. – Режим доступа: <http://www.rfcontact.ru/text/1347.php>.

Поступила 05.04.2016

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC ASPECTS OF THE USE OF WASTE OIL AND FAT INDUSTRY

N. POPOV

This article analyze the dynamics of the main indicators of the development of oil and fat industry of Ukraine. The importance and place of the sector in the structure of the domestic industry. It is proved that under the conditions of increased competition in the oil and fat enterprises domestic and international markets, increasing the efficiency of operations is possible due to the rational use of waste and by-products. We consider the actual state of education and the use of oil and fat industry in Ukraine waste products in a competitive environment. The classification of waste oil and fat production for such classification signs: by economic activity, the technological stage of education, safety class, the volume of education, state of aggregation, the degree of use. The basic strategic priorities for the use of domestic enterprises waste products like oil mining and oil refining facilities.

Keywords: oil and fat industry, competition, efficiency, waste and by-products of production, classification.

УДК 330.342.146(2)

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ КАК ФАКТОР КЛАСТЕРООБРАЗОВАНИЯ

*канд. экон. наук, доц. И.В. ЗЕНЬКОВА; А.М. КУРПАТОВ
(Полоцкий государственный университет)*

Рассматривается географический аспект формирования кластеров, обозначены их основные свойства, выделены преимущества географической близости участников кластеров. Систематизированы теоретические взгляды на категорию «географическая концентрация». Сделан вывод о том, что географическая близость является неизменным условием для формирования и существования кластеров, позволяет снизить различного рода издержки, ускорить и облегчить распространение знаний. В результате географической близости и деятельности кластера на территории его нахождения происходит упрочнение и формирование новых социальных связей, создание единой общности и формирование региональной идентичности. Обоснована актуальность методик оценки кластерного потенциала предприятий, потенциала взаимодействия между предприятиями, социальных процессов в кластерах и вокруг них, изучена проблемы рынка труда в контексте кластеров.

Ключевые слова: *кластерообразование, социальные связи, региональная идентичность, кластерный потенциал предприятий, рынок труда.*

Введение. Земная поверхность является пространственным базисом для всех видов человеческой деятельности. Но в экономике и некоторых иных отраслях размещение объектов на земной поверхности является полноценным фактором, влияющим на производство, логистику и др. С древних времен люди расселялись с учетом выгодности географического положения (например, вблизи водных объектов, так как они являлись источником питания, пути сообщения и др.). Концентрация – это объединение совокупности факторов вокруг некоего одного центра. Географическая концентрация производства – стремление создавать предприятия в местах, где уже находятся другие предприятия той же или смежных отраслей.

Вопросы географической концентрации как экономического фактора затрагивались «классиками» экономики: А. Смитом, Д. Рикардо [1]. Первое весомое исследование принадлежало Иоганну Тюнену в работе «Изолированное государство» (1826 году). Данный труд стал первой работой, посвященной проблемам территориального размещения производств. Свое исследование Тюнен начал с вопроса: «Какие формы примет сельское хозяйство изолированного государства, в центре которого находится город – единственный рынок сбыта, и как будет отражаться на этом хозяйстве расстояние от города?» [2; 3]. Он приходит к выводу, что наилучшая модель расположения производства в подобном государстве – это образование вокруг центрального города последовательности разношироких поясов, представляющих собой районы различной производственной специализации.

Вильгельм Лаунхардт совершил первую попытку разработать штандорт для промышленного предприятия. В своей работе «Определение наиболее подходящего расположения промышленного предприятия» Лаунхардт разрабатывал механизм определения оптимальной точки его расположения по отношению к источникам сырья и рынкам сбыта. Исследование Лаунхардта представляет собой классическую транспортную задачу, направленную на минимизацию издержек, зависящих от веса и объема груза, а также учитывающую расстояние транспортировки.

Лаунхардт обратил внимание, что соотношение веса потребляемого сырья и готовой продукции для разных отраслей разное. В итоге выяснил, что производство с высоким соотношением потребляемого сырья к готовой продукции тяготеет к размещению вблизи источников сырья, в то время как производство с низким соотношением – к рынкам сбыта [4].

Исходя из истории экономической науки, А. Маршалл не только объединил классическую школу и школу маржинализма, создал «компромиссный» механизм формирования равновесной рыночной цены, но и оказал влияние на развитие пространственной экономической мысли. В одной из глав «Принципов экономической теории» Маршалл замечает, что однородные или близкие производства, будучи экономически самостоятельными, имеют склонности к географической концентрации. Предположив о существовании тенденции к «локализации промышленности», Маршалл приводит в качестве примера «500 русских деревень, специализирующихся на изготовлении различных предметов из дерева: одна деревня производит одни только спицы для тележных колес, другая – кузова телег и т.д.» [5].

Рассматривая пространственный аспект экономических отношений, Маршалл определил и классифицировал выгоды от географической концентрации однородных производств. Первое – то, что складывается благоприятная среда для технологического развития, в том числе, быстрого внедрения новых технологий в производство. Второе – дробление технологических цепочек и углубление специализации

производств, то есть возникают вспомогательные производства, снабжая основное инструментами, материалами, полуфабрикатами, оказывающие различного рода услуги предприятиям.

На более высоком уровне географической концентрации усиливаются так называемые горизонтальные связи, которые обеспечивают передачу неформального знания – следствие из первых двух пунктов. Все эти процессы сопровождаются формированием локального (регионального) рынка труда. Помимо преимуществ Маршалл также выделил некоторые недостатки, присущие локализованной промышленности: односторонность рынка труда и его узость: спрос будет только на определенный перечень профессий; зависимость от одной отрасли, товара, что в периоды спадов грозит всплеском безработицы, ростом социальной нестабильности.

Основная часть. С развитием промышленности роль фактора географической концентрации росла, и в высших формах организации производства на макроуровне в территориально-производственных комплексах он стал основным. Это свойство унаследовали и кластеры. Однако если проанализировать определения кластера, то территориальный фактор упоминается не во всех – часть исследователей подразумевают этот фактор как само собой разумеющееся либо вовсе не уделяют ему внимание.

Другими словами, фактор географической близости к рынкам сбыта, источникам ресурсов всегда являлся лейтмотивом размещения производств. Размещенные географически близко, они обладают возможностью получать выигрыш от распределения затрат на поддержание и развитие общих для нескольких компаний ресурсов, расположенных на данной территории.

Географическая концентрация является фундаментом для увеличения размеров предприятий, то есть экономической концентрации. Он вызван стремлением обеспечить более высокую рентабельность путем снижения издержек, что, естественно, приводит к повышению производительной мощности предприятий с целью добиться более высокой производительности труда. Этот процесс связан со стремлением получить максимальную прибыль, то есть добиться максимально возможной рентабельности. Он реализуется либо путем собственного расширения предприятия, увеличения его размеров или созданием дочерних, либо путём формирования трестов, концернов, холдингов. Предприятие не может расти бесконечно, а формирование интеграционных объединений может не иметь нужного эффекта. В таких случаях географическая близость снова выходит на первое место, и предприятие начинает тесную интеграцию с другими предприятиями, например, посредством кластеров.

Географическая близость уже сама по себе способствует снижению стоимости и сокращению сроков поставки необходимого для бизнеса товара или услуги, позволяет рационально расходовать эти ресурсы. Концентрация фирм и учреждений в пределах одной местности удобно для распространения так называемого неявного знания – вида знания, к которому относится то знание, которое не может быть легко передано другим и жестко «привязано» к их носителям. То есть географическая близость способствует обмену этими неявными знаниями, а также позволяет создать рынок квалифицированной рабочей силы, позволяющий вместо организации передачи знаний вовлекать в ряды компании их носителя. Примером может служить то, что отдельные виды ремесла или подходы к ремеслу, например: Хохломская роспись, Вологодские кружева, обычно развиты и практикуются в строго ограниченных территориальных пределах. В современном мире примерами кластеров служат: Силиконовая долина, инновационный центр «Сколково» в России и строящийся в Беларуси белорусско-китайский индустриальный парк «Великий камень».

В работах по кластерной тематике М. Портер также дает свое толкование географической концентрации компаний. Он полагает, что первопричина – конкуренция. Если на местном рынке появилась высококонкурентоспособная компания, перед остальными встает дилемма – либо повышать свою конкурентоспособность, либо уходить с этого рынка. Постепенно компании приходят к выводу, что конкурентоспособность лучше повышать через кооперацию с другими участниками рынка, то есть возникает сообщество фирм определенной и смежных отраслей с высокой конкурентоспособностью. Выходя на рынки других регионов и стран, эти фирмы, как правило, превосходят местных конкурентов, которые в результате становятся банкротами. В итоге на отраслевом рынке доминирует кластер фирм, сосредоточенных на одной территории.

Рассматривая кластер, мы определили его как высшую форму реализации принципа географической концентрации. Однако на практике выявить эти самые кластеры непросто, не только из-за того, что все отрасли экономики в конечном итоге взаимозависимы определенным образом, но и из-за расплывчатости определения кластера. В рамках имеющихся определений географический масштаб кластера варьируется от города, района и до нескольких граничащих друг с другом стран. Авторы склонны путать кластер с территориально-производственными комплексами, холдингами и тому подобными структурами. Обратимся снова к географическому фактору. Портер утверждает, что географический масштаб кластера связан с расстоянием, на котором ощущается прирост эффективности в сфере информации, трансакций, символов и др., а определение границ кластера – задача зачастую относительная. Это творческий про-

цесс, основанный на понимании взаимодополняемости и взаимосвязанности предприятий и институтов, наиболее важных в плане конкуренции в той или иной отрасли [6]. Важность взаимосвязей институтов на рынке труда отмечается и в других работах исследователей [7].

Это, опять же, не вносит ясности, более того экономическая наука обычно оперирует величинами, имеющими конкретное представление (особенно численное). Возможно, проблема в том, что экономисты, говоря об инновационных структурах, постиндустриальном обществе, VI технологическом укладе, продолжают по-прежнему мыслить категориями промышленной эпохи, либо еще недостаточно проработана теоретическая база учения о кластерах. Кластеры – это структуры, не имеющие четких границ между компаниями и отраслями, в отличие от холдингов и территориально-производственных комплексов. И как измерить расстояние, на котором ощущается прирост эффективности?

Силу взаимного притяжения двух акторов можно выявить аналогично закону всемирного тяготения. И так, называемые гравитационные модели нашли себя в анализе внешней торговли. В нашем случае масса может рассчитываться интегрально с учетом таких факторов, как, например, инновационная активность, эффективность использования основных фондов (фондоёмкость, фондовооруженность), объемы продаж продукции, рентабельность активов, объемы кредиторской и дебиторской задолженности и т.п. «Расстоянием» будет расстояние, частота деловых контактов, объемы торговли, величины информационных потоков и прочее. Однако это даст приближенную картину. Для разных типов акторов будет разный набор критериев (одни для промышленных предприятий, другие для компаний третичного сектора, третьи для университетов и научных организаций...), так как элементы кластера могут быть в разных классификационных категориях промышленности и сферы услуг, что является проблемой – у компаний в разных отраслях имеются разные нормативные показатели экономической эффективности, что может исказить картину при определении «массы предприятия». Кроме того, существующие как в Беларуси, так и за рубежом схемы классификации промышленности весьма несовершенны, что является барьером для кластерной активности. Но, возможно, данная методика позволит представить эту самую взаимодополняемость и смежность. Обоснованно применение SWOT- и SNW-анализа, когда составляются SWOT(SNW)-анализы для каждого актора, а затем сопоставляются. На основании сильных и слабых сторон, рисков и возможностей можно также проанализировать взаимодополняемость и провести анализ конкурентных преимуществ.

Подводя итог, можно сделать вывод, что данный вопрос нуждается в детальной теоретической проработке, оценке эффективности и возможности применения данных методик.

Помимо упомянутых нами факторов (снижение издержек, доступ к технологиям и пр.) географическая близость дает и социальные эффекты – близость между фирмами и исследовательскими институтами способствует неформальному обмену неcodируемым знанием и его аккумуляции. Этот социальный капитал может быть особо выгоден для поддержания совместных усилий, но также может приводить к отсутствию мобильности, исключению изменений и противодействию им. Помимо всего, кластеры на зрелой стадии развития уже представляют собой не только чисто экономические и производственно-хозяйственные явления. Кластеры, особенно возникшие и развивающиеся на основе исторически сложившейся индустриальной базы, являются в полной мере также и социокультурными образованиями, локальными сообществами с выраженными чертами единой культуры, локальной идентичностью, общим фондом знаний, представлений и навыков. Один из процессов, составляющих формирование кластера, – формирование и упрочнение имеющихся горизонтальных связей между акторами в районе деятельности кластера, а это, в свою очередь, неизбежно ведет к формированию плотного узла локальных социальных связей, коммуникаций, обменов, вероятно, что и единого культурного пространства. Здесь географическая близость участников является как неотъемлемым условием формирования кластера, так и базисом для единого социального пространства в районе деятельности кластера.

В мире уже на протяжении длительного времени происходит снижение транспортных и коммуникационных издержек: во-первых, снижается значимость географического соседства для успешного взаимодействия фирм; во-вторых – передача неявных знаний основывается в первую очередь на личном контакте. Помимо этого, низкие транспортные и информационные издержки способствуют дальнейшему разделению труда в мировом масштабе и специализации регионов. Излишняя географическая концентрированность производств имеет и слабые стороны, упомянутые еще Маршаллом. Если на некоей территории функционирует один кластер и местные производители и компании обслуживают его, большая часть трудовых ресурсов вовлекается в кластер или производственный комплекс, создавая зависимость регионального рынка труда от данного кластера.

Экономический спад в целом либо проблемы самого кластера (распада кластера) могут привести к всплеску безработицы, а следовательно и социальных проблем. Однако кластер, являясь динамичной структурой, сможет перестроить свою конфигурацию и обеспечить занятость населения в перспективе.

Заключение. На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что географическая близость выступает в качестве непереносимого условия для формирования и существования кластеров.

Географическая близость позволяет снизить различного рода издержки, ускорить и облегчить распространение знаний. В результате географической близости и деятельности кластера на территории его нахождения происходит упрочнение и формирование новых социальных связей, создание единой общности и формирования региональной идентичности. Однако по-прежнему актуальны вопросы оценки кластерного потенциала предприятий, потенциала взаимодействия между предприятиями, социальных процессов в кластерах и вокруг них, проблемы рынка труда в контексте кластеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов, А.И. Региональная экономика и управление: учеб. пособие для вузов / А.И. Гаврилов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 239 с.
2. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики: учеб. для вузов / А.Г. Гранберг; Гос. ун-т «Высшая школа экономики». – 4-е изд. – М.: Изд. дом «ГУ ВШЭ», 2004. – 495 с.
3. Тюнен, И. Изолированное государство / И. Тюнен. – М., 1926. – 332 с.
4. Launhardt, W. Die Bestimmung des Zweckmässigsten Standortes einer Gewerblichen Anlage / Wilhelm Launhardt // Zeitschrift des Vereines Deutscher Ingenieure, 1882. – V. 26 (Mar). – S. 106–115.
5. Маршалл, А. Принципы политической экономии / А. Маршалл. – М.: Директ-Медиа, 2012. – 2127 с.
6. Porter, M. Location, clusters and company strategy / M. Porter // The Oxford handbook of economic geography; ed. by G. L. Clark, M. S. Gertler, & M. F. Feldman. – New York: Oxford University Press. – 450 p.
7. Зенькова, И.В. Взаимодействие вузов в образовательном процессе для усиления конкурентоспособности выпускников на рынке труда / И.В. Зенькова // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 5. – С. 30 – 36.

Поступила 05.10.2015

GEOGRAPHIC CONCENTRATION AS A FACTOR CLUSTERING

I. ZIANKOVA, A. KURPATAU

This article discusses the geographical aspect of the formation of clusters, marked their basic properties, highlighted the advantages of geographical proximity cluster members. Systematized theoretical views on the category of “geographic concentration”. It is concluded that geographical proximity is an indispensable condition for the formation and existence of clusters, proximity to reduce various types of costs, to accelerate and facilitate the dissemination of knowledge. As a result of geographic proximity and activity of the cluster, in the territory of its location is hardened and the formation of new social relations, the creation of a single entity, and the formation of regional identity. The urgency of valuation techniques of cluster-building companies, potential interactions between enterprises, social processes in clusters around them, studying the problems of the labor market in the context of clusters.

Keywords: *the clustering, social cohesion, regional identity, cluster potential of the enterprises, the labour market.*

УДК 338.48(470+571)

СТИМУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В РОССИИ*канд. экон. наук К.С. ЗАХАРОВ**(Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург)*

Представлен механизм стимулирования развития внутреннего туризма в России. Одним из основных факторов, сдерживающих развитие туризма в России, является высокая стоимость туров и отдыха в её санаториях и курортах. Важная роль в обеспечении развития внутреннего туризма в условиях кризиса принадлежит государству, разработанным механизмам стимулирования, которые должны быть направлены на поощрение отдыха внутри страны в целях увеличения внутреннего туристического потока, повышение эффективности использования инфраструктуры туризма. Обоснована необходимость снижения стоимости авиаперевозок. Рассмотрены законопроекты, которые призваны стимулировать рост внутреннего туризма за счёт снижения налогового бремени предпринимателям, приобретающим своим сотрудникам и членам их семей турпутевки по России и предоставления налоговых вычетов гражданам за путевки по России. Показаны основные направления стимулирования повышения эффективности использования материальной базы санаториев и курортов в межсезонье.

Ключевые слова: *внутренний туризм, стоимость туров, льготирование затрат на отдых и туризм, стоимость авиаперелетов.*

Многочисленные исследования и статистические данные свидетельствуют о том, что туризм является высокодоходной отраслью, вносящей существенный вклад в формирование бюджетов стран.

По данным WTTC, туризм является вторым, наиболее быстро растущим сектором во всем мире: его динамика составит примерно 3,9% в год в течение следующих 10 лет. При этом рост туристической индустрии будет опережать рост мировой экономики, которая, согласно прогнозам, будет увеличиваться на 2,9% в год в течение следующего десятилетия [1].

В 2014 году индустрия путешествий и туризма обеспечила 277 млн рабочих мест, что составляет 9,4% от мирового рынка занятости [2].

В общей сложности, по итогам 2014 года мировой рынок путешествий и туризма составил 7,6 трлн долларов США – это четвертый по величине рынок в мире после горнодобывающей промышленности, финансовых услуг и розничной торговли [2].

Российская Федерация, обладая значительным туристско-рекреационным потенциалом, занимает невысокое место на мировом рынке туристских услуг (около 1% мирового туристского потока) и отстает от развитых стран по вкладу туризма в ВВП страны с учетом мультипликативного эффекта.

По данным Всемирной туристической организации, доля туризма в мировом ВВП в 2015 году составила 9,5%, в России – 1,5%.

В рейтинге стран мира по индексу конкурентоспособности путешествий и туризма в 2015 году Россия заняла 45 позицию, пропустив вперед такие страны, как Чехия, Эстония, Словения, Венгрия [3].

Таким образом, развитие туризма в России характеризуется низкими темпами, о чем свидетельствуют данные таблицы.

Показатели развития туризма в России

Годы	Общий вклад туризма в ВВП, %	Прямой вклад туризма в ВВП, %	Капитальные вложения, млрд руб.
2010	5,9	1,4	249,5
2011	5,7	1,3	318,9
2012	5,8	1,4	355,8
2013	6,0	1,4	375,2
2014	6,1	1,5	428,2
2015	6,2	1,5	485,4

Источник: составлена автором по данным [1].

Как показывают данные таблицы, общий вклад туризма в ВВП России за шесть лет вырос всего на 5,1%, прямой вклад – на 7,1% и только капитальные вложения увеличились почти в два раза.

Наличие разнообразных туристско-рекреационных ресурсов страны позволяет России развивать практически все виды туризма, среди которых рекреационный (пляжный), культурно-познавательный, деловой, активный, оздоровительный, экологический, а также морские и речные круизы, сельский туризм и другие.

В число основных факторов, сдерживающих развитие туризма в России, как отмечают многие специалисты, является высокий уровень цен на внутренние туристские маршруты и программы отдыха.

Важная роль в обеспечении развития туризма в условиях кризиса принадлежит государству, разработанным механизмам его стимулирования. Государство может оказывать поддержку развитию внутреннего туризма по трем направлениям:

- стимулировать поощрение отдыха внутри страны в целях увеличения внутреннего турпотока;
- разрабатывать механизмы снижения стоимости туристических поездок;
- способствовать повышению эффективности использования инфраструктуры туризма.

Подытоживая, можно сделать следующие **выводы**:

1. Рост турпотока на внутренних направлениях возможен в случае *частичной компенсации стоимости путевок в российские санатории и курорты*. На сегодняшний день в Российской Федерации осуществляется компенсация стоимости путевок в санатории для детей из многодетных и малообеспеченных семей, для пенсионеров и для жителей Крайнего Севера, однако применяемых мер на данный момент недостаточно.

В настоящее время в Думу внесены разработанные Министерством культуры России два законопроекта, которые призваны стимулировать рост внутреннего туризма. Оба законопроекта прошли необходимую подготовку и экспертизу, их принятие ожидается в 2016 году [4].

Первый законопроект позволит работодателям, приобретающим своим сотрудникам и членам их семей турпутевки по России, в качестве поощрения или социальной помощи относить эти затраты не на прибыль, а на себестоимость, тем самым снижая налоговые отчисления. Ограничение на такие затраты предусматривается в размере 50 тыс. рублей на одного работника и каждого члена его семьи за отчетный период [4].

Второй законопроект – о налоговом вычете. Он позволит гражданам и членам их семей, не достигшим возраста 18 лет, получить право на возврат части средств, уплаченных за путевки по России посредством социального налогового вычета (13% подоходного налога) с покупки тура по России [4].

В целях расширения стимулов развития внутреннего туризма предлагается разрешить гражданам Российской Федерации средства, накапливаемые на персональных счетах обязательного медицинского страхования, расходовать (безналичными платежами) на туристические поездки внутри России из перечня туров, утвержденных Ростуризмом.

2. Главным сдерживающим фактором развития внутреннего туризма, как отмечают специалисты, являются *дорогостоящие перевозки*. На сегодняшний день в структуре стоимости российских турпакетов доля транспортной составляющей доходит до 70%.

Законодатели предлагают субсидировать перевозки на все виды транспорта. В России уже действует несколько программ для авиасообщения. Большинство жителей европейской части страны никогда не бывали на Дальнем Востоке, Крайнем Севере, Сибири, Байкале, Камчатке и, соответственно, не имеют представления о туристических возможностях этих мест, а снижение стоимости перелетов может существенно влиять на увеличение потока туристов.

В целях поддержания внутреннего туристического потока правительство ежегодно выделяет субсидии на льготную авиаперевозку, что позволило российским авиаперевозчикам в начале туристического сезона понизить стоимость авиационных билетов в среднем до 50%. Понижение цен было введено как на южное, так и на восточное направления.

Несколько авиакомпаний по собственной инициативе ввели специальные тарифы на внутреннем направлении. Так, например, по спецтарифам на июнь можно было купить билеты из Москвы в Симферополь. В оба конца билеты на этом направлении продавались всего за 7 тыс. рублей. В Сочи, Геленджик, Анапу по спецтарифам можно было слетать от 6 до 7 тыс. рублей. Реальная стоимость авиабилетов на этом направлении в оба конца составляет более 15 тыс. рублей. Понижение тарифов было введено также на авиарейсы Москва – Калининград – Москва, Москва – Владивосток – Москва и др. Кроме Москвы, специальные тарифы действовали и в ряде регионов Российской Федерации [5].

В 2015 году на авиаперевозки в Крым было выделено из бюджета 612 млн. рублей (из запрошенных 1,5 млрд рублей) [5].

Однако субсидирование по стране составляет не более 2% от общего объема перевозок, что не может существенно влиять на увеличение потока туристов.

Рассматриваются и другие меры по снижению стоимости авиаперевозок, в частности отмена НДС на внутренние авиаперелеты. По идее, отмена НДС позволила бы сэкономить почти пятую часть стоимости билета. Но отмена НДС со стоимости билета приведет к снижению прибыли авиаперевозчиков, поскольку исчезнет источник покрытия НДС на потребленные материальные ресурсы и, в свою очередь, снизит их прибыль. Кроме того, не решена проблема компенсации бюджетных потерь.

Предложение введения НДС на зарубежные перелеты, по мнению экспертов, поставит российских авиаперевозчиков в неравные условия по отношению к своим зарубежным коллегам-конкурентам, которые не платят НДС, и это уменьшит спрос на российские авиаперевозки.

НДС и стоимость керосина – две главные составляющие высоких цен на авиабилеты внутри страны. Стоимость керосина в цене билета составляет примерно 40%, и в перспективе будет расти, что является следствием монопольного положения нефтяных компаний, поставляющих топливо.

Важным направлением снижения транспортных расходов выступает развитие внутренних чартерных железнодорожных и авиаперевозок, расширение практики дотирования перевозок льготных категорий граждан и жителей отдаленных регионов.

3. *Актуальной задачей государства является стимулирование потока внутренних туристов на санаторно-курортное лечение осенью, зимой, ранней весной, то есть в межсезонье.* В настоящее время на экспертном уровне прорабатывается вопрос о создании системы отпускных чеков, которыми можно будет оплачивать услуги российских здравниц, курортов и гостиниц. Система отпускных чеков успешно действует во Франции, Швейцарии, Италии, других европейских странах. Суть системы заключается в следующем: чеки оптом закупают предприятия и реализуют их своим сотрудникам (по разным категориям): за 30, 50, 70% стоимости путевки, в зависимости от социальных льгот и других обстоятельств. Средства, которые они направляют на закупку чеков, не облагаются налогом на прибыль. Потери государства в налогах компенсируются при оплате чеками туристических услуг – проживание в санаториях и гостиницах и посещение ресторанов. Использование чеков для оплаты туристических услуг допускается только в межсезонный период, что обеспечит круглогодичную загрузку здравниц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мировой атлас данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: knoema.ru/atlas.
2. Вести АТОР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.atorus.ru/news/press-centre/new/31125.html.
3. Всемирный экономический форум: Рейтинг стран мира по уровню конкурентоспособности путешествий и туризма в 2015 году [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – 07.05.2015. URL: <http://gtmarket.ru/news/2015/05/07/7152>.
4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main>.
5. Разработанные Минкультуры законопроекты предусматривают льготы за путешествия по России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [atorus.ru/NEWS/press-centre/new/...](http://atorus.ru/NEWS/press-centre/new/)
6. Интерфакс-туризм. Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: tourism.interfax.ru/ru/news/articles/27519.
7. Захаров, К.С. Состояние туристской инфраструктуры РФ и проблемы ее формирования (экономические аспекты) / К.С. Захаров // Современные проблемы Социально-гуманитарных наук. – 2015. – № 1 (1). – С.142–147.
8. Захаров, К.С. Экономические перспективы использования механизма государственно-частного партнерства в туристской отрасли / К.С. Захаров // Современные проблемы социально-гуманитарных наук: материалы II Междунар. науч.-практ. заоч. конф., 30 нояб. 2015 г. – С. 195–203.

Поступила 06.04.2016

ENCOURAGE THE DEVELOPMENT OF TOURISM IN RUSSIA

K. ZAKHAROV

The article is devoted to mechanisms to stimulate the development of domestic tourism in Russia. One of the main factors hindering the development of tourism in Russia is the high cost of tours and recreation in sanatoriums and resorts. An important role in ensuring the development of domestic tourism in crisis belongs to the state, developed incentive mechanisms, which should be aimed at the promotion of recreation within the country in order to increase the internal tourist flow, increasing the efficiency of use of tourism infrastructure. The necessity of reducing the cost of air travel is proved. Considered bills designed to increase domestic tourism at the expense of reducing the tax burden on entrepreneurs who buy their staff members and their families tours across Russia and the provision of tax deductions to citizens for permits in Russia. The basic directions of stimulation of increase of efficiency of use of material base of sanatoria and resorts in the off season.

Keywords: domestic tourism, tours' costs, the cost' benefits for recreation and tourism, the cost of air flight.

УДК 338:796(44)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ СПОРТОМ ВО ФРАНЦИИ

*канд. экон. наук, доц. С.Б. РЕПКИН**(Белорусский государственный экономический университет, Минск)*

Анализируется французская модель управления спортом высших достижений, а также ключевых факторов, обеспечивающих успех и развитие спортсменов на международной спортивной арене. Подробно рассмотрены различные формы поддержки элитных спортсменов в этой стране, формы финансовой поддержки спорта высших достижений во Франции. Дана оценка роли спорта в национальной политической культуре Франции, а также стратегического влияния министерства здравоохранения, молодежи и спорта.

Ключевые слова: управление спортом высших достижений, французская модель, формы поддержки элитных спортсменов.

Введение. Спорту, в том числе и в Республике Беларусь, придается огромное значение как фактору, удовлетворяющему потребность населения в укреплении здоровья и формировании здорового образа жизни. Развитие детско-юношеского спорта и спорта высших достижений выступает одним из важнейших приоритетов, проводимых государством в социально-экономической политике. Государство направляет значительные средства на развитие физической культуры и спорта, доля этих расходов в ВВП Республики Беларусь в 2015 году составляла 0,33%, что дало ощутимые результаты.

Имеющийся в республике потенциал позволил обеспечить достаточно высокий уровень достижений белорусских спортсменов на международных спортивных соревнованиях, таких как Олимпийские игры, чемпионаты мира и Европы. Нельзя не упомянуть в этой связи триумфальное выступление белорусских спортсменов на зимних Олимпийских играх в Сочи в 2014 году, где было завоевано пять олимпийских медалей, включая три золотые медали Дарьи Домрачевой и бронзовую медаль Надежды Скардино в биатлоне, а также золото Антона Кушнира и Аллы Цупер во фристайле.

Стратегическое развитие спорта в Республике Беларусь происходит по следующим направлениям: во-первых, развитие спорта осуществляется на основе постоянного совершенствования нормативной правовой базы; во-вторых, разрабатываются государственные программы развития физической культуры и спорта; в-третьих, наращивается финансирование и укрепляется материально-техническая база. Основная целевая установка стратегического развития физической культуры и спорта – оздоровление нации и укрепление международного имиджа Республики Беларусь.

В государственной программе говорится также и о тех основных факторах, которые сдерживают развитие детско-юношеского спорта и подготовку спортивного резерва для национальных и сборных команд Беларуси по видам спорта. Среди факторов называются: во-первых, повышение конкуренции на международной спортивной арене среди спортсменов юношеского, юниорского и молодежного возрастов; во-вторых, отставание от ведущих спортивных держав в развитии и внедрении инновационных спортивных технологий; в-третьих, недостаток современного спортивного инвентаря и оборудования [7]. Особо отмечается важность научного обеспечения развития спорта в республике. В этой связи программой предусматривается «разработка инновационных спортивных технологий (методов) подготовки белорусских спортсменов, совершенствование научно-методического и медико-биологического обеспечения национальных и сборных команд Республики Беларусь по видам спорта, проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в целях повышения конкурентоспособности белорусского спорта на международной арене». В качестве одного из важнейших направлений декларируется использование «системно-целевого подхода к планированию и прогнозированию спортивной подготовки спортсменов различной квалификации». Анализ основных документов, регулирующих спортивную сферу, еще в большей степени актуализирует важность проведения научных исследований по институционализации экономических методов управления спортом в нашей стране [7].

Исходя из указанной проблематики изучение международного опыта организации спортивного движения значимо в целях совершенствования управления спортом в Республике Беларусь и его научно обоснования, изучение означенного опыта и является целью данной работы.

Основная часть. Одним из общепризнанных лидеров развития западноевропейской цивилизации является Франция. Это касается практически всех областей общественной жизни – экономики, политики, науки, культуры, образования. Что касается спорта, то во Франции он является важным сектором экономики. Об этом свидетельствуют следующие статистические данные. Физкультурой и спортом занимаются 36 миллионов французов, около 15 миллионов из них являются лицензированными членами 175 000 французских спортивных клубов. До 350 000 рабочих мест во Франции имеют отношение к развитию спорта,

более 200 000 из них (в государственном и частном секторах) непосредственно связаны со спортом. В общей сложности расходы на спорт во Франции ежегодно составляют 24,6 млрд евро, или 1,7% от валового внутреннего продукта (ВВП) [1], из этой суммы более 10 млрд евро предоставляют государственные институты, в основном на уровне общин.

Спорт играет стратегическую роль в силу своих общественных функций в отношении образования, общественных объединений, здравоохранения, социальной интеграции (особенно в случаях социальной депривации), туризма, регионального и местного развития, международной идентичности и имиджа Франции, а также поддержки Французской дипломатии, в частности отношений Франции с развивающимися странами. В национальной политической культуре Франции, для которой свойственно поощрение общественных услуг, значение спорта стабильно возрастает начиная с 1960-х годов.

В результате принятых решений в те годы было существенно рационализировано функционирование спортивных федераций Франции для того, чтобы улучшить результаты выступлений французских спортсменов в международных спортивных соревнованиях. По сути, федерации были «национализированы» в целях общих интересов и вследствие желания государства поставить под контроль эффективность деятельности федераций [4]. Эта тенденция достигла пика в 1984 году, когда был принят «Закон об организации, продвижения спорта и физической активности», где спорт был четко определен как сфера, входящая в компетенцию государства. Правда, при этом закон все же предусматривал передачу функций по предоставлению общественных услуг непосредственно самим федерациям, которые исторически были ответственны за организацию, продвижение и развитие своих видов спорта.

Для выполнения своих функций национальные спортивные федерации получают значительную прямую и косвенную государственную поддержку. Так, в 2006 году из государственных ресурсов 80 спортивных федераций получили поддержку на общую сумму в 227 млн евро. Примерно половина помощи была оказана в виде предоставления федерациям (1700 технических специалистов, все государственные служащие), что составляет около 23% от общей численности сотрудников французского Министерства здравоохранения, молодежи и спорта. Эти специалисты выступают в качестве технических советников федераций и подотчетны как министерству, так и самим спортивным федерациям, которые определяют бонусы и расходы, уплачиваемые данному персоналу. Государственные служащие участвуют в формировании и осуществлении политики на уровне федерации, отборе и тренировке элитных спортсменов, а также подготовке собственных технических экспертов федераций. Вторая часть государственного финансирования принимает форму прямых субсидий федерациям и клубам, а также местным органам власти для строительства спортивных объектов.

Таким образом, можно говорить о том, что «французская модель спорта» характеризуется высоким уровнем влияния со стороны государства. Это существенно отличает Францию, например, от северных европейских стран, где государство традиционно осуществляет гораздо меньшее вмешательство в спорт. Тем не менее государственные расходы во Франции составляют лишь 12% от национальных расходов на спорт (из которых лишь 2,7% приходит на спортивный секретариат в рамках Министерства здравоохранения, молодежи и спорта), 52% от общей суммы приходится на текущие расходы и 29% – на местные власти.

Несмотря на то, что государство имеет ряд прерогатив в отношении спорта высших достижений и выступает в качестве важного регулирующего органа, органы местного самоуправления (области, департаменты, коммуны) и города имеют конституционное право на самоопределение в сфере спорта.

Согласно анализу специальной литературы [1–5], в настоящее время нельзя говорить, что в системе управления спортом во Франции сложилось четкое разделение полномочий между различными уровнями государственного управления. Ряд субнациональных органов власти вмешиваются в регулирование спорта высших достижений (на уровне как клубов, так и отдельных спортсменов), что приводит к значительному региональному неравенству. Тем не менее французская модель спорта дает определенные результаты, продемонстрированные на Олимпийских играх и чемпионатах мира последних десяти лет.

Остановимся более подробно на основных моментах организации спорта высших достижений во Франции, проанализируем различные формы поддержки элитных спортсменов в этой стране, рассмотрим формы финансовой поддержки спорта высших достижений и оценим стратегическую роль Министерства здравоохранения, молодежи и спорта Франции.

В 1984 году во Франции был создан Национальный комитет по спорту высших достижений. Представителями государства являются 16 его членов, 3 – местных органов власти, а еще 16 представляют спортивное движение. Председателем комитета является министр спорта. Ключевая роль комитета заключается в установлении критериев для определения «Элиты» в каждой из спортивных дисциплин признанных видами спорта высших достижений. К элите относятся спортсмены, тренеры и арбитры, молодые спортивные таланты. Комитет также определяет количество человек, имеющих право получить поддержку в соответствии с политикой и в рамках системы поддержки, что дает возможность оказаться в числе спортивной элиты. Он также определяет критерии отбора для участия в соревнованиях, органи-

зуемых под эгидой Международного олимпийского комитета. Статус элитных спортсменов, дисциплины, стратегии федерации и системы поддержки закрепляются государством.

В настоящее время во Франции порядка 7080 элитных спортсменов: 753 с полноценным статусом элитных, 2652 спортсмена высшего разряда, 3491 юниор и 184 ассистента и 54 тренера признанных дисциплин. Также 8507 молодым спортсменам в возрасте от 12 лет и старше присвоен статус элитных спортсменов. В общей сложности, почти 16 500 человек во Франции принадлежат среде элитного спорта. Признание спортсменов «элитой» входит в обязанности соответствующих спортивных федераций и основывается на определенных критериях элитного спортсмена – улучшение спортивного мастерства и развитие профессиональной карьеры.

При наличии статуса элитного спортсмена легче получить различного рода назначения и определенную гибкость в получении школьного образования, а также преимущества при конкурсе в случае поступления, например, для обучения на физиотерапевта, ортопеда или преподавателя физкультуры. Согласно Закону от 16 июля 1984 года в целях решения сложных социальных и финансовых проблем, с которыми сталкиваются элитные спортсмены особенно в непрофессиональных индивидуальных видах спорта (гребля, борьба, конькобежный спорт), государство может подписать ряд контрактов, гарантирующих элитным спортсменам рабочие места. Подписываемый элитным спортсменом с его спортивной федерацией (работодателем) контракт помогает спортсменам продолжить спортивную карьеру и получить работу после завершения карьеры спортсмена. В последние годы 643 «элитных» спортсмена воспользовались таким типом контракта.

Призеры Олимпийских игр получают одноразовую, не облагаемую налогом премию от государства: 40 000 евро за золотую, 20 000 – за серебряную, 13000 – за бронзовую медаль. И что не маловажно, премии для призеров Параолимпийских призеров были приравнены к премиям призеров Олимпийских игр. Франция относится к тем странам, которые награждают своих призеров, данная политика поддержки подразумевает и дальнейшие меры, касающиеся работы, заработка и пенсий. Таким образом, чтобы помочь элитным спортсменам, правительство планирует предоставить им доступ к различным государственным пенсионным сберегательным схемам и преимуществам. Эта мера является составной частью государственной политики по обеспечению элитных спортсменов наилучшими программами социального страхования. В среднесрочной перспективе государство планирует взять на себя оплату страховых взносов для спортсменов в возрасте от 18 лет с низким уровнем достатка. Окончательный набор мер был предложен Министерством малого и среднего предпринимательства в дополнение к тем, которые описаны выше, а именно, любое малое или среднее предприятие, которое нанимает элитных спортсменов, считается «частным партнером в элитном спорте».

Поддерживая эти меры на государственном уровне, города, ведомства и регионы оказывают поддержку спортсменам, живущим в их регионе. В индивидуальном, непрофессиональном спорте, элитные спортсмены могут воспользоваться целым рядом источников получения дохода (от своего клуба, федерации, местных органов, а иногда от производителей спортивного оборудования), а также из иных источников финансовой помощи (например, заработная плата, премии, обучение и гранты). Хотя государство во Франции в наибольшей степени отвечает за развитие спорта высших достижений, значительной является прямая и косвенная поддержка субнациональных властей. Они владеют большинством из 250 700 спортивных сооружений и 65 300 спортивных площадок во Франции [5], и их сотрудничество играет существенную роль в успешности реализации государственной политики в области спорта. В 2003–2012 годах 45 крупнейших городов и городских агломераций выделили средства на 35% больше, чем государство, в среднем за год это составило сумму порядка 981 млн евро. По данным общественного центра по оказанию социальных услуг, в 2012 году местные власти предоставили более 47 500 рабочих мест в сферах, связанных со спортивной деятельностью.

Важной областью исследования является финансирование спорта высших достижений во Франции и оценка стратегической роли Министерства здравоохранения, молодежи и спорта в этом вопросе. В 1979 году был создан дополнительный источник спортивного бюджета – Национальный фонд развития спорта. Его бюджет составляет треть бюджета министерства (около 250 млн долл. США в год) и увеличивает примерно на половину общую сумму государственного финансирования в рамках политики в спорте. Первоначально источником фонда были лотерейные доходы (скачки и национальная лотерея), но с 2000 года добавились 5% от доходов за телевизионные права на спортивных соревнованиях, или около 40 млн евро в год. Таким образом, с помощью налоговых поступлений, министерство установило и регулирует связь между спортом высших достижений, с одной стороны, и профессиональным спортом – с другой. Эта связь осуществляется на национальном уровне между федерациями, и на местном уровне между профессиональными клубами и ассоциациями. Цель такой политики – усиление механизмов перераспределения в рамках роли государственной в спорте. Отметим, что именно этот стратегический аспект «французской модели» развития спорта не зависит от изменений в правительстве – он продолжает существовать независимо от политического направления, которого придерживаются министры спорта.

В 2006 году национальный фонд развития спорта был заменен национальным центром по развитию спорта, который принял на себя основную часть обязанностей своего предшественника. Расходы распределяются между национальным и региональным уровнем. На национальном уровне средства идут в основном на инвестиции в крупномасштабные объекты. На региональном уровне средства перераспределяются в виде субсидий спортивным ассоциациям и не относятся к помощи, оказываемой при отношении спортсмена к спортивной элите. Рационализация государственного вмешательства в спорт, как и в другие сектора, произошла в результате принятия государственного финансового закона 2005 года (Закон о государственном финансовом законодательстве). В период с 2003 по 2006 год во Франции четко сформулированы цели и определены показатели «спортивной программы» министерства. Из шести целей три имеют непосредственное отношение к спорту высших достижений:

- содействовать развитию спортивной деятельности, особенно в клубах, уделяя особое внимание целевым группам (женщинам, инвалидам, жителям приоритетных городских зон);
- содействовать финансовой честности и эффективности деятельности спортивных федераций;
- уделять особое внимание сбалансированному распределению спортивных сооружений по всей стране;
- адаптировать спортивные тренировки к изменениям в профессии и в спорте, обеспечить перспективы в профессиональной карьере для элитных спортсменов.

В данном случае речь идет о конкретных индикаторах, относящихся к элитным спортсменам, а именно «профессиональной квалификации и перспективах элитных спортсменов». Достижение данной цели определяется двумя показателями – уровнем экономической и социальной интеграции спортсменов в течение двух лет после завершения спортивной карьеры и долей элитных спортсменов в обучении или в сфере занятости.

Сохранить положение Франции в мировом рейтинге спортивных результатов. Достижение данной цели определяют три показателя: рейтинг в летних и зимних Олимпийских играх, рейтинг, определяемый ежегодно по двадцати пяти Олимпийским и неолимпийским видам спорта, и рейтинг, составляемый спортивными журналистами.

Повысить значение этики в спорте и защитить здоровье спортсменов.

Во Франции два показателя имеют непосредственное значение для спорта высших достижений:

- количество элитных и перспективных молодых спортсменов, отвечающих всем медицинским критериям в течение года в общем количестве элитных и молодых спортсменов;
- количество спортсменов с положительным результатом допинг-тестов в общем числе протестированных спортсменов.

Франция проводит интервенционистскую антидопинговую политику, закрепленную законом 1999 года, при поддержке национальной лаборатории допинг-тестирования – государственного органа в Шатеней-Малабри.

Подводя краткие итоги, можно согласиться с мнением В.А. Курашвили [6] и констатировать, что развитие спорта во Франции базируется на смешанном частно-государственном финансировании. Отличительной чертой французской модели финансирования спорта является совместное управление государственными фондами с участием самого государства (Министерство здравоохранения, молодежи и спорта) и спортивного движения в лице Национального олимпийского комитета, представляющего все спортивные федерации. Таким образом, французская модель организации спорта находится на пути между американской моделью спорта, финансируемого по большей части частным сектором, и «социальной» моделью многих европейских стран.

Государственное финансирование спорта во Франции включает три составные: прямое государственное финансирование (центральное), косвенное государственное финансирование через национальный фонд развития спорта, а также децентрализованное государственное финансирование через муниципалитеты и другие органы местного самоуправления (департаменты и районы, т.е. единицы территориально-административного деления). Вопросами спорта по линии Министерства здравоохранения, молодежи и спорта занимается 7290 чел. Кроме того, существует 22 региональных органа управления спортом, 83 органа на муниципальном уровне. Вопросами подготовки спортивного резерва занимается 24 региональных средних учебных заведения и 5 национальных вузов.

Огромное значение уделяется детскому физическому воспитанию. Во Франции с детьми начинают заниматься физкультурой с 4 лет, в детском саду (6 часов в неделю). Их учат прыгать, лазать, бросать простой спортивный снаряд, держаться на воде, на льду или на снегу. Спорт, которым они занимаются, может быть индивидуальным или командным с использованием препятствий и спортивного инвентаря. К более углубленной форме преподавания физкультуры и спорта переходят в начальной школе. Особое внимание уделяется дисциплинам, связанным с бегом и плаванием. Именно в этих двух видах спорта легче всего заметить прогресс ученика, поэтому они более других подходят для обучения понятиям ускорения, скорости, ритма, траектории. Командные виды спорта позволяют детям организовать игру и ознакомиться с ее правилами. Около 3–4 часов в неделю уделяется занятиям физкультурой в средней

школе. Зачет по физической культуре обязателен для получения степени бакалавра (он включает в себя экзамен по плаванию). Также регулярно устраиваются соревнования между классами, колледжами и т.д. Государственный комитет по школьному спорту организует 250 000 соревнований в год.

Во Франции 70–75% бюджета Министерства здравоохранения, молодежи и спорта расходуются на спорт, остальная часть – на молодежь. Бюджетные инвестиции, выделяемые спортивным федерациям, составляют порядка 400 млн евро ежегодно, федерация футбола, насчитывающая наибольшее количество членов, получает 7,7% от общей суммы инвестиций, за ней следуют: легкая атлетика (5,5%), лыжный спорт (5%), зимние виды спорта (4,7%), плавание (4%) и т.д., вплоть до айкидо (0,01%). Другие министерства также выделяют часть своего бюджета на спорт: министерство образования оплачивает преподавателей физической культуры и спорта и финансирует их профессиональную подготовку. Его бюджет, выделяемый на спорт, равен 5,5 млрд евро; Министерство обороны расходует примерно 110 млн евро на спорт; остальные министерства – 140 млн евро (здесь наибольшая доля Министерства почты и телекоммуникаций, Министерства транспорта и Министерства сельского хозяйства).

Национальный фонд развития спорта пополняется со специальных счетов государственного казначейства. По большей части это доходы от национальной лотереи и спортивной лотереи, а также городского тотализатора (ставки на скачках) и доходов от налога на напитки. Спортивная лотерея (пари на результаты футбольных матчей) была введена во Франции еще в 1985 году. Ее доходы постоянно возрастали, что позволило фонду к 1988 году получить более 800 млн фр., которые были распределены между финансированием спортивного строительства и субсидиями спортивным федерациям и клубам. В настоящее время бюджет Национального фонда развития спорта составляет около 240 млн евро. Значительная доля коммун в финансировании спорта объясняется тем, что французский спорт организован в основном вокруг клубов, работающих в каждой коммуне. Коммуны субсидируют находящиеся на их территории клубы. Прежде всего, это относится к спортивному строительству, которое составляет около двух третей спортивного бюджета коммун. Из всех спортивных сооружений Франции две трети построены на средства местного бюджета. Большие города (Париж, Марсель, Лион) выделяют значительные средства нескольким спортивным клубам, обычно профессиональным, которые участвуют в крупных национальных и международных соревнованиях. Небольшие коммуны чаще выделяют средства небольшим клубам и на развитие спортивного досуга. Частное финансирование спорта осуществляется тремя секторами экономики: семьями – через потребление спортивных товаров и услуг; телевидением – через приобретение прав на трансляцию спортивных соревнований у их организаторов; предприятиями, которые используют спорт в рекламных целях, в частности посредством спонсорства.

Занимаясь спортом, семьи обычно приобретают спортивные товары, одежду, обувь и т.д. Занятиям спортом сопутствует употребление напитков, диетических продуктов, фармацевтических продуктов, посещение врачей и пр. Во Франции в сумме эти затраты достигают 21 млрд евро. Очевидно, что в данном случае речь идет не только о косвенном финансировании спорта. Часть этой суммы так и не возвращается в сферу спорта. Другая часть возвращается в экономику спорта по мере того, как предприятия, производящие все эти товары, делают им рекламу, используя спорт как ее основу, или же спонсируют спортсменов, клубы и спортивные соревнования, или, наконец, вкладывают средства в строительство и содержание частных спортивных сооружений. Занимающиеся спортом семьи также платят за членские билеты клубов и федераций. Спортивные федерации пытаются привлечь также и тех, кто занимается спортом, не имея членского билета (число таких людей в последние годы растет), в том числе при помощи рекламных кампаний своего вида спорта. Стремясь увеличить количество членов, федерация тенниса несколько лет тому назад начала пропаганду на тему: «Наша цель – миллион членов федерации». А федерация лыжного спорта продает членский билет каждому, кто встает на лыжню на лыжных курортах, даже если он делает это только один раз в год. Семьи также платят за право доступа на некоторые спортивные объекты (бассейны, подъемники, теннисные корты, площадки для гольфа и др.) и за частные услуги преподавателей и инструкторов спорта. Национальный институт статистики и экономических исследований утверждает, что в целом плата за доступ на спортивные объекты и частные уроки составляет 7,4 млрд евро. Семьи тратят деньги за вход на стадионы, спортивные залы, где проводятся спортивные соревнования. И наконец, вклад семей нефинансовый, но очень существенный для работы всех спортивных организаций в целом (федерации, клубы, соревнования), – это добровольная, неоплачиваемая работа примерно одного миллиона человек в качестве спортивных руководителей и организаторов. Их вклад исчисляется приблизительно 300 млн часов работы в год на спортивном поприще. Если суммировать весь прямой и косвенный вклад семей в спорт, то получится довольно внушительная сумма, которой оценивается безвозмездная работа. Иными словами, семьи являются сектором, который финансирует развитие спорта в большей степени, чем коммуны. При смешанной системе управления спортом во Франции потребитель оплачивает часть потребляемой им спортивной практики и спортивных зрелищ. В Министерстве по делам молодежи и спорта Франции работают два управления по спорту, в том числе шесть бюро: финансовое, международное, спорта высших достижений, политики развития видов спорта, управления учреж-

днями централизованной подготовки спортсменов, науки, спортивного инвентаря и оборудования. Свои полномочия Министерство спорта реализует через 25 своих отделений и 100 муниципальных департаментов спорта. Руководство спортом на местах осуществляется в 22 регионах, 90 департаментах и 36 тысячах коммун [1]. При большинстве из них имеются дома спорта или муниципальные спортивно-оздоровительные центры, деятельность этих ассоциаций координируют муниципальные отделы спорта.

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлены принципиальные особенности организации физической культуры и спорта во Франции. Анализ организации спорта высших достижений во Франции показал доминирующую роль государства и Министерства здравоохранения, молодежи и спорта. Это привело к тому, что некоторые иностранные комментаторы назвали эту систему «советской моделью» французского спорта. Исключительные спортивные достижения Франции обусловлены тем, что на ранней стадии были выделены критические факторы успеха. Специфика французской модели спорта высших достижений является спорной относительно зрелости с точки зрения механизмов поддержки элитных и перспективных спортсменов. Речь не идет об «успехе любой ценой», а в предоставлении возможностей с точки зрения общего карьерного роста и образа жизни спортсмена и антидопинговой политики. Во Франции спорт высших достижений поддерживает тесные связи с любительским спортом, особенно в командных видах спорта, которые широко распространены в этой стране.

В заключение необходимо отметить, что рост коммерческого давления на спорт высших достижений и бремя самой глобализации поднимает вопросы, касающиеся будущего направления развития французской модели спорта высших достижений. Франция преуспела как новатор в создании Всемирного антидопингового агентства, но наличие новых угроз призывает к пересмотру принципов регулирования спорта высших достижений – это процесс, который постоянно проходит на европейском и мировом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Andreff, W. and Nys, J.-F. (2001) *Economie du Sport*, Paris, PUF, *Que sais-je?*, 4th ed., Paris.
2. Bayle, E. (2002) *Le sport professionnel et les structures marchandes associees au spectacle sportif*, in *L'emploi sportif en France: situation et tendance d'evolution*, Eds. J. Camy and N. Leroux, Co-edition Afraps. – Runopes. – P. 45–64.
3. Bayle, E. and Durand, C. (2000) *Sport professionnel et representation nationale: Quel avenir?*, in *Reflets et perspectives de la vie economique*, no. 2–3, Vol. XXXIX, J.-J. Gougnet and D. Primault (coordinator), Special issue *Sport et Mondialisation: Quel enjeu pour le XXIeme siecle?* Bruxelles: De Boeck Universite. – P. 149–168.
4. Lachaume, J.-F. (1991) *Du controle de l'Etat sur les federations sportives*, *Revue juridique et economique du sport*, 16. – P. 3–20.
5. MJSVA (Ministry of Youth, Sport and Associative Life) (2006) unpublished internal document, Paris, MJSVA.
6. Курашвили, В.А. Физическая подготовка молодежи во Франции / В.А. Курашвили // *Вестн. спортивных инноваций*. – 2013. – № 46. – 02 мая. – С. 24–26.
7. Государственная программа развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь на 2011–2015 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства спорта и туризма Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mst.gov.by/ru/razvitie-sporta>. – Дата доступа: 24.03.2011.

Поступила 29.03.2016

FEATURES OF THE ORGANIZATION AND MANAGEMENT OF SPORT IN FRANCE

S. REPKIN

This article analyzes the French model of management of high performance sport as well as the key factors for success and the development of athletes in the international arena. Considered in detail various forms of support elite athletes in the country, forms of financial support for high performance sport in France. The estimation of the role of sport in France, the national political culture, as well as the strategic influence of the Ministry of Health, Youth and Sports.

Keywords: *managing high performance sport, French model, support of elite athletes.*

УДК 330.342

«ЗЕЛЕНАЯ ЭКОНОМИКА» В СИСТЕМЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА**А.П. ЧУРАКОВА***(Белорусский государственный экономический университет, Минск)*

Рассмотрены основные тенденции становления постиндустриального общества. Показана роль информационного ресурса, знаний и инноваций в процессе трансформации отношений «экономика – экология». Раскрыты подходы к определению «зеленой экономики», выделены ее ключевые положения, влияние на устойчивое развитие и место в системе постиндустриального общества. Обоснована необходимость роста парето-эффективности при осуществлении экономических, экологических и социальных преобразований. Освещены основные тенденции, возможности и сдерживающие факторы становления «зеленой экономики» в контексте постиндустриального общества Республики Беларусь.

Ключевые слова: *постиндустриальное общество, «зеленая экономика», устойчивое развитие, экологический императив.*

Введение. Существование и жизнедеятельность людей неразрывно связана с взаимодействием с окружающей средой. Для ранних этапов общественного развития характерно использование примитивных средств труда и высокая зависимость человека от природы. Однако по мере совершенствования производительных сил, с одной стороны, появилась возможность все большего изъятия и преобразования ресурсов природы для удовлетворения разнообразных потребностей людей, с другой – становление современной техногенной среды привело к истощению и деградации многих компонентов природной среды, нарушению экологического равновесия на планете. Поэтому можно констатировать, что характер и интенсивность использования природных ресурсов определяется сложившейся системой социально-экономических отношений и технологическим способом производства.

Исследованию закономерностей экономического развития посвящены труды многих отечественных и зарубежных ученых, среди которых можно выделить Д. Белла, А.В. Бондаря, П. Друкера, В.Л. Иноземцева, А. Турена, Э. Тоффлера, В.Н. Шимова и других, которыми проанализированы этапы эволюции экономических систем, выделены ключевые факторы общественной динамики, показана роль знаний и информационного ресурса в процессе становления постиндустриального общества. Вместе с тем, в полной мере не изучен характер взаимодействия социально-экономической и экологической систем на постиндустриальной стадии, что требует дальнейшей научной проработки.

Императивы постиндустриального общества. В экономической науке существует множество критериев и подходов к классификации экономических систем. Изменения социально-экономических реалий второй половины XX века, обусловленные происходящими технологическими сдвигами, позволили выделить черты качественно нового этапа общественного развития – постиндустриального общества, для которого характерно выдвигание в качестве ключевых факторов экономической динамики знаний, инноваций, науки и образования.

В постиндустриальном обществе, подчеркивает Д. Белл, центральное место принадлежит теоретическим знаниям как стержню, вокруг которого будут организованы новые технологии, экономический рост и социальная стратификация [2, с. 152]. Очевидно, автор выделяет исключительную роль фундаментальных знаний в связи с тем, что именно накопление и практическое применение знаний в реальном секторе способствовало достижению высоких темпов экономической динамики, промышленного производства и сферы услуг многих развитых стран. Кроме этого, развитие третичного сектора, сферы личных услуг и социальные изменения, по мнению Д. Белла, послужили толчком к переориентации общества с массового производства предметов потребления на иные блага: чистую природу, обилие информации и полную информированность о человеке и обществе, развитие сети услуг бытового и культурного назначения [2].

На изменение статуса знания по мере перехода к постиндустриальному обществу указывает и Ж.-Б. Лиотар [7, с. 14]. Несомненно, использование знаний наряду с традиционными факторами производства придает новые качества развитию отдельных компаний и экономики в целом, а также способствует повышению эффективности их функционирования.

В этом плане А.В. Бондарь правомерно свидетельствует о том, что в современных интеллектуализированных компаниях происходит вытеснение материальных активов интеллектуальными, информацией и знаниями. При этом накопление и эффективное использование ресурса знания обеспечивает высокую динамику экономического роста, развития субъектов хозяйствования и всего социума [3].

По мнению В.Л. Иноземцева, постиндустриальное общество характеризуется сдвигами в производственной сфере, изменениями характера человеческой деятельности, совершенствованием базовых социальных отношений, образованием новых политических и социальных элит, при этом главным атри-

бутом является переориентация производства с создания материальных благ на предоставление услуг и выработку информации [6, с. 111–112]. Этим подчеркивается, что постиндустриальное общество основано на поддержании высокого уровня и качества жизни, удовлетворении потребностей более высокого порядка, а также реализации прав человека, в том числе на чистую окружающую среду. В этой связи, по мнению ученого, в последнее время закономерен радикальный поворот в отношении к природным ресурсам не в связи с изменением экономических условий их применения, а в силу неизбежного расширения сферы создания и использования информации в качестве основного фактора производства. Поэтому экологическая направленность современного общества столь же естественна, сколь и его информационный базис [6, с. 529].

В этом ключе А. Турен пишет, что постиндустриальное общество выступает как обновленная и более сознательная форма старой тенденции индустриализации или даже модернизации [12, с. 145]. Представляется, что такое обновление предусматривает качественные изменения в экономическом базисе, распространение информационных технологий, предполагающих повышение образовательного и квалификационного уровня работников.

О наступлении «супериндустриального общества» (третьей волны цивилизации), основу которого составляют высокие технологии, новые методы производства, замена массового, стандартизированного производства индивидуальным, говорит Э. Тоффлер [11, с. 33]. Он также указывает на роль новых технологий в формировании энергетической базы Третьей волны. Для нее будет характерно превалирование возобновляемых, а не ископаемых, источников, сокращение доли централизованных технологий производства энергии, развитие новых источников и методов производства энергии, позволяющих согласовать потребности в ней по типу и качеству, а также уменьшить количество отходов [11, с. 233]. Исходя из этого, природосберегающие черты Третьей волны обуславливаются переходом общества на совершенно новую стадию технологического развития. При этом необходимо отметить, что продвижение к новой, более ресурсосберегающей и научно обоснованной системе связано также с активизацией экологических инициатив среди потребителей, специалистов по окружающей среде, ученых, организаторов передовых отраслей промышленности.

Таким образом, основными чертами постиндустриального общества выступают выдвижение знаний на роль ключевого ресурса, превалирование высоких технологий, увеличение производства услуг по сравнению с производством материальных благ, особенно знаниеемких услуг, изменение структуры занятости, формирование класса работников знания, возрастание роли творческого труда и сохранения окружающей среды. При этом следует отметить, что инновации, нововведения, ускорение темпов научно-технологического прогресса одновременно лежат в основе трансформации отношений «экономика – экология». Возрастающая роль информационных ресурсов и знаний, увеличение доли интеллектуальной составляющей в составе факторов экономической динамики, социализация, поддержание высокого уровня и качества жизни, реализация прав человека на чистую окружающую среду позволяют выделить природосберегающие, экологически ориентированные черты постиндустриального общества и выход на новый уровень гармоничного взаимодействия между экономикой и природой. Поэтому в системе постиндустриального общества правомерно выделить «зеленую экономику» в качестве новой парадигмы хозяйствования, которая направлена на рост парето-эффективности при осуществлении экономических, социальных и экологических преобразований.

«Зеленая экономика» как этап развития постиндустриального общества. «Зеленая экономика» как закономерный этап развития постиндустриального общества призвана параллельно реализовывать экономические, экологические и социальные императивы и базируется на принципах рационального и эффективного использования ресурсов, защиты и охраны окружающей среды.

ЮНЕП определяет «зеленую экономику» как экономику, которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, при этом существенно снижая риски деградации и обеднения окружающей среды [8, с. 17]. В этом плане «зеленая экономика» направлена на сохранение, накопление и эффективное использование природного капитала, сокращение негативного воздействия на окружающую среду при одновременно высоких стандартах жизни населения.

На Конференции ООН «РИО+20» (2012 г.) подчеркивалось, что «зеленая экономика» в контексте устойчивого развития и ликвидации нищеты должна содействовать поступательному экономическому росту, способствуя социальной интеграции, улучшению благосостояния человека и созданию возможностей занятости и достойной работы для всех, при этом она призвана обеспечивать нормальное функционирование экосистем планеты [4, с. 13]. Необходимо отметить, что «зеленая экономика» подразумевает достижение положительной экономической динамики, социального прогресса и экологической эффективности на основе продвинутого научно-технологического базиса.

Таким образом, «зеленую экономику» правомерно рассматривать как совокупность технологических, экономических и организационных мероприятий, направленных на согласованное развитие и функционирование экономической, социальной и экологической систем. Инновации, инвестиции и осуществ-

ление модернизации в контексте «зеленой экономики» способствуют получению «тройного выигрыша» для экологии, экономики и социальной сферы за счет снижения ресурсоемкости, сокращения воздействия на биосферу и создания комфортных условий человеческой жизнедеятельности.

В этом плане следует отметить анализ циклов роста и инноваций Э.У. фон Вайцеккера, который выделяет расширение природосберегающих и ресурсоэффективных технологий как новую волну, которая следует за циклом цифровых сетей и биотехнологий. Технологическую основу «зеленого» цикла составляют инновации в области повышения эффективности использования ресурсов, системного дизайна, биомимикрии, возобновляемые источники энергии [13, с. 25]. Структурные сдвиги в сторону радикального повышения эффективности использования природных ресурсов обусловлены тем, что прежние технологии исходили из предпосылки неограниченного распоряжения данными природой ресурсами без учета эффективности их использования. Однако ввиду экологических границ расточительное использование этих ресурсов недопустимо, поэтому технологии в сфере ресурсоэффективности должны составлять основу нового инновационного цикла. Развитие и внедрение возобновляемых источников энергии обусловлено ограниченностью ископаемых энергоносителей и их воздействием на состояние окружающей среды, а также применением в качестве источников энергии отработанных материалов, не пригодных для повторного использования, что позволяет снизить добычу первичных ресурсов.

Следующим технологическим принципом «зеленого» цикла выделен системный дизайн, или оптимизация производительности ресурсов всей системы по аналогии с конструкцией машин и их деталей. Дизайн по принципу природы, или биомимикрия, предполагает изучение объектов природы и применение найденных приемов для решения технических задач. Сюда, видимо, следует отнести и природоподобные технологии, заключающиеся в восстановлении естественного ресурсооборота, своеобразного обмена веществ природы, нарушенного современными технологиями, развитие которых проходило вне естественного природного контекста.

Экологически ориентированные технологические инновации в первую очередь охватывают такие сектора, как энергетика и транспорт, сельское и лесное хозяйство, промышленность и строительство, водные ресурсы и обращение отходов.

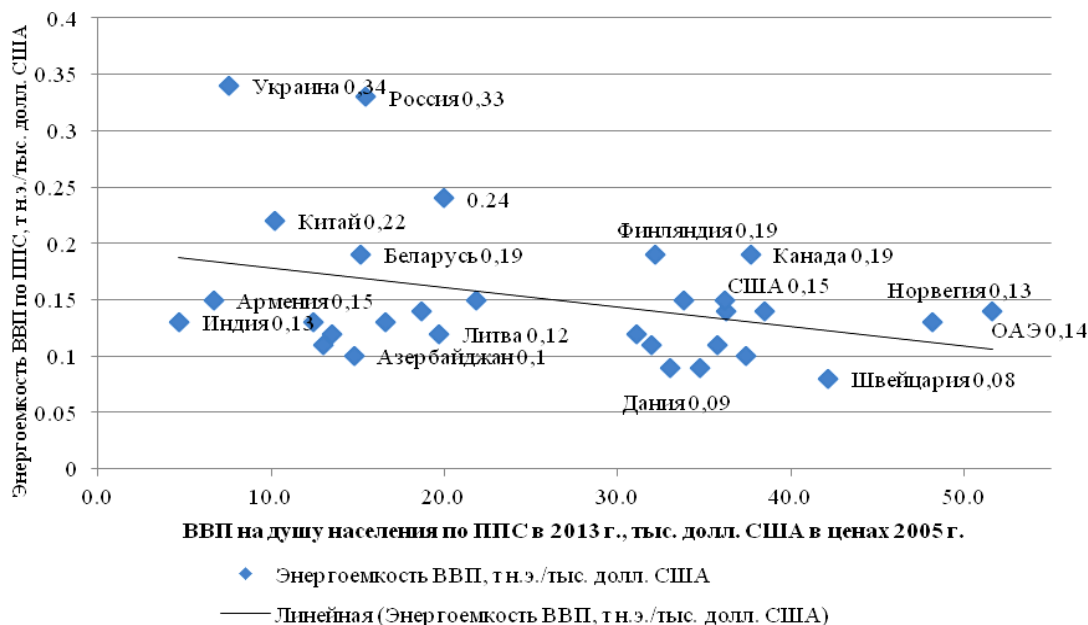
Развитие транспортной системы в контексте цикла «зеленой экономики» предусматривает такие направления, как: управление инфраструктурой и оптимизация транспортной нагрузки на магистральные сети городов; использование менее токсичных видов транспортных средств и способов транспортировки (велосипеды, метрополитен, скоростные трамваи, троллейбусы, железнодорожный транспорт, автомобили с низким уровнем выбросов); переход к использованию более чистого топлива; развитие телекоммуникационных технологий, предусматривающее снижение переездов физических лиц путем обеспечения удаленного доступа, проведения телеконференций.

Функционирование сельского и лесного хозяйства оказывает ключевое влияние на равновесие мировой климатической системы и определяет возможности и угрозы продовольственной безопасности населения планеты. Поэтому в этих отраслях особо актуально осуществление поддержки научных исследований, распространение, передача и внедрение экологически чистых инновационных технологий с целью обеспечения воспроизводства природного капитала, производства экологически чистой продукции и услуг.

Соответствие принципам энергоэффективности, производительного использования ресурсов и охраны окружающей среды в сфере обращения с отходами предполагает максимальное извлечение из них возвратных материалов и повторное вовлечение их в хозяйственный оборот. Ежегодно темпы образования отходов увеличиваются, расширяется и усложняется их видовой состав. Организация новых мест хранения отходов требует дополнительного отчуждения земель для создания полигонов, что, в свою очередь, ведет к распространению болезнетворных микроорганизмов, дополнительной эмиссии образующегося из органического вещества газов [5]. В связи с этим складирование и захоронение является наименее предпочтительным способом использования отходов. Необходима комплексная система управления и контроля по всей цепочке движения сырья от изъятия его из природной среды до реализации и потребления. В мировой практике широко применяется установление высоких ставок утилизации отходов, что стимулирует субъектов хозяйствования уменьшать их объемы и осуществлять сбор вторсырья. В этой связи целесообразно внедрение технологий замкнутого цикла, строительство мусороперерабатывающих и мусоросжигающих заводов с выработкой электро- и теплоэнергии, повышения уровня информированности населения о правилах раздельного сбора бытовых отходов, обеспечение необходимой материально-технической базой, например, оборудование автоматов по приему вторичного сырья в районах крупных магазинов.

Реализация императивов «зеленой экономики» также инспирируется возрастающей ролью экологической информации и знаний, генерирование которых выдвигает новые квалификационные требования к работникам, повышает значимость экологического образования, институтов социальной и экологической ответственности. Наблюдаются тенденции изменения систем производства и потребления в сторону более рациональных, экологически адекватных направлений, возрастает ценность экологически безопасных условий жизни и труда, чистых воздуха, питьевой воды и пищевых продуктов. Соответственно,

трансформируется структура экономики за счет уменьшения удельного веса сырьевого сектора и отраслей с высоким экологическим воздействием при росте высокотехнологичных отраслей, ресурсосберегающих и наукоемких производств, развитием новых «зеленых» видов деятельности. На рисунке показана зависимость энергоёмкости ВВП от уровня ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) в 2013 году.

Зависимость энергоёмкости ВВП и уровня ВВП на душу населения по ППС в 2013 году

Источник: собственная разработка на основе [1].

Как показывают данные, представленные на рисунке, прослеживается тенденция снижения мирового уровня энергоёмкости при росте ВВП на душу населения по ППС. Так, например, в среднем по странам Организации экономического сотрудничества и развития энергоёмкость ВВП составляет 0,13, в Дании – 0,09, в Беларуси же она на уровне 0,19. Необходимо отметить, что общемировое потребление топливно-энергетических ресурсов с 1990 года по 2013-й увеличилось более чем в 1,5 раза, однако энергоёмкость мирового ВВП в 2013 году составила менее 73% от уровня 1990 года [1]. Можно сказать, что «зеленая экономика» доступна для наиболее развитых стран, народное хозяйство которых базируется на высокотехнологичных укладах, а широкая ресурсная база, накопленное национальное богатство позволяют выделять достаточные средства для реализации экологического императива развития.

К факторам, способствующим разворачиванию «зеленой экономики» в Республике Беларусь, следует отнести: разработанную нормативно-правовую базу в области природопользования; накопленный высокий научный потенциал; развитую систему среднего, профессионально-технического и высшего образования; увеличение выпуска специалистов из учреждений высшего образования по профилю образования «Экологические науки» в Республике Беларусь с 0,3 тыс. человек в 2005 году до 0,6 тыс. в 2014-м; сокращение и стабилизацию выбросов парниковых газов и уровня энергопотребления; имеющийся природно-экономический и природно-экологический потенциал [9; 10]. Барьерами успешного продвижения по пути «зеленой экономики» в Республике Беларусь выступают высокая степень износа основных производственных фондов, элементы сырьевой модели экономики, медленные темпы научно-технологического обновления, зависимость от внешних поставок энергетических ресурсов, низкая заинтересованность субъектов хозяйствования в выпуске экологически чистых товаров и услуг.

Преодоление барьеров в процессе становления «зеленой экономики» Республики Беларусь как закономерного этапа постиндустриального общества предусматривает поддержку научных исследований, нацеленных на сохранение и эффективное использование природных ресурсов, распространение, передачу и внедрение экологически чистых инновационных технологий; осуществление системы мер по привлечению инвестиций, позволяющих обеспечить функционирование экономики на «зеленых» принципах.

Заключение. Экологический императив постепенно выходит на первый план в системе глобальных отношений, становясь двигателем человеческого развития, причем изменения происходят как в экономической сфере, так и в политической, социальной и культурной. Научная новизна материала заключается в разработке системного подхода к исследованию «зеленой экономики» в системе постиндустри-

ального общества. Проведенное исследование свидетельствует о том, что «зеленая экономика» может развиваться лишь на основе продвинутого научно-технологического базиса в контексте смены технологического уклада; нацелена на непротиворечивое и эффективное функционирование производственной, социальной и природной систем, рациональное использование ресурсов, предполагающее снижение нагрузки на окружающую среду при расширении возможностей производства экологически чистых потребительских благ и предусматривающее перманентное экономическое развитие в целях создания условий для социальной интеграции и повышения качества жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Statistics Search: International Energy Agency [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access: <http://www.iea.org/statistics/statisticssearch>. – Date of access: 27.12.2015.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. / Д. Белл. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
3. Бондарь, А.В. Экономика знаний: этапы становления и перспективы развития / А.В. Бондарь // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 мая 2011 г. Т. 1 / М-во образования Респ. Беларусь, УО «Белорус. гос. экон. ун-т»; [редкол.: В.Н. Шимов (отв. ред.) и др.]. – Минск: БГЭУ, 2011. – С. 3–7.
4. Будущее, которого мы хотим: Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию/ ООН [Электронный ресурс]. – 2012. – 66 с. – Режим доступа: https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-1-1_russian.pdf. – Дата доступа: 25.04.2014.
5. Ерошина, Д.М. Экологические аспекты захоронения твердых коммунальных отходов на полигонах / Д.М. Ерошина, В.В. Ходин, В.С. Зубрицкий. – Минск: РУП «БелНИЦ «Экология», 2010. – 150 с.
6. Иноземцев, В.Л. За пределами экономического общества: науч. изд. / В.Л. Иноземцев. – М.: Academia – Наука, 1998. – 640 с.
7. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна: пер. с фр. / Н.А. Шматко. – М.: Ин-т эксперим. социологии. – СПб.: Алетейя, 1998. – 159 с.
8. Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности: обобщающий докл. для представителей властных структур / ЮНЕП [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.unep.org/greenecomony/Portals/88/documents/ger/GER_synthesis_ru.pdf. – Дата доступа: 25.09.2015.
9. Охрана окружающей среды в Республике Беларусь: статистич. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015. – 254 с.
10. Статистический ежегодник Республики Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2015. – 524 с.
11. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 1999. – 784 с.
12. Турен, А. Возвращение человека действующего: пер. с франц. / А. Турен. – М.: Науч. мир, 1998. – 204 с.
13. Фактор 5. Формула устойчивого роста: докл. Римскому клубу: [перевод с немецкого] / Эрнст Ульрих фон Вайцзеккер, Карлсон Харгроуз, Майкл Смит. – М.: АСТ-Пресс, печ. 2012 (макет 2013). – 366 с.

Поступила 29.01.2016

“GREEN ECONOMY” IN THE POST-INDUSTRIAL SOCIETY

A. CHURAKOVA

The main trends in becoming post-industrial society are considered, the role of an information resource, knowledge and innovation in the process of changing relations between economy and ecology is shown. Approaches to the definition of “green economy” are disclosed, its key aspects, impact on sustainable development and the post-industrial society are highlighted. The necessity of the growth of Pareto efficiency in economic, environmental and social change is grounded. Key trends, opportunities and constraints of “green economy” in the context of post-industrial society of the Republic of Belarus are revealed.

Keywords: *postindustrial society, the “green economy”, sustainable development, ecological imperative.*

УДК 330.131.7

**МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ
В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ***д-р техн. наук, проф. В.Н. ПАВЛЫШ; канд. экон. наук, доц. М.В. МИНЬКОВСКАЯ;**канд. техн. наук, доц. Г.И. ТУРЧАНИН**(Донецкий национальный технический университет, Донецк);**канд. экон. наук, доц. Э.В. ПАВЛЫШ**(Полоцкий государственный университет)*

Рассматриваются теоретические основы построения математических моделей процессов управления рисками в условиях трансформации финансово-экономической деятельности предприятий. Анализируются различные подходы к оценке рисков и сложности их применения с учетом уровня информационного обеспечения функционирования предприятий. Приводятся результаты анализа существующих методик, актуальных в сложившихся экономических условиях. Показана необходимость анализа теоретических аспектов управления рисками и их адаптация к сложившимся условиям рынка и практического применения теоретических постулатов в системе управления субъекта.

Ключевые слова: *предприятия, рыночная трансформация, конкурентоспособность, риски, оценка рисков, управление рисками, математическое моделирование.*

Предприятие как субъект рыночных отношений в условиях изменяющейся политической и законодательной составляющих внешней среды вынуждено перманентно трансформировать основные составляющие своей деятельности. В любом случае целью трансформации является повышение конкурентоспособности и обеспечение перспектив развития, что, в свою очередь, требует принятия неординарных управленческих решений.

Во взаимодействии с элементами внешнеэкономической среды недостаточно просчитанные решения повышают степень риска, уровень неопределенности в развитии предприятия и зачастую приводят к катастрофическим экономическим, финансовым, предпринимательским рискам, отсутствию устойчивости и замыканию цикла развития субъекта. Неопределенность как состояние открытой стохастической системы является первоосновой развития представлений о рисках и об их влиянии на состояние субъекта. Очевидно, что несбалансированность элементов внешней среды многократно увеличивает уровень неопределенности и хаотичности во внутренней системе управления субъекта. В этой связи задача разработки математических моделей и автоматизированной системы управления рисками является актуальной и имеет отраслевое значение.

Основная часть. По результатам современных экономических исследований предлагаются различные методические подходы к оценке рисков деятельности предприятий, которые в основном подразделяются на качественные и количественные.

Экспертный (эвристический) подход, с одной стороны, позволяет быстро получить небольшой объем необходимой информации, прост в обработке первичных данных, но, с другой стороны, при его использовании имеет место существенная доля субъективизма, так как знания и опыт эксперта имеют большое значение. Неоднозначность интерпретации вопросов анкеты респондентами, рассмотрения и оценки первичных документов трудовой деятельности коллектива, а также анализа данных мониторинга приводит к трудности учета индивидуальных отличий трудовых коллективов обследуемых предприятий.

Достоинством *факторного подхода* является универсальность применения и простота расчетов, недостатком – субъективность, связанная с тем, что менеджер, основываясь на интуиции и знаниях, должен оценить сложившуюся ситуацию в трудовом коллективе и принять соответствующее решение.

При *математическом подходе* отсутствуют жесткие ограничения, но сложные математические расчеты приводят к невозможности составить общее представление о последствиях риска.

Статистический подход объективен и универсален, математические расчеты при его применении несложные, но при этом упускаются многие детали, необходимые для получения реального представления о рискованной ситуации.

Оценка отдельных видов риска дает фрагментарную картину о проблеме внутри системы управления рисками. Сложность заключается в том, что постоянный мониторинг рисков требует большого статистического массива данных, не адаптируется под различные виды организаций, не имеет универсальной единой оценки рисков, так как при этом не учитываются особенности технологического, структурного, организационного характера, профессионализм и корпоративный уровень персонала. Трудность проблемы состоит в том, чтобы найти и поддерживать баланс, или динамическое равновесие. Изменение – это риск, что вызывает у нас неуверенность, однако не изменяться – значит рисковать еще больше [1; 2].

Таким образом, в современных условиях необходима автоматизированная система управления рисками на регулярной основе для того, чтобы обеспечить выявление, оценку и мониторинг факторов риска, удерживать уровень риска деятельности организации в приемлемом диапазоне, а для ее построения необходимо иметь комплекс адекватных математических моделей, который должен постоянно расширяться и совершенствоваться [3].

Система управления рисками позволяет:

- провести идентификацию факторов риска организации, оценить возможные потери и разработать необходимые мероприятия для снижения уровня риска, понять причины отклонений от заданных целей, вызванных изменениями во внешней и внутренней среде;

- выполнить моделирование вероятного состояния ключевых показателей риска и степени их влияния на финансовые результаты компании; повысить «планку» целей развития организации при сохранении уровня риска в приемлемом диапазоне;

- повысить привлекательность компании за счет качественного улучшения системы управления.

Системный подход к управлению рисками активно развивается с начала 2000-х годов. Выпущена серия стандартов в зарубежных странах:

- A Risk Management Standard (2002) – Стандарт управления риском, разработанный Федерацией европейских ассоциаций риск-менеджеров (FERMA);

- Enterprise Risk Management (2004) – Стандарты COSO «Интегрированные системы управления рисками на предприятиях», США;

- Australian/New Zealand Risk Management standard (AS/NZS 4360) (2004) – Стандарт управления риском, разработанный в Австралии и Новой Зеландии;

- BS 31100, Code of practice for risk management (2007) – Британский стандарт.

Практические методы обретения и поддержания предприятием устойчивого экономически безопасного состояния, т.е. снижение степени риска до минимального уровня, следует искать в инструментальных средствах операциональной теории экономического риска. Именно операциональный подход позволяет выразить расплывчатую и неоднозначно определенную категорию риска в виде совокупности структурированных операциональных характеристик, поддающихся оценке и измерению, а на основе этого – и управлению. Заметим, что применительно к задачам анализа риска сущность операционального подхода, современным основоположником которого считают П.У. Бриджмена, состоит в том, что феномен риска раскрывается через совокупность действий, ряд мыслительных вербальных операций [4]. Например, путем мыслительных операций выделяют такие характеристические понятия категории риска, как: ситуация риска; факторы риска (угрозы) и их идентификация; уровень риска, его показатели и способы их оценки; антирисковые управляющие воздействия (антирисковые мероприятия).

Следуя идее операционального подхода, целесообразно разделить факторы риска на предвидимые и непредвидимые. *Предвидимые* факторы хозяйственного риска известны из экономической теории или хозяйственной практики с точностью до наименования, однако нельзя указать, какой именно фактор и в какой момент даст о себе знать, а также какова будет сила этого воздействия. К группе *непредвидимых* необходимо отнести факторы хозяйственного риска, про которые вследствие неполноты наших знаний и непредсказуемой изменчивости ничего определенного сказать не представляется возможным. В таком случае становится очевидной необходимость проведения громадной рутинной работы по содержательному анализу всех сторон и сфер хозяйственной деятельности предприятия и выявлению факторов риска. Предполагается, что каждый фактор хозяйственного риска (из числа предвидимых) может быть описан рядом качественных и количественных характеристик, а именно: интенсивность влияния данного фактора на степень нежелательного отклонения от цели (обычно выражается в количественной шкале, изоморфной абсолютной шкале вероятностей проявления этого фактора); относительный вес (вклад) данного фактора в характеристику совокупного риска; уровень хозяйственного риска.

Факторы хозяйственного риска могут оказывать двоякое действие на экономические субъекты. С одной стороны, угрозы могут представлять опасность для конкретного множества экономических объектов, при этом в определенном аспекте страдают национальные либо отраслевые интересы. С другой – негативное воздействие от одного предприятия может распространиться на другие. В принципе диффузия угроз может идти несколькими путями: через влияние факторов риска на то или иное предприятие, ухудшение его финансово-экономического или технологического состояния и распространение этого процесса на другие предприятия через производственные связи (*вертикальная диффузия*); через распространение угрозы на другие виды угроз и инициацию других факторов риска и их совместное воздействие на один или несколько микроэкономических объектов (*горизонтальная диффузия*). Действие одного или нескольких факторов риска приводит к ухудшению экономического состояния (или даже к ликвидации) одного предприятия, что, в свою очередь, окажет негативное воздействие на ряд других, технологически связанных с рисковым предприятием [3]. Это цепная реакция – удаление одного звена ослабляет или деформирует всю структуру, что требует немедленной реакции и вливания собственных финансовых ре-

сурсов или нерискового заемного капитала. Но в изменчивой (нестабильной в части нормативов и законодательных актов) внешней среде субъект заведомо может выбрать неверные рискованные правила игры, что в краткосрочной перспективе (меньше квартального периода) повысит уровень угроз до 100%. В таком случае даже пессимистичные или реалистичные сценарии при принятии решений по оценке рисков (критерий Вальда, критерий Гурвица, критерий Сэвиджа) не спасут ситуацию. Деньги «любят тишину» в смысле устойчивого законодательного поля, и только имея четкие ориентиры можно проводить стабилизацию без потерь. Частые изменения в течение одного календарного года нормативно-правовых условий работы субъекта снижают его иммунитет от финансово-экономических по сравнению с субъектами, функционирующими в стабильном законодательном поле, и требуют отвлечения капитала на компенсацию рисков, а не на увеличение рыночной стоимости субъекта [5].

Рассмотрим методы управления риском на производственном предприятии:

- *методы локализации риска*: выделение «экономически опасных» участков в структурно или финансово самостоятельные подразделения (внутренний венчур); образование венчурных предприятий; последовательное разукрупнение предприятия;

- *методы диверсификации риска*: интеграционное распределение ответственности между партнерами по производству (образование финансово-промышленных групп, акционерных обществ, обмен акциями и т.п.), диверсификация видов деятельности, диверсификация рынков сбыта и зон хозяйствования (расширение круга партнеров – потребителей), расширение закупок сырья, материалов, распределение риска по этапам работы (по времени), диверсификация инвестиционного портфеля предприятия;

- *методы компенсации риска*: внедрение стратегического планирования, прогнозирование внешней экономической обстановки в стране, регионе хозяйствования, мониторинг социально-экономической и нормативно-правовой среды, создание системы резервов на предприятии, активный целенаправленный («агрессивный») маркетинг, создание союзов, ассоциаций, фондов взаимовыручки и взаимной поддержки, лоббирование законопроектов, нейтрализующих или компенсирующих предвидимые факторы риска, эмиссия конвертируемых привилегированных акций, борьба с промышленно-экономическим шпионажем.

В современном мире активно развиваются ИТ-технологии и инфраструктуры. Внедрение современных информационных технологий – это процесс, подверженный множеству различных рисков. Для уменьшения влияния рисков можно использовать подходы риск-менеджмента. В рамках Microsoft Solutions Framework (MSF, методология разработки программного обеспечения от Microsoft) существует раздел управления рисками (risk management). Хотя в основном сама MSF и ее управление рисками родилось в процессе разработки программного обеспечения, принципы, заложенные в управление рисками MSF, имеют более широкое применение. Это обусловлено тем, что Microsoft, с одной стороны, использовала методологию непрерывного управления рисками, разработанную Software Engineering Institute (SEI), а с другой – методология управления рисками MSF нашла свое широкое применение и среди многочисленных партнеров Microsoft при внедрении ИТ-проектов. Методология управления рисками MSF (i) обеспечивает учет всех элементов проектов: люди, бизнес-процессы, технологии; (ii) обеспечивает систематический, непрерывный на протяжении всего жизненного цикла проекта, воспроизводимый процесс управления рисками; (iii) обеспечивает обратную связь – непрерывное извлечение уроков из полученного опыта. Цель управления рисками в MSF – максимизировать положительное их влияние, но при этом минимизировать связанные с ними негативные факторы. Управление рисками помогает достичь компромиссов между опасностями и возможностями. Рыночная конкуренция, развитие информационных технологий и другие факторы могут заставить работающую над проектом группу изменить планы и решения в середине проекта. Новый инструментарий, новые технологии, изменяющиеся требования пользователей, растущие угрозы для информационной безопасности, текучесть кадров – все это способно повлечь за собой изменения в ИТ-проекте и заставить принимать решения в условиях неопределенности.

В MSF фазы управления рисками описаны следующим образом:

1. *Выявление рисков (risk identification)* – это фаза, позволяющая членам проектной группы вынести на обсуждение всей команды факты наличия рисков. Выявление рисков является начальной стадией процесса управления ими. Оно должно быть осуществлено как можно раньше, и к нему необходимо постоянно возвращаться на протяжении всего жизненного цикла проекта.

2. *Анализ рисков (risk analysis)* – фаза преобразования накопленных во время предыдущего шага оценок и данных в форму, позволяющую осуществить приоритизацию рисков. Приоритизация рисков (risk prioritization) позволяет проектной группе производить управление наиболее важными из них, выделяя для этого необходимые ресурсы.

3. *Планирование рисков (risk planning)* производится исходя из информации, полученной на этапе их анализа, и имеет своей целью выработку стратегий, планов и конкретных шагов. Календарное планирование рисков (risk scheduling) интегрирует эти планы в повседневный процесс управления проектом, обеспечивая непрерывность управления рисками. Эта стадия напрямую увязывает планирование рисков с планированием проекта в целом.

4. *Мониторинг рисков* (risk tracking) производится для наблюдения за конкретными рисками и прогрессом в осуществлении составленных планов. Мониторингу должны быть подвергнуты сделанные оценки вероятности (probability) риска, его угрозы (impact), ожидаемая величина риска (exposure) и прочие факторы, способные повлиять на приоритет рисков. Наблюдению подвергаются также составленные планы, имеющиеся ресурсы и принятый календарный график. Мониторинг рисков обеспечивает прозрачность процесса управления рисками проекта на различных уровнях в дополнение к стандартному процессу управления проектом, отслеживающему степень завершенности проектных задач. Отчетность о рисках (risk reporting) обеспечивает информирование проектной группы, спонсоров и других заинтересованных сторон о состоянии рисков проекта и планов по управлению ими.

5. *Корректирование ситуации* (risk control) представляет собой процесс исполнения принятых в отношении рисков планов и контроля за ходом их исполнения. Этот процесс также включает в себя инициирование изменений всего проекта (project change control requests), если изменения в состоянии рисков либо в соответствующих планах влияют на прогнозируемый объем работы, требуемые ресурсы или сроки.

6. *Извлечение уроков* (risk learning) формализует процесс усвоения накопленного за время работы над проектом опыта в форме, доступной для использования как внутри проектной группы, так и на уровне всего предприятия.

Фазы являются логическими шагами, и они не обязательно для каждого из рисков должны следовать друг за другом в строгом хронологическом порядке. Проектные группы могут циклически повторять шаги «выявление – анализ – планирование» по мере обнаружения дополнительных факторов, влияющих на проект. При этом извлечение уроков может производиться лишь время от времени на уровне всего предприятия. Далеко не все риски проходят циклически через все приведенные выше шаги. Управление рисками – успех ИТ-проекта. Как видно из принципов методологии управления рисками Microsoft Solutions Framework, ее «встроенность» в ИТ-проект, превентивность, ориентирование участников проекта на активную борьбу с рисками существенно повышают шансы проекта на успех. А акцент управления рисками MSF на адаптивность и учет обратных связей позволяют использовать ее и в сложных технологических проектах ИТ-инфраструктуры, и в меняющихся бизнес-условиях внедрения системы автоматизации управления предприятием, и при создании системы информационной безопасности, защищающей компанию от разнонаправленных угроз ее информационным ресурсам.

Методология управления финансовыми ресурсами представлена обширной информацией, среди которой можно выделить:

- качественный подход к оценке рисков предполагает использование экспертных оценок факторов риска, возможно с использованием вербальных шкал (дополнительно описывающие значения оценок);
- количественный подход опирается на финансовые расчеты и математическое моделирование возможного изменения дохода, прибыли и капитализации компании в зависимости от состояния показателей факторов риска.

Оба подхода направлены на решение следующих задач:

- идентификации факторов риска, способных повлиять на достижение целей компании;
- оценки вероятности и величины последствий проявления;
- выявленных факторов риска;
- снижения уровня риска путем принятия антирисковых мер.

Для достижения задачи управления нивелировать риск необходимо иметь достоверную и обширную информационную базу показателей. Структуру создаваемой информационной базы должны составлять элементы, нацеленные на накопление и использование информации, содержащейся в банках данных по анализу риска, для комплексного анализа безопасности производства. Эти элементы названы «модулями», что соответствует применяемой в информатике терминологии.

При таком структурном исполнении создаваемая информационная база будет являться своеобразным носителем, синтезатором моделей обеспечения промышленной безопасности (моделей рассматриваемой в работе предметной области) в структуре информационного обеспечения системы управления риском на предприятии. Время реакции системы управления риском на предприятии на изменения в объекте управления (при условии сформированных банков данных) в первую очередь будет зависеть от времени, необходимого для проведения анализа риска сотрудниками службы охраны труда по той или иной, оптимальной для каждого конкретного случая, методике. Очевидно, что время такого анализа зависит от большого количества трудно учитываемых факторов, а именно опыта и числа исполнителей, характера объекта, требуемой точности и т.п.

Информационное обеспечение процессов управления должно быть достоверным, своевременным и достаточным для принятия обоснованных управленческих решений на всех уровнях управления производством. Так как процесс управления риском, как и всякий процесс управления, связан с процедурой

принятия решения, т.е. с выбором одного из многих вариантов развития событий в сложившейся на данный момент ситуации, то необходимым условием своевременной и адекватной реакции субъекта управления на изменения в объекте является:

- наличие у субъекта управления (сотрудника службы охраны труда) объемов заранее запасенной и систематизированной информации, достаточно полно характеризующей объект управления и окружающую его среду, а также справочной, нормативно-методической информации по анализу риска;
- возможность корректировки информации в созданных базах данных;
- обеспечение субъекта управления необходимыми технологиями обработки информации, т.е. наличие алгоритмов сбора, хранения и поиска необходимой информации.

На основании вышесказанного представляется возможным свести создание системы управления безопасностью (риском) на предприятии к организации на нем распределенной системы сбора и обмена данных. Причем учитывая потенциально возможные объемы информации, имеющей отношение к безопасности крупного промышленного объекта, эта система должна быть реализована на основе современных информационно-технологий, в частности с применением компьютерных сетей и передового программного обеспечения в области создания баз данных с максимально ориентированным на пользователя интерфейсом.

Существует несколько сотен систем, так или иначе реализующих функции управления рисками. Некоторые из них представляют собой информационные системы поддержки управления проектами, в которых присутствует модуль управления рисками, другие являются приложениями и дополнениями систем календарного планирования, либо самостоятельными программными продуктами по управлению рисками.

В настоящее время на российском рынке стабильно присутствует около 10 систем данного класса. Наиболее многофункциональными являются системы: Risk Professional for Project; Dekker TRAKKER; Enterprise project; ER Project 1000; Intelligent Planner; Mesa/Vista Risk Manager; Risk Track; Open Plan.

Анализ функционала названных продуктов позволяет выделить несколько систем, которые в максимальной степени отвечают предъявленным требованиям: модуль управления рисками Trekker (Dekker Ltd.); система календарного планирования и управления проектами Open Plan (Welcom); программный продукт Risk Track.

Фундаментом технологии управления рисками являются математические модели и их программная реализация. Величина риска определяется как произведение величины нежелательного события на вероятность его наступления, т.е. как математическое ожидание величины нежелательных последствий. Основными направлениями политики риска являются: политика избежания риска; политика принятия риска; политика снижения степени риска.

Политика избежания риска состоит в разработке таких мероприятий, которые позволяют полностью исключить конкретный вид хозяйственного риска. В основном это достигается путем отказа от таких хозяйственных операций, уровень риска которых чрезмерно высок. Эта политика наиболее проста, но не всегда эффективна, так как, избегая рисков, предприятие одновременно теряет возможность получить достаточно высокую прибыль.

Политика принятия риска означает желание и возможность покрытия риска за счет собственных средств. Такая политика уместна при стабильном финансовом состоянии предприятия, желании расширить деятельность, однако может привести к большим неоправданным потерям.

Политика снижения риска предполагает уменьшение вероятности и объема потерь. Существуют методы и приемы, с помощью которых можно снизить риск коммерческой деятельности. Наиболее широко используемыми и эффективными методами предупреждения и снижения риска являются: страхование (внутреннее и внешнее); диверсификация; лимитирование.

Оценка финансовых рисков с помощью вероятностей соответствующих событий позволяют сравнивать финансовые риски между собой, выбирать наименее вероятные и тем самым управлять финансовыми рисками. Чтобы подтвердить это, рассмотрим простейшую статическую модель инвестиции. Допустим, что предполагаемый доход (убыток) D некоторого инвестиционного проекта сроком на один год является функцией от резервного капитала K и случайной величины h , характеризующей внешнюю экономическую конъюнктуру:

$$D = h(\eta, K). \quad (1)$$

Предположим, что функция $z = h(x, y) = h_y(x)$ при фиксированной переменной y является строго возрастающей по аргументу x для любых $x_1 < x_2$, $h_y(x_1) < h_y(x_2)$. Тогда для каждого y для функции $z = h_y(x)$ существует обратная к ней функция $x = h_y^{-1}(z) = \Psi(z, y)$, являющаяся также строго возрастающей по аргументу z .

Пусть также для каждого z $Y(z, y)$ есть строго убывающая функция по переменной y для любых $y_1 < y_2$ $\Psi(z, y_1) > \Psi(z, y_2)$. Тогда случайное событие A , состоящее в том, что инвестор окажется без доходов, равносильно событию, что случайная величина h не превзойдет $h_K^{-1}(0)$, то есть

$$A = \{D \leq 0\} = \{h \leq h_K^{-1}(0)\}. \quad (2)$$

Если случайная величина h имеет функцию распределения $F_h(x) = P\{h \leq x\}$, $x \in (-\infty, +\infty)$, то оценка финансового риска убытков определяется следующей вероятностью:

$$P(A) = P\{h \leq h_K^{-1}(0)\} = F(h_K^{-1}(0)) = F_n(\varphi(0, K)). \quad (3)$$

Так как любая функция распределения является монотонно возрастающей функцией, т.е. для любых $x < y$ $F(x) < F(y)$, а по нашему предположению $\varphi(0, K)$ – убывающая функция по K , вероятность риска $P(A)$ убывает с ростом резервного капитала K . Тем самым минимум риска в этом случае возникает тогда, когда резервный капитал максимален. Если функция $\varphi(0, K)$ не ограничена снизу, то при $K \rightarrow \infty$, $\varphi(0, K) \rightarrow \infty$ и, значит, $P(A) = F_n(\varphi(0, K)) \rightarrow 0$. Последнее означает, что бесконечный резервный капитал определяет вероятность неполучения прибыли, равную нулю. Следовательно, наличие бесконечно большого капитала устраняет полностью риск неполучения прибыли.

Широкое распространение оценки риска финансовых инвестиций через среднее квадратическое отклонение получило после появления портфельной теории Марковица, в основе которой лежит принцип диверсификации инвестиционного портфеля с целью снижения риска. Главной заслугой этой теории является методика сбалансирования рисков и экономической выгоды при выборе направлений рискованных инвестиций. Фактически Г. Марковиц построил математическую модель, демонстрирующую, как инвесторы могут максимально снизить дисперсию портфеля инвестиций при заданном уровне его доходности.

Методика оценки финансовых рисков на основе расчетов вероятностей неблагоприятных событий является очевидной с точки зрения математика. Однако такая методика является неудобной для применения с точки зрения финансового менеджера, поскольку она определяет вероятностное распределение убытков и не дает конкретную стоимостную оценку финансового риска. Наиболее распространенной на сегодняшний момент методологией оценивания финансовых рисков является VAR-метод, получивший название от аббревиатуры английского названия стоимости риска (Value-at-Risk, VAR). Суть этого метода состоит в том, чтобы определить стоимость финансового риска, как наименьшую возможную величину капитала, необходимого для обеспечения заданного уровня вероятности риска.

Разработка и внедрение моделей VAR в современном риск-менеджменте происходит стремительным образом. В инвестиционных компаниях и банках методология VAR может применяться по крайней мере в четырех направлениях деятельности.

1. *Внутренний мониторинг рыночных рисков.* Институциональные инвесторы могут вычислять и производить мониторинг значений VAR по нескольким уровням: агрегированному портфелю, классу актива, эмитенту, контрагенту, трейдеру, портфельному менеджеру и т.д. С точки зрения мониторинга точность оценивания величины VAR уходит на второй план, поскольку в данном случае важна величина относительного, а не абсолютного значения VAR, т.е. VAR управляющего или VAR портфеля по сравнению с VAR эталонного портфеля, индекса, другого менеджера или того же менеджера в предыдущие моменты времени.

2. *Внешний мониторинг.* VAR позволяет создать представление о рыночном риске портфеля без раскрытия информации о составе портфеля (который может быть довольно запутанным). Кроме того, регулярные отчеты с использованием цифр VAR, предоставляемые руководству, могут служить одним из аргументов того, что риск, который взяли на себя управляющие менеджеры, находится в приемлемых рамках.

3. *Мониторинг эффективности операций снижения риска.* Значения VAR могут использоваться для определения степени того, насколько управление финансовым риском выполняет поставленные цели. Менеджер может оценить эффективность конкретной стратегии путем сравнения величин VAR инвестиционных портфелей с принятием хеджирующей стратегии и без нее совсем. Если, например, разница между этими двумя величинами невелика, то возникает вопрос о целесообразности хеджирования или правильно ли хеджирование применяется.

4. *Автоматический анализ возможных управленческих решений.* Методология VAR позволяет дать больше свободы и автономии управляющему персоналу, так как становится возможным сократить всевозможные бюрократические процедуры, связанные с утверждением тех или иных сделок (особенно с производными инструментами). Это достигается через мониторинг транзакций (сделок) с использованием VAR. Например, высшее руководство может просто установить правило для своих брокеров-дилеров подобного рода: «Никакая операция не должна приводить к увеличению значения VAR более чем на X% начального капитала» и после этого не вдаваться впоследствии в подробности каждой конкретной торговой стратегии. Таким образом, компании могут использовать значения VAR для создания отчетов для менеджеров, акционеров и внешних инвесторов, так как VAR позволяет агрегировать всевозможные рыночные риски в одно число, имеющее денежное выражение.

С помощью методологии VAR становится возможным вычислить оценки риска различных сегментов рынка и отождествить наиболее рискованные позиции. Оценки VAR могут использоваться для диверсификации капитала, установки лимитов, а также оценки деятельности компании. В некоторых банках оценка операций трейдеров, а также их вознаграждение вычисляется исходя из расчета доходности

на единицу VAR. Нефинансовые корпорации могут использовать технику VAR для оценки рисков денежных потоков и принятия решений о хеджировании (защите капитала от неблагоприятного движения цен). Так, одной из трактовок VAR является количество незастрахованного риска, которое принимает на себя корпорация.

Среди первых нефинансовых компаний, начавших применять VAR для оценки рыночного риска, можно отметить американскую компанию MobilOil, немецкие компании Veba и Siemens, норвежскую Statoil. Инвестиционные аналитики используют VAR для оценивания различных проектов. Институциональные инвесторы, такие как пенсионные фонды, используют VAR для расчета рыночных рисков. Как было отмечено в исследовании New York University Stern School of Business, около 60% пенсионных фондов США используют в своей работе методологию VAR. Следует отметить, что сама методология VAR не является операцией управления финансовым риском, поскольку она никоим образом не освобождает от финансовых потерь. Она всего лишь помогает компаниям представить, являются ли риски, которым они подвержены, теми рисками, которые они хотели бы на себя принять или думают, что они на себя приняли. VAR-метод не может определить оптимальную величину риска, который могут взять на себя компании, в этом и состоит работа финансового управляющего или риск-менеджера. Однако VAR-метод позволяет оценить величину уже взятого риска. VAR-метод является частью комплексного анализа финансовых рисков и должен использоваться не взамен, а в дополнение к другим методам оценки риска, таким, например, как SAR-метод, когда интересуются не только граничной величиной капитала, ниже которой следует ожидать убыток с определенной долей вероятности, а и размером этого убытка.

Иногда инвестор пренебрегает самим риском в силу малости вероятности его появления и тем самым совершает ошибку, поскольку сам риск в силу катастрофических последствий представляет собой достаточную опасность для финансового состояния компании. Поэтому для управляющего компании необходима оценка риска, учитывающая и величины возможных убытков. Таким методом оценки финансового риска является так называемый SAR-метод (Shortfall-at-Risk, Средняя Величина Убытка).

Наиболее понятной для инвестора моделью оценки финансового риска является метод эквивалентного финансового инструмента. Суть этого метода состоит в том, что если некоторая финансовая стратегия (финансовый инструмент) полностью страхует от риска, то приведенная стоимость текущих затрат по обслуживанию стратегии и есть цена риска, которую необходимо вычислить. Более того, если сам инструмент торгуется на соответствующем рынке, то его рыночная цена определяет рыночную меру того финансового риска, который страхуется данным финансовым инструментом. Такая теория получила широкое применение на рынке опционов.

Сокращение GARCH означает Generalized Autoregressive Conditional Heteroskedasticity (Обобщенная Авторегрессионная Условная Гетероскедастичность). Гетероскедастичность подразумевает нестационарную дисперсию (волатильность), т.е. зависящую от времени. Условность предполагает зависимость наблюдений от недавнего прошлого, а авторегрессия описывает механизм, связывающий настоящие наблюдения с прошлыми [5].

Таким образом, GARCH – это метод моделирования финансовых временных рядов, использующий прошлые значения дисперсии в объяснении будущих значений дисперсии. Финансовые временные ряды имеют устойчивые эмпирические закономерности в своих значениях, например, значимая положительность эксцесса (т.е. «толстые хвосты» в распределении) и «кластерность» волатильности. При использовании этих закономерностей в GARCH-моделировании обеспечивается высокая точность прогнозов значений дисперсии доходностей активов. Можно применять GARCH-модели в различных областях, таких как риск-менеджмент, портфолио-менеджмент, размещение активов, ценообразование опционов, обмен валюты и временная структура процентных ставок. Можно найти высокую значимость GARCH-эффектов (гетероскедастичность) для рынка ценных бумаг, не только для акций отдельных компаний, но и для портфелей акций, биржевых индексов и фьючерсов. Эти эффекты являются важными в таких областях, как оценка риска, и других применениях управления риском, касающихся эффективного размещения активов.

Хотя GARCH-модели имеют широкую область применения, по ним существует ряд ограничений:

- GARCH-модели являются только частью решения, поскольку их, как правило, применяют для рядов доходностей активов, а финансовые решения редко основываются только на ожидаемой доходности и волатильности.

- GARCH-модели часто не охватывают феномены, связанные с «дикими» рыночными изменениями (например, обвалы и последующие восстановления) и другими непредвиденными случаями, которые приводят к значительным структурным изменениям; гетероскедастичность не может объяснить полностью все распределения с «толстыми хвостами».

- GARCH-модели объясняют определенные характеристики, связанные с финансовыми временными рядами. Распределение доходностей активов часто показывает более «толстые хвосты», чем стандартное нормальное, или гауссовское, распределение. Финансовые временные ряды обычно проявляют особенность известную как «кластерность» волатильности, когда большие изменения приводят к последующим

большим изменениям, а малые изменения – к малым. Знак последующего изменения (положительный или отрицательный) предсказать невозможно. Если рассматривать финансовые временные ряды как последовательность случайных наблюдений, то эта последовательность, стохастический процесс может обнаружить некоторую степень корреляции в своих значениях. Мы можем использовать эту корреляционную структуру для прогноза будущих значений этого процесса, используя прошлые наблюдения. Использование корреляционной структуры позволяет нам разложить временной ряд на детерминированную составляющую (т.е. прогноз) и случайную компоненту (т.е. ошибку, неопределенность, связанную с прогнозом).

Заключение. В результате исследования показана необходимость анализа теоретических аспектов управления рисками и их адаптация к сложившимся условиям рынка и практического применения теоретических постулатов в системе управления субъекта.

Сложность математического аппарата в системе расчетов затрудняет и сужает на практике применение в финансовой политике предприятия моделей управления рисками, что, в свою очередь, порождает недостаточную информированность в процессе принятия управленческих решений.

В современных условиях рыночной экономики деятельность предприятий, финансовых структур, коммерческих банков, инвестиционных и страховых компаний регламентирована пакетами инструкций и контролируется различными государственными органами.

Одно из наиболее важных требований системы контроля над финансовой деятельностью предприятий и учреждений состоит в том, чтобы размеры их собственного капитала соответствовали присущим им финансовым рискам. Хотя действующие компании, подобно финансовым и другим корпорациям, используют свой капитал для поддержания своей инфраструктуры и ведения операций, собственный капитал им необходим также и для компенсации постоянно возникающих финансовых рисков. В связи с этим перед финансовыми менеджерами всякий раз возникает задача определения размера оптимального резерва, необходимого для покрытия возможных будущих затрат. Процесс выработки компромисса, направленного на достижение баланса между выгодами от уменьшения риска и необходимыми для этого затратами, а также принятие решения о том, какие действия для этого следует предпринять, включая отказ от каких бы то ни было действий, и есть одна из основных задач современного менеджера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаренко, Л.П. Риск-менеджмент / Л.П. Гончаренко, С.А. Филин; под ред. Е.А. Олейникова. – М.: КноРус, 2010. – 215 с.
2. Глущенко, В.В. Риски инновационной и инвестиционной деятельности в условиях глобализации: моногр. / В.В. Глущенко. – Железнодорожный, Моск. обл.: ООО НПЦ «Крылья», 2006. – 230 с.
3. Качалов, Р.М. Управление хозяйственным риском / Р.М. Качалов. – М.: Наука, 2002. – 192 с.
4. Винс, Р. Математика управления капиталом. Методы анализа рисков для трейдеров и портфельных менеджеров / Р. Винс. – М.: Альпина Паблишер, 2001. – 400 с.
5. GARCH Model with Cross-sectional Volatility; GARCHX Models / Soosung Hwang. Faculty of Finance City University Business School, December 2001. <http://www.city.ac.uk/cubs/ferc/wpapers/garchx7.pdf>.

Поступила 18.04.2016

THE MATHEMATICAL MODELING OF RISK CONTROL PROCESSES IN CONDITIONS OF MARKET TRANSFORMATION ENTERPRISE ACTIVITY

V. PAVLYSH, M. MINKOVSKAYA, G. TURCHANIN

In the article the task of analysis of theoretical base of creation of mathematical models of risk control processes in modern conditions of transforming of financial-economical enterprise activities is considered, the various approach to risk evaluation and complexity of its application with information volume of enterprise is investigated. The results of analysis of existing methods, that are actual in today business conditions, are proposed.

Keywords: enterprise, market transformation, competitiveness, risks, risk assessment, risk management, mathematical modeling.

УДК 691-419.8

**МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ 3D-ПРИНТЕРА ПРИ СОЗДАНИИ ИЗДЕЛИЙ
ИЗ СТЕКЛОПЛАСТИКОВОЙ АРМАТУРЫ ПЕРИОДИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ****канд. техн. наук Д.Н. ШАБАНОВ; В.Н. СТАХЕЙКО; С.А. ТЕРЕХОВ; Н.А. АВЕРЧЕНКО
(Полоцкий государственный университет)**

На основе изучения и анализа использования новой технологии изготовления стеклопластиковой арматуры дается описание подхода к оценке экономического эффекта от использования 3D-принтера при производстве стеклопластиковой арматуры периодического профиля и печати изделий на её основе по отношению к уже существующим технологиям. Рассматриваются вопросы технологии изготовления стеклопластиковой арматуры периодического профиля с использованием существующих технологий и 3D-принтера. На основе анализа данных предлагается описательная модель оценки эффективности использования 3D-принтера при создании изделий из стеклопластиковой арматуры периодического профиля. Увязываются вопросы экономической целесообразности использования 3D-принтера при армировании цементобетонных покрытий автомобильных дорог.

Ключевые слова: модель оценки экономической эффективности, стеклопластиковая арматура, новая технология, 3D-принтер, экономический эффект.

В настоящее время в мире технологиям на основе использования 3D-принтера придается большое значение. Это в основном связано с экономическими факторами, среди которых важнейшую роль играют снижение трудоемкости, сокращение продолжительности производства, снижение затрат на производство и другие. Соответственно, такой прикладной разработке, как технология использования 3D-принтера при производстве стеклопластиковой арматуры периодического профиля, требуется экономическое обоснование применимости.

Общие положения. Для того чтобы дать ответ на вопрос, насколько выгодно вкладывать средства в разработку и использование новой технологии изготовления и использования стеклопластиковой арматуры периодического профиля на основе применения 3D-печати, следует использовать показатели эффективности вложения денежных средств (инвестиций) в данный проект. Показатели эффективности инвестиций могут быть получены путем сопоставления результата и затрат между собой различными способами. Среди возможных показателей различают показатели эффекта и эффективности. *Эффект инвестиций* представляет собой разность результатов и затрат, то есть это положительная разность между положительным потоком денежных средств субъекта хозяйствования (притоком) и их оттоком. *Эффективность* – это отношение результата к затратам. Эффективность инвестиций может выражаться при учете затрат и результата как в натурально-вещественной, так и стоимостной форме. Эффективность инвестиций может также устанавливаться при выражении результата в стоимостной, а затрат в натуральной форме и, наоборот, когда затраты рассчитываются в рублях, а результат в натуральных измерителях. Главное отличие экономической эффективности от ее других видов заключается в том, что полезные результаты и затраты выражены в стоимостной форме. При стоимостной форме результата и затрат в качестве показателей эффективности могут выступать срок окупаемости инвестиций за счет снижения себестоимости продукции, отношение прироста прибыли к капитальным вложениям, обусловившим этот прирост, и другие показатели.

Стоимостные показатели экономической эффективности инвестиций, несмотря на их недостатки, являются в настоящее время основными показателями обоснования программ и проектов. Эти показатели могут выступать в качестве комплексного показателя, учитывающего в денежной форме затраты прошлого и живого труда.

При проведении оценки экономической эффективности инвестиций необходимо получить ответы на следующие вопросы:

- превысят ли результаты, полученные за установленный отрезок времени, те затраты, которые связаны с реализацией проекта?
- будет ли получена прибыль или доход от реализации проекта, сравнимый с доходами в случае размещения предполагаемых вложений в альтернативный проект?
- соответствует ли полученная прибыль или доход риску, связанному с вложением средств в проект?

Ответы на поставленные вопросы кроются в использовании различных систем показателей.

При оценке эффективности инвестиций важное место занимает учет социальных и экологических результатов. Однако необходимо учитывать то, что результаты мероприятий, связанных с улучшением условий труда, развитием сферы обслуживания, экономией свободного времени населения, охраной окружающей среды, рациональным использованием природных ресурсов и т.п., зачастую не могут быть

выражены в стоимостной форме. В этих условиях эффективное решение следует находить путем совокупной оценки как стоимостных, так и натуральных показателей [1].

Для создания модели оценки экономической эффективности использования 3D-принтера при изготовлении стеклопластиковой арматуры периодического профиля (*новый вариант*) необходимо оценить экономическую эффективность инвестиций в этот проект. В данном случае следует выяснить, будет ли получена прибыль или доход от реализации проекта по новому варианту, сравнимый с доходами в случае размещения предполагаемых вложений в альтернативный проект; либо, будет ли наблюдаться снижение затрат в новом варианте по сравнению с лучшим вариантом существующих способов изготовления стеклопластиковой арматуры периодического профиля. В качестве *сравниваемого варианта* выбираем традиционный способ изготовления стеклопластиковой арматуры периодического профиля на заводе-изготовителе с последующей доставкой на объект строительства. Для осуществления сравнения необходимо привести сравниваемые варианты к сопоставимому виду. Это значит, что они должны быть увязаны по цели, задачам и назначению [2]. Все работы и затраты, связанные с достижением цели, решением поставленных задач, сроков, времени (даты), назначения и некоторых критериев, которые отличаются между собой по качественным и количественным показателям, должны включаться в состав сравниваемых вариантов изготовления и использования стеклопластиковой арматуры периодического профиля. Для того чтобы провести такую работу, необходимо точно определиться с технологией и организацией производства работ по созданию, изготовлению, доставке и использованию арматуры периодического профиля в двух сравниваемых вариантах.

Характеристика сравниваемых технологий производства стеклопластиковой арматуры. *Применение 3D-принтера в строительной отрасли* дает множество преимуществ. Главные из них – высокая скорость строительства автомобильных дорог и полная механизация процесса армирования покрытия [3]. Это позволяет в более короткие сроки, а следовательно, и более эффективно возводить, реконструировать и ремонтировать действующие автомобильные дороги.

Принцип работы 3D-принтера, печатающего волокнистым композитом, достаточно прост. Для печати используются пропитанные светочувствительной смолой хлопчатобумажные нити, которые проходят через принтер и, оказавшись на платформе для печати, мгновенно затвердевают под воздействием ультрафиолета [4; 5].

Благодаря высоким механическим характеристикам волокнистые композиты находят широкое применение в технике в качестве конструкционного материала [6; 7]. Существенным преимуществом создания стеклопластиковой арматуры периодического профиля с использованием 3-D принтера является то, что технологический процесс получения конечного продукта совмещен по времени и включает в свой состав несколько одновременно протекающих процессов с изготовлением конструкции из стеклопластиковой арматуры на основе волокнистых композитов [8]. Основу волокнистых полимерных композиционных материалов составляют армирующие волокнистые наполнители, объединенные в монолитный композиционный материал полимерной матрицей. Элементы конструкций из композиционных материалов состоят обычно из однонаправленных армирующих слоев стеклонитей, уложенных в определенной последовательности, поэтому в основе методов расчета и проектирования таких конструкций лежат механические характеристики однонаправленно армированного слоя, которые требуется определить экспериментально или расчетным путем. Механическое поведение таких композитов в значительной степени зависит от времени, что обусловлено ярко выраженными вязкоупругими свойствами полимерных связующих и некоторых типов волокон [9]. Многие компании заняты поиском эффективных способов печати волокнистым композитом, позволяющих создавать более надежные конструкции и изделия.

Анализ вышеизложенного позволил предложить 3D-принтер, принцип работы которого основан на технологии 3D-печати волокнистым композитом. Данный принтер предназначен для создания стеклопластиковой арматуры периодического профиля. Заявляемая модель 3D-принтера отличается тем, что позволяет создавать не хрупкое изделие, а сетку из прочной волокнистой стеклопластиковой арматуры. Использование заранее создаваемой 3D-модели обеспечивает печать стеклопластиковых изделий любой номенклатуры (плоские каркасы, пространственные каркасы и сетки). 3D-печать изделия происходит по схеме, представленной в [10].

С использованием программного обеспечения и полученной при помощи 3D-принтера стеклопластиковой арматуры периодического профиля можно печатать трехмерную арматурную сетку, которая в дальнейшем укладывается в цементобетонное покрытие автомобильной дороги. Подобная технология изготовления изделий на основе композитных материалов отражена в работе [4]. Главное в этой технологии – увязать объемы работ по печатанию самого изделия со временем отвердевания элемента арматурного изделия. Таким образом, печатание заключается в изменении пространственного положения элемента такого изделия, когда он находится в пластичном состоянии, то есть имеет возможность деформироваться без последствий на прочностные и эксплуатационные характеристики готового изделия.

Как показывает отечественный и мировой опыт, возрастающим требованиям автомобильного движения в наибольшей степени отвечают цементобетонные покрытия. Стабильные транспортно-эксплуатационные показатели, высокая долговечность дают им преимущества перед покрытиями, построенными с применением органических вяжущих. В зависимости от интенсивности движения, свойств земляного полотна, плита из цементобетона может быть неармированной или содержать арматурную сетку, препятствующую раскрытию трещин в случае их возникновения [11; 12].

Именно для случая укладки арматурной сетки проектируемый принтер предполагается использовать в комплекте с другими устройствами и принтерами при строительстве дорог. Применение 3D-принтера при строительстве дорог в виде устройства приготовления и укладки бетона нашло отражение в работе [3].

Разработка модели эффективности использования 3D-принтера. Вначале определяемся с исходными данными для проведения сравнения вариантов.

1. *Цель.* Дать оценку двум вариантам изготовления и использования стеклопластиковой арматуры периодического профиля.

2. *Назначение, задачи.* Вариант А (новый) – изготовление изделий из стеклопластиковой арматуры периодического профиля при помощи 3D-принтера, размещаемого непосредственно на объекте строительства дороги, где и будет использоваться (укладываться) изготавливаемое изделие (арматурная сетка). Вариант Б (базовый) – изготовление стеклопластиковой арматуры периодического профиля на заводе-изготовителе с последующей транспортировкой на объект строительства дороги и изготовление (вязка) арматурной сетки на месте производства работ. Таким образом, по назначению и задачам оба варианта соответствуют друг другу.

3. *Критерии.* Для изготовления стеклопластиковой арматуры периодического профиля необходимы исходное сырье, материалы, комплектующие, использование которых по вариантам сравнения должно быть приведено к сопоставимому виду. Анализируя эти составляющие по двум вариантам, приходим следующему выводу:

а) по *базовому варианту* – все ресурсные затраты входят в состав себестоимости изготовления арматуры и формируют отпускную цену товарной продукции (арматуры) на заводе-изготовителе. В качестве такого завода-изготовителя можно выбрать ОАО «Полоцк-Стекловолокно», которое выпускает арматурную продукцию, близкую по своим техническим характеристикам к продукции по новому варианту. Разница в изготавливаемой продукции по вариантам заключается в технологии изготовления, которая сказывается на прочностных свойствах арматуры и качестве сцепления арматуры с бетоном. В частности, по оценкам авторов и экспертов УО «Полоцкий государственный университет», арматура и арматурная сетка по новому варианту может быть лучше по прочностным характеристикам на изгиб, растяжение и срез, по сцеплению – прогнозируются характеристики с более высокими показателями. Для доказательств данных утверждений авторами планируется проведение соответствующих исследований;

б) по *новому варианту* – количество используемых основных компонентов стеклопластиковой арматуры и арматурной сетки (стеклоровинг и смола) в новом и базовом вариантах будут примерно одинаковы. Остальные ресурсы в виде затрат на электроэнергию, комплектующие, на использование трудовых ресурсов, машин и оборудования (в виде амортизационных отчислений) входят в состав себестоимости изготовления арматурной сетки и формируют отпускную цену товарной продукции (арматурной сетки) по технологии с использованием 3D-принтера.

4. *Преимущество новой технологии* – возможность печатания не только линейных протяженных стержней арматуры, но и создание из элемента арматурного изделия различных плоскостных и пространственных конструкций в виде арматурных сеток и каркасов, которые востребованы в дорожном строительстве. В качестве армирующего материала, укладываемого в основание дороги при бетонировании, принимаем арматурные сетки, изготавливаемые из стеклопластиковой арматуры периодического профиля. В *новом варианте* арматурные сетки изготавливаются на месте устройства дороги и укладываются с помощью 3D-принтера. В *базовом варианте* – отдельные стержни в пачках или арматура в бухтах изготавливаются на заводе-изготовителе, транспортируются на объект строительства дороги и на месте производства работ изготавливаются и укладываются арматурные сетки.

На основе анализа технологии производства работ по двум вариантам изготовления и использования стеклопластиковой арматуры периодического профиля и арматурных сеток производим выборку работ и затрат, которые будут входить в сравнение вариантов.

Вариант затрат при традиционном методе производства

1. Изготовление стеклопластиковой арматуры периодического профиля на заводе-изготовителе (рис. 1) с учетом затрат на такие операции, как: устройство шпулярника (1); устройство стойки подогрева стеклоровинга (2); устройство узла пропитки и отжима стеклоровинга (3); устройство узла спиральной намотки (4); устройство узла нанесения песочной посыпки (при необходимости) (5); установка, подключение и работа главного шкафа управления процессом (6); работа печи полимеризации (7); функциониро-

вание ванны охлаждения (8); устройство и функционирование тянущего механизма (9); установка и работа отрезного устройства (10); функционирование намоточного барабана (11).

2. Пакетирование и доставка на объект строительства стеклопластиковой арматуры периодического профиля.

3. Резка стержней по размеру и изготовление арматурных сеток на месте производства дорожных работ.

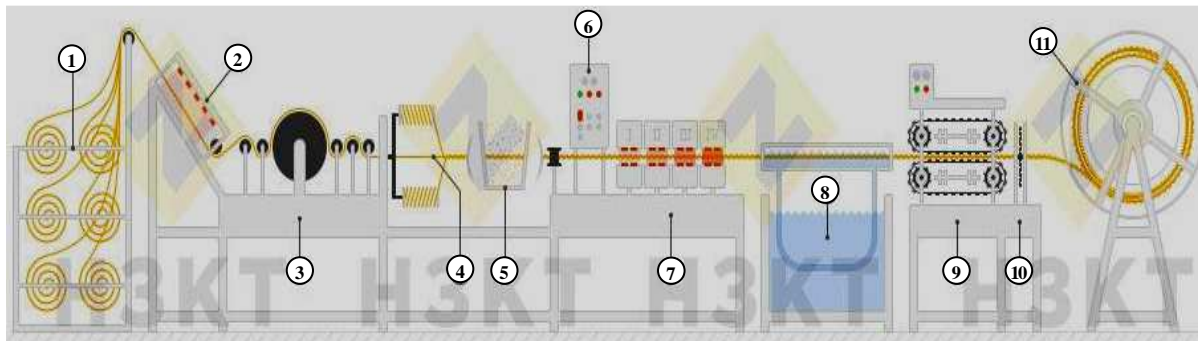

Рисунок 1 – Принципиальная схема линии для производства арматуры по пултрузионной технологии

Источник: [13].

Вариант затрат при новом методе производства с использованием 3D-принтера.

1. Установка и наладка 3D-принтера на месте устройства дороги.

2. Изготовление и укладка арматурных сеток при помощи 3D-принтера на месте производства дорожных работ.

В базовом варианте вместо затрат по пунктам 2 и 3, предусматривающим затраты по устройству арматурных сеток на месте устройства дорожного полотна, можно заменить на затраты по устройству арматурных сеток на заводе-изготовителе. Технология изготовления арматурных сеток на заводе-изготовителе представлена на рисунках 2 и 3.

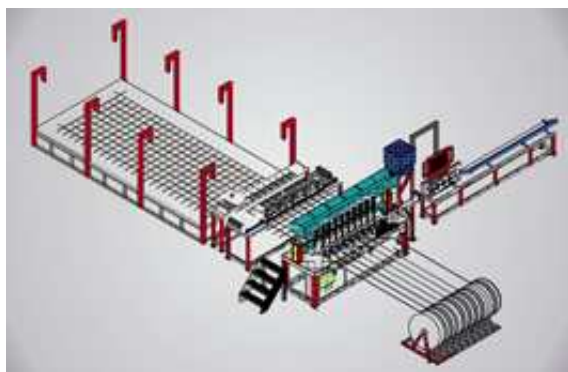

Рисунок 2 – Принципиальная схема технологической линии по производству арматурной сетки из стеклопластиковой арматуры

Рисунок 3 – Композитная сетка, полученная на технологической линии

Заключение. Разница между затратами по вариантам двух проектов, приведенных к годовой размерности, позволит выйти на значение годового экономического эффекта от применения нового варианта. Поскольку новый вариант технологии на основе использования 3D-принтера значительно сократит трудоемкость изготовления и укладки арматурных изделий, то появляется возможность оценить экономический эффект от сокращения продолжительности строительных работ и объекта строительства автомобильной дороги в целом. Кроме расчета эффекта для доказательства целесообразности использования новой технологии следует проводить расчеты эффективности с использованием показателей приведенных затрат, дисконтированного срока окупаемости, чистой текущей стоимости и других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровский, Н.А. Экономика строительства / Н.А. Дубровский – Новополоцк: ПГУ, 2009. – 374 с.

2. Инструкция по определению экономической эффективности использования в строительстве новой техники, изобретений и рационализаторских предложений: СН 509-78.
3. Грахов, В.П. Влияние развития 3D-технологий на экономику строительства / В.П. Грахов, С.А. Мохначев, О.В. Бороздов // Фундаментальные исследования [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36044>. – Дата доступа: 23.03.2016.
4. Моралес, С. Студент сконструировал принтер, печатающий волокнистым композитом / С. Моралес // Printexpo [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://3d-expo.ru/ru/student-skonstruiroval-printer-pechatayushchiy-voloknistym-kompozitom>. – Дата доступа: 23.03.2016.
5. Кордикова, Е.И. Пропитка волокнистых материалов расплавами термопластичных полимеров: автореф. дис. канд. техн. наук: 05.17.06 / Е.И. Кордикова. – Минск. 2000. – 21 с.
6. Любвин, Дж. Справочник по композиционным материалам / Дж. Любвин. – М.: Машиностроение, 1988. – 584 с.
7. Васильев, В.В. Композиционные материалы: справочник / В.В. Васильев, Ю.М. Тарнопольский. – М.: Машиностроение, 1990. – 512 с.
8. Зарубин, В.С. Влияние взаимного расположения волокон на теплопроводность однонаправленного волокнистого композита / В.С. Зарубин, Г.Н. Кувыркин, И.Ю. Савельева // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-vzaimnogo-raspolozheniya-vozkon-na-teploprovodnost-odnonapravlenno-go-vozkonistogo-kompozita>. – Дата доступа: 23.03.2016.
9. Вустер, У. Применение тензоров и теории групп для описания физических свойств кристаллов / У. Вустер. – М.: Мир, 1977. – 384 с.
10. Шабанов, Д.Н. Моделирование структуры непрерывных волокнистых наполнителей в полимерных связующих / Д.Н. Шабанов, С.А. Терехов // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Ф, Строительство. Прикладные науки. – 2015. – № 16. – С. 70–76.
11. Ушаков, В.В. Цементобетонные покрытия автомобильных дорог / В.В. Ушаков // Строительная техника и технология. – 2001. – С. 18–20.
12. Ерошова, О.А., Менжинский, Е.А. // Выставка научно-технических работ студентов и молодых ученых [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://cent.metolit.by/ru/node/1000>. – Дата доступа: 02.02.2016.
13. Линия для производства композитной сетки, пластиковой и стеклопластиковой арматуры / НЗКТ – Нижегородский завод композитных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.google.by/?gfe_rd=cr&ei=16iYV5jYNoOu8wfBuIGwCA&gws_rd=ssl#q=nzkt.ru. – Дата доступа: 04.03.2016.

Поступила 07.04.2016

**MODEL OF ECONOMIC EVALUATION
USE A 3D-PRINTER IN THE CREATION OF PRODUCTS
OF FIBERGLASS REINFORCEMENT PERIODIC PROFILE**

D. SHABANOV, V. STAHEIKO, S. TEREKHOV, N. AVERCHENKO

On the basis of the study and analysis of the use of new manufacturing technologies fiberglass reinforcement the approach to the assessment of the economic effects of the use of 3D-printers in the production of glass-fiber reinforcement with periodic profile and printing products based on it in relation to existing technologies is described. The problems of production of fiberglass reinforcement with periodic profile technology with existing technology and of 3D-printers are examined. On the basis of the data analysis the descriptive model evaluating the effectiveness of the use of 3D-printers to create products made of fiberglass fittings periodic profile is proposed. The issues of economic feasibility of the use of 3D-printers for reinforcing concrete slabs roads are solved.

Keywords: model of assessment of economic efficiency, fiberglass reinforcement, new technology, 3D-printer, economic effect.

ФИНАНСЫ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

УДК 330.322.54

ФИНАНСОВЫЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ: ЭЛЕМЕНТЫ, КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ БАЗИС ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

*д-р экон. наук, проф. В.В. БОГАТЫРЁВА; С.В. БОСЛОВЯК
(Полоцкий государственный университет)*

Определены основные элементы финансового механизма управления инвестиционным потенциалом организации: финансовые методы (планирование, прогнозирование, регулирование); финансовые инструменты (индикаторы минимального уровня рентабельности инвестиций), финансовые рычаги (чистый доход от инвестиций, экономическая добавленная стоимость); методическое обеспечение (методики оценки исходного инвестиционного потенциала организации и финансового прогнозирования эффективности вложений капитала); управленческий инструментарий (алгоритмы комплексной оценки финансовой целесообразности инвестирования и применения финансового механизма). Итогом исследования стал сформированный целостный финансовый механизм управления инвестиционным потенциалом организации как пошаговый инструмент принятия финансовых решений по оптимизации структуры капитала, регулированию уровня инвестиционной активности и корректировке инвестиционной политики организации.

Ключевые слова: *инвестиции, инвестиционный потенциал, инвестиционная деятельность, финансовое управление, система финансовых потоков, инвестиционная активность, финансовый механизм.*

Введение. Формирование и использование инвестиционного потенциала организаций, разработка механизмов управления им имеют важное теоретико-методологическое и практическое значение для устойчивого развития региональной и национальной экономики. Наряду с этим научное обоснование финансовых методов, инструментов и рычагов воздействия на его величину и динамику, практические рекомендации по их применению приобретают на современном этапе экономического развития особую актуальность.

Каждое управленческое решение базируется на определенном механизме его формирования (принятия). Вопросами формирования хозяйственного и экономического механизмов занимались многие известные ученые: Л.И. Абалкин [1], А.К. Джауд, [2], И.Т. Балабанов [3] и другие. Однако в настоящее время в экономической науке не сложилось общепринятого подхода к понятию «экономический механизм» [4]. Кроме того, основы создания механизма управления инвестиционным потенциалом организации ранее не изучались, что требует привлечения новых знаний, и в связи этим решение вопросов формирования такого инвестиционного потенциала имеет большое теоретическое и практическое значение.

Опираясь на проведенные ранее исследования методического обеспечения финансового управления инвестиционным потенциалом [5; 6], с учетом выявленных и научно обоснованных концептуальных основ финансового механизма управления воспроизводством человеческого капитала [7], на основе предложенных индикаторов минимального уровня рентабельности инвестиций [8] и закономерностей движения финансовых потоков, представим соответствующий сформулированной ранее цели исследования разработанный финансовый механизм.

Основная часть. Для принятия обоснованных управленческих решений по управлению финансами в среде финансовых потоков формирования и использования инвестиционного потенциала организации необходим особый механизм, устанавливающий порядок действий в этой среде, вбирающий в себя как инструментарий финансового управления (методики, индикаторы, алгоритмы), так и соответствующие финансовые методы и рычаги.

Структура финансового механизма на микроуровне сложна и характеризуется исследователями по-разному. В частности, Н.В. Колчина включает в состав финансового механизма предприятия следующие элементы: финансовые методы, финансовые инструменты, правовое обеспечение, информационно-методическое обеспечение управления финансами [9]. По мнению И.Т. Балабанова, финансовый механизм состоит из пяти взаимосвязанных элементов: финансовые методы, финансовые рычаги, правовое, нормативное и информационное обеспечение [3].

Элементы финансового механизма в рамках рассмотрения финансового управления воспроизводством человеческого капитала включают: финансовые методы, финансовые инструменты, финансовые рычаги, информационное обеспечение, управленческий инструментарий [7, с. 90].

Методы финансового управления отражают применяемые средства воздействия управляющей подсистемы на управляемую. Для целей финансового управления инвестиционным потенциалом наиболее значимыми являются методы принятия финансовых решений (прогнозирование, планирование, регулирование). Инструментами предлагаемого финансового механизма управления инвестиционным потенциалом организации выступают индикаторы минимально необходимого уровня рентабельности инвестиций [8].

Финансовые рычаги представляет собой прием действия финансового метода. По направлению своего действия они подразделяются на две группы: стимулы и санкции [3]. В отношении предмета настоящего исследования в качестве стимулов выступает возможность получения инвестором дохода на вложенный в предприятие капитал. Следовательно, основные рычаги финансового механизма управления инвестиционным потенциалом организации – чистый доход предприятия, получаемый от осуществления инвестиций, и экономическая добавленная стоимость (EVA – Economic Value Added), определяемая в рамках методики финансового прогнозирования эффективности вложений капитала [6]. Кроме того, финансовым рычагом в разрабатываемом финансовом механизме является и NOPAT (посленалоговая операционная прибыль), выступающая в качестве главной детерминанты экономической добавленной стоимости.

В отношении принятого предмета исследования представляется целесообразным выделить методическое обеспечение финансового механизма: методики оценки исходного инвестиционного потенциала организации [5] и финансового прогнозирования эффективности вложений капитала [6].

С позиции достижения целей финансового управления важным элементом финансового механизма служит управленческий инструментарий [7]. Для разрабатываемого финансового механизма управления управленческий инструментарий представлен, прежде всего, алгоритмом комплексной оценки финансовой целесообразности инвестирования. Вместе с тем для разработки пошагового инструментария управленческих действий в сфере не только формирования, но и использования инвестиционного потенциала, представляется целесообразным и необходимым дополнить управленческий инструментарий разрабатываемого механизма алгоритмом применения самого финансового механизма.

С учетом сказанного совокупность элементов финансового механизма управления инвестиционным потенциалом предприятия можно представить в следующем виде (рис. 1).

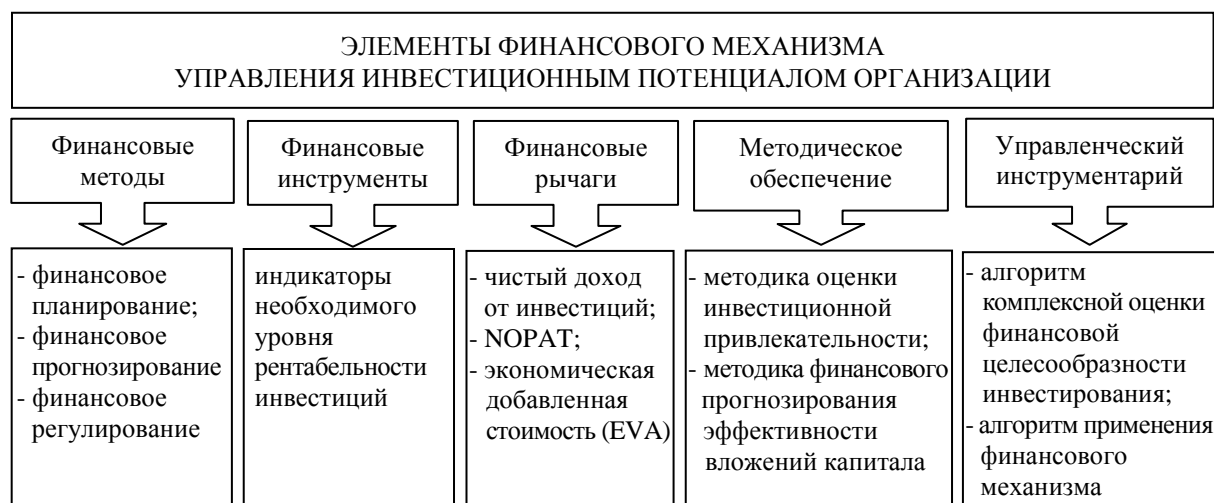

Рисунок 1 – Элементы финансового механизма управления инвестиционным потенциалом организации

Таким образом, в приложении к предмету настоящего исследования финансовый механизм управления инвестиционным потенциалом организации можно определить как совокупность финансовых методов, инструментов, рычагов формирования и использования финансовых ресурсов инвестиционной деятельности предприятия, а также соответствующего методического обеспечения и управленческого инструментария для обеспечения формирования и эффективного инвестиционного потенциала организации. Принципы функционирования разработанного финансового механизма следующие: каждый из его элементов рассматривается как неотъемлемая составная часть единого целого (взаимосвязаны между собой); одновременно все элементы функционируют относительно самостоятельно, что обуславливает необходимость их постоянного согласования; управленческое воздействие с применением соответствующего методического обеспечения и управленческого инструментария прослеживается на всех стадиях функционирования финансового механизма; все решения принимаются на основе финансовых методов и инструментов.

Взаимосвязи между элементами финансового механизма представлены на рисунке 2.

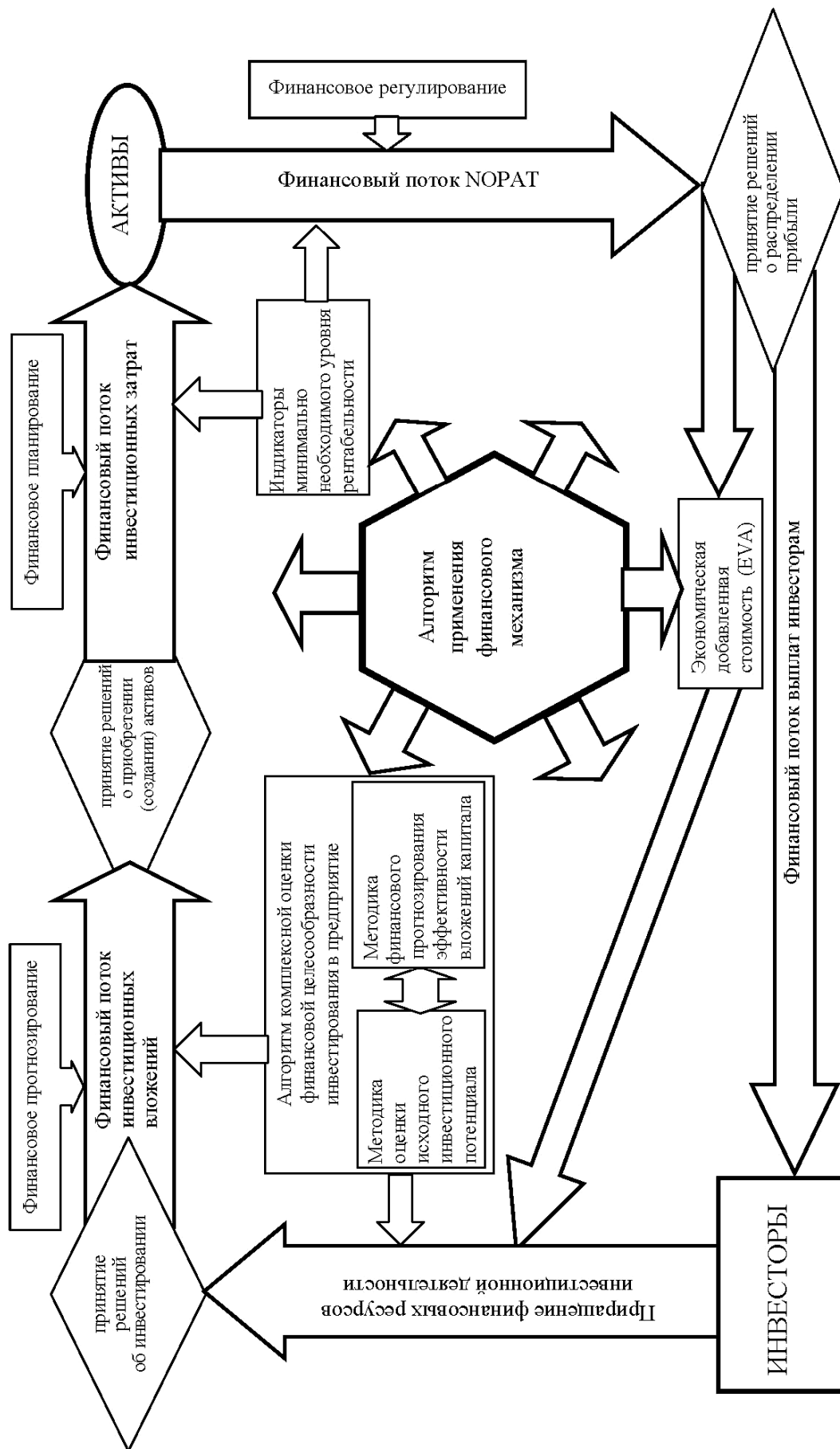

Рисунок 2 – Финансовый механизм управления инвестиционным потенциалом организации

Финансовые потоки выступают одновременно и в качестве объекта управленческого воздействия, и в качестве связующих звеньев между элементами финансового механизма. Очевидно, что принятие решения об инвестировании является ключевым в процессе функционирования разрабатываемого финансового механизма управления инвестиционным потенциалом. Без наличия такого решения невозможно осуществление последующих стадий функционирования финансового механизма. Соответственно, большинство элементов финансового механизма используются для обеспечения информационно-аналитической поддержки принятия решения об инвестировании. В частности, на стадии формирования финансовых ресурсов инвестиционной деятельности задействуется основная часть компонентов методического обеспечения финансового механизма управления инвестиционным потенциалом организации: методики оценки исходного инвестиционного потенциала организации [5] и финансового прогнозирования эффективности вложений капитала [6]. Взаимосвязь и координация между ними обеспечивается с использованием методов финансового прогнозирования посредством применения алгоритма комплексной оценки финансовой целесообразности инвестирования.

Существенное внимание в процессе функционирования финансового механизма управления инвестиционным потенциалом должно уделяться и стадии преобразования инвестиционных вложений в активы. При этом финансовый поток инвестиционных затрат, преобразуемых в активы, должен быть не меньше финансового потока инвестиционных вложений. В иной ситуации будет иметь место использование долгосрочных финансовых ресурсов инвестиционной деятельности на финансирование текущих затрат организации. Это подчеркивает важность обоснованного и сбалансированного финансового планирования как одного из методов финансового механизма управления инвестиционным потенциалом организации. Так, освоение инвестиционных затрат должно осуществляться в строгом соответствии с ее инвестиционным планом/программой как по стоимости, так и по срокам их освоения.

На стадии использования активов решается задача обеспечения такого уровня рентабельности дополнительно инвестируемого в деятельность предприятия капитала, которая позволяет получить величину *NOPAT*, достаточную для осуществления всех выплат инвесторам. Исходя из вышесказанного, формирование инвестиционного потенциала организации обеспечивается при превышении финансового потока *NOPAT* над финансовым потоком выплат инвесторам (см. рис. 2), что эквивалентно неравенству $EVA > 0$ (в том же отчетном периоде). В свою очередь, в контексте принятых в предложенной методике финансового прогнозирования эффективности вложений капитала показателей рентабельности инвестированного капитала (*ROIC*) и средневзвешенной стоимости капитала (*WACC*) положительное значение показателя *EVA* достигается при соблюдении следующих неравенств [6, с. 31]:

- $ROIC^* > WACC^*$ (при кратковременном периоде освоения инвестиций);
- $ROIC_n > WACC_n$ с учетом покрытия при необходимости отрицательных дисконтированных значений показателя *EVA* в период освоения инвестиций (при долговременном периоде).

Однако простое превышение $ROIC^*$ ($ROIC_n$) над $WACC^*$ ($WACC_n$) не всегда является достаточным условием эффективности вложений капитала. Так, по результатам проведенного исследования, можно заключить, что такое превышение отражает одновременно и условие формирования инвестиционного потенциала организации, и эффективность вложений в него капитала лишь при начальных условиях применения методики $0 < ROIC < WACC$ [6].

При начальных условиях применения методики $ROIC > WACC$ очевидно, что положительное значение показателя *EVA* и, соответственно, формирование инвестиционного потенциала обеспечивается и без дополнительных инвестиций. Однако эффективность вложений капитала в деятельность организации согласно принятой методике ($K_{ин} > 1$) в таком случае может и не достигаться, что обусловлено необходимостью генерирования для этого более высокого соотношения $ROIC^*$ и $WACC^*$ ($ROIC_n$ и $WACC_n$) в результате привлечения и использования дополнительных инвестиций над соотношением их исходных значений (*ROIC* и *WACC*). Очевидно, что в такой ситуации условие эффективности вложений капитала ($K_{ин} > 1$) и формирования инвестиционного потенциала ($EVA > 0$) может не совпадать.

Вышесказанное в контексте разработанного финансового механизма управления инвестиционным потенциалом организации и методики финансового прогнозирования эффективности вложений капитала [6] как основополагающей части его методического обеспечения позволяет сформулировать условия, предъявляемые к деятельности организации для обеспечения формирования и эффективного использования инвестиционного потенциала:

а) $EVA > 0$, что отражает превышение величины *NOPAT* над всеми выплатами инвесторам и обеспечивает предприятию формирование инвестиционного потенциала в новом цикле без приращения;

б) $K_{ин} > 1$, что отражает прирост фундаментальной стоимости предприятия и соответствующий ему рост показателя *EVA*, стимулируя тем самым инвесторов к осуществлению дополнительных вложений в предприятие, и обеспечивает формирование инвестиционного потенциала в новом цикле с приращением.

Следует отметить, что при начальных условиях применения методики $0 < ROIC < WACC$ (при таких начальных условиях значение показателя *EVA* отрицательно) достижение в результате дополнитель-

ного привлечения внешних инвестиций положительного значения показателя EVA эквивалентно $K_{из} > 1$, то есть отражает одновременно и условие (а), и условие (б). Различие наблюдается при начальных условиях $ROIC > WACC$, что обусловлено наличием у таких организаций задела в виде положительного значения показателя EVA без учета дополнительных инвестиций. В такой ситуации положительное значение показателя EVA с учетом привлечения дополнительных инвестиций за счет упомянутого задела может быть обеспечено и при $K_{из} < 1$.

В целях количественного обоснования величин минимальных уровней рентабельности инвестиций разработаны следующие индикаторы:

- рентабельность дополнительно инвестируемого капитала ($R_{\Delta \min}$), минимально необходимая для обеспечения условий его эффективного использования (формирования инвестиционного потенциала с приращением финансовых ресурсов инвестиционной деятельности) [8, с. 21]. Значение $R_{\Delta \min}$ представляет собой величину критического значения показателя рентабельности дополнительно инвестируемого капитала, при которой коэффициент инвестиционной эффективности ($K_{из}$) принимает значение, равное единице (с учетом соблюдения требований вышеупомянутой системы неравенств), что эквивалентно минимальным условиям формирования инвестиционного потенциала с приращением финансовых ресурсов;

- рентабельность дополнительно инвестируемого капитала ($R_{\Delta \text{ИП}}$), минимально необходимая для обеспечения формирования инвестиционного потенциала организации без приращения финансовых ресурсов [8, с. 23].

Обоснованные индикаторы представляется целесообразным использовать в рамках разработанного финансового механизма управления в алгоритме его применения на различных стадиях финансового управления инвестиционным потенциалом организации.

Так, на стадии формирования финансовых ресурсов инвестиционной деятельности $R_{\Delta \text{ИП}}$ и $R_{\Delta \min}$ могут использоваться для оценки риска путем сравнения их с величиной $R_{\Delta \text{расч}}$ (расчетной рентабельностью дополнительно привлекаемых инвестиций, положенной в расчет C_1).

Коэффициент риска представляется целесообразным определять для $R_{\Delta \text{ИП}}$ по формуле:

$$K_p = \frac{R_{\Delta \text{ИП}}}{R_{\Delta \text{расч}}} \cdot 100\%. \quad (1)$$

Критическую границу коэффициента риска по аналогии с критическими значениями показателей «уровень безубыточности» и обратного ему показателя «кромка безопасности в процентах» целесообразно установить на уровне не более 70%.

На стадии преобразования инвестиционных вложений в активы необходим расчет $R_{\Delta \text{ИП}}$ и $R_{\Delta \min}$, скорректированных с учетом фактических величин: объема инвестиционных затрат, стоимости дополнительного привлеченного капитала, продолжительности периода преобразования.

Расчет проводится на момент завершения стадии преобразования инвестиционных затрат в активы, когда точно известны величины $WACC^*$ (при кратковременном периоде освоения инвестиций), $WACC_n$ и $\sum_{t=1}^n EVA_t$ (при долговременном периоде освоения инвестиций).

На стадии использования активов представляется необходимым расчет и постоянный мониторинг обеспечения минимальных значений рентабельности дополнительного инвестируемого капитала (на основе скорректированных величин $R_{\Delta \text{ИП}}$ и $R_{\Delta \min}$) с целью обеспечения формирования инвестиционного потенциала и приращения финансовых ресурсов. Ключевыми показателями мониторинга с учетом ориентации на индикативные показатели деятельности организации являются указанные фактические показатели рентабельности дополнительно инвестируемого капитала. При этом в качестве базы для сравнения может быть принят как показатель $R_{\Delta \text{ИП}}$ так и $R_{\Delta \min}$. Выбор зависит, прежде всего, от типа инвестиционной политики (агрессивной или консервативной), которого придерживается предприятие.

Для агрессивной инвестиционной политики характерно постоянное увеличение инвестиционных затрат, что требует привлечения дополнительных инвестиций и, соответственно, обеспечения формирования инвестиционного потенциала с приращением финансовых ресурсов. В этом случае в качестве целевого показателя мониторинга принимается $R_{\Delta \min}$ (фактическая рентабельность не должна быть ниже этого значения). Для консервативной инвестиционной политики приоритетным является сохранение капитала и, следовательно, достаточно обеспечить формирование инвестиционного потенциала без приращения. В этом случае в качестве целевого показателя мониторинга принимается $R_{\Delta \text{ИП}}$.

Алгоритм применения финансового механизма представлен на рисунке 3.

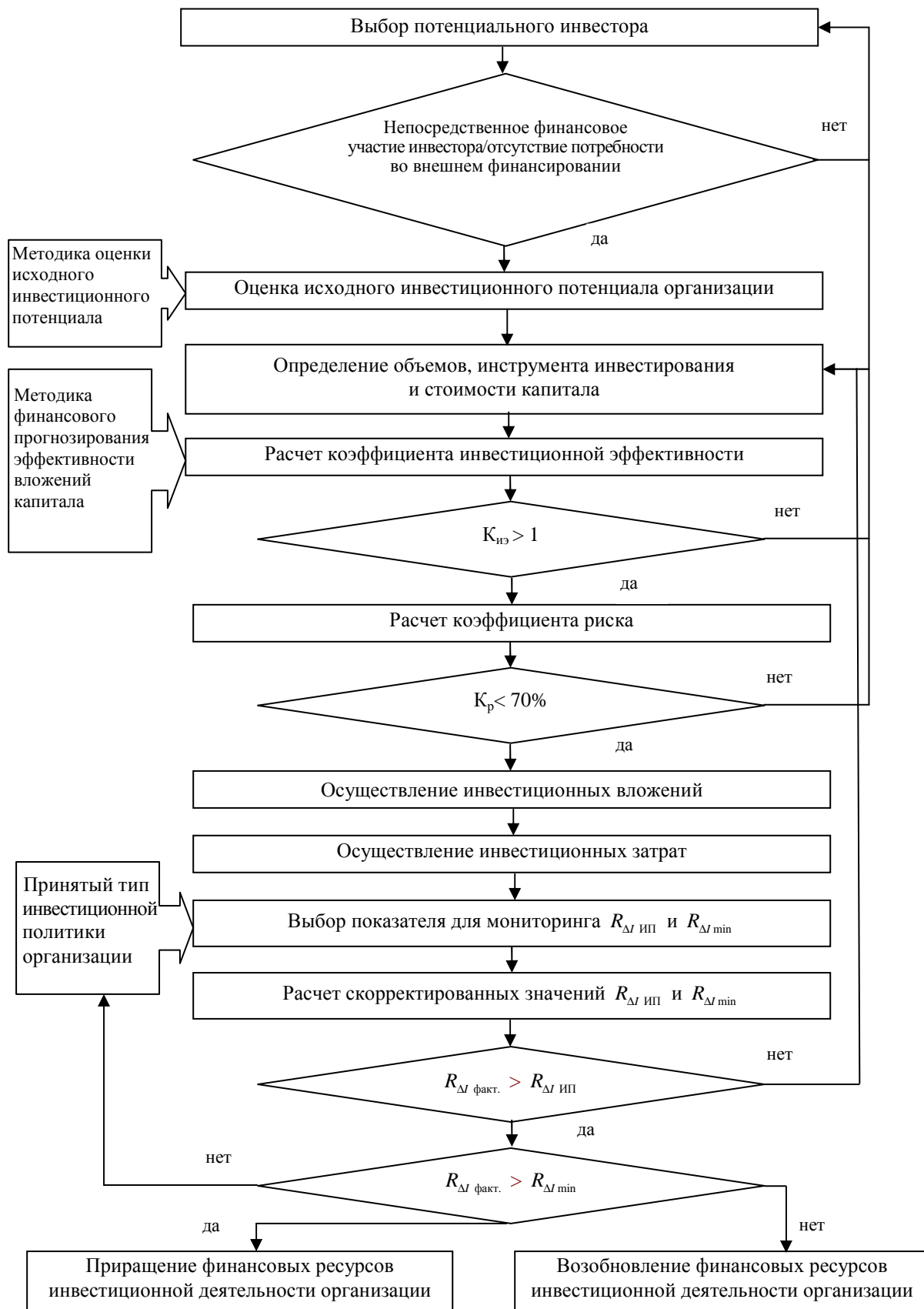

Рисунок 3 – Алгоритм применения финансового механизма управления инвестиционным потенциалом организации

С учетом оценки исходного инвестиционного потенциала организации определяются объемы, инструменты инвестирования и формирующаяся на их основе стоимость капитала. Далее осуществляется расчет коэффициента инвестиционной эффективности на основе методики финансового прогнозирования эффективности вложений капитала [6]. При $K_{из} > 1$ проводится оценка степени риска на основе предложенного показателя (1). Если коэффициент риска находится в приемлемых пределах, осуществляется переход к инструментальному этапу, который завершает стадию формирования финансовых ресурсов инвестиционной деятельности.

Затем по итогам завершения стадии преобразования инвестиционных затрат в активы на основе принятого типа инвестиционной политики выбирается база для сравнения фактической рентабельности дополнительно инвестируемого капитала и рассчитываются соответствующие скорректированные значения $R_{\Delta ИП}$ и $R_{\Delta min}$. При этом если организация придерживается консервативного типа инвестиционной политики, представляется целесообразным сравнить $R_{\Delta факт.}$ не только с $R_{\Delta ИП}$, но и с $R_{\Delta min}$.

Такое сравнение может показать руководству организации наличие возможности активизировать свою инвестиционную деятельность за счет приращения ее финансовых ресурсов (при консервативной инвестиционной политике и соотношении $R_{\Delta факт.} > R_{\Delta min}$). Равно как и при агрессивной инвестиционной политике, соотношение $R_{\Delta ИП} < R_{\Delta факт.} < R_{\Delta min}$ может сигнализировать о необходимости временно снизить инвестиционную активность и ограничиться формированием инвестиционного потенциала без приращения.

Таким образом, финансовый механизм – активный элемент в управлении финансами [10], применение которого в отношении инвестиционного потенциала организации обеспечивает возможность определить необходимые объемы и интенсивность генерирования финансовых потоков по стадиям его формирования и использования. В совокупности взаимодействие предложенных элементов финансового механизма позволит комплексно решить поставленные задачи финансового управления инвестиционным потенциалом и обеспечить достижение его цели – повышение стоимости организации с обеспечением дополнительных финансовых потоков.

Заключение. Предложенный алгоритм применения финансового механизма позволяет осуществить постоянное согласование его элементов, а сам финансовый механизм управления инвестиционным потенциалом позволит на основе всесторонней оценки инвестиционной привлекательности организации, финансового прогнозирования ее ожидаемой фундаментальной стоимости и оценки перспектив использования дополнительно привлекаемых инвестиций максимально эффективно задействовать имеющийся инвестиционный потенциал, оптимизировать структуру капитала, регулировать уровень инвестиционной активности и своевременно корректировать инвестиционную политику организации.

Разработанный финансовый механизм как совокупность финансовых методов, инструментов и рычагов формирования и использования финансовых ресурсов инвестиционной деятельности предприятия, соответствующего методического обеспечения и управленческого инструментария, а также алгоритм его применения в виде пошагового инструмента действия и принятий решений позволяет осуществлять комплексное решение всех задач финансового управления инвестиционным потенциалом, обеспечив тем самым эффективность процесса по всем стадиям его формирования и использования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалкин, Л.И. Избранные труды. На пути к реформе. Хозяйственный механизм развитого социального общества. Новый тип экономического мышления. Перестройка: пути и проблемы / Л.И. Абалкин. – М.: Экономика. 2000. – 513 с.
2. Джауд, А.К. Теоретические подходы к определению сущности механизма управления / А.К. Джауд [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.rusnauka.com/10_NPE_2011/Economics/10_82399.doc.htm. – Дата доступа: 12.04.2016.
3. Балабанов, И.Т. Основы финансового менеджмента / И.Т. Балабанов. – М.: Финансы и статистика, 1999. – 359 с.
4. Чаленко, А.Ю. О неопределенности термина «механизм» в экономических исследованиях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kapitalrus.ru/articles/article/o_neopredelennosti_termina_mehanizm_v_ekonomicheskikh_issledovaniyah. – Дата доступа: 14.04.2016.
5. Бословяк, С.В. Методика построения рейтинга инвестиционной привлекательности субъектов хозяйствования / С.В. Бословяк // Вестн. Витеб. гос. технолог. ун-та. – 2012. – № 22. – С. 143–151.

6. Бословяк, С.В. Методика финансового прогнозирования эффективности вложений капитала в предприятие на основе показателя экономической добавленной стоимости / С.В. Бословяк // Бухгалтерский учет и анализ. – 2015. – № 8 (224). – С. 29–34.
7. Богатырева, В.В. Финансовый механизм управления воспроизводством человеческого капитала: концептуальные основы формирования, элементы / В.В. Богатырева // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2013. – № 14. – С. 87–93.
8. Бословяк, С.В. Аналитическое обеспечение алгоритма обоснования минимально необходимого уровня рентабельности дополнительно привлекаемых инвестиций / С.В. Бословяк // Бух. учет и анализ. – 2016. – № 3 (231). – С. 19–25.
9. Колчина, Н.В. Финансовый менеджмент / Н.В. Колчина. – М.: Юнити-Дана, 2012. – 464 с.
10. Шарина, Г.В. Финансовый механизм – активный элемент в системе управления финансами / Г.В. Шарина // Вестн. Калмыцкого гос. ун-та, 2013. – № 1 (17). – С. 93–98.

Поступила 06.04.2016

THE FINANCIAL MECHANISM OF COMPANY'S INVESTMENT POTENTIAL MANAGEMENT: ELEMENTS AND CONCEPTUAL BASIS OF ITS FUNCTIONING

V. BOGATUAROVA, S. BOSLOVYAK

The author defined the key elements of the financial mechanism for company's investment potential management: financial methods (planning, forecasting, regulation); financial instruments (indicators of minimal level of return on investment), financial leverage (net investment income, economic value added); methodological support (methods for assessing the source of the company's investment potential and financial forecasting of efficiency of capital investments); management tools (algorithms of comprehensive assessment of the financial feasibility of investment and application of the financial mechanism and) The result of the research is a developed financial mechanism of company's investment potential management as step-by-step financial decision-making tool to optimize the capital structure, regulation of investment activity level and the adjustment of the investment policy of the company.

Key words: *investments, investment potential, investment practice, financial management, the system of financial flows, investment activity, financial mechanism.*

УДК 330.322(476)

**ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

*канд. экон. наук, доц. А.А. МАТЯС
(Полесский государственный университет, Пинск)*

Представлены отдельные финансовые аспекты инвестиционной политики в Республике Беларусь, включая эффективность инвестиций в основной капитал, основные источники и направления их использования, применяемые финансовые инструменты и подходы по их трансформации. Основной акцент сделан на оценке проявившихся в условиях ухудшения внешнеторговой конъюнктуры последствий проводимой в предыдущие годы инвестиционной политики в ее более тесной увязке с макроэкономической и структурной, выявлении последних тенденций в динамике и эффективности инвестиций, структуре их формирования и использования, а также используемых механизмах и инструментах финансирования и кредитования инвестиций в рамках реализуемых в стране государственных программ.

Ключевые слова: *инвестиционная политика, финансовые аспекты, источники финансирования, инструменты.*

Введение. В Беларуси на протяжении ряда лет, особенно в 2003–2008 и 2010–2011 годы, уровень валового накопления и темпы роста инвестиций в основной капитал были достаточно высокими. Вместе с тем макроэкономическая и инвестиционная политика ориентировалась преимущественно на валовые темповые показатели при одновременной недооценке финансовых аспектов в части перманентного сокращения отдачи от капиталовложений, что в первую очередь связано с источниками инвестиций, выбранными приоритетами и отраслевой структурой их использования, а также применяемыми механизмами и инструментами инвестирования. Данные проблемы неоднократно затрагивались в отдельных публикациях. В частности, в страновых экономических меморандумах Международного банка реконструкции и развития (МБРР), отдельных публикациях обращалось внимание на негативные тенденции в инвестиционной сфере и на падение отдачи от инвестиций, указывалось на основные причины и факторы ухудшения ситуации, возможные подходы, направления и отдельные меры по трансформации инвестиционной политики в Республике Беларусь [1–5]. Вместе с тем определенный интерес вызывает актуализация проведенных ранее исследований с позиций проявившихся в условиях ухудшения внешнеторговой конъюнктуры последствий проводимой в предыдущие годы инвестиционной политики в ее более тесной увязке с макроэкономической и структурной, выявления последних тенденций в динамике и эффективности инвестиций, структуре их формирования и использования, а также определения и корректировки возможных подходов к трансформации в части структуры инвестиций и инструментов реализации с учетом складывающейся экономической ситуации в стране.

Основная часть. До последнего времени в Беларуси в качестве оценочных и прогнозных индикаторов социально-экономического развития использовались темповые целевые показатели, которые достигались преимущественно за счет экстенсивных факторов с использованием административного ресурса. В свою очередь, благоприятная внешнеторговая конъюнктура в течение определенного периода способствовала реализации данного подхода. Особенно динамичное развитие белорусская экономика демонстрировала в 2003–2008 годах, когда темпы прироста ВВП в отдельные годы варьировались от 7 до 11,4%, а инвестиций в основной капитал – от 16,2 до 32,2%. В результате ВВП за данный период увеличился в 1,7 раза, инвестиции – в 3,3 раза. Одновременно поддерживалась макроэкономическую стабильность (номинальный валютный курс белорусского рубля к доллару США на конец 2004 года достигал 2170, 2005 года – 2152, 2006 г. – 2140; инфляция по индексу потребительских цен за 2005 год составляла 8%, за 2006 – 6,6%) и в отдельные годы не допускался значительный дисбаланс в экономическом развитии (госдолг на 01.01.2006 составлял 0,6 млрд долл., валовой внешний долг – 5,1 млрд долл.). Тем не менее для поддержания высоких темпов экономического роста и инвестирования с 2007 года Беларусь начала активно привлекать внешние заимствования, что повлекло ускоренное нарастание внешнего валового и государственного долга [6].

Вместе с тем недостаточное внимание уделялось интенсивным факторам экономического роста на основе более эффективного использования инвестиционных ресурсов. В качестве агрегированных индикаторов для характеристики и отслеживания данной ситуации могут быть использованы показатели капиталотдачи (отношение ВВП к среднегодовому капиталу) и эффективности накопления основного капитала (отношение прироста ВВП в текущем году в сопоставимых ценах к валовому накоплению основного капитала в предыдущем году) [3–4]. Как в материалах МБРР, так и в исследованиях отечественных

специалистов отмечено перманентное снижение капиталотдачи с 2009 года (до этого времени на протяжении ряда лет имели место темпы роста), падение эффективности накопления – с 2007 года [2–4].

В соответствии с данными статистической отчетности в таблице 1 представлены результаты расчета эффективности накопления основного капитала.

Таблица 1 – Эффективность накопления основного капитала в Республике Беларусь за 2004–2014 годы

Год	ВВП (млрд. руб.)	Валовое накопление основного капитала (млрд руб.)	Норма накопления (%)	Темп прироста реального ВВП (%)	Прирост ВВП в сопоставимых ценах (млрд руб.)	Эффективность накопления основного капитала
2004	49992	12650	25,3	11,4	4168	–
2005	65067	17253	26,5	9,4	4699	0,371
2006	79267	23511	29,7	10,0	6507	0,377
2007	97165	30487	31,4	8,6	6816	0,29
2008	129791	43225	33,3	10,2	9911	0,325
2009	137442	49346	35,9	0,2	250	0,006
2010	164476	64698	39,3	7,7	10583	0,214
2011	297158	113230	38,1	5,5	9046	0,14
2012	530356	178455	33,6	1,7	5052	0,045
2013	649111	244296	37,7	1,0	5304	0,03
2014	778456	778456	33,9	1,7	11035	0,045

Источник: составлено и рассчитано на основе [4; 6].

Как видно из таблицы 1, норма накопления основного капитала в Республике Беларусь на протяжении анализируемого периода находилась на достаточно высоком уровне и с 2006 по 2014 год варьировалась в пределах от 30 до 39% по отношению к ВВП. Для сравнения, в Российской Федерации валовое накопление основного капитала составляло 18% к ВВП в 2005 году, а в 2010–2014 годах находилось на уровне 21–22% [7]. Вместе с тем эффективность накопления (отношение прироста ВВП в текущем году в сопоставимых условиях к валовому накоплению основного капитала в предыдущем) с 2007 года начала снижаться. При этом улучшение данного показателя в 2008 и 2010 годах по сравнению с предыдущими годами связано с высокими темпами прироста ВВП (10,2 и 7,7%) и динамикой валового накопления, а резкое ухудшение в 2009 году вызвано незначительным приростом ВВП (0,2%) в условиях негативного влияния на белорусскую экономику мирового финансово-экономического кризиса. Вместе с тем с 2011 года просматривается ярко выраженная тенденция сокращения эффективности накопления основного капитала до минимального уровня, которое происходило даже в условиях падения реальных инвестиций в основной капитал в 2012 году (на 11,7%) и 2014 году (на 5,8%) [6]. Более того, в 2015 году произошло сокращение как ВВП (на 3,9%), так и инвестиций в основной капитал (на 15,2%) [8].

Таким образом, сокращение инвестиций в основной капитал с 2014 года используется в качестве компенсационной меры в условиях существенного ухудшения внешнеторговой конъюнктуры в рамках политики внутренней девальвации с целью сокращения внутреннего спроса и недопущения чрезмерных дисбалансов.

Вместе с тем достаточно высокие темпы накопления основного капитала, несмотря на снижающуюся эффективность его использования, до 2012 года позволяли поддерживать относительно высокие темпы экономического роста (за исключением кризисного 2009 г.).

В свою очередь эффективность накопления во многом связана как с источниками финансирования (табл. 2) и направлениями использования инвестиций в основной капитал, так и применяемыми при этом подходами и инструментами по их регулированию и распределению.

В структуре источников финансирования инвестиций в основной капитал преобладают собственные средства организаций, хотя на протяжении последних десяти лет прослеживается тенденция их сокращения (с 44% в 2005 г. до 38,9% в 2015 г.). Одновременно отмечен рост банковского кредитования с 15% в 2005 году до 26,8% в 2015 году. При этом максимальное сокращение доли собственных средств организаций пришлось на 2010 год (32,9%), а пиковое увеличение удельного веса банковского кредитования в источниках финансирования инвестиций – на 2010–2011 годы (32,3 и 35,8%). Использование субъектами хозяйствования собственных средств для финансирования инвестиций предопределяется как их финансовым состоянием, так и доступностью банковских кредитов и господдержки.

Таблица 2 – Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования

Источники финансирования	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Инвестиции – всего, в том числе за счет:	100	100	100	100	100	100	100	100	100
- консолидированного бюджета	25,8	26,1	22,2	18,7	12,4	16,1	20,7	15,8	13,1
- внебюджетных фондов	0,2	0,2	0,2	0,2	0,02	0,04	0,2	0,2	0,3
- собственных средств организаций	44,0	38,5	36,7	32,9	37,8	40,0	37,8	38,5	38,9
- заемных средств других организаций	2,0	1,7	1,1	1,0	0,6	1,5	1,2	1,5	1,3
- средств населения	7,9	6,9	8,0	7,6	5,9	6,8	8,3	10,0	12,3
- иностранных инвестиций (без кредитов (займов) иностранных банков)	1,6	1,7	2,0	2,1	3,0	3,2	3,2	3,7	3,9
- кредитов (займов) банков из них за счет:	15,0	21,3	26,4	32,3	35,8	26,5	24,2	26,6	26,8
- кредитов (займов) иностранных банков	1,2	0,8	0,8	2,3	6,7	3,3	4,2	8,2	11,8
- прочих источников	3,5	3,6	3,4	5,2	4,5	5,9	4,4	3,7	3,5

Источник: составлено на основе [6; 8].

В свою очередь, на динамику и объемы бюджетного финансирования оказывают влияние объемы льготного кредитования (что произошло в 2010–2011 годах) или ресурсные возможности самого консолидированного бюджета, когда в кризисных ситуациях сокращается его доходная часть при одновременной необходимости рационализации расходов для сбалансированности бюджета и макроэкономической стабилизации. При этом секвестирование госбюджета осуществляется, в первую очередь, за счет сокращения инвестиционных расходов, что имело место в кризисных 2009 и 2011 годах и происходит в последние два года. Из других особенностей и тенденций в структуре источников финансирования инвестиций можно отметить: увеличение кредитов иностранных банков, относительно невысокий удельный вес прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и увеличение доли средств населения. Увеличение внешних кредитных заимствований связано как с ухудшением финансово-экономической ситуации в белорусской экономике, так и предпринятой технологической модернизацией ее отдельных отраслей, что ведет к наращиванию импорта оборудования, в том числе в рамках связанных китайских кредитов. В свою очередь, ПИИ поступают преимущественно в рамках реинвестирования прибыли уже функционирующих в Республике Беларусь предприятий с участием иностранного капитала.

Несмотря на рост иностранных инвестиций на валовой основе в реальный сектор белорусской экономики (с 6,5 млрд долл. в 2008 г. до 15,1 млрд долл. в 2014 г.), в их структуре в 2014 году 32,5% (или 4,9 млрд долл.) занимали прочие инвестиции, а среди прямых инвестиций (67,4%, или 10,2 млрд долл.) преобладали прочие прямые инвестиции (60,7%, или 9,2 млрд долл.). В то же время на чистой основе в 2014 году поступило всего 1,9 млрд долл., из которых ПИИ составили 1,23 млрд долл. [6].

Удельный вес средств населения в источниках финансирования варьировался в пределах от 5,9% в 2011 году до 12,3% в 2015 году, что связано с доступностью льготного кредитования и доходами населения, а также конъюнктурой на рынке жилья. В целом сокращение льготного кредитования жилищного строительства предопределило тенденцию увеличения в последние годы собственных средств населения в условиях сокращения как реальных доходов населения, так и объемов ввода жилья.

Значительная доля в источниках финансирования инвестиций в основной капитал банковских кредитов (особенно льготных в рамках директивного кредитования госпрограмм), а также бюджетного финансирования повлияла на выбор приоритетного распределения данных ресурсов и применяемых при этом механизмов и инструментов, а в конечном счете и на эффективность проводимой в стране инвестиционной политики. В отдельные годы приоритет отдавался аграрно-промышленному комплексу, жилищному строительству, производственной и социальной инфраструктуре, модернизации некоторых промышленных отраслей и государственных валообразующих предприятий.

До 2006 года в Беларуси проводилась достаточно взвешенная макроэкономическая политика, финансовые и инвестиционные ресурсы были направлены на загрузку свободных производственных мощностей, их частичную модернизацию, а полученные от экспорта рентные доходы в условиях благоприятной внешнеторговой конъюнктуры были трансформированы в поддержание внутреннего инвестиционного и потребительского спроса без возникновения значительных дисбалансов. Вместе с тем в рамках реализации Программы развития и возрождения села осуществлялись массивные и, как правило, неэффективные капитальные вложения в сельское хозяйство (в частности, прирост инвестиций в данную отрасль в 2005 году составил 85%) [6]. В дальнейшем (с 2007 г.) чрезмерно стимулировался внутренний инвестиционный спрос (особенно в нематериальную сферу и АПК), в том числе и посредством наращивания государственного и валового внешнего долга.

Внутренний инвестиционный спрос обеспечивался преимущественно за счет льготного кредитования в рамках государственных целевых программ, задолженность по которым (данные МБРР) увеличилась с 4% ВВП в 2005 году до 25,5% ВВП в 2010 году. В качестве приоритетных секторов были выбраны сельское хозяйство (70% целевого кредитования) и жилищное строительство (30%) [2]. Более того, несмотря на сложности кризисного и посткризисного развития, темпы роста инвестиций в 2009 и 2010 годах опережали динамику других макропоказателей, а прирост инвестиций в основной капитал составил 4,7 и 15,8% соответственно. При этом наиболее быстрыми темпами наращивались инвестиции в сельское хозяйство (в 1,4 раза за 2009–2010 гг.), жилищное строительство (в 1,5 раза) и возведение объектов непервоочередной важности в ущерб промышленности (прирост за два года в обрабатывающую промышленность на 4,7%, горнодобывающую – на 7%). В результате доля сельского хозяйства и жилищного строительства увеличилась в общей структуре инвестиций, а удельный вес промышленности сократился. В частности, доля сельского хозяйства (включая охоту и лесное хозяйство) возросла в структуре инвестиций в основной капитал с 7,2% в 2005 году до 19% в 2009 и 17,8% в 2010 году [6]. В дальнейшем произошло снижение данной отрасли в структуре инвестиций в основной капитал (до 10% в 2015 г.) [8].

Для сравнения, добавленная стоимость сельского хозяйства в белорусском ВВП занимала 8,4% в 2005 году, 9,2% в 2010, и несмотря на столь существенные вложения (по некоторым оценкам, до 46 млрд. долл.) сократилась до 7% в 2013 и 7,5% в 2014 г. В то же время удельный вес промышленности в структуре инвестиций и ВВП находился примерно на одном уровне и варьировался в основном в пределах от 23 до 28% [6]. В свою очередь, чрезмерное наращивание жилищного строительства (с 3 млн. кв. м в 2003 г. до 5,1 в 2009 г. и 6,6 млн. кв. м в 2010 г.) [6] несмотря на его сокращение в дальнейшем не только привело к снижению эффективности накопления и инвестирования, но и усилило дисбалансы и увеличило нагрузку на бюджет и банковскую систему.

В дальнейшем (с 2011 г.) в качестве приоритетного направления инвестирования в основной капитал была провозглашена технологическая модернизация как отдельных государственных предприятий, так и целых отраслей. Вместе с тем при проведении сплошной модернизации отраслей на большинстве государственных предприятий возникли проблемы в части затягивания сроков строительства, простаивания дорогостоящего импортного оборудования и маркетинговой непроработанности бизнес-планов инвестиционных проектов. Особенно ситуация обострилась из-за сжатия внутреннего и внешних рынков сбыта, что привело к недозагруженности модернизированных производственных мощностей и падению цен на традиционный белорусский экспорт.

Снижает эффективность инвестиций и сложившаяся технологическая структура капитальных вложений, когда в отдельные годы на строительно-монтажные работы приходится более 50%, а на затраты на оборудование менее 40%, что имело место в 2009–2010 годах, а также после 2012 года. Только в 2008, 2011 и 2012 годах затраты на оборудование составили соответственно 43,9, 45 и 41,2% [6].

Активное использование директивного кредитования и бюджетного финансирования инвестиций в основной капитал в рамках госпрограмм предопределило соответствующие механизмы и инструменты, основным из которых является предоставление кредитов через государственные системообразующие банки по льготным процентным ставкам. При этом разница между льготными и рыночными процентными ставками покрывается за счет госбюджета. В связи с данной практикой удельный вес затрат на компенсацию процентных ставок в отдельные годы превышал 65% общей суммы расходов на господдержку. Для технологической модернизации реального сектора белорусской экономики привлекались иностранные кредиты и открывались кредитные линии (например, из Китая).

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что в Беларуси сложилась устойчивая тенденция падения эффективности накопления основного капитала. Данная ситуация во многом связана с источниками финансирования, выбранными приоритетами и направлениями использования инвестиций в основной капитал, а также применяемыми при этом подходами и инструментами финансирования и льготного директивного кредитования в рамках госпрограмм.

Чрезмерное стимулирование внутреннего инвестиционного спроса в определенных приоритетных секторах и отраслях (АПК, жилищное строительство, строительство объектов непервоочередной важности и др.) усилило дисбалансы и нагрузку на бюджет и банковскую систему, что привело наряду с ухудшением внешнеторговой конъюнктуры к трем девальвациям. Одновременно дополнительный спрос создал ошибочное представление о недостатке отдельных производственных мощностей и послужил толчком к сплошной модернизации целых отраслей (в частности, стекольной и цементной промышленности, деревообработки). В дальнейшем в условиях просевшего внешнего и внутреннего спроса и снижения цен на высокоэластичные товары данные производственные мощности оказались недозагруженными, а предприятия закредитованными.

При инвестировании приоритетных направлений и модернизации активно использовалось директивное кредитование по льготным процентным ставкам с компенсацией разницы с рыночными ставками из госбюджета. В условиях ограниченности традиционных источников финансирования инвестиций и

необходимости сокращения директивного кредитования необходима постепенная трансформация механизмов и инструментов инвестиционной политики. Среди возможных подходов более эффективного использования бюджетных и кредитных ресурсов следует отметить такие, как: государственно-частное партнерство; долевое финансирование инвестиционных проектов из различных источников; увязка господдержки с конечными результатами и ее оказание на возмездной основе; осуществление кредитования госпрограмм через созданный Банк развития; привлечение инвестиционных ресурсов через инструменты фондового рынка (корпоративные облигации, акции, IPO); развитие ипотечного кредитования и системы стройсбережений; строительство арендного жилья.

Заключение. Результаты проведенного анализа могут быть использованы для переориентации инвестиций в эффективные и перспективные сектора и отрасли национальной экономики, для поиска и расширения дополнительных источников финансирования с одновременным формированием современных рыночных механизмов и инструментов, более рационального использования бюджетных и кредитных ресурсов. Необходимо смещение акцента в привлечении внешнего финансирования в пользу ПИИ, что привносит современные технологии, не увеличивая внешний долг, и переносит все риски по реализации проектов на иностранного инвестора и расширяет возможности использования товаропроводящих сетей инвестора и выхода на зарубежные рынки. Вместе с тем для запуска новых рыночных механизмов и инструментов инвестиционной политики необходимо как минимум сокращение инфляции и стабилизация валютного курса, ускорение структурных преобразований и создание более привлекательного инвестиционного климата. Поэтому в ближайшее время продолжится реализация ряда инвестиционных проектов в промышленности с предоставлением господдержки, а также привлечением дополнительного финансирования посредством размещения валютных облигаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Страновой экономической меморандум для Республики Беларусь. Беларусь: окно возможностей для повышения конкурентоспособности и обеспечения устойчивых темпов экономического роста // Всемирный Банк. – Вашингтон, 2005. – 299 с.
2. Страновой экономической меморандум для Республики Беларусь. Экономическая трансформация для роста // Всемирный Банк. – Вашингтон, 2012. – 113 с.
3. Мирончик, Н.Л. Анализ факторов экономического роста в Республике Беларусь на основе производственной функции / Н.Л. Мирончик, С.В. Судник, Е.Е. Качерская // Банковский вестник. Темат. вып. (электронное приложение к журналу). – 2016. – апрель. – 55 с.
4. Комков, В.Н. Проблемы экономического роста в Республике Беларусь / В.Н. Комков // Банковский вестник. – 2013. – № 16. – С. 3–7.
5. Формирование системы инвестиционно-кредитного обеспечения модернизации национальной экономики / Н.Л. Давыдова [и др.]; под ред. К.К. Шебеко. – Пинск: ПолесГУ, 2015. – 271 с.
6. Статистический ежегодник Республики Беларусь // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – 524 с.
7. Российский статистический ежегодник. 2015: стат. сб. / Росстат, 2015. – 728 с.
8. Социально-экономическое положение Республики Беларусь // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – январь–декабрь. – 189 с.

Поступила 11.04.2016

FINANCIAL ASPECTS OF INVESTMENT POLICY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

A. MATYAS

In the article some financial aspects of investment policy are considered, including the efficiency of fixed asset investment, the main sources and the ways of their use, financial instruments applied in the Republic of Belarus and approaches to their transformation. The author makes an emphasis on the assessment of the consequences, showed up under conditions of deterioration in foreign trade situation, the investment policy, pursued in previous years and its close link with macroeconomic and structural policies; the detection of the latest tendencies in dynamics and efficiency of investment, the structure of investment formation and use, as well as the mechanisms and investment financing and lending instruments used within the government programs, implemented in the country.

Keywords: investment policy, financial aspects, funding sources, financial instruments.

УДК 330.142.22:69

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОЦЕНКИ КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БАНКАМИ

*И.С. ОКУНЕВ; канд. экон. наук, доц. С.Н. КОСТЮКОВА
(Полоцкий государственный университет)*

Раскрываются сущность понятия «кредитоспособность» в интерпретации разных ученых, цели, задачи и этапы ее оценки. Разработана методика анализа безубыточности деятельности строительных организаций, учитывающая такие особенности функционирования, как длительность и срочность процесса строительства. На ее основе предложена новая классификация строительных организаций по сроку возмещения ими годовых постоянных расходов, позволяющая ранжировать подрядчиков по уровню их деловой активности. Методика анализа безубыточности гармонизирована с методикой оценки кредитоспособности корпоративных клиентов, принадлежащих к виду экономической деятельности «строительство». Данное обстоятельство позволит глубже изучить реальную кредитоспособность строительных организаций и достоверно оценить приемлемый уровень ее надежности, в результате чего банк сможет существенно снизить свои кредитные риски.

Ключевые слова: кредитоспособность, риски, банки, строительные организации, особенности функционирования, безубыточность, методическое обеспечение.

Введение. В условиях перехода к рыночным отношениям изменяются экономические подходы к кредитованию. Банки разрабатывают кредитную политику, которая является важнейшим инструментом достижения стратегических целей банка. От ее успешной реализации во многом зависит финансовый результат банковского учреждения. Важнейшей задачей кредитной политики выступает эффективная оценка кредитоспособности заемщика. Последняя определяет степень риска банка при кредитовании конкретного заемщика. Следует отметить, что в настоящее время каждый банк имеет собственную методику оценки кредитоспособности корпоративных клиентов. Однако ни в одной из них до сих пор не учитывается вид экономической деятельности заемщика. Практический интерес представляет такой вид экономической деятельности, как строительство. Строительные организации обладают уникальными особенностями деятельности, связанными с использованием системы заказов в строительстве, закреплением жестких сроков строительства объектов, уникальностью и неподвижностью строящихся объектов, финансированием объектов заказчиками, необходимостью вложения больших капиталовложений и др.

На основании вышеизложенного предлагается разработать методический инструментарий, позволяющий учесть особенности деятельности строительных организаций при составлении бизнес-плана, который является одним из основных документов, на основании которого принимается решение о предоставлении кредита заемщику. Затем предлагается гармонизировать результаты научных исследований по анализу безубыточности деятельности строительных организаций с методикой оценки кредитоспособности корпоративных клиентов банками.

Основная часть. Прежде всего, следует изучить экономическую сущность понятия кредитоспособность, цели и задачи ее оценки. Существует множество толкований термина «кредитоспособность». Рассмотрим его экономическую сущность в интерпретации разных ученых (табл. 1).

Таблица 1 – Определение термина «кредитоспособность» в интерпретации разных ученых

Автор	Определение
Лаврушин О.И.	Способность заемщика полностью и в срок рассчитаться по своим долговым обязательствам (основному долгу и процентам) [1, с. 125]
Шеремет А.Д.	Способность заемщика полностью и в срок рассчитаться по своим долговым обязательствам (основному долгу и процентам) [2, с. 35]
Ачкасов А.И.	Способность хозяйствующего субъекта своевременно производить все срочные платежи при обеспечении нормального хода производства за счет наличия адекватных собственных средств и в форме, позволяющей без серьезных финансовых потрясений мобилизовать в кратчайшие сроки достаточный объем денежных средств для удовлетворения всех срочных обязательств перед различными кредиторами [3, с. 138]
Севрук В.Т.	Финансовое состояние предприятия выражается его платеже- и кредитоспособностью, т.е. способностью вовремя удовлетворять платежные требования в соответствии с хозяйственными договорами, возвращать кредиты, выплачивать рабочим и служащим заработную плату, вносить платежи и налоги в бюджет» [4, с. 43]
Ольшаный А.И.	Возможности заемщика погасить только ссудную задолженность [5, с. 51]

Окончание таблицы 1

Автор	Определение
Сахарова М.О.	Такое финансово-хозяйственное состояние организации, которое дает уверенность в эффективном использовании заемных средств, способности и готовности заемщика вернуть кредит в соответствии с условиями кредитного договора [6, с. 20]
Крейнина М.Н.	Система условий, определяющих способность предприятия привлекать заемный капитал и возвращать его в полном объеме в предусмотренные сроки [7, с. 138]
Гиляровская Л.Т.	Возможности экономических субъектов рыночной экономики своевременно и в полном объеме рассчитываться по своим обязательствам в связи с неизбежной необходимостью погашения кредита [8, с. 246]
Кирисюк Г.М.	Сущность категории «кредитоспособность» представляет собой то реально сложившееся правовое и хозяйственно-финансовое положение заемщика, исходя из оценки которого банк принимает решение о начале (развитии) или прекращении кредитных отношений с ссудозаемщиком [9]

Источник: авторская разработка на основе [1–9].

Из приведенных в таблице 1 определений видно, что в них не разграничиваются термины «кредитоспособность» и «платежеспособность». Однако в действительности в их сущности имеются серьезные отличия. Платежеспособность подразумевает способность организации расплачиваться по всем видам обязательств, а кредитоспособность подразумевает способность расплатиться лишь по кредитным обязательствам. Платежеспособность – возможность удовлетворить требования кредиторов в настоящий момент, а кредитоспособность – прогноз такой способности на будущее. И еще одно существенное различие – организация погашает свои обычные обязательства (кроме задолженности по кредитам), как правило, за счет выручки от реализации продукции (работ, услуг). Возврат кредита может проводиться как из собственных средств заемщика, так и за счет средств, поступивших от реализации банком обеспечения, переданного в залог, средств гаранта или поручителя, страховых возмещений. Помимо этого кредитоспособность определяется не только тем, насколько ликвидны активы организации, направляемые на погашение обязательств, но и множеством других факторов, не зависящих напрямую от хозяйствующего субъекта (контрагенты, рынки сбыта и др.) и не всегда поддающихся количественному измерению.

С другой точки зрения, «под кредитоспособностью хозяйствующего субъекта понимается наличие у него предпосылок для получения кредита и его возврата в срок». Но предпосылки для получения кредита – это еще не возможность его получить: не понятно, где проходит грань между возможностью получения и предпосылками. Данное определение представляется довольно узким, так как в нем не учитывается тот факт, что кредит предоставляется банками на платной основе, и кредитоспособность также должна включать в себя возможность погашения процентов по кредиту, и не просто возврат кредита, а его возврат в полном объеме. Не учитывается то, что кредит и проценты по нему должны возвращаться в срок, предусмотренный кредитным договором. Кроме того, в определении нет различий между понятиями «ссуда» и «кредит». То есть под «ссудой» в нормативных документах подразумевается безвозмездное пользование вещами; деньги не могут быть объектом ссуды, и договор ссуды не предполагает получение каких бы то ни было процентов. «Кредитоспособность, – пишет М.Н. Крейнина, – это система условий, определяющих способность предприятия привлекать заемный капитал и возвращать его в полном объеме в предусмотренные сроки» [7, с. 138]. При этом в оценке кредитоспособности учитываются несколько основных условий: структура используемого капитала и финансовая устойчивость; оценка производимой продукции с точки зрения спроса на нее при сложившихся рыночных условиях; ликвидность активов предприятия.

Необходимо подчеркнуть, что кредитоспособность хозяйствующего субъекта не ограничивается лишь приведенными условиями, она гораздо шире и включает множество других условий, например, требование к уровню рентабельности деятельности, оборачиваемости различных видов активов, окупаемости вложений, качеству менеджмента организации, содержанию кредитной истории. Среди существующих в экономической литературе определений кредитоспособности заемщика удачным является определение, данное в учебнике «Экономический анализ» под редакцией Л.Т. Гиляровской [8, с. 246].

При толковании термина «кредитоспособность заемщика», как правило, учитывается комплекс определенных факторов, в том числе: дееспособность и правоспособность заемщика для совершения кредитной сделки; его деловая репутация; наличие обеспечения; способность заемщика получать доход – генерировать денежные потоки.

Такой важный аспект, как правоспособность, оговаривается в определении Г.М. Кирисюка [9]. Естественно, к числу важнейших аспектов кредитоспособности относится и наличие материального обеспечения. Отдельные специалисты даже придавали этому фактору решающее значение. Так, Н.Х. Бунге, связывавший высшую кредитоспособность с наибольшей неподвижностью капитала, вложенного в недвижимое имущество, писал, что «имущество недвижимое рассматривается как самая лучшая гарантия» [10, с. 32].

На основании проведенного анализа дефиниций (см. табл. 1) можно дать следующее определение кредитоспособности: «Кредитоспособность заемщика (хозяйствующего субъекта) – его комплексная

правовая и финансовая характеристика, представленная финансовыми и нефинансовыми показателями, позволяющая оценить его возможность в будущем полностью и в срок, предусмотренный в кредитном договоре, рассчитаться по своим долговым обязательствам перед кредитором, а также определяющая степень риска банка при кредитовании конкретного заемщика».

Цель анализа кредитоспособности заемщика состоит в комплексном изучении его деятельности для обоснованной оценки возможности вернуть предоставленные ему ресурсы и предполагает решение следующих задач:

- обоснование оптимальной величины предоставляемых кредитором финансовых ресурсов и способов их погашения;
- определение эффективности использования заемщиком кредитных ресурсов;
- осуществление текущей оценки финансового состояния заемщика и прогнозирование ее изменения после предоставления кредитных ресурсов;
- проведение текущего контроля (мониторинга) со стороны кредитора за соблюдением заемщиком требований в отношении показателей его финансового состояния;
- выявление факторов кредитного риска и оценка их влияния на принятие решений о выдаче кредита заемщику;
- анализ достаточности и надежности предоставленного заемщиком обеспечения [11, с. 36–38].

Изложенные критерии оценки кредитоспособности клиента банка определяют содержание способов ее оценки. К числу этих способов относятся: оценка делового риска; оценка менеджмента; оценка финансовой устойчивости клиента на основе системы финансовых коэффициентов; анализ денежного потока; сбор информации о клиенте и др.

Оценка кредитоспособности заемщика, как правило, включает несколько этапов. Практически на каждом этапе проведения оценки кредитоспособности заемщика важным аспектом является информационное обеспечение. При этом некачественная (неполная, недостоверная) исходная информация может повлечь существенное повышение кредитных рисков банка.

Наибольшую роль в информационном обеспечении оценки кредитоспособности клиента играет внутренняя информация заемщика, включая все виды хозяйственного учета: бухгалтерская и статистическая отчетность; учредительные документы; юридическая документация, характеризующая договорные отношения с поставщиками и покупателями, заемщиками, вкладчиками и эмитентами; проектная и другая документация, отражающая структуру выпускаемых изделий, их качество, уровень техники и технологии их производства; нормативно-плановая документация; акты аудиторских и плановых проверок.

В случае инвестиционного кредитования, предусматривающего новое строительство, реконструкцию, выполнение иных строительно-монтажных работ, дополнительно к пакету документов предоставляется бизнес-план инвестиционного проекта. Следует отметить, что автором предложено усовершенствованное методическое обеспечение для разработки бизнес-плана строительных организаций [12], суть которого заключается в разработке авторской методики анализа безубыточности деятельности строительных организаций с учетом отраслевых особенностей.

Указанная методика основана на использовании метода учета сумм покрытия или метода учета прямых затрат «директ-костинг», позволяет рассчитать срок возмещения годовых постоянных расходов строительной организацией. Срок возмещения годовых постоянных затрат представляет собой такой период времени, по истечении которого организация начинает зарабатывать прибыль, другими словами – за какой период времени организация возместит сумму ее годовых затрат в полном объеме.

На основании проведенных исследований предлагается ввести *новый классификационный признак* – срок возмещения годовых постоянных затрат строительной организацией, в соответствии с которым предлагается подразделять строительные организации на *быстрвозмещающие, средневозмещающие, медленновозмещающие и невозмещающие* свои постоянные затраты в отчетном году.

Анализ деятельности строительных организаций позволил установить время, в течение которого строительная организация может возместить свои годовые постоянные затраты. Временной лаг, в течение которого оценивается предлагаемый показатель, соответствует одному году (табл. 2).

Таблица 2 – Классификация строительных организаций по сроку возмещения ими годовых постоянных затрат

Признак классификации	Вид строительной организации	Срок, в течение которого строительная организация возмещает годовые постоянные затраты в полном объеме
В зависимости от срока, за который строительная организация возмещает годовые постоянные затраты	Быстрозмещающие	1–4 месяца
	Средневозмещающие	5–7 месяцев
	Медленновозмещающие	8–12 месяцев
	Невозмещающие	Более 12 месяцев

Источник: собственная разработка.

Согласно предложенной в таблице 2 классификации, *быстрвозмещающей* свои годовые постоянные затраты является строительная организация, которая в течение периода, равного от одного до четырех месяцев, за счет сумм покрытия 1 сможет возместить свои годовые постоянные затраты в полном объеме; *средневозмещающей* – в течение периода от пяти до семи месяцев; *невозмещающей* свои годовые постоянные затраты является та организация, которая в течение календарного года не смогла возместить годовые постоянные затраты, а следовательно, получила убыток.

Практическая значимость предлагаемой методики для менеджеров строительной организации состоит в том, что в случае увеличения деловой активности строительной организации при заключении дополнительного договора подряда с заказчиком по объекту № 2 срок возмещения постоянных затрат сократится. Это означает, что показатель безубыточности деятельности строительной организации имеет сильную обратную корреляцию с ее деловой активностью. На этом основании у менеджеров строительных организаций появляется возможность оценивать безубыточность сквозь призму временного фактора, что соответствует реальным условиям функционирования. Отражение указанного показателя в бизнес-плане позволяет инвесторам объективно оценить реальные финансовые результаты деятельности строительных организаций – объектов инвестиционных вложений.

Далее осуществим гармонизацию авторской методики анализа безубыточности строительной организации с банковской методикой оценки кредитоспособности корпоративных клиентов.

В настоящее время банки Республики Беларусь осуществляют оценку кредитоспособности на основе методики присвоения своим корпоративным клиентам внутренних рейтингов, представляющей собой экспертную модель, комбинирующую количественные и качественные показатели. Рейтинги рассчитываются при каждой новой сделке на предоставление кредитного продукта клиентам, а также при рассмотрении вопросов об увеличении размера финансирования по действующим договорам. Шкала рейтингов клиентов состоит из 10 уровней (от 1 до 10), где 1 соответствует самому низкому уровню риска, 10 – наивысшему уровню риска (табл. 3).

Таблица 3 – Рейтинговая шкала

Рейтинг клиента	Категория	Описание	Комментарий
1	<i>Категория 1</i> Высокий уровень надежности, низкая вероятность неисполнения обязательств	Отличное финансовое состояние	Наилучшие показатели финансовой деятельности предприятия с минимальным уровнем риска
2		Отличное финансовое состояние	Денежные обязательства исполняются в полном объеме и своевременно
3		Очень хорошее финансовое состояние	Вероятность, что все денежные обязательства могут исполняться в полном объеме и своевременно, высока
4	<i>Категория 2</i> Приемлемый уровень надежности, средняя вероятность неисполнения обязательств	Хорошее финансовое состояние	Все денежные обязательства, вероятно, могут быть исполнены в полном объеме в среднесрочном периоде
5		Среднее финансовое состояние	Вероятно, не будет перерыва в обслуживании основного долга и процентов
6		Приемлемое финансовое состояние	Повышенная чувствительность к сильному ухудшению экономических условий. Ограниченная финансовая гибкость
7	<i>Категория 3</i> Низкий уровень надежности, высокая вероятность неисполнения обязательств	Предельное финансовое состояние	Существенные ухудшения экономических факторов могут оказать отрицательный эффект на своевременность обслуживания денежных обязательств
8		Слабое финансовое состояние	Незначительное ухудшение экономического окружения может помешать своевременному обслуживанию денежных обязательств
9		Очень слабое финансовое состояние	Высокая вероятность дефолта/банкротства и потери части основного долга и/или процентов
10	<i>Категория 4</i> Дефолт	Дефолт	Денежные обязательства не могут быть исполнены полностью и своевременно

Рейтинг рассчитывается по данным анкеты-заявки клиента на предоставление кредитного продукта, другой необходимой информации по состоянию на определенную дату, бухгалтерской отчетности (бухгалтерский баланс (форма 1), отчет о прибылях и убытках (форма 2)).

Для определения рейтинга клиента рассчитываются количественные (финансовые) и качественные (экспертные) показатели. В зависимости от значения показателю присваивается балл от 0 до 100, где 0 соответствует наивысшему уровню риска, 100 – самому низкому уровню риска (табл. 4).

Таблица 4 – Матрица определения рейтинга клиентов

Показатель		10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
		Качественные показатели									
		[0,0; 10,0)	[10,0; 20,0)	[20,0; 30,0)	[30,0; 40,0)	[40,0; 50,0)	[50,0; 60,0)	[60,0; 70,0)	[70,0; 80,0)	[80,0; 90,0)	[90,0; 100,0]
Количественные показатели	10	[0,0; 10,0)	10	10	10	10	10	10	10	10	10
	9	[10,0; 20,0)	10	10	9	9	8	8	7	7	6
	8	[20,0; 30,0)	10	9	9	8	8	7	7	6	6
	7	[30,0; 40,0)	10	9	8	8	7	7	6	6	5
	6	[40,0; 50,0)	10	8	8	7	7	6	6	5	5
	5	[50,0; 60,0)	10	8	7	7	6	6	5	5	4
	4	[60,0; 70,0)	10	7	7	6	6	5	5	4	4
	3	[70,0; 80,0)	10	7	6	6	5	5	4	4	3
	2	[80,0; 90,0)	10	6	6	5	5	4	4	3	2
	1	[90,0; 100,0]	10	6	5	5	4	4	3	2	1

Оценка количественных (финансовых) показателей для клиентов производится на основе анализа динамики следующих коэффициентов: коэффициента обеспеченности финансовых обязательств активами, ликвидности, оборачиваемости краткосрочных активов, рентабельности продаж, темпа роста собственных средств, коэффициента долговой нагрузки относительно выручки в процентах, и др. Однако следует отметить, что рассчитанные на основании финансовых данных количественные показатели не могут в полном объеме отражать все риски, присущие деятельности клиента. Для оценки кредитного риска клиента используются качественные (экспертные) показатели.

Оценка качественных (экспертных) показателей представлена в таблице 5.

Таблица 5 – Оценка качественных (экспертных) показателей корпоративных клиентов

№	Название показателя	Описание показателя	Значение показателя	Баллы	Удельный вес, %
1	Опыт работы на рынке	Срок ведения активной деятельности в отрасли	Более 5 лет	100	25,0
			Срок от 3 до 5 лет	60	
			Срок от 1 до 3 лет	30	
			Менее 1 года, нет опыта	0	
2	Деловая репутация клиента	Наличие/отсутствие действующих и/или рассмотренных исков и решений судов в отношении клиента	Высокая	100	20,0
			Средняя	50	
			Низкая/Нет данных	0	
3	Кредитная история клиента	Качество исполнения обязательств перед банками и объем данных оценивается на основании анализа отчета Кредитного Бюро	Кредитная история оценивается как «положительная»	100	35,0
			Кредитная история оценивается как «удовлетворительная»	30	
			Кредитная история оценивается как «негативная»	0	
4	Развитие бизнеса	Рост масштабов бизнеса, освоение смежных сфер деятельности, собственники следят за развитием клиента	Масштаб бизнеса постоянно растет, собственники вкладывают более 50% чистой прибыли в развитие	100	15,0
			Масштаб бизнеса не меняется, собственники вкладывают 25% и более чистой прибыли в развитие	50	
			Доля рынка клиента снижается, собственники вкладывают менее 25% чистой прибыли в развитие	0	
5	Уровень конкуренции в отрасли (внутренний рынок)	Отсутствие давления со стороны конкурентов	Низкая	100	5,0
		Небольшое число конкурентов, клиент не испытывает давления	Средняя	50	
		Большой объем предложений со стороны конкурентов	Высокая/Нет данных	0	

Экспертный показатель «Кредитная история клиента» оценивается на основании его расширенного отчета автоматизированной информационной системы «Кредитный регистр Национального банка Республики Беларусь».

Следует отметить, что специфика деятельности предприятий, относящихся к отрасли «Строительство» не учтена в действующей методике. Вместе с тем строительство имеет уникальные особенности деятельности, как было отмечено выше. Предлагается ввести новый показатель – *срок возмещения годовых постоянных затрат* – и оценить его в баллах по предлагаемой шкале (табл. 6).

Таблица 6 – Балльная оценка показателя «срок окупаемости годовых постоянных затрат строительной организации»

Срок окупаемости годовых постоянных затрат строительной организации	Характеристика строительной организации	Балл
От 1 до 4 месяцев	Быстрвозмещающие	100
От 5 до 7 месяцев	Средневозмещающие	70
От 8 до 12 месяцев	Медленновозмещающие	30
Более 12 месяцев	Невозмещающие	0

Источник: разработка автора.

На наш взгляд, перечисленные выше особенности должны находить отражение в предоставляемом банку бизнес-плане. В этой связи следует внести изменения в таблицу оценки количественных (финансовых) показателей для клиентов отрасли «строительство». Для этого предлагается добавить дополнительный пункт «срок возмещения годовых постоянных затрат строительной организацией» и сделать перерасчет удельных весов для всех групп показателей.

Апробация предлагаемой методики показала, что строительная организация, быстро возмещающая свои годовые постоянные затраты, получает более высокий рейтинг, в то время как организация, не возмещающая эти затраты, – более низкий, т.е. существенно отличающийся от полученного банком до внедрения предлагаемой методики.

Заключение. Разработанная методика анализа безубыточности деятельности строительных организаций имеет практическую значимость для менеджеров строительной организации в случае заключения дополнительного договора подряда с заказчиком на выполнение строительно-монтажных работ. Доказано, что показатель безубыточности деятельности строительной организации имеет сильную обратную корреляцию с ее деловой активностью, т.е. при увеличении деловой активности в течение текущего года время, необходимое для достижения безубыточности, сокращается, в свою очередь, при замедлении строительства – увеличивается.

Разработанная методика анализа безубыточности позволяет учесть требования инвесторов, желающих иметь более прозрачное представление о безубыточности деятельности организации за счет введения нового показателя – срок возмещения годовых постоянных затрат. Предложенная новая классификация строительных организаций по сроку возмещения ими годовых постоянных затрат позволяет ранжировать подрядчиков по уровню их деловой активности.

Следовательно, разработанный специализированный методический инструментарий позволит составить эффективный бизнес-план, адаптированный к специфике строительной отрасли.

Внедрение и гармонизация авторской методики анализа безубыточности деятельности строительной организации с банковской методикой оценки кредитоспособности корпоративных клиентов банка, принадлежащих к отрасли «строительство», позволят глубже изучить реальную кредитоспособность строительной организации и достоверно оценить приемлемый уровень ее надежности, более глубоко изучить как финансовое состояние клиента, так и эффективность кредитуемого инвестиционного проекта.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что внедрение предлагаемых нововведений в банковскую практику будет способствовать принятию объективных решений и позволит избежать негативных последствий кредитного риска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банковское дело / под ред. О.И. Лаврушина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2010. – 392 с.
2. Шермет, А.Д. Методика финансового анализа / А.Д. Шермет, Р.С. Сайфулин, Е.В. Негашев. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 208 с.

3. Ачкасов, А.И. Активные операции коммерческих банков / А.И. Ачкасов. – М.: Консалт-Банкир, 2009. – 358 с.
4. Севрук, В.Т. Анализ кредитоспособности СП / В.Т. Севрук // Деньги и кредит. – 2009. – № 3. – С. 98.
5. Ольшаный, А.И. Банковское кредитование – российский и зарубежный опыт / А.И. Ольшаный. – М.: РДЛ, 2009. – 354 с.
6. Сахарова, М.О. К вопросу о кредитоспособности предприятия / М.О. Сахарова // Деньги и кредит. – 2008. – № 3. – С. 64.
7. Крейнина, М.Н. Финансовый менеджмент: учеб. пособие / М.Н. Крейнина. – М.: Дело и сервис, 2001. – 397 с.
8. Экономический анализ: учеб. для вузов / под ред. Л.Т. Гиляровой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 615 с.
9. Кирисюк, Г.М. Оценка банком кредитоспособности заемщика / Г.М. Кирисюк, В.С. Ляховский // Деньги и кредит. – 1993. – № 4. – С. 34.
10. Банковская система России. Настольная книга банкира: в 3 кн. / А.Г. Грязнова. Кн. 1. – М.: ДеКА, 1995. – 688 с.
11. Ендовицкий, Д.А. Анализ и оценка кредитоспособности заемщика: учеб.-практ. пособие / Д.А. Ендовицкий, И.В. Бочарова. – М.: Кнорус, 2010. – 495 с.
12. Костюкова, С.Н. Совершенствование методики расчета показателей эффективности бизнес-плана в строительстве // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 5. – С. 98–104.

Поступила 05.04.2016

DIRECTIONS OF IMPROVING THE METHODOLOGICAL SUPPORT FOR THE CREDIT ASSESSMENT OF CONSTRUCTION ORGANIZATIONS BY BANKS

I. OKUNEV, S. KOSTJUKOVA

The essence of the concept “creditworthiness” as interpreted by different scholars, goals, objectives and stages of its evaluation. The technique of the analysis of break-even activity of the building organizations, taking into account the peculiarities of such as the duration and urgency of the construction process. On its basis, a new classification of construction companies on the date of the annual compensation of fixed costs, allowing contractors to rank their level of business activity. Methods of break-even analysis is harmonized with the methodology for the credit assessment of corporate clients, belonging to the kind of economic activity “Construction”. This fact will allow to further explore the real creditworthiness of building organizations and reliably determine the acceptable level of reliability. As a result, the bank will be able to significantly reduce its credit risks.

Keywords: *creditworthiness, risks, banks, construction companies, features of functioning, profitability, and methodological support.*

УДК 336

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ТЕОРЕМА «О ЕДИНОМ (КОЛЛЕКТИВНОМ) ЦЕНТРАЛЬНОМ БАНКЕ?»

д-р экон. наук, проф. В.В. КОЗЛОВСКИЙ
(Полоцкий государственный университет);

д-р экон. наук, проф. В.Г. ЧАПЛЫГИН
(Высшая Банковская школа (Гданьск, Республика Польша))

Рассматривается механизм функционирования Центрального банка платежного союза. Анализируются перспективы создания Евразийского экономического союза в параметрах теории оптимальной валютной зоны. Показано, что в современных условиях страны-члены должны адекватно оценивать ситуацию в мире и должны быть готовы к координации необходимых корректирующих действий. Сделан вывод о том, что возможность получения или неполучения положительных конечных результатов от создания кредитно-валютных объединений в большой степени зависит от достижения оптимального сочетания целей, методов и средств их достижения.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз, перспективы создания, Центральный банк, платежная система, оптимальная валютная зона.*

Введение. В современных условиях формирования VI информационного уклада мегаэкономики, когда мир стал свидетелем введения на территории стран ЕС формирования высшей формы интеграции создания платежного союза на основе единой валюты еуро, в академических кругах не затихает дискуссия о перспективах функционирования созданной «зоны еуро» и ее воздействия на мегаэкономику. Отметим, что область познания в вопросе о «зоне еуро» многоаспектна и, подключаясь к данной дискуссии, необходимо точно обозначить сферу именно собственных научных интересов, так как неспособность сформулировать вопросы может привести к еще большей путанице. В данном случае вопрос, который мы хотим обозначить, – это вопрос о существовании теоремы «О едином (коллективном) центральном банке», призванной, по-нашему мнению, объяснить, почему при создании кредитно-валютного объединения делается выбор в пользу единого центрального банка, а не в пользу резервной системы как управляющего и координирующего органа.

Современная экономическая наука часто принимает за аксиомы те утверждения, которые на самом деле требуют наличия четких и логически обоснованных доказательств. В частности, на веру принимаются высказывания, способные перестроить уже, казалось бы, устоявшийся экономический порядок. С одной стороны, подобные утверждения в состоянии придать некую видимую стабильность проводящемуся экономическому курсу, с другой – нанести колоссальный урон государствам в результате своей изначальной ошибочности. С нашей точки зрения, не существует некоего заранее строго определенного алгоритма решения возникшей экономической задачи, каждая такая задача индивидуальна и должна решаться с учетом экономико-политических реалий.

Интеграционные процессы (в том числе и процессы интеграции кредитно-валютной сферы) стали реалиями не только в странах ЕС, но и вышли на повестку дня в республиках бывшего Советского Союза. В этой связи логичным ходом видится возможность применения здесь уже накопленного опыта валютно-финансовой интеграции таких кредитно-валютных объединений, как ЕС, государства Северной Америки и стран Юго-Восточной Азии (существует гипотетическая возможность рассмотрения денежно-кредитной системы Евразийского экономического союза через призму теории оптимальной валютной зоны, и методы экономических исследований позволяют нам это сделать). Заметим, что органы управления платежных союзов различны как по природе своего возникновения, так и по выполняемым функциям. В системе Экономического и валютного союза стран ЕС это единый центральный банк, в США – федеральная резервная система. Рассматривая механизм функционирования и применяемые инструменты, возникает законный вопрос: какая из заявленных структур работает эффективнее и по какому пути могло бы развиваться кредитно-валютное сотрудничество между независимыми государствами на экономическом пространстве бывшего Советского Союза? Среди экономистов доминирует точка зрения о необходимости создания в дальнейшем межгосударственного (т.е. единого центрального) банка, а необходимость координации межгосударственной денежно-кредитной политики подводит нас к вопросу о том, какой уровень координации необходим для удовлетворительного функционирования процесса регулирования межгосударственной денежно-кредитной системы? Так, ряд исследователей [1; 5; 10 и др.] считает, что существует необходимость в создании наднациональной власти для обеспечения единообразной политики центрального банка и бюджетной политики. В то же время некоторые [2; 8 и др.] утверждают, что ликвидация ограничений на движение капитала и объединение рынков капитала будет достаточным для

того, чтобы движение капитала выполняло свою уравнивающую роль. Но существует ли теорема о едином (коллективном) центральном банке? Каковы должны быть предпосылки для создания данного банка в параметрах Евразийского экономического союза?

Действительно, известные теории [6] ничего не говорят о «едином центральном банке». Нам же видится, что происходит некая путаница между такими категориями, как «единый центральный банк» и «единый (коллективный) орган управления кредитно-валютным объединением». Считается, что реализацией государственной денежно-кредитной политики должен заниматься исключительно центральный банк. Заметим, однако, что денежно-кредитная политика «охватывает» собой не только регулирование кредитно-денежным обращением, но и контроль за состоянием бюджетно-налоговой сферы, в современных условиях охватывая все стороны устойчивого экономического развития.

По нашему мнению, реализацией курсовой (валютной) политики и развитием системы институтов финансового посредничества в кредитно-валютном союзе (КВС) в равной степени могут заниматься как единый (коллективный) центральный банк, так и любой иной орган, на который будет возложена обязанность реализации основных направлений наднациональной денежно-кредитной политики. Интереснее и намного сложнее обстоит дело с реализацией бюджетно-налоговой политики (а если быть точнее, то с обеспечением механизма бюджетного федерализма интегрированных стран). Именно бюджетный федерализм является тем инструментом, использование которого позволяет выравнивать показатели межстрановой бюджетной обеспеченности, что даст возможность ускорить процессы межрегиональной экономической конвергенции. И здесь уже единый центральный банк должен будет наделяться такими функциями, которые бы позволили ему реализовывать политику бюджетного федерализма интеграционной группировки. Однако, как известно, подобная функция не является основной функцией центрального банка (центральные банки не могут по своему собственному усмотрению перераспределять финансовую помощь от одной, более «сильной» территории, другой).

Механизм бюджетного федерализма для США достаточно хорошо изучили Х. Сала-и-Мартин и Дж. Сакс [12]. В Соединенных Штатах Америки более бедные по сравнению с другими штаты автоматически получают поддержку из федерального центра в форме пособий по социальному обеспечению и других трансфертных платежей, которые, в конечном счете, берутся из налогов, уплаченных налогоплательщиками других штатов. В отличие же от США, ничего похожего в странах Евросоюза создано не было (здесь не стоит путать понятие «бюджетного федерализма» и «структурных платежей» от богатого партнера бедному). На самом деле межбюджетные трансферты в таких масштабах, как в США, были и остаются несбыточными для Европейского Союза, так как общий доход центральных органов ЕС до сих пор составляет лишь малую долю суммарного ВВП стран ЕС. Таким образом, бюджетный федерализм, способствующий успешному функционированию американской валютной зоны, несмотря на экономическое разнообразие регионов США, в ЕС практически отсутствует (в этом и заключается одно из кардинальных отличий американской многорегиональной валютной зоны от европейской). Новая Европа облегчила себе задачу (по причинам, пожалуй, больше политическим, нежели экономическим), пойдя по пути создания различных фондов, призванных способствовать нормальному развитию экономики сообщества. Встает вопрос: почему, несмотря на видимые изъяны, Евросоюз пошел по пути создания множества различных фондов, а не одного, например, крупного? Ответ достаточно прост – ЕС никогда не обладал такой системой принятия экономических решений, которая позволила бы этому объединению производить распределение финансовых ресурсов с такой же эффективностью, как это делали и делают США, но чтобы минимизировать потери в деньгах и во времени, ЕС придал всем создаваемым фондам достаточно узкую специализацию. Не стоит, однако, забывать о том, что, во-первых, американская система намного старше европейской, во-вторых, на «бюджетное выравнивание» сильно влияет наличие в обращении единой валюты, которая выполняет функцию обеспечения бесперебойного перелива средств, в том числе и бюджетных.

При рассмотрении проблемы бюджетного федерализма на экономическом пространстве бывшего Советского Союза следует отметить, что «бюджетный федерализм» находит свое практическое воплощение в *российско-белорусском экономическом союзе* [5]. В то же время стоит проводить различие между «бюджетным федерализмом» и «общесоюзным бюджетом». В настоящее время бюджет союзного государства – это не что иное, как свод защищенных статей (оборона, органы управления союзным государством и т.д.). Рассматривая постатейно бюджет союзного государства, обратим внимание, что в нем отсутствуют статьи «поддержки» (иными словами, в общесоюзном бюджете не предусмотрены средства на создание условий, способствующих выравниванию экономического развития различных регионов России и Беларуси, которые в условиях нового информационного уклада мегаэкономики являются достаточно важными [3]). По нашему мнению, иницируя процесс образования российско-белорусского кредитно-валютного союза между двумя государствами, уже на подготовительных этапах должны быть разработаны механизмы поддержки экономического развития регионов (через создание действенной системы бюджетного федерализма) и обеспечения сходимости уровней экономического развития различных регионов Российской Федерации и Республики Беларусь.

На первый взгляд покажется абсурдным увязывать вопросы межгосударственного (межрегионального) экономического развития с вопросом о едином органе денежно-кредитного регулирования. Не останавливаясь подробно на вопросах асимметричного воздействия идиосинкразических шоков на экономическое развитие регионов (стран), отметим, что применяемые сегодня методы реализации денежно-кредитной политики не являются универсальными (результат от их воздействия – различен по регионам). Должен быть сформирован такой универсальный орган управления, который бы имел действенную возможность комбинирования монетарных и директивно-политических методов управления экономическим развитием объединения.

Принимая во внимание то, что в современном мире право реализации основных направлений денежно-кредитной политики кредитно-валютных объединений принадлежит, обычно, единому (коллективному межгосударственному) органу, попытаемся выяснить, какая организационно-институциональная форма должна этому органу соответствовать? На наш взгляд, речь может идти либо о едином (коллективном) центральном банке, либо об общесоюзной резервной системе (федеральном резервном банке). Евросоюз (валютная зона euro) пошел по пути построения Европейской системы центральных банков, во главе которой находится Европейский центральный банк, главной задачей которого является разработка универсальной денежно-кредитной политики объединения. Соединенные Штаты Америки (валютная зона usd) имеют Федеральную резервную систему, в состав которой входят резервные банки (в США увеличение предложения денег в стране вызывает обесценение её валюты на международном валютном рынке и наоборот). Несмотря на определенное сходство иерархической структуры этих кредитно-валютных объединений, между ними существует и ряд кардинальных различий: Федеральная резервная система США гибче, чем единый (коллективный) центральный банк, способна реагировать на воздействие внешних шоков; может обеспечить требуемый уровень предложения денег в экономику.

Особо следует отметить, что единый (коллективный) центральный банк не в состоянии обеспечить действительное эффективное управление единой денежно-кредитной системой кредитно-валютного союза. В системе асимметричных экономик (каковыми сегодня являются экономики бывших советских республик) необходимо обязательное соблюдение баланса экономических интересов. А действительно работающий механизм совмещения подобных интересов легче, на наш взгляд, выстроить в Резервной системе. Нелишним аргументом будет здесь и наше обращение к «триединству целеполагания», когда финансовым властям различных государств хотелось бы и денежно-кредитной независимости, и комплексности финансовой интеграции, и стабильности валютного курса [5]. Единому (коллективному) центральному банку, даже если он будет включать в себя национальные банки интегрирующихся государств, все равно будет трудно преодолеть задачу «триединства», вследствие чего эффективность создания подобного органа снизится многократно. Природа создания резервной системы позволит ей не то чтобы полностью, но хотя бы частично принимать во внимание и учитывать пожелания (т.е. требования сторон), что найдет отражение, с одной стороны, в согласованности действий банков-членов резервной системы, с другой – позволит реализовывать единые направления денежно-кредитной политики объединения.

Таким образом, опираясь на вышеизложенное, приходим к выводу, что не существует теоремы о едином (коллективном) центральном банке, который бы мог рассматриваться в качестве единственно возможного органа, способного учитывать разнонаправленность интересов стран-участниц кредитно-валютного союза. Окончательный выбор институционально-правового устройства объединения, по нашему мнению, предопределяет и организационное устройство органа, ответственного за реализацию коллективной денежно-кредитной политики, способного использовать инструменты государственного и рыночного регулирования денежного обращения в их оптимальном сочетании.

Межгосударственная денежно-кредитная интеграция: оптимальная валютная зона «до» и «после». Экономическая теория и экономико-математическое моделирование важна тем, что при желании применяемые в них методы исследования (научного познания) позволяют расчленить до мельчайших долей любое экономическое событие. По нашему мнению, в современном мире не существует сколько-нибудь унифицированных путей развития интеграционных процессов. Говоря об интеграции кредитно-валютной, представляется возможным задать следующим вопросом: может ли государство инициировать (либо подчиняться инициативе) создание кредитно-валютного объединения (в таком случае речь, должно быть, идет о создании оптимальной валютной зоны), если это же государство внутри себя таковой оптимальной валютной зоной не является? Можно ли задать вопросом о том, является ли Россия оптимальной валютной зоной, и может ли она инициировать процесс создания открытого российско-белорусского кредитно-валютного союза, если она таковой не является? Представляется, что ответить однозначно на поставленный вопрос не представляется возможным, так как сегодня нет качественных работ экономического плана по исследуемой проблематике. Более того, можно ли использовать теорию оптимальной валютной зоны в качестве некой отправной точки для анализа? Удовлетворение транзитивных экономик интегрирующихся государств четырем классическим критериям теории оптимальных валютных зон еще не является подтверждением возможности (или необходимости) создания де-факто межгосударственного

кредитно-валютного союза. Но если постулатов классики недостаточно, что может предложить экономическая теория переходной экономики?

Логичнее, по нашему мнению, отталкиваться от общепринятой целевой установки любого кредитно-валютного союза: минимизация трансакционных издержек и валютных рисков. Каждое государство стремится обезопасить и себя, и экономических агентов, действующих в национальной экономике, от различного рода неприятностей, но что должно двигать государством на пути принятия решения об отказе от национальной валюты или перехода к коллективной валюте ради достижения стабильности в кредитно-валютной сфере? Считаем, что одной из причин, влияющих на отказ государства от национальной валюты в пользу новой валюты (коллективной или иностранной), является несоответствие этого государства критериям теории оптимальных валютных зон внутри самого себя.

Сегодня, когда актуализировался вопрос создания российско-белорусского кредитно-валютного союза, вопрос о соответствии или несоответствии России критериям оптимальной валютной зоны также должен представлять интерес для денежных властей обеих стран. Почему именно Россия? Во-первых, колоссальная дифференциация в региональном развитии. А уровень экономического развития территорий влияет на способность этой же, в нашем конкретном случае «экономической единицы», реагировать на воздействие внешних шоков (пусть даже этот шок будет вызван действиями центральных властей). Исследования указывают на различия в реакции российских территорий на внешние воздействия (сокращение или увеличение регионального валового продукта, уровень инфляции и т.д.). К сожалению, мы не в состоянии комплексно численно определить степень подобной дифференциации, в то время как калькуляция разрозненных данных желаемых результатов не дает. Более того, невыполнение в России на протяжении долгого времени такого критерия теории оптимальной валютной зоны, как «достаточный уровень межрегиональной миграции рабочей силы (населения)», свидетельствует о том, что единая внутрироссийская рублевая зона не в состоянии этот уровень повысить до достаточного. Тем не менее говорить о том, что Россия не является оптимальной валютной зоной, нельзя. Проблема заключается, на наш взгляд, в том, что российский рубль по существу не выступает в качестве единой валюты, что опять же определено следствием неравномерности территориального развития. Единый рубль Российской Федерации существует только в системе Центрального банка, но как только происходит эмиссия либо наличных (безналичных), либо кредитных рублей, каждый рубль как бы «обособляется» на своей территории. Возможным выходом из сложившейся ситуации может стать переход к общероссийской резервной системе, которая, как представляется, сможет эффективнее регулировать денежное обращение государства. Подобные действия приведут к тому, что общероссийское экономическое пространство станет больше походить на оптимальную валютную зону, а это значительно облегчит задачу формирования кредитно-валютного союза России с любым государством (мы специально не рассматриваем порядок действий в государстве-партнере России по критериям валютной сходимости, так как это государство автоматически будет иметь возможность стать членом уже Общесоюзной резервной системы).

Однако многовариантность валютно-финансовой интеграции все же допускает, что в основу кредитно-валютного союза войдут государства даже отдаленно не напоминающие оптимальную валютную зону внутри самих себя. Будет ли в таком случае критерий валютной сходимости оптимальной валютной зоной изначально, или единая (коллективная) валюта выровняет экономическое развитие стран-участниц так, что в конечном итоге объединение станет удовлетворять критериям оптимальной валютной зоны? Теория не дает однозначного ответа на поставленный вопрос, в связи с чем можно делать только условные предположения о ходе развития событий. Но выход из создавшейся ситуации найти можно, для чего требуется найти «общий знаменатель» порядка интеграции. Это может быть и цена, которую участники будущего кредитного валютного союза обязаны заплатить за подтягивание национальных экономик к установленным критериям конвергенции, и скорость (сроки) образования кредитного валютного союза, к которым объединение должно быть осуществлено, и т.д. Приоритетность достижения целей определяется государствами на взаимовыгодной и взаимосогласованной основе, тогда как уровни подобной приоритетности будут индивидуальны в каждом объединении.

Валютно-кредитная интеграция постсоветского экономического пространства (в рассматриваемом примере Россия – Беларусь) в своем развитии приближена к классическому способу образования кредитного валютного союза. Однако недопонимание различий между кредитным валютным союзом и оптимальной валютной зоной приводит к различной трактовке целей и задач, ставящихся перед подобными объединениями. Кредитно-валютный союз может быть сформирован из асимметричных экономик, тогда как оптимальная валютная зона, напротив, является средоточием симметричных (гармонично дополняющих одна другую) экономических систем. На практике же кредитно-валютный союз может не являться оптимальной валютной зоной, но оптимальная валютная зона всегда будет иметь возможность перехода на высшую стадию экономико-политической интеграции – кредитно-валютный союз. Считаем, что рассмотрение процесса формирования (создания) российско-белорусского кредитно-валютного объедине-

ния не совсем корректно проводить через призму теории оптимальной валютной зоны, в связи с чем необходимо применение особого инструментария моделирования подобного интеграционного процесса. Параметры экономической конвергенции, несомненно, должны быть установлены, но их выполнение (или невыполнение) не должно кардинальным образом повлиять на желание двух государств создать полноценное кредитно-валютное объединение¹. Таким образом, порядок (регламент) сходимости подменяет собой критерии сходимости, что, с одной стороны, значительно упрощает процедуру формирования межгосударственного кредитно-валютного союза технологически, с другой – требует разработки действенного механизма контроля выполнения всех этапов его создания. Тем не менее полный отказ от установления критериев конвергенциальности представляется неоправданным, ибо требование сходимости экономик являет собой требование соблюдения экономической дисциплины.

Единая (коллективная) валюта будет способствовать ускорению трансформации кредитно-валютного союза в оптимальную валютную зону, причем подобное развитие событий является, на наш взгляд, предпочтительным для российско-белорусского кредитно-валютного союза, так как взаимодополняемость национальных экономик в сочетании с общей валютой в состоянии с течением времени нивелировать дифференциацию в экономическом развитии обоих государств (способность единой (коллективной) валюты сблизить уровни экономического развития доказана и детально описана в западной экономической литературе) [13]. Но вопрос на самом деле в другом. Будет ли единая (коллективная) валюта способствовать созданию оптимальной валютной зоны (иными словами, произойдет ли усиление весов её критериев благодаря введению в обращение единой валюты)? Представляется, что решение обозначенной проблемы лежит уже не только в плоскости денежно-кредитного регулирования экономики, но и в сферах таможенного, торгового, промышленного, налогового регулирования. Если рассматривать сущность единой валюты кредитно-валютного союза, то она будет заключаться в исполнении классических (причем всех без исключений) функций валюты и, что немаловажно, должна служить в качестве международного платежно-резервного средства, иначе у государства-потенциального участника кредитно валютного союза исчезнет основной стимул – единая валюта не сможет снизить трансакционные издержки, либо достигнутый уровень их снижения будет недостаточным (неудовлетворительным). И здесь мы должны констатировать, что, приступая к созданию кредитно валютного союза, необходимо четко представлять шаги по обеспечению механизма приемлемости единой (коллективной) валюты во всех его частях (сегодня на экономическом пространстве гипотетического российско-белорусского кредитно-валютного союза по существу действует система мультивалютного обращения. Для России это рубль и доллар, для Беларуси – белорусский рубль, российский рубль и доллар. Было бы нелогично стремиться к созданию валютной группировки на базе российского рубля, не вытеснив из хозяйственного оборота третью валюту). Реально понятие изменчивости более применимо к роли, которую играет каждая из функций денег во всем богатстве их взаимосвязей и проявлений.

Констатация факта введения в обращение единой валюты еще не означает факта образования не только оптимальной валютной зоны, но и кредитно-валютного союза. Потребительная стоимость новой общей валюты изначально должна быть выше прежней, то есть совокупная ценность привнесенных преимуществ должна перевешивать совокупность преимуществ уже имеющихся, иначе ни одно государство, даже исходя из неэкономических целей, в валютную интеграционную группировку войти не станет. Касательно российско-белорусского кредитно-валютного союза отметим, что, несмотря на близость двух государств, говорить о введении в обращение единой (коллективной) валюты преждевременно, так как до сих пор не обозначены ни цели данного объединения, ни пути их достижения. Не будем также забывать, что в эпоху всесторонней интеграции и глобализации обостряется борьба за сферы доминирования национальных валют, в связи с чем российскому рублю придется отстаивать свои намерения распространить зону своего влияния на Беларусь (данное предположение исходит из теории конкурентной валюты, прошедшей успешную апробацию во всех странах постсоветского пространства).

Проведенный нами анализ свидетельствует о невозможности однозначного утверждения о том, должно ли государство, стремящееся создать кредитно-валютный союз с другим государством, представлять собой оптимальную валютную зону? В то же время анализ со всей очевидностью показал, что стандартные критерии оптимальных валютных зон малоадекватны складывающейся в современном мире ситуации, в связи с чем и экономическая теория, и теория оптимальной валютной зоны в частности нуждаются в новых экономических разработках.

¹ Близкая по своей природе ситуация складывалась между ГДР и ФРГ. Предположим, что власти обоих государств пошли бы по пути установления пусть не жестких, но все же требующих исполнения критериев сходимости. На сколько лет, согласно теории экономической динамики и экономической конвергенции, мог бы тогда растянуться процесс взаимной адаптации? 20–30–40 лет? Но не будем забывать, что единая валюта сама по себе способствует (пусть даже косвенно) ускорению процесса экономической сходимости.

Теория оптимальной валютной зоны в системе асимметричных экономик. Для ответа на вопрос о том, какие критерии оптимальных валютных зон могут и должны быть установлены для системы асимметричных экономик, необходимо ответить на ряд редко поднимающихся в экономической литературе вопросов:

1. Что такое «система асимметричных экономик» и каковы ее отличительные признаки?
2. Правомерно ли применение стандартного инструмента исследования применимости (неприменимости) классических экономических теорем в системе асимметричных экономик?
3. Каковы критерии оптимальной валютной зоны в системе асимметричных экономик?

Затрагивая проблему асимметричности межгосударственного экономического развития, по нашему мнению, следует остановиться на таком понятии, как «экономический модуль» – показатель, характеризующий равновесное состояние системы. В общем и целом любую экономическую систему можно описать совокупностью «экономических модулей», вводя дифференцированные поправочные коэффициенты. Таким образом, чем больше подобных поправочных коэффициентов (и чем они существеннее) приходится использовать при сравнении экономик различных стран, тем большее расхождение в межгосударственном экономическом развитии мы наблюдаем. Необходимо, однако, отметить, что подобные расхождения могут быть различны по самой природе своего возникновения: выделяются расхождения структурные и расхождения в темпах развития. Отсюда, к абсолютно асимметричным экономическим системам мы относим экономический союз (в самом широком смысле) государств, где одновременно наблюдаются оба вида расхождений. Согласно теории экономической конвергенции страна, имеющая конкурентные преимущества перед другой страной, имеет возможность наращивать это конкурентное преимущество, а как следствие, в союзе асимметричных экономик может произойти колоссальная дифференциация как в темпах, так и в уровнях национального экономического развития. Считаем, что одного единственного расхождения быть не может, их должно быть или два, или не быть вообще. Соответственно, экономический союз, где расхождения либо нулевые, либо незначительные, можно отнести к симметричным экономическим системам.

Инструментарий экономических исследований и возможность его применения в асимметричной системе: применительно к теории оптимальной валютной зоны не существует какого-то либо однозначного ответа на поставленный вопрос, так как если посмотреть вглубь данного учения, мы не обнаружим теоремы об оптимальной валютной зоне, а следовательно, не будет (и не существует) стандартных методов ее доказательства. Тем не менее говорить об отсутствии подобного инструментария не совсем корректно.

Со времен Курта Геделя, доказавшего в начале 30-х годов свои знаменитые теоремы о неполноте, ведет начало новая эра в научном познании, в теоретическом и практическом освоении мира. Императив полноты знания постепенно уступает место императиву целостности; анализ – синтезу; аспектное, предметно-ориентированное видение сущности вещей – проблемному; частно-дисциплинарное, узкоспециализированное, профильное – системному, общенаучному, интердисциплинарному его освоению, интегральному измерению действительности.

В контексте сказанного становится понятно, почему самодовлеющей эпистемой² культуры дня сегодняшнего и предметом изучения становится «архетип целостности», который в двойном плане вызывает необходимость более активного освоения феномена *отношения*: с одной стороны, как инструмента познания, посредством которого можно эффективно производить «структурные срезы» с познаваемых объектов (гносео-методологический аспект), с другой – как естественно осуществляющейся в природе формы, или своего рода структурной матрицы-подложки, способной наполняться самым различным материалом, а также как способа организации собственного (внутреннего) пространства систем реального мира (онтологический аспект).

Классическая наука воплощает аналитическую мощь возможностями классического вывода. Оснащенная целым арсеналом средств она позволяет расчленять материалы на обособленные друг от друга области. Методологически не явления образуют сущность, она сама лишь в них проявляется и не может быть сведена к сумме этих явлений. Иллюстрацией этой мощи служит умение классифицировать материал и тем самым раскрывать структуру реального. Эскалация научного анализа сделала полноту охвата материала самодовлеющим принципом или даже императивом познания. И уже на исходе времен торжества императива полноты, к объектам, к которым классические методы исследований напрямую оказывались неприменимыми, были изобретены другие приемы обеспечения если не полноты, то «разумной достаточности».

«Полнота есть характеристика объекта в аспекте его дифференцированности на части, тогда как целостность есть его интегральная характеристика» [9, с. 53]. Это значит, что размерность пространства внутренних степеней свободы всякой конкретной системы может быть расчленена на две размерности:

²Эпистема, как её характеризует Мишель Фуко, представляет собой «основополагающие коды любой культуры, управляющие её схемами восприятия, её обменов, её формами выражения и воспроизведения, её ценностями, иерархией её практик...» [11, с. 37].

одна размерность системы как расчлененного на части объекта равна числу выделенных в нем структурных подразделений, подсистем как его составных компонентов, или субъединиц; вторая характеризует мерность (качественные пространства). Первая ассоциируется с полнотой, вторая – с целостностью объекта. В отношении идеальных объектов целостность может быть констатирована практически всегда, так как разрозненной, раздробленной, половинчатой либо частичной сущности не бывает, тогда как полнота здесь практически недостижима, не состоятельна либо неадекватна: подобно тому, как ни одно понятие не исчерпывает сущности ни одного реального объекта, всякое представление о нем всегда неполно. Если полнота чаще всего выражается экстенциональными характеристиками, то целостность, напротив, интенциональными. Однако и в том и в другом случае есть нечто общее в операциональных средствах: к примеру, для выражения состояния развитости полноты и целостности уместно употребление понятия «степени». Но, выдвинув на первый план проблему целостности, адекватно сущности этой проблемы наука должна подтянуть также инструмент, орудия познания, составляющие ее понятийное и методологическое оснащение.

Гармония (симметрия) – это разнообразие, не минимальное и не максимальное, но оптимальное, проявляющееся в совокупности субъединиц или образующих целое частей элементов, связанных неким отношением как единством; это органичная взаимодополнительность вещей, соединение в мере противоположного, связанность разнородного; это состояние наибольшей слаженности частей в целом, взаимосоответствие структурных и функциональных атрибутов последнего; это кратность (соизмеримость) интегральных характеристик сложных формирований, согласованность субъединиц, масштабная соразмерность – объемов, удельных весов, концентраций, вкладов, участия, значимостей.

Гармонизация – это выработка механизмов скоординированности поведения противоречивых и разнообразных многих (единое в гармонизации не нуждается); пропорциональность скоростей и темпов соизменяемости синхронно работающих участников единого процесса или действия; встречная взаимоувязка – поиск общих начал, оснований, позиций, программ, стратегий, принципов. То, что на поверхности явлений, что вполне доступно взору и анализу, – не раскрывает всей природы гармоничности вещей. Необходимо погружение в глубокую их реальность, чтобы, преодолев порог индивидуальности каждой из них, выйти к совокупному эффекту единства и сопрягаемости их коллективного действия, которым пронизано их разнообразие. В действительности имеет место непрерывный рост сложности и разнообразия структур во всех сферах. Разнообразие организационных структур порождает и разнообразие целей развития. Значит, в принципе не может быть свободного развития, не ущемляющего развития других. Вот почему столь велика роль компромиссов, составляющих основу любой кооперации, любого гармоничного сосуществования.

В свете вышесказанного, используя понятийный аппарат экономической философии, попробуем сформулировать теорию оптимальной валютной зоны применительно к системе асимметричных экономик. Асимметричные экономики могут представлять собой оптимальную валютную зону, если каждая из экономик по отдельности удовлетворяет критерию целостности, а совокупность экономик – гармонии и полноте. Таким образом, проблема неопределенности и неполноты, присущая всей системе асимметричных экономик, приобретает абсолютно новое, качественное решение. По этому пути шли и продолжают идти многие государства, заинтересованные в развитии интеграционных процессов. Сходимость осуществляется не единомоментно, а на определенных уровнях, то есть существует некая этапность интеграции, в том числе и валютной. Если же перестать говорить об общетеоретических аспектах формирования оптимальной валютной зоны и перейти к жизненно необходимой конкретике, необходимыми и достаточными критериями оптимальной валютной зоны в системе асимметричных экономик, на наш взгляд, будут являться:

- 1) одинаковость или, по крайней мере, близость методов реализации основных направлений национальной денежно-кредитной политики, что будет в дальнейшем способствовать приемлемости общей (наднациональной) денежно-кредитной политики в государствах зоны;
- 2) достаточный уровень мобильности факторов в пределах зоны;
- 3) достаточный уровень открытости национальных экономик;
- 4) приблизительно одинаковая структура национальных экономик государств.

Учитывая видимую неоднозначность предлагаемых критериев, попытаемся их расширить.

(1) Единство методов реализации наднациональной денежно-кредитной политики вовсе не означает их обязательную приемлемость странами-членами валютной зоны. Единый орган управления (ответственный за реализацию наднациональной ДКП) должен применять общую стратегию по отношению ко всем странам-членам зоны, но это отнюдь не означает обязательства применения им общей тактики.

(2) Труд, капитал, предпринимательские ресурсы и товары, обладая достаточной свободой обращения в пределах интеграционной группировки, потребуют введения единой валюты (произойдет выравнивание цен на факторы), в то время как мультивалютное обращение только снизит мобильность факторов.

(3) и (4) Достаточный (но не обязательно одинаковый) уровень открытости и однородность структур национальных экономик государств будут способствовать формированию единой валютной зоны, так как не будет необходимости подведения «общего знаменателя» под интеграционную группировку на этапе ее формирования (п. 3 и 4 являются, на наш взгляд, некими детерминантами симметричности экономических систем государств, образующих валютную зону):

- при прочих равных условиях свободное движение рабочей силы в рамках общего экономического рынка будет способствовать снижению разницы в оплате труда между государствами-членами объединения;
- на объединенной территории все предприятия должны иметь доступ к кредитным ресурсам на равных условиях, капитал должен иметь возможность свободного перемещения. С высокой долей уверенности можно утверждать, что создание единого экономического пространства изменит оценку значения нематериальных благ в отношении движения капитала в гораздо большей степени, чем в отношении движения трудовых ресурсов;
- именно «достаточный уровень» открытости национальных экономик стран-членов объединения позволит с большей эффективностью применять единые методы реализации наднациональной ДКП (в тоже время при имеющихся различиях в финансовых и банковских структурах стран-участниц союза нет необходимости переходить к применению одинаково жестких мер в национальных экономиках после создания союза).

Тем не менее мы не можем не учитывать уже проведенных исследований в области теории оптимальной валютной зоны, в частности работу профессора Р. Триффина [14], где он различает следующие шаги, ведущие к введению единой (коллективной) валюты (то есть формулирует определенные постулаты образования валютной зоны):

- легализация использования общей денежной единицы при подписании контрактов;
- принятие новых национальных денежных единиц, независимых, но равноценных;
- свободное внутризонаное (внутрисоюзное) движение национальных валют;
- установление единого порядка формирования валютных курсов.

Однако отметим, что данные предложения несут практическую направленность, затрагивают большей частью технические вопросы формирования валютного объединения, в то время как критерии, которым должна удовлетворять валютная зона, формируемая в системе асимметричных экономик, многими исследователями не рассматриваются вообще.

Методологические аспекты определения целей создания кредитно-валютных объединений. Проводимые исследования позволяют выявить значительную сложность и внутреннюю противоречивость «цели» как категории. Приняв за основу определение цели как идеально деятельностью мышления положенного результата, для достижения которого предпринимаются те или иные виды практической деятельности, и рассмотрев его, выделим ряд моментов, указывающих на всеобъемлющую противоречивость данной категории:

- противоречивость характеристик цели находит свое выражение в том, что цель имеет две стороны – объективную и субъективную. Объективность цели рождена объективной действительностью и отражает объективные закономерности, субъективность же связана с тем, что цель кем-то определяется;
- цель и абсолютна, и относительна. Абсолютность заключается в том, что деятельность кого-либо всегда является целеполагающей. Относительный характер цели проявляется в том, что не существует раз и навсегда заданных и неизменных целей (текучесть целеполагания), с другой стороны, относительность цели состоит в ее тесном взаимодействии со средствами ее достижения;
- понятие цели двойственно по своему определению. Она одновременно является и заранее мыслимой деятельностью, и в то же время результатом этой деятельности. В случае конкретных и реальных ситуаций необходимо оговаривать, в каком смысле на данном этапе используется понятие цели. Для устранения подобной неопределенности обычно проводится разграничение собственно цели на цель-деятельность и цель-стремление.

Цель-деятельность более конкретна, поскольку отвечает на вопрос «что в итоге должно быть получено?» и выражает априорное представление о результате непосредственной, ограниченной рамками определенного интервала времени и пространства деятельности. В свою очередь, цель-стремление дает ответ на вопрос «Зачем нужно достигать того или иного результата?», отражает представление о желаемой и идеальной цели как о некотором общем благе и носит абстрактный характер.

Применительно к кредитно-валютным объединениям, наличие подобной двойственности оказывает значительное влияние на взаимосвязь между самой целью существования кредитно-валютных объединений и средствами их создания. Всё это находится в тесной связи с объективно существующей сложностью, изменчивостью и противоречивостью экономических процессов. Состояние экономики и процесс ее развития объективно невозможно выразить однозначно. Многомерность и многогранность экономических отношений находит свое выражение во множестве показателей и целевых установок, в связи с чем необходимо четко их фиксировать, определять соотношение и иерархию, и только в этом случае можно избежать смешения различных по своему положению целей и отождествления со средствами их достижения.

Развитие любого кредитно-валютного объединения неизбежно характеризуется множественностью целей. Ориентация одновременно на несколько целей объясняется прагматичным подходом к реализации такой межгосударственной экономической политики вообще и денежно-кредитной в частности, которая обеспечивает необходимую гибкость и учёт складывающейся в тот или иной период социально-экономической ситуации. В то же время постановка одной единственной цели осуществляется намного проще и создает более определенную ситуацию, однако чревата потерей доверия к политике в случае принятия неверного ориентира деятельности или неудачной её реализации. При этом не следует сбрасывать со счетов и то, что в случае множественности целей существует возможность одновременного определения соответствующих обстановке приоритетов, причем в случае необходимости допустимы их изменения. Приоритетность той или иной цели, ставящейся перед формирующимся кредитно-валютным объединением, должна определяться не только тем, какая обстановка сложилась в экономике в тот или иной период времени, но и тем, что мы хотим получить в первую очередь от создаваемого объединения.

Таким образом, понятие множественности целей можно трактовать по-разному. В узком смысле оно предполагает одновременную ориентацию на несколько целей. В более широком к нему следует добавить варианты частой смены формально единственных целевых ориентиров или же изменения приоритетов, вызванные действием различных внутренних и внешних факторов. Множественность целей обусловливает наличие противоречий и конфликтов между ними, возникновение которых возможно по следующим причинам:

- сама формулировка конкретной цели содержит элемент неопределенности, что связано с различными представлениями о целях;
- существование множественности интересов;
- выполнение одной цели способно затормозить выполнение другой либо сделать этот процесс невозможным.

В связи с этим на первый план выдвигается проблема соотнесения и субординации конкретных целей, то есть определения их местоположения в общей системе целевых ориентиров.

Проведенный анализ различных вариантов классификации целей, стоящих перед кредитно-валютными объединениями показал, что в настоящее время однозначной классификации подобных целей (экономического целеполагания) не существует. Процесс установления целевых ориентиров кредитно-валютных объединений является отражением существующих объективных возможностей экономико-политических систем стран-участниц и представляет собой сложную процедуру вследствие существования множественности целей. На верхнем уровне иерархии целей находится высшая цель (обеспечение стабильности денежного обращения с введением единой валюты), занимающая центральное место в системе целей объединения. Данная цель имеет право на существование применительно к развитию всего сообщества, то есть, в рамках не только экономических, но и других отношений. В связи с этим высшая цель может быть определена как цель, отражающая направления социально-экономического развития объединения в целом. Выделение понятия высшей цели как отдельного элемента во многом связано ещё и с тем, что общественному развитию присуща целая совокупность различных устойчиво направленных изменений и процессов, которые завершаются достижением определенных результатов, фиксируемых понятиями соответствующих видов социально-экономических целей. На следующем уровне иерархии стоят конечные цели (инфляция, занятость, заработная плата), имеющие довольно общее содержание и совпадающие с целями межгосударственной экономической политики в целом. Конечная цель – это цель, определяемая для относительно длительного временного периода, выражающая в основном интересы микроуровня на данном этапе, и подчиняющая себе все остальные цели и действия как средства.

Поскольку все целевые ориентиры экономической политики стран-участниц кредитно-валютного объединения направлены на достижение конечных целей, то в этом смысле общие цели можно определить не только как конечные цели экономической политики в целом, но и как некие конечные цели. Как правило, конечные цели не могут быть достигнуты сразу хотя бы потому, что для их реализации нет готовых средств. Соответственно, встает задача создания таких средств. При этом последние становятся промежуточными целями. Достигнуть сразу поставленные промежуточные цели мы также не можем по ряду причин. Одной из них служит значительная сложность взаимозависимостей экономических переменных, отсутствие необходимых средств экономико-математического моделирования. С этой точки зрения промежуточная цель может использоваться в качестве средства достижения некоего компромисса при формировании объединения. Другая причина заключается в том, что даже профессионалы, как правило, не обладают достаточно полной информацией для принятия оптимального (комплексного) решения о кратчайшем пути достижения основных (конечных) целей, что способствует появлению оперативных целей. Ими как раз и становятся те цели, для реализации которых средства имеются в наличии. Оперативные цели осуществляются при наличии уже выбранных конечных и промежуточных целей. Без соглашения об основных целях применение конфликтных мер может противоречить проводимой политике в странах-членах объединения. Не вызывает сомнения, что важнейшей долгосрочной целью является

экономический рост, хотя это и не означает, что координация политик, направленных на экономический рост, обязательно будет приоритетной. Более спорной является относительная важность равновесия платежного баланса, полной занятости и стабильных цен как неких политических целей, но в нашем случае выдвижение предположений о ранжировании этих целей не является некоей задачей, мы скорее подчеркиваем необходимость достижения договоренностей относительно приоритетных целей.

Заключение. В современных условиях, существует необходимость достижения согласия при оценке конкретных ситуаций и существующих тенденций. В первую очередь, страны-члены должны адекватно оценивать ситуацию в мире и должны быть готовы к координации любых корректирующих действий, которые необходимы. Более того, они должны отслеживать экономические изменения в союзе и действовать в унисон для предотвращения нежелательного развития. По предположению Р. Триффина [15], это будет сделано лучшим образом, если определять «гипотетический критерий». Принятый критерий может относиться к изменениям занятости, цен, денежных резервов, предложения денег и т.д., и должен применяться для того, чтобы приводить в действие консультационный механизм для определения политики, которой будут следовать в дальнейшем. Цель применения принципа взаимного согласования – избежание возможных отрицательных последствий односторонних действий. Так, например, недостаточно прийти к соглашению, что одна какая-то страна будет придерживаться антиинфляционной политики, должно существовать соглашение об общих мерах, которых необходимо придерживаться. Это вновь приводит нас к необходимости координации, которая может отчасти рассматриваться как частичный отказ от суверенитета. Но, отказываясь от права односторонне предпринимать какие-то меры, страна одновременно получает право ожидать, что другие страны будут воздерживаться от потенциально опасных односторонних действий. С другой стороны, эта гармония интересов несовместима с конфликтующими интересами в каждом отдельном случае (хотя координация политики и приводит к частичному отказу от суверенитета странами-членами, это не равнозначно созданию наднациональной власти, так как государства сохраняют свободу и самостоятельность действий во многих сферах экономики).

Заметим, что промежуточные и оперативные цели могут меняться местами, поскольку это связано с существованием различных вариантов общей экономической политики, ориентирующейся на разные цели в разнообразном сочетании и при частой смене приоритетов. Их единство заключается в том, что они направлены на достижение конечных целей. В то же время разграничение этих целей необходимо для формирования оптимальных вариантов политики, требующих четкого понимания места той или иной цели на ступенях соответствующей иерархической лестницы.

Отнесение различных видов целей к той или иной группе делает центральным вопрос о критериях, по которым происходит отбор целевых ориентиров. В частности, особое внимание следует обратить на критерии, предъявляемые к группе промежуточных целей. Объясняется это тем, что именно промежуточные цели непосредственно являются целями экономической политики, кроме того, занимая место между конечными и оперативными целями, несут в себе как бы двойную ответственность: служат целью для оперативных целей и в то же время средством для достижения конечных целей.

Кредитно-валютное объединение вообще, и любая его составляющая в частности могут быть определены как некоторая целеустремленная система, где предпринимаемый способ действия избирается в соответствии с определенным критерием, под которым понимается не только результат, возможный для рассматриваемого периода, но и возможный результат будущих ситуаций. Помимо этого, критерий в какой-то степени служит инструментом, вскрывающим конкретный характер связи между целью и средством. Однако понятия «критерий» и «критериальность» не получили в экономической науке общепринятого четкого определения и часто происходит отождествление критериев не только с показателями и факторами, но и с целями, различными ограничениями и т.п. (отождествление самостоятельных категорий происходит из того, что зачастую анализ сущности категорий подменяется вопросом их происхождения). Можно утверждать, что при существующем многообразии целей ни одна из них в отдельности не может рассматриваться в качестве пригодной в любых условиях, а потому часто необходим их синтез, и, соответственно, использование комбинированной (или смешанной) политики их достижения. Кроме того возможность получения или неполучения положительных конечных результатов от создания кредитно-валютных объединений в большой степени зависит от достижения оптимального сочетания целей, методов и средств их достижения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Годес, Н.В. Евразийский Платежный союз: теоретическая модель и перспективы ее применения. – Минск: Право и экономика, 2013. – 205 с.
2. Касцянок, В.М. Ператварэнне сацыялізма ў сусветную сістэму / В.М. Касцянок. – Мінск: Дзяржиздат, 1959. – 79 с.

3. Козловский, В.В. Обусловленность и пути выравнивания общей линии экономического и культурного развития европейских стран / В.В. Козловский. – Минск: Алгоритм, 1999. – 297 с.
4. Козловский, В.В. Общетеоретические аспекты валютно-финансовой интеграции в условиях VI информационного уклада мегаэкономики и формирования региональных валютных зон / В.В. Козловский, В.Г. Чаплыгин // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия Д. – 2015. – № 13. – С. 2–8.
5. Козловский, В.В. Общесоюзная резервная система стран СНГ – адекватный ответ на вызов глобализации / В.В. Козловский, В.Г. Чаплыгин // Экономика Белоруссии. – 2005. – № 3 (4). – С. 104–07.
6. Основы банковского дела. – Минск: Тесей, 1999. – 456 с.
7. Селищев, А.С. Финансовые рынки и институты Китая / А.С. Селищев, Н.А. Селищев, А.А. Селищев. – М.: Инфра-М, 2016. – 258 с.
8. Соболенко, И.А. Конкурентная среда свободных экономических зон / И.А. Соболенко. – Минск: Право и экономика, 2004. – 144 с.
9. Сороко, Э.М. Мера и гармония, полнота и целостность в синергетической методологии: к решению проблемы организации экологического мониторинга / Э.М. Сороко // Организация и управление. – 2001. – № 2 (6). – с. 46–55.
10. Ткаченко, С.Л. Платежный союз Бельгии и Люксембурга: исторический опыт и перспективы использования / С.Л. Ткаченко // Белорус. жур. Междунар. права и междунар. отношений. – 2004. – № 1. – С. 97–99.
11. Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М.: Дело, 1977. – 375 с.
12. Sala-i-Martin, Xavier Fiscal Federalism and Optimum Currency Areas: Evidence for Europe from the United States, in Matthew Canzoneri, Vittorio Grilli, and Paul Masson, eds. Establishing a Central Bank: Issues in Europe and Lessons from the US / Xavier Sala-i-Martin, Jeffrey Sachs. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
13. Swann, D. The Economics of the Common Market. – 6th ed. / D. Swann. – London: Penguin Books, 1988.
14. La monnaie et le marche commune – politiques nationales et integration regionale // Cahiers de l'Institut de Sciences Economiques Appliques. Serie R. – 1958. – № 3. – December. – P. 1–17.
15. Gold and The Dollar Crisis. – New Haven: Yale University Press, 1960. – P. 133–141.
16. Godes N.V., Zhuk, I.N. Choosing a proper scenario of the monetary development and financial integration in the EurAsEC // Olsztyn Economic Journal. – № 9 (3). – 2014. – pp.183 – 199.
17. Gorev, V. Adjustment of Corporate Strategy of a Manufacturing Company under Strategic Unexpectedness / N.V. Godes, I.N. Zhuk // The Advanced Science Journal CA USA. – 2014. – № 6. – P. 83–92.
18. 世界经济问题. – 北京C., 中国人民大学. – Пекин, 2011. – С. 190–193.

Поступила 08.04.2016

IS THERE A THEOREM “ON THE UNIFIED (COLLECTIVE) OF THE CENTRAL BANK”?

V. KOZLOVSKI, V. CHAPLYGIN

The mechanism of functioning of the Central Bank of the payment Union is examined. The prospects of creating the Eurasian economic Union in the parameters of the theory of optimum currency area are considered. It is shown that in the modern conditions, Member States should adequately assess the situation in the world and should be prepared to coordinate the necessary corrective actions. It is concluded that the possibility of receiving or not receiving the positive outcomes from the creation of credit and currency unions largely depends on achieving the optimum combination of objectives, methods and means of achieving them.

Keywords: Eurasian economic Union, the prospects for the creation, Central Bank, payment system, an optimal currency area.

УДК 330.1

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ И ИХ МЕСТО В ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ

НИГЯР КЕРИМЛИ ИЛЬГАР ГЫЗЫ

(Азербайджанский государственный экономический университет, Баку)

Анализируется правовое регулирование внебюджетных фондов и их место в финансовой системе Азербайджанской Республики. Отражены такие вопросы, как особенности правового статуса внебюджетных фондов, имеющих целевое назначение, группировка специальных фондов, фонды во Франции. В то же время в работе затронуты внебюджетные фонды, их особенности и место в финансовой системе.

Ключевые слова: *внебюджетные фонды, страхование, финансовые ресурсы, пенсионные фонды, негосударственные пенсионные фонды, налог, организации, индивидуальные предприниматели, доход.*

Внебюджетные фонды выступают одним из звеньев общественных финансов. Фонды – это форма перераспределения и использования финансовых ресурсов, привлекаемых государством для финансирования некоторых общественных потребностей и комплексно расходующихся на основе оперативной самостоятельности [1, с. 35]. Для внебюджетных фондов важно точное прогнозирование объемов средств этих фондов и четкое определение источников дохода, позволяющих контролировать целевое использование указанных финансовых ресурсов. Внебюджетные фонды являются важным элементом в общественной финансовой системе всех развитых стран мира.

Внебюджетные фонды – достаточно динамичный элемент финансовой системы. В отличие от госбюджета, они находятся в распоряжении специальных органов государственной власти. Поэтому по сравнению с бюджетом перераспределение между внебюджетными фондами и их использование осуществляется более оперативно. Кроме того, внебюджетные фонды создаются для реализации конкретных целей. Таким образом, необходимость создания внебюджетных фондов исходит из объективных закономерностей существования и развития общества. Это, в первую очередь, связано с потребностью перераспределения финансовых ресурсов в целях решения не предусмотренных в бюджете более важных задач.

Внебюджетные фонды как составная часть финансовой системы обладают рядом *особенностей*:

- запланированы органами власти и управления и имеют строгую целевую направленность;
- денежные средства фондов используются для финансирования государственных расходов, не включенных в бюджет;
- формируются в основном за счет обязательных платежей юридических и физических лиц;
- страховые взносы в фонды и взаимоотношения, возникающие при их уплате, имеют налоговую природу, тарифы взносов устанавливаются государством и являются обязательными;
- денежные ресурсы фонда находятся в государственной собственности, они не входят в состав бюджетов, а также других фондов и не подлежат изъятию на какие-либо цели, прямо не предусмотренные законом;
- расходование средств из фондов осуществляется по распоряжению правительства или специально уполномоченного на то органа (правление фонда).

Высокая степень концентрации и централизации финансов имеет свои преимущества. Основное преимущество – возможность мобилизации значительных финансовых ресурсов для решения глобальных национальных задач в рамках отдельных территорий, отраслей или межотраслевых комплексов. Однако имеет место и недостаток такой централизации финансовых средств – их нерациональное использование в масштабе всей хозяйственной системы и отдельных объектов финансирования. Постепенно из бюджета выделились внебюджетные фонды, среди которых основное место заняли социальные фонды. Создание внебюджетных фондов необходимо государству для более эффективного использования своих финансовых ресурсов. Специфика внебюджетных социальных фондов – четкое закрепление за ними источников дохода и, как правило, строго целевое использование их средств.

С целью достижения финансовой устойчивости *пенсионной страховой системы* в долгосрочной перспективе развития необходимо, в первую очередь, разграничить обязательства государства и пенсионной страховой системы, обеспечить направление принадлежащих системе средств на покрытие расходов, возникающих исключительно в результате социального страхования, а оставшуюся часть направить на создание резерва для покрытия ожидаемого финансового спроса в будущем:

- *предоставление гражданам права выбора в отношении использования социально-страхового взноса, выплачиваемого выше определенного уровня с заработной платы.* Так, предлагается предоставить гражданам возможность оставить регистрируемые на индивидуальных счетах в качестве пенсион-

ного капитала суммы в системе условного накопления и далее использовать их для расчета страховой части пенсии или, переведя их в систему реального накопления, разместить на финансовом рынке и далее направить на формирование накопительной части пенсии;

- *применение добровольного страхования в системе условного накопления.* Целесообразна реализация данного процесса путем предоставления застрахованным лицам возможности повышения пенсионного капитала посредством выплаты дополнительных добровольных страховых взносов;

- *совершенствование структуры нормативов социально-страховых взносов.* Усиление страховых принципов в пенсионной системе делает необходимым повышение со временем ответственности застрахованного лица в структуре нормативов страховых взносов. С этой целью предполагается постепенный перенос определенной части норматива страхового взноса с работодателя на работника;

- *организация деятельности негосударственных пенсионных фондов.* Предполагается создание негосударственных пенсионных фондов, которые будут функционировать на основе добровольного социального страхования и позволят пенсионерам получать дополнительное пенсионное обеспечение.

В результате серьезных реформ, повлекших создание в краткие сроки новой экономической системы и обусловивших гармоничное развитие многоотраслевой экономики, по всем направлениям были реализованы конкретные программы и предприняты необходимые меры с целью улучшения уровня жизни различных слоев населения.

В государственной финансовой системе принцип полноты отражения доходов и расходов бюджетов, бюджетов государственных внебюджетных фондов означает, что все доходы и расходы бюджетов, бюджетов государственных внебюджетных фондов и иные обязательные поступления, определенные налоговым и бюджетным законодательством, законами о государственных внебюджетных фондах, подлежат отражению в бюджетах, бюджетах государственных внебюджетных фондов в обязательном порядке и в полном объеме. Все государственные и муниципальные расходы подлежат финансированию за счет бюджетных средств, средств государственных внебюджетных фондов, аккумулированных в бюджетной системе.

Контроль за своевременным и полным отчислением средств во внебюджетные фонды со стороны организаций и индивидуальных предпринимателей осуществляют не налоговые органы, а специально созданные для этого органы государственных внебюджетных фондов. С одной стороны, это создает трудности для организаций и индивидуальных предпринимателей, которые подвергаются проверкам одновременно нескольких органов контроля. С другой – эффективность контроля за поступлением данных средств чрезвычайно низкая. Это связано с тем, что органы государственных внебюджетных фондов, не обладая достаточными полномочиями налоговых органов, не могли обеспечить в полной мере взятие на учет юридических и физических лиц, являющихся плательщиками взносов в фонд. Достаточно отметить, что количество прошедших регистрацию в налоговых органах налогоплательщиков на четверть превосходило число находящихся на учете плательщиков взносов.

Страховые расходные обязательства государственного внебюджетного фонда определяются как организационно-правовой механизм, обеспечивающий исполнение денежного обязательства государственного внебюджетного фонда в качестве публичного страховщика по осуществлению страховых выплат при наступлении страхового случая и формирующий бюджетное обязательство фонда по предоставлению физическому или юридическому лицу денежных средств его бюджета в размере, определенном законодателем.

Пенсионно-страховая система Азербайджанской Республики построена таким образом, что рост заработной платы, привлекаемой в социальное страхование, обуславливает рост пенсий. Ежегодная индексация пенсий и накопленного на индивидуальных счетах социально-страхового капитала с учетом инфляции обеспечивает эффективную защиту системы от отрицательного фискального влияния. В результате действия этого механизма за счет роста среднемесячной зарплаты, открытия новых рабочих мест и усиления регистрации выросли страховые сборы, поступившие в бюджет Государственного фонда социальной защиты. Вторым достижением реформ в пенсионно-страховой системе выступает успешное регулирование влияния изменяющихся демографических тенденций на фоне глобального кризиса на пенсионную систему.

Посредством созданной в стране современной пенсионно-страховой системы лица, занимающиеся трудовой деятельностью, стали непосредственными участниками своего будущего пенсионного обеспечения на основе индивидуального учета, в то же время благодаря принятым превентивным решениям по приведению дополнительных прав и привилегий в соответствие с демографическими показателями и регулированию требований к стажу и возрасту согласно пенсионному праву были созданы выгодные условия для продолжения осуществления реформ и финансовой устойчивости.

На сегодняшний день пенсионно-страховая система Азербайджана охватывает более 40% населения страны. В центральной информационной базе Фонда имеются данные об 1 млн 272 тыс. пенсио-

неров и 2 млн 620 тыс. застрахованных лиц. Ширина охвата – одна из основных черт азербайджанской модели пенсионно-страховой системы. Доказательством этого, в первую очередь, является то, что лица, вышедшие на пенсию в предыдущей системе, а также стаж работы застрахованных лиц, относящийся к периоду действия указанной системы, были полностью интегрированы в новые условия. Наряду с этим управление социальными выплатами, осуществляемыми предприятиями и организациями за счет взносов на обязательное государственное социальное страхование, было сосредоточено в пенсионно-страховом органе государства. Кроме того, был обеспечен охват обязательным государственным социальным страхованием иностранцев, получающих из источников Азербайджанской Республики заработную плату и прочие доходы, привлекаемые к обязательному государственному социальному страхованию. Им также было предоставлено право на пенсионное обеспечение наравне с гражданами Азербайджанской Республики.

Значительное влияние на обеспечение широкого охвата пенсионно-страховой системы оказывает также легализация рабочих мест и заработной платы. Регистрация рабочего места гражданина означает его будущее право на пенсию, а полное отражение заработной платы и ее привлечение к социальному страхованию обуславливает размер пенсии, поэтому в решении данной проблемы должны быть заинтересованы и активны не только государственные органы, но также каждый работающий человек. Модель пенсионного обеспечения, созданная в Азербайджане, способна возратить каждому гражданину в виде пенсии примерно 70% от получаемой им заработной платы, если гражданин в течение трудовой деятельности полностью обеспечил выплаты по обязательному социальному страхованию. Кроме того, суммы накоплений на индивидуальном счете ежегодно индексируются в соответствии с уровнем инфляции, что является показателем надежности системы в отношении плательщиков взносов социального страхования.

В настоящее время пенсионно-страховая система Азербайджана функционирует в современных автоматизированных условиях. Число электронных услуг, оказываемых населению Государственным фондом социальной защиты, доведено до 21 и, согласно статистике портала «электронное правительство», электронные услуги, предлагаемые Фондом, являются одними из самых часто используемых населением. Работы в этой сфере можно подразделить на следующие группы:

- автоматизация сбора взносов на обязательное государственное социальное страхование;
- автоматизация назначения пенсий и пособий;
- автоматизация выплаты пенсий и пособий.

Автоматизация назначения пенсий и пособий – основной элемент новой пенсионно-страховой системы, и этот процесс стал логическим результатом системы персонифицированного учета застрахованных лиц. В этой системе предельно упрощены механизмы назначения и повышения пенсий, что дает возможность каждому самостоятельно рассчитать свою пенсию и размер повышения. Таким образом, в настоящее время любой человек на основе полученной посредством портала электронного правительства или интернет-сайта Фонда информации о накопленном на его индивидуальном счете пенсионном капитале может рассчитать размер пенсии при помощи электронной услуги «пенсионный калькулятор».

В ряду успешно проводимых мер в системе социального страхования следует также отметить автоматизацию назначения и учета пособий, выплачиваемых за счет взносов на обязательное государственное социальное страхование.

Одним из важнейших достижений, предпринятых с целью автоматизации выплаты пенсий и пособий, является доставка населению этих выплат посредством пластиковых карт. В результате применения этого метода оплаты финансовые средства перечисляются непосредственно с казначейского счета Фонда на счет карты гражданина, обходя посреднические организации. Это обеспечивает исполнение принципа адресности выплат, позволяет избежать незаконных удержаний во время доставки выплат населению и прочих похожих негативных фактов, а также приводит к совершенствованию и автоматизации учета операций по выплате пенсий и пособий населению.

Мероприятия по развитию пенсионно-страховой системы в Азербайджанской Республике продолжают основываться на актуарных расчетах, произведенных по международным стандартам. В качестве основных задач, стоящих в перспективе, следует отметить осуществление мер в направлении увеличения соотношения размера среднемесячной пенсии к среднемесячной заработной плате, соблюдение принятых в международной практике норм по доле в ВВП средств, направляемых на пенсионное обеспечение. А основным условием для этого является обеспечение финансовой устойчивости пенсионно-страховой системы.

В финансовой системе зарубежных стран специальные фонды также занимают важное место.

Для сравнения, объем средств, которые в них концентрируются, значителен: например, во **Франции** специальные фонды по размеру приближаются к государственному бюджету страны; в Японии из специальных фондов финансируется свыше половины государственных расходов.

Своеобразие правового статуса внебюджетных фондов заключается в том, что он имеет двойственный характер. С одной стороны, фонды являются органами государственного управления финансами, а с другой – самостоятельными юридическими лицами, участвующими в гражданском обороте и осуществляющими финансирование социальных программ в рамках договорных отношений [2, с. 55]. Однако даже неофициальные государственные внебюджетные фонды фактически выполняют функции государственного управления в финансовой сфере.

В зависимости от правового положения все специальные фонды делятся на три группы.

К *первой группе* относятся специальные фонды, доходы и расходы которых включаются в государственный бюджет, т.е. они выступают в качестве части бюджетных средств. Законодательная власть рассматривает и утверждает объем таких фондов в составе бюджета. Хотя они имеют целевое назначение, обособленность этих фондов несколько формальная [3, с. 23–27]. Большое количество таких фондов существует в государственном бюджете Франции. Самым крупным из них является Фонд экономического и социального развития, созданный как инвестиционный. Управление этим фондом осуществляет казначейство. Во французском государственном бюджете имеются также дорожный фонд, книжный фонд, национальный спортивный фонд и др.

Во *вторую группу* включаются специальные фонды, наделенные юридической самостоятельностью. Их доходы и расходы обособлены от звеньев финансовой системы. Парламент принимает закон о создании таких фондов, устанавливает их объем. Они находятся в ведении определенных учреждений, действующих в соответствии с уставом. Ежегодно законодательный орган рассматривает и утверждает такой бюджет фонда.

Третья группа объединяет специальные фонды, обладающие лишь некоторой самостоятельностью. Это фонды отдельных министерств, создаваемые в связи с выполнением политических, экономических или социальных программ. Парламент, утверждая программу, одновременно предусматривает и средства, которые министерство, осуществляющее ее выполнение, обычно получает из государственного бюджета. Так возникает специальный фонд. При многолетних программах фонд может ежегодно пополняться. Во Франции, например, при Министерстве труда функционирует Национальный фонд занятости. Формируется этот фонд за счет средств государственного бюджета. Из него финансируются предприятия, осуществляющие подготовку профессиональных рабочих кадров, а также мероприятия по переселению граждан из крупных городов в сельскохозяйственные районы.

Таким образом, государственные внебюджетные фонды как юридические лица осуществляют оперативное управление имуществом, денежными средствами и обязательствами государственных внебюджетных фондов, считающихся финансово-кредитными учреждениями [4, с. 4–9].

Организационно внебюджетные фонды отделены от бюджетов и имеют определенную самостоятельность и строгое целевое назначение, а их обособленное функционирование позволяет финансировать важнейшие экономические и социальные мероприятия государства.

Вопрос об объективности существующего разграничения прав и полномочий между уровнями системы внебюджетных социальных или целевых государственных внебюджетных фондов и о соответствии этих прав и полномочий выполняемым функциям и решаемым задачам остается открытым.

Правовой статус государственных внебюджетных фондов в настоящее время имеет многоаспектный характер. Фонды выступают в качестве уполномоченных органов государственного управления публичными финансовыми средствами по заданию публичного субъекта, осуществляя выплаты и контроль за ними, в большинстве случаев за счет межбюджетных трансфертов.

Правовой режим финансовых средств обладает значительными отличительными свойствами (среди которых законодательно установленная невозможность их изъятия), обусловленными их исключительно целевой направленностью на обеспечение исполнения социальных обязательств публичного субъекта и самого фонда как публичного страховщика.

Публичный субъект закрепляет за фондами финансовые средства на праве оперативного управления, чтобы иметь возможность управлять ими, а также вводить их в гражданский оборот и в отношения по социальному страхованию посредством деятельности фонда как публичного страховщика.

Заключение. Существующее правовое регулирование сбалансированности бюджетов государственных внебюджетных фондов требует значительного совершенствования по следующим направлениям:

- установление базовых положений об управлении дефицитом (профицитом) бюджетов государственных внебюджетных фондов, а также об управлении их финансовыми резервами;
- обеспечение баланса доходов и расходов внутри бюджета фонда по отдельным целевым направлениям и в связи с этим соответствующее определение дефицита (профицита) страховой части бюджета фонда без учета нестраховых межбюджетных трансфертов и производимых за их счет выплат;
- формирование и управление внутренним финансовым резервом бюджета фонда;

- ограничение полномочий исполнительных органов фондов в отношении направлений использования дополнительно полученных доходов бюджетов фондов и средств их финансовых резервов.

Расходное обязательство публично-правового образования является особым организационно-правовым механизмом, посредством действия которого денежное обязательство публично-правового образования, возникшее в рамках правового обязательства любого вида, в ходе бюджетного процесса будет трансформировано в бюджетное обязательство путем совершения властных действий в лице его государственных органов и их должностных лиц по формированию расходов соответствующего бюджета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Финансы / М.Х. Гасанлы [и др.]. – Баку, 2006. – 230 с.
2. Соколова, Э.Д. Правовые основы финансовой системы России / Э.Д. Соколова; отв. ред. Е.Ю. Грачева. – М.: Юриспруденция, 2006. – 149 с.
3. Ногина, О.А. Правовая природа государственных внебюджетных социальных фондов в Российской Федерации / О.А. Ногина // Правоведение. – 1996. – № 4. – С. 23–27.
4. Ногина, О.А. Правовая природа страховых взносов в государственные внебюджетные фонды: история и новеллы правового регулирования / О.А. Ногина // Закон. – 2010. – № 4. – С. 4–9.

Поступила 05.04.2016

THE LEGAL REGULATION OF THE EXTRA-BUDGETARY FUNDS AND THERE PLACE IN ECONOMICAL SYSTEM

NIGAR KARIMLI ILQAR

The legal regulation of extra-budgetary funds and their place in the financial system in the Republic of Azerbaijan is analyzed. The article is about the features of the legal status of the state-purposed non-budgetary funds, grouping of the special funds depending on their legal position, the funds existing in the state budget of France and so on. At the same time in the work the affected funds, their features and place in the financial system are examined.

Keywords: *extra-budgetary funds, insurance, financial resources, pension funds, private pension funds, tax, organization, individual entrepreneurs, income.*

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

УДК 657.22

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ

д-р экон. наук, доц. С.Г. ВЕГЕРА
(Полоцкий государственный университет)

Исследуется сущность земельной ренты как объекта бухгалтерского учета. Разработана методика учета и отражения в отчетности земельной ренты, обеспечивающая информационную базу контроля рационального неистощимого природопользования организации. Предлагаемая методика обеспечит практическую реализацию научно обоснованного принципа прямой зависимости собственного капитала организации от ее вклада в воспроизводство природного капитала страны как части национального богатства, а также устойчивое природопользование, поддержание экологических функций почв и реализацию мер по борьбе с их деградацией и загрязнением.

Ключевые слова: земля, земельная рента, добавочный экологический капитал, привлеченный природный капитал.

Трансформация современного общества затрагивает все уровни социально-экономической системы, в том числе систему бухгалтерского учета. В условиях глобализационных и интеграционных процессов, перехода к постиндустриальной экономике формирование информации в системе бухгалтерского учета должно ориентироваться на междисциплинарный синтез научного знания, обеспечивающий целостное восприятие экономической действительности. Использование природных ресурсов, в том числе земли, неразрывно связано с рентными отношениями. Это требует развития междисциплинарной связи бухгалтерского учета земли с положениями теории земельной ренты, охватывающей традиционные (дифференциальная, абсолютная) и новые ее формы (экологическая, антиэкологическая, социальная). Рассмотрим ренту как объект бухгалтерского учета.

Дифференциальная земельная рента

Проведенное исследование позволило обосновать методологический принцип отражения земельной ренты как объекта бухгалтерского учета в зависимости от экономических форм использования земли. При этом следует учитывать, что в соответствии с теорией ренты земельный собственник, определяя величину платы за землю, возмещает себе дифференциальную ренту 1. Дифференциальную ренту 2 присваивает пользователь земли в течение срока использования, по окончании которого рента 2 модифицируется в ренту 1.

Соответственно, для собственника земли, предоставляющего за плату ограниченные вещные права на земельную собственность другим субъектам хозяйствования, рента является доходом (рисунок). Для субъекта хозяйствования, который является только пользователем земли, земля является фактором производства, капиталом. Поэтому уплачиваемая земельному собственнику земельная рента 1 представляет собой издержки, формирующие цену готовой продукции (см. рисунок). Земельная рента 2 представляет собой доход на используемый ресурс – землю. В случае если субъект хозяйствования приобретает в собственность землю и использует ее как фактор производства, рента 1 одновременно выступает и доходом, и издержками. Земельная рента 2, так же как и в предыдущем случае, представляет собой доход на используемый капитал (см. рисунок).

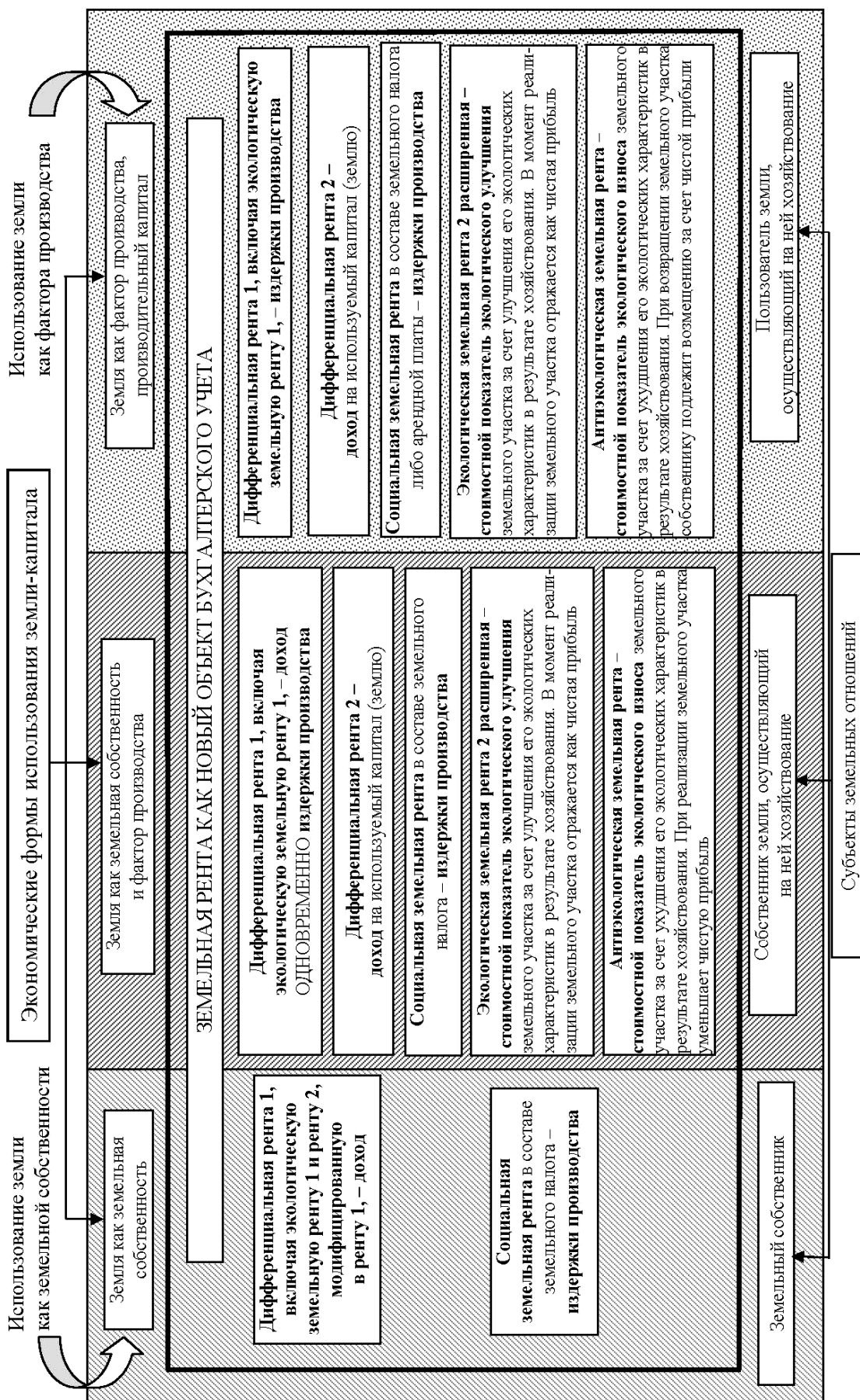
С целью исследования особенностей отражения земельной ренты в бухгалтерском учете обратимся к случаям использования земли с позиций субъектов земельных отношений.

Случай 1

Экономическая форма использования земли – земельная собственность. Субъект земельных отношений – земельный собственник, не осуществляющий хозяйствование на земле.

В этом случае земельный участок как объект бухгалтерского учета представляет собой инвестиционную собственность.

Международным стандартом финансовой отчетности № 40 инвестиционная недвижимость определяется как «недвижимость (земля или здание, либо часть здания, либо и то и другое), находящаяся в распоряжении (собственника или арендатора по договору финансовой аренды) с целью получения арендных платежей, доходов от прироста стоимости капитала или того и другого, но не для: производства или поставки товаров, оказания услуг, для административных целей; продажи в ходе обычной деятельности» [1]. Поэтому порядок отражения в учете земельной ренты будет зависеть от вариантов получения дохода от земельной собственности, не используемой как фактор производства, которые могут быть следующими: получение доходов от прироста стоимости земли; получение доходов от сдачи земли в аренду другим субъектам хозяйствования.

Трансформация земельной ренты в объект бухгалтерского учета в зависимости от экономических форм использования земли-капитала

Рассмотрим каждый из обозначенных выше вариантов получения дохода от земельной собственности.

1. Получение доходов от прироста стоимости земли

С одной стороны, прирост стоимости объекта может быть учтен в результате переоценки. В соответствии с Инструкцией о порядке переоценки основных средств, не завершаемых строительством объектов и неустановленного оборудования и Типовым планом счетов бухгалтерского учета дооценка первоначальной стоимости объектов основных средств отражается по дебету счета бухгалтерского учета 01 «Основные средства» или 03 «Доходные вложения в материальные активы» в корреспонденции с кредитом счета бухгалтерского учета 83 «Добавочный капитал» [2]. С другой стороны, изменение стоимости инвестиционной недвижимости, на наш взгляд, является финансовым результатом деятельности по содержанию инвестиционной собственности, что следует из определения самого понятия. Однако данный финансовый результат может быть получен лишь при реализации объекта инвестиционной недвижимости, в связи с чем учет ренты как дохода земельного собственника от прироста стоимости земли предлагаем отражать следующим образом: сумму переоценки в части прироста стоимости капитала относить при реализации земельного участка как объекта инвестиционной недвижимости на результат деятельности субъекта хозяйствования по счету «Прибыли и убытки». Это позволит формировать объективный финансовый результат организации при реализации и прочем выбытии земельного участка, а также достоверно исчислять налог на прибыль от указанных операций. Предлагаемая корреспонденция счетов учета ренты как дохода земельного собственника от прироста стоимости земли представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Предлагаемая корреспонденция счетов учета ренты как дохода земельного собственника от прироста стоимости земли

Содержание операции	Дт	Кт
Списание сумм дооценки в части прироста стоимости капитала на финансовый результат при выбытии земельного участка	83/переоценка	99

2. Получение доходов от сдачи земли в аренду другим субъектам хозяйствования

Отражение в учете ренты как дохода земельного собственника от сдачи земли в аренду зависит от того, какой это вид деятельности (текущий, инвестиционный или финансовый) для субъекта хозяйствования.

Если сдача в аренду земли является текущим видом деятельности организации, отражение дохода будет осуществляться на счете 90 «Доходы и расходы по текущей деятельности». Соответственно, если сдача в аренду земли не является текущим видом деятельности организации, отражение дохода будет осуществляться на счете 91 «Прочие доходы и расходы» (табл. 2).

Таблица 2 – Корреспонденция счетов учета ренты в составе доходов земельного собственника при сдаче земли в аренду

Содержание операции	Дт	Кт
Отражена земельная рента в составе доходов земельного собственника от сдачи земли в аренду (сдача земли в аренду – уставный вид деятельности организации)	62	90
Отражена земельная рента в составе доходов земельного собственника от сдачи земли в аренду (сдача земли в аренду – инвестиционной вид деятельности организации)	62	91

Случай 2

Экономическая форма использования земли – земля как фактор производства, производительный капитал. Субъект земельных отношений – пользователь земли, осуществляющий на ней хозяйствование.

В данном случае земельная рента 1 как плата за фактор производства представляет собой затраты организации. В соответствии с Кодексом Республики Беларусь о земле формами платы за пользование земельными участками являются земельный налог или арендная плата [3].

Соответственно корреспонденция счетов учета ренты пользователем земли, осуществляющим на ней хозяйствование, будет следующая (табл. 3).

Таблица 3 – Корреспонденция счетов учета ренты 1 в составе затрат пользователя земли, осуществляющего на ней хозяйствование

Содержание операции	Дт	Кт
Отражена начисленная арендная плата за земельный участок	20, 23, 25, 26, 44	76
Отражен начисленный земельный налог	25, 26, 44	68

Дифференциальная рента 2 представляет собой добавочную прибыль, получаемую от дополнительного инвестирования на данной земле, и если образуется, то только как объект бухгалтерского учета, являясь частью финансового результата организации за отчетный период.

Случай 3

Экономическая форма использования земли – земля как земельная собственность и фактор производства одновременно. Субъект земельных отношений – собственник земли, осуществляющий на ней хозяйствование.

С одной стороны, уплаченная за землю капитализированная земельная рента не является капиталом, то есть не подлежит амортизации. Приобретенная в собственность земля должна окупаться рентой 1, которую уплачивает пользователь, а так как в рассматриваемом случае хозяйствующим пользователем является сам собственник, считаем, что рента 1 за пользование землей должна включаться в себестоимость изготавливаемых изделий, что позволит:

- во-первых, учитывать реальные затраты, которые представляют собой плату за пользование землей как фактором производства;
- во-вторых, учет ренты в себестоимости изготавливаемых изделий позволяет определить эффективность производства и достоверный финансовый результат;
- в-третьих, как следствие вышесказанного, включение земельной ренты в издержки производства обеспечит достоверность показателей рентабельности продукции.

С другой стороны, рента 1 для собственника земли является доходом, который окупает капитал, потраченный на приобретение земли. Это наряду с необходимостью включения ренты в издержки производства вызывает, на наш взгляд, необходимость отражения в учете данного дохода с его последующим налогообложением.

Таким образом, в данном случае земельная рента 1 будет учитываться в составе издержек производства (обращения) и одновременно как доход с его последующим налогообложением (см. рисунок). При этом важным вопросом является определение величины ренты 1, включаемой в издержки производства.

В экономической литературе существует множество способов установления количественных значений ренты (табл. 4). Проанализируем их по двум параметрам:

- 1) отраслевая принадлежность (О – общая; С/Х – сельское хозяйство; ДП – добывающая промышленность);
- 2) вид ренты (Н – не указывается; Д – дифференциальная; Д1 – дифференциальная 1; Д2 – дифференциальная 2).

Таблица 4 – Подходы к установлению количественных значений ренты

Автор / источник	Подход	Параметры	
		1	2
1	2	3	4
Д. Риккардо	«Рента всегда является разницей в продукте, полученном посредством приложения двух одинаковых количеств капитала и труда» [4, с. 435]	С/Х	Д
К. Маркс	Дифференциальная рента «всегда возникает из разности между индивидуальной ценой производства, получающейся для отдельного капитала, который располагает монополизированной естественной силой, и общей ценой производства для капитала, вообще вложенного в соответственную сферу производства» [5, с. 703]	С/Х	Д
В.Г. Гусаков, В.Ф. Бондарчук, Т.А. Запрудская, В.Н. Гердий, Е.В. Тимошенко, Я.Н. Бречко, С.В. Короткин, К.С. Салтыков, Т.В. Сапиженко	$D_p = (C \cdot V - 3 - 3 \cdot K),$ где D_p – дифференциальная рента; C – средняя цена реализации продукции, руб./ц; V – урожайность с 1 га, ц к. ед./га; 3 – производственные затраты в расчете на 1 га, руб.; K – коэффициент нормы рентабельности [6, с. 24–25]	С/Х	Д
И. Николаев, А. Калинин	Рента представляет собой разницу между фактическим доходом добывающей компании и суммой себестоимости добычи природного ресурса и части прибыли (Pr) [7, с. 77] $Рента = Доход - (Себестоимость + Pr)$	ДП	Н
М. Колесник	«Рента – это упрощенно все, что превышает некую нормальную прибыль» [8, с. 80]	О	Н
В. Гаврилов, С. Ивановский	$r = \frac{C_3 q (100 - d) \cdot a}{100},$ где r – рента; C_3 – мировая цена 1 т зерна; q – урожайность зерна; d – доля издержек производства в стоимости зерна; a – удельный вес ренты, взимаемой государством, в прибыли (чистом доходе) производителя зерна [9, с. 94]	С/Х	Н

Окончание таблицы 4

Автор / источник	Подход	Параметры	
		1	2
Ю.В. Яковец	«Рента является формой выражения сверхприбыли (добавочного продукта), полученной в результате эксплуатации ограниченных разнокачественных ресурсов. Ее объективной основой служит дифференциальная стоимость – разность между общественной стоимостью (рыночной ценой) и индивидуальной стоимостью (издержки плюс нормальная прибыль, достаточная для производства) продуктов или услуг, выступающих на рынке в товарной форме [10, с. 8]	О	ДР
П. Лещиловский, А. Мозоль	$D_p = (C_p - C_n) \cdot Y_n,$ где D_p – дифференциальная рента; C_p – средневзвешенная (по видам культур и каналам реализации) цена продажи основной продукции на дату проведения расчетов, долл./т; Y_n – нормативная урожайность, ц/га; C_n – индивидуальная цена производства долл./т [11, с. 679]	С/Х	ДР
В.Ф. Бондарчук, Ю.В. Цеханович, Л.В. Лагодич и др.	$D_p = (C \cdot Y - Z - K),$ где D_p – дифференциальная рента; C – средняя цена реализации продукции, руб./ц; Y – урожайность с 1 га, ц к.ед./га; Z – производственные затраты в расчете на 1 га, руб.; K – коэффициент нормы рентабельности [12, с. 42]	С/Х	ДР
С.Ю. Шмойлов	«Дифференциальная горная рента представляет собой остаток дохода угледобывающего производства после вычитания из него абсолютной горной ренты и нормальной прибыли, распределяемой в соответствии с долевым участием экономических потенциалов собственника запасов угля в недрах и капитала горной компании, используемого при освоении разрабатываемых участков месторождения» [13, с. 93]	ДП	ДР
Ю.В. Разовский	$ДРГ = ПР_{з.п.} - ПР_{н.г.} \text{ (руб.)},$ где $ДРГ$ – дифференциальная горная рента – незаработанная часть прибыли (сверхприбыль) предприятия-недропользователя, руб.; $ПР_{з.п.}$ – прибыль горного производства от реализации добытых ресурсов недр, руб.; $ПР_{н.г.}$ – нормальная прибыль горного производства, обеспечивающая расширенное воспроизводство, руб. [14, с. 110]	ДБ	ДР
А.А. Варламов	«Экономической причиной образования дифференциальной ренты является превышение прибавочной стоимости над средней прибылью, которая создается благодаря более высокой производительности труда работников сельского хозяйства и дополнительно вложенному капиталу на относительно лучших и средних по плодородию и местоположению земельных участках по сравнению с худшими [15, с. 34–35]	С/Х	ДР
Технический кодекс установившейся практики «Кадастровая оценка сельскохозяйственных земель сельскохозяйственных организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств. Содержание и технология работ	$RD_o = Y \cdot C_k - Z - K_{np},$ где RD_o – общий рентный доход на 1 га, руб.; Y – урожайность культуры, продуктивность угодья, натуральных или кормовых единиц с 1 га; C_k – расчетная кадастровая цена 1 т продукции, руб.; Z – совокупные нормативные затраты на производство и реализацию продукции, руб./га; K_{np} – коэффициент нормы рентабельности [16]	С/Х	ДР
В.И. Живица	«Сумма земельной ренты по пашне может быть определена через превышение урожайности зерновых и бобовых на данной группе почв по сравнению с урожайностью зерновых в относительно худших в Республике Беларусь природных условиях и коэффициент, отражающий отношение ренты по совокупности культур, входящих в севооборот к зерновой ренте... По сенокосам и пастбищам, причем как по естественным, так и по улучшенным ренту можно определять непосредственно через разницу в урожайности сена на данной группе почв и в относительно худших в Республике Беларусь природных условиях, умножая ее на соответствующую закупочную цену по сену» [17, с. 102–103]. «Дифференциальная рента второго рода (дифрента II) возникает, как известно, вследствие капитальных вложений, направленных на повышение плодородия земли. Отсюда понятно, что норматив выделения дифренты I из валового дохода следует устанавливать в процентах к капитальным затратам по улучшению земель» [17, с. 123]	С/Х	ДР1

Источник: собственная разработка на основе изучения экономической литературы, нормативных актов Республики Беларусь, Российской Федерации.

Анализ таблицы 4 показывает, что, во-первых, в расчетах практически всегда определяется величина всей дифференциальной ренты в целом, во-вторых, вопросы, связанные с определением величины ренты для практической деятельности, касаются в основном сельского хозяйства, в частности растениеводства, и добывающей промышленности. Количественно измерить дифференциальную ренту в других отраслях экономики значительно сложнее, а универсальные методики отсутствуют. Кроме того, следует еще раз указать на то, что по истечении срока аренды результаты капитальных вложений в развитие земель становятся достоянием земельного собственника, и дифференциальная рента 2 модифицируется в дифференциальную ренту 1. Поэтому практически трудно отделить один вид дифференциальной ренты от другого. На наш взгляд, собственнику земли, осуществляющему на ней хозяйствование, следует включать в издержки производства ту сумму дифференциальной ренты, которую приносила бы земля, если бы на ней возделывался хлеб.

Как отмечал А. Смит, подходы к образованию земельной ренты в растениеводстве характерны для продукции любых производств, расположенных на земле. Это утверждение К. Маркс относил к заслугам указанного ученого: «Уже А. Смит показал, – и в этом одна из его заслуг, – что в животноводстве и, вообще, в среднем, для всех капиталов, вложенных в землю не для производства основных жизненных средств, например хлеба, цена определяется совершенно иначе. Именно она определяется здесь таким образом, что цена продукта земли, которая, скажем, как искусственный луг, используется для животноводства, но которую с таким же успехом можно было бы превратить в пахотную землю определенных достоинств, – цена продукта должна повыситься настолько, чтобы могла получаться такая же рента, как с пахотной землей такого же качества; следовательно, рента с земли, на которой выращивается хлеб, принимает здесь участие в определении цены скота...» [5, с. 833–834].

Сам К. Маркс приводил пример с животноводством (указывая, однако, и абсолютную ренту, несостоятельность которой в современных условиях была доказана выше): «Но та рента, которую оплачивает мясо и которая входит непосредственно в его цену, определяется суммой абсолютной и дифференциальной ренты, которую давала бы та же земля при использовании ее для хлебопашества... Лучшим доказательством этого служит то, что мясо приносит ренту на такой земле, на которой хлеб не дает ренты» [18, с. 542].

Кроме того, необходимость включения сельскохозяйственной дифференциальной ренты в стоимость продукции, работ, услуг несельскохозяйственных отраслей обусловлена еще и тем, что в современных условиях хозяйствования происходит постоянное изъятие земель сельскохозяйственного назначения и включение их в городскую черту.

Влияние сельскохозяйственной земельной ренты на другие отрасли экономики доказывает в своих исследованиях Н.А. Тришин: «Пригородные земли для сельскохозяйственного производства, имеющие хорошо развитую инфраструктуру: дороги с твердым покрытием, водопровод, канализацию, электроэнергию и т.д., обладают всеми экономическими условиями для получения дифференциальной ренты 2, как результата капитальных вложений». И далее отмечает, что в случае перехода таких земель в категорию городских «происходит модификация сельскохозяйственной земельной ренты в ренту со строительных участков» [19, с. 88].

Таким образом, проведенное выше исследование позволяет сделать вывод, что цена на продукцию, работы, услуги несельскохозяйственных отраслей должна оплачивать не только издержки производства, но и ту сумму дифференциальной ренты, которую приносила бы земля, если бы на ней возделывался хлеб. В этой связи представляется целесообразным для земель несельскохозяйственных отраслей в черте поселений и вне ее определять дифференциальную ренту исходя из качества сельскохозяйственных земель прилегающих территорий. Данная величина дифференциальной ренты должна определяться специализированными государственными учреждениями, осуществляющими кадастровую оценку сельскохозяйственных земель.

В Республике Беларусь определение рентного дохода земель сельскохозяйственных предприятий осуществляется в соответствии с Техническим кодексом установившейся практики «Кадастровая оценка сельскохозяйственных земель сельскохозяйственных организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств. Содержание и технология работ» [16].

Как уже отмечалось, в рассматриваемом случае, когда субъектом земельных отношений выступает сам собственник земли, осуществляющий на ней хозяйствование, земельная рента будет учитываться в составе издержек производства (обращения) и одновременно как доход с его последующим налогообложением (см. рис. 1).

Представляется, что для рассматриваемого случая, когда земельный собственник использует землю как фактор производства, принцип одновременного отражения доходов и затрат с последующим налогообложением схож с механизмом одновременного отражения заработной платы как издержек производства и дохода работника, который выплачивается за минусом подоходного налога.

В случае если собственник земли сам осуществляет хозяйствование на ней, в бухгалтерском учете сумму ренты предлагаем отражать записью, представленной в таблице 5.

Таблица 5 – Предлагаемая корреспонденция счетов учета ренты собственником земли, осуществляющим на ней хозяйствование

Содержание операции	Дт	Кт
Отражена сумма дифференциальной ренты собственником земли, осуществляющим на ней хозяйствование	20, 23, 25, 26, 44	91

Таким образом, на основании проведенного исследования предлагается следующий порядок бухгалтерского учета дифференциальной земельной ренты:

- для собственника земли, предоставляющего ограниченные вещные права на нее другим субъектам хозяйствования, дифференциальная земельная рента 1 должна учитываться как доход;
- для пользователя земли, осуществляющего на ней хозяйствование, дифференциальная земельная рента 1, представляющая собой плату за используемый экономический ресурс – землю, должна учитываться как издержки производства (обращения); дифференциальная земельная рента 2, выступающая стимулом хозяйствования на земле и представляющая собой добавочную прибыль, получаемую от дополнительного инвестирования на земельном участке, учитывается в составе финансового результата организации за отчетный период;

- для собственника земли, осуществляющего на ней хозяйствование, земельная рента 1 в размере сельскохозяйственной дифференциальной ренты (определяемой исходя из качества сельскохозяйственных земель прилегающих территорий специализированными государственными учреждениями, осуществляющими кадастровую оценку сельскохозяйственных земель) должна одновременно отражаться и как доход, и как издержки. В случае интенсивного ведения хозяйства, дополнительных вложений капитала в один и тот же земельный участок, вследствие чего улучшается плодородие почвы, снижаются издержки производства, сокращаются транспортные затраты, как результат, возникает дифференциальная земельная рента 2, которая учитывается в составе финансового результата организации за отчетный период.

Далее исследуем абсолютную, социальную и экологическую ренту как объект бухгалтерского учета.

Абсолютная земельная рента

Существование абсолютной земельной ренты является дискуссионным вопросом [15; 20–22]. Стронники абсолютной земельной ренты как объективного экономического явления в качестве причины ее возникновения считают монополию на землю как на объект собственности и определяют ее как доход собственника земли. Однако отмечают, что «при выкупе участка земли арендатором абсолютная рента исчезает» [23, с. 152]. Таким образом, абсолютная земельная рента для собственника земли входит в состав получаемого дохода (например, арендной платы), для пользователя земли, осуществляющего на ней хозяйствование, выступает в качестве издержек производства и отсутствует в случае, если собственник земли сам осуществляет на ней хозяйствование.

Социальная земельная рента

Установлено, что социальная земельная рента представляет собой для организации внешний положительный эффект, подлежащий интернализации, а именно избыточный доход, возникающий в результате необоснованного присвоения субъектами хозяйствования социальной полезности земли, который принадлежит обществу и должен изыматься в бюджет через соответствующие финансовые механизмы для последующего перераспределения. Земля имеет особую социальную значимость как природный ресурс и территориально-пространственный базис жизни и хозяйственной деятельности людей, она невоспроизводима, незаменима и территориально ограничена. Это требует рационального использования ее площади, обеспечивающего баланс между индивидуальными и коллективными интересами. В связи с этим, на наш взгляд, социальная полезность земли для общества определяется ее функциональным использованием и обусловлена: во-первых, общим развитием территориальной инфраструктуры; во-вторых, конкретным отраслевым видом использования земли.

Социальная земельная рента, представляющая собой избыточный доход, возникающий в результате необоснованного присвоения субъектами хозяйствования социальной полезности земли, принадлежит обществу и должна изыматься в бюджет через соответствующие финансовые механизмы для перераспределения. В соответствии с Кодексом Республики Беларусь о земле формами платы за пользование земельными участками являются земельный налог или арендная плата, которые в бухгалтерском учете отражаются как затраты на осуществление определенного вида деятельности. В связи с этим у субъектов хозяйствования социальная земельная рента может быть изъята в бюджет либо через земельный налог, либо через арендную плату (в случае если земельный участок арендован у государства) и как объект бухгалтерского учета, соответственно, выступает в составе затрат организации (см. рисунок).

Экологическая и антиэкологическая земельная рента

Экологическая земельная рента 1, представляющая экономическую ценность разнокачественных по экологическим характеристикам земельных участков, является составной частью дифференциальной земельной ренты 1 (по плодородию и местоположению). Следовательно, они представляют собой единый объект бухгалтерского учета (см. рисунок).

Экологическую ренту 2, так же как и дифференциальную ренту 2, присваивает пользователь земли в течение срока использования земельного участка.

Экологическая земельная рента 2 носит воспроизводственный характер и делится на простую и расширенную. Экологическая земельная рента 2 простая представляет собой прибыль от сохранения экологических характеристик земельного участка. Однако она носит вероятностный характер как прибыль от предотвращенного уменьшения стоимости земельного участка вследствие ухудшения его экологических характеристик. По нашему мнению, экологическая земельная рента 2 простая не может быть признана объектом бухгалтерского учета. Так, констатация стоимости земельного участка при существующем экологическом состоянии фиксируется при принятии данного земельного участка к бухгалтерскому учету. Экологическая земельная рента 2 простая отражает отсутствие изменений указанного экологического состояния в ходе хозяйственной деятельности, таким образом, отсутствуют и факты хозяйственной жизни.

Наиболее интересным объектом бухгалтерского учета, на наш взгляд, выступают экологическая земельная рента 2 расширенная и антиэкологическая земельная рента, так как они отражают экологическое улучшение или экологический износ (истощение) земельного участка, следовательно, не только формируют достоверную информацию об экологических результатах землепользования организации, но и являются основой для макроэкономических расчетов индикаторов экологически устойчивого развития страны (чистого внутреннего продукта, индекса адаптированных чистых сбережений и др.).

Экологическая земельная рента 2 расширенная является стоимостным показателем экологического улучшения земельного участка за счет совершенствования его экологических характеристик в результате хозяйствования и соответствующего изменения стоимости объекта недвижимости. Вместе с тем как прибыль от изменения стоимости объекта недвижимости она может быть получена лишь при реализации земельного участка, что оказывает непосредственное влияние на порядок ее отражения в бухгалтерском учете. При этом экологическая земельная рента 2 расширенная в момент реализации земельного участка должна отражаться сразу как чистая прибыль, что является элементом стимулирующего экономического механизма неистощимого рационального природопользования с целью нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности в экологической сфере (см. рисунок).

Экологическая земельная рента 2 (как простая, так и расширенная) при хищническом хозяйствовании на земле вследствие антиэкологической политики субъекта хозяйствования может модифицироваться в антиэкологическую ренту, которая как объект бухгалтерского учета представляет собой экологический износ (истощение) земельного участка и влечет уменьшение стоимости объекта недвижимости (см. рисунок). Сверхприбыль, полученная вследствие антиэкологической политики субъекта хозяйствования, в размере экологического износа (истощения) земельного участка должна при его реализации или другом выбытии возмещаться государству или другому собственнику за счет чистой прибыли субъекта хозяйствования, осуществлявшего антиэкологическое землепользование.

В результате проведенного исследования разработана методика определения экологической и антиэкологической земельной ренты в рамках построения системы эколого-экономического учета на уровне организации. Суть предлагаемой методики заключается в систематическом определении экологической и антиэкологической земельной ренты на основе данных локального мониторинга. В связи с тем, что при проведении мониторинга по одним характеристикам земельного участка может происходить улучшение (стоимостным выражением которого является экологическая земельная рента 2 расширенная R_{sp}), а по другим – ухудшение (стоимостным выражением которого является антиэкологическая земельная рента R_{ad}), обобщающим показателем, на наш взгляд, будет являться суммарный эколого-экономический результат землепользования (E_{ϕ}), который предлагаем определять следующим образом:

$$E_{\phi} = R_{sp} - R_{ad}. \quad (1)$$

Исходя из научно обоснованной экономической сущности антиэкологической земельной ренты ее обратным выражением является эколого-экономический ущерб. В этой связи за основу определения антиэкологической земельной ренты предлагаем взять действующую методику исчисления размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, разработанную Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и утвержденную постановлением Совета Министров Республики Беларусь [3], которая учитывает виды (загрязнение земель химическими и иными веществами, водная и ветровая эрозия, ухудшение культур технического состояния сельскохозяйственных земель и др.), показатели (превышение норматива предельно допустимой или ориентировочно допустимой концентрации химических и иных веществ, уменьшение мощности плодородного, гумусированного, слоя почвы и др.) и степень (низкая, средняя, высокая, очень высокая) деградации.

Проведенное исследование позволило выявить, что разрабатываемые в настоящее время в нормативных документах и специальной экономической литературе методики нацелены на выявление и определение величины экологического вреда. Вместе с тем эффективная система природопользования должна выполнять не только фискальную, но и стимулирующую функции. С точки зрения научно обоснованного принципа прямой зависимости собственного капитала организации от ее вклада в воспроизводство

природного капитала страны как части национального богатства должен оцениваться вклад каждой организации не только отрицательный, но и положительный, поэтому определение величины экологической земельной ренты 2 расширенной имеет особую актуальность и практическую значимость.

Опираясь на действующую в Республике Беларусь методику исчисления размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, основанную на выявлении и стоимостной оценке ухудшений показателей состояния земли, представляется целесообразным дополнить указанную методику расчетом показателей улучшения, принимая за основу разработанные Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь виды, показатели деградации и интервалы их значений. Предлагаемая методика определения экологической и антиэкологической земельной ренты представлена в таблице 6.

Таблица 6 – Предлагаемая методика определения экологической и антиэкологической земельной ренты

Методика определения величины антиэкологической земельной ренты	Методика определения величины экологической земельной ренты 2 расширенной
$R_{aэ} = \sum_{i=1}^n U_i, \quad (2)$ <p>где $R_{aэ}$ – величина антиэкологической земельной ренты, руб.; U_i – величина эколого-экономического вреда по i-му виду деградации, руб.; n – количество видов деградации</p>	$R_{эп} = \sum_{i=1}^n \Pi_i, \quad (6)$ <p>где $R_{эп}$ – величина экологической земельной ренты 2 расширенной, руб.; Π_i – величина эколого-экономического прироста по i-му виду улучшения, руб.; n – количество видов улучшения</p>
<p>Величину эколого-экономического вреда (U_i) предлагаем определять по действующей методике определения эколого-экономического вреда по i-му виду деградации, разработанной Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и утвержденной Постановлением № 1042</p>	<p>Величину эколого-экономического прироста (Π_i) предлагаем определять по аналогии с действующей методикой определения эколого-экономического вреда (формулы (3), (4), (5)), но по показателям, характеризующим не деградацию, а улучшение земельного участка</p>
$U_i = \max(U_{1i}; U_{2i}), \quad (3)$ <p>где U_{1i} – величина эколого-экономического вреда по первому варианту расчета; U_{2i} – величина эколого-экономического вреда по второму варианту расчета</p>	$\Pi_i = \max(\Pi_{1i}; \Pi_{2i}), \quad (7)$ <p>где Π_{1i} – величина эколого-экономического улучшения по первому варианту расчета; Π_{2i} – величина эколого-экономического улучшения по второму варианту расчета</p>
$U_{1i} = T \cdot P_i \cdot K_u \cdot B, \quad (4)$ <p>где T – таксы в базовых величинах за один квадратный метр, гектар; P_i – количественный показатель площади деградированных земель (включая почвы) соответственно в квадратных метрах, гектарах; K_u – коэффициенты в зависимости от удаленности от городской черты земельного участка, функционального назначения земель и пр.; B – значение базовой величины, установленное на дату составления акта об установлении факта причинения вреда окружающей среде, в белорусских рублях</p>	$\Pi_{1i} = T \cdot S_i \cdot K_u \cdot B, \quad (8)$ <p>где S_i – количественный показатель площади улучшенных земель (включая почвы), в квадратных метрах, гектарах</p>
$U_{2i} = C \cdot K_n, \quad (5)$ <p>где C – кадастровая стоимость земельного участка по материалам кадастровой оценки; K_n – соответствующие коэффициенты: при низкой степени деградации этих земель – 0,25; средней – 0,5; высокой – 0,75; очень высокой – 1</p>	$\Pi_{2i} = C \cdot K_y, \quad (9)$ <p>где K_y – соответствующие коэффициенты: при низкой степени улучшения этих земель – 0,25; средней – 0,5; высокой – 0,75; очень высокой – 1</p>

Учет экологической и антиэкологической ренты дает возможность не только учесть экологические нарушения и вычесть вызванные ими потери: как из финансовых результатов организации (уровень микроэкономики), так и из ВВП, валовых внутренних накоплений, чистого внутреннего продукта и других показателей (уровень макроэкономики), но и отразить расширенное воспроизводство природного капитала. Если экономическое развитие не только не вызывает экологических нарушений, но и улучшает состояние окружающей среды, то отрицательные величины экологических нарушений меняются на положительные показатели, отражающие прирост природного капитала в смысле оздоровления окружающей природной среды.

В бухгалтерском учете выражение эколого-экономического результата землепользования, определяемого на основе экологической и антиэкологической земельной ренты, предлагаем отражать в активе баланса как экологическое истощение либо экологическое улучшение по счету «Земельный участок».

Исходя из принципа двойственности в пассиве баланса выражением эколого-экономического результата землепользования, на наш взгляд, должен служить добавочный экологический (антиэкологический) капитал, который предлагаем отражать на одноименном счете «Добавочный экологический (антиэкологический) капитал».

В рамках научно обоснованного принципа прямой зависимости собственного капитала организации от ее вклада в воспроизводство природного капитала страны как части национального богатства разработана методика учета экологической и антиэкологической земельной ренты как фактора обеспечения устойчивого землепользования. Рекомендовано положительную разницу между экологической и антиэкологической земельной рентой (положительный эколого-экономический результат), определяемую на основе предлагаемой методики, отражать по дебету счета «Земельный участок» и кредиту счета «Добавочный экологический (антиэкологический) капитал». Таким образом, на эту сумму происходит увеличение стоимости земельного участка за счет улучшения его экологического состояния и добавочного экологического капитала; в случае отрицательного эколого-экономического результата составляется обратная корреспонденция счетов и, соответственно, отражается экологическое истощение земельного участка и увеличение добавочного антиэкологического капитала (отражается в балансе со знаком «минус»).

Следует отметить, что при осуществлении антиэкологической политики и, следовательно, утрате полезных свойств земельного участка может возникнуть отрицательная стоимость земли, что, по нашему мнению, государство не должно допускать. Представляется, что в случае возникновения указанной ситуации земельный участок должен подлежать изъятию у субъектов хозяйствования вне зависимости от того, используется он на праве собственности или других правах.

Наличие добавочного экологического капитала организации должно стать важным стимулирующим фактором ноосферной национальной экономики. Этот показатель может оказывать существенное влияние на решение о получении кредитных ресурсов, налоговых льготах, снижении арендной платы, заключении и продлении договоров аренды земельных участков и прочем, для чего должны быть разработаны соответствующие финансовые механизмы. При реализации земельного участка сумма положительного эколого-экономического результата, отражаемая по счету «Земельный участок», уменьшает финансовый результат от реализации, и, соответственно, эта величина не облагается налогом на прибыль. Одновременно сумма положительного эколого-экономического результата при выбытии со счета «Добавочный экологический (антиэкологический) капитал» списывается на увеличение нераспределенной прибыли, минуя налогообложение. Обратной корреспонденцией отражается уменьшение суммы нераспределенной прибыли на сумму отрицательного эколого-экономического результата при выбытии земельного участка.

В случае если земельный участок используется на праве аренды постоянного или временного пользования, для собственника земли положительный эколого-экономический результат означает увеличение стоимости земельного участка, переданного в пользование. Таким образом, при выбытии земельного участка сумма экологического прироста его стоимости в результате эффективного и эколого-защитного землепользования должна быть возмещена собственником земли. Механизм возмещения может быть различным: снижение арендной платы, денежное возмещение, налоговые льготы, если земельным собственником является государство, и т.д. Добавочный экологический капитал по выбывшему земельному участку увеличивает нераспределенную прибыль. Обратная ситуация возникает при наличии антиэкологического капитала.

Необходимо отметить, что учет организациями добавочного экологического и антиэкологического капитала соответствует государственным направлениям совершенствования механизма природопользования, предполагающего разработку системы экономического стимулирования внедрения природоохранных технологий и оборудования с использованием дифференцированного кредитования, учета экологических требований при приватизации предприятий с использованием части полученных средств на улучшение экологических характеристик производства, что обеспечивает смещение приоритета от экономических инструментов негативной мотивации (платежи за загрязнение окружающей среды, возмещение экономического вреда) в сторону расширения позитивной мотивации для природопользователей, внедряющих технологии с минимальными воздействиями на окружающую среду.

Заключение. Предлагаемая методика учета экологической и антиэкологической земельной ренты с отражением в балансе организации эколого-экономического результата землепользования *обеспечит* практическую реализацию научно обоснованного принципа прямой зависимости собственного капитала организации от ее вклада в воспроизводство природного капитала страны как части национального богатства; будет способствовать решению проблемы асимметричности информации субъектов хозяйствования в части экологических аспектов землепользования, обеспечению устойчивого природопользования, поддержанию экологических функций почв и реализации мер по борьбе с их деградацией и загрязнением; выступит стимулирующим экономическим механизмом для обеспечения неистощимого рационального использования и охраны земель в условиях развития земельных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международный стандарт о финансовой отчетности № 40 «Инвестиционная недвижимость».
2. Инструкция о порядке переоценки основных средств, не завершённых строительством объектов и не установленного оборудования: утв. постановлением М-ва экономики Респ. Беларусь, М-ва финансов Респ. Беларусь и М-ва архитектуры и строительства Респ. Беларусь от 05.11.2010 № 162/131/37.

3. Кодекс Республики Беларусь о земле, 23 июля 2008 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.10.2010 № 176-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
4. Антология экономической классики: в 2 т. Т. 1 / сост. и предисл. И.А. Столярова. – М.: ЭКОНОВ, 1993. – 475 с.
5. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1983–1986. – Т. 3. Кн. 3: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 2 / под ред. Ф. Энгельса, 1986. – 1080 с.
6. Методические подходы к формированию новых эффективных земельных отношений / В.Г. Гусаков [и др.]. – Минск: Ин-т экономики НАН Беларуси, 2006. – 80 с.
7. Николаев, И. Природная рента: цена вопроса / И. Николаев, А. Калинин // Общество и экономика. – 2003. – № 12. – С. 75–107.
8. Колесник, М. Текущее состояние и перспективы рентного налогообложения в России / М. Колесник // Вопросы экономики. – 2003. – № 6. – С. 78–87.
9. Гаврилов, В.П. Общество и природная среда / В.П. Гаврилов, С.И. Ивановский; Ин-т экономики РАН. – М.: Наука, 2006. – 212 с.
10. Яковец, Ю.В. Рента, антирента, квазирента в глобально-цивилизационном измерении / Ю.В. Яковец. – М.: Академкнига, 2003. – 240 с.
11. Лещиловский, П. Теоретические и практические особенности налогообложения земельных ресурсов в современных условиях / П. Лещиловский, А. Мозоль // ЭКОВЕСТ. – 2003. – № 3. – С. 668–684.
12. Стоимостная оценка земли и ее использование в хозяйственном механизме / В.Ф. Бондарчук [и др.]. – Минск: Белорус. науч. ин-т внедрения новых форм хозяйствования в АПК, 2003. – 45 с.
13. Шмойлов, С.Ю. Формирование и распределение абсолютной и дифференциальной горной ренты / С.Ю. Шмойлов. – М.: Огни, 2003. – 104 с.
14. Разовский, Ю.В. Сверхприбыль недр / Ю.В. Разовский. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 222 с.
15. Варламов, А.А. Учет земельной ренты при оценке земельных участков / А.А. Варламов // Экономика с.-х. и перерабатывающих предприятий. – 2006. – № 5. – С. 34–41.
16. Технический кодекс установившейся практики. Кадастровая оценка сельскохозяйственных земель сельскохозяйственных организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств: ТКП 302-2011 (03150). – Введ. 01.05.11. – Минск: Гос. ком. по имуществу Респ. Беларусь, 2011. – 146 с.
17. Методические рекомендации по формированию закупочных цен и делению валового дохода на ренту, прибыль и фонд оплаты труда / Белорус. НИИ экономики и информ. агропромышл. комплекса. – Минск, 1995. – Ч. 2. – 136 с.
18. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1964. – Т. 26, Ч. 3. – 674 с.
19. Тришин, Н.А. Экономическая оценка земли в переходной экономике России: теория, методология, практика: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Н.А. Тришин; Оренбург. гос. аграр. ун-т. – Оренбург, 2002. – 400 л.
20. Аграрные отношения: теория, историческая практика, перспективы развития / И.Н. Буздалов [и др.]. – М.: Наука, 1993. – 270 с.
21. Карнаухова, Е.С. Дифференциальная рента и экономическая оценка земли: (Вопросы методологии и опыт исследования) / Е.С. Карнаухова // Тез. докл. на Ученом совете по аграр. проблемам социализма Ин-та экономики АН СССР. – М.: Экономика, 1977. – 256 с.
22. Мещеров, В.А. Об экономической природе абсолютной и дифференциальной ренты / В.А. Мещеров // Методология и теория экономики. – 2004. – № 9. – С. 36–44.
23. Микроэкономика: учеб. пособие для студентов экон. специальностей учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / А.В. Бондарь [и др.]. – Минск: БГЭУ, 2009. – 415 с.

Поступила 08.04.2016

ACCOUNTING OF LAND RENT

S. VEGERA

The article studies the essence of land rent as objects of business accounting. The method of accounting and reporting of land rent, which provides management information of base control of inexhaustible nature management organization, is developed. The proposed methodology will ensure the practical realization of the principle of science-based direct proportion to company's own capital from its contribution to the reproduction of the natural capital of the country as part of the national wealth, and the sustainable use of natural resources, maintaining the ecological functions of the soil and the implementation of measures to combat their degradation and pollution.

Keywords: land, land rent, additional environmental capital, called-up natural capital.

УДК 657.1

**ТРАНСФОРМАЦИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА****канд. экон. наук, доц. Т.М. ОДИНЦОВА****(Севастопольский государственный технический университет, Россия)**

Рассматриваются проблемные аспекты и перспективы развития бухгалтерского учета в условиях экономики знаний; определяется его роль в формировании информационной среды сбалансированного устойчивого экономического развития. Показаны перспективы развития бухгалтерского учета как науки и практической деятельности. Сделан вывод о том, что развитие бухгалтерского учета как науки и отход от сложившихся стереотипов являются необходимыми в силу объективных требований экономической среды, поскольку требования к информации бухгалтерского учета так или иначе определяют пути его развития как науки и формы практической деятельности.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, виды учета, метод учета, сбалансированное устойчивое развитие, информационная среда.

Введение. В последнее время бухгалтерский учет как научная и практическая дисциплина переживает этап переосмысления своей роли в формировании информационной среды и управлении экономическими процессами. Это связано, в первую очередь, с оценкой способности отвечать на вызовы современной социально-экономической жизни в контексте процессов глобализации и интернационализации хозяйственной деятельности, динамичности развития и взаимодействия рынков, формирования качественно новых требований к системе управления организацией и информационной среде мировой финансово-экономической архитектуры. Более того, вектор развития экономической теории и практики начинает меняться в соответствии с осознанием и постепенным принятием принципа экогармонии объективного мира, предполагающего новые ценностные ориентиры и целевые установки в развитии человечества в целом и его экономической деятельности в частности. Это меняет подходы и к бухгалтерскому учету, его месту в информационном поле и содержанию продукта учетной деятельности.

Многими ведущими учеными на страницах научных изданий обсуждаются перспективы развития бухгалтерского учета как науки и практической деятельности. В числе актуальных вопросов – подходы к теории бухгалтерского учета, его роли в формировании информационной среды, отвечающей требованиям современной экономической жизни и позиционирования в системе поддержки принятия решений.

Основная часть. То, что в последние десятилетия бухгалтерский учет как научная дисциплина переживает этап переосмысления своей роли в формировании информационной среды и управлении экономическими процессами, подтверждает значительное количество исследований и публикаций как зарубежных, так и отечественных ученых, посвященных вопросам теории учета, его парадигм и концепций, современной роли и требований к информационному продукту. Среди таких исследований можно, в частности, выделить работы Р.К. Элиота, Р. Экклза, С. Дипиазы, Б. Лева, Р.А. Хауэлла, П. Друкера, Я.В. Соколова, М.П. Войнаренко, Д.А. Панкова, М.Л. Пятова, А.М. Андросова, С.Ф. Голова, М.С. Пушкаря, В.М. Жука, С.Ф. Легенчука, Н.М. Малюги и других.

Большинством авторов подчеркивается необходимость наполнения содержания учетной информации теми данными и показателями, которые представляют реальный интерес для пользователей в настоящих условиях. Так, Б. Лев, базируясь на данных эмпирических исследований, отмечает уменьшение полезности для инвесторов финансовой информации традиционного бухгалтерского учета – за последние несколько десятилетий связь между ценами на акции и ключевыми финансовыми показателями (рентабельность, балансовая стоимость или денежные потоки) существенно ослабла. Менеджеры также все больше используют для принятия решений данные, альтернативные информации финансового учета, например, такие как экономическая добавленная стоимость (ЭДС), система сбалансированных показателей [1].

Активизация научных поисков в данном направлении является объективной необходимостью в контексте формирования информационного общества и экономики знаний, интернационализации хозяйственной деятельности, ориентации на социальную и экологическую ответственность бизнеса и формирования концепции устойчивого развития, дематериализации капитала, а также повышения требований к прозрачности информационной среды мировой финансовой архитектуры. Требования к учетной информации в условиях «экономики знаний» определяются новым, качественно более высоким уровнем управления и принятия решений; выбором целевыми ориентирами деятельности предприятий сбалансированности и устойчивости развития; появлением новых объектов учета, раскрытие информации о которых в условиях глобальной информационной среды обеспечит прозрачность компании и адекватность системы управления процессам создания стоимости. При этом существенное влияние на учет оказывают две наиболее актуальные сегодня концепции – устойчивого развития и балансирования интересов предприятия и интересов заинтересованных лиц, так называемых стейкхолдеров.

Устойчивое развитие, по определению экспертов Всемирного банка, должно обеспечить не только экономический рост, а и рост (или, по крайней мере, не уменьшение) всех активов, включающих не только традиционно учитываемый физический капитал, но также природный и человеческий для сохранения и расширения имеющихся у людей возможностей, что меняет ценностные ориентиры социального сознания и целевые установки общественного развития. Это особенно актуально в контексте перехода к «информационному обществу» – экономике знаний, нематериальных потоков информации, интеллектуальной собственности, финансов, что приводит к так называемой «дематериализации» хозяйственной деятельности: уже сейчас объемы нематериальных активов превышают физический капитал в 5–6 раз, а объемы финансовых сделок превышают объемы торговли материальными товарами в 7 раз. Новую экономику двигают не только дефицит материальных (и природных) ресурсов, но во все большей степени изобилие ресурсов информации и знаний. Это позволяет говорить о «ноосферизации экономики», основанной на интеллектуальном и человеческом капитале.

Сбалансированность развития определяется переходом от теории акционеров к теории заинтересованных лиц в рамках неонинституциональной экономической парадигмы. В настоящее время предприятие не может рассматриваться вне среды его функционирования и позиционируется в социально-экономическом пространстве как центр пересечения интересов различных субъектов и институтов, цели деятельности которого определяются не столько получением собственной выгоды, сколько гармонизированы с этими интересами.

Обе концепции предполагают переход от оптимизации традиционных показателей успешности экономической деятельности, таких как производительность, прибыль, рентабельность, денежный поток, отражающих удовлетворение целей самого предприятия и его владельцев, к управлению факторами, формирующими доверие к предприятию в долгосрочной перспективе со стороны всех заинтересованных лиц. В первую очередь это общество, заинтересованное в рациональном использовании ресурсов и приумножении всех видов капитала, что позволит обеспечить не только экономическое развитие, но и социальную справедливость по отношению к последующим поколениям.

Таким образом, возможность сбалансированного устойчивого развития предприятия определяется не только экономической эффективностью, но и еще рядом факторов:

- социальной ориентацией и экологической ответственностью бизнеса;
- построением деятельности предприятия с учетом балансирования интересов заинтересованных лиц;
- наличием стратегии развития и эффективной системы управления, реагирующей на изменения во внешней и внутренней среде;
- наличием тех видов капитала, которые не просто позволяют создавать стоимость, но и являются платформой для ее создания в долгосрочной перспективе.

Именно эти характеристики (рис. 1) определяют доверие инвесторов к компании и являются капиталобразующими факторами «длительного действия».

Рисунок 1 – Факторы сбалансированного устойчивого развития предприятия

Обеспечение управления ими и формирование информационной среды устойчивого сбалансированного развития предполагает, в частности, и определенные изменения во взглядах на бухгалтерский учет. Такие изменения нашли отражение в значительном количестве публикаций как зарубежных, так и отечественных ученых, посвященных вопросам теории учета, его парадигм и концепций, современной роли и требований к информационному продукту. Среди исследований зарубежных авторов можно выделить разработки: «Трех волн» Р.К. Элиота; «Трехуровневая модель обеспечения прозрачности отчетности» Р. Экклза, С. Дипизы; «Новый учет для новой экономики» Б. Лева; «Структура учёта информационного столетия» Р.А. Хауэлла. Представляют также интерес «информология» и «интеллектуальный учет» М.С. Пушкаря, «стратегический эккаунтинг» С.М. Деньги и Ю.А. Вериги, «двойная информаци-

онная динамика» Н.М. Малюги, «многоцелевой» и «глобальный учет» С.Ф. Голова, «институциональная теория учета» В.М. Жука, «научно-исследовательские программы бухгалтерского учета» С.Ф. Легенчука и ряд других концепций (рис. 2).

Рисунок 2 – Концепции развития учета в условиях формирования информационной среды сбалансированного устойчивого развития

Наиболее значимыми тенденциями в области развития бухгалтерского учета в условиях экономики знаний, по нашему мнению, являются:

- более широкое видение задач и роли учета в современной экономической среде с точки зрения информационного обеспечения всех категорий пользователей и поддержки систем управления;
- изменение подходов к видению предмета, объектов учета, его основных принципов, развитие методологической базы для обеспечения большей гибкости, действенности и адекватности учета;
- критическая оценка действующих подходов и поиск оптимальных вариантов регламентации учета; переход от директивного регулирования к «мягкому законодательству», интернационализация и глобализация учета;
- сближение существующих видов учета, новый подход к разделению учета на внешний и внутренний;
- попытки выделить новые виды учета в соответствии с расширенным пониманием его функциональной роли, методов, предмета и требований к «продукту» учета как подсистемы менеджмента – стратегический, адаптивный, многоцелевой, креативный, интеллектуальный и др.

Первоочередной и достаточно очевидной задачей является необходимость наполнения содержания учетной информации теми данными и показателями, которые представляют реальный интерес для пользователей в настоящих условиях. Так, Р. Экклз и С. Дипиаза полагают необходимым дополнить данные бухгалтерской отчетности информацией об интеллектуальном капитале и нефинансовой информацией для принятия решений [2]. Профессор А. Хауэлл предлагает изменить архитектуру финансовой отчетности, сконцентрировав внимание в ней также на информации о нематериальных факторах создания стоимости и логике процесса «производства денег» [3].

То, что стандартная финансовая отчетность представляет информацию, сориентированную только на определенную группу пользователей, в первую очередь инвесторов, считается практически общепризнанным фактом. Более того, субъективность оценок и отражения в ней объектов связана со спецификой правил учета. В частности:

- показатель прибыли может легко варьироваться и зависит от момента признания и содержательного наполнения расходов и доходов;
- прибыль не соответствует активам, которыми она генерируется; в балансе не отражаются значимые ресурсы (например, интеллектуальный капитал, организационные ресурсы, объекты, в полной мере не контролируемые предприятием, например, забалансовые);
- информация финансовой отчетности не отражает реальную стоимость бизнеса, платформы для ее создания;
- баланс слишком историчен и не показывает реальное соотношение финансирования и инвестиций, отчетность не дает информации о том, как менеджмент использует финансовые ресурсы;
- информация о капитале не отражает, кто осуществляет реальный контроль над предприятием;

- существует проблема объективности учетных оценок: историческая стоимость слабо отражает действительное положение дел, справедливая стоимость во многом является зависимой от использования допущений в моделях ее определения (например, при отсутствии активного рынка – от ставки дисконтирования, используемых значений вероятности, при наличии – от условий конкретной сделки).

Следует также отметить еще два существенных фактора уменьшения полезности финансовой информации в современных условиях:

- появляются новые объекты, которые представляют собой реальную базу для создания стоимости, которые не всегда могут быть измерены в денежном выражении и зачастую не признаются в учете (показатели, отражающие экологическую и социальную ответственность бизнеса, такие виды капитала, как организационный, инновационный, человеческий, репутационный);

- происходит постепенное движение от финансовой отчетности к отчетности устойчивого развития.

Это подтверждает тот факт, что сегодня для большинства крупных, сориентированных на рост компаний, нормой становится так называемая отчетность устойчивого развития на базе «мягкого» международного стандарта GRI «Глобальная инициатива по отчетности» (Global Reporting Initiative), предполагающего формирование отчетности по принципу «триединого итога» – экономика компании, экология производства и социальная политика. Такая отчетность приобретает все большее распространение, ее составляют предприятия в 49 странах мира, для практически всех крупнейших мировых компаний их публикация стала нормой. За 2015 год было опубликовано 19192 отчета устойчивого развития (по состоянию на 30.06.2015), причем рост количества отчетов устойчивого развития за 2015 год составил 28% (4203 отчета). В ряде стран подготовка отчета об устойчивом развитии стала законодательно утвержденной нормой.

Это означает переход корпоративной отчетности на качественно новый уровень. Отчетность устойчивого развития строится на основе концепции социальной ответственности и предполагает оценку перспектив и последствий деятельности данной организации, ее влияния на жизнь общества и вклада в природный, человеческий и социальный капитал. Стандарт GRI предполагает определение ряда нефинансовых показателей результативности по каждому из данных направлений и их включение в отчет компании в объеме, соответствующем одному из трех возможных уровней раскрытия информации. Уровень *C* используется начинающими организациями и требует включение в отчет минимального количества показателей результативности, уровень *B* – промежуточный по степени сложности и информационного охвата, и уровень *A* предназначен для предприятий, имеющих опыт в составлении такой отчетности, и предполагает максимально полное информационное освещение приводимых в отчете аспектов деятельности. Уровень определяется и декларируется компанией самостоятельно, при этом допускается дополнение уровня знаком «плюс» (*A+*, *B+*, *C+*) в случае, если отчет прошел внешнее подтверждение, т.е. аудит и сертификацию у специалистов в соответствующей области. Следует отметить, что отчетные показатели результативности, дающие сопоставимую информацию об экономических, экологических и социальных результатах деятельности организации, приводятся в контексте характеристики условий и среды этой деятельности, стратегии и подходов менеджмента в данном направлении.

Главным преимуществом отчетности устойчивого развития представляется ее ориентация не столько на прошлые, сколько на будущие события, т.е. возможность оценки перспективной привлекательности бизнеса. Факторами такой привлекательности являются корпоративная социальная ответственность и стратегия развития, нацеленная на долгосрочную устойчивость, развитие и гармоничное существование в экономической среде, природе и обществе, поскольку именно они сегодня определяют доверие инвесторов к компании и рассматриваются как долгосрочные факторы создания стоимости. Важной тенденцией развития современной корпоративной отчетности является то, что в ней находит отражение не только внутренняя, но и внешняя информация, позволяющая судить о качестве управления, среде функционирования, способности предприятия создавать стоимость, рисках и перспективах его развития. Внутренняя информация, в частности, включает: характеристику стратегии компании, организационной структуры и системы управления, платформы для создания стоимости (инновации, бренды, удовлетворенность и лояльность клиентов, качество и обновляемость продукции, цепочка «поставщик – потребитель», человеческий капитал, репутация); показатели деятельности по сегментам бизнеса. Внешняя информация, как правило, представлена обзором рынка и существующих на нем тенденций, характеристикой конкурентной среды и ситуации в отрасли.

При составлении корпоративной отчетности все в большей степени требуется информация управленческого учета, информация нефинансового характера. Так, О.А. Терещенко отмечает: «составление отчетности по IFRS предусматривает использование информации управленческого учета, в частности, плановые расчеты, показатели управленческой отчетности и т.д. В международной практике такой прием определяется как управленческий подход к составлению отчетности» [4, с. 216].

Происходит смещение целевой ориентации отчетности – становится менее выраженной ее внешняя направленность, и в существующем сегодня виде она становится средством привлечения внимания руководства к проблемам предприятия, стимулирует более эффективную работу менеджмента и может рассматриваться как информационный ресурс, в равной степени ценный и для внешних, и для внутрен-

них потребителей. Формирование такого рода отчетов является предпосылкой для перехода к следующему этапу – полностью интегрированной корпоративной отчетности, которая будет сочетать в себе финансовый отчет и отчет о стратегической устойчивости, объединенные в новом формате на качественно новом уровне. Стандарты такой отчетности пока находятся в стадии разработки, однако ряд стран и компаний уже практикует подготовку интегрированных отчетов [5].

В условиях «экономики знаний» качественно новый уровень управления и принятия решений предполагает, что учетная информация должна охватывать не только прошлые события, но и будущее, отражать не только внутренние процессы, но и давать характеристику внешней среды.

Попытки расширить требования к содержанию учетной информации и круг задач учета зачастую встречают серьезные возражения со стороны ряда ученых. Так, Б.В. Валуев подчеркивает, что «система учета может формировать только информацию, которая по составу и содержанию адекватна составу и содержанию совокупного хозяйственного процесса» [6]. В учете, отмечает З.В. Гуцайлюк, не могут отражаться явления, события или факты, не имеющие стоимостной оценки, соответственно, нефинансовая информация по определению не может быть отражена в системе учета. Возможность охвата бухгалтерским учетом информации о внешней среде также подвергается серьезным сомнениям, поскольку она не может фиксироваться средствами первичного учета и наблюдение таких данных не может быть сплошным, что нарушает принцип полноты учета. Еще одним аргументом против включения в круг объектов учета нефинансовых параметров деятельности, будущих событий и данных о внешней среде функционирования предприятия является невозможность (или сложность) их отражения в системе счетов и двойной записи [7].

В данном контексте, на наш взгляд, правильным представляется подход, расширяющий традиционные границы бухгалтерского учета. Если существующие методы и принципы учета сдерживают такое развитие, имеет смысл пересматривать их, иначе учет просто потеряет свою актуальность для пользователей. Поэтому, говоря о принципах и методах учета в условиях экономики знаний, по нашему мнению, целесообразно отойти от стереотипов их восприятия, как чего-то статичного и неизменного. При сохранении методологического ядра учета важно развивать и расширять круг используемых методов, обеспечивая тем самым их адекватность существующим и новым задачам учета. Как пишет Н.Г. Чумаченко, «бухгалтерский учет ставит своей задачей описывать, объяснять, предусматривать факты и одновременно направлять наши действия. В этом он опирается на четыре вида моделей: описательные, объяснительные, прогностические и модели принятия решений» [цит. по: 8].

Например, управленческий учет развивается в направлении не только совершенствования традиционных элементов метода бухгалтерского учета, а и применения целого ряда методов из смежных областей управленческой деятельности – планирования, анализа, прогнозирования, математического моделирования и других. В числе методов управленческого учета М.А. Вахрушина называет статистические, аналитические, экономико-математические методы и отмечает, что стандартные элементы метода становятся не законодательно определенными процедурными составляющими, а многовариантно используемым инструментом управления:

- при использовании документации может меняться перечень реквизитов, в зависимости от поставленных целей управления;
- оценка может осуществляться с использованием различных подходов (например, по инвестиционной, рыночной, страховой, балансовой, ликвидационной стоимости) и различных единиц измерения;
- калькулирование может осуществляться с использованием самых разнообразных методик и в управленческом учете позволяет определять разную себестоимость для разных целей;
- возможно применение или неприменение счетов и двойной записи;
- факт, периодичность составления и содержание баланса и отчетности определяется принципом экономичности, целесообразно составление прогнозных, сегментарных балансов, итерационные методики его построения [9].

Соответственно, формирование информационной среды устойчивого развития оказывает влияние на развитие всех основных элементов метода бухгалтерского учета. Например, как предлагает С.Ф. Голов, дополняя и развивая систему счетов, можно вводить в нее счета перспективного учета, контрольные счета для оценки отклонений от запланированных показателей, дифференциальные счета для сравнения будущих релевантных показателей затрат и доходов, применять забалансовые счета для отражения нефинансовой информации и т.д. [10]. Широкие возможности конструирования информационной системы представляет сочетание иерархического и параллельного принципа при построении счетов аналитического учета.

Не единственно возможным вариантом регистрации хозяйственных операций является и система двойной записи. Кроме диграфической и униграфической (простой) записи, С. Легенчук, классифицируя научно-исследовательские программы бухгалтерского учета, выделяет системы тройной (Э. Джонса, Ф.В. Езерского, Дж. Лероя, Ю. Идзири, Й. Грига) и четверной записи (Н. Д'Анастасио, Дж. Чербони, И.П. Шмелева, М. Мери). На рисунке 3 представлены известные в теории учета варианты записи операций для формирования полезной информации на счетах [11].

Рисунок 3 – Виды записи операций на счетах бухгалтерского учета

В современных условиях активно развиваются другие элементы метода учета. Например, настоящий «бум» можно отметить в развитии методов калькулирования – от получивших широкую известность систем директ-костинг, стандарт-костинг до калькулирования на основе деятельности, на основе пропускной способности, точно в срок, целевого калькулирования, калькулирования жизненного цикла, атрибутов, брендов и т.д. Использование современных калькуляционных систем (рис. 4) в условиях нестабильности экономической среды позволяет решать задачи как оперативного, так и стратегического управления затратами и факторами их формирования.

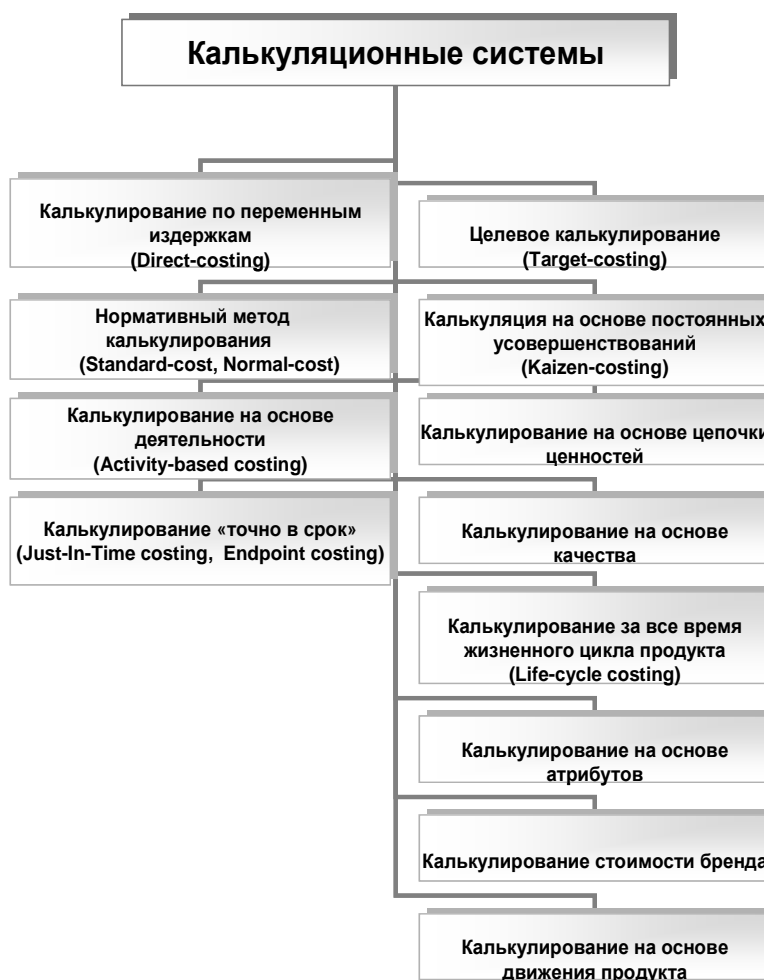

Рисунок 4 – Современные калькуляционные системы, используемые в оперативном и стратегическом управлении затратами

При соблюдении приоритетности денежной оценки в учете возрастает роль неденежных измерителей, например, для стратегического управления (сбалансированные оценочные показатели), расчета комплекса показателей отчетности устойчивого развития. К тому же и сама денежная оценка предполагает вариативность, что является предметом обсуждения на уровне разработчиков международных стандартов, ученых и практиков различных стран.

Развитие такого элемента метода, как баланс, осуществляется в двух направлениях – совершенствования его содержания и применения балансового метода для отражения не только активов и пассивов, но и других совокупностей показателей. Например, профессор Роберт А. Хауэлл предлагает преобразовать баланс, выделив в его левой «инвестиционной» части оборотный капитал, основные средства и инвестиции по рыночной стоимости, и нематериальный капитал, в том числе навыки и опыт персонала, интеллектуальную собственность, деловые связи и другие реальные активы наукоёмких компаний. Правая часть, отражающая финансирование этих инвестиций, может быть тоже дополнена за счет тех источников, которые вложены в данные ресурсы – например, договора (контракты) найма на работу могли бы быть признаны как обязательства [3]. Как отмечает С.Ф. Голов, баланс может использоваться для контроля сбалансированности планов и результатов их выполнения. Это подтверждает объективность процесса расширения и модернизации методологической базы учета для обеспечения тех задач, которые стоят перед ним в настоящее время [10].

Выраженной тенденцией в области развития бухгалтерского учета является переход от жесткого разделения на внешний и внутренний к сближению существующих видов учета в рамках концепций «Corporate Governance», «Management Approach» [12; 13]. В частности, в современной корпоративной отчетности находит отражение информация управленческого учета, показатели и пояснения к ним, которые позволят пользователям оценить: 1) корпоративную социальную ответственность и стратегию устойчивого развития, 2) способность предприятия к генерированию экономической добавленной стоимости и механизм ее создания в разрезе основных бизнес-сегментов; 3) эффективность системы корпоративного управления (видение целей и перспектив, планы, организационная структура, критерии оценки деятельности, используемые механизмы внутреннего контроля, подходы к регулированию рисков и пр.); 4) наличие экономических ресурсов, которые не отражаются в финансовой отчетности, но представляют собой реальные факторы создания стоимости (человеческий, инновационный, организационный капитал, репутация и имидж, другие неучтенные нематериальные активы, забалансовое имущество и другие). Внешняя отчетность в существующем сегодня виде становится средством привлечения внимания руководства к проблемам предприятия и может рассматриваться как информационный ресурс, в равной степени ценный и для внешних, и для внутренних потребителей.

Одновременно с этим имеет место динамичное развитие управленческого учета и его трансформация в интерактивную систему поддержки управления, соответственно, существенно меняются требования и к его информационному продукту, представляемому в виде внутренней отчетности либо в другой, удобной для внутренних пользователей, форме. Причем, естественно, развитие управленческого учета имеет значительно меньше ограничений и может гибко реагировать на информационные запросы потребителей, развиваясь в соответствии с современными тенденциями менеджмента и подстраиваясь под существующие модели управления бизнесом. Как справедливо отмечает С.Ф. Голов, «поскольку одна часть бухгалтерского учета, которую называют финансовым учетом, достаточно консервативна вследствие правовой регламентации, то бухгалтерский учет как информационная система развивается, главным образом, путем эволюции именно управленческого учета, который интегрирует принципы учета и финансового менеджмента» [14, с. 301].

Если финансовый учет все в большей степени дополняется данными, которые ранее считались внутренней информацией и формировались исключительно для аппарата управления предприятия, то управленческий учет в его современном понимании в силу своей универсальности в принципе не разграничивает внутренние и внешние данные, предоставляя пользователям любую информацию, важную с точки зрения принятия решений. Другое дело, что эта информация может предоставляться не всем пользователям, а только внутренним и лишь выборочно – внешним, но при этом она охватывает все аспекты функционирования предприятия и не ограничивается ни по содержанию, ни по формату ничем, кроме критерия собственной полезности. Примером этого может послужить практика делегирования подразделениям управленческого учета функций составления отчетности по МСФО, либо расчета и оптимизации налогов и составления налоговой отчетности, которые традиционно относились к сфере «внешнего» учета, однако руководство считает важным дополнительный контроль, мониторинг и оперативное регулирование соответствующих показателей и включает их в сферу объектов управленческой бухгалтерии.

Достаточно распространены идеи возникновения новых видов учета – таких, как стратегический, адаптивный, многоцелевой, креативный, интеллектуальный, функциональный, корпоративный, формирующих свои особые информационные системы. Примеры новых видов учета приводятся в специальной литературе и проиллюстрированы на рисунке 5. Например, стратегический учет трактуется по-разному – от учета, сориентированного на будущие события (прогностического), до части или высшей стадии управленческого или самостоятельного вида учета, который осуществляется для изуче-

ния внешней среды и стратегии предприятия. Неоднозначно трактуется креативный учет, который, по мнению его сторонников, учитывает психологические аспекты поведения потребителей информации, изучает их запросы и дифференцирует информацию в пространстве, времени, по уровням менеджмента, видам. Ряд авторов критикует идею его выделения, подчеркивая, что он возник как способ нарушения правил ведения учета или, в более мягком варианте, манипулирования информацией при помощи учетной политики. Так называемые интеллектуальная и идеальная системы учета сориентированы на запросы менеджеров любого уровня и генерируют, соответственно, необходимую оригинальную информацию.

Рисунок 5 – Новые виды учета, определяемые в специальной литературе

В принципе, речь идет, по нашему мнению, не о новых видах учета, а об усилении функций существующих. Условием выделения отдельного вида учета является возникновение потребности определенной группы пользователей в информации, недостаточно обеспечиваемой другими существующими видами учета, и формирование под данные запросы совокупности практических процедур, объединенных в рамках концептуальной модели на основе ряда взаимосвязанных теоретических положений. При этом для выделяемого вида учета можно определить целевые приоритеты. Так, любой вид учета выполняет информационную функцию, но акцент в информации, предоставляемой управленческим учетом, делается на обеспечение информационных потребностей внутренних пользователей для принятия решений, налогового – для определения объектов налогообложения и расчета сумм налоговых платежей, финансового – для обобщенной и универсальной оценки финансово-имущественного состояния предприятия. Исходя из целевого назначения и специфики информационного продукта данного вида учета, формируются его основные принципы, концептуальная модель построения, место в системе учета в целом, определяются особенности методики и организации. Соответственно, при общности объектов бухгалтерского учета в целом, для отдельного его вида приоритетной становится их определенная группа, информация о которой наиболее важна в рамках концепции данного вида учета. В соответствии с концепцией и моделью обработки информации в рамках отдельного вида учета также могут развиваться и дополняться используемые методы (приемы). Однако выделение является целесообразным в том случае, если:

1) речь идет не о развитии существующих видов учета, расширении круга их объектов и методов, а о новом направлении, в котором теория моделируется на основе выраженной объективно обоснованной практической потребности в «продукте» данного вида учета, обособленности и специфичности процедур и методов его формирования;

2) вид учета имеет выраженную целевую ориентацию и специфические особенности информационного продукта, а потребность в этом информационном продукте обоснована объективными запросами конкретной группы потребителей учетной информации и не может в полной мере быть обеспечена другими видами учета;

3) для данного вида учета могут быть сформированы свои теоретические положения, принципы и концептуальная модель;

4) вид учета может быть выделен организационно и процедурно.

Поэтому развитие учета, по нашему мнению, следует рассматривать больше в плоскости расширения круга объектов, методов и принципов тех его видов, которые уже сложились, а не в поиске новых. Как уже отмечалось, меняется сфера задач финансового и управленческого учета, которые уже не являются сориентированными только на целевую группу внешних или внутренних пользователей и сближаются в условиях формирования единой информационной среды для заинтересованных лиц.

«В условиях современных информационных технологий, – справедливо отмечает С.Ф. Голов, – создавать отдельные подсистемы учета для удовлетворения потребностей отдельных пользователей неэффективно. Исходя из этого, система бухгалтерского учета должна быть довольно гибкой, чтобы обеспечить разнообразные информационные потребности как внешних, так и внутренних пользователей. Для этого необходимо пересмотреть, прежде всего, принципы и методы бухгалтерского учета» [14].

Хотя многие из затронутых вопросов остаются дискуссионными, развитие бухгалтерского учета как науки и отход от сложившихся стереотипов являются необходимыми в силу объективных требований экономической среды, поскольку требования к информации бухгалтерского учета так или иначе определяют траекторию его развития как науки и формы практической деятельности.

Заключение. Проведенное исследование позволило сформулировать *выводы, предложения и рекомендации* как теоретического, так и практического характера.

1. Бухгалтерский учет как научная дисциплина в последние десятилетия переживает этап переосмысления своей роли в формировании информационной среды устойчивого развития, что подтверждается значительным количеством исследований зарубежных и отечественных ученых, посвященных вопросам теории учета, его парадигм и концепций.

2. Особую актуальность в условиях экономики знаний приобретают концепции устойчивого развития и балансирования интересов предприятия с интересами заинтересованных лиц и институтов. Возможность сбалансированного устойчивого развития предприятия определяется не только экономической эффективностью, но и социальной ориентацией и экологической ответственностью бизнеса; построением деятельности предприятия с учетом балансирования интересов заинтересованных лиц; наличием стратегии развития и эффективной системы управления, реагирующей на изменения во внешней и внутренней среде; наличием тех видов капитала, которые не просто позволяют создавать стоимость, но и являются платформой для ее создания в долгосрочной перспективе.

3. Соответственно изменение требований к учетной информации связано с качественно более высоким уровнем принятия решений в условиях экономической нестабильности и динамичности окружающей среды; целевой ориентацией на сбалансированность политики предприятия с интересами стейкхолдеров и устойчивостью развития; формированием прозрачного глобального информационного пространства; появлением новых видов капитала, раскрытие информации о которых является необходимым.

4. Данные финансовой отчетности в настоящее время все в меньшей степени отвечают запросам потребителей, поскольку не охватывают целый ряд нематериальных факторов создания стоимости, представляющих собой, по сути, ключевые с точки зрения стратегических преимуществ бизнеса виды капитала. Кроме того, они являются зависимыми от достаточно условных принципов учета и во многом ориентированы на определенную группу пользователей, в первую очередь инвесторов. Данные финансовой отчетности опираются только на стоимостную оценку, объективность которой зачастую является спорной, и которая не позволяет сформировать информацию о ряде важных аспектов деятельности предприятия – социальной ответственности, экологической безопасности, организационных, репутационных, информационных и человеческих ресурсах. Проведенные исследования показали, что цены на акции крупных компаний все в меньшей степени коррелируют с финансовыми показателями, рассчитанными по данным традиционного бухгалтерского учета.

5. Выраженной тенденцией в области корпоративной отчетности становится постепенное движение от финансовой отчетности к отчетности устойчивого развития на базе международного стандарта GRI (Global Reporting Initiative), предполагающего формирование отчетности по принципу «триединого итога» – экономика компании, экология производства и социальная политика. Практически 100% крупнейших мировых компаний и более 80% крупных и средних компаний в 2015 году опубликовали отчеты об устойчивом развитии. Следующим этапом является формирование интегрированной отчетности, которая будет сочетать в себе финансовый отчет и отчет о стратегической устойчивости, объединенные в новом формате на качественно новом уровне.

6. Качественно новый уровень управления и принятия решений в условиях «экономики знаний» предполагает, что учетная информация должна носить финансовый и нефинансовый характер, охватывать прошлые и будущие события и отражать не только внутренние процессы, но и давать характеристику внешней среды. Формирование только такой, адекватной запросам пользователей, совокупности данных позволит сохранить актуальность и позиции бухгалтерского учета в контуре управления и позиционировать его не просто в роли регистратора прошлых событий, но и как основной компоненты информационной среды устойчивого развития.

7. Сказанное выше определяет целесообразность пересмотра и развития всех традиционных элементов метода учета. В частности, возможно более широкое применение различных видов счетов (дифференциальных, отражающих, забалансовых), использование систем не только простой и двойной, но и известных в теории учета тройной и четверной записи на счетах, конструирование методов калькулирования для регулирования бизнес-процессов, расширение сферы применения в учете нефинансовых показателей, изменение содержания и архитектуры баланса и отчетности и т.д.

8. Важной тенденцией развития бухгалтерского учета в условиях экономики знаний становятся отход от жесткого разделения на внешний и внутренний и сближение существующих видов учета в рам-

как концепций корпоративного управления. Кроме того, попытки обеспечить соответствие учета информационным запросам пользователей привело к выделению различными исследователями его новых видов – стратегического, социального, адаптивного, многоцелевого, креативного, интеллектуального и других. Условием выделения отдельного вида учета является потребность определенной группы пользователей в информации, недостаточно обеспечиваемой другими существующими видами учета, и формирование под данные запросы совокупности практических процедур, объединенных в рамках концептуальной модели на основе ряда взаимосвязанных теоретических положений. Поэтому развивать учет, по нашему мнению, целесообразно не столько через поиск и обособление его новых видов, сколько через расширение круга объектов, методов и принципов уже сложившихся. Сфера задач финансового и управленческого учета, уже не являющихся сориентированными только на целевую группу внешних или внутренних пользователей, меняется, и они сближаются в условиях формирования единой информационной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lev, V. *New Accounting for the New Economy* / V. Lev. – New York: Stern School of Business, 2000. – 27 p.
2. Дипиаза-мл. С.А. Будущее корпоративной отчетности: Как вернуть доверие общества / С.А. Дипиаза-мл., Р.Дж. Экклз. – М.: Альпина Паблишер, 2003. – 212 с.
3. Редченко, К. Революция в учете / К. Редченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cfin.ru/ias/rev_in_acc.shtml.
4. Терещенко, О.О. Концепція фінансового контролінгу в Україні / О.О. Терещенко // Формування ринкової економіки: зб. наук. праць. Спец. вип., присвяч. Міжнар. наук.-практ. конф. «Контролінг у бізнесі: теорія і практика». – К.: КНЕУ, 2008. – С. 12–19.
5. GRI Annual Report 2014-2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.globalreporting.org/resourcelibrary/GRI-Annual-Report-2014-2015.pdf>.
6. Валуев, Б. О многоцелевом бухгалтерском учете: некоторые необоснованные представления / Б. Валуев // Бухгалтерский учет и аудит. – 2012. – № 5. – С. 3–9.
7. Гуцайлюк, З. Системы бухгалтерского учета: критический анализ мнений экономистов / З. Гуцайлюк // Бухгалтерский учет и аудит. – 2012. – № 4. – С. 3–11.
8. Голов, С.Ф. Управлінський облік: підручник / С.Ф. Голов. – К.: Лібра, 2003. – 704 с.
9. Вахрушина, М.А. Бухгалтерский управленческий учет: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям / М.А. Вахрушина. – 4-е изд., стер. – М.: Омега-Л, 2006. – 576 с.
10. Голов, С.Ф. Система глобального бухгалтерского учета / С.Ф. Голов // Бухгалтерский учет и аудит. – 2010. – № 3. – С. 3–12.
11. Легенчук, С.Ф. От парадигм Т.С. Куна – к научно-исследовательским программам И. Лакатоса: отечественные особенности и перспективы применения концепций философии науки в бухгалтерском учете / С.Ф. Легенчук // Аудит и финансовый анализ. – 2009. – № 6. – С. 61–68.
12. Фінансово-монетарні важелі економічного розвитку: в 3 т. / за ред. чл.-кор. НАН України А.І. Даниленка. – К.: Фенікс, 2008. – Т. 3: Фінанси підприємств: тенденції, стан і проблеми управління. – 308 с.
13. Фалько, С.Г. Контроллинг: миссия, современное состояние и перспективы развития / С.Г. Фалько // Формування ринкової економіки: зб. наук. праць. Спец. вип., присвяч. Міжнар. наук.-практ. конф. «Контролінг у бізнесі: теорія і практика». – К.: КНЕУ, 2008. – С. 3–11.
14. Голов, С.Ф. Бухгалтерський облік в Україні: аналіз стану та перспективи розвитку / С.Ф. Голов. – К.: Центр учбової літератури, 2007. – 522 с.

Поступила 17.02.2016

TRANSFORMATION OF ACCOUNTING AS A FACTOR OF FORMATION THE INFORMATION ENVIRONMENT OF SUSTAINABLE ECONOMIC GROWTH

T. ODINTSOVA

The problematic aspects and prospects of development of accounting in terms of the knowledge economy are considered. Its role in shaping the information environment of balanced and sustainable economic development is determined. The prospects of development of accounting as a science and practice are shown. It is concluded that the development of accounting as a science and a departure from the stereotypes are necessary due to the objective requirements of the economic environment, as the requirements for the accounting information one way or another determine the path of its development as a science and forms of practice.

Keywords: accounting, types of accounting, method of accounting, balanced sustainable development, information environment.

УДК 657.1:336.7(476)

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ КАК ОБЪЕКТОВ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА

канд. экон. наук **О.Ф. КОСАЧ**

(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

Проведен критический анализ нормативных правовых документов и специальной литературы по вопросам сущности денежных средств в системе бухгалтерского учета и отчетности. Денежные средства представлены как активы, существующие в физической или электронной форме, имеющие номинальную стоимость, регламентируемую государством, и обладающие абсолютной степенью ликвидности. Данные активы детализированы по местам нахождения: в кассе, на банковских счетах и в пути. Исследовано содержание эквивалентов денежных средств и предложено бухгалтерское определение, основанное на назначении и функциональной роли этих объектов в финансово-хозяйственной деятельности. В составе эквивалентов выделены депозитные вклады, ценные бумаги и денежные средства в расчетах. Разграничение денежных средств и их эквивалентов позволит повысить точность оценки платежеспособности организации.

Ключевые слова: денежные средства, эквиваленты денежных средств, бухгалтерский учет, отчетность, платежеспособность.

Введение. Состояние расчетов организаций на протяжении 2010–2015 годов характеризуется рядом кризисных явлений. Согласно данным официальной статистики в Республике Беларусь фиксируется постоянный рост удельного веса просроченной и дебиторской, и кредиторской задолженности. Одновременно с этим наблюдается уменьшение коэффициента текущей платежеспособности с 167,2 до 114,2%, обусловленное сокращением стоимости активов и увеличением краткосрочных обязательств за этот же период. В организациях обостряются проблемы взаимных платежей, что актуализирует вопросы управления платежеспособностью и связанных с ней денежных потоков. Формирование оптимальной структуры денежных средств и рационального денежного потока требует решения ряда теоретических и практических задач, связанных с информационным обеспечением процесса управления. Такая информационная поддержка базируется на данных бухгалтерского учета. Следовательно, от того, насколько достоверно признаны активы в качестве денежных средств, будет зависеть своевременность, правильность и качество решений по управлению платежеспособностью.

Таким образом, цель представляемой работы – научное обоснование состава денежных средств и признание денежных эквивалентов в качестве объектов бухгалтерского учета, формирующих информационную управленческую базу.

Основная часть. Денежные средства как объект исследования изучаются в экономической теории, финансовом менеджменте, экономике предприятия, банковском деле. В каждой науке существует свое понимание их сущности. Анализ специальной литературы по бухгалтерскому учету позволил сделать вывод, что в настоящее время существует три подхода к пониманию сущности денежных средств.

Первый подход основан на функциональной роли денежных средств в финансово-хозяйственном обороте организации. Так, В.П. Астахов определяет денежные средства как рабочий капитал [1, с. 156]; Т.М. Гусева и Т.Н. Шеина рассматривают денежные средства как часть оборотных активов, используемых хозяйствующим субъектом для осуществления расчетов [2, с. 339]. По нашему мнению, в данном определении ограничение использования денежных средств – только для погашения задолженности – не совсем верно. На макро- и микроэкономическом уровне деньги выполняют пять функций: мера стоимости, средство обращения, средство платежа, средство накопления, мировые деньги. Соответственно, определение сущности денежных средств должно базироваться на их полной функциональной роли в кругообороте средств организации.

Второй подход основан на признании денежных средств активом, ликвидность которого принимается за базис при оценке способности организации погашать свои обязательства, и отражен в работах Ю.А. Бабаева, В.Я. Соколова, Н.С. Пласковой и других.

Большинство специалистов по бухгалтерскому учету придерживаются *третьего подхода* к определению сущности денежных средств, раскрывая их состав. Однако по данному вопросу отсутствует единая точка зрения. Так, Н.А. Гуржий включает в состав денежных средств такие активы организации, как наличные деньги в кассе, денежные средства на расчетном и иных счетах в банке [3]. Другие авторы (И.Е. Глушков, Т.В. Киселева) рассматривают денежные средства в национальной и иностранной валюте, находящиеся в кассе предприятия, на расчетном, валютном и прочих счетах в банках на территории страны и за рубежом, в легко реализуемых ценных бумагах, а также платежных и денежных документах.

Кроме отмеченного выше, А.Ю. Щеголькова дополняет состав денежных средств средствами, находящимися у подотчетных лиц [4]. Включая в эту группу активов аккредитивы, кредитные и расчетные карты, расчетные чеки, денежные средства на особых счетах и депозитных счетах, В.Ф. Палий расширяет состав денежных средств, [5, с. 274].

В соответствии с положениями МСФО 7 «Отчет о движении денежных средств» (далее – МСФО 7) в состав денежных средств рекомендуется включать деньги в кассе и на текущем счете, а также эквиваленты денежных средств – краткосрочные, высоколиквидные вложения, легко обратимые в заранее известную сумму денежных средств и подвергающиеся незначительному риску изменения их стоимости [6]. Краткосрочность эквивалентов денежных средств определяется критерием по сроку обращения – до трех месяцев. Как установлено МСФО 7, в определенных условиях банковские овердрафты включаются в состав денежных средств и их эквивалентов. Комментируя международные стандарты финансовой отчетности, В.Ф. Палий указывает, что денежные средства включают деньги в кассе и на счетах в банках, внесенные на вклады «до востребования». Депозитные вклады в банках относятся к краткосрочным или долгосрочным финансовым вложениям [7, с. 69]. На различный состав денежных средств указывается и в национальных бухгалтерских стандартах некоторых стран. По законодательству Республики Польша к денежным средствам относятся активы в форме национальных платежных средств и иностранной валюты. К денежным средствам относятся прочие финансовые активы и проценты, начисленные на финансовые активы [8, с. 425]. В США к денежным средствам могут быть отнесены ценные бумаги со сроком погашения до трех месяцев. В Великобритании – со сроком погашения до 24 часов. Ученые, изучающие опыт бухгалтерского учета в зарубежных странах, при определении состава денежных средств указывают, что не должно быть никаких ограничений по их использованию. Иначе, данные активы отражаются как прочие [8, с. 427].

Банковским законодательством Республики Беларусь установлено определение денежных средств как «обобщающего понятия, включающего в себя белорусские рубли и иностранную валюту» [9]. В соответствии с Инструкцией по применению Типового плана счетов бухгалтерского учета к денежным средствам организации относятся средства, находящиеся в кассе, на расчетных, валютных и других счетах, а также в ценных бумагах, платежных документах [10]. Законодательное толкование состава денежных средств отражает бухгалтерское понимание их места, роли и функций в кругообороте средств организации.

Обобщение изложенного позволяет сделать вывод, что наличные денежные средства в кассе, денежные средства на расчетном счете и валютных счетах включаются в состав денежных средств, по мнению всех указанных ученых. На основании изучения специальной литературы нами выделены основные идентификационные признаки, согласно которым актив может быть отнесен к денежным средствам:

- 1) наличие специфической формы существования денежных средств;
- 2) использование номинальной оценки;
- 3) абсолютная ликвидность.

Первый критерий означает, что денежные средства могут находиться в физической или электронной форме. Физической формой существования денежных средств в Республике Беларусь являются наличные бумажные денежные знаки установленного образца. Электронная форма – записи на банковских счетах – признается перспективной формой денежных средств. В соответствии со вторым критерием актив оценивается только по номинальной стоимости, которая подлежит изменениям в результате государственного регулирования денежной единицы. Абсолютная ликвидность денежных средств означает, что этот актив можно в любой момент превратить в потребляемую форму (товар, услугу).

Итак, основываясь на рассмотренных выше критериях признания активов денежными средствами, предлагаем следующее их определение для целей бухгалтерского учета. *Денежные средства – это активы организации, существующие в физической или электронной форме, имеющие номинальную стоимость, регулирующую государством, и обладающие абсолютной степенью ликвидности.*

В составе денежных средств нами выделяются денежные средства по местам хранения в организации и банковских учреждениях, денежные средства в пути (рис. 1).

Рисунок 1 – Предлагаемый состав денежных средств организации

Источник: собственная разработка на основе изучения экономической литературы.

К денежным средствам на банковских счетах относятся денежные средства на текущих счетах, субсчетах, карт-счетах, благотворительных, временных и корреспондентских счетах. В то же время из состава денежных средств нами исключены денежные средства, аккумулируемые в аккредитивах и чековых книжках. Денежные средства в кассе, на банковских счетах и в пути являются общепризнанными объектами бухгалтерского учета. Вместе с тем денежные средства, размещенные в депозитных вкладах, в аккредитивах и чековых книжках, не в полной мере соответствуют критериям денежных средств, разработанным нами. В связи с этим считаем необходимым выделение их в отдельную категорию – эквиваленты денежных средств.

Термин «эквиваленты денежных средств» появился в практике бухгалтерского учета и отчетности с принятием Инструкции о порядке составления бухгалтерской отчетности № 111 от 31.10.2011. Согласно содержащемуся в ней определению эквиваленты денежных средств ограничиваются только краткосрочными финансовыми вложениями в высоколиквидные долговые ценные бумаги других организаций, установленный срок погашения которых не превышает трех месяцев. Однако в ходе финансово-хозяйственной деятельности могут появляться другие объекты, по содержанию соответствующие денежным эквивалентам, но по действующим критериям признания не попадающие в эту группу. По рекомендациям вышеуказанной Инструкции информационной базой расчета этого показателя являются данные по счету 58 «Краткосрочные финансовые вложения», на котором учитываются разнообразные финансовые инструменты со сроком погашения до года. Для подготовки информации по денежным эквивалентам необходима выборка, что усложняет процесс составления отчетности. С целью устранения указанных недостатков считаем целесообразным научно обосновать сущность, критерии признания активов денежными эквивалентами и их состав.

Сущность эквивалентов денежных средств раскрывается в работах В.Ф. Палия, Л.В. Горбатовой, Н.Н. Шишкородовой, Е.М. Сорокиной, В.Д. Новодворского. При раскрытии термина «эквиваленты денежных средств» ученые исходят из того, что это краткосрочные финансовые вложения. Другие авторы характеризуют их как «высоколиквидные вложения», подразумевая, что это не только финансовые вложения, но и иные способы использования денежных средств.

Наиболее полно сущность эквивалентов денежных средств раскрыта в работах таких американских ученых, как Дж. Сигел и Дж. Шим. Под денежными эквивалентами понимаются приравненные к наличным денежным средствам финансовые инструменты. Далее, развивая приведенное определение, указывается, что к денежным эквивалентам относятся «...немедленно реализуемые (получаемые) денежные средства, которые могут быть получены в обмен на товары или услуги и финансовые инструменты высокой степени ликвидности и безопасности» [11, с. 57]. В международной практике к денежным эквивалентам относят краткосрочные государственные облигации, депозитные сертификаты, корпоративные коммерческие бумаги, банковский овердрафт, подарочные сертификаты и карты, некоторые другие инструменты денежного рынка [12]. Как правило, к денежным эквивалентам относят краткосрочные финансовые вложения, срок погашения которых не превышает три месяца.

Банковским законодательством Республики Беларусь с целью составления отчета о движении денежных средств в банках дается определение денежных эквивалентов как краткосрочных высоколиквидных вложений, легко обратимых в заранее известную сумму денежных средств и подвергающихся незначительному риску изменения их стоимости.

Эквиваленты денежных средств образуются в процессе управления остатком денежных средств организации. Остатки денежных средств могут быть использованы по различным направлениям. Наиболее рациональными признаются хозяйственные операции с денежными средствами, позволяющие получить дополнительный доход. Основными критериями признания актива эквивалентом денежных средств являются высокая степень ликвидности, выполнение ими функций денежных средств, доходность либо невысокий риск потери части их стоимости. В любой момент организация может их реализовать, использовать для погашения обязательств либо по целевому назначению. Под высокой степенью ликвидности понимается возможность обращения актива в денежные средства в период до трех месяцев, что рекомендуется положениями МСФО 7 и НСФО 7.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем определить эквиваленты денежных средств как активы, обладающие высокой степенью ликвидности, возникающие при использовании денежных средств в определенной форме расчетов или с целью получения дохода, и которые при необходимости могут быть обращены в конкретную сумму в минимальный срок. В соответствии с данным определением считаем целесообразным признать депозитные вклады, ценные бумаги со сроком погашения не более трех месяцев и денежные средства, аккумулирование и особый порядок использования которых на счетах в банковских учреждениях предусмотрен формой расчета, эквивалентами денежных средств (рис. 2).

Различное понимание сущности депозитных вкладов определяет дискуссионность вопроса об их признании в составе эквивалентов денежных средств. По мнению российских исследователей, депозитный вклад является финансовым вложением, что соответствует требованиям ПБУ 19/02 (ред. от 06.04.2015) «Учет финансовых вложений». В соответствии со статьей 4 Инвестиционного кодекса Республики Беларусь депозитные вклады не являются объектами инвестирования и, следовательно, финансовыми вложе-

ниями. Другие авторы считают депозитный вклад элементом денежных средств. Данное положение присутствует в Инструкции по применению плана счетов бухгалтерского учета Российской Федерации и в Инструкции по применению Типового плана счетов бухгалтерского учета в Республике Беларусь.

Рисунок 2 – Предлагаемый состав эквивалентов денежных средств организации

Источник: собственная разработка на основе изучения экономической литературы.

Несмотря на то, что точки зрения авторов разделились, все трактовки сущности депозитного вклада подразумевают возможность получения дохода от его размещения в банковских учреждениях.

Банковским кодексом Республики Беларусь определено, что «банковский вклад (депозит) – денежные средства в белорусских рублях или иностранной валюте, размещаемые физическими и юридическими лицами в банке или небанковской кредитно-финансовой организации в целях хранения и получения дохода на срок, либо до востребования, либо до наступления (ненаступления) определенного в заключенном договоре обстоятельства (события)».

Договор банковского вклада заключается на условиях: до востребования, срочный, в том числе сроком до трех месяцев, и условный. Договор банковского вклада *до востребования* предусматривает обязанность банка вернуть сумму вклада и причитающиеся проценты по нему по первому требованию организации. В соответствии с договором *срочного банковского вклада* банк возвращает сумму вклада и начисленные по нему проценты по истечении указанного в договоре срока. При заключении договора *условного банковского вклада* возврат суммы депозита и выплата процентов по нему осуществляется при наступлении условия, указанного в договоре.

Решение об открытии депозита, являющееся элементом рационального управления денежными потоками, исходит из того, что денежные средства способны приносить дополнительный доход в процессе текущей деятельности. В этом проявляется соответствие такому критерию признания актива денежным эквивалентом, как доходность. Депозитные вклады могут выполнять функции денежных средств: функция накопления, средства обращения, средства платежа. Депозитные вклады обладают высокой степенью ликвидности. Денежные средства, находящиеся на депозитном счете, могут быть переведены на текущие счета организации в согласованный промежуток времени по требованию владельца счета и использоваться для погашения обязательств. В этом проявляется выполнение такой функции денежных

средств, как функция средства платежа. Вместе с тем по срочному и условному депозитному вкладу существуют потери в виде неполученных процентов.

Итак, на основе экономического понимания сущности депозитного вклада и обоснованных ранее критериев признания активов эквивалентами денежных средств мы считаем возможным признать депозитные вклады денежными эквивалентами. Наше утверждение соответствует рекомендациям МСФО 7, согласно которым депозит до востребования как краткосрочное финансовое вложение является денежным эквивалентом.

Включение ценных бумаг со сроком погашения до трех месяцев в состав эквивалентов денежных средств является общепризнанным фактом и рекомендуется МСФО 7. Исключения составляют акции как финансовые вложения, возникающие в процессе инвестиционной деятельности. Ценные бумаги являются объектами инвестирования. Однако в случае наступления срока их погашения до трех месяцев некоторые виды ценных бумаг могут выступать денежными эквивалентами. Так, облигации, приобретенные за три месяца до погашения, могут быть включены в состав денежных эквивалентов по следующим причинам: достоверно известна дата окончания срока обращения, по истечении указанного срока облигация обменивается на денежные средства в размере номинальной стоимости и начисленного дохода. Другими ценными бумагами, отвечающими критериям денежных эквивалентов, являются депозитные сертификаты. Они могут выступать в качестве залога в банке с оформлением договора залога, а также приниматься в качестве отступного при погашении банковского кредита и процентов по нему. При необходимости погашения обязательств и отсутствии денежных средств организация может предъявить облигации и депозитные сертификаты для досрочного погашения (оплаты). При совершении данной операции возникают определенные потери дохода.

На основании изложенного можно сделать следующий вывод: выделение указанных видов ценных бумаг в качестве эквивалентов денежных средств позволяет достоверно рассчитать показатели ликвидности и определить величину денежных потоков с целью обеспечения платежеспособности и кредитоспособности организации.

Другими элементами, которые мы выделяем в составе денежных эквивалентов, являются денежные средства в расчетах, имеющие ограничения в использовании и вытекающие из условий применяемой формы расчетов. Распоряжение данными активами с помощью платежных инструкций невозможно. К формам расчетов, требующим аккумулирования денежных средств на счетах в банке, относятся аккредитивы и чеки. Отличительной особенностью их использования является то, что для них открываются счета специального режима, а операции производятся по заявлению организации. Особое место в организациях торговли занимают денежные средства покупателей, полученные при расчетах банковскими пластиковыми карточками за приобретенный товар. При данной форме расчетов переход права собственности на товар, с одной стороны, и на денежные средства, с другой, происходит в момент оплаты. Однако торговая организация не имеет права распоряжения данными денежными средствами до момента их зачисления на расчетный счет. Денежные средства покупателя в размере суммы покупки заблокированы на его карт-счете.

Денежные средства в расчетах по критериям признания схожи с понятием «денежные средства». Они имеют номинальную оценку, выполняют функции денег, однако распоряжение указанными денежными средствами ограничено. Это позволяет утверждать, что не выполняется условие абсолютной ликвидности. Денежные средства отвлечены из хозяйственного оборота до исполнения обязательств или наступления других условий, вытекающих из формы расчетов. Данный факт дает основание обособить денежные средства в аккредитивах, чеках и на карт-счетах покупателей в отдельную категорию и отнести их к эквивалентам денежных средств.

Заключение. Определение и уточнение состава денежных средств является важнейшим вопросом изучения механизма их функционирования. Информация о том, какие объекты включаются в состав денежных средств, позволит определить их новую структуру в условиях использования современных банковских технологий, что обеспечит обоснованность решений по управлению денежными потоками и расчетно-платежной дисциплиной. Предлагаемый состав основан на определении денежных средств как активов организации, существующих в физической или электронной форме, имеющих номинальную стоимость, регламентируемую государством, и обладающих абсолютной степенью ликвидности. Выделение эквивалентов денежных средств как самостоятельного объекта бухгалтерского учета позволит конкретизировать применяемую терминологию, разграничить отражение в бухгалтерском учете активов, на которые в отличие от денежных средств банки устанавливают ограничения при их использовании в расчетах, повысить достоверность оценок платежеспособности организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахов, В.П. Бухгалтерский учет в торговле: учеб. пособие / В.П. Астахов. – Ростов н/Д: Феникс, 2014. – 378 с.

2. Гусева, Т.М. Бухгалтерский учет: учеб. пособие / Т.М. Гусева, Т.Н. Шеина. – 5-е изд., доп. и перераб. – М.: Проспект, 2010. – 576 с.
3. Гуржий, Н.А. Организация бухгалтерского учета денежных средств, анализ денежных потоков организации / Н.А. Гуржий // Актуальные вопросы экономических наук. – 2015. – № 43. – С. 117–122.
4. Щеголькова, А.Ю. Совершенствование подходов к организации учета и аудита денежных средств и финансовых документов / А.Ю. Щеголькова // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2015. – № 33. – С. 151–155.
5. Палий, В.Ф. Современный бухгалтерский учет / В.Ф. Палий. – М.: Бухгалтерский учет, 2012. – 792 с.
6. Отчет о движении денежных средств: Международный стандарт финансовой отчетности (IAS 7) // IFRS Foundation and the IASB [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eifrs.ifrs.org/eifrs/bnstandards/ru/2013/Red/ias7.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2016.
7. Палий, В.Ф. Международные стандарты учета и финансовой отчетности: учебник / В.Ф. Палий. – 5-е изд., доп. и испр. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 510 с.
8. Бухгалтерский учет в зарубежных странах: учебник / Я.В. Соколов [и др.]; отв. ред. Ф.Ф. Бутынец. – М.: Проспект, 2007. – 659 с.
9. Правила осуществления операций с электронными деньгами: утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь от 29.11.2003 № 201 (в ред. от 18.02.2015 № 79) // КонсультантПлюс: Беларусь. Версия 4000.00.18 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
10. Об утверждении Типового плана счетов бухгалтерского учета и Инструкции по применению Типового плана счетов бухгалтерского учета: постановление М-ва финансов Респ. Беларусь от 29.06.2011 № 50 (в ред. от 20.12.2012 № 77) // КонсультантПлюс: Беларусь. Версия 4000.00.18 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
11. Сигел, Дж. Словарь бухгалтерских терминов: пер. с англ. / Дж. Сигел, Дж. Шим. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 408 с.
12. What is included in cash and cash equivalents? // Accounting Coach [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.accountingcoach.com/blog/item-in-cash-and-cash-equivalents>. – Дата доступа: 01.03.2016.

Поступила 29.03.2016

IDENTIFICATION OF CASH AND CASH EQUIVALENTS AS THE ACCOUNTING OBJECTS

O. KOSACH

The critical analysis of legal documents and technical literature on the nature of cash in the system of accounting and reporting. Cash flows are presented as physical or electronic assets with a par value, regulated by the state, and the absolute degree of liquidity. These assets are detailed in the location: cash, bank accounts and cash in transit. The content of cash equivalents and prompted accounting definition, based on the purpose and the functional role of these objects in the financial and economic activity. Cash equivalents included bank deposits, securities and cash payments. Differentiation of cash and cash equivalents will increase the accuracy of the assessment of the solvency of the organization.

Keywords: cash, cash equivalents, accounting, reporting, solvency.

УДК 638.14.08

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОСТАВА И КЛАССИФИКАЦИИ ЗАТРАТ
НА ПРОИЗВОДСТВО ПРОДУКЦИИ ПЧЕЛОВОДСТВА****Е.Ю. АФАНАСЬЕВА***(Полоцкий государственный университет)*

Исследуются подходы к классификации затрат на производство в сельском хозяйстве. Выделены особенности процесса производства в пчеловодстве, на основании которых разработаны новые признаки систематизации производственных затрат. Изучена типовая номенклатура статей калькулирования себестоимости пчеловодческой продукции. Базируясь на делении производственного процесса по технологическим этапам, уточнен состав затрат на производство первичной и вторичной продукции пчеловодства.

Ключевые слова: *затраты на производство, классификация затрат, состав затрат, пчеловодство, продукция пчеловодства, калькулирование.*

В условиях динамичного развития рыночной экономики Республики Беларусь и необходимости повышения конкурентоспособности продукции агропромышленного комплекса на внешних рынках значительно повышается роль и значение оперативной экономической и финансовой информации, способствующей оптимизировать производственные затраты и принимать своевременные и обоснованные управленческие решения. Информация о затратах, необходимая для оперативного управления организацией, содержится в системе бухгалтерского учета и используется для планирования, анализа и контроля за деятельностью организации в целом и ее структурных подразделений. Одной из предпосылок грамотной организации учета производственных затрат является определение и уточнение их состава и классификации, которые оказывают непосредственное влияние не только на эффективность планирования и правильность учета затрат, но и на достоверность их анализа, способного выявлять определенные соотношения между отдельными видами затрат и исчислять степень их влияния на уровень себестоимости и рентабельности производства. Вместе с тем в отечественном законодательстве и научных исследованиях белорусских ученых вопросу определения состава и классификации производственных затрат в сельском хозяйстве уделено недостаточно внимания. Так, на сегодняшний день вообще отсутствует специализированный документ, регламентирующий состав и классификацию затрат в пчеловодстве.

Постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 30.09.2011 № 102 «Об утверждении Инструкции по бухгалтерскому учету доходов и расходов и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства финансов Республики Беларусь и их отдельных структурных элементов» для организаций, осуществляющих производственную деятельность, предусмотрено только деление затрат на прямые и косвенные [1]. Прямые затраты обусловлены производством определенного вида продукции и могут быть сразу включены в ее себестоимость. Однако затраты на содержание пчелосемьи, осуществляемые в биологической стадии производственного процесса (корма, заработная плата пчеловода, отчисления от заработной платы и др.), являются однородными для всего видового разнообразия пчеловодной продукции и в силу технологических особенностей производства не могут быть отнесены на конкретный вид, а требуют распределения. Затраты, которые обусловлены производством не одного, а нескольких видов продукции и не могут быть включены в себестоимость каждого вида продукции без их распределения», относятся к косвенным. Поэтому при содержании пчелиных семей прямые затраты отсутствуют. Часть затрат промышленной стадии, связанных с обработкой (переработкой) первичной сельскохозяйственной продукции конкретного вида (сырье, оплата труда и др.), может быть непосредственно включена в себестоимость продукции по данным первичных документов, что позволяет их классифицировать как прямые затраты. В соответствии с Инструкцией по применению Типового плана счетов бухгалтерского учета общехозяйственные затраты не включаются в производственную себестоимость продукции и не распределяются по видам продукции [2], что противоречит определению косвенных затрат.

Поэтому с учетом требований управления и необходимости определения себестоимости продукции, рационально классифицировать производственные затраты в пчеловодстве по способу включения в производственную себестоимость по 3 видам:

- прямые затраты (сырье, оплата труда, отчисления и т.д. в промышленной стадии процесса производства в пчеловодстве);
- распределяемые затраты (затраты на содержание пчелосемей, общепроизводственные затраты);
- не включаемые в себестоимость затраты (общехозяйственные затраты).

Предлагаемая классификация позволит привести к соответствию названия группировок затрат с методом их включения в себестоимость продукции пчеловодства, обеспечит грамотную организацию учета затрат производства по этапам производственного процесса.

Международный стандарт МСФО (IAS) 41 «Сельское хозяйство» регламентирует оценку сельскохозяйственной продукции по справедливой стоимости, поэтому не содержит положений по классификации затрат. В соответствии с МСФО (IAS) 2 «Запасы» затраты группируются на входящие в себестоимость продукции (производственные) и внепроизводственные (затраты отчетного периода, или периодические затраты). Затраты, входящие в себестоимость, классифицируют по трем категориям: прямые затраты, постоянные и переменные производственные накладные расходы [3].

В отечественной и зарубежной научной литературе затраты на производство в сельском хозяйстве являются важнейшим объектом изучения многими ведущими учеными (А.С. Четчин, Г.М. Лисович, А.Н. Дырдонова, С.М. Бычкова, Д.Г. Бадмаева, Ю.А. Данилевский, П.Я. Папковская, А.П. Михалкевич, Я.В. Соколов и другие), которые подробно рассматривают классификацию затрат, неоднозначно определяя классификационные критерии их группировки. В таблице 1 представлены подходы к классификации производственных затрат в сельском хозяйстве различных ученых.

Таблица 1 – Подходы к классификации затрат в учете в трудах отечественных и зарубежных ученых

Критерий классификации	Виды затрат	Отечественные и зарубежные ученые
По экономической роли в процессе производства	Основные и накладные	М.А. Вахрушина, П.М. Мансуров, Л.А. Жарикова, А.Д. Шеремет, Т.П. Карпова, В.Э. Керимов, Г.М. Лисович, И.Ю. Ткаченко, В.Ф. Палий, А.П. Михалкевич
По способу включения в себестоимость продукции	Прямые и косвенные	М.А. Вахрушина, К. Друри, Л.А. Жарикова, А.Д. Шеремет, Т.П. Карпова, В.Э. Керимов, Г.М. Лисович, И.Ю. Ткаченко, В.Ф. Палий, Я.В. Соколов
По отношению к объему производства	Переменные и постоянные	М.А. Вахрушина, Л.А. Жарикова, А.Д. Шеремет, Т.П. Карпова, В.Э. Керимов, Г.М. Лисович, И.Ю. Ткаченко, В.Ф. Палий
	Переменные, постоянные, полупеременные, полупостоянные	А.П. Михалкевич
	Переменные, условно-переменные, постоянные	П.М. Мансуров
	Переменные, постоянные, смешанные	Я.В. Соколов
По характеру затрат	Производственные и внепроизводственные	П.М. Мансуров, Л.А. Жарикова, Т.П. Карпова, Г.М. Лисович, И.Ю. Ткаченко, В.Ф. Палий
По составу	Одноэлементные и комплексные	М.А. Вахрушина, Т.П. Карпова, В.Э. Керимов, Г.М. Лисович, И.Ю. Ткаченко
По видам	Элементы расходов и статьи калькуляции	М.А. Вахрушина, П.М. Мансуров, Л.А. Жарикова, Т.П. Карпова, В.Э. Керимов, Г.М. Лисович, И.Ю. Ткаченко, М.А. Вахрушина, С.М. Бычкова, Д.Г. Бадмаева, Я.В. Соколов
По степени охвата планом	Планируемые и непланируемые	П.М. Мансуров, Л.А. Жарикова, М.А. Вахрушина, Т.П. Карпова, В.Э. Керимов, Г.М. Лисович, И.Ю. Ткаченко, В.Ф. Палий
По периодичности возникновения	Текущие и единовременные	М.А. Вахрушина, В.Ф. Палий, В.Э. Керимов
По регулированию	Регулируемые и нерегулируемые	П.М. Мансуров, Л.А. Жарикова, М.А. Вахрушина, В.Э. Керимов, Г.М. Лисович, И.Ю. Ткаченко, В.Ф. Палий, А.П. Михалкевич
Отсутствие зависимости при принятии решений	Безвозвратные	М.А. Вахрушина, Г.М. Лисович, И.Ю. Ткаченко, А.П. Михалкевич, П.М. Мансуров
Утерянная выгода	Вмененные	М.А. Вахрушина, П.М. Мансуров, Г.М. Лисович, И.Ю. Ткаченко, А.П. Михалкевич
Затраты при изготовлении или продажи дополнительной партии	Приростные и предельные	М.А. Вахрушина, Г.М. Лисович, И.Ю. Ткаченко, А.П. Михалкевич, Я.В. Соколов
По центрам и местам возникновения	По структурным подразделениям	М.А. Вахрушина, С.М. Бычкова, Д.Г. Бадмаева, П.М. Мансуров, Я.В. Соколов
По носителям затрат	По видам продукции	М.А. Вахрушина, С.М. Бычкова, Д.Г. Бадмаева, П.М. Мансуров

Источник: разработка автора на основе [4–13].

Изучение трудов отечественных и зарубежных экономистов свидетельствует, что авторские подходы к систематизации затрат для целей управленческого учета различаются как количеством, так и признаками их классификации. Так, В.Ф. Палий выделяет 11 классификационных признаков систематизации затрат на производство [9]. По мнению А.Д. Шеремет, достаточно классифицировать затраты по отношению к объему производства, по способу отнесения на себестоимость и по экономической роли в процессе производства [10, с. 83–85].

Однако при всей существенности вклада ученых в классификацию производственных затрат в сельском хозяйстве необходимо признать, что полученные авторами группировки затрат являются универсальными и не адаптированы к условиям производственной деятельности отдельных направлений сельского хозяйства, в том числе пчеловодства. Поэтому недостаточная теоретическая и практическая разработанность классификации производственных затрат предопределила необходимость в совершенствовании группировки затрат на производство продукции пчеловодства, способствующей рациональной организации бухгалтерского финансового и управленческого учета в пчеловодческих хозяйствах, учитывающих особенности производственного процесса пчеловодства.

Исследование трудов отечественных и зарубежных специалистов выявило четкое разграничение классификационных признаков группировки затрат для расчета себестоимости продукции (работ, услуг) для целей бухгалтерского финансового и управленческого учета. Традиционно специалисты (М.А. Вахрушина [6, с. 48–52], П.М. Мансуров [13, с. 24], Т.П. Карпова [8, с. 66–69], Г.М. Лисович, И.Ю. Ткаченко [10, с. 85] и другие) классифицируют затраты для расчета себестоимости производимой продукции и оценки незавершенного производства в управленческом учете на расходы: входящие и истекшие; прямые и косвенные; основные и накладные; производственные и внепроизводственные; одноэлементные и комплексные. Целью таких группировок затрат становится проведение аналитической работы по выявлению резервов их снижения и принятие оперативных решений о целесообразности производства. Однако представленные типовые классификации затрат не связаны с конкретными носителями затрат и не показывают причинно-следственную связь между их возникновением и выпуском отдельных видов продукции, что затрудняет определение себестоимости продукции.

Отдельные авторы затраты в бухгалтерском учете [6, с. 46; 5, с. 250] группируют по 3 признакам: местам возникновения (производствам, цехам, участкам и т.д.), а также по видам продукции и затрат (статьям калькуляции себестоимости продукции и элементам). Таким образом, цель классификации затрат в бухгалтерском финансовом учете – расчет фактической себестоимости продукции и выявление действительного финансового результата от ее производства.

По нашему мнению, для расчета фактической себестоимости продукции и оценки незавершенного производства в пчеловодстве группировка затрат на производство как основа ведения финансового и управленческого учета должна осуществляться как по типовым классификациям, так и по местам возникновения, носителям затрат и расходов и базироваться на особенностях технологической среды производственного процесса пчеловодства. Такой комплексный подход приведет к повышению степени контроля за эффективностью работы отдельных подразделений хозяйства, обеспечит достоверный расчет фактической себестоимости продукции пчеловодства, выявление внутрихозяйственных резервов снижения затрат и выведет производственный процесс в пчеловодстве на новый качественный уровень.

В свою очередь, классификация производственных затрат непосредственно зависит от специфики функционирования производственного процесса, поэтому целесообразно определить уникальные черты процесса производства, присущие пчеловодству, влияющие на методику учета затрат и калькулирования себестоимости продукции.

На основании проведенного исследования экономической литературы и изучения специфики производственного процесса в пчеловодстве определены уникальные особенности организации бухгалтерского учета затрат, представленные на рисунке 1.

Ведение учета производственных затрат в пчеловодстве в соответствии с выделенными особенностями позволит обеспечить обособленный учет затрат на производство первичной продукции пчеловодства и затрат на ее обработку и переработку; создаст возможность достоверного калькулирования себестоимости сельскохозяйственной первичной, обработанной и промышленной продукции пчеловодства, формирования многоуровневой учетной информации с необходимой степенью детализации и обобщения для принятия оперативных управленческих решений, способствующих росту эффективности пчеловодческих хозяйств.

Таким образом, результаты исследований в области классификации затрат на производство продукции пчеловодства показывают, что существующие типовые группировки затрат являются универсальными, но не учитывают специфику производственного процесса пчеловодства. Предлагаемые классификационные признаки систематизации производственных затрат в пчеловодстве, представленные на рисунке, разработаны, базируясь на особенностях производства пчеловодческой продукции, что имеет важное значение для рациональной организации планирования, учета затрат, калькулирования и анализа

себестоимости продукции пчеловодства и формирования достоверной учетно-аналитической информации для целей управления производством.

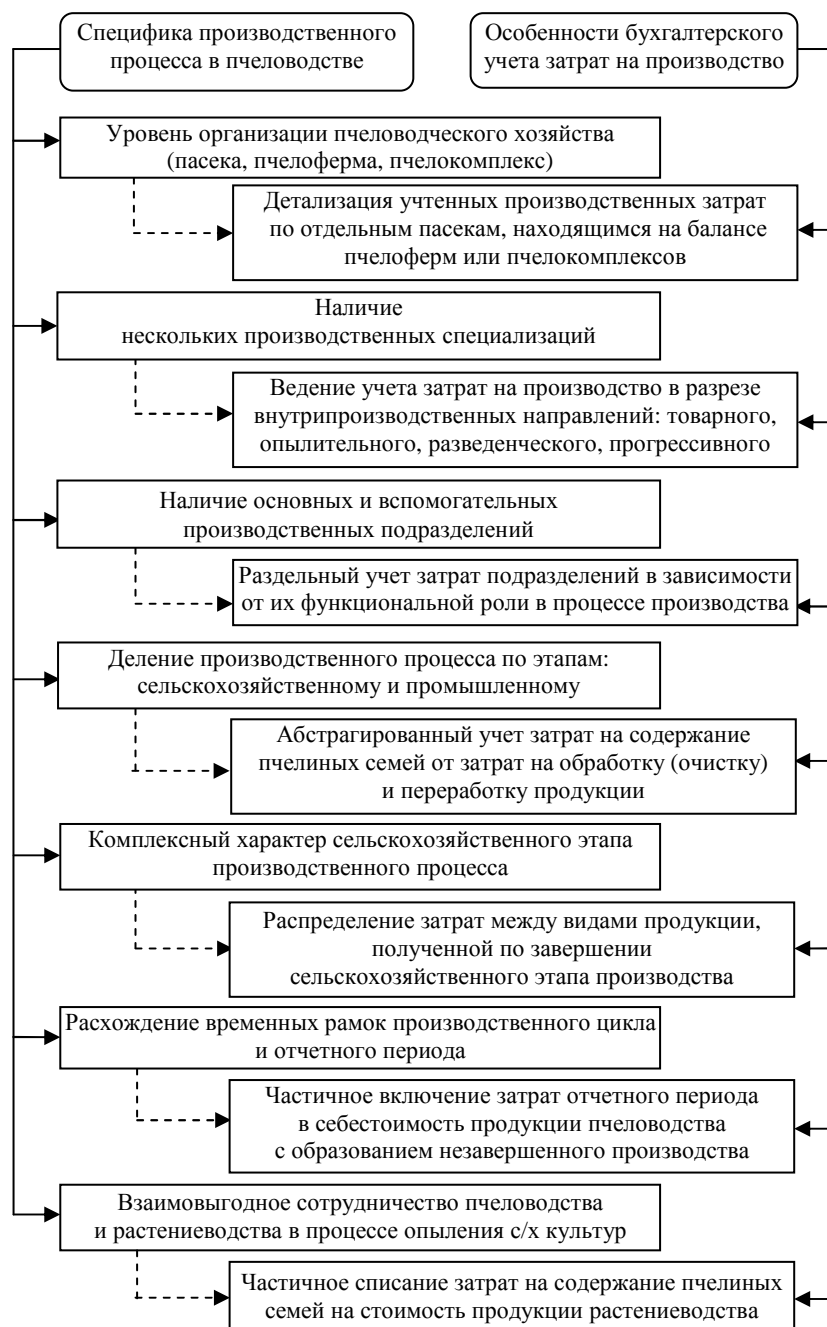

Рисунок 1 – Специфические особенности производственного процесса в пчеловодстве, оказывающие влияние на организацию учета затрат

Источник: разработка автора.

Разработанные признаки классификации затрат для целей калькулирования фактической себестоимости продукции и оценки незавершенного производства в пчеловодстве, в отличие от универсальных группировок затрат в сельском хозяйстве, позволяют выделить специфичные затраты, присущие пчеловодству, которые призваны обеспечить исчисление себестоимости готовой продукции и незавершенного производства в пчеловодстве, полученных по завершении технологических процессов, оценить эффективность функционирования производственных подразделений и пчеловодческих хозяйств в целом, и являются теоретическим обоснованием формирования системы синтетических и аналитических счетов производственной деятельности организаций в пчеловодстве.

Однако при всей важности и значимости классификации затрат по элементам невозможно учесть, во сколько обходится хозяйству производство единицы каждого вида продукции, каков характер и уровень затрат. Поэтому кроме группировки затрат по экономическим элементам практикуется деление затрат по калькуляционным статьям, что обеспечивает исчисление себестоимости единицы продукции, характеризует назначение затрат и позволяет установить пути снижения затрат или оптимизации структуры себестоимости продукции.

Вместе с тем используемая номенклатура затрат в пчеловодстве является типовой и предназначена для использования хозяйствами всех отраслей животноводства, что характеризует действующий состав затрат как универсальный, но не учитывающий уникальные особенности производственного процесса пчеловодства. Поэтому возникает необходимость в усовершенствовании применяемой в пчеловодстве номенклатуры затрат путем приведения ее к соответствию специфике процесса производства (рис. 2).

Классификация производственных затрат в пчеловодстве	По отношению к отчетному периоду	Затраты прошлого периода. Затраты отчетного периода. Затраты будущего периода
	По внутрипроизводственной специализации	Затраты товарного пчеловодства. Затраты опылительного пчеловодства. Затраты разведенческого пчеловодства. Затраты прогрессивного пчеловодства
	По виду производств	Затраты основного производства. Затраты вспомогательного производства
	По уровню организации хозяйств	Затраты пасеки. Затраты пчелофермы. Затраты пчелокомплекса
	По стадиям производственного процесса	Затраты сельскохозяйственного этапа. Затраты промышленного этапа
	По технологическим процессам	Затраты на содержание пчелосемей. Затраты на обработку (переработку) первичной продукции. Затраты на промышленную переработку продукции
	По носителям затрат	Затраты на получение меда, воскового сырья, воска, гнездовых сот, маточного молочка, перги, пыльцы, пчелиного яда, гомогената трутневых личинок, плодной пчелиной матки, неплодной пчелиной матки, пакетов пчел, пчелосемей, на опыление с/х культур
	По элементам затрат	Материальные затраты (за вычетом стоимости возвратных отходов); затраты на оплату труда; отчисления на социальные нужды; амортизация основных средств и нематериальных активов; прочие затраты

Рисунок 2 – Предлагаемая классификация производственных затрат в пчеловодстве для целей калькулирования себестоимости и оценки незавершенного производства

Источник: разработка автора.

Выделенные в производственном процессе в пчеловодстве два последовательных этапа, различаются как используемыми производственными ресурсами, технологическими операциями и полученными результатами, так и, соответственно, составом производственных затрат, участвующих в калькулировании продукции, что требует детализации затрат по статьям калькуляции по этапам процесса производства.

Промышленный этап не связан с использованием биологических активов, а следовательно, из состава затрат следует исключить затраты на содержание пчелосемей: корма; средства защиты животных; потери от падежа животных и добавить элемент «сырье для обработки (переработки)», включающий стоимость сельскохозяйственной продукции пчеловодства, требующей обработки или переработки, а также статью «материалы», учитывающую стоимость материалов, используемых в производстве.

Усовершенствованная детализация затрат по статьям калькуляции в разрезе этапов технологического процесса в пчеловодстве представлена в таблице 2. Предлагаемая номенклатура затрат на производство в пчеловодстве, основанная на выделении в самостоятельную позицию сырья для переработки и материалов, используемых для получения вторичной продукции пчеловодства, приведет к формированию прозрачной и оперативной информации о себестоимости первичной и вторичной продукции пчеловодства. На внутрихозяйственном уровне аккумулирование информации о затратах отдельных этапов производства позволит выявить эффективность функционирования структурных подразделений и обеспечить контроль за расходом производственных ресурсов по этапам работ для достижения запланированных результатов.

Таблица 2 – Предлагаемый состав производственных затрат по этапам технологического процесса в пчеловодстве

Затраты по элементам	Затраты по статьям калькуляции	Затраты сельскохозяйственного этапа	Затраты промышленного этапа
Материальные затраты	Корма	Потребленный мед, сахар, перга	–
	Средства защиты животных	Лекарственные препараты	–
	Топливо и энергия на технологические цели	- Топливо для перемещения пчелиных семей к нектарным ресурсам; - Топливо (энергия) для поддержания тепла в зимовниках, работы оборудования, используемого для содержания пчелиных семей (аккумулятор, электростимулятор)	Топливо (энергия) для работы оборудования, используемого для очистки, обработки, переработки первичной продукции пчеловодства (медогонка, воскотопка, сушильные шкафы и др.)
	Сырье для обработки (переработки)	–	Первичная продукция пчеловодства, требующая доработки (неочищенные мед, прополис, маточное молочко, пчелиный яд, восковое сырье и т.д.)
	Материалы	Солома, сено, вошина, инвентарь и хозяйственные принадлежности	Абсорбент для маточного молочка, инвентарь и хозяйственные принадлежности
Расходы на оплату труда	Расходы на оплату труда	Оплата труда пчеловодам, занятым содержанием пчелиных семей и изъятием первичной продукции из улья (исходя из норм времени на каждую операцию)	Оплата труда пчеловодам, занятым очисткой, обработкой, переработкой первичной продукции (исходя из норм времени на каждую операцию)
Отчисления на социальные нужды	Отчисления на социальные нужды	Отчисления на социальные нужды от заработной платы пчеловодам, занятым содержанием пчелиных семей и изъятием первичной продукции из улья	Отчисления на социальные нужды от заработной платы пчеловодам, занятым очисткой, обработкой, переработкой первичной продукции
Амортизация основных средств и нематериальных активов, используемых в предпринимательской деятельности	Амортизация основных средств и нематериальных активов	Амортизация зданий, машин и оборудования, используемых для содержания пчелиных семей (пчелиные улья, зимовники, ульезовы, аккумулятор, электростимулятор и др.)	Амортизация зданий, машин и оборудования, используемых для очистки, обработки, переработки первичной продукции (медогонка, воскотопка, станки СИП-55 и СИП-ун, ручной зубчатый каток, сушильные шкафы и др.)
Прочие затраты	Потери от брака, падежа животных	Потери от гибели пчелиных семей	Потери от брака пчеловодческой продукции (не соответствует требованиям ГОСТ по качеству)
	Работы и услуги Вспомогательных производств	Работы сторонней столярной мастерской, услуги автохозяйства	
	Работы и услуги сторонних организаций	Ветеринарные услуги, услуги по перевозке пчелиных семей к месту опыления	Работы по переработке воскового сырья, обработке маточного молочка, пчелиного яда и др.
	Общепроизводственные расходы	Средства дезинфекции ульев и продукции пчеловодства; расходы по содержанию и эксплуатации оборудования; оплата труда бригадира; топливо и энергия на содержание пасечного домика, водоснабжение, амортизация пасечного домика, машин и оборудования, используемых для общепроизводственных нужд	

Источник: разработка автора.

Заключение. Базируясь на выделенных специфических особенностях пчеловодства, разработана экономически обоснованная классификация затрат на производство, которая оказывает непосредственное влияние на эффективность планирования и учета затрат, на достоверность их анализа, способного выявлять определенные соотношения между отдельными видами затрат и исчислять степень их влияния на уровень себестоимости и рентабельности производства. Доказана несостоятельность типовой номенклатуры затрат на производство в пчеловодстве. Рекомендован усовершенствованный перечень калькуля-

ционных статей, детализированный по этапам производственного процесса (сельскохозяйственному и промышленному), что *приведет* к формированию прозрачной и оперативной информации о себестоимости первичной и вторичной продукции пчеловодства, *позволит* выявить эффективность функционирования производственных подразделений и обеспечит контроль над расходованием производственных ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Инструкции по бухгалтерскому учету доходов и расходов и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства финансов Республики Беларусь и их отдельных структурных элементов [Электронный ресурс]: постановление М-ва финансов Респ. Беларусь, 30 сент. 2011 № 102 // Официальный сайт Министерства финансов Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.minfin.gov.by/ru/accounting/methodology/acts/df90ff240c4dcadf.html>. – Дата доступа: 15.09.2015.
2. Об установлении типового плана счетов бухгалтерского учета, утверждении Инструкции о порядке применения типового плана счетов бухгалтерского учета и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства финансов Республики Беларусь и их отдельных структурных элементов [Электронный ресурс]: постановление М-ва финансов Респ. Беларусь 29 июня. 2011 г. № 50: в ред. постановлений Минфина от 30.04.2012 № 25, от 30.04.2012 № 26, от 20.12.2012 № 77 // Официальный сайт Министерства финансов Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.minfin.gov.by/ru/accounting/methodology/f265568f213002a5.html>. – Дата доступа: 12.04.2015.
3. Международный стандарт финансовой отчетности 2 «Запасы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gsu.by/biglib/gsu/.../МСФО/IFRS-ru-2012.../ias41.pdf>. – Дата доступа: 12.09.2013.
4. Бухгалтерский управленческий учет в АПК: учеб. пособие / А.П. Михалкевич [и др.]; под ред. А.П. Михалкевича. – Минск: БГЭУ, 2012. – 383 с.
5. Бычкова, С.М. Бухгалтерский учет в сельском хозяйстве / С.М. Бычкова, Д.Г. Бадмаева. – М.: ЭКСМО, 2008. – 359 с.
6. Вахрушина, М.А. Бухгалтерский управленческий учет: учеб. для вузов / М.А. Вахрушина. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: ИКФ Омега-Л; Высш. шк., 2002. – 528 с.
7. Ивашкевич, В.Б. Бухгалтерский управленческий учет: учебник / В.Б. Ивашкевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Магистр:Инфра-М, 2011. – 576 с.
8. Карпова Т.П. Управленческий учет: учеб. для вузов / Т.П. Карпова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТА-ДАНА, 2004. – 351 с.
9. Палий, В.Ф. Управленческий учет издержек и доходов (с элементами финансового учета) / В.Ф. Палий. – М.: Инфра-М, 2006. – 279 с.
10. Селюков, Ю.Н. Управленческий учет в сельском хозяйстве: проблемы теории и методологии / Ю.Н. Селюков, В.В. Чабатуль, Е.Н. Ракутина. – Минск: Ин-т системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2009. – 88 с.
11. Мансуров, П.М. Управленческий учет: учеб. пособие / П.М. Мансуров. – Ульяновск: УлГТУ, 2010. – 175 с.
12. Управленческий учет: учеб. пособие / под ред. А.Д. Шеремета. – М.: ИД ФБК-ПРЕСС, 2000. – 512 с. – (Сер. «Академия бухгалтера и менеджера»).
13. Управленческий учет: учеб. пособие (Бакалавриат) / под ред. проф. Я.В. Соколова. – М.: Магистр, 2010. – 428 с.

Поступила 21.03.2016

IMPROVEMENT OF THE COMPOSITION AND CLASSIFICATION OF PRODUCTION COSTS IN BEEKEEPING

K. AFANASEVA

The article is devoted to approaches to the classification of production costs in agriculture. The features of the production process in beekeeping, on the basis of which developed new signs of systematization of production costs. Studied typical range of articles costing apiculture products. Based on the division of the production process for technological stages, refined the composition of production costs of primary and secondary products of beekeeping.

Keywords: *production costs, classification of costs, cost structure, apiculture, apicultural products, calculation.*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342

ИСТОКИ И ПЕРВОПРИЧИНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА**Часть 2***

канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ
(Полоцкий государственный университет)

В противоположность этосу, порожденному традиционными, аграрными, феодальными и впоследствии социалистическими обществами, экономическая система капитализма требует от индивида высокой моральной дисциплины, заключенной в обычаях и ценностях, внутренне присущих и одновременно обязательных для его развития. Среди них не только трудолюбие, предприимчивость, здоровые трудовые привычки и желание жить по закону, но также стремление к сотрудничеству, совершенствованию, внимательность к контрагентам, открытость по отношению к незнакомым людям. Любой народ, движимый капитализмом, сталкивается с необходимостью усвоить эти высокие и строгие моральные требования, хотя переживает этот момент по-своему.

Капитализм нельзя воспринимать только из материальных соображений, но его основу при любых раскладах составляет личный экономический интерес человека, встроенного в систему рыночных отношений. Безусловно, система разделения труда, знаний и умений, на которой зиждется европейская цивилизация, обязана своим существованием именно развитию духа индивидуализма. На кого рассчитана эта глобальная система? Честный ответ будет таков: как раз таки поглощенный погоней за прибылью «презренный обыватель» и сделал возможным современный порядок передовых технологий и качество жизни человека, что бы там не говорили интеллектуалы-социалисты. «Хозяйственная же жизнь, как спорт и искусство, – есть область, где конкуренция, и только она одна, определяет собою наиболее приспособленных людей», – пишет И.Л. Солоневич [1, с. 5]. Десятилетием позже Милтон Фридман сформулировал азбучную истину либерализма: «В принципе существует лишь два способа координации экономической деятельности миллионов. Первый – это централизованное руководство, сопряженное с принуждением; таковы методы армии и современного тоталитарного государства. Второй – это добровольное сотрудничество индивидов; таков метод, которым пользуется рынок» [2, с. 36]. В Европе это осознали и начали практиковать с XVI века.

Рационализм и практичность во всём, постоянное профессиональное совершенствование обусловили высокую степень самоуправления и ответственности личности, однако для этого должны быть созданы соответствующие правовые условия. Не случайно, пишет К.В. Арановский, «появилась и либеральная формула *laissez faire* (“дайте действовать”, “свобода рук”), положенная в основании конституционной государственности и невмешательства власти в экономическую деятельность. Нужны также порядок и законность, которым очень кстати отвечает педантичная честность протестантов» [3, с. 213]. В 1818 году английский ученый Галлам констатировал, что «ни в одной стране благотворное влияние политических учреждений не распространилось на такое обширное население, ни один народ так удачно не примерил столь разнородных элементов, как *богатство, порядок и свобода* (курсив наш. – А. П.). Этими преимуществами мы обязаны, конечно, не почве и не географической широте нашего острова, а духу его законов, благодаря которому развились независимость и трудолюбие, отличающие нашу нацию» [4, с. 2]. Созвучно развивает мысль Б.С. Эбзеев: «В новых исторических условиях первичным естественным состоянием человека была объявлена его независимость, которая, как полагали сторонники естественно-правовой доктрины, только в части была ограничена вступлением в общественный договор и образованием государства. И права, присущие этому естественному состоянию, – суть права человека; что же касается сочленства в государстве – оно характеризуется правами гражданина» [5, с. 28].

Ограничение деспотической власти, соблюдение правовых принципов, социальный плюрализм, появление представительных органов, религиозное обновление способствовали возникновению чувства индивидуализма и традиции личных прав и свобод, не имеющих аналогов в других сообществах. Принятие права на индивидуальный выбор доминировало на Западе уже к XVII веку, превалирование его над коллективизмом составляет отличительную черту европейского мировоззрения, практик и общественных институтов. Во всех остальных цивилизациях (мусульманской, китайской, японской, православ-

* Часть 1 статьи опубликована в журнале «Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки». – 2016. – № 5. – С. 146–160.

ной, индуистской, африканской) индивидуализм как признанная ценность не обнаруживается в религии, социальной структуре, общественном устройстве. Отсюда, кстати, и причина несостоятельности универсалистских претензий Запада.

Индивидуализм как мировоззрение послужил краеугольным камнем в обосновании естественных прав человека. Именно у людей, понимающих индивидуализм неотъемлемой частью религиозного и общественного порядка, мог получить поддержку такой уклад, в основу которого положены права человека, концептуально «увязанные» на идею свободы (понятно, не в интерпретации Руссо и иных основоположников социализма). Как сформулировал Ф.-А. фон Хайек, «свобода как политический институт возникла не из *стремления людей к свободе* в смысле избавления от ограничений, но из их стремления отгородить какую-то безопасную сферу индивидуальной жизни» [6, с. 88]. Такая химера, как «воля народа», неизменно оборачивалась против концепции прав человека. Это актуально и поныне.

Следует особо подчеркнуть опасность коллективного видения свободы вообще и процесса волеобразования народа в частности. Носителем свободы является не коллектив или народ, а отдельно взятый гражданин. Демократия, согласно современной конституции, – это не демократия народа, а демократия граждан, носителей индивидуальной, осознанной свободы. Вот что пишет по этому поводу У. Эко: «На самом же деле “народа” как выражения единой воли и чувства, как натуральной живой силы, воплощающей мораль и историю, не существует. Существуют граждане, и в демократическом режиме (который не идеален, но и другие режимы ещё менее идеальны) принято передавать власть тем, кто получил согласие от большинства сограждан. Не от “народа”, а от большинства, и часто не в силу количественного перевеса, а вследствие особого расклада сил по одномандатной избирательной системе. [...] Воля народа – фикция; поскольку народа как такового не существует, популисты фабрикуют иллюзию народной воли. [...] Кто-то для создания иллюзии народного консенсуса подделывает данные опросов, кто-то адресуетя к фантомному “народу”. Действуя таким образом, популист приравнивает собственный замысел к народному волеизъявлению, после чего, в случае успеха (что нередко) – преобразует в этот выдуманный им “народ” немалую часть сограждан, очарованных иллюзией и стремящихся с этой иллюзией отождествляться» [7, с. 229–231].

Протестантская литература XVI–XVII веков дает много примеров безоговорочной поддержки тех, кто заботится о личном благе. Но об этом писал и Спиноза в своей «Этике», а до него – итальянские гуманисты эпохи Ренессанса: Леонардо Бруни (ок. 1370–1444), Леон Батиста Альберти (1404–1472). А сколь значимо возвращение идеи стоиков о естественном праве! Как заметил Р. Пайпс [8, с. 45], с нею никогда не расставались и в Средние века, но тогда ее отождествляли с волей Божьей, как она выражена в священном Писании. В поисках более рационального обоснования земной власти теоретики времени Ренессанса, не довольствуясь ссылками на Библию, обратились к римским литературным и юридическим текстам. Они вернули к жизни начиненную революционной взрывчаткой идею о том, что естественное право возникло прежде действующих законов и что все люди обладают врожденными правами, которые правительства не могут у них отбирать, ибо и само государство создавалось для защиты этих прав. О сопротивлении тирании убедительно писал Дж. Локк в своих трактатах, а конституционное законодательство США и Франции восприняло эту установку как незыблемый постулат.

В самом деле, связь капитализма, протестантства и зарождающегося конституционализма очевидна, когда обращаешься к историческим подтверждениям: «Если представить карту распространения конституционной традиции, то наиболее убедительны её успехи в странах, где протестантизм составил господствующее или хотя бы представительное христианское вероисповедание» [3, с. 208]. Вряд ли такое соответствие может быть объяснено как случайное совпадение. Если права и свободы личности составляют суть конкретной идеи, то совершенно очевидно то участие, которое индивидуализм, протестантский по происхождению, принял в её формировании. «Реформация, – отмечает О.И. Омельчук, – стала реакцией на девальвацию однозначности теоцентризма, важнейшей идеей которой стала необходимость личной ответственности человека перед Богом за свое поведение. При этом отбрасывалась необходимость посредничества церкви. Так соединяются сильное влияние религии с гуманизмом Возрождения, который отстаивал самостоятельность, исключительность и ценность человека» [9, с. 107]. Создание целостной концепции правового поведения нашло отражение в трудах М. Лютера [10], У. Цвингли [11], Т. Мюнцера [12], Ф. Меланхтона [13], Ж. Кальвина [14].

Противоречия и разрыв между церковным учением и реальной жизнью в период Позднего Средневековья становились все более и более ощутимыми, что, в свою очередь, стремительно подрывало некогда высокий авторитет церкви. Этим исподволь был подготовлен путь к состоявшейся в XVI веке протестантской Реформации. Такова основная версия [15, с. 158]. Но великое реформаторское движение не было только протестом против злоупотреблений католической церкви. Помимо необходимости обретения экономической свободы оно обладало огромным творческим потенциалом, и часто идеалом была жизнь в свободных, братских общинах. Но поскольку это предполагало передел собственности, «старые» католические и «молодые» протестантские государства решительно обрушились на существ-

вание любых социально-политических союзов между гражданами. Подавление с невероятной жестокостью народных движений, развязанная опустошительная тридцатилетняя война за делёж власти и собственности – это тоже Реформация.

И здесь прав П.А. Кропоткин [16, с. 238], когда говорит о том, что в условиях хаоса поглощения государством всех социальных функций по необходимости благоприятствовало необузданному, узко понимаемому индивидуализму. По мере того как обязанности к государству возрастали численно, граждане явно освобождались от своих обязанностей по отношению друг к другу, как это было раньше в гильдиях и братствах. Но ничего не попишешь, «религией» капитализма является конкуренция и самовывживаемость, поэтому традиционно-общинные отношения стремительно угасают, сохранившись преимущественно в сельской местности.

Концепция индивидуализма не вызывает исключительно «благодаря» погоне человека за наживой или желанию высвободиться из пут патриархальной семьи. Джордж Фридман убедительно доказал [17, с. 81], что истоки персонификации европейской личности имели ярко выраженный религиозный характер, когда Лютер бросил вызов существовавшим представлениям и авторитетам, выдвинув во главу угла совесть и разум индивидуума. Попытаемся понять суть проблемы. Католическая церковь всегда учила, что человек может прийти к познанию Бога только через учение церкви, ее таинства и священнодействия иерархов. Не случайно такое внимание уделялось внешним проявлениям в виде грандиозных и завораживающих ритуалов. Но когда на Вормском рейхстаге Мартин Лютер заявил о том, что его совесть только Словом Божиим связана, он тем самым верующего христианина поставил в центр мира. Это высказывание, содержащее концепцию индивидуальной ответственности, совести и сомнения, положило начало коренной перестройке всей структуры христианства и подготовило почву для социальных потрясений. В католической доктрине никто не может истинно толковать догматы христианской веры, будучи вне церковной системы. Лютер же ввел понятие совести и личных убеждений индивидуума, которые дают каждому человеку право самостоятельно изучать слово божие через Библию и интерпретировать его таким образом, как велит личная совесть.

С появлением книгопечатания Библия перестала быть рукописной редкостью, христиане получили возможность читать ее каждый день вне церковных стен, понимать и толковать сообразно индивидуальной совести. В духовном плане – это самый резкий разрыв с прошлым. Ввиду того, что было необходимо зарабатывать на хлеб насущный, протестанты самое пристальное внимание обратили на вопросы труда, собственности, накопительства, личного преуспеяния в мирских делах. Раньше было проще, поскольку католическая церковь навязывала своим последователям единые догмы и побуждала поступать единообразно. Новый религиозный уклад привносил неопределенность и неуверенность в отсутствие заведомых авторитетов, но теперь каждому человеку следовало оценивать любое явление или идею, руководствуясь лишь своей верой и совестью. Причем у людей появилась не только свобода в такой оценке, но и обязанность, диктуемая совестью, поступать именно так – и никак иначе. Высвобождались не только умы, но и развязывались руки. Протестант с искренностью веры и чистотой совести, мучаемый скептицизмом в восприятии любых попыток установить какие-то авторитеты, сообразуясь не со сверхъестественными, а с естественными сущностями, открывал неведомую эпоху. Индивидуум, общество взглянули на себя абсолютно по-новому. Сначала интеллектуально, потом – экономически, а затем и политически. Конечно, ничто не подлежит идеализации. Впоследствии с «разжижением» этических императивов и развитием атеистических воззрений Эпоха Просвещения дала дорогу радикальному индивидуализму, не поставив никаких барьеров для индивидуальной глупости или злого умысла. Но в XVI веке индивидуализм еще не был абстрактной концепцией, он органично совмещался с идеей разумного, справедливого и прогрессивного общества.

События той эпохи наглядно продемонстрировали, что протестантская вера удачно осуществила себя в капиталистическом укладе, а капитализм получил религиозные обоснования в протестантстве. Что из этого следует в отношении конституции? Предоставим слово К.В. Арановскому: «Кроме того, что индивидуализм и рационализм содействуют поддержанию конституционных отношений, протестантская вера, если ставить её в связь с капитализмом, даёт конституционному праву экономическую среду, в которой оно только и может быть развёрнуто. Капитализм с его правилами свободного рынка требует формального равенства, правового обособления индивидов, а также частной собственности. Протестантское учение назвало знаком благодати приобретательство. Однако охота за сокровищами или обогащение в завоеваниях – не главный способ стяжательства. Приобретения должны быть законной собственностью. Она отличается от собственности, зависимой от места лица в государстве, во власти, иерархии, родовых или кланово-сословных отношениях» [3, с. 217].

Влияние церкви на экономическую жизнь общества характеризовалось, как отмечает Э. Аннерс [15, с. 157], в весьма значительной степени выраженным принципиальным противоречием между церковным учением и самой жизнью. Согласно догматам церкви, спасение человеческой души через послу-

шание воле Господа – это единственное и самое существенное в земном бытии человека. Позиция, занятая церковью по отношению к экономике, в самой основе являлась антиматериалистической, ведь одно из основных монастырских правил требовало от человека, чтобы он всю свою жизнь оставался бедным. С другой стороны, уже с XII века церковь располагала огромными финансовыми накоплениями, собирала несметные богатства, использовала право владения имуществом исключительно лишь своими служителями, хотя формально оно оставалось за всем сообществом верующих. И все это делалось, прежде всего, из жажды обладания политической властью. Создавалось стойкое убеждение, что церковь владела всем этим не по праву, и поэтому такой порядок должен быть пересмотрен.

Становится очевидным, что формальное равенство и частная собственность в равной мере востребованы и протестантизмом, и капитализмом, и конституцией, в которой равноправие и собственность выражают едва ли не главный её смысл. Поэтому ещё раз подчеркнём хронологические наложения развития капитализма, Реформации и формирующегося идейного конституционализма. Конечно, впоследствии эта триада не была столь единой. Капиталистические отношения получили самодовлеющее значение, а первые писанные конституции носили характер светских документов. Но изначально протестантизм, капитализм и конституционализм образовывали монолитный субстрат. Не случайно, по мнению М. Новака [18, с. 23], 1776 год ознаменовался двумя важнейшими событиями: Адам Смит опубликовал свое «Исследование о природе и причинах богатства народов» [19] (этот шотландский профессор входил в руководство Ост-Индской компании, а работа была написана по заказу Джеффри Стейнберга – руководителя Палаты лордов и куратора внешней разведки Британии); в Северной Америке возникла первая демократическая республика – США (государство, созданное протестантами-англосаксами на основе писаной конституции).

Все эти наблюдения не являются чем-то принципиально новым в освещении конституционной истории. В эпоху Просвещения многие мыслители понимали рассмотренные закономерности. В работе «О духе законов» Ш.-Л. Монтескье отмечал тот факт, что «католическая религия более согласуется с монархическим образом правления, а протестантская – с республиканским. [...] Этот народ (английский – А. П.) лучше всех народов мира сумел воспользоваться тремя элементами, имеющими великое значение: религией, торговлей и свободой» [20, с. 381, 285]. Он отмечал закономерности возникновения конституционного строя в странах с передовой экономикой и протестантской религиозной историей. Именно там были основные признаки эволюционного процесса в сфере материального производства, торговли и финансов. Ниал Фергюсон [21, с. 66] в качестве таковых видит: непрерывные мутации (в виде технологических прорывов), умножение видов (создание фирм все новых типов) и «проколотые» равновесия (кризисы, отделявшие выживающие фирмы от вымирающих). Но это было возможно при условии признания передовых на тот момент политических, правовых и религиозных воззрений.

Невозможно отрицать, что достоинства простой христианской жизни, оформившейся благодаря мирскому аскетизму, изменились под влиянием специфических условий городской экономики Нового времени, превратившись в прилежный труд, бережливость, сбережения, расчетливые инвестиции, короче говоря, в качества, приводящие к успеху в земных делах. Основой различия являлись не только и не столько деньги. Отныне социальная иерархия определялась и другой ценностью – трудом. Возможно, даже покажется естественным, что лень, разврат, неумеренность, гордыня, зависть и другие пороки стали довольно накладны не только из-за того, что за них приходилось платить, но также из-за ущерба, который они наносили возможным инвестициям. Как свидетельствует М. Новак, «... и сегодня руководители корпораций утверждают, что тот, кто разместит свои предприятия в городах, населенных мормонами – людьми, наиболее близкими по своему поведению тем здоровым людям, которых описал М. Вебер, будут располагать одними из самых надежных, достойных, прилежных и полагающихся на собственные силы работников во всей стране» [18, с. 369]. Надо отдать должное Дж. Локку, который в своем сочинении «Два трактата об управлении» (1690 г. – анонимное издание) обосновал идею, что источником материального богатства является труд. Эта мысль, заметил Р. Пайпс [8, с. 55], очень понравилась стране, в которой значительную часть жителей составляли самостоятельные фермеры, ремесленники и лавочники. По правде говоря, Локк не был первым, кто выдвинул это соображение; на полвека ранее оно появилось у левеллера Ричарда Овертона. А еще до того, двумя тысячелетиями раньше, Перикл говорил, что каждый афинянин способен «сам по себе ... проявить свою личность».

В средневековой Европе отношение к труду было иным. Он не имел целью экономический прогресс – ни индивидуальный, ни коллективный. Обеспечить минимум, создавать необходимое – такова была трудовая этика. Всякий экономический расчет, который пошел бы дальше предвидения необходимого, сурово осуждался. Обеспечить средства существования – дальше этого экономика не шла. В меньшей степени это касалось высших слоев, которым нельзя было опуститься ниже определенного ранга. Практиковались потребительские займы, но производственного почти не существовало. Что касается трудовой деятельности, она предполагала [22, с. 271], помимо религиозных и моральных устремлений (избежать праздности, которая ведет к дьяволу; искупить, трудясь в поте лица, первородный грех;

смирить плоть), в качестве экономических целей обеспечить как свое собственное существование, так и поддержать тех бедняков, которые не способны сами позаботиться о себе.

Еще св. Фома Аквинский (вышедший из мелкого земельного дворянства и проникнутый идеями автаркической экономики Аристотеля) сформулировал эту мысль в «Сумме теологии» [23]: «труд имеет четыре цели. Прежде всего и главным образом он должен дать пропитание; во-вторых, должен изгонять праздность, источник многих зол; в-третьих, должен обуздывать похоть, умерщвляя плоть; в-четвертых, он позволяет творить милостыни». Естественно, что это безразличие и даже враждебность по отношению к производительному труду и экономическому росту отражались в сфере денежного хозяйства и оказывали серьезное сопротивление развитию в обществе духа наживы и накопительства. Не случайно в условиях такой примитивной экономики средневековый Запад постоянно терзал страх голода, а средняя продолжительность жизни человека составляла 30 лет. Невыносимость материальных условий существования породила новую философию трудовых отношений. Нельзя сказать, что в Европе ее не было вовсе. Культ труда явно обозначен в иудаизме. Пол Джонсон [24, с. 197] отмечает, что раввинистский иудаизм требовал, чтобы те, кто способен и одарен, были еще трудолюбивыми и результативными. С его помощью древние законы приспособлялись к изменяющимся условиям посредством рационализации. Позднее Реформация реанимировала функцию труда в христианстве, и не случайно протестанты с евреями были самыми удачливыми новаторами в финансово-экономической сфере.

Если прогрессивные взгляды и методы в сфере материального производства вызывали такое отторжение, то что говорить о финансовой составляющей? А ведь без этих инноваций человечество не смогло бы проделать путь от унижительного существования на грани голодной смерти до поистине головокружительных высот материального благополучия, так хорошо знакомых немалому числу обитателей Земли. Эволюция кредитных отношений занимает свое законное место наряду с важными достижениями человечества. В рассматриваемую нами эпоху именно банки с рынком облигаций послужили надежной материальной основой, на которую опиралась экономика нового типа. Но в массовом сознании и во взглядах церковных бонз финансовые новшества всегда представлялись коварными происками проклятых кровопийц, которые стремятся выпить все жизненные соки из тружеников и залезших в долги семей. Всего хватало – денежной кабалы, афер, разорений состояний, финансовых кризисов и всякого рода мошенников, но отрицать роль финансовой системы в жизни человечества нельзя.

Как выясняется, специалисты по истории вопроса расходятся в оценке влияния взрывного развития финансов (начиная с XVII века) на ускорение роста всей экономики, начавшегося в Англии, а затем распространившегося на Западную Европу и крупные европейские поселения в Северной Америке и Австралии. Например, Ниал Фергюсон [21, с. 65] убежден, что ни один человек в здравом уме не будет спорить с тем, что финансовая революция предшествовала революции промышленной. Что правда, решающие шаги в текстильной промышленности и металлургии – а именно эти отрасли находились в авангарде революции – были сделаны практически без помощи банков, но их роль в развитии событий на континенте была гораздо больше, чем в Англии. Не стоит расходовать время на тщетный поиск железной причинно-следственной связи, вроде «усложнение кредитных отношений подтолкнуло к росту» или «экономический рост повлек за собой скачок в финансовом мастерстве». Скорее всего, процессы развивались независимо друг от друга и черпали силы из своих внутренних источников.

Адам Смит отзывался о финансистах с одобрением: «Благоразумные банковские операции, заменяя бумажными деньгами значительную часть этого золота и серебра... [создают], если позволено употребить такую метафору, своего рода воздушный путь, дают стране возможность как бы превращать большую часть её дорог в хорошие пастбища и хлебные поля и таким образом весьма значительно увеличивать годовой продукт ее земли и труда» [21, с. 66]. Как видно, великий экономист в 1776 году зафиксировал и доказал связь финансов, собственности и труда, но веком ранее Дж. Локку приходилось доказывать саму «трудовую теорию собственности».

По Локку собственность образуется тогда, когда человек прилагает свой труд к ничейному предмету. И дело обстоит именно так, потому что мы, конечно же, «обладаем собственностью» на самих себя и, в расширительном смысле, на всё, что мы производим: «Хотя земля и все низшие существа принадлежат сообща всем людям, все же каждый человек обладает некоторой *собственностью*, заключающейся в его собственной *личности*, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что труд его тела и *работа* его рук по самому строгому счету принадлежат ему. Что бы человек не извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим *трудом* и присоединяет к нему нечто, принадлежащее лично ему, и тем самым делает его своей *собственностью*. Так как он выводит этот предмет из того состояния общего владения, в которое его поместила природа, то благодаря своему *труду* он присоединяет к нему что-то такое, что исключает общее право других людей. Поскольку этот труд является исключительной собственностью трудящегося, ни один человек, кроме него, не может иметь права на то, к чему он однажды его присоединил, по крайней мере в тех случаях, когда достаточное количество и того же самого качества (предмета труда) остается

для общего пользования других» [25, с. 142]. Комментируя сказанное, Р. Пайпс умозаключил [8, с. 56], что к словам Рене Де Карта «мыслю – следовательно, существую» Джон Локк, по сути дела, добавил «существую – следовательно, имею собственность»: я обладаю собственностью на самого себя, то есть на всё, что создаю. Более того, представление, что простейший вид нашей собственности – это мы сами, то есть наша личность, наше тело, – означает, что собственность по необходимости предполагает свободу. Ибо сказать, что мы «принадлежим себе», то есть являемся своей «собственностью», равносильно утверждению, что мы вольны располагать собой, в чем и состоит смысл свободы.

Такая «*трудова́я теория собственности*» очевидна и привлекательна, но ее использовали и для нападок на собственность. Как и все теории, она имеет уязвимые места. Ведь через нее, согласитесь, никак не оправдать унаследованное богатство, к созданию которого не были приложены никакие личные усилия. Те же, кто создает продукцию на фабриках и заводах, в собственность ее отнюдь не получает. По Д. Рикардо, такому фактору производства, как труд, соответствует не прибыль, а заработная плата (в отличие от коммерческой предприимчивости). Не случайно в XIX веке антисобственнические идеи были использованы социалистами и анархистами, утверждавшими, что при «капиталистическом» способе производства трудящимся массам не достаются плоды их труда и поэтому средства производства подлежат национализации. Но в XVII веке в Англии и ее владениях принцип неприкосновенности частной собственности стал общепринятым. Позднее он был подкреплен утилитаристскими доводами ввиду непреодолимых трудностей с нравственным оправданием собственности (первым с таким взглядом на вещи выступил шотландский философ Дэвид Юм, а из чего именно складывается «интерес и счастье человеческого общества» разъяснил самый влиятельный экономист того времени Адам Смит). Концепция Локка имела ясный и однозначный политический смысл: король не должен нарушать ни одно из прав собственности своих подданных; если он такое допускает, то оказывается в «состоянии войны» с ними и повиноваться ему не следует. Как бы то ни было, в отличие от Франции, где было развернуто широкое наступление интеллектуалов на частную собственность, в Англии взгляды радикал-левеллеров об «одинаковых правах на собственность» успеха не имели, распространение получили иные взгляды.

Неравенство результатов – закономерное явление при честных правилах игры и абсолютной ответственности человека. Поведенческо-психологическую установку нового европейского человека можно сформулировать так: те, кому многое дано, могут не использовать свои таланты, растратить их напрасно; другие добиваются даже большего в сравнении с тем, что им было дано. Лучше всего об этом сказал И. Губерман: «Человек вознаграждается чувством счастья не за то, что создал что-нибудь великое и величественное, а за то, что изо всех сил к собственному потолку приближался, к пределу своих способностей» [б. и.]. В конце концов, иудейское и христианское видение признают, что Бог не обещал равенства результатов, а религиозное сострадание не означает абсолютного равенства. Главное – при капитализме индивид много свободнее, чем при какой-либо иной известной человечеству системе организации экономики. Но его демократический облик сформировался через неизбежные страдания и лишения, для этого понадобился целый комплекс политических и культурных институтов, череда войн, смут и революций.

Эта эпоха удивительным образом объединяет разнящиеся между собой периоды, что отмечено У. Эко [26, с. 14]. С одной стороны, Европа переживает самые ужасные за всю свою историю политические и религиозные, демографические и аграрные, урбанистические и лингвистические кризисы (список можно было бы продолжить). С другой стороны – блистательный период, то есть время первой промышленной революции; время, когда начинают формироваться национальные языки и современные нации; зарождается демократия коммуны; появляются банки, векселя и система двойного учета; подлинную революцию переживают системы наземных и морских перевозок, способы обработки земли и ремесленные приемы; изобретаются огнестрельное оружие, компас и книгопечатание; развивается медицина и представления об элементарной гигиене; не прекращаются Великие географические открытия.

Чем-то это напоминает Античное Средиземноморье; ведь именно там были заложены основы современной цивилизации. В качестве таковых Ф.-А. фон Хайек [6, с. 53] указывает следующие факторы: возможность торговых связей между достаточно отдаленными друг от друга регионами; признание за членами общины свободного применения индивидуальных знаний; право личности самостоятельно распоряжаться в узаконенной сфере частной жизни; децентрализацию в системе управления; наконец, формирование незыблемого института индивидуализированной собственности. Но когда Возрождение распространилось на север, перебравшись через Альпы, оно столкнулось, по верной оценке Дж. Франкла [27, с. 98], с иными социально-экономическими условиями и приобрело новую форму. Церковь там все еще сохраняла свою власть, а феодализм был господствующим общественным строем. Во многом благодаря немецким ученым великие идеи Ренессанса проникли в этот регион, где превратились в идеи Реформации и Просвещения. Знакомство североευропейских ученых и теологов с итальянской гуманистической мыслью оказало значительное влияние на развитие европейской культуры: «Горожане и ученые северных стран стали освобождаться от традиционной схоластической культуры и искать новый тип образования, которое было бы одновременно гуманистическим и религиозным» [27, с. 101]. Во многом благодаря учению Эразма Роттердамского и Мартина Лютера началось движение Реформации.

Ментальное потрясение, которое испытало европейское самосознание от деятельности Мартина Лютера, было революционным по своей сути. До XVI века европейская культура базировалась на догме о том, что центром Европы была церковь. Но когда Лютер вывесил свои знаменитые 95 тезисов на двери Замковой церкви в Виттенберге, это дало старт протестантской Реформации, которая поставила под сомнение постулат о Риме как о центре Европы. Главная идея такова: папа не обладает уникальной связью с Богом, недоступной для других людей, каждый может прийти к Нему самостоятельно, своей дорогой, без посредничества священнослужителей. Любой человек, изучая Библию, ведом к Богу своим сознанием и благословением Господа и может делать собственные заключения и выводы. Если раньше утверждение о Риме как о центре христианской религии всегда оспаривалось восточной ветвью христианства, то теперь эта догма была поставлена под сомнение в самом центре европейского католичества. Поэтому, резюмирует Джордж Фридман [17, с. 82], новое учение возносило в центр религиозного восприятия мира личность христианина, низвергая из этого центра Рим и коренным образом меняя религиозный и духовный ландшафт Европы.

Еще одно произошедшее имело далеко идущие последствия. Поскольку Лютер высказывал свои идеи на немецком и перевел на него Библию, то лютеранство явилось истоком движения, которое породило такое явление, как германский национализм. Немцы, несмотря на лоскутную раздробленность Священной Римской империи, вдруг осознали свою историческую общность. Как и любая другая нация, они сформировались вокруг определенной территории и одного языка, отсюда вызревала идея единого государства со своей церковью, языком, национальностью. Апогея этот ментальный прорыв достиг в XIX веке.

Справедливости ради отметим следующий факт. Мы обращали внимание, что Макс Вебер в своем произведении «Протестантская этика и дух капитализма» [39] доказывал, что протестантизм обеспечивает лучшую базу для экономического развития, чем католичество. В целом как закономерность – так и есть. Аргументы были приведены весомые, но одновременно был проигнорирован тот факт, что Бавария и Рейнская область, регионы с доминированием католичества, были очень развитой частью Германии. В общем, как пишет Дж. Фридман [17, с. 310], существует много соображений на этот счет, причем большинство из них носит вполне логичный и здравый характер, объясняет ту или иную особенность развития страны, но нет ни одной «теории», которая бы учитывала все факторы. Но некорректно оставлять вопрос без ответа. Наша версия такова. Протестантизм способствовал сплочению и единству германской нации, и даже католические регионы при выборе между ценностями папства и своей возрождающейся нации при формальном религиозном подчинении Ватикану во всем остальном хотели быть как большинство немецких земель. И это не стало препятствием для германского сообщества, к тому же немецкий католицизм уж очень специфичен в плане нескрываемого секулярного образа жизни. Кровь этноса и политический смысл оказался сильнее религиозных умонастроений и догмата о незыблемости веры. Это подтвердилось и впоследствии, когда во время двух мировых войн, развязанных Германией, немцы (как католики, так и протестанты), забыв о христианских заповедях, стояли на смерти за могущество Империи и избранность арийской расы. Однако вернемся в эпоху Реформации.

В своем конечном варианте доктрина Лютера полностью соответствовала интересам политической власти того времени: он предлагал Германии перестать быть страной священников, а ведь рыцари и князья давно ждали возможности захватить церковные земли. Экономический вопрос расколол феодалов и церковников на два противоположных лагеря. Потакая немецкой правящей элите, Лютер не одобрял социальные революции. Перейдя на сторону князей, он способствовал возникновению союза церкви и государства, где первая занимала бы подчиненное положение по отношению к последнему. Да и юрисдикция над самой церковью, отмечает Г. Дж. Берман, «перешла от церковных властей к властям гражданским. Протестантский князь стал главой церкви в своем княжестве. Теперь он нес ответственность за разработку секулярного церковного права для решения «мирских» проблем церкви» [28, с. 122]. Тем самым, отрицая доктрину ватиканского папизма, лютеранство сделало человека полностью подконтрольным государству. Но и это было шагом вперед, так как власть в новом обличье признавала те стимулы и мотивы (скромность, самодисциплина, трудолюбие, расчетливость), которые способствовали становлению капиталистического общества. Несмотря на конфликты и парадоксы, которые Ренессанс и Реформация пробудили в религиозной и политической жизни Европы, косность католического мистического догматизма, доминировавшего на протяжении средних веков, была уничтожена.

Дальше М. Лютера пошел Ж. Кальвин, горячо поддержавший идею собственности, увязав ее с трудом, который он считал христианским долгом. Кальвин одобрительно отзывался о промышленности, торговле и больших прибылях, которые они приносят отдельным людям; он отвергал средневековые запреты на ростовщичество и признавал благотворность денег и кредита. По мнению Р. Пайпса [8, с. 34], именно кальвинизм наиболее сильно способствовал подъему капиталистического духа. Но и там все было неоднозначно. Смягчение суровой точки зрения Кальвина в отношении процентных капиталов произошло не сразу, а лишь благодаря Салмазию, борьба против USURARIA PRAVITAS (ростовщичество) проходит через всю историю гугенотской и нидерландской церкви XVI века, а банкиры часто не допус-

кались к причастию. Экономика мыслилась без финансовой составляющей, но это было глубочайшим заблуждением. В значительной мере прогресс человечества был достигнут именно благодаря развитию финансовой сферы, и с этим всё никак не могут смириться ярые ненавистники «презренного металла» и рынка ценных бумаг. Эволюцию кредитных отношений без всякого преувеличения можно поставить рядом с наиболее важными технологическими прорывами.

Как убедительно доказал Ниал Фергюсон, «ненависть к финансам и финансистам, часто тлеющая, но довольно регулярно и легко воспламеняющаяся, – неотъемлемый атрибут истории западной цивилизации. Ее корни следует искать в распространенном взгляде на ростовщиков как на паразитов, высасывающих кровь из “настоящих” видов экономической деятельности вроде сельского хозяйства или промышленности» [21, с. 9]. Несмотря на запреты и преследования, в наиболее «продвинутых регионах» Европы (итальянские города и северные страны) всегда думали над тем, как решать финансовые проблемы и не вызвать гнев церкви. Прежняя парадигма христианского мира «любовь к деньгам – корень зла» была постепенно разрушена. Финансовые новшества послужили надежной материальной основой, на которую опиралось могущество двух великих империй – Голландской и Британской – в эпоху Нового времени. Где этого не понимали (Франция, Испания, Португалия, Речь Посполитая), результат один – деловая жизнь общества со скрежетом останавливается, затем деградирует само государство: «С финансовой точки зрения, обладание первой современной фондовой биржей оказалось предпочтительнее владения крупнейшими в мире серебряными рудниками – и Голландская республика одолела Габсбургскую империю» [21, с. 11]. В конце концов Голландия, первая из европейских стран преодолевшая финансовую безграмотность населения и провозгласившая религиозную терпимость, создала такой тип общества, где от каждого индивида ожидается ответственное распоряжение собственными расходами и доходами. И Бог, и дьявол здесь ни при чем.

Само собой разумеется, что финансовая активность была ключом не в деревне с её аграрным хозяйством, а в городах с их мануфактурами, торговлей и мореплаванием. Где финансы – там и торговля. Поэтому неслучайно в городском праве так противодействовали выгодным для церкви правилам завещания, выработанным каноническим правом, ведь церковная собственность не включалась в торговую жизнь и тем самым сдерживала экономическую экспансию. Юридическое качество городских законов носило секулярный характер, не имело ничего общего с поместным, а по своему уровню было разработано даже на более высоком уровне, чем римское. Главное, установившийся правопорядок устраивал большинство членов социума, создались все необходимые предпосылки для естественно-научного и технического прогресса в начале Нового времени.

Мы остановились на понимании того факта, что европейское общество по объяснимой логике предпочло буржуазные ценности взамен тех, которые тысячелетиями культивировала феодально-клерикальная элита. Различные исследователи, расходясь в деталях, сходятся в определении ключевых институтов, обычаев и убеждений, которые можно по праву называть стержневыми для западной цивилизации. К ним принято относить [29, с. 95–99]: античное (классические) наследие; католицизм и протестантство; европейские языки; разделение духовной и светской власти; господство закона; социальный плюрализм; индивидуализм. Возникает очередной в истории человечества конфликт систем управления, где побеждает более совершенная и эффективная модель. Это и есть эпоха буржуазных революций, где французской традиционно отводится заглавная роль, и принятие Конституции рассматривается символическим актом для всей европейской истории. Известно, что исторически первым договорным актом конституционного значения была Великая Хартия вольностей в Англии 1215 года, а Конституция США «вызрела» и принималась до начала событий во Франции, но по-настоящему слово «конституция» зазвучало лишь после Французской революции. В конечном счёте именно во Франции решался наиглавнейший вопрос о том, создаёт ли Революция новый порядок или она только разрушает старый, ничего нового взамен не предложив.

К тому же в XVIII веке США воспринимались не государством, а малознакомым регионом на отдалённом континенте, и тому, что там происходило, изначально не придавали особого значения. Более того, в течение длительного периода своей истории американцы определяли себя как общество, противостоящее Европе: «Америка была страной свободы, равенства возможностей, будущего; Европа олицетворяла угнетение, классовый конфликт, иерархию, отсталость», – пишет С. Хантингтон [29, с. 56]. Об этом в XIX веке рассказал европейцам А. Токвиль блестящим исследованием *«Демократия в Америке»* [30]. Лишь в XX веке, когда Соединенные Штаты вышли на мировую арену, у них появилось стремление к большему отождествлению своей идентичности с европейской. Однако по вопросу концепции конституционализма у европейцев с американцами было много общего.

Если видеть в конституции писанный свод законов и правил, на основании которых строилось взаимодействие людей, верным представляется утверждение о том, что, «по сути, Конституция оговаривает, как люди должны договариваться, какие у них есть права и обязанности. Конституция – это метод взаимодействия людей» [31, с. 73]. Замысел революции изначально состоял в том, чтобы конституцией закрепить основы такого общественного строя, где власть будет носить договорной регламентированный

характер, а гражданин обязан выполнять лишь те договоренности, которые принял на себя добровольно. При феодализме, как известно, законы спускались сверху и мнение социума никого из власть имущих не интересовало. Это означало всякое отсутствие механизма обратной связи и постоянно подталкивало подвластных к бунтам и войнам. Инициаторы Французской революции задумывали такое общество, где власть будет опираться не на насилие, а на добровольное согласие граждан признавать над собой конституцию, обязательную и для власти. Но на практике всё вышло не так. Это заслуживает отдельного разговора, что автор пытается доказать в своих публикациях [32–34].

Постоянный акцент на договорном характере высшего государственного права не подразумевает упрощения в понимании проблемы либо признания его как реальной юридической конструкции. Власть государства – не договорное право, поскольку граждане никогда не обещали подчиняться государству и не договаривались об этом, концепцию общественного договора следует рассматривать теоретическим постулатом, а не имевшим место историческим фактом. Ясно, что люди рождаются на территории того или иного национального государства и вскоре сталкиваются с необходимостью подчинения, не зависящего от их желания. Здесь ведётся речь о своеобразной «философии» конституции, воспринимаемой в качестве исторической закономерности. Современные исследователи И. Бощенко и М. Калашников [31, с. 79] чётко подметили тонкость в изменении ситуации. Несколькими перефразировав авторов, укажем на главный тезис: если при феодализме человек подчиняется человеку, то в буржуазном обществе человек подчиняется неодушевленному закону (прежде всего конституции). Социум отчуждается от биологического носителя властных полномочий, а «правила игры» отныне фиксируются в своде законов, записанных на внешних носителях. Это и есть то, что называется властью закона, конституции. Поэтому «можно совместить свободу и порядок, никакого противоречия здесь нет», – доказывает Р. Пайпс [35, с. 90]. Уточним – легальный правовой порядок.

При таком праве «общество могло провести свой новый идеал справедливости и утвердить необходимость для власти получить санкцию на управление со стороны общества», – пишет В.М. Розин [36, с. 225]. С этого момента формируется качественно новое политико-правовое пространство, что сейчас принято называть гражданским обществом. Была создана важнейшая предпосылка для предотвращения такого развития государственной власти, когда последняя работает только на себя, а не на общество и человека. По нашему убеждению, если общество управляется посредством всевозможных указаний, директив, поручений, распоряжений, то это есть не что иное, как возвращение к примитивным феодальным порядкам. В своем труде «Капитализм и свобода» Милтон Фридман доказывает порочность системы, которая наделяет небольшое количество людей широкой властью, и таким образом ставит важные политические решения в слишком большую зависимость от случайных черт человеческого характера. Поэтому он и говорит: «Правила вместо властных органов» [2, с. 77]. Современное государство не приспособлено для режима «ручного управления», что хорошо усвоили страны европейской демократии. Конституция выступила современным, действенным и достаточно эффективным инструментом политических, религиозных и социально-экономических преобразований. Через нее оказалось возможным отразить логику регулирования отношений по линии «личность – общество – государство», создать достаточно жестко координированную систему, способствующую социальному прогрессу. Категории демократического и правового государства немыслимы без осмысления их через природу конституционализма.

Рассматривая вопрос о его истоках и первопричинах, становится очевидным, что это явление находится в русле традиции западной правовой культуры, восходящей к временам античности. Запад унаследовал от античной цивилизации многое, включая греческую философию и рационализм, римское право, латынь и христианство. Однако собственно «история европейского конституционализма уходит корнями в средние века. Идеи и события этого периода оказали значительно большее влияние на политических авторов, определивших развитие конституционализма в последующем, чем эпоха античности» [37, с. 7]. Действительно, концепции и категории конституционной теории, которые имеют огромное значение для современной практики, Европа унаследовала с тех далеких времен.

Этот исторический этап был достаточно продолжительным, однако характеризуется стремительным развитием новой государственной и общественной жизни. Формы средневекового уклада были потрясены или переделаны. Идея о всемирном духовном владычестве папы и о римской империи утратила силу. Западные государства приобрели независимость, народы сблизались между собой, привыкли жить в отношениях, определенных договорами. Выработывалась, вслед за экономикой и культурой, система политического равновесия, были заложены основы международного права. «Международный закон, – пишет С. Хантингтон, – был западным международным законом, основанным на традициях Древней Греции. Международная система была западной Вестфальской системой суверенных, но «цивилизованных» национальных государств и подконтрольных им колониальных территорий» [29, с. 65]. Во многих европейских государствах (Англия, Речь Посполитая, Франция, Испания, Нидерланды, Венгрия, Швеция) формируются органы национальной воли – представительные учреждения, и значение их возрастает. Требовался новый юридический порядок. Однако главное значение, как сказал бы К. Поппер [38, с. 479], имела не смена имеющихся институтов, а изменение мировоззрения человека.

Заключение. Среди духовных ценностей и общественных институтов Запада наиболее яркими являются западное христианство, плюрализм, индивидуализм и верховенство закона. О последнем факторе следует сказать отдельно, что блестяще удалось С. Хантингтону: «Концепция центрального места закона в цивилизованном бытии была унаследована от римлян. Средневековые мыслители развили идею о природном законе, согласно которому монархи должны были применять свою власть, и в Англии появилась традиция общего права. Во время фазы абсолютизма (XVI–XVII века) торжество права наблюдалось скорее в *нарушении* закона, чем в соблюдении его, но продолжала существовать идея о подчинении власти человеческой неким внешним ограничениям: *Non sub homine sed sub Deo et lege* (лат. – Не под человеком, но под Господом и законом). Эта традиция господства закона лежала в основе конституционализма и защиты прав человека, включая право собственности, против применения деспотической власти. В большинстве других цивилизаций закон был куда менее важным фактором, обуславливающим мышление и поведение» [29, с. 97]. На этом принципе развились представления об индивидуальной свободе и политической демократии, правах и свободах человека. После эпохи Средневековья распространение западных идеалов обрело «второе дыхание», и юриспруденция на это чутко и своевременно отреагировала.

В XVI–XVII века в Западной Европе получает развитие и закрепление идея нового права, договорного по своей сути, а также приоритета неких фундаментальных правовых принципов, которые еще не назывались конституцией в современном смысле этого термина. Но эти хартии, буллы, статуты, кодексы, ковенанты, соглашения питали и вдохновляли первые конституции. Безусловно, философско-правовая мысль и юридические преобразования являются не движущими факторами, а всего лишь отражением сложнейших процессов, протекавших на переломном этапе европейской цивилизации, видоизменивших её до неузнаваемости. Но не подлежит сомнению, что «рост экономической свободы шел рука об руку с ростом политической и гражданской свободы» [2, с. 15]. Показать их взаимопереплетение, причинно-следственные связи между ними составляло для автора важнейшую задачу проведенного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солоневич, И.Л. Диктатура сволочи / И.Л. Солоневич. – М.: Русская Правда, 2013. – 96 с.
2. Фридман, М. Капитализм и свобода / М. Фридман. – М.: Новое изд-во, 2006. – 236 с.
3. Арановский, К.В. Конституционная традиция в российской среде / К.В. Арановский. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 658 с.
4. Дэйси, А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской Конституции / А.В. Дэйси; пер. с англ. О.В. Полторацкой / под ред. П.Г. Виноградова. – М.: Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1905. – 660 с.
5. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б.С. Эбзеев. – М.: Юрид. лит., 2005. – 576 с.
6. Хайек, Ф.А. фон. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма: пер. с англ. / Ф.А. фон Хайек. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992. – 304 с.
7. Эко, У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / У. Эко; [пер. с итал. Е. Костюкович]. – М.: Эксмо, 2007. – 592 с.
8. Пайпс, Р. Собственность и свобода: рассказ о том, как из века в век частная собственность способствовала внедрению в общественную жизнь свободы и власти закона / Р. Пайпс; [пер. с англ. Д. Васильева]. – М.: Моск. шк. полит. исслед., 2000. – 415 с.
9. Омельчук, О.Н. Развитие представлений о поведении человека в философии права эпохи Реформации / О.Н. Омельчук // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D, Экон. и юрид. науки. – 2012. – № 13. – С. 102–108.
10. Лютер, М. О свободе христианина / М. Лютер // Антология мировой правовой мысли: в 5-ти т.; Нац. обществ.-науч. фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – Т. II: Европа: V–XVII вв. – 829 с.
11. Уайт, Е. Великая борьба / Е. Уайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.otkrovenie.de/beta/xml/gc.xml/10>. – Дата доступа: 26.01.2016.
12. Мюнцер, Т. Вынужденная важными причинами Защитительная Речь и Отповедь бездуховной, сладкоживущей плоти виттенбергской, которая обманым путем, уворовав Священное Писание, нанесла достойный скорби ущерб несчастному христианству (1524 г.) / Т. Мюнцер // Антология мировой правовой мысли: в 5-ти т. / Нац. обществ.-науч. фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – Т. II: Европа: V–XVII вв. – 829 с.
13. Митрохин, Л.Н. Меланхтон Филипп / Л.Н. Митрохин // Новая философская энциклопедия: в 4-х т.; Ин-т философии РАН, Нац. обществ.-науч. фонд; науч.-ред. совет: предс. В.С. Степин, зам. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2010. – Т. 2. – 634 с.
14. Кальвин, Ж. Наставление в христианской вере / Ж. Кальвин // Антология мировой правовой мысли: в 5-ти т.; Нац. обществ.-науч. фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – Т. II: Европа: V–XVII вв. – 829 с.

15. Аннерс, Э. История европейского права: пер. с швед. / Э. Аннерс. – М.: Наука, 1996. – 395 с.
16. Кропоткин, П.А. Взаимопомощь среди животных и людей / П.А. Кропоткин. – Минск: БелЭн, 2006. – 320 с.
17. Фридман, Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира / Дж. Фридман. – СПб.: Питер, 2016. – 400 с.
18. Новак, М. Дух демократического капитализма / М. Новак; пер. с англ. В. Г. Маргутика. – Минск: «Лучи Софии», 1997. – 544 с.
19. Смит, А. О богатстве народов / А. Смит; пер. с англ. Л. Кисляковой. – М.: Изд-во «АСТ», 2010. – 255 с.
20. Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
21. Фергюсон, Н. Восхождение денег / Н. Фергюсон; пер. с англ. А. Коляндра, И. Файбисовича. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 431 с.
22. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. В. А. Бабинцева. – Екатеринбург, Изд-во «У-Фактория», 2005. – 560 с.
23. Аквинский, Ф. О правлении государей / Ф. Аквинский // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. – Л.: Наука, 1990. – 257 с.
24. Джонсон, П. Популярная история евреев / П. Джонсон; пер. с англ. И.Л. Зотова. – М.: Вече, 2001. – 672 с.
25. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Сочинения: в 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 137–405.
26. Эко, У. Искусство и красота в средневековой эстетике / У. Эко; пер. с итал. А. Шурбелева. – М.: АСТ: CORPUS, 2015. – 352 с.
27. Франкл, Дж. Цивилизация: утопия и трагедия / Дж. Франкл; пер. с англ. А.Г. Вронской. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 254 с.
28. Берман, Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования: пер. с англ. / Г.Дж. Берман. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издат. гр. ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 624 с.
29. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2014. – 571 с.
30. Токвиль, А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль; пер. с фр. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
31. Калашников, М. Будущее человечество / М. Калашников, И. Бощенко. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 319 с.
32. Пугачёв, А.Н. Античная традиция и её влияние на идеологию конституционных реформаторов XVIII века / А.Н. Пугачёв // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D, Экон. и юрид. науки. – 2013. – № 6. – С. 123–126.
33. Пугачёв, А.Н. Период буржуазных революций и формирование концепции современной конституции / А.Н. Пугачёв // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D, Экон. и юрид. науки. – 2014. – № 6. – С. 87–100.
34. Пугачёв, А.Н. Последствия и оценки революционных событий и конституционных преобразований конца XVIII века / А.Н. Пугачёв // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D, Экон. и юрид. науки. – 2014. – № 6. – С. 101–112.
35. Пайпс, Р. Два пути России; пер. с англ. / Р. Пайпс. – М.: Алгоритм, 2015. – 224 с.
36. Розин, В.М. Развитие права в России как условие становления гражданского общества и эффективной власти / В.М. Розин. – М.: Моск. психолого-социальный ин-т, 2005. – 352 с.
37. Шеппели, Ким Лейн. Российская Конституция в конституционной истории Европы / Ким Лейн Шеппели // Сравнительное конституционное обозрение. – 2003. – № 4 (45). – С. 7–17.
38. Поппер, Карл Раймунд. Открытое общество и его враги / Карл Раймунд Поппер; пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с. – Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы.
39. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма: пер. с нем. / М. Вебер // Избр. произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. – (Социологич. мысль Запада).

Поступила 25.03.2016

THE SOURCES AND PRIME CAUSES OF THE EUROPEAN CONSTITUTIONALISM

Part 2

A. PUGACHEV

УДК 340

ЗАРАДЖЭННЕ І РАЗВІЦЦЁ ШЛЯХЕЦКАЙ ДЭМАКРАТЫІ Ё РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ

А.В. ВАЛЕЎКА

(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)

Даследуюцца асаблівасці дзяржаўнага ладу Рэчы Паспалітай з акцэнтаваннем увагі на праблеме шляхецкай дэмакратыі. Разгледжана гістарычнае развіццё дзяржаўнага ладу Рэчы Паспалітай, трансфармацыя ідэі залатых шляхецкіх вольнасцей. Вызначаюцца прычыны палітычнага крызісу дзяржавы ў XVIII стагоддзі, якія тоюцца ў прычынах пабудовы дзяржаўнай улады Рэчы Паспалітай, а таксама прававым парадку ўзаемаадносін шляхты і дзяржавы. Адзначаюцца пазітыўныя бакі шляхецкай дэмакратыі ў Рэчы Паспалітай.

Ключавыя словы: шляхецкая дэмакратыя, Рэч Паспалітая, шляхецкія вольнасці, узаемаадносінны шляхты і дзяржавы.

Асаблівасцю гістарычнага развіцця дзяржаўнасці і прававой сістэмы Беларусі з'яўляецца тое, што гэты працэс нельга назваць бесперапынным. Беларускія землі на працягу стагоддзяў уваходзілі ў склад розных дзяржаў, і гэтыя абставіны аказалі значны ўплыў на эвалюцыю беларускай дзяржаўнасці.

На працягу некалькіх стагоддзяў беларускія землі ўваходзілі ў склад Рэчы Паспалітай. Гэтая дзяржава цікавіць нас сваім своеасаблівым дзяржаўным ладам, а таксама даволі высокай палітычнай і прававой культурай шляхты. Асаблівасць Рэчы Паспалітай праяўляецца ў тым, што, у адрозненні ад многіх заходнееўрапейскіх краін, дзе развіццё гаспадаркі стварыла ўмовы для ўзнікнення абсалютнай манархіі, там захоўваўся стары феадальны парадак і гэтая акалічнасць знаходзіла адлюстраванне не толькі ў гаспадарчых адносінах, але і ў сферы арганізацыі дзяржаўнай улады.

У шэрагу літаратурных крыніц дзяржаўны лад Рэчы Паспалітай акрэслены як “шляхецкая дэмакратыя” альбо “шляхецкая рэспубліка”. Пры гэтым некаторыя даследчыкі (напрыклад, Юліюш Бардах) вылучаюць два этапы развіцця дзяржаўнага ладу Рэчы Паспалітай: шляхецкая дэмакратыя і магнацкая алігархія [1, с. 169].

Каб лепш зразумець асаблівасці дзяржаўнага ладу Рэчы Паспалітай, а таксама адносінны шляхты да дзяржавы і да сваіх правоў, трэбы прасачыць яе гістарычнае развіццё. Рэч Паспалітая ўтварылася ў выніку ўніі дзвюх дзяржаў: Каралеўства Польскага і Вялікага Княства Літоўскага. Аб падставах і ўмовах гэтага аб'яднання шмат напісана, а мы адзначым толькі тое, што працэс кансалідацыі названых дзяржаў праходзіў на працягу дастаткова доўгага часу. Пачаўшыся з персанальнай уніі, саюз Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы трансфармаваўся ў канфедэратыўную дзяржаву Рэч Паспалітую. Асаблівасцю гэтага дзяржаўнага ладу з'яўлялася тое, што ён пры вельмі слабай уладзе манарха больш схіляўся да дэцэнтралізацыі, што межавала з анархіяй. Гэта было выклікана рознымі прычынамі.

На пачатку існавання Рэчы Паспалітай кароль ажыццяўляў сваю ўладу разам з “сярэдняй” шляхтай і з магнатэрыяй, у якую ўваходзілі найбольш багатыя і ўплывовыя прадстаўнікі шляхецкага стану. Аднак, шматлікая сярэдня і нават дробная шляхта заўсёды шукала шляхі для ўмацавання свайго стану ў дзяржаве. Яны былі зацікаўлены ў пашырэнні прыгонніцкіх адносін, а таксама ў абмежаванні ўдзелу мяшчан у палітычным жыцці дзяржавы. Адным з наступстваў такой палітыкі стала ўзрастанне ролі мясцовых соймаў. З цягам часу амаль усе мясцовыя пытанні вырашаліся на соймах, нават вайсковыя пытанні адносіліся да іх кампетэнцыі. Больш за тое, соймікі часта ігнаравалі пастановы Вальнага сойма. Напрыклад, у 1671 годзе шляхце Берасцейскага павета на рэляцыйным соймаку паведамілі, што на сойме разглядаліся пытанні аб устанавленні падаткаў і зборы войска, то яна, спасылаючыся на адсутнасць кворуму, не прывяла ў выкананне пастанову Вальнага сойма і адклала соймавыя дэбаты па гэтых пытаннях.

У шляхецкага ладу Рэчы Паспалітай была таксама яшчэ адна асаблівасць – гэта роўнасць усіх прадстаўнікоў шляхецкага стану. Як адзначаў Кутшэба, гэта абумоўлена тым, што “калі ў дзяржаве фарміраваўся стан шляхты, яшчэ існавала паняцце роду” [4, с. 59]. Пасля прыняцця гербаў (што азначала прыняцце ў кола шляхты) радавыя сувязі ўзмацніліся. У склад шляхты ўваходзілі цэлыя роды, а не асабістыя сем'і. Таму шляхецкія правы і прывілеі аб'ядноўвалі эканамічна і грамадска слабых людзей, адзінай апорай якіх была прыналежнасць да таго ці іншага роду, пры гэтым шляхціцам зусім не важна было мець зямлю, каб атрымаць тытул. Некаторыя даследчыкі адзначаюць, што асаблівасць польскага соцыума праяўлялася ў яго станавай структуры [5, с. 13]. Справа ў тым, што на першае месца выходзіў не маёмасны, а прававы стан чалавека. Гэта таксама з'яўлялася прычынай вялікай колькасці шляхты, якая складала 6–8% ад усяго насельніцтва [1, с. 173]. Гэтую асаблівасць польскага грамадства адзначыў Ш. Мантэск'е ў сваёй знакамітай працы: “мэта законаў Польшчы – незалежнасць кожнай асобы і вынікаючы адсюль прыгнёт усіх” [6, с. 138].

Паступова ў Рэчы Паспалітай узнікла канцэпцыя “залатой вольнасці” [7, с. 300]. Галоўнымі з гэтых вольнасцей з’яўляліся роўнасць усіх шляхцічаў перад законам (aequalitas), права на свабодную электыю караля (па прынцыпу *virgatum*), права кожнага шляхціча на свабоду голасу (*libera vox*), права на пратэст (*ius vetandi*), а таксама недатыкальнасць асобы шляхціча і яго маёнтка (з 1588 г. шляхецкія сядзібы былі абаронены ад усялякіх рэвізій). Тэарэтычна шляхта мела права ледзь не на ўсё, і яе вольнасці маглі абмежаваць толькі пастановы соймаў і соймакаў. Аднак яны прымаліся той самай шляхтай. А вось без згоды шляхецкіх паслоў кароль і вялікі князь не меў права ні накладаць падаткі, ні збіраць паспалітае рушанне ці пачынаць вайну, ні выдаваць якія-небудзь іншыя ўставы, што тычыліся б шляхты. Такая сітуацыя была ўнікальнай для Еўропы таго перыяду.

Тагачасная сістэма ўяўлялася шляхце самай дасканалай, і кожная спроба нешта змяніць успрымалася як імкненне да дыктатуры. Самым вядомым ідэолагам “залатой вольнасці” стаў львоўскі кашталян Анджэй Максімільян Фрэдра (1620–1679), які ў 1660-х гадах выступіў з таленавітымі трактатамі ў яе абарону. У прыватнасці, абгрунтоўваючы перавагі традыцыйнага для Рэчы Паспалітай адзінагалоснага прыняцця пастаноў (*liberum veto*), ён пісаў, што ў адваротным выпадку, калі б рашэнні прымаліся большасцю галасоў, “мноства горшых пераважыла б над меншасцю лепшых”, і краіна зазнала б яшчэ большыя шкоды [7, с. 301].

Дзяржаўны лад Рэчы Паспалітай некаторыя аўтары вобразна параўноўвалі з хорам, у якім “гучыць не адзін толькі каралеўскі альт, а мноства “вольных” галасоў суладна падтрымліваюць адну мелодыю” [1].

У сувязі з тым, што з цягам часу “залатыя вольнасці” набылі абсалютны характар, яны ўспрымаліся як аснова ўзаемаадносін паміж шляхтай і дзяржавай. Усялякая спроба рэфармаваць усталяваны лад уяўлялася шляхце замахам на яе прывілеі і блакіравалася. Баючыся змен, шляхта лічыла, што сойм мусіць не столькі праводзіць уласную палітыку, колькі стрымліваць новаўвядзенні з боку караля. Небяспека бачылася толькі ў прыняцці новых, шкодных для тагачаснага ладу пастаноў. На практыцы найлепшым спосабам іх прадухілення стала спыненне дзейнасці сойма праз *liberum veto* (“вольнае не дазваляю”). Права аднаго пасла сарваць працу сойма ў часе нарады стала сімвалам шляхецкай свабоды. Пачынаючы з 1652 года, “калі гэтае права скарыстаў троеці пасол Уладыслаў Сіцынскі (хоць зрывы соймаў здараліся і раней – у 1605, 1615, 1637 гг.), і да канца панавання Сасаў (1763 г.) больш за палову адкрытых соймаў (фактычна 37 з 73) было сарвана” [7, с. 302].

У кантэксце гэтага шляхта вяла актыўную барацьбу з магнатэрыяй. Некаторыя каралі карысталіся гэтай барацьбай для ўмацавання сваёй улады, падтрымліваючы адзін з бакоў. Напрыклад, Жыгімонт I Стары абапіраўся на магнатаў. Шляхта пайшла супраць каралеўскай улады, учыніўшы мяцеж (так званы рокаш), які быў названы “Курынай вайной” [1, с. 171].

Яшчэ адной важнай складовай часткай шляхецкай дэмакратыі з’яўлялася права на стварэнне канфедэрацый. Пры гэтым не прызнаная каралём канфедэрацыя называлася рокашам і з’яўлялася афіцыйнай формай узброенай барацьбы супраць дзяржаўнай улады. На працягу XVII стагоддзя канфедэрацыі паўставалі ў Рэчы Паспалітай дзесяткі разоў – ці то для бунту супраць манарха і дасягнення сваіх патрабаванняў, ці для яго падтрымкі [7, с. 304]. Дамагаючыся сваіх палітычных мэт, канфедэрацыі ўцягвалі ў дзяржаўнае жыццё шырокія колы шляхты і войска. А яснавельможныя паны апрача мноства служылай шляхты мелі прыватныя вайсковыя фармаванні, што часам былі мацнейшыя за дзяржаўную армію. Напрыклад, “случкі князь Геранім Фларыян Радзівіл (1715–1760) трымаў 6 тысяч рэгулярнага войска і столькі ж казакоў ды стралкоў” [7, с. 304]. У мэтах падрыхтоўкі афіцэрскіх кадраў для сваёй арміі Радзівілы адкрылі ў Слуцку і Нясвіжы спецыяльныя кадэцкія карпусы, а брат згаданага Гераніма Фларыяна, гетман Міхаіл Казімір, заснаваў у Нясвіжы ўласную вайсковую акадэмію. Наяўнасць такой сілы ў амбітных алігархаў вяла да дэцэнтралізацыі ўлады і небяспечнага паглыблення палітычнай анархіі ў Рэчы Паспалітай [7, с. 304–305].

Магнатэрыя з цягам часу пачала займаць дамінуючае палажэнне ў дзяржаве. Паступова шляхецкая дэмакратыя пачала пераўтварацца ў магнацкую алігархію. Пры гэтым дзяржаўны лад не змяняўся. Змены адбыліся толькі ў характары дзеяння і ўзаемаадносін дзяржаўных органаў [1, с. 172]. Фарміраваліся групы буйных магнатаў, якія валодалі моцным аўтарытэтам у дзяржаве. У гэтыя групы ўваходзіла так званая шляхецкая кліентэла магнатаў: сярэдняя і дробная шляхта, якая знаходзілася на службе ў магнатаў. Такім чынам, новы лад адпавядаў інтарэсам амаль усёй шляхты.

На тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага склалася асаблівая сітуацыя. Справа ў тым, што магнаты там заўсёды мелі перавагу над астатняй шляхтай. У аслабленай войнамі дзяржаве першыя роды Літвы і Беларусі вялі зацятую барацьбу за гегемонію ў дзяржаве. Кожны з іх быў супраць цэнтралізацыі і ўмацавання ўлады манарха, бо ўніфікацыя палітычнай сістэмы Княства паводле кароннага ўзору азначала б дэмакратызацыю парадкаў і страту магнатамі іх ранейшай улады. Багатыя магнацкія роды часта складалі апазіцыю каралеўскай уладзе. Звычайна кароль падтрымліваў адзін з родаў, які супрацьстаяў апазіцыйнаму. Напрыклад, апошні прадстаўнік дынастыі Вазаяў “у супрацьстаянні з магутнымі Радзівіламі пад-

трымліваў Гасеўскіх, а потым Пацаў” [7, с. 307]. Калі ж да гегемоніі прыйшлі Пацы, дык Ян III Сабескі выставіў супраць іх Сапегаў. Але кожны падтрыманы манархам вялікі род пасля дасягнення ўлады сам становіўся ў апазіцыю да манарха.

Вельмі добра характарызуе імкненне магнатаў павялічыць свой уплыў у дзяржаве гісторыя супрацьстаяння Кароны і роду Сапегаў, якія “дамагліся абсалютнага панавання ў Вялікім Княстве Літоўскім у канцы XVII – пачатку XVIII ст.” [7, с. 305]. Яны заручыліся падтрымкай Аўстрыі ды Брандэнбургіі і адважваліся адкрыта выступаць супраць улады самога караля. Праз карупцыю, застрашванне, увядзенне войска ў зямлю суперніка Сапегі засяродзілі ў сваіх руках амаль усе важныя дзяржаўныя пасады: Казімір Ян быў віленскім ваяводам і гетманам (1682–1703), яго брат Бенядыкт – падскарбіем, а сынам гетмана належалі ўрады вялікага маршалка, стольніка і канюшага [7, с. 305]. Супраць гегемонаў, якія заслужылі агульную нянавісць шляхты, доўга не адважваліся выступіць ні Радзівілы, ні Пацеі з Агінскімі. Сучаснікі пісалі, што Сапегі мелі план разрыву дзяржаўнай уніі з Каронай і ўзвядзення на вялікакняскі пасада аднаго з прадстаўнікоў свайго роду. У барацьбе з імі навучаны вопытам Ян III Сабескі паставіў ужо не на магнатаў, а на шырокія колы шляхты, аднак памёр, не паспеўшы зламаць алігархіі ў Вялікім Княстве [7, с. 306].

Пасля смерці Сабескага ў час працяглага бескаралеўя (1696–1697) у Беларусі і Літве запанавала нябачнае раней бязладдзе і рэзка абвастралася барацьба паміж Сапегамі, якія спыталіся скарыстаць момант для ўмацавання сваіх пазіцый, і астатняй шляхтай. Да шляхты далучыліся Радзівілы, Пацеі, Вішнявецкія, Агінскія ды іншыя магнаты, і супрацьстаянне перарасло ў грамадзянскую вайну. На элекцыйным сойме ў 1696 годзе шляхта Вялікага Княства выставіла згаданы вышэй праект так званай “каэквациі станаў” (соequatio iurium), скіраванай менавіта супраць усяўладдзя дыктатараў, бо шэраг яе пунктаў істотна абмежаваў уладу вялікага гетмана Казіміра Яна Сапегі [7, с. 306]. Прынятая соймам ухвала стала важным поспехам шляхецкага, бо канчаткова ўраўноўвала правы беларуска-літоўскага рыцарства з правамі польскай брацці, а таксама чарговым этапам уніфікацыі ладу Вялікага Княства паводле кароннай мадэлі.

На мяжы 1700–1701 гадоў быў прыняты яшчэ адзін дакумент, які фактычна змяніў праграму антысапегаўскага руху. Гэтым дакументам, падпісаным усімі лідэрамі змагання з Сапегамі, стала так званая “Віленская пастанова”. У ёй абвешчалася ўвядзенне ў ВКЛ спадчыннай абсалютнай манархіі на чале з вялікім князем Аўгустам II. “Залатыя шляхецкія вольнасці”, якія дасталіся літвінам “у пасаг ад палякаў”, называліся “нікчэмнымі”, скасоўваліся назаўжды [7, с. 307]. Тым самым рэалізоўвалася праграма Аўгуста II аб дзяржаўным перавароце ў ВКЛ і ўстанаўленні “*absolutum dominium*”. Аднак у дзеянне гэта пастанова ўведзена так і не была, а яе аўтары (у тым ліку і Аўгуст II) вымушаны былі ад яе публічна адмовіцца. Гэта было звязана з тым, што змянілася міжнародная сітуацыя. Пасля паражэння расійскага войска пад Нарвай на першы план выйшла пагроза з боку Швецыі. Аўгуст II страціў знешнюю падтрымку, абяцаную яму Пятром I, і быў вымушаны адмовіцца ад сваіх абсалютысцкіх планаў [7, с. 307].

Сярод асноўных прававых дакументаў, якія рэгламентавалі адносіны дзяржавы і шляхты, трэба вылучыць пагадненні, якія заключаліся паміж шляхтай і новаабраным каралём.

Паміж шляхтай і кожным новым каралём перад яго элекцыяй заключалася спецыяльная дамова, так званая *tractaconventa*, якая вызначала канкрэтныя абавязкі новаабранага манарха і была своеасаблівым індывідуальным кантрактам. Але разам з першай *tractaconventa* былі складзены і “Генрыхавы артыкулы” (назва ад імя першага элекцыйнага караля Генрыхы Валуа), у якіх выкладаліся падставовыя прынцыпы шляхецкай дзяржаўнасці. Яны абавязалі караля і вялікага князя прызнаваць вольную элекцыю, захоўваць рэлігійны мір, не вырашаць пытанняў вайны і міру без сената і сойма, не праводзіць выбараў наступніка пры сваім жыцці (*viventerege*), склікаць звычайны сойм кожныя два гады, а таксама прадугледжвалася магчымасць правядзення надзвычайных з’ездаў шляхты. Калі шляхта лічыла, што іх правы парушаюцца, то магла адмовіцца падпарадкоўвацца каралю.

Генрыхавы артыкулы былі ўхвалены ў 1573 годзе, калі каралём Рэчы Паспалітай быў абраны анжуйскі герцаг Генрых Валуа. Пасля перамоў польскага пасольства з Генрыхам на ўрачыстай цырымоніі ў Нотр-Даме 10 верасня 1573 года ён прынёс прысягу і прыняў на сябе абавязак выконваць “Пакта канвента” і так званыя Генрыхавы артыкулы. “Пакта канвента” 1573 года насілі параўнальна вузкі і пэўны характар: “абавязанні выконваць прывілеі шляхты, скласці вечны саюз паміж Рэччу Паспалітай і Францыяй, загасіць дзяржаўныя і асабістыя абавязкі Жыгімонта-Аўгуста, умацаваць польскі флот на Балтыцы, адкрыць французскі порт для купцоў Рэчы Паспалітай, адкуль адпраўляліся судны ў Новы Свет і Александрыю, і гэтак далей” [3].

Аднак пасля смерці свайго брата Карла IX Генрых таемна збег у Францыю. Віленскі ваявода ў лісце віленскаму біскупу Валяр’яну Пратасавічу скептычна ацаніў спробы дамагчыся яго вяртання ў Польшчу: “не вернецца назад, бо там [у Францыі] *absolutum dominium*” [7]. Абраны каралём сяміградскі ваявода Стэфан Баторый у 1576 годзе прыняў каталіцкую веру і без адмысловых прэтэнзій падпісаў Генрыхавы артыкулы і “Пакта канвента”. Гэтыя паздзей далі шляхце Рэчы Паспалітай вялікую ўладу ў дзяржаве. Некаторыя манархі, як, напрыклад, Аўгуст III, увогуле не былі зацікаўлены ў кіраванні дзяржавай.

Такім чынам, у першай палове XVIII стагоддзя Рэч Паспалітая перажывала цяжкі палітычны і эканамічны крызіс. На наш погляд, прычынай упадку дзяржавы з'яўляецца цэлы шэраг падзей і акалічнасцей. Можна нават сцвярджаць, што многія з гэтых фактараў знаходзіліся ў сувязі паміж сабой і часам вынікалі адзін з другога. Увогуле, сам дзяржаўны лад Рэчы Паспалітай прывёў да такога стану. Існаваўшы ў той час парадак вельмі ўскладняў рэфармаванне. Усялякія спробы рэформ сустрэкалі моцнае супраціўленне з боку шляхты. Таксама моцную падтрымку існуючаму ладу аказвалі іезуіты, у чых руках, у асноўным, была засяроджана адукацыя. Аднак усё гэта мела і станоўчыя моманты. Узровень палітычнай і прававой культуры шляхты быў досыць высокім. Яна актыўна ўдзельнічала ў кіраванні дзяржавай. Таксама ідэя правоў шляхты спрыяла кансалідацыі вышэйшых станаў і фарміраванню адзінай палітычнай і прававой прасторы. Увогуле, дзяржаўны лад Рэчы Паспалітай нельга адназначна назваць дрэнным альбо добрым. Відавочна, што разам з негатывымі якасцямі было і некалькі станоўчых.

ЛІТАРАТУРА

1. Бардах, Ю. История государства и права Польши / Ю. Бардах. – М.: Изд-во “Юридическая литература”, 1980. – 560 с.
2. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапам. / А.Ф. Вішнеўскі, І.У. Вішнеўская. – Мінск: Тетра-Сістемс, 2005. – 192 с.
3. Галечанка, Г. Развіццё шляхецкай дэмакратыі ў Вялікім княстве Літоўскім у XVI–XVIII ст. / Г. Галечанка; пер. з рус. А. Шаланда // Герольд Litherland. – 2001. – № 3. – С. 85–102.
4. Кутшеба, С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши / С. Кутшеба; пер. с пол. и вступ. ст. Н.В. Ястребов. – СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1907. – 231 с.
5. Лескинен, М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой / М.В. Лескинен. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2002. – 178 с.
6. Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
7. Сагановіч, Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. / Г. Сагановіч. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2001. – 412 с.

Паступіў 22.01.2016

ORIGIN AND DEVELOPMENT OF GENTRY DEMOCRACY IN THE COMMONWEALTH

A. VALEVKO

The state system of the Commonwealth, with a focus on the issue of gentry democracy analyzing. Considered the historical development of the political system of the Commonwealth, the transformation of the idea of gold gentry liberties. Determine the cause of the political crisis of the state in the XVIII century, which concluded in the very principles of state power of the Commonwealth, as well as the legal order of the nobility and the state of relations. There have been positive aspects of gentry democracy in the Commonwealth.

Keywords: gentry democracy, Commonwealth, gentry freedom, the relationship of the nobility and the state.

УДК 34.947.6

ВУЧЭННЕ ФРАНЦЫСКА СКАРЫНЫ АБ ПРАВАТВОРЧАСЦІ І ЯГО ЗНАЧЭННЕ ДЛЯ СУЧАСНАСЦІ

д-р гіст. навук, праф. І.А. БАСЮК
(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы)

Разглядаецца вучэнне Скарыны аб законе, аб прынцыпах, якім павінен адпавядаць закон, аб законе “прыроджаным” – натуральным праве, і законе “напісаным” – пісаным праве, аб вяршэнстве натуральнага (боскага) права. Аналізуюцца найважнейшыя прававыя ідэі Францыска Скарыны аб супадзенні закона і права, аб суадносінах паміж маральнымі (чароўнымі) і юрыдычнымі законамі, аб адзінстве права для ўсіх саслоўяў Вялікага Княства Літоўскага. Даследуецца вучэнне Францыска Скарыны аб галінах права, практычнае прымяненне гэтага вучэння ў структурнай набудове Статута Вялікага Княства Літоўскага 1529 года. Распрацаваныя Францыскам Скарынам прынцыпы праватворчасці маюць метадалагічны характар, яны адказваюць агульначалавечым каштоўнасцям, імаюць у чым апырэджвалі свой час. Францыск Скарына ўнёс значны ўклад у еўрапейскую скарбніцу прававых вучэнняў. У святле вучэння Францыска Скарыны аналізуюцца некаторыя сучасныя праблемы праватворчасці – значэнне ювенальнай юстыцыі, шлюбных кантрактаў, легітымнасць аднаполых шлюбаў, погляды праваслаўнай царквы на гэтыя праблемы.

Ключавыя словы: *праватворчасць, натуральнае права, галіны права, маральныя і юрыдычныя законы, ювенальная юстыцыя.*

У беларускай гістарыяграфіі няма ніводнай навуковай працы (манаграфіі, нават артыкула), спецыяльна прысвечанай аналізу метадалагічных прынцыпаў праватворчасці, распрацаваных Францыскам Скарынай, беларускім вучоным і асветнікам, мысліцелем і правазнаўцай эпохі Адраджэння.

Францыск Скарына быў высокаадукаванай асобай свайго часу, адукацыю ён атрымаў у Полацку (магчыма, у Вільні), вучыўся ў Ягелонскім універсітэце ў Кракаве. У актавым запісе Падуанскага ўніверсітэта (Італія) ад 9 лістапада 1512 года запісана, што Францыск Скарына “быў экзаменован в особо строгом порядке по вопросам, предложенным ему утром этого дня. Он проявил себя столь славно и достойно во время этого своего строгого экзамена, когда излагал ответы на заданные ему вопросы и когда опровергал предложенные ему доказательства, что получил единодушное одобрение всех присутствующих ученых без исключения и было признано, что он имеет достаточные знания в области медицины” [1, с. 586]. Скарына атрымаў вучоную ступень доктара медыцыны (лекарскіх навук) і адпаведныя на той час знакі доктарскай ступені: чырвоныя круглыя берэт, пярсцёнак, кнігу афарызмаў Гіпакрата ці Біблію [1, с. 602]. Скарына быў і доктарам свабодных мастацтваў (вольных навук), аб гэтым сведчыць вышэй упамянуты актывы запіс Падуанскага ўніверсітэта, у якім запісана, што экзаменаваўся “...именитый доктор искусств господин Франциск, сын покойного господина Луки Скорины из Полоцка, русин...” [1, с. 586]. Такім чынам, актывы запіс сведчыць, што ўжо ў 1512 годзе Скарына быў “...именитый доктор искусств...”, але дзе ён атрымаў гэтую ступень невядома [1, с. 602]. У энцыклапедычным слоўніку Ф.А. Бракгаўза і І.А. Эфрона Францыск Скарына ўпамінаецца толькі як доктар медыцыны (лекарскіх навук). Прафесар Я.А. Юхо лічыць, што Францыск Скарына меў не толькі вучоную ступень доктара медыцыны і доктара мастацтваў, але і *доктара права* [2, с. 163].

Пасля атрымання вучонага звання доктара медыцыны перад Скарынай паўстала праблема: чаму прысвяціць сваё далейшае жыццё – лекарскай справе ці ўмацаванню духа народа – зрабіць даступнае для народа Святое Пісанне – кнігі Бібліі. На першым жыццёвым шляху Скарыну як урача і навукоўца чакалі матэрыяльны дастатак і павага. Уявім сабе: калі б і сёння нам прапанавалі набыць, скажам, “Лячэбнік Скарыны”, многія набылі б, бо цікава, як і чым лячыліся нашы землякі стагоддзі назад. Але Скарына выбраў для сябе царністы і пакрычасты шлях, ён прысвяціў сваё жыццё асветніцкай дзейнасці, каб зрабіць даступнымі для народа кнігі Бібліі. Чаму менавіта асветніцкі шлях выбраў Скарына? Магчыма, з разумення ролі і значэння Бібліі. “В сей книзе, – пісаў Скарына аб Бібліі, – вси законы и права, ими же люде на земле справоватися имають, написаны суть. В сей книзе лекарства душевные и телесные зуполне найдете” [1, с. 9].

Пры падтрымцы віленскага бургамістра Якуба Бабіча, радцаў Багдана Онькава і Юрыя Адверніка Скарына ў 1517–1519 гадах у Празе выдаў 23 кнігі Бібліі на старажытнабеларускай мове пад агульнай назвай “Бівлія руска выложена доктором Франциском Скориною из славного града Полоцка, богу ко чти и людем посполитым к доброму научению”. Да выданных ім кніг Бібліі Скарына склаў прадмоў’е ці пасляслоў’е, у якіх выклаў сваё разуменне боскіх заветаў, свае грамадска-філасофскія, маральна-этычныя, эстэтычныя і прававыя погляды. Прававыя погляды найбольш абагульняюча Скарына выклаў у прадмоў’і да выданай ім кнігі Маісея “Второзаконие”.

Такім чынам, захавалася значная творчая спадчына Скарыны, якая нам дае падставу для ўсебаковага вучэння яго навуковых ідэй і светапогляду. Уклад Скарыны ў навуковую скарбніцу аказаўся такім

значным, што запатрабавалася новая навуковая дысцыпліна – *скарызназнаўства*, якая комплексна вывучае жыццё і дзейнасць Францыска Скарыны, яго творчую і духоўную спадчыну, асяроддзе, эпоху, публікацыю крыніц і крыніцазнаўчыя даследаванні. У Мінску была апублікавана фундаментальная праца на беларускай (1988 г.) і рускай мовах (1990 г.) – энцыклапедычны даведнік “Францыск Скарына і яго час”, які ўключае ґрунтоўны навуковы нарыс аб жыцці і светапогляду Скарыны, фотаздымкі яго прадмоў і пасляслоўяў да выданных ім твораў і іх адаптаваны тэкст, дакументы аб Скарыне, спіс літаратуры аб яго дзейнасці. Маецца значная навуковая літаратура аб Скарыне. Яго жыццю і творчасці прысвяцілі свае творы М. Алексютовіч, С. Падокшын, В. Конан, А. Мальдзіс, І. Дварчанін, Г. Галенчанка, Я. Юхо, Ф. Сокал і іншыя.

Разам з тым многія старонкі жыцця і творчасці Францыска Скарыны застаюцца малавядомымі ці зусім невядомымі. Так, і сёння даследчыкам невядомы дакладныя даты яго нараджэння і смерці, гэта прымузіла нават у энцыклапедычных выданнях указваць год нараджэння “каля 1490”, год смерці “каля 1551” [3, с. 309], (годы, калі ў дакументах упершыню ці ў апошні раз упаміналася прозвішча Скарыны). Невядома і месца пахавання Скарыны [3, с. 311]. Мала даследаванымі застаюцца і прававыя погляды Скарыны, асабліва, яго ідэі аб праватворчасці.

Мэта нашай працы ў нейкай меры запоўніць існуючыя прабелы, паспрабуем раскрыць некаторыя *проблемы вучэння Скарыны аб праватворчасці* і паказаць яго значэнне для сучаснасці.

Скарызназнаўства, нягледзячы на існуючыя недахопы, усё ж шмат чаго зрабіла па вывучэнні навуковай спадчыны Скарыны. Маюцца ўсе падставы сцвярджаць, што Францыск Скарына валодаў сваёй сістэмай поглядаў і навуковых перакананняў, у тым ліку і па праву, таму, на наш погляд, можна гаварыць аб *вучэнні Скарыны аб праве і праватворчасці*.

Даследчыкі справядліва адзначаюць: свет для Скарыны – гарманічная сістэма, якая дзейнічае па законах разумнай мэтазгоднасці. Грамадства, на яго погляд, частка гэтай сістэмы, якая кіруецца законам сумлення, справядлівасці. У прадмове да выданай ім кнігі Бібліі “Эсфір” Скарына выклаў вершам сутнасць гэтага закона:

Не копай под другом своим ямы,

Сам ввалишься в ню.

Не став, Амане, Мардохею шибенице,

Сам повиснеш на ней.

У памяць уратавання яўрэяў ад гібелі, аб чым апавядае кніга Бібліі «Эсфір», устаноўлена свята «Пурым», якое святкуецца яўрэямі і ў нашы дні.

У творчай спадчыне Скарыны значнае месца займаюць *проблемы праватворчасці*. Скарына шмат увагі надаваў *закону*, абґрунтаванню патрабаванняў да закону. У прадмоў’і да кнігі Бібліі “Второзаконіе” ён вызначыў важнейшыя прававыя прынцыпы, якім павінен адпавядаць закон. На погляд Скарыны, закон павінен быць “...почтливый, справедливый, возможный, потребный, полезный подле приращения, подлуг обычаев земли, часу и месту пригожий, явный, не имея в себе закрытости, не к пожитку единого человека, но к посполитому доброму написанный” [1, с. 138].

Такім чынам, на думку Скарыны, закон павінен адпавядаць прынцыпу справядлівасці, звычайам, часу і месцу, не мець закрытасці, служыць не карысці аднаго чалавека, а для карысці ўсіх людзей, дзяржавы.

Справядлівасць, паводле Скарыны, з’яўляецца боска-прыродным маральным паняццем, а чалавекалюбства – галоўны крытэрыў маральных паводзін чалавека. Менавіта на базе чалавекалюбства і справядлівасці Скарына сфармуляваў свой маральны імператыв, на якім павінны ґрунтавацца не толькі маральныя ўзаемаадносіны паміж людзьмі, але і асноўвацца законы, правасуддзе, дзяржаўнае кіраванне і палітыка.

Скарына пісаў, што “людьское естество двояким законом бывает справовано от господа бога, то ест приращенным, а написанным” [1, с. 136]. Такім чынам, Скарына падзяляў права на закон “приращенный” – натуральнае права, закон “написанный” – пісанае права. “Закон приращенный в том наиболее соблюдаем бывает, – адзначаў Скарына, – то чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хочеши от иных имети” [1, с. 136].

На погляд Скарыны, натуральнае права (закон “приращенный”), гэта закон божы, сфармуляваны Ісусам Хрыстом у Нагорнай пропавядзі: “Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки” (Евангелие от Матфея, 7:12).

На думку Скарыны, калі закон “приращенный” – гэта закон божы, у такім выпадку ён павінен мець вяршэнства над “пісаным” правам, выступаць зыходным у праватворчасці людзей. Пры такім падыходзе закон будзе справядлівым, бо ў ім нельга “...того не чинити иным, чего сам не хочеши от иных имети” [1, с. 136].

Скарына лічыў, што “яко праведнаму закон не ест положен” [1, с. 138], ці, іншымі словамі, – чалавек добры можа жыць і без прававых прадпісанняў, бо ён жыве па вышэйшых боскіх (маральных) заветах і нормах. Чалавек злы парушае законы і прававыя прадпісанні, таму для такіх людзей, каб стрымаць іх злыя справы, менавіта і патрэбны законы. “И вчинены суть права, или закон, – пісаў Скарына, – для людей злых, або боячися казни, усмирили смелость свою и моци не имели иным ушкодити” [1, с. 138].

Скарына ў сваіх творах адзначаў, што законы выдаюць старэйшыны і мудрыя правіцелі. *Заканадаўчая дзейнасць*, на яго погляд, найвышэйшае прызвание ўладара, бо закон уладкоўвае ўзаемаадносіны паміж саслоўямі і асобнымі грамадзянамі, дае грамадзяніну сэнс жыцця і суладнасць. Прыклады ўзорных

правіцеляў-заканадаўцаў Скарына знаходзіць у антычным свеце (Салон, Лікур, Нума Пампілій), для хрысціян ён ставіў за ўзор Майсея і Саламона.

Скарына адстойваў *прынцып – адзінства права для ўсіх саслоўяў*, гэты прынцып быў замацаваны ў Статуце Вялікага Княства Літоўскага 1529 года, у якім запісана: “иж вси подданыя наши, так вбогие, яко и богатые, которого роду колве або стану были бы, ровно а адностаиным тем писаным правом сужоны быти” (разд. 1, арт. 9).

Некаторыя даследчыкі справядліва сцвярджаюць, што Скарына выказаў геніяльную здагадку аб супадзенні закона і права. Вядома, што ўспрыманне права як інстытута, прызначанага для рэгулявання найбольш значных грамадскіх адносін, звязваецца з усеагульнымі каштоўнасцямі – справядлівасцю, гуманнасцю, маральнасцю і інш. Менавіта гэтыя каштоўнасці павінны выступаць крытэрыем ацэнкі заканадаўчых актаў з пункту погляду іх адпаведнасці праву [4, с. 59].

Значным укладам Скарыны ў тэорыю і практыку праватворчасці з’яўляецца прапанаваны ім падзел права на *галіны права* – выдзяляць адасобленыя групы прававых норм і інстытутаў, аб’яднаных агульнасцю рэгулюемых імі аднародных грамадскіх адносін. Ён выклаў сваю *класіфікацыю земскага права*, якое, на яго погляд, складаецца з нормаў (галін) права:

- *грамадзянскага і сямейнага права* (“...яко мужа и жены почтливое случение, детей пилное выхование, близко живущих схожение, речи позыченое навращение, насилию силою отпрение, ровная свобода всем, общее имение всех” [1, с. 139];

- *міжнароднага* (“языческого”) права (“Другое право – языческое, от многих убо языков ухвалено ест, яко земель чужих мечем доставание, градов и мест утверждение, послов без переказы отпущение, миру до часу приченого выполнение, войны неприятелем своим оповедание” [1, с. 139];

- *дзяржаўнага права* (“Иное – царское. О нем же пишет Самуил, глаголя: «Тое будет право царево – побережь сыны ваша и наделаешь с них езцев и гоньцев, и встановить собе воеводы и сотники, и ратае поль своих, и коваче зброй своих»” [1, с. 139];

- *вайсковага права* (“Некое же право – рицерское или военное, еже на войне соблюдается бывает. Яко справовати полки, знати своя места, разумети глас труб, делити користи, давати оброки...” [1, с. 140];

- *крымінальнага, мясцовага, гандлёвага, марскога і іншага права* (“Иное пак право местьское, иное морское, а иное купецкое...” [1, с. 140; 4, с. 58, 59].

Вучэнне Скарыны аб падзелу земскага права на асобныя галіны было выкарыстана ў Статуце Вялікага Княства Літоўскага 1529 года, дзе была зроблена спроба размяжаваць нормы права паміж асобнымі яго галінамі. Статут складаецца з 13 раздзелаў, якія падзяляюцца на артыкулы. Аналіз структуры і зместу Статута паказвае, што нормы права размешчаны па групам (раздзелах Статута), якія шмат у чым нагадваюць галіны права. У 1–3-м раздзелах змешчаны ў асноўным нормы дзяржаўнага, ваеннага і іншых галін права, у 4 і 5-м – шлюбна-сямейнае, апякунскае і спадчыннае, у 6-м – судова-працэсуальнае, у 7-м – крымінальнае, 8-м – зямельнае, у 9-м – ляснае і паляўнічае, у 10-м – цывільнае, у 11–13-м – крымінальнае і крымінальна-працэсуальнае. Для справядлівасці адзначым, у Статуце 1529 года яшчэ няма строгага падзелу нормаў права на галіны права, бо скажам, мы ў кожным раздзеле можам заўважыць нормы і крымінальнага, і адміністрацыйнага, і грамадзянскага, і дзяржаўнага права. І ўсё ж справядлівым будзе адзначыць, што Францыск Скарына значна апырэдзіў свой час, яго падзел нормаў права на галіны права ўнёс значную ўладкаванасць у праватворчы працэс, якасна палепшыў законатворчасць. Падзел права на галіны і зараз выкарыстоўваецца як у Рэспубліцы Беларусь, так і ў краінах Еўропы, у Расійскай Федэрацыі, у іншых краінах свету.

Але як дабіцца прыняцця справядлівых і патрэбных людзям законаў, якія, па вызначэнні Скарыны, былі б “...не к пожитку единого человека, но к посполитому доброму написаны” [1, с. 138]. Каб вырашыць гэтую складаную праблему, Скарына ў прадмовах і пасляслоў’ях да кніг Бібліі выклаў *канцэпцыю суадносін паміж маральнымі (боскімі) і юрыдычнымі законамі*. Асновай маральных законаў Скарына лічыў боскія заповеды. Кожны народ, на падставе дадзеных Богам заветаў, прымае юрыдычныя законы сваёй дзяржавы. Адыход заканадаўства дзяржаў ад боскіх заветаў цягне за сабой «вразумление народов» – войны, грамадскія хваляванні, бунты, паўстанні, эпідэміі і іншыя няшчасці. Калі грамадства і дзяржава зноў звяртаюцца да божых заветаў, кладуць іх у аснову свайго заканадаўства, тады ў грамадства і дзяржаву вяртаюцца супакой, стабільнасць, павага да ўладаў, грамадскіх і дзяржаўных інстытутаў, змяншаецца злачыннасць, павышаецца дабрабыт насельніцтва.

На наш погляд, метадалагічныя падыходы Скарыны і сёння могуць шмат чаго растлумачыць. Нагадаем падзеі ў Германіі з прыходам да ўлады Гітлера і яго фашысцкай партыі. Што даў фашызм Свету і нямецкаму народу? Жудасную Другую сусветную вайну, гібель мільёнаў людзей, разруху гаспадаркі, падзенне жыццёвага ўзроўню людзей, жорсткія законы ваеннага часу, разгул злачыннасці, няхватку самага неабходнага для паўсядзённага жыцця – жылля, ежы, вопраткі, лекастваў... Пасля вайны нямецкі народ знайшоў у сабе сілы асудзіць фашызм, і жыццё ў Германіі карэнным чынам змянілася: зараз Германія – цывілізаваная дзяржава свету, з высокім жыццёвым узроўнем насельніцтва, у якой пануе грамадская стабільнасць і дабрабыт.

Але і сёння, на наш погляд, калі дзяржавы адступаюць у сваім заканадаўстве ад духу боскіх заветаў, яны сустракаюцца са значнымі сацыяльнымі супярэчнасцямі. Возьмем, для прыклада, *ювенальную*

юстыцыю, якой належыць вырашаць праблемы непаўналетніх. У краінах з'явіліся ўпаўнаважаныя па правах дзіцяці, інстытут ювенальнага суда з адпаведнымі органамі ювенальнай юстыцыі, інфраструктура сацыяльных устаноў, органы апекі, тэлефоны даверу са штатам сваіх работнікаў, іншыя арганізацыі. Правы дзяцей атрымалі прыкрытэт над правамі ўсіх астатніх катэгорый грамадзян. Зараз у некаторых краінах існуе практыка поўнай адмены пакаранняў непаўналетніх, нават за ўчыненыя імі крымінальныя злачынствы [5]. Дзецям дазволена амаль усё, а любыя спробы пакарання іх бацькамі разглядаюцца як парушэнні правоў дзіцяці, што цягне за сабой аж пазбаўленне бацькоўскіх правоў і нават прыцягненне бацькоў да крымінальнай адказнасці.

І якія *вынікі прымянення ювенальнай юстыцыі*? Даследаванні паказваюць, што ні ў воднай краіне свету ювенальная юстыцыя не прывяла да змяншэння дзіцячай злачыннасці, наадварот, па статыстыцы нават у стабільных скандынаўскіх краінах з развітай ювенальнай сістэмай, дзіцячая злачыннасць за апошнія гады ўзраста амаль у 20 разоў [5]. У юрыдычнай і педагагічнай літаратуры адзначаны цэлы комплекс негатыўных праблем, якія выклікала ювенальная юстыцыя. Чаму так атрымалася? На наш погляд, адбылося тое, аб чым папярэдзвалі яшчэ ў XVI стагоддзі беларускія мысліцелі: узаемная любоў і павага паміж бацькамі і дзецьмі ювенальная юстыцыя падмяніла халодным законам, абаронай дзяцей ад... іх жа бацькоў. Такая падмена і прывяла да разгула злачыннасці непаўналетніх, іх маральнай разбэшчанасці, да фактаў алкагалізма і наркаманіі. Адыход ад боскіх заветаў у выхаванні непаўналетніх абярнулася відавочнымі негатыўнымі з'явамі, гэта выклікала ў многіх краінах справядлівую крытыку ювенальнай юстыцыі, шмат якіх з краін адмовіліся ад яе ўвядзення ў поўным аб'ёме па заходняму ўзору [5].

Ці возьмем, для прыкладу, *шлюбныя кантракты*, якія вызначаюць маёмасныя правы і абавязкі мужа і жонкі ў шлюбе ці ў выпадку скасавання шлюбу. Напрыклад, у Расійскай Федэрацыі, шлюбны кантракт распаўсюджваецца толькі на сферу маёмасных адносін мужа і жонкі; асабістыя іх адносіны, ці адносіны з дзецьмі ўмовы шлюбнага кантракта вызначаць не могуць [6]. Ці больш моцнымі сталі сем'і на падмурку шлюбных кантрактаў? Статыстыка разводаў (распадаў) маладых сем'яў гаворыць аб іншым. На наш погляд, асноўная прычына сямейных разладаў у тым, што людзі адступілі ад боскага завета ўзаемнай любові (кахання, сардэчнай прыхільнасці, замілавання), падмянілі яго халодным гаспадарчым разлікам у адносінах жонкі і мужа. Якія маральныя адносіны могуць быць у сем'ях, дзе пануе не ўсеагульная любоў (сардэчная прыхільнасць), а кантракт, матэрыяльны разлік? Якія маральныя жыццёвыя ўрокі атрымаюць у такіх сем'ях дзеці?

Ці ўзгадаем праблему *аднаполых шлюбаў*, да якіх адназначна адмоўна ставяцца як Праваслаўная, Каталіцкая, так і Мусульманская царквы. Але некаторыя краіны легалізавалі аднаполыя шлюбы; па выразу патрыярха Кірыла – “И вот мы дожили до времен, когда грех подкрепляется нормой закона, а значит, и силой власти” [7].

У “Асновах сацыяльнай канцэпцыі Рускай Праваслаўнай царквы” запісана: “...в Десятисловии ясно сказано: “Почитай отца твоего и мать твою” (Исх. 20.12). Любая противоречащая этой заповеди светская норма делает преступником не нарушителя ее, а самого законодателя” [8, с. 23]. Далей у Канцэпцыі адзначана: “Однако в тех случаях, когда человеческий закон совершенно отвергает абсолютную божественную норму, заменяя ее противоположной, он перестает быть законом, становясь беззаконием, в какие бы правовые одежды он не рядился” [8, с. 23]. На погляд Рускай праваслаўнай царквы, “Задача светского закона – не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царствие Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад” [8, с. 22].

Аналіз прававых ідэй Францыска Скарыны дазваляе зрабіць вывад аб яго гуманістычных прававых поглядах і аб значным укладзе, унесеным ім у прававую навуку. На думку прафесара Я.А. Юхо, супастаўленне прававых ідэй Скарыны і зместа Статута Вялікага Княства Літоўскага 1529 года дае падставу меркаваць аб яго удзеле ў падрыхтоўцы праекта Статута. Гэтае меркаванне, на погляд Я.А. Юхо, пацвярджаецца яшчэ і тым, што ўрад меў намер выдаць Статут друкарскім спосабам [2, с. 163].

Скарына быў не толькі вучоным-правазнаўцам, але і юрыстам-практыкам. Ён неаднаразова выступаў у судах у абарону як сваіх уласных інтарэсаў, так і сваіх блізкіх. Так, у пачатку 1530-х гадоў ён выступаў у якасці ўладальніка спадчыны сваёй жонкі ў віленскім судзе, затым у судзе віленскага епіскапа і ў гаспадарскім (вялікакняскім) судзе [1, с. 425].

Духоўная спадчына Скарыны была асэнсавана, успрынята і ў значнай ступені развіта наступнымі пакаленнямі выдатных беларускіх мысліцеляў, гуманістаў-асветнікаў і прававедаў.

У якасці **агульнага вывада** адзначым: і сёння не страцілі сваёй значнасці і актуальнасці шмат якіх прынцыпы вучэння Скарыны аб праватворчасці, бо яны адпавядаюць агульначалавечым каштоўнасцям, шмат у чым апярэдзвалі свой час; прававое вучэнне Скарыны ўнесла значны ўклад у еўрапейскую скарбніцу прававых вучэнняў.

Удзячны беларускі народ шануе памяць Францыска Скарыны. Імем Скарыны названы вуліцы ў Полацку, Віцебску, Нясвіжы, Оршы, Слуцку і іншых гарадах, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт.

Помнік Скарыне пастаўлены ў Полацку, Лідзе, Мінску, Вільнюсе. Уведзены дзяржаўныя ўзнагароды Рэспублікі Беларусь – медаль Скарыны (1989 г.) і ордэн Скарыны (1995 г.) [3, с. 315].

Такім чынам, можна канстатаваць, што рэалізавана мэта працы – выкладзены некаторыя праблемы вучэння Францыска Скарыны аб праватворчасці, паказана іх значэнне для сучаснасці. Навуковая навізна даследавання ў некаторай меры папаўняе існуючыя прабелы ў вывучэнні творчай спадчыны Францыска Скарыны аб праве і праватворчасці.

Матэрыялы, атрыманыя ў час даследавання, могуць прадстаўляць цікавасць для даследчыкаў гісторыі праватворчасці, а гэтак жа могуць быць выкарыстаны выкладчыкамі і студэнтамі юрыдычных і іншых спецыяльнасцей, магістрантамі і аспірантамі, якія вывучаюць гісторыю палітычнай і прававой думкі Беларусі.

ЛІТАРАТУРА

1. Франциск Скорина и его время: энцикл. справ. / И.П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БелСЭ, 1990. – 613 с.
2. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я.А. Юхо. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 270 с.
3. Галенчанка, Г. Скарына / Г. Галенчанка // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 6, кн. 1. – Мінск, 2001. – С. 309–315.
4. Басюк, І.А. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / І.А. Басюк. – Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2011. – 282 с.
5. Что такое ювенальная юстиция? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omiliya.ru>. – Дата доступа: 14.11.2014.
6. Что такое брачный контракт и для чего он нужен? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aif.ru>. – Дата доступа: 14.11.2014.
7. «Неизвестный» Патриарх Кирилл. – М.: Даниловский благовестник, 2009. – С. 92.
8. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М., 2000. – 88 с.

Паступіў 22.03.2016

THE DOCTRINE OF FRANTSISKA SKORYNY ABOUT LAWMAKING AND ITS VALUE FOR THE PRESENT

I. BASIUK

Article is devoted poorly investigated problem – to the doctrine of Frantsiska Skoriny about lawmaking. Are considered the doctrine of Skoriny about the law, on principles to which there should correspond the law, on the natural right, on leadership of the natural (divine) right. In article the major legal ideas of Frantsiska Skoriny about law and right coincidence, about a parity between moral (divine) and legal laws, on unity of the right for all estates of Grand duchy Lithuanian are analyzed. In article the doctrine of Frantsiska Skoriny about right branches, practical application of this doctrine in structural construction of the Statute of Grand duchy of the Lithuanian 1529 is investigated. The principles of lawmaking developed Frantsisky Skorinoj have methodological character, they answer universal values, in many respects advanced the time. Frantsisk Skorina has brought the considerable contribution to the European treasury of legal doctrines. In the light of the doctrine of Frantsiska Skoriny in article some modern problems lawmaking – value justices, marriage contracts, legitimacy of unisex marriages, sights of orthodox church at these problems are analyzed.

Keywords: *the lawmaking, the natural right, right branches, moral and legal laws, value justice.*

УДК 34.096

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭМБРИОНЕ ЧЕЛОВЕКА

Я.В. БАРДАШЕВИЧ
(Витебский областной суд)

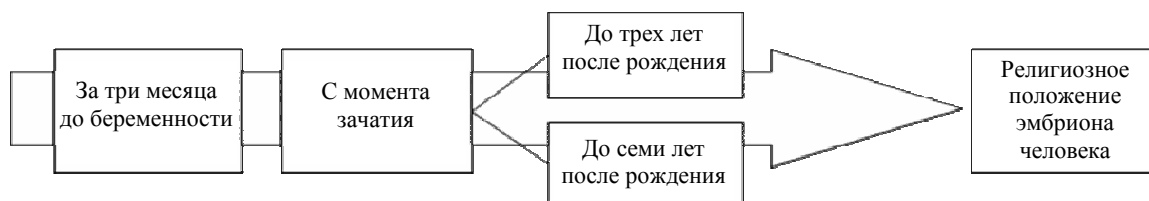
Устанавливается целостная картина о значимости жизни эмбриона человека, обращается внимание не только на правовую составляющую, но и на религиозный аспект данного проблемного вопроса. Рассматривается религиозная теоретико-практическая точка зрения язычников относительно защиты жизни эмбриона человека и целесообразности прерывания беременности. На основании священных писаний, в частности Закона «Риты» и «Веды», получены данные, подтверждающие факт отрицательного отношения славяно-арийской нации к абортам. Согласно сформировавшемуся религиозному мировоззрению язычников прерывание беременности есть убийство человека, так как жизнь человеческого эмбриона представляет собой высшую ценность. Современное же представление о защите жизни человеческого эмбриона не получило своего законодательного закрепления и всецелого общественного одобрения.

Ключевые слова: жизнь, эмбрион человека, правоспособность, язычество, христианство.

Введение. Одна из самых древних религий у славян – язычество, которое существовало до принятия христианства (примерно V–IV тысячелетия до н.э. либо граница IV–III тысячелетия до н.э.). Учеными был сделан вывод о том, что славянский термин «язычество» трактуется как «народная вера», «вера племени» или «крепость уз» [1]. Специфика веры язычников заключалась в том, что носила политеистический характер, подтверждением чего может служить священное писание славян и Ариев – Веды (что означает сияющая мудрость), где Боги представлялись как мировые силы. Приверженцы данной религии верили в то, что всегда и во всем их контролируют духи, поэтому им была подчинена не только духовная, но и материальная часть жизни. Центральное место в вере занимала природа. Сама система верований была практически идеализированной и полностью неотделимой от природы. Природа понималась как некий живой организм, который не только мыслит, но и имеет душу. Обожествлялись и одухотворялись силы и стихии природы, а язычники считали себя детьми природы [2]. Ведическая система знаний и верований – это, прежде всего, истинные знания, предполагающие тесное взаимодействие и сосуществование в гармонии с окружающим миром, а не слепое поклонение необъяснимому божеству. Предполагалось, что верующие не ставят перед собой цель завладеть природой, они сосредоточены на гармоничную жизнь, так как осознавали себя частью целого. На основе такого сформированного мировоззрения, искусственное прерывание беременности, воспринималось язычниками как преступление против человека, против самой природы.

Основная часть. Сам факт убийства эмбриона человека является двойственно отрицательным: первично нарушает целостность самого эмбриона путём его полного уничтожения, а также нарушается целостность и гармоничность материнского тела, зачастую приводя к серьёзным последствиям для женщины. У язычников были Боги, отвечающие за деторождение, любовь и брак. Важную роль занимал Бог Род, считалось, что именно он наделяет детей, которые должны родиться душой [3]. Исходя из представлений о Боге, который одушевляет пока еще не родившихся детей, следует сделать вывод относительно того, что жизнь человека носит священный характер, а следовательно, возникает необходимость защиты любой жизни с момента зачатия. В меньшей мере верующие могли задаваться вопросом о том, на какой именно стадии будущий ребенок приобретает душу, так как его ценность безусловна. Имеется предполагаемая точка зрения, согласно которой душа человека еще за три месяца до беременности вселяется в яйцеклетку женщины [4]. Отсюда и формируется представление многих верующих относительно того, что ребенка надо воспитывать еще задолго до рождения, то есть родители будущего малыша должны быть сами на достаточном уровне воспитанными и образованными людьми, для того чтобы вырастить достойное будущее поколение. Выдвигаются и противоположные версии, согласно которым душа ребенка еще не сформирована даже после рождения, по этой причине у матери и ребенка до трех лет имеется общая душа. Еще одна точка зрения свидетельствует о том, что дух начинает входить в тело с момента зачатия, и данный процесс завершается к семи годам. Были и такие предполагаемые версии, которые приближены к современному осмыслению значимости эмбриона человека: душа вселяется в ребенка с момента его первого вдоха. Считается, что вдох есть первая проявленная активность человека, до осуществления этого действия душа не может существовать.

Таким образом, первые три точки зрения при определении момента зарождения человека (рисунок): за три месяца до беременности; с момента зачатия и до семилетнего возраста; до трех лет наличие общей души у ребенка и его матери – не признаются академической наукой, так как носят недоказанный характер своей самобытности.

Религиозное положение эмбриона человека у язычников

Полагаем, что даже отсутствие доказательств и доказанности на должном уровне каких-либо фактов не означает, что чего-то в целом не может быть, так как уровень современных знаний нельзя считать в полной мере совершенным. Что касается последней точки зрения относительно того, что жизнь человека начинается с момента его первого вдоха, то данная идея нашла свое отражение в современном мире не только среди общественности, но и в рамках законодательства многих стран. В частности, отечественной правовой базой регламентируется что, человек приобретает правоспособность с момента рождения, именно данная ситуация соотносится с конкретизированными действиями при завершении родового процесса – начала дыхания ребенка.

Согласно букве закона, человек приобретает правоспособность с момента рождения, что нашло свое обоснование в следующих нормативных правовых актах:

- Конституция Республики Беларусь (статья 24) (содержание нормы «каждый имеет право на жизнь...» можно отнести не только к новорожденному, но и к зачатому ребенку) [5];
- Гражданский кодекс Республики Беларусь (часть 2 статьи 16) от 7 декабря 1998 года № 218-3 (с изм. и доп. По состоянию на 30.12.2015) [6]; Закон Республики Беларусь «О правах ребёнка» от 26 мая 2012 года № 376-З (статья 4) [7].

Положение зачатого ребенка непосредственно регулируется *Законом Республики Беларусь «О здравоохранении»* от 10.07.2012 № 426-З (статья 27). Содержательная сторона данной правовой нормы следующая [8]:

- в организациях здравоохранения беременной женщине после консультации с врачом-специалистом может быть проведено искусственное прерывание беременности (аборт) при сроке беременности не более двенадцати недель, то есть женщине предоставляется право самостоятельно решать вопрос о материнстве в рамках указанного срока;
- при наличии медицинских показаний и согласия женщины искусственное прерывание беременности проводится независимо от срока беременности в государственных организациях здравоохранения;
- при наличии социальных показаний и согласия женщины проведение искусственного прерывания беременности допускается при сроке беременности не более двадцати двух недель в государственных организациях здравоохранения.

Врач-специалист имеет право отказаться от проведения искусственного прерывания беременности, письменно уведомив об этом руководителя организации здравоохранения, если отказ непосредственно не угрожает жизни и (или) здоровью женщины. После получения письменного уведомления врача-специалиста руководитель организации здравоохранения должен организовать женщине проведение искусственного прерывания беременности другим врачом-специалистом [8].

На *международном уровне* правовая защита рожденного ребенка регулируется:

- Всеобщей декларацией прав человека от 10 декабря 1948 года [9, с. 30];
- Всемирной декларацией «Об обеспечении выживания, защиты и развития детей» от 30 сентября 1990 года [10];
- Конвенцией ООН «О правах ребёнка» (статьи 1, 2, 3, 6, 7) от 20 ноября 1998 года [11];
- Декларацией прав ребёнка от 20 ноября 1959 года [12];
- Международным Пактом «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 года (статья 24) [13].

Для древних же славян, арийцев (приверженцев язычества) главное было в том, что если ребенок зачат, он должен родиться, и это объяснялось тем, что еще не родившийся ребенок уже является частью целого – природы.

Если обратиться к основному древнему источнику знаний славянских народов «Веды», имеет смысл сконцентрировать внимание на законах «Рита», представляющих собой свод нравственных правил, согласных которым жили славяне [4]. Понятие «Рита» на ведийском санскрите в буквальном переводе означает «порядок вещей». Данные законы касались узкого круга лиц, только для славян и ариев, целью которых была сохранение своего рода и соблюдение чистоты его крови. Законами «Рита» объяснялось, каким образом передается генетическая информация; кого, как и почему должны выбирать себе в жены или мужья славяне и Арии. Центральное место было отведено сохранению славяно-арийского народа, недопущение кровосмешения с иными народами, так называемыми «чужеземцами» (представите-

лями не славяно-арийской нации). Существенное отличие славяно-арийского народа от иных народов виделось в том, что славяне руководствовались установленными ценностными ориентирами в своей жизни, нарушение которых было невозможно, такие же принципы отражались и на создании семьи, на отношении к детям и родителям. Верующие язычники никогда не могли позволить себе опорочить или совратить женщину, в то время как иноземцам такие законы не представлялись значимыми, они не задавались целью создания семьи и продолжения рода. Подтверждающим примером аморальности ценностного отношения к семье и детям со стороны иноземцев могут служить следующие строки из Вед: «...чужеземные вороги свою похоть животную, называют – Усладой, а рождение чад – безумием порочным...» [2, с. 64]. Выходит, что в священном писании трактовалось о том, что неверующие, представители иных народов, были опасны для язычников своим безнравственным отношением к жизни, иным мировоззрением. Следует сконцентрировать свое внимание на ведических строках следующего содержания: «...не допускайте Чужеземцев к дочерям вашим, ибо совратят они дочерей ваших, и растлят Души их чистые, и Кровь Расы Великой погубят, ибо первый мужчина у дщери, оставляет Образы Духа и Крови» [2, с. 63]. Ведические строки направлены на сохранение женского целомудрия для обеспечения сохранности своего рода, при этом следует отметить, что это затрагивало и мужскую часть населения. Первая близкая межличностная связь девушки с мужчиной играет важную роль, так как именно первый мужчина оставляет на полевом уровне информацию о себе, и в последующем, если у данной девушки родится ребенок от другого мужчины, согласно законам «Рита», отцом рожденного ребенка будет считаться её первый партнер. Аналогичная ситуация происходит и с мужчиной, который не желает сохранять верность одной девушке. У таких мужчин также рождаются дети, которые на полевом уровне вобрали информацию тех женщин, с которыми они вступали в близкие отношения. Именно этой причиной и объясняется факт существенных отличий детей от своих родителей, не только на уровне внешности, но и на уровне внутренней составляющей: характер, поступки, поведение, мышление и развитие. На основании данной информации, можно сделать выводы о том, насколько духовно развиты были приверженцы язычества, каким уровнем нравственности они обладали. А главное, имеется возможность подтвердить тот факт, что дети для языческого населения представляли особую ценность, поэтому ни о каких абортах не могла идти речь.

В язычестве выделялись ещё две Богини, отвечающие за благополучие и гармонию в семье: Лада и её дочь Леля [4]. Лада у славян сопоставлялась с периодами летнего плодородия, когда созревает и тяжелеет урожай. В русском языке имя Лада связано с множеством слов и понятий, и все они относятся к установлению порядка: ладить, наладить, сладить, ладно; лада – ласковое обращение к супругу. Леля считалась дочерью Лады, младшая Роженица, отвечающая за плодородные урожаи семьи. Отсюда бережное отношение к кому-либо передается словом «лелеять». Позднее, уже после крещения Руси, данных Богинь приравнивали к христианским богородицам. Следует заметить, что в язычестве не существовало ни одной Богини, которая бы была покровительницей детоубийства, а эта аксиома уже выступает веским аргументом в пользу защиты жизни человека до момента появления его на свет. Прерывание беременности, таким образом, расценивалось как преступление и против Богинь, и против самого понятия материнства в целом. Известна одна из научных точек зрения, согласно которой родноверы (приверженцы язычества) вообще отрицали возможность хоть каких-либо кровопролитий, в том числе и жертвоприношений, на основании чего логично сделать заключение относительно того, что и аборт в этом случае ими рассматривался и фактически есть насильственным действием против жизни. В то же время в качестве примера целесообразно отметить совершенно иную и противоположную истине точку зрения ученых о поддержании язычниками такого религиозного обряда, как жертвоприношение [3].

Заключение. Подводя итоги, автор не поддерживает идею о приверженности сторонников язычества к искусственному прерыванию беременности, считая, что наиболее верная точка зрения видится в полном отрицании и недопущении верующими факта лишения жизни зачатых детей. Среди большого количества приписанных ложных фактов славяно-арийскому народу сложно однозначно и конкретно решить проблему определения ценностной значимости эмбриона человека, господствующей на тот период времени. С одной стороны, в вере язычников был предельно развит культ материнства и взаимосвязь с природой, что по общим основаниям никак не могло повлиять на положительное отношение к искусственному прерыванию беременности. С другой стороны, что имеет менее правдивый характер, утверждалось, что процветал обычай жертвоприношений, где дети в силу своей беспомощности были объектами решения ритуальных вопросов своих родителей. Существует точка зрения относительно того, что детей использовали в обрядовых мероприятиях, использовали в качестве еды в неурожайный год. Однако указанные данные не находят своего гарантированного подтверждения и остаются всего лишь недоказанными домыслами ученых-правоведов и историков, так как от признанных принципов священного писания никакой верующий язычник, а тем более какая-либо отдельная группа не могли отделиться в силу своего морального уровня и чрезмерной приверженности к традициям. Веды были тем источником общепризнанных правил, которые свято чтились и соблюдались славяно-арийским народом. На основании чего можно утверждать о том, что выработанные принципы и нормы жизни у язычников, такие как «природа», «жизнь», «здоровое тело»,

«справедливость» и «честь» соответствуют реальной действительности. Рождение ребенка согласно данным принципам – это есть истинное природное явление, порождающее сохранение здоровья не только отдельной женщины, но и всего рода. Появление ребенка на свет – это честь для всего рода, так как будущее поколение рассматривается как основа продолжения сформированных знаний и их дальнейшее процветание. С рождением ребенка торжествует принцип справедливости, означающий, что зачатая жизнь священна в ее материализации и имеет право на получение опыта души для своего дальнейшего совершенствования. В целом зачатие человека как признание факта жизни, у язычников было не только сформировано, но и неуклонно соблюдалось. Что нельзя сказать о современном белорусском законодательстве, в котором идеи религиозной направленности были проигнорированы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Происхождение арийцев [Электронный ресурс] // Blog-mashnin. – Режим доступа: <http://blog-mashnin.ru/?p=101748>. – Дата доступа: 21.02.2016.
2. Славяно-Арийские Веды. Саньтии Веды Перуна. Сага об Инглингах. – Омск: Церковное изд-во «АСГАРДЪ», 2001. – 256 с.
3. Аборты и идеология язычника [Электронный ресурс] // Bogunemil.narod. – Режим доступа: <http://bogunemil.narod.ru/aboty1.html>. – Дата доступа: 21.02.2016.
4. Законы Рита – Телегония в Ведах [Электронный ресурс] // Telegonia. – Режим доступа: <http://www.telegonia.info/stati/zakony-rita-telegonii-v-vedakh.html>. – Дата доступа: 21.02.2016.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2006. – 48 с.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп. по состоянию на 3 нояб. 2010 г. – 3-е изд., с изм. и доп. – Минск: Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – 656 с.
7. О правах ребёнка: Закон Республики Беларусь, 26 мая 2012 г. № 376-З Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2012, № 62, 2/1928.
8. О здравоохранении: Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г. № 426-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – 2016. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 07.02.2016.
9. Всеобщая декларация прав человека: утв. и провозглаш. Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. Декларация прав и свобод человека и гражданина: Принята Верхов. Советом РСФСР 22 нояб. 1991 г. – М.: ТОО «Иван», 1993. – 30 с.
10. Всемирная декларация «Об обеспечении выживания, защиты и развития детей» от 30 сентября 1990 г. [Электронный ресурс] // lib.exdat.com. – 2016. – Режим доступа: <http://lib.exdat.com/docs/1207/index-3170.html>. – Дата доступа: 21.02.2016.
11. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – 2016. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/convents/childcon.htm>. – Дата доступа: 13.02.2016.
12. Декларация прав ребенка от 20 нояб. 1959 г. [Электронный ресурс] // lib.gendocs.ru. – 2016. – Режим доступа: <http://lib.gendocs.ru/docs/141000/index-710-1.html>. – Дата доступа: 19.02.2016.
13. Международный Пакт «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс] // base.consultant.ru. – 2013. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?Req=doc;base=LAW;n=5531>. – Дата доступа: 12.02.2016.

Поступила 21.03.2016

THE QUESTION OF RELIGIOUS SITUATION OF HUMAN EMBRYONIC THE GENTILES

Y. BARDASHEVICH

In order to establish a complete picture of the significance of human embryonic life, the author drew attention not only to the legal component, but also on the religious aspect of this problematic issue. The author was given the task: to study the religious theoretical and practical point of view of the Gentiles concerning the protection of human life and the embryo feasibility of abortion. On the basis of the scriptures, in particular the Law “Rita” and “Veda”, data were obtained that confirm the negative attitude of the Slavic-Aryan nation to abortion. According to form a religious outlook pagans abortion is man’s murder, since the life of the human embryo is a supreme value. The modern idea of the protection of human embryonic life did not get his legislative fastening and fully public approval.

Keywords: *life, human embryo, legal capacity, paganism, Christianity.*

КОНСТИТУЦИОННОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 349

ОСНОВЫ ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

канд. юрид. наук, доц. А.И. БОРОДИЧ
(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

Рассматривается вопрос национальной безопасности в контексте Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Представлена точка зрения автора на исследуемую проблему. Раскрываются семантические различия в терминологии «безопасность государства» и «государственная безопасность», «безопасность общества» и «общественная безопасность», «личная безопасность» и «безопасность личности».

Ключевые слова: национальная безопасность, личность, общество, государство, интересы, угрозы, защита.

Вопросам обеспечения национальной безопасности, под которой понимается «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз» [1, п. 4], в современных условиях юристами-учеными и юристами-практиками уделяется значительное внимание. «Появление в мире новых рисков, вызовов и угроз, обострение глобальных проблем человечества, несовершенство существующей архитектуры безопасности и насущные потребности по обеспечению дальнейшего устойчивого развития Беларуси» [2, с. 2] требуют научного осмысления многоаспектного понятия «национальная безопасность». Исходя из этого определимся с составляющими термина «национальная безопасность», а именно: «национальная» и «безопасность».

Исследовательская часть. Термин «национальная» происходит от слова «нация» – исторически устойчивая, обладающая государством общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни, культуры. Без создания в стране единой политической нации невозможно определиться с национальными интересами, целями, идеями. При этом необходимо четко различать понятия «нация» и «национальность». Национальность выражает этническую общность людей и является более узким понятием по сравнению с нацией, которая в настоящее время чаще всего рассматривается как политическая категория. Таким образом, в понятии «национальная безопасность» его составляющую «национальная» целесообразно соотносить, прежде всего, со всей страной, всем государством в самых различных сферах и направлениях, где могут быть угрозы государству и гражданам, его составляющим.

Для понимания сути многих положений, которые содержатся в основополагающих документах по вопросам национальной безопасности, важно определиться и с другими составляющими понятийного аппарата. В частности, речь идет о выявлении семантических различий в терминологии «безопасность государства» и «государственная безопасность», «безопасность общества» и «общественная безопасность», «личная безопасность» и «безопасность личности». В зависимости от того, какое содержание вкладывается в указанные понятия, могут по-разному решаться и восприниматься многие практические вопросы. Уточним само понятие «безопасность», которое, по мнению А.А. Прохожева, «чаще всего трактуется как состояние защищенности от различных видов вызовов, рисков, опасностей и угроз» [3, с. 40]. Необходимо отметить, что важнейшей особенностью социальной формы развития является тесная взаимосвязь между развитием и безопасностью, которые являются двумя сторонами общего процесса жизни общества. С этих позиций определение безопасности в наиболее общем виде для социальных систем сформулировано белорусскими учеными как «защищенность жизненно важных интересов социальной структуры от внешних и внутренних угроз, где последние выступают или реализуются как противоположные, противоречивые интересы каждого элемента социального сообщества» [4, с. 17]. Поэтому в современных условиях термин «безопасность» предлагается толковать как ситуацию спокойствия, отсутствия реальной опасности (физической, моральной), а также материальные, экономические, политические условия; соответствующие органы и организации, способствующие созданию данного положения и обеспечивающие безопасность.

В Республике Беларусь в качестве основных объектов безопасности рассматриваются личность, общество и государство. *Личность* – индивид, обладающий сознанием, включенный в общественные отношения, исполняющий определенную социально обусловленную роль, имеющий иерархическую структуру нравственно-психологических установок, диспозиций относительно реалий внешнего мира, а также собственных требований к себе, оценок и самооценок в их стабильных свойствах и динамическом взаимодействии. *Индивид* – конкретный человек как природное существо и носитель определенных, прису-

ших только ему психофизиологических качеств [5, с. 37]. *Общество* – это совокупность индивидов со всем многообразием их общественных отношений. Здесь, в первую очередь, важна последовательность перечисления названных объектов. Фактически Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция) утвердила парадигму в отношении их интересов. Стремясь уйти от тоталитаризма, в Концепции сознательно поставлены на первое место национальные интересы как совокупность потребностей по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства. В данном контексте «не интересы указанных субъектов вообще, так как они зачастую не могут совпадать во всех отношениях. Необходимо поддержание как раз взвешенного, гармоничного баланса интересов личности, общества и государства. Причем этот баланс должен определяться в зависимости от реально складывающейся обстановки» [6, с. 1]. При этом личность должна понимать и правильно воспринимать интересы общества и государства, в котором она живет. В связи с этим интересы личности, общества и государства, подлежащие защите с точки зрения национальной безопасности, есть не что иное, как совокупность сбалансированных интересов. Именно так они трактуются в Концепции, и именно в таком контексте рассматривается безопасность личности, общества и государства.

Национальная безопасность включает в себя три базовые категории: *интересы, угрозы, защита*. *Интересы* – нужды, потребности, т.е. это осознанные нужды, потребности, сформированные обществом, социальными группами, индивидами. По мнению Г. Здравомыслова, с которым нельзя не согласиться, «...потребность в самом широком значении этого слова – существенное звено в системе отношений любого действующего субъекта, это определенная нужда субъекта в некоторой совокупности внешних условий его бытия, притязание к внешним обстоятельствам, вытекающее из его сущности, свойств, природы...» [7, с. 12]. Иными словами, *потребности* – это нужда в чем-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности организма индивида, социальной группы, общества. Различие между интересами и потребностями состоит, главным образом, в том, что «потребности непосредственно ориентированы на материальные средства их удовлетворения, являющиеся их объектом, интересы же каждого субъекта обращены на деятельность и отношения других субъектов, на такую их ориентацию, которая бы способствовала удовлетворению потребностей данного субъекта» [8, с. 24].

Интересы являются, помимо всего прочего, основой дифференциации общества как результата взаимодействия всех социальных слоев и групп с многообразием их интересов. Наличие интереса означает жизнь, поэтому при указанном подходе к безопасности, защищая интересы, мы защищаем жизнь, жизнь человека, общества, государства, нации. Личность, являясь наряду с обществом и государством объектом безопасности, занимает среди них ключевое положение, поскольку в соответствии с Конституцией Республики Беларусь человек, его права и свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Обеспечение интересов и безопасности личности позволит существенно поднять уровень безопасности общества и государства, так как только личность с ее реальными правами и свободами способна, в свою очередь, обеспечить развитие и жизнедеятельность гражданского общества и государства. *Национальные интересы* включают совокупность потребностей государства, основываются на достоинствах и ценностях народа Республики Беларусь, обеспечиваются возможностями экономики, политической и военной организации государства, духовно-нравственным и интеллектуальным потенциалом многонационального белорусского общества. *Система национальных интересов* определяется совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства. На современном этапе интересы личности состоят в реальном обеспечении конституционных прав и свобод, личной безопасности, в повышении качества и уровня жизни, в физическом, духовном и интеллектуальном развитии. *Интересы общества* включают в себя упрочение демократии, достижение и поддержание общественного согласия, повышение созидательной активности населения и духовное процветание Республики Беларусь. *Интересы государства* состоят в защите конституционного строя, суверенитета, неприкосновенности, территориальной целостности Республики Беларусь, в установлении политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном исполнении законов и поддержании правопорядка, в развитии международного сотрудничества на основе партнерства. Совокупность основных интересов личности, общества и государства определяет *национальные интересы государства* в политической, экономической, научно-технологической, социальной, демографической и иных сферах.

В практической деятельности по реализации интересов объективно возникают противоречия между индивидами, слоями общества, классами, государствами в результате их взаимодействия в ходе общественного развития. Столкновение конфронтационных или встречных интересов людей порождает *угрозы*, которые бывают потенциальные или реальные. Другие виды интересов (совпадающие, параллельные и расходящиеся) по своему содержанию не могут формировать условия для появления угрозы. Наоборот, они являются базой для достижения единства, взаимопонимания и сотрудничества в общественных и межгосударственных отношениях. В этом проявляется диалектическая взаимосвязь между интересами личности, общества, государства и угрозами безопасности, требующая рассмотрения этих категорий в тесном единстве. Категория «*угроза*» имеет не меньшее значение, чем категория «*интересы*». Своевременное обнаружение угроз и реагирование на них со стороны общества и государства имеют первосте-

пennую важность в практической деятельности по защите национальных интересов. Характер и уровень угроз определяют основные направления деятельности по их предупреждению и локализации, а также формы, способы, средства и методы решения задач обеспечения безопасности при рациональном использовании имеющихся, как правило, ограниченных ресурсов. Причины неадекватного восприятия угроз могут быть самыми различными: ограниченность знаний законов природы, отсутствие необходимого объема достоверной информации о событиях и обстановке, низкий уровень методов и оперативности обработки имеющейся информации, отсутствие навыков прогнозирования и предвидения последствий, особенности реальной обстановки, деятельность специальных служб иностранных государств по дезинформированию и т.д. Немаловажное значение имеют также личностные особенности характера и целевые мировоззренческие установки политиков, государственных деятелей, а также всех тех, кто не только принимает решения в области социального развития и национальной безопасности, но и участвует в добычании и обработке данных по угрозам безопасности и докладах руководству страны. Формирование неадекватного субъективного восприятия угроз может быть следствием собственной некомпетентности или заблуждения, либо результатом целенаправленной деятельности других лиц, а также иностранных спецслужб, добивающихся своих целей.

Национальные интересы, которые подразумевают деятельность государственных органов, организаций, в том числе общественных объединений, а также отдельных граждан, требуют защиты от существующих угроз. Защита осуществляется при соблюдении следующих *принципов*: законности, предполагающей соблюдение норм международного права и законодательства Республики Беларусь; всеобщей безопасности, предполагающей взаимный учет и соблюдение интересов всех субъектов отношений в сфере безопасности как внутри страны, так и на международном уровне; соблюдение баланса жизненно важных интересов и взаимной ответственности личности, общества и государства в вопросах обеспечения национальной безопасности; постоянного информирования граждан республики по вопросам состояния национальной безопасности.

На основании изложенного логична постановка вопроса о разграничении понятий «*безопасность личности*» и «*личная безопасность*». По мнению А.С. Прудникова, при личной безопасности «совокупность общественных отношений направлена на защиту конкретной жизни, здоровья, телесной неприкосновенности и свободы человека и гражданина от противоправных насильственных посягательств, совершаемых с применением или попыткой применения насилия либо с угрозой таковых, а безопасность личности предполагает неопределенный круг лиц» [9, с. 24]. При этом следует добавить, что речь в данном случае должна также идти о защите личности не только от противоправных посягательств, но и от угроз природного и техногенного характера. Таким образом, можно сказать, что *личная безопасность* – это защита конкретной жизни, здоровья, телесной неприкосновенности и свободы человека и гражданина от противоправных насильственных посягательств, а также от угроз по отношению к нему природного и техногенного характера. Исходя из изложенного понятие «*безопасность личности*» будет носить более общий, социально обусловленный характер, и ему можно дать следующее определение – это защищенность условий, обеспечивающих реализацию прав и свобод личности, возможности для ее саморазвития. Личность, ее права и свободы относятся к основным объектам национальной безопасности. Безопасность личности зависит от форм государственного устройства и правления, состояния экономики, социальной сферы, законодательства, культуры, духовно-нравственного потенциала страны. Характерной чертой последнего десятилетия в исследовании проблем безопасности стало вытеснение в некоторых случаях понятия «*государственная безопасность*», понятием «*национальная безопасность*». Если отказаться от понятия «*государственная безопасность*» или растворить его в национальной безопасности, размывается сфера действия специальных служб государства, появляется соблазн наделять их не свойственными им функциями. При этом теряется или отходит на второй план основная направленность их деятельности. Поэтому требуется четко определить содержание «*государственная безопасность*» и ее место в структуре национальной безопасности.

На наш взгляд, следует различать понятия «*государственная безопасность*» и «*безопасность государства*». Безопасность государства стоит в одном ряду с такими понятиями, как «*безопасность личности*» и «*безопасность общества*». Безопасность государства предполагает не только выявление и устранение угроз, а также противодействие их источникам, но и целенаправленную деятельность по обеспечению устойчивого, поступательного развития государства. Если отождествлять понятия «*государственная безопасность*» и «*безопасность государства*», то в систему обеспечения государственной безопасности, по мнению А.В. Опалева, с которым мы согласны, следовало бы включить «*всю экономическую, социальную, социально-политическую и духовно-идеологическую систему общества в той мере, в какой она направлена на развитие государства и, таким образом, на обеспечение его безопасности*» [10, с. 216]. Однако государственная безопасность исторически всегда была связана с определенным характером угроз государству и их источниками. Эти угрозы имели свою специфику и отождествлялись с разведывательной и иной подрывной деятельностью иностранных спецслужб и организаций, а также деятельностью различного рода антиконституционных элементов. Поэтому под *государственной безопасностью*

В.В. Стрежнев, с которым нельзя не согласиться, понимает «состояние защищенности суверенитета, независимости, территориальной целостности и конституционного строя, экономического, научно-технического и оборонного потенциала страны от разведывательной и иной враждебной деятельности спецслужб и организаций иностранных государств, противоправных посягательств отдельных групп и лиц, а также прав и законных интересов личности, которые ущемляются в связи с осуществлением вышеуказанной деятельности» [11, с. 221]. Государственная безопасность пронизывает все другие виды безопасности, выделяя в них свой объект. Содержание государственной безопасности значительно уже понятия «*безопасность государства*», поскольку, во-первых, безопасность государства предполагает не только противодействие угрозам (но только своими методами), что характерно, прежде всего, для обеспечения государственной безопасности, но и укрепление экономического, политического, оборонного, научно-технического и других потенциалов государства; во-вторых, безопасность государства связана с противодействием различного рода угрозам, выходящим за пределы государственной безопасности. В соответствии с монографией С.А. Трахименка определим *безопасность государства* как «состояние защищенности его структур, при которой они, располагая материальными и правовыми средствами, могут служить гарантом обеспечения государственного суверенитета, территориальной целостности и политической стабильности общества» [12, с. 101]. Еще более неоднозначными являются понятия «*общественная безопасность*» и «*безопасность общества*». В советское время общественная безопасность имела отношение, прежде всего, к Министерству внутренних дел, как впрочем, государственная безопасность – к Комитету государственной безопасности. Иначе говоря, обеспечение общественной безопасности возлагалось на Министерство внутренних дел, следовательно, и объем этого понятия не выходил за пределы компетенции данного ведомства. Но, как это сегодня очевидно, вне компетенции Министерства внутренних дел находилась и находится значительная сфера жизнедеятельности общества, безопасность которой также может быть отнесена к общественной безопасности. В современный период, связанный с формированием гражданского общества, необходимо не только включать в понятие общественной безопасности правоохранительный аспект, но и учитывать иные угрозы, с которыми сталкивается общество. Речь идет о безопасности различных социальных субъектов (общества, группы населения, индивидуумы) в условиях чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, катастроф, эпидемий и т.п. Иногда в понятие общественной безопасности вкладывается очень широкий смысл, который охватывает всю совокупность социальных явлений. В таком понимании общественная безопасность включает в себя всю безопасность, имеющую отношение к личности, обществу и государству, защиту от внутренних и внешних угроз во всех сферах жизнедеятельности, т.е. фактически в этом случае она отождествляется с национальной безопасностью. Такой подход в правотворческой и практической деятельности, по мнению автора, нецелесообразен и даже вреден, так как вносит дополнительную путаницу в сферы ответственности за различные виды безопасности со стороны определенных государственных структур. В данном случае целесообразнее ограничить содержание понятия общественной безопасности лишь сферой защиты населения страны от преступных посягательств на права граждан и их объединений, а также от угроз техногенного и природного характера. Иными словами, *общественная безопасность* – это защита населения страны от преступных посягательств на права граждан и их объединений, а также от угроз природного и техногенного характера. В то же время безопасность общества значительно более широкое понятие, чем общественная безопасность и характеризуется следующими параметрами: социальная справедливость, права граждан и общества в целом во взаимоотношениях с государством, режим законности, экономическое благополучие граждан, демократический плюрализм, открытость общества, национальная определенность гражданского общества. Таким образом, *безопасность общества*, как считает В.В. Шеин, означает защиту его материальных и духовных ценностей от внешних и внутренних угроз [13, с. 203], что выражает ее основное предназначение, по отношению к понятию «*общественная безопасность*». Следовательно, *безопасность общества* – это совокупность условий, позволяющих реализовать права и свободы всех групп населения, противостоять действиям, ведущим к расколу общества, в том числе и со стороны государства, предполагающее наличие общественных институтов, правовых норм, развитых форм общественного сознания, гарантирующих реализацию и защиту этих условий. Национальные интересы являются объективным фактором, обусловленным всей совокупностью потребностей Республики Беларусь. Важнейшими национальными интересами государства являются: территориальная целостность страны, государственное самоопределение и политическое самоуправление народа, достойное место в мировом сообществе, процветание страны и ее населения на основе обеспечения прав личности и благополучия всех составляющих его социальных групп. Национальные интересы государства защищаются посредством системы национальной безопасности, представляющей собой совокупность взаимодействующих субъектов обеспечения национальной безопасности и средств, используемых ими для осуществления деятельности по защите и реализации национальных интересов Республики Беларусь и обеспечению безопасности личности, общества и государства [1, п. 57].

Заключение. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что все рассмотренные виды безопасности подразумевают выполнение законодательной, исполнительной и судебной властью

конкретных мероприятий по защите жизни и здоровья, прав и свобод конкретного человека, общества и государства от внешних и внутренних угроз. Говоря в данном случае об обществе и государстве, надо иметь в виду, что речь здесь идет о тех институтах и функциях, которые касаются защиты конкретного человека, общества и государства, в котором он живет. Задача обеспечения личной, общественной и государственной безопасности возлагается на соответствующие государственные структуры: Министерство внутренних дел, Комитет государственной безопасности, Генеральную прокуратуру, Министерство обороны, суды, Министерство иностранных дел Республики Беларусь и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 276. – 1/12080.
2. Новая концепция // Республика. – 2010. – 13 лістап. – С. 2.
3. Прохожев, А.А. Теория развития и безопасность человека и общества / А.А. Прохожев. – М., 2006. – 40 с.
4. Национальная безопасность Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы / М.В. Мясникович [и др.]. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2003. – 562 с.
5. Мицкевич, В.В. Словарь-справочник основных терминов, понятий и определений юридической психологии: справочный материал [для курсантов] / В.В. Мицкевич, А.И. Бородич. – Минск: Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 213. – 123 с.
6. Мальцев, Л.С. Обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь как важнейший фактор развития государства в современных условиях. Основные положения новой редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь / Л.С. Мальцев // Белорусская военная газета. – 2010. – 25 нояб. – С. 1–3.
7. Здравомыслов, А.Г. Потребности. Интересы. Ценности / А.Г. Здравомыслов. – М.: Политиздат, 1986. – 223 с.
8. Герасимов, Н.В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н.В. Герасимов. – Минск: Наука и техника, 1991. – 351 с.
9. Прудников, А.С. Теоретико-правовые и организационные основы обеспечения безопасности личности / А.С. Прудников // Безопасность личности и ее обеспечение органами внутренних дел / А.С. Прудников. – М.: ЮНИТИ, 1999. – С. 24.
10. Опалев, А.В. Государственная безопасность как элемент национальной безопасности / А.В. Опалев // Проблемы обеспечения национальной безопасности в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28–29 июня 2001 г.: в 2 т. / ИНБ Респ. Беларусь, 2001. – Т. 1. – С. 215–2131.
11. Стрежнев, В.В. Общественная и государственная безопасность: взаимосвязь, угрозы и основные направления противодействия / В.В. Стрежнев // Проблемы обеспечения национальной безопасности в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28–29 июня 2001 г.: в 2 т. / ИНБ Респ. Беларусь, 2001. – Т. 1. – С. 218–223.
12. Трахименок, С.А. Безопасность государства. Методолого-правовые аспекты / С.А. Трахименок. – Минск: Бел. изд. Тов-во «Хата», 1997. – 192 с.
13. Шеин, В.В. Некоторые аспекты обеспечения общественной безопасности на современном этапе / В.В. Шеин // Проблемы обеспечения национальной безопасности в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28–29 июня 2001 г.: в 2 т. / ИНБ Респ. Беларусь, 2001. – Т. 1. – С. 202–208.

Поступила 21.03.2016

FOUNDATION OF THE THEORY OF A NATIONAL SECURITY

A. BORODICH

This article is about scientific sights on a national security in according to the Conception of national security of the Republic of Belarus. In this sphere were considered differences between such definitions as “security of a state”, “state security”, “security of society”, “social security”, “individual security” and “security of personality”.

Key words: national security, personality, society, state, interests, threatings, protection.

УДК 34(002)(476)

ВИДЫ ИНФОРМАЦИИ

И.И. ЛЯСКОВСКИЙ

(Белорусский государственный университет, Минск)

Рассматривается вопрос классификации основных видов информации. Анализируется законодательство Республики Беларусь, регулирующее общественные отношения в сфере информации. Приведена характеристика видов информации. Делается вывод о том, что для отечественного законодательства актуальной проблемой остается совершенствование основополагающих понятий информационно-го права в соответствии со свойствами информации как объекта правового регулирования.

Ключевые слова: информация, информационная составляющая, общедоступная информация, государственные секреты, информация ограниченного распространения.

Введение. В условиях формирования демократического государства и гражданского общества институт информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, является особенно важным и сложным по многим причинам. Один из признаков демократичности – прозрачность деятельности органов государственной власти, открытость и доступность информации о ней. В то же время государство обязано обеспечить безопасность личности, общества и собственные национальные интересы. Как верно заметил А.А. Фатьянов, государство обязано взять на себя формирование продуманного механизма защиты различных видов информации и установления рамок действия институтов тайн. С одной стороны, эти требования выходят из потребности современного общества быть более открытым и доступным, с другой – диктуются необходимостью обеспечения безопасности личности, общества и государства [1, с. 5–6].

Характеристика видов информации в пределах общего правового режима продиктована необходимостью упорядочения информационных отношений в соответствии с особенностями их правового регулирования. На наш взгляд, выполнение этого задания одновременно сопряжено с классификацией видов информации. Применительно к правовым режимам это позволяет говорить об общности принципов, организационно-правовых механизмов правового регулирования отношений, связанных с информацией.

В «информационной составляющей» современного права Республики Беларусь в последнее время достаточно широко используются определения и термины, появление которых обусловлено стремительными темпами научно-технического развития, влиянием процесса информатизации и информационных технологий на социальную деятельность, становлением информационных отношений и, наконец, формированием междотраслевых научных знаний. Использование законодателем в нормативных правовых актах понятий, заимствованных из «технических» отраслевых наук, без определения их дефиниций, способствуют вольному пониманию и трактовке содержания этих норм, как следствие – правонарушению. Такая тенденция свойственна и для законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено. Эти и другие смежные понятия («коммерческая тайна», «конфиденциальная информация», «служебная информация ограниченного пользования») стали важными дефинициями, количество использований которых в правотворчестве возрастает. В то же время анализ отечественного законодательства позволил сделать вывод об отсутствии нормативного закрепления этого понятия.

Основная часть. В статье 15 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» законодатель устанавливает два вида информации: общедоступную и информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено [2]. Классифицируя виды общедоступной информации, в статье 16 Закона об информации законодатель приводит исчерпывающий перечень сведений, доступ к которым не может быть ограничен. Используя термины из других норм данного Закона (в частности, абз. 7 ст. 1 «Основные термины, применяемые в настоящем Законе, и их определения»; абз. 5 ст. 2 «Сфера действия настоящего Закона»; абз. 5 ст. 4 «Принципы правового регулирования информационных отношений»), перечень видов общедоступной информации в статье 16 Закона об информации приведен в таком виде:

- *правовая* (сведения о правах, обязанностях, свободах и законных интересах физических и юридических лиц, и порядке их реализации; о правовом статусе государственных органов, за исключением сведений, доступ к которым ограничен законодательством; о льготах и компенсациях, предоставляемых государством физическим и юридическим лицам);

- *социально-экономическая* (о состоянии здравоохранения, демографии, образования, культуры, сельского хозяйства);

- *статистическая* (о социально-экономическом развитии страны и отдельных регионов; о размерах золотого запаса; об обобщенных показателях по внешней задолженности);

- архивная (накапливаемая в открытых фондах архивов);
- экологическая (о состоянии окружающей среды);
- сведения об общественной безопасности (о состоянии преступности и фактах нарушения законности; о чрезвычайных ситуациях; о санитарно-эпидемиологической обстановке);
- общедоступная, используемая для информационного обслуживания физических лиц.

Исходя из содержания сведений, содержащихся в информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, в статье 17 Закона об информации законодатель различает:

- информацию о частной жизни физического лица и персональные данные;
- сведения, составляющие государственные секреты;
- служебную информацию ограниченного распространения;
- информацию, составляющую коммерческую, профессиональную, банковскую и иную охраняемую законом тайну;
- информацию, содержащуюся в делах об административных правонарушениях, материалах и уголовных делах органов уголовного преследования и суда до завершения производства по делу [2].

Приведенный перечень не исчерпывающий, поскольку допускается наличие иной информации, доступ к которой ограничен действующим законодательством. Исходя из формулировки последнего абзаца статьи 17 Закона об информации, оборот каждого из видов информации регулируется соответствующим режимом. Из этого следует, что правовой режим информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, составляют правовые режимы государственных секретов, коммерческой тайны, информации о частной жизни физического лица и т.д.

В статье 18¹ Закона об информации законодатель приводит определение служебной информации ограниченного распространения: сведения, касающиеся деятельности государственного органа, юридического лица, распространение и (или) предоставление которых могут причинить вред национальной безопасности Республики Беларусь, общественному порядку, нравственности, правам, свободам и законным интересам физических лиц, в том числе их чести и достоинству, личной и семейной жизни, а также правам и законным интересам юридических лиц, которые не отнесены к государственным секретам [2].

В свою очередь, по уровню последствий для национальной безопасности в случае разглашения или утраты сведений в статье 16 Закона Республики Беларусь «О государственных секретах» предусмотрены две категории государственных секретов: государственная и служебная тайна. В Законе Республики Беларусь «О государственных секретах» также отсутствует дефиниция информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, как более широкой и родовой категории по отношению к государственным секретам. Хотя этот термин определяется в абзаце 2 статьи 1 Закона как «сведения, отнесенные в установленном порядке к государственным секретам, защищаемые государством в соответствии с настоящим Законом и другими актами законодательства Республики Беларусь» [3].

Согласно норме статьи 14 Закона к государственным секретам может быть отнесен широкий перечень сведений, касающихся функционирования государственных учреждений и предприятий в сфере обеспечения международной, военно-политической, экономической и финансовой безопасности, проведения оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельности, а также сведения в области науки и техники, затрагивающие интересы национальной безопасности Республики Беларусь [3].

Результаты сравнения двух вышеприведенных норм указывают на возможность соотношения категорий государственных секретов и служебной информации ограниченного распространения по признаку влияния на уровень национальной безопасности. На первый взгляд они сочетаются в иерархичной 3-х уровневой модели, где каждой позиции соответствует мера соотношения «высший уровень доступа – высшая ценность сведений».

На наивысшем уровне находится государственная тайна, содержащая сведения, разглашение которых связано с тяжкими последствиями для национальной безопасности, поэтому она доступна преимущественно только для высшего руководства органов государственной власти. На низшем уровне находится служебная информация ограниченного распространения, содержащая сведения, которые составляют потенциальную угрозу национальной безопасности и могут быть доступными для должностных лиц органов государственной власти или руководства юридических лиц в процессе хозяйственной деятельности. Такими юридическими лицами могут быть стратегические государственные предприятия, осуществляющие, например, производство, доставку и распределение энергоресурсов. Соответственно, на среднем уровне находится служебная тайна, содержащая сведения, разглашение которых сопряжено со значительными рисками для национальной безопасности.

Стоит отметить, что модель представляется достаточно нечеткой, поскольку в нормативных правовых актах не приведены точные дефиниции, позволяющие детально описать содержание каждого из уровней информации ограниченного доступа. В этой связи более конструктивно предположение, что дефиницию служебной информации ограниченного доступа можно рассматривать как обобщенную, то есть содержащую черты остальных видов информации, доступ к которой ограничен.

Для иллюстрации данного предположения необходимо провести декомпозицию понятия «служебная информация ограниченного доступа» в редакции Закона об информации. Первая выделенная часть сообщает, что объектом регулирования являются сведения, касающиеся субъектов публично- и частно-правовых отношений – государственных и частных организаций, учреждений, хозяйствующих субъектов. Вторая часть сообщает, что сведения в той или иной форме представляют собой потенциальную угрозу национальной безопасности страны. Третья часть – сведения могут причинить вред общественному порядку, а также могут персонально касаться любого гражданина страны, угрожая его чести, достоинству, личной и семейной жизни. Четвертая часть сообщает, что такая служебная информация может принести вред правам и законным интересам юридических лиц.

Таким образом, приведенные части дефиниции связывают виды информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено (согласно ст. 17 Закона об информации), следующим образом. Широкий спектр сведений, касающихся хозяйственной деятельности, вмещает в себя понятие коммерческой тайны, введенное в правовой оборот Законом Республики Беларусь «О коммерческой тайне». В частности, таковыми признаются сведения любого характера (технического, производственного, организационного, коммерческого, финансового и иного), в том числе секреты производства (ноу-хау), соответствующие требованиям настоящего Закона, в отношении которых установлен режим коммерческой тайны.

Основываясь на заключениях о сущности и признаках информации, можем выделить характерные черты информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено:

- любая информация независимо от формы, природы и способа передачи;
- информация в любой форме и любые документы, материалы, изделия, вещества или физические поля, в которых представлена информация; любые данные независимо от их формы представления, вида и условий воспроизводства;
- информация, охрана которой осуществляется с целью обеспечения безопасности государства, общества, человека;
- информация, основной угрозой для которой является несанкционированный доступ, что приводит к ее разглашению;
- содержание и перечень информации, а также степени и грифы ограничения доступа определяются каждой страной самостоятельно в соответствии с национальным законодательством.

Правовой режим информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, призван охранять сведения, свободное обращение которых может нарушить права и интересы государства, общества и отдельной личности, а также обеспечить информационную независимость субъектов частного права в отношениях с государством и между собой, согласовать публичную потребность в свободе информации и право каждого на сохранение тайны [4, с. 3–4].

Именно поэтому характерной чертой для большинства развитых стран является наличие соответствующих законодательных актов, устанавливающих принципы, критерии, механизмы классификации информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, а также процедуру ее охраны со стороны государства или владельца.

В настоящее время в Республике Беларусь отсутствует такой нормативный правовой акт, который бы закреплял правовые основы защиты информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено. Только общественные отношения, связанные с отнесением информации к государственной тайне, засекречиванием, рассекречиванием ее материальных носителей и охраной государственной тайны в целях защиты национальной безопасности Республики Беларусь, урегулированы на уровне отдельного законодательного акта – Закона Республики Беларусь «О государственных секретах».

Следует заметить, что такая тенденция в целом характерна для большинства постсоветских стран. Хотя рядом с государственными секретами законодательством этих стран закреплены правовые основы защиты других видов информации ограниченного доступа: коммерческой, служебной, банковской тайн, конфиденциальности персональных данных.

Поскольку информация в целом и информация, распространение и (или) предоставление которой ограничено является новым предметом исследования юридических наук, то определение этого понятия или выделение его характерных признаков не нашло достаточного рассмотрения и в доктринальных исследованиях. Следует заметить, что оно отсутствует даже в специализированных работах, предметом которых является непосредственно информация, распространение и (или) предоставление которой ограничено.

В частности, дефиницию мы находим лишь в нескольких работах. Отечественный исследователь А.В. Шитиков, констатирует, что «законодательство Республики Беларусь не содержит определения термина «информация ограниченного доступа». Поэтому таковой предлагается считать известные только определенному кругу лиц и обладающие в силу этого особой ценностью сведения, данные и знания; в отношении которых принимаются меры, направленные на ограничение свободного доступа третьих лиц; распространение которых может причинить существенный вред заинтересованным лицам» [5, с. 76].

Данное определение вызывает ряд возражений. Во-первых, автор замечает, что информацию с ограниченным доступом составляют только те «сведения, данные и знания, которые доступны определен-

ному кругу лиц». На наш взгляд, более уместным было бы определение через «круг лиц или одного человека». Во-вторых, в определении указано, что этими лицами принимаются меры с целью ограничения доступа третьих лиц. Следует заметить, что эти меры должны быть исключительно правовыми, то есть соответствовать действующему законодательству. В-третьих, исследователь указывает, что основной угрозой для такой информации является распространение. Но вместе с тем неучтенным остается возможный ущерб вследствие полного или частичного уничтожения сведений для владельцев или добросовестных пользователей информации с ограниченным доступом.

В контексте правоотношений, связанных с информацией, распространение и (или) предоставление которой ограничено, ряд свойств информации, на наш взгляд, нуждаются в уточнении:

1) информация, к которой, возможно, будет применен ограниченный режим доступа, не должна противоречить нормам действующего законодательства, в частности статье 16 Закона «Об информации», в которой указан перечень сведений, доступ к которым не может быть ограничен:

- о правах, свободах, законных интересах и обязанностях физических лиц, правах, законных интересах и обязанностях юридических лиц и о порядке реализации прав, свобод и законных интересов, исполнения обязанностей;
- о деятельности государственных органов, общественных объединений;
- о правовом статусе государственных органов, за исключением информации, доступ к которой ограничен законодательными актами Республики Беларусь;
- о социально-экономическом развитии Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц;
- о чрезвычайных ситуациях, экологической, санитарно-эпидемиологической обстановке, гидрометеорологической и иной информации, отражающей состояние общественной безопасности;
- о состоянии здравоохранения, демографии, образования, культуры, сельского хозяйства;
- о состоянии преступности, а также о фактах нарушения законности;
- о льготах и компенсациях, предоставляемых государством физическим и юридическим лицам;
- о размерах золотого запаса;
- об обобщенных показателях по внешней задолженности;
- о состоянии здоровья должностных лиц, занимающих должности, включенные в перечень высших государственных должностей Республики Беларусь;
- накапливаемой в открытых фондах библиотек и архивов, информационных системах государственных органов, физических и юридических лиц, созданных (предназначенных) для информационного обслуживания физических лиц [2];

2) кроме владельца, доступ к такой информации имеют только те, кто, не нарушая нормы действующего законодательства, получил разрешение от владельца на доступ к такой информации, то есть добросовестные пользователи;

3) информация, распространение и (или) предоставление которой ограничено, имеет особую ценность для вышеупомянутой категории субъектов (моральную, материальную, личную и т.п.) – в силу неизвестности ее другим, посторонним субъектам;

4) собственники и добросовестные пользователи информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, должны осуществлять определенные адекватные меры с целью предотвращения доступа посторонних лиц. Причем эти меры также должны основываться на правовых предписаниях, то есть быть законными;

5) за нарушение мер, направленных на ограничение свободного доступа третьих лиц к информации, которые используются субъектом такой информации (владельцем или добросовестным пользователем), обязательно должен быть установлен один из видов юридической ответственности (гражданско-правовая, уголовная, административная ответственность и т.д.). В случае отсутствия юридической ответственности невозможно говорить о нарушении режима доступа.

Заключение. Принимая во внимание все вышеприведенное, констатируем, что конститутивными признаками информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, в административно-правовом контексте являются:

- наличие материального носителя, поскольку ограничение доступа касается только тех данных, которые могут быть сохранены на материальных носителях или отражены в электронном виде;
- информация, в которой, возможно, будет применен ограниченный режим доступа, не может противоречить действующему законодательству;
- доступ к информации ограниченного доступа может получить круг пользователей на законных основаниях (добросовестные пользователи);
- особая ценность (моральную, материальную, личную и т.п.) для субъектов в силу неизвестности ее другим;
- возможность применения собственниками или добросовестными пользователями адекватных законных мер с целью предотвращения несанкционированного доступа;

- необратимость наступления юридической или дисциплинарной ответственности за несанкционированный доступ к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено.

Обобщение позволяет нам охарактеризовать основные виды информации следующим образом.

Общедоступная информация (информация, доступ к которой не может быть ограничен) отражает уровень эффективности функционирования правовой системы и государства в целом, сообщает пользователям всех уровней о параметрах управляемой системы (объекта воздействия, предмета правоотношений), формирует основу для принятия решений, направленных на достижение экономических, культурных, социальных, общественно-политических целей. Общедоступная информация представлена такими видами информации: правовая, социально-экономическая, статистическая, архивная, экологическая, сведения о состоянии общественной безопасности, общедоступная информация, используемая для информационного обслуживания физических лиц.

Информация, распространение и (или) предоставление которой ограничено, – это любые сведения в любых формах, сохраненные на материальных носителях или отраженные в электронном виде, доступ к которым ограничен на основаниях, предусмотренных действующим законодательством Республики Беларусь их владельцем, уполномоченным пользователем, представителем владельца в связи со стремлением сохранить их ценность или конфиденциальность.

Для отечественного законодательства сохраняет свою актуальность проблема совершенствования основополагающих понятий информационного права в соответствии со свойствами информации как объекта правового регулирования. В теоретических изысканиях недостаточно внимания уделяется критерию ценности и значимости информации для субъектов правоотношений, особенностям физической формы распространения информации, динамике изменений полезности информации во временном пространстве. Детализация в этом направлении требует основательного изучения теоретических основ правового режима информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. О государственных секретах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-3: в ред. от 23 окт. 2014 г. № 196-3 // База данных «Законодательство стран СНГ». – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=31609. – Дата доступа: 21.03.2015.
2. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь № 455-3 от 10.11.2008: в редакции Закона № 102-3 от 04.01.2014 / База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=25309. – Дата доступа: 21.03.2015.
3. Салихов, И.И. Информация с ограниченным доступом как объект гражданских правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И.И. Салихов. – Казань, 2004. – 38 с.
4. Фатьянов, А.А. Тайна как социальное и правовое явление. Ее виды / А.А. Фатьянов // Государство и право. – 1998. – № 6. – С. 5–14.
5. Шитиков, А.В. Информация ограниченного доступа (тайны): понятие и проблемы классификации / А.В. Шитиков // Юрид. журнал. – 2008. – № 3. – С. 74–77.

Поступила 22.01.2016

TYPES OF INFORMATION

I. LYASKOVSKY

In the article the question of the classification of the main types of information. We analyze the legislation of the Republic of Belarus regulating social relations in the sphere of information. The characteristic of the types of information. The conclusion is that the national legislation urgent problem remains the improvement of the basic concepts of information law in accordance with the properties of information as an object of legal regulation.

Keywords: *information, the information component, public information, state secrets, information of limited distribution.*

УДК 346.5

О ПОНЯТИИ И ВИДАХ ПРОЦЕДУР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

канд. с.-х. наук А.В. ГОЕВ; С.В. ПЕТЛИЦКИЙ
(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

Рассматриваются правовая категория «экономическая несостоятельность (банкротство)», а также различные виды процедур экономической несостоятельности. На основе анализа нормативных правовых актов Республики Беларусь и Российской Федерации предлагается внести изменения и дополнения в национальное законодательство с целью дальнейшей унификации правовых систем союзных государств. Представлен анализ действующего законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве) методом сравнительного правоведения; выявлены различные аспекты комплексности правового института банкротства; рассмотрены понятия и виды процедур экономической несостоятельности (банкротства); исследованы особенности порядка применения данных процедур. Показано, что область применения обуславливается возможностью использования содержащихся в работе положений, выводов и предложений для более глубокого и детального изучения комплексного правового института экономической несостоятельности (банкротства).

Ключевые слова: экономическая несостоятельность, виды процедур экономической несостоятельности, правовой институт банкротства, метод сравнительного правоведения.

Введение. В процессе перехода Республики Беларусь к рыночной экономике, демократизации государственного аппарата и общественной жизни неизбежно возникает ряд проблем по обеспечению закрепленных в Основном Законе Республики Беларусь свобод хозяйственной и иной деятельности. Так, в соответствии со статьей 13 Конституции Республики Беларусь государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом; гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [1]. Исходя из вышесказанного следует указать на потребность в наиболее полном правовом регулировании экономической несостоятельности (банкротства) субъектов хозяйствования. В связи с развитием рыночных отношений в Республике Беларусь с каждым годом все больше возрастает роль института несостоятельности, так как без применения конкурсного права невозможно соразмерно распределить средства должника и покрыть убытки кредиторов. Особое место в научном исследовании института банкротства занимают вопросы, которые регулируют последовательность выполнения процедуры экономической несостоятельности субъектов хозяйствования, так как благодаря их осуществлению реализуются различные цели всего конкурсного производства.

Помимо рассмотренных положений действующего законодательства в основу научного исследования положены подходы ученых-правоведов: Д.Н. Бахраха, В.С. Белых, Д.И. Дедова, А.А. Дубинчина, М.Л. Скуратовского. Весь анализ проведенных ранее цивилистических исследований позволяет сделать вывод о том, что процедура экономической несостоятельности (банкротства) – это одна из важнейших составляющих института несостоятельности.

Цель представляемой работы заключается в комплексном, системном исследовании особенностей и порядка применения процедур экономической несостоятельности (банкротства), а также в выявлении существенных признаков данного понятия, способствующих его дальнейшему разграничению с иными категориями, применяемыми в законодательстве.

Основная часть. Термин «процедуры экономической несостоятельности (банкротства)» в течение последних лет интенсивно используется в юридической литературе при характеристике такого правового института, как экономическая несостоятельность (банкротство) субъекта хозяйствования. Кроме того, данный термин широко применяется в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации: статья 13 Закона Республики Беларусь от 13.07.2012 № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон об экономической несостоятельности) [2]; статья 24 Гражданского кодекса Республики Беларусь [3]; статья 27 Федерального закона Российской Федерации от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Федеральный Закон об экономической несостоятельности) [4].

Однако в законодательстве отсутствует определение термина «процедуры банкротства». Так, статья 13 Закона об экономической несостоятельности содержит исчерпывающий перечень процедур, которые применяются к субъектам хозяйствования, имеющим признаки экономической несостоятельности.

При рассмотрении дела об экономической несостоятельности (банкротстве) должника – юридического лица – применяются следующие процедуры экономической несостоятельности (банкротства):

- защитный период;
- конкурсное производство;
- мировое соглашение.

При рассмотрении дела об экономической несостоятельности (банкротстве) должника – индивидуального предпринимателя – могут применяться такие процедуры экономической несостоятельности (банкротства), как:

- защитный период – в случае необходимости завершения досудебного оздоровления, если оно не завершено до возбуждения производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве);

- конкурсное производство;
- мировое соглашение.

Конкурсное производство включает следующие процедуры:

- завершение подготовки дела к судебному разбирательству;
- санацию;
- ликвидационное производство.

Законодательство содержит лишь виды различных процедур, которые применяются в отношении экономически несостоятельного должника, однако отсутствует определение термина «процедуры экономической несостоятельности (банкротства)».

Как считает С.С. Алексеев, «любые понятия о праве, даже самые первичные, имеют абстрактный характер. Они при всей начальной простоте и элементарности выработаны наукой на основе многих и разнообразных фактических данных и данных других наук» [5, с. 31].

По нашему мнению, закрепление в законодательстве вышеназванной дефиниции является принципиально важным моментом, так как это необходимо для более эффективной реализации различных процедур банкротства в отношении несостоятельного субъекта хозяйствования.

Следует отметить тот факт, что в юридической науке не сложилось единого мнения по вопросу определения термина «процедуры экономической несостоятельности (банкротства)». Например, в отечественной литературе существует несколько подходов к пониманию рассматриваемого понятия. В широком смысле под ним понимаются методы, с помощью которых происходит реформирование субъектов хозяйствования [6, с. 13].

Некоторые ученые-цивилисты рассматривают вышеназванное понятие во взаимосвязи с правоотношениями, которые возникают при банкротстве. По их мнению, под процедурой экономической несостоятельности (банкротства) следует понимать стадию развития правоотношений банкротства, отличающуюся специфическими целями, правовым содержанием, порядком и последствиями ее применения [7, с. 19].

Представляет интерес позиция Д.И. Дедова, согласно которой под процедурами понимается «единая система правовых норм, в рамках которой основным критерием признания экономически несостоятельного должника банкротом выступает невозможность восстановления его платёжеспособности» [8, с. 33].

На наш взгляд, приведенные определения носят формальный характер и не раскрывают всю специфику рассматриваемых процедур. Более приемлемой представляется дефиниция, которую предлагают В.С. Белых, А.А. Дубинчин, М.Л. Скуратовский. По их мнению, процедура банкротства – это «установленный правовыми актами порядок применения допустимых законодательством мер к должнику, имеющему признаки банкротства или официально объявленному экономически несостоятельным» [9, с. 58]. Тем не менее вышеуказанная дефиниция содержит в себе не все значимые признаки процедур экономической несостоятельности (банкротства), с помощью которых отражается специфика данного понятия.

В целом можно вести речь о том, что процедуры несостоятельности (банкротства) относятся к процессуальным формам. Это объясняется тем, что данные процедуры осуществляются, как правило, в строго регламентированном порядке, а также с соблюдением всех процессуальных этапов, осуществляемых в ходе судебного производства.

Так, Д.Н. Бахрах отмечает: «Процедура властной государственной деятельности становится все более совершенной формой – юридическим процессом, когда она регулируется правовыми нормами и, что важно, регулируется полно, детально. Наличие отдельных и даже ряда процессуальных норм еще не превращает официальную процедуру в юридический процесс» [10, с. 22].

Процедуры экономической несостоятельности (банкротства) нельзя полностью урегулировать нормами процессуального права, так как их применение требует осуществления не только государственно-властной (распорядительной) деятельности государственных органов, но и принятия решений иными субъектами. К числу таких субъектов следует отнести должника, а также кредиторов и антикризисного управляющего. Именно поэтому, на наш взгляд, деятельность, которая осуществляется в ходе экономической несостоятельности (банкротства), именуется процедурами, а не процессом (ст. 13 Закона об эко-

номической несостоятельности). Также следует затронуть понятие «производство», которое используется не только в нормативных правовых актах, но и в научных работах ученых-правоведов. Указанное понятие можно соотнести с понятием «процесс». По мнению В.С. Белых, «данные понятия соотносятся между собой как общее и особенное. При этом производство – это часть процесса, а сам процесс – это совокупность производств» [11, с. 37]. Таким образом, представляется целесообразным термин «процесс» соотносить с термином «производство», а не «процедуры».

В Законе об экономической несостоятельности широко используется термин «меры». В частности, «меры по предупреждению экономической несостоятельности (банкротстве)» (ст. 17); «меры по обеспечению требований кредиторов» (ст. 40); «меры по восстановлению платежеспособности должника» (ст. 126); «меры по предупреждению банкротства банка и основания для их применения» (ст. 171) [2].

Для того чтобы разграничить вышеназванные понятия, необходимо в первую очередь уяснить их лексическое значение.

В словаре С.И. Ожегова даны следующие определения понятий «процедура» и «мера»:

- процедура (от фр. *proc'edure*; от лат. *procedere* – продвигаться) – официально установленная последовательность действий для осуществления или выполнения чего-либо [12, с. 402];

- мера – это действие или совокупность действий, средств для осуществления, достижения чего-либо [12, с. 307].

Исходя из приведенных дефиниций следует, что понятия «процедура» и «мера» имеют схожее значение. Различие состоит в том, что понятие «процедура» дополнительно характеризуется такими признаками, как последовательность, официальное установление. Однако термин «мера», на наш взгляд, можно с уверенностью считать родовым по отношению к термину «процедура».

Подведя итог вышесказанному, считаем необходимым определить основные правовые признаки, разграничивающие понятие «процедуры экономической несостоятельности (банкротства)» с иными схожими терминами, используемыми в законодательстве Республики Беларусь.

Исходя из того, что основной целью процедур в первую очередь является вывод субъекта хозяйствования из кризиса, а во вторую – удовлетворение требований кредиторов, в качестве правовых признаков будут выступать следующие:

- процедуры, регулирующие общественные отношения, складываются исключительно в сфере несостоятельности (банкротства);

- процедуры осуществляются поэтапно, то есть последовательно;

- процедуры применяются к субъекту хозяйствования, который имеет приобретенную или устойчивую неплатежеспособность.

Исходя из сказанного, можно сформулировать понятие процедур. *Процедуры экономической несостоятельности (банкротства)* – это официально установленная законодательством Республики Беларусь об экономической несостоятельности (банкротстве) последовательность действий (мер), применяемых к должнику, который имеет признаки банкрота или официально объявлен экономически несостоятельным, с целью удовлетворения интересов кредиторов, а также вывода субъекта хозяйствования из экономического кризиса.

Также желательно обратить внимание на вопрос, касающийся видов процедур экономической несостоятельности (банкротства). Как говорилось выше, данные виды закреплены в статье 13 Закона об экономической несостоятельности. При этом список процедур, указанных в данном Законе, является исчерпывающим. К примеру, рассмотрим статью 12 ранее действовавшего Закона об экономической несостоятельности, в котором закреплялось следующее:

При рассмотрении дела о банкротстве должника – юридического лица – применяются такие процедуры банкротства:

- защитный период;

- конкурсное производство;

- мировое соглашение;

- иные процедуры банкротства, предусмотренные настоящим Законом.

При рассмотрении дела о банкротстве должника – индивидуального предпринимателя – применяются следующие процедуры банкротства:

- конкурсное производство;

- мировое соглашение;

- иные процедуры банкротства, предусмотренные настоящим Законом.

Конкурсное производство включает следующие процедуры:

- санацию;

- ликвидационное производство [13].

В статье 27 Федерального Закона об экономической несостоятельности сказано:

При рассмотрении дела о банкротстве должника – юридического лица – применяются следующие процедуры банкротства:

- наблюдение;
- финансовое оздоровление;
- внешнее управление;
- конкурсное производство;
- мировое соглашение.

При рассмотрении дела о банкротстве должника – индивидуального предпринимателя – применяются следующие процедуры банкротства:

- конкурсное производство;
- мировое соглашение;
- иные предусмотренные настоящим Федеральным законом процедуры банкротства [4].

Таким образом, мы видим, что в ранее действовавшем Законе об экономической несостоятельности список процедур был не исчерпывающим, а конкурсное производство не включало в себя такую процедуру, как завершение подготовки дела к судебному разбирательству. Если же рассмотреть Федеральный Закон об экономической несостоятельности, можно заметить, что в нем список процедур, применяемых в отношении юридического лица, является исчерпывающим, а по отношению к индивидуальному предпринимателю – открытым. При этом российский законодатель не дифференцирует подвиды конкурсного производства, а наоборот, выделяет санацию в качестве самостоятельной процедуры (финансовое оздоровление). Также стоит отметить, что в Федеральном законе об экономической несостоятельности отсутствует такая процедура, как ликвидационное производство. По-видимому, российский законодатель включает эту процедуру в конкурсное производство.

На основании вышеизложенного приходим к выводу, что в законодательстве различных государств процедуры экономической несостоятельности классифицируются по-разному. В свою очередь, в науке также отсутствует единый подход к разрешению данного вопроса. Одни ученые-цивилисты подразделяют процедуры на судебные и внесудебные, другие правоведы предлагают иные классификации [14, с. 17]. По нашему мнению, следует исходить из того, применяются ли данные процедуры по отношению к юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю. Также требуется определить порядок ликвидации субъекта хозяйствования: общий или упрощенный.

Как отмечалось выше, каждая процедура экономической несостоятельности (банкротства) осуществляется последовательно, поэтому необходимо определить этапы ликвидации субъекта хозяйствования при общем и упрощенном порядках.

Этапы ликвидации при общем порядке:

- 1) составление и подача заявления о банкротстве;
- 2) возбуждение дела о банкротстве;
- 3) признание заявления судом обоснованным и введение наблюдения;
- 4) проведение процедуры наблюдения;
- 5) открытие конкурсного производства;
- 6) ликвидационное производство;
- 7) завершение ликвидационного производства и исключение из единого государственного реестра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Открытие конкурсного производства при общем порядке ликвидации включает проведение первого собрания кредиторов, завершение подготовки дела к судебному разбирательству, проведение санации и начало ликвидационного производства, которое, со своей стороны, включает инвентаризацию, оценку и реализацию имущества должника.

Этапы ликвидации при упрощенном порядке:

- 1) принятие решения о ликвидации;
- 2) подача в экономический суд заявления о банкротстве;
- 3) открытие конкурсного производства;
- 4) ликвидационное производство;
- 5) завершение ликвидационного производства и исключение из единого государственного реестра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Открытие конкурсного производства в упрощенном порядке включает в себя лишь завершение подготовки дела к судебному разбирательству, так как должник принял окончательное решение о ликвидации субъекта хозяйствования, и проведение мероприятий, направленных на финансовое оздоровление, нецелесообразно. Ликвидационное производство включает в себя: инвентаризацию, оценку, реализацию имущества и взыскание дебиторской задолженности с целью исполнения обязательств перед кредиторами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к индивидуальному предпринимателю целесообразно применять упрощенный порядок ликвидации, так как этот порядок является менее длительным, нежели общий. Однако по усмотрению суда может происходить ликвидация в общем порядке. Что касается юридического лица, то, на наш взгляд, ликвидация должна проходить в общем порядке. Если же все интересы и требования кредиторов были удовлетворены, то с их согласия юридическое лицо может ликвидироваться в упрощенном порядке. Тем самым учитываются права и законные интересы кредиторов. Организационно-правовая форма и структура юридического лица является достаточно сложной. Юридическое лицо, как правило, осуществляет большее количество хозяйственных операций, нежели индивидуальный предприниматель. Поэтому для избежания ошибок и с целью снижения затрат к юридическому лицу необходимо применять общий порядок ликвидации, а к индивидуальному предпринимателю – упрощенный.

Учитывая вышесказанное в целом, считаем, что статью 13 Закона Республики Беларусь об экономической несостоятельности необходимо дополнить такими процедурами, как наблюдение и внешнее управление. Суть процедуры наблюдения заключается в том, чтобы за определенный период изучить экономические показатели субъекта хозяйствования. Если антикризисный управляющий придет к выводу о том, что показатели финансово-хозяйственной деятельности можно улучшить до судебного разбирательства, он применит процедуру защитного периода. Согласно статье 1 Закона Республики Беларусь об экономической несостоятельности защитный период – процедура экономической несостоятельности (банкротства), применяемая к должнику с момента принятия экономическим судом заявления об экономической несостоятельности (банкротстве), в целях завершения досудебного оздоровления, а также проверки наличия оснований для открытия конкурсного производства и обеспечения сохранности имущества должника [2]. Исходя из этого, суть процедуры защитного периода заключается в досудебном оздоровлении организации и обеспечении сохранности ее имущества. Поэтому данные процедуры экономической несостоятельности (банкротства) следует рассматривать во взаимосвязи друг с другом.

Что же касается процедуры внешнего управления, то она содержит характерную особенность, которая не присуща другим процедурам экономической несостоятельности (банкротства) – введение «моратория» на требования кредиторов.

Данная процедура отсутствует в белорусском законодательстве. К примеру, в Российской Федерации процедура внешнего управления закреплена в главе VI Федерального закона об экономической несостоятельности [4].

В рамках данной процедуры внешний управляющий наделен специальной компетенцией, которая позволяет осуществлять «мораторий» в отношении предъявленных требований кредиторов. Это дает право должнику отсрочить исполнение обязательств. На наш взгляд, благодаря данной процедуре повышается вероятность восстановления платежеспособности организации и последующего удовлетворения требований кредиторов. Внешний управляющий составляет план, в котором содержатся меры, необходимые для восстановления платежеспособности субъекта хозяйствования. К таковым могут быть отнесены: реорганизация предприятия, закрытие убыточных производств, продажа части имущества должника, уступка прав требования, репрофилирование деятельности и др.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что процедуры наблюдения и внешнего управления необходимо закрепить в белорусском законодательстве, так как они являются неотъемлемой и важной частью законодательства об экономической несостоятельности. При этом процедура наблюдения позволяет в определенный период изучить все важнейшие показатели деятельности субъекта хозяйствования и в последующем принять рациональные, мотивированные решения по устранению признаков несостоятельности (банкротства). Процедура внешнего управления способствует недопущению «излишнего давления», осуществляемого со стороны кредиторов по отношению к должнику, что позволит субъекту хозяйствования принять меры к восстановлению платежеспособности. Стоит отметить и тот факт, что институт несостоятельности (банкротства) регулируется различными отраслями права. Так, например, прослеживается тесная взаимосвязь между трудовым, гражданским, финансовым, хозяйственным и иными отраслями права. Все это указывает на то, что институт несостоятельности (банкротства) является многоаспектным и полифункциональным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 г.: с изм. и доп. от 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
2. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г., № 415-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2014 № 104-3 // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 07 дек. 1998 г., № 218-3: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одоб. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2014 № 226-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
4. О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс]: Федер. закон, 26 окт. 2002 г., № 127-ФЗ: в ред. Федер. закона от 21 июля 2014 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2015.
5. Алексеев, С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 376 с.
6. Анохин, В.И. Предупреждение банкротства и восстановление платежеспособности несостоятельного должника / В.И. Анохин // Хозяйство и право. – 2008. – № 1. – С. 13.
7. Афанасьева, И.В., Белова, Д.А. Пути реформирования института мирового соглашения в делах о банкротстве / И.В. Афанасьева, Д.А. Белова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2001. – № 4. – С. 19.
8. Дедов, Д.И. Признаки несостоятельности как критерий эффективности нового закона о банкротстве / Д.И. Дедов // Хозяйство и право. – 1999. – № 8. – С. 33.
9. Белых, В.С. Правовые основы несостоятельности (банкротства): учеб.-практ. пособие / В.С. Белых, А.А. Дубинчин, М.Л. Скуратовский. – М.: Изд-во НОРМА, 2002. – 320 с.
10. Черных, Л.С. Актуальные проблемы дифференциации условий для объявления юридического лица банкротом / Л.С. Черных // Адвокатская практика. – 2008. – № 3. – С. 22.
11. Белых, В.С. Правовое регулирование цен и ценообразования в Российской Федерации: учеб.-практ. пособие / В.С. Белых, С.И. Виниченко. – М.: Изд-во НОРМА, 2002. – 354 с.
12. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Рус. яз., 1989. – 511 с.
13. Об экономической несостоятельности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2000 г., № 423-3: документ утратил силу, в связи с изданием Закона Республики Беларусь от 13.07.2012 № 415-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
14. Дорохина, Е.Г. Характер полномочий арбитражного суда в деле о банкротстве / Е.Г. Дорохина // Журнал российского права. – 2007. – № 8. – С. 17.

Поступила 21.03.2016

ON THE CONCEPT AND TYPES OF PROCEDURES ECONOMIC INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

A. HOEY, S. PETLICKI

The scientific article is devoted to research of the legal category of economic insolvency (bankruptcy), and various kinds of economic insolvency procedures. Based on the analysis of normative legal acts of the Republic of Belarus and the Russian Federation to submit proposals on making changes and amendments to the national legislation in order to achieve greater uniformity in the legal systems of the allied states. The objectives of the study are: analysis of current legislation on economic insolvency (bankruptcy) method of comparative law; revealing different aspects of the complexity of the legal institution of bankruptcy; review of the concepts and types of procedures of economic insolvency (bankruptcy); research of features about the application of these procedures. Application allows for the use of the provisions contained in the work, conclusions and proposals for more in-depth and detailed study of the complex legal institution of economic insolvency (bankruptcy).

Keywords: *economic failure, the types of procedures of economic insolvency, the legal institution of bankruptcy, the method of comparative law.*

УДК 347.122

ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО ПОКУПКИ ДОЛИ В ПРАВЕ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ

А.А. КАПИТАНОВА

(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

Рассматриваются проблемы преимущественного права покупки доли в праве общей собственности в гражданском законодательстве Республики Беларусь. Анализируется порядок извещения сосособственников о продаже доли, исследуется его правовая природа. Акцентируется внимание на проблеме, когда согласие на приобретение доли высказали несколько участников общей собственности. Внесены предложения по совершенствованию гражданского законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: *преимущественное право покупки, общая долевая собственность, сосособственник, доля, извещение, оферта, третье лицо.*

Введение. В современной белорусской цивилистике наибольший интерес среди преимущественных прав вызывает изучение преимущественного права покупки доли в праве общей долевой собственности. Право общей долевой собственности предполагает принадлежность вещи на праве собственности одновременно всем его участникам, вместе с тем каждому из них принадлежит право на определенную долю. В соответствии с пунктом 1 статьи 249 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) распоряжение имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех его участников [1]. Таким образом, не нарушая прав собственника доли, законодатель предусматривает некоторое ограничение в его праве свободного распоряжения своей долей. Такое ограничение закреплено в статье 253 ГК Республики Беларусь и представляет собой преимущественное право покупки доли в праве общей собственности, которое возникает у других сосособственников в случае продажи собственником принадлежащей ему доли третьему лицу.

Преимущественное право покупки доли в праве общей собственности в современной российской цивилистике неоднократно исследовалось Л.В. Кузнецовой, А.П. Фоковым, Э.П. Гавриловым, Н. Толчеевым, О. Селезневой, К. Скловским, М. Смирновой и другими учеными. Среди белорусских цивилистов такому преимущественному праву уделяли внимание Н.Л. Бондаренко, Ю.К. Грушецкий, К.Д. Дроздовская, Я.И. Функ и другие.

Несмотря на то, что порядок реализации названного преимущественного права закреплен в ГК Республики Беларусь, многие проблемные вопросы до сих пор остаются неурегулированными. В связи с этим считаем необходимым исследовать механизм осуществления преимущественного права покупки доли в праве общей собственности, выявить некоторые проблемы его правового регулирования и предложить пути их устранения.

Основная часть. Согласно пункту 1 статьи 253 ГК Республики Беларусь при продаже доли в праве общей собственности постороннему лицу остальные участники долевой собственности имеют преимущественное право покупки продаваемой доли по цене, за которую она продается, и на прочих равных условиях, кроме случая продажи с публичных торгов. Следует отметить, что участник общей долевой собственности может воспользоваться правом преимущественной покупки по действующему законодательству только тогда, когда доля продается именно постороннему лицу. При продаже ее кому-либо из участников общей собственности остальные сосособственники не имеют преимущественного права на приобретение отчуждаемой доли.

Продавец доли обязан известить в письменной форме остальных участников долевой собственности о намерении продать свою долю постороннему лицу с указанием цены и других условий, на которых он ее продает (п. 2 ст. 253 ГК Республики Беларусь). Законодатель четко определяет форму такого извещения – письменную, поэтому извещение в устной форме не может быть признано надлежащим. Вместе с тем законом не оговорены какие-либо особые требования к этой форме, но мы можем предположить, что при продаже доли третьему лицу, продавцом должен быть составлен документ, содержащий информацию о цене и других условиях продажи, который направляется сосособственникам. Уведомление о продаже доли может быть реализовано любым способом, позволяющим сделать вывод о том, что оно получено адресатом в определенное время. По мнению российского цивилиста Л.В. Кузнецовой, извещение о продаже доли может быть получено другими сосособственниками по почте, либо передано им непосредственно с отображением соответствующей росписи извещаемых участников общей собственности о получении такого извещения [2, с. 82]. Некоторые ученые полагают, что наиболее эффективным вариантом уведомления заинтересованных лиц о продаже доли является передача извещения соответствующего

содержания через нотариуса. Для того чтобы избежать проблемы при доказывании факта извещения, отмечает А.П. Фоков [3, с. 7], предпочтительно произвести его при участии нотариуса. Следовательно, как полагает Л.В. Кузнецова [2, с. 82], такой способ будет являться безусловным подтверждением надлежащего извещения обладателей преимущественного права покупки о продаже доли. В белорусской правовой доктрине аналогичной точки зрения придерживается Е.А. Корольчук [4, с. 53]. Действительно, в соответствии с пунктом 1 статьи 91 Закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» нотариус в качестве одного из нотариальных действий уполномочен передавать заявления граждан и юридических лиц другим гражданам и юридическим лицам, такие заявления передаются лично адресатам под расписку или направляются по почте с обратным уведомлением [5]. По всей видимости, и продавец доли может направить через нотариуса обладателям преимущественного права покупки заявление, которое содержит информацию о ее продаже. Однако полагаем, что такой порядок извещения в настоящее время применять нецелесообразно, так как это затруднительно с финансовой точки зрения для продавца доли и, учитывая загруженность нотариата, хлопотно для нотариуса.

Отметим, что на практике нередки случаи, когда отчуждающему собственнику неизвестно место проживания всех участников общей собственности, поэтому следует согласиться с Н. Толчеевым в том, что «требование об извещении можно признать выполненным, если продавец представит доказательства о направлении им уведомления о продаже доли по последнему известному месту жительства отсутствующих сосособственников и о том, что их место пребывания неизвестно» [6, с. 22]. Думается, что в качестве таких доказательств могут выступать копия извещения, направленного сосособственникам о продаже доли, а также, например, сообщение местной администрации, налоговых органов о задолженности отсутствующих лиц по уплате налогов, сборов и иных платежей по своей доле в общем имуществе и др.

Получив извещение о продаже, каждый из обладателей преимущественного права может согласиться на приобретение доли либо отказаться от покупки. В случае отказа собственник имеет право продать долю третьему лицу. Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 253 ГК Республики Беларусь, «если участники долевой собственности откажутся от покупки или не приобретут продаваемую долю в праве собственности на недвижимое имущество в течение месяца, а в отношении прочего имущества – в течение десяти дней со дня извещения, продавец вправе продать свою долю третьему лицу». Законодатель не закрепляет форму такого отказа. Логично предположить, что отказ от преимущественного права покупки должен быть совершен в письменной форме, как и извещение о предполагаемой продаже. Однако чаще отказ осуществляется путем бездействия и имеет место тогда, когда адресат не выразит желания приобрести предложенную ему долю в установленный срок. Как справедливо отмечает О. Селезнева, молчание в пределах установленного законом срока для осуществления преимущественного права покупки равносильно отказу [7, с. 38]. Обозначим, что оба вида отказа порождают одинаковые правовые последствия – продавцу предоставляется возможность предложить долю третьему лицу. Различие между ними состоит лишь в том, что прямой отказ действует с момента его получения продавцом, а отказ по умолчанию – по истечении срока, предоставленного для ответа. Кроме того, отказом от доли будет считаться тот случай, когда участники общей долевой собственности уклоняются от принятия извещения о предполагаемой продаже. Отказ от покупки доли действует и в том случае, когда продавец продает постороннему лицу долю по более высокой цене и на условиях, которые были указаны в извещении, или на более выгодных для продавца условиях. Во всех остальных случаях отказ от покупки не действует, а продавец доли, намеривающийся продать ее по меньшей цене или на иных условиях (например, в рассрочку), обязан направить остальным участникам общей собственности повторное извещение.

В российской правовой доктрине существует точка зрения, представители которой считают, что реальная фигура покупателя (третьего лица) при реализации преимущественного права покупки доли вовсе необязательна. Так, по мнению Э. Гаврилова, «нигде в законе не указывается на то, что в извещении должен быть упомянут предполагаемый покупатель – постороннее лицо» [8, с. 16]. Ученый отмечает, что предполагаемый покупатель может и не существовать, а продавец доли просто должен известить остальных участников долевой собственности о продаже доли постороннему лицу, надеясь, что он его найдет, либо, не надеясь на это, но желая выручить за долю более высокую цену. Белорусские цивилисты не обращались к исследованию данной проблемы. Также ГК Республики Беларусь не предусматривает необходимости указания в извещении о продаже доли данных о потенциальном покупателе. С целью сравнения обратимся к исследованию гражданского законодательства иностранных государств. Так, статья 815-14 Французского гражданского кодекса (далее – ФГК) содержит требование указывать полные данные о покупателе: «собственник неделимого имущества, который намеривается возмездно передать третьему лицу все или часть своих прав на общее имущество или на одну или несколько вещей из этого имущества, обязан сообщить во внесудебном порядке другим собственникам неделимого имущества о цене и условиях планируемой передачи, а также фамилию, место жительства и профессию лица, которое намеревается приобрести права» [9]. В статье 253 ГК Республики Беларусь прямо указано, что продавец доли обязан известить остальных участников долевой собственности о намерении продать свою долю кон-

кретному постороннему лицу с указанием цены и других условий продажи. При этом законодатель не уточняет, о каких «других условиях» идет речь. Возможно, речь идет о таких условиях продажи, как порядок оплаты, и сроках ее внесения, возможности рассрочки платежа и др. Думается, что в таком случае продавец уведомляет заинтересованных лиц о продаже доли, предварительно согласовав цену и другие условия продажи с конкретным потенциальным покупателем. Кроме того, посредством исследуемого нами преимущественного права реализуется интерес участников общей собственности в недопущении третьих лиц к владению, пользованию и распоряжению общим имуществом. Общая долевая собственность характеризуется сложным переплетением как внешних отношений, которые связывают сосособственников со всеми третьими лицами, так и внутренних, которые связывают между собой самих сосособственников. Последним далеко не безразлично, кто займет место лица, выбывающего из отношений общей собственности, к тому же сосособственники, как правило, заинтересованы в увеличении размера принадлежащих им долей. По нашему мнению, назначение преимущественного права покупки в праве общей собственности направлено, прежде всего, на сохранение целостности такой собственности и предполагает право сосособственников знать персоналию, которая может войти в их состав, поскольку они могут рассматривать такое лицо в качестве нового участника общей собственности. Поэтому сведения о потенциальном покупателе необходимы для принятия решения о реализации преимущественного права покупки либо об отказе от такого права. Учитывая опыт зарубежного законодателя, необходимо императивно обязать продавца доли указывать в извещении о продаже данные, позволяющие идентифицировать потенциального покупателя (третье лицо), который в будущем может стать сосособственником в праве общей долевой собственности. Таким образом, надлежащее извещение обладателей преимущественного права может быть соблюдено только при условии, что такое извещение будет содержать идентифицирующие данные о третьем лице, такие как имя и место жительства. По нашему мнению, такая юридическая процедура позволит создать дополнительные гарантии для защиты прав сосособственников в целях надлежащего извещения заинтересованных лиц об отчуждении доли.

Рассмотрев порядок извещения обладателей преимущественного права покупки о продаже доли, считаем уместным обратиться к исследованию его правовой природы. Из текста закона трудно уяснить, каково правовое значение такого извещения и можно ли его считать офертой. В частности, статья 253 ГК Республики Беларусь не содержит прямого ответа на этот вопрос. Нет однозначной позиции по этому поводу и в правовой доктрине. Некоторые ученые исходят из того, что извещение о продаже доли имеет характер оферты (предложения о заключении договора), поскольку лицо, которому адресовано такое извещение, вправе совершить действия, направленные на приобретение соответствующего имущества, а продавец, в свою очередь, не вправе уклониться от заключения договора купли-продажи. Так, Э.П. Гаврилов полагает, что извещение о продаже доли третьему лицу следует рассматривать в качестве оферты. По мнению ученого, «смысл извещения состоит не в том, что продавец извещает остальных участников долевой собственности о намерении продать свою долю третьему лицу, а в том, что он предлагает каждому из остальных участников купить ее у него. ...Значит, такое извещение является односторонней сделкой – офертой» [8, с. 17]. Названную точку зрения разделяют К. Скловский и М. Смирнова [10, с. 95], отмечая, что извещение продавца имеет характер оферты, поскольку субъект права преимущественной покупки вправе в ответ на данное заявление купить долю либо отказаться от ее покупки. Иное мнение высказывает А.П. Фоков: «правовая сущность извещения заключается только в информировании сосособственников о желании произвести отчуждение доли» [3, с. 7]. Схожую позицию занимают В.П. Камышанский и Е.В. Волкова: «в связи с тем, что преимущественное право не имеет характера права требования, а заключение договора с обладателем преимущественного права не является обязанностью продавца, нормы, определяющие характер и последствия уведомления о предстоящей продаже, не должны закреплять данное уведомление как оферту» [11]. В диссертационном исследовании «Преимущественное право покупки в гражданском праве Российской Федерации» [12] А.А. Онина также подвергает критике возможность рассматривать в качестве оферты уведомление управомоченных лиц о предстоящей продаже доли. В своей работе автор доказывает, что такое уведомление носит исключительно информационный характер.

Анализ научных позиций вышеназванных цивилистов позволяет нам говорить об отсутствии в них единства во взглядах на правовую природу извещения о продаже доли в праве общей собственности, поэтому считаем необходимым высказать свою точку зрения по данному вопросу. По нашему мнению, чтобы решить названную проблему, необходимо уяснить, характеризуется ли исследуемое нами извещение признаками, которые необходимы для признания его офертой. Так, в соответствии со статьей 405 ГК Республики Беларусь «офертой признается адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определенно и выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение». Как видим, оферта должна содержать явно выраженное намерение оферента считать себя заключившим договор с лицом, которому она направлена, при этом оферент должен быть свободен в своем волеизъявлении. Волеизъявление является офертой только в том случае, если оно однозначно отражает желание и волю

уведомляющего лица получить акцепт и установить на изложенных в оферте условиях правовую связь с акцептантом. На наш взгляд, извещение о продаже доли не соответствует такому признаку оферты, как ее направленность, ведь суть такого извещения состоит в информировании, уведомлении собственников о продаже доли третьему лицу, посредством чего фактически испрашивается согласие на отчуждение продаваемой доли. Продавец доли извещает остальных участников собственности о ее продаже только после того, как определен «посторонний» покупатель и с ним оговорены все существенные условия будущего договора. Такое действие продавца, обоснованно указывает Б. Гончикнимаева [13, с. 112], служит для собственников лишь сигналом о предполагаемой продаже доли третьему лицу. Далее, оферта всегда является результатом воли субъектов гражданского права, а обязанность направить извещение собственникам установлена императивным предписанием закона. Зачастую владелец доли заинтересован в продаже её именно постороннему лицу, а не другому участнику общей собственности, но он ограничен законом, обязывающим его предложить такую долю другому собственнику. Солидаризируемся с Н. Толчеевым в том, что «извещение участников общей долевой собственности о продаже доли направляется не по усмотрению собственника, а в силу обязательного для него предписания закона, и не выражает его волю на обязательное заключение договора с адресатом» [14, с. 21]. Кроме того, бывают ситуации, когда после направления извещения собственникам о продаже доли у ее владельца отпадут основания для продажи. В таком случае он должен уведомить повторно обладателей преимущественного права покупки о том, что продажи доли не будет. Если же предположить, что извещение о продаже доли является офертой, то такой «задний ход» продавца доли может привести к нарушению прав собственника, который потенциально является стороной в договоре купли-продажи. Представляется, что в данном случае извещение о продаже доли третьему лицу носит информативный характер, его правовое значение заключается только в уведомлении остальных участников о продаже доли, что нельзя расценивать как предложение заключить договор. Такое извещение следует считать лишь вызовом на оферту, так как воспринявший такую информацию участник долевой собственности принимает для себя решение реализовать свое преимущественное право либо отказаться от его реализации. По этим соображениям извещение о намерении продать свою долю третьему лицу нельзя расценивать как оферту.

Проанализируем ситуацию, когда согласие на приобретение доли высказали несколько собственников. Заметим, что в белорусском гражданском законодательстве данная проблема не нашла своего отражения. Вместе с тем в теории гражданского права существуют три основных подхода к ее решению.

Сторонники *первого подхода* считают, что договор купли-продажи доли следует заключить с каждым собственником, выразившим согласие на покупку, но в отношении не всей доли, а ее соответствующей части, определяемой размером доли в праве общей собственности, принадлежащей данному собственнику. «Поскольку право приобрести продаваемую долю, пишет Э. Гаврилов, – основывается на том, что любой потенциальный покупатель уже является владельцем имеющейся у него доли, то потенциальные покупатели имеют право купить ту часть отчуждаемой доли, которая пропорциональна долям, имеющимся у них» [8, с. 17]. В некоторых иностранных государствах такая позиция закреплена законодательно. Так, в пункте 2 статьи 1073 Гражданского кодекса Латвийской Республики указано, что «если об использовании права первой покупки или выкупа заявляют вместе несколько общих собственников, то они получают отчужденную долю вместе и разделяют ее между собой поровну, если сами не договорились иначе» [15, с. 370]. В статье 815-14 ФГК закреплено, что, «если несколько собственников неделимого имущества осуществляют свое право преимущественного приобретения, они считаются приобретшими вместе часть проданного пропорционально их долям» [9].

Анализируя вышеназванные положения, приходим к выводу, что такой научный подход основан на возможности применения к преимущественному праву покупки доли в праве общей собственности положений преимущественного права покупки в корпоративных правоотношениях. Так, согласно пункту 2 статьи 92 ГК Республики Беларусь участники общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) пользуются преимущественным правом покупки доли участника пропорционально размерам своих долей, если уставом общества не предусмотрен иной порядок осуществления этого права. На наш взгляд, применение по аналогии положений статьи 92 ГК Республики Беларусь в данном случае не представляется возможным, поскольку это специальная норма по отношению к статье 253 ГК Республики Беларусь и распространяется только на случаи, связанные с преимущественным правом покупки доли в ООО. Совершенно очевидно, что среди условий продажи центральное место принадлежит условию о предмете договора (в данном случае – доля в праве собственности). В связи с тем, что продавец доли намерен продать ее целиком (размер такой доли обязательно указывается в извещении), а договор купли-продажи может быть заключен только на условиях, указанных в извещении, следует отметить, что любые изменения условий продажи, в том числе и такие, как дробление доли, невозможны. Таким образом, как справедливо предусмотрено статьей 472 Гражданского уложения Германии [16, с. 111], если преимущественным правом покупки обладают несколько лиц совместно, оно может быть осуществлено только полностью.

Представители *второго подхода* придерживаются позиции, что договор купли-продажи заключается с тем лицом, кто первым обратился к продавцу. Так, по мнению С.А. Денисова [17, с. 36], договор должен быть заключен с тем участником общей долевой собственности, который первым откликнется на извещение продавца. Отметим, что известить всех сособственников одновременно о продаже доли зачастую не представляется возможным, кто-то из них получает извещение раньше, кто-то позже. Если предположить, что привилегию имеет тот сособственник, который уведомлен раньше других и первым обратился к продавцу доли с желанием реализовать свое преимущественное право, то права других сособственников на приобретение доли будут ущемлены, что приведет к нарушению принципа равенства участников гражданских отношений. Соблюдение такого гражданско-правового принципа определяется сохранением баланса интересов всех участников гражданских правоотношений, обеспечением их равноправия и независимости друг от друга, выражающейся в исключении подчинения одной стороны другой. В данном случае важно исходить из того, что преимущественное право покупки направлено прежде всего на защиту законных интересов всех обладателей такого права, и никто не должен быть обделен. Поэтому такой подход мы считаем спорным.

Третий подход в решении исследуемой нами проблемы заключается в том, что продавец доли имеет право самостоятельно выбрать покупателя среди сособственников, изъявивших желание приобрести долю. В частности, А.П. Фоков писал: «продавец вправе произвольно выбрать потенциального покупателя из сособственников, обладающих преимущественным правом» [3, с. 7]. Если преимущественным правом покупки пожелают воспользоваться несколько участников общей долевой собственности, то, как полагает О. Селезнева [7, с. 37], выбирать, кому из них продавать свою долю, будет продавец. На наш взгляд, не вызывает сомнений тот факт, что преимущественное право покупки доли в равной мере принадлежит всем участникам общей собственности. Вместе с тем продавец доли свободен в заключении договора и имеет право выбора контрагента по договору купли-продажи доли, что соответствует принципу свободы договора, поскольку в основе договорных отношений лежит свободно выраженная воля сторон, которые действуют в своем интересе. Кроме того, немаловажно отметить, что такой научный подход уже нашел свое правовое закрепление в гражданских законодательствах некоторых стран СНГ. Так, в пункте 3 статьи 362 Гражданского кодекса Украины закреплено: «если желание приобрести долю в праве общей частичной собственности обнаружили несколько совладельцев, продавец имеет право выбора покупателя».

Резюмируя, можно отметить, что если несколько участников общей долевой собственности выразили намерение приобрести продаваемую долю, ее собственник вправе выбрать одного из участников и заключить с ним договор купли-продажи доли. Полагаем, что такой подход согласуется с требованиями принципа свободы договора и статьи 210 ГК Республики Беларусь, закрепляющей право собственника самостоятельно распоряжаться своим имуществом. С целью единообразного применения норм статьи 253 ГК Республики Беларусь предлагаем дополнить ее пунктом 6 и изложить его в следующей редакции: «в случае, если желание приобрести долю в праве общей долевой собственности изъявили несколько участников, продавец доли имеет право выбрать покупателя».

Заключение. Подводя итоги исследования, приведенного в рамках настоящей работы, и руководствуясь высказанными соображениями, представляется логичным констатировать:

- анализ правовой природы извещения о продаже доли при реализации преимущественного права покупки доли в праве общей собственности позволяет нам сделать вывод о том, что оно не имеет характерных признаков, позволяющих расценивать его как оферту. Такое извещение является только приглашением делать оферты на заранее известных условиях, адресованных вполне определенному кругу лиц;

- считаем необходимым императивно закрепить обязанность продавца доли указывать в извещении о продаже идентифицирующие данные о третьем лице – имя и место жительства. Такой порядок, по нашему мнению, позволит обеспечить надлежащее уведомление обладателей преимущественного права покупки о продаже доли и защиту их прав;

- в том случае если приобрести долю пожелают сразу несколько участников общей собственности, право выбора покупателя принадлежит продавцу доли. Для реализации этого правового положения предлагается дополнить статью 253 ГК Республики Беларусь пунктом 6 следующего содержания: «в случае если желание приобрести долю в праве общей долевой собственности изъявили несколько участников, продавец доли имеет право выбрать покупателя».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 18.03.2016.

2. Кузнецова, Л.В. Некоторые проблемы осуществления преимущественного права покупки доли в праве общей долевой собственности / Л.В. Кузнецова // Журнал российского права. – 2006. – № 4. – С. 81–89.
3. Фоков, А.П. Теоретические и практические проблемы распоряжения имуществом, находящимся в общей долевой и совместной собственности / А.П. Фоков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2003. – № 11. – С. 5–10.
4. Корольчук, Е.А. Некоторые проблемы реализации преимущественного права покупки доли в праве общей собственности / Е.А. Корольчук // Юридический журнал. – 2008. – № 2. – С. 51–54.
5. О нотариате и нотариальной деятельности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 18.03.2016.
6. Толчеев, Н. Преимущественное право покупки доли жилого дома (квартиры) / Н. Толчеев // Российская юстиция. – 2000. – № 7. – С. 20–23.
7. Селезнева, О. Право преимущественной покупки и отказ от него / О. Селезнева // Правовые вопросы недвижимости. – 2006. – № 1. – С. 37–39.
8. Гаврилов, Э. Преимущественное право покупки / Э. Гаврилов // Российская юстиция. – 2001. – № 2. – С. 16–17.
9. Французский гражданский кодекс [Электронный ресурс]. – Минск, 2016. – Режим доступа: <http://forum.yurclub.ru/index.php?app=core&module.94669>. – Дата доступа: 18.03.2016.
10. Скловский, К. Институт преимущественной покупки в российском и зарубежном праве / К. Скловский, М. Смирнова // Хозяйство и право. – 2003. – № 10. – С. 88–98.
11. Камышанский, В.П. Осуществление преимущественных прав в отношениях по отчуждению имущества / В.П. Камышанский, Е.В. Волкова [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.
12. Онина, А.А. Преимущественное право покупки в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.А. Онина. – Краснодар, 2009. – 20 с.
13. Гончикнимаева, Б. Извещение о намерении продать долю в праве общей собственности / Б. Гончикнимаева // Хозяйство и право. – 2006. – № 1. – С. 111–115.
14. Толчеев, Н. Является ли извещение о преимущественном праве покупки офертой? / Н. Толчеев // Российская юстиция. – 2003. – № 7. – С. 21.
15. Гражданский кодекс Латвийской Республики / науч. ред. и предисл. Н.Э. Лившиц; обзорная ст. А.В. Свиб; пер. с латыш. под рук. И. Алферовой. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – 830 с.
16. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к гражданскому уложению; пер. с нем.; науч. ред. А.Л. Маковский [и др.]. – М.: Волтер Клувер, 2004. – 816 с. – (Серия «Германские и европейские законы». Кн. 1).
17. Денисов, С.А. Преимущественное право на заключение договора как институт, устанавливающий пределы свободы заключения договора / С.А. Денисов // Законодательство. – 1997. – № 2. – С. 34–39.
18. Гражданский кодекс Украины: Комментарий. – Т. I. – Изд. второе. – Х.: ООО «Одиссей», 2004. – 832 с.

Поступила 21.03.2016

PREEMPTIVE RIGHTS OF THE PURCHASE OF PORTION IN THE RIGHT OF THE GENERAL PROPERTY

A. KAPITANOVA

Article is dedicated to some problems of preemptive rights of purchase of portion in the right of general property in the civil legislation of the Republic of Belarus. Is analyzed the order of the notice of sособstvennikov about sale of portion, is investigated its lawful nature. Attention in the problem, when agreement for the acquisition of portion they expressed several participants in the general property, is accentuated. Are carried out proposals for the improvement of the civil legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: preemptive rights of purchase, general longitudinal property, co-owner, portion, notice, oferta, third face.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.4

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА

канд. юрид. наук **О.С. БОЧАРОВА**
(Академия МВД Республики Беларусь, Минский филиал РГСУ)

Рассматриваются вопросы уголовной ответственности за контрабанду культурных ценностей, установленной в законодательстве трех государств-членов Таможенного союза. Проведен анализ уголовно-правовых запретов, установленных в законодательстве государств-членов Таможенного союза. Сформулированы предложения по повышению эффективности противодействия незаконному перемещению культурных ценностей через границу, совершенствованию и унификации национального уголовного законодательства, созданию специальных реестров похищенных и незаконно вывезенных культурных ценностей. Обоснована необходимость развития международного сотрудничества по борьбе с контрабандой культурных ценностей.

Ключевые слова: Таможенный союз, культурные ценности, контрабанда, уголовная ответственность, международное сотрудничество.

Три страны Таможенного союза – Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация – вступили во второй этап интеграционного образования: создали единую таможенную территорию. Таможенные органы трех стран следят за тем, чтобы все процессы осуществлялись без нарушений, в соответствии с законодательством. В настоящее время составы уголовных преступлений в таможенном законодательстве трех стран в основном схожи. Вместе с тем имеются и определенные отличия, в частности относительно такого состава, как контрабанда культурных ценностей, которые нами будут рассмотрены.

Основная часть. Противодействие контрабанде культурных ценностей представляет комплекс организационно-правовых мероприятий по выявлению, пресечению, профилактике и раскрытию преступлений, связанных с незаконным перемещением культурных ценностей через таможенную границу, осуществляемый с привлечением организационных, административно-правовых, технологических средств таможенного и пограничного контроля, а также оперативно-розыскных методов и средств.

В соответствии со статьей 217 Основ таможенных законодательств государств-участников Содружества Независимых Государств (приняты Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 10 февраля 1995 г.) контрабандой признаются следующие два состава преступления.

К *первому составу* отнесем перемещение через таможенную границу определенного государства помимо таможенного контроля или с сокрытием; с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации; сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием предметов художественного, исторического и археологического достояния народов, совершенное в крупных размерах или с использованием служебного положения должностного лица либо должностным лицом с использованием своего служебного положения, или лицом, уполномоченным на перемещение через таможенную границу определенного государства отдельных предметов, освобожденных от определенных форм таможенного контроля, либо группой лиц, организовавших для занятия контрабандой.

Ко *второму составу* отнесем невозвращение на таможенную территорию определенного государства предметов художественного, исторического и археологического достояния народов, вывезенных за пределы таможенной территории определенного государства, если такое возвращение является обязательным, либо перемещение предметов через таможенную границу определенного государства путем ее прорыва, выразившегося в их открытом перемещении через таможенную границу государства вопреки прямому запрету присутствовавшего при этом должностного лица, осуществляющего таможенный контроль.

Национальным законодательством могут признаваться контрабандой иные нарушения таможенного законодательства, а также определять условия привлечения лиц к ответственности.

Рассмотрим, как эти два уголовно-правовых запрета реализованы в законодательстве государств-членов Таможенного союза. Вопросы, связанные с незаконным перемещением через границу культурных ценностей, суть контрабандой, рассматривались многими авторами как в рамках научных исследований [1–12], так и в диссертационных работах [13–21]. Контрабанда рассматривалась авторами как уголовное и экономическое преступление с точки зрения уголовного права, международного и частного права, криминологии, социологии, культурологии.

Республика Беларусь. В соответствии с частью 1 статьи 228 «Контрабанда» Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ), уголовная ответственность наступает за перемещение в крупном размере через таможенную границу Республики Беларусь товаров и ценностей, запрещенных или ограниченных к такому перемещению. Культурные ценности как предмет преступного посягательства в диспозиции уголовно-правовой нормы прямо не указаны и охватываются общим понятием «ценности, запрещенные или ограниченные к перемещению». Объективная сторона преступления выражается в действии – перемещении через таможенную границу культурных ценностей в крупном размере. К объективной стороне относятся способы совершения преступления: помимо (в обход) таможенного контроля, путем сокрытия от таможенного контроля, с обманным использованием документов или средств идентификации, утаиванием от декларирования, путем внесения в таможенную декларацию недостоверных сведений. Состав преступления формальный и считается оконченным с момента совершения любого из перечисленных действий с культурными ценностями и перемещение их через таможенную границу. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Субъект – общий (по некоторым признакам специальный – должностное лицо).

В примечании к статье 228 УК РБ указывается, что контрабанда в части 1 статьи 228 Кодекса признается совершенной в крупном размере, если стоимость перемещаемых одним лицом или группой лиц товаров и ценностей превышает в две тысячи раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления. Такая конструкция уголовно-правовой нормы приводит к тому, что в большинстве случаев по факту незаконного перемещения культурных ценностей через таможенную границу Республики Беларусь возбуждается производство об административном таможенном правонарушении, а не уголовное дело.

Основной же состав преступления, предусмотренного частью 1 и частью 2 статьи 228 УК РБ, является единым составом преступления с альтернативными признаками, характеризующими предмет преступления, в целях дифференциации уголовной ответственности. Дифференциация уголовной ответственности с использованием конструкции единого состава преступления с альтернативными признаками осуществляется законодателем с учетом разной величины общественной опасности деяния, совершенного при наличии тех или иных альтернативных признаков, его характеризующих. Чтобы учесть это обстоятельство, законодатель распределяет признаки состава преступления по нескольким частям, санкции которых начинаются с санкции части второй и более строги по сравнению с санкцией части первой. Так, за действия, связанные с контрабандой культурных ценностей (ч. 1 ст. 228 УК РБ), предусмотрена менее строгая ответственность (альтернативный признак – перемещение через таможенную границу товаров и ценностей в крупном размере) – штраф или ограничение свободы на срок до пяти лет, или лишение свободы на этот же срок.

Единый состав контрабанды с альтернативными признаками (ч. 1 ст. 228 УК РБ) выступает в качестве основного состава преступления по отношению к квалифицированному составу этого преступления, предусмотренного частью 3 и частью 4 этой статьи. Квалифицированный состав контрабанды культурных ценностей (состав преступления сотягчающими признаками) представляет собой перемещение культурных ценностей одним из способов, совершенное (ч. 3 ст. 228 УК РБ):

- *группой лиц по предварительному сговору.* Преступление признается совершенным группой лиц, если хотя бы два лица совместно участвовали в совершении данного преступления в качестве его исполнителей. Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если исполнители заранее договорились о совместном совершении данного преступления (ст. 17 УК РБ);

- *лицом, ранее судимым за контрабанду.* Лицо считается судимым со дня вступления в законную силу приговора суда вплоть до погашения или снятия судимости, если приговор не был отменен в установленном порядке (ч. 2 ст. 45 УК РБ);

- *должностным лицом с использованием своих служебных полномочий.* Для квалификации контрабанды культурных ценностей по данному признаку необходимо установить, что лицо использовало для совершения этого преступления свое должностное положение. Однако по делам о контрабанде культурных ценностей недостаточно четко определен круг субъектов, относящихся к должностным лицам, в результате чего возникают определенные сложности с квалификацией этого преступления. Понятие должностного лица содержится в части 4 статьи 4 УК РБ;

- *с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль.* Насилие может быть как психологическим (угроза применения физического насилия), так и физическим (нанесение побоев, причинение легкого, средней тяжести и тяжкого вреда здоровью потерпевшего).

Особо квалифицированный состав контрабанды (совершение преступления организованной группой) содержится в части 4 статьи 228 УК РБ. Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено двумя или более лицами, предварительно объединившимися в управляемую устойчивую группу для совместной преступной деятельности. Руководители организованной группы несут ответственность за все совершенные группой преступления, если эти преступления охватывались их умыслом. Другие участники организованной группы несут ответственность только за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали. Закон связывает возможность наступления уголовной ответственности с крупным размером контрабанды культурных ценностей.

Статьей 230 УК РБ установлена уголовная ответственность за умышленное невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей. Объектом преступления является установленный порядок вывоза из Республики Беларусь и возвращения на ее территорию историко-культурных ценностей, временно вывозимых за пределы страны с обязательством их обратного ввоза в оговоренный срок, в целях сохранения культурного наследия. Предметом данного преступления являются только историко-культурные ценности Республики Беларусь.

С объективной стороны преступное деяние, предусмотренное статьей 230 УК РБ, в отличие от контрабанды, может быть совершено только путем бездействия, суть которого состоит в невыполнении обязанностей, вытекающих из договора о возвращении историко-культурных ценностей. Лицо не подлежит уголовной ответственности, если оно не имеет реальной возможности вернуть культурные ценности (например, ценности утрачены в результате стихийного бедствия, военных действий). Деяние является оконченным после истечения срока, установленного для возвращения культурных ценностей на территорию Беларуси. Состав преступления – формальный. Местом совершения преступления признается территория соответствующего государства.

Субъективная сторона характеризуется виной в виде прямого умысла. Лицо осознает, что не возвращает в установленный срок на территорию Республики Беларусь историко-культурные ценности, вывезенные за ее пределы, и желает этого. Под субъектом данного преступления понимают гражданина, достигшего 16-летнего возраста, вменяемого, являющегося: либо собственником историко-культурных ценностей, осуществившим временный вывоз названных предметов за границу с условием их возврата; либо уполномоченным собственником этих историко-культурных ценностей на их временный вывоз за границу; либо сотрудником юридического лица, осуществившего временный вывоз за границу Республики Беларусь историко-культурных ценностей, на которого были возложены обязанности по возвращению этих предметов в установленные сроки на территорию Республики Беларусь.

Невозвращение вывезенных историко-культурных ценностей из-за границы необходимо отличать от их хищения, совершенного лицом, не являющимся собственником этих предметов. В последнем случае лицо изначально не собиралось возвращать эти ценности в Республику Беларусь, имея корыстную цель их присвоения. Рассматриваемое преступление необходимо разграничивать и с контрабандой (ч. 1 ст. 228 УК РБ), уголовная ответственность за которую наступает в случае, если историко-культурные ценности перемещаются через таможенную границу Республики Беларусь незаконно.

Республика Казахстан. В Республике Казахстан с января 2015 года уголовная ответственность установлена за экономическую контрабанду, а именно за *перемещение в крупном размере* через таможенную границу Таможенного союза товаров, ценностей или других предметов, запрещенных или ограниченных к перемещению через таможенную границу, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу, *совершенное* помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации, либо *сопряженное* с недекларированием или недостоверным декларированием (ст. 234 УК). Культурные ценности относятся к числу вещей, в отношении которых установлены специальные правила перемещения в связи с вступлением в силу нового Уголовного кодекса Республики Казахстан.

В соответствии со статьей 1 Закона Республики Казахстан «О культуре» к культурным ценностям отнесены предметы культурного наследия светского и религиозного характера, а также иные ценности, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение. К культурным ценностям относятся, например: археологические памятники, археологические находки и открытия; редкие рукописи, старинные книги, документы и издания, представляющие особый интерес (исторический, художественный, научный, литературный), отдельно или в коллекциях; старинные и уникальные музыкальные инструменты; объекты, связанные с историческими событиями в жизни народа Республики Казахстан, развитием общества и государства, историей науки и техники, а также жизнью выдающихся деятелей науки, государства, культуры, в том числе музейные предметы и музейные коллекции.

Законом Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Казахстан «О культуре»» от 27 мая 2010 года введено новое понятие «художественные ценности», под которыми понимаются произведения культуры, литературы и искусства, созданные в результате творческой деятельности.

С *объективной стороны* контрабанда характеризуется: сокрытием от таможенного контроля товаров или иных ценностей и предметов; их перемещением помимо таможенного контроля; их недекларированием или недостоверным декларированием; обманным использованием таможенных и других документов или средств таможенной идентификации. Для признания таких действий преступными наступление каких-либо вредных последствий не требуется. Субъективная сторона – умысел, субъект преступления – общий. Крупный размер для статьи 234 УК в соответствии со статьей 3 УК Республики Казахстан составляет стоимость перемещенных культурных ценностей, превышающая пять тысяч месячных расчетных показателей.

Российская Федерация. Частью 1 статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) «Контрабанда ... культурных ценностей...» установлена ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо государственную границу Рос-

сийской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС культурных ценностей в крупном размере. Статья 226.1 введена в УК Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ, в соответствии с которым утратила силу статья 188 «Контрабанда» УК РФ.

Преступление, предусмотренное статьей 226.1 УК РФ, посягает на общественную безопасность, которая и входит в понятие «объект преступления» как один из признаков состава преступления. Предметом данного преступления выступают культурные ценности в крупном размере, перечень которых определен в статье 7 ФЗ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15 апреля 1993 года № 4804-I (с изм. и доп.) [23]. При решении вопроса о наличии в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного данной статьей, необходимо устанавливать принадлежность незаконно перемещенных предметов к перечисленным в этой статье предметам контрабанды, а именно к культурным ценностям. Если для решения вопроса о том, являются ли предметы контрабанды культурными ценностями, требуются специальные познания, то по делу необходимо проведение экспертизы.

Культурными ценностями, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС или Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, являются движимые предметы художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации, указанные в Законе РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (в ред. от 06.12.2011) [23], включая культурные ценности, не подлежащие вывозу из Российской Федерации, перечень которых установлен статьей 9 этого Закона.

Основанием для пропуска указанных ценностей через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС или Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС является свидетельство, выданное на основании решения федерального органа, который уполномочен осуществлять государственный контроль за ввозом и вывозом (в том числе временным) культурных ценностей.

Вопрос о принадлежности товаров или иных предметов, незаконно перемещенных через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС или Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, к категории культурных ценностей, должен разрешаться с учетом заключения экспертов и в соответствии с федеральным законодательством в области охраны объектов культурного наследия и контроля за вывозом из Российской Федерации и ввозом на ее территорию культурных ценностей. Следует принимать во внимание, что заявленные к вывозу, временному вывозу, а также возвращенные после временного вывоза культурные ценности подлежат обязательной экспертизе, которая должна проводиться специалистами, уполномоченными на осуществление этой деятельности в соответствии с Положением о проведении экспертизы и контроля за вывозом культурных ценностей, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 27.04.2001 № 322.

Объективная сторона преступления заключается в незаконном перемещении (ввоз, вывоз, транзит) культурных ценностей через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС указанных предметов контрабанды.

Незаконное перемещение культурных ценностей через таможенную границу заключается в их перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС или Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным декларированием или недекларированием предметов, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о предметах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим предметам средств идентификации.

В соответствии со статьей 2 Таможенного кодекса Таможенного союза единую таможенную территорию Таможенного союза составляют территории Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, а также находящиеся за пределами территорий государств-членов Таможенного союза искусственные острова, установки, сооружения и иные объекты, в отношении которых государства-члены Таможенного союза обладают исключительной юрисдикцией. Пределы таможенной территории Таможенного союза являются таможенной границей Таможенного союза. В соответствии с международными договорами государств-членов Таможенного союза таможенной границей могут являться пределы отдельных территорий, находящихся на территориях государств-членов Таможенного союза.

С субъективной стороны рассматриваемое преступление характеризуется прямым умыслом. Субъект преступления – общий. Субъектом преступления может быть вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Размер перемещаемых через таможенную границу культурных ценностей как предметов контрабанды является обязательным признаком этого состава преступления. Согласно примечанию 2 данной статьи крупным размером культурных ценностей признается их стоимость, превышающая 1 млн рублей (Федеральный закон от 23.07.13 № 245-ФЗ) [24].

Квалифицированный состав преступления составляют те же деяния, совершенные: должностным лицом с использованием своего служебного положения (ч. 2); с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль (ч. 2); организованной группой (ч. 3).

В этом случае наступает более строгая ответственность (ч. 2 ст. 226.1 Уголовного кодекса). В тех случаях, когда контрабанда культурных ценностей признается совершенной организованной группой, по части 3 данной статьи квалифицируются действия всех участников организованной группы, а не только тех, кто непосредственно перемещал культурные ценности как предметы контрабанды через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС или Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (например, действия участников организованной группы, которые приобрели культурные ценности за границей в целях их ввоза на таможенную территорию Таможенного союза, содействовали их незаконному перемещению в пункте таможенного контроля или фальсифицировали документы, представленные при таможенном оформлении, выступали в качестве транспортных экспедиторов контрабандного груза).

В статье 190 УК РФ установлена ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей. Объектом данного преступления выступают общественные отношения в сфере внешнеэкономической деятельности Российской Федерации. Предметом преступления являются культурные ценности, перечень которых определен в статье 7 Федерального закона «О вывозе и ввозе культурных ценностей» [23]. Согласно Закону Российской Федерации «О вывозе и ввозе культурных ценностей» уполномоченный орган государственного контроля за вывозом и ввозом культурных ценностей (Минкультуры России) составляет перечень культурных ценностей, подпадающих под действие этого Закона.

С *объективной стороны* данное преступление характеризуется как бездействие, проявляющееся в сознательном невозвращении в установленный срок указанных предметов, вывоз которых из Российской Федерации был временным. По статье 190 УК РФ может квалифицироваться неисполнение обязанности возвратить на территорию Российской Федерации только таких культурных ценностей, которые были временно вывезены за ее пределы на законном основании. Законными основаниями вывоза следует признавать не только формальное соблюдение разрешительной процедуры вывоза культурных ценностей, завершающейся выдачей соответствующего свидетельства, заключением договора. На оценку вывоза как незаконного влияет и то обстоятельство, что лицо, заключая договор, предусматривающий возвращение культурных ценностей в установленный в нем срок, не собирается ценности возвращать. В этом случае лицо использует полученные им документы для незаконного перемещения ценностей через таможенную границу обманными способами, а потому содеянное должно квалифицироваться по статье 226.1 УК РФ.

Следует учитывать, что допускается вывоз таких предметов только на определенный срок и законодательством устанавливается порядок их обязательного возврата. Невозвращение указанных предметов означает вывоз на законных основаниях и оставление данных предметов на территории иностранного государства после окончания обусловленного договором срока, при отсутствии объективных обстоятельств, препятствующих их возврату (военные действия, стихийные бедствия и другие причины). Преступление признается оконченным по истечении срока, обязательного для возврата вывезенных ценностей, при наличии реальных условий для их возврата.

Состав невозвращения является формальным, то есть оконченным с момента несоблюдения действий по возвращению предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран, при этом под невозвращением понимается оставление их на территории иностранного государства по истечении обусловленного договором срока [10]. Преступление считается оконченным по истечении срока, до наступления которого лицо, получившее разрешение на временный вывоз культурных ценностей, было обязано согласно договору возвратить ценности на территорию Российской Федерации (предмет и субъект договора прописан в статье 27 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей»). Лицо несет ответственность в том случае, если объективные обстоятельства не препятствуют ему выполнить свои обязательства по возврату ценностей в означенный в договоре срок.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Субъектом преступления является лицо, обязанное в соответствии с вышеназванным договором вернуть ценности в Россию. Преступление совершается умышленно, то есть виновный отказывается от их возвращения, будучи осведомлен об обязательном характере такого возвращения. Если лицо, на котором лежит обязанность возвратить на территорию Российской Федерации предметы, названные в статье, не являясь собственником временно вывезенного имущества, совершит, находясь за границей, хищение этих предметов, то оно должно нести ответственность и по статье 190, и за преступление против собственности (с учетом ч. 1 ст. 12 УК РФ). Однако если вывоз культурных ценностей за границу по замыслу посягателя был лишь частью объективной стороны хищения, то деяние квалифицируется только как хищение, поскольку действия, являющиеся частью объективной стороны преступления, нельзя расценить как временный вывоз ценностей, совершенный на законных основаниях.

Выводы. В целях унификации национального законодательства государств-членов Таможенного союза целесообразно устранить установленные определенные различия, имеющиеся в названиях уголовно-правовых норм, в составах преступлений (в частности, в диспозициях уголовно-правовых норм Республики

Беларусь и Республики Казахстан культурные ценности как предметы контрабанды прямо не называются, а охватываются общим понятием «ценности, запрещенные или ограниченные к перемещению через таможенную границу»), в санкциях уголовно-правовых норм Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан. Это же касается и сумм, в которых нашло выражение крупного размера контрабанды культурных ценностей – различия в понимании крупного ущерба существенны.

В целях предотвращения незаконного перемещения через границу государств-членов Таможенного союза культурных ценностей, а также регистрации фактов пропажи (хищения) культурных ценностей целесообразно сформировать во всех государствах-членах Таможенного союза базы данных (реестры или регистры) похищенных, незаконно вывезенных культурных ценностей и законно вывезенных, но не возвращенных в страну культурных ценностей. Ведение таких баз данных или реестров могут осуществлять как Главные информационные аналитические центры МВД стран Таможенного союза с возможностью доступа и обмена информацией, так и специально созданный для этого межгосударственный орган. Все организации и учреждения, связанные с хранением и (или) реставрацией культурных ценностей, должны предоставлять информацию о похищенных и пропавших культурных ценностях. Так, например, информация, помещаемая в Регистр пропавших (похищенных) культурных ценностей, должна содержать акт о пропаже или хищении, составленный в момент обнаружения и фиксирующий обстоятельства пропажи, и полное и подробное описание пропавших (похищенных) культурных ценностей со всеми идентификационными признаками культурной ценности и ее полноцветное изображение в графическом файле. К дополнительной информации можно отнести научную атрибуцию культурной ценности и состояние ее сохранности. Для обеспечения полноты данной информации следует заранее описать и зафиксировать все культурные ценности, находящиеся на хранении и (или) реставрации. Это облегчит поиск пропавших (похищенных) культурных ценностей и позволит впоследствии проведение соответствующих идентификационных исследований и судебных искусствоведческих экспертиз.

В целях повышения эффективности противодействия контрабанде культурных ценностей необходимо развивать сотрудничество с международными организациями, которые ведут борьбу с контрабандой культурных ценностей, например, в рамках Конвенции УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям (1995 г.). Основные цели данной Конвенции – защита культурного достояния и культурных обменов; содействие эффективной борьбе с незаконной перевозкой и торговлей культурными ценностями; реституция и возврат культурных ценностей; разработка и применение реестров культурных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалько, В.Г. Новые проблемы квалификации контрабанды культурных ценностей по признакам объекта и предмета преступления / В.Г. Беспалько // Публичное и частное право. – 2013. – № 1. – С. 86–93.
2. Зуева, Е.В. Вопросы международно-правовой политики в борьбе с контрабандой культурных ценностей: Актуальность и реальность / Е.В. Зуева // Экономические и правовые реформы в Российской Федерации / Ин-т междунар. права и экономики им. А.С. Грибоедова. – М., 1999. – С. 25–29.
3. Лайтман, Е.В. Уголовно-правовые вопросы борьбы с контрабандой / Е.В. Лайтман // Налоговые и иные экономические преступления: сб. науч. ст. / под ред. проф. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 2001. – Вып. 3. – С. 108–116.
4. Клебанов, Л.Р. Контрабанда культурных ценностей как экономическое преступление / Л.Р. Клебанов // Законодательство. – 2012. – № 1. – С. 63–72.
5. Кочубей, М.А. Основания уголовной ответственности за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: ст. 190 УК РФ / М.А. Кочубей // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2005. – № 2. – С. 376–379.
6. Озернюк, Е.П. Проблемы пресечения контрабанды культурных и исторических ценностей / Е.П. Озернюк // Актуальные проблемы политики. – 2001. – Вып. 12. – С. 477–478.
7. Рогатых, Л.Ф. Квалификация контрабанды: учеб. пособие / Л.Ф. Рогатых. – СПб., 1999.
8. Русанов, Г.А. Борьба с контрабандой культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические вопросы / Г.А. Русанов. – М.: Юрлитинформ, 2010.
9. Русанов, Г.А. Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран (ст. 190 УК РФ) / Г.А. Русанов // Новый юрид. журнал. – 2012. – № 3. – С. 148–152.
10. Фомичев, С.А. Борьба с контрабандой культурных ценностей / С.А. Фомичев; отв. ред. А.И. Чучаев. – Калуга: Политоп, 2005.
11. Шарапов, Н.Н. Культурные ценности и проблемы ответственности за их незаконное перемещение через таможенную границу Российской Федерации / Н.Н. Шарапов // Актуальные проблемы юридической ответственности. – Тольятти, 2003. – С. 277–284.

12. Шилин, Д.В. Проблемы применения конфискации предмета преступления при контрабанде культурных ценностей / Д.В. Шилин // Совершенствование уголовного законодательства в современных условиях: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 мая 2011 г. / БИЭПП-БИИЯМС; редкол.: В.Б. Малинин [и др.]. – СПб., 2011. – С. 607–610.
13. Васильев, Д.В. Контрабанда культурных ценностей: криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Васильев; Моск. гос. юрид. акад. – М., 2008.
14. Вершков, В.В. Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Вершков. – М., 2005.
15. Грозин, В.Ю. Актуальные вопросы предварительного расследования по делам о невозвращении на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Ю. Грозин. – М., 2007.
16. Грязнов, А.В. Контрабанда (ст. 188 УК РФ). Историко-правовое, социологическое, уголовно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Грязнов. – М., 2000.
17. Дранников, А.В. Уголовная ответственность за контрабанду предметов, ограниченных в гражданском обороте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Рост. юрид. ин-т МВД России. – Ростов н/Д, 2000.
18. Душкин, С.В. Уголовно-правовые меры борьбы с контрабандой. Вопросы дифференциации ответственности и индивидуализации наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. – М., 2000.
19. Овчинникова, С.А. Методика расследования контрабанды культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Овчинникова; С.-Петерб. ун-т МВД России. – СПб., 2001.
20. Ходанов, А.И. Организационно-правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности таможенных органов в борьбе с контрабандой культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Ходанов; Рос. тамож. акад. – М., 2007.
21. Чудинов, А.И. Защита культурных ценностей от незаконного ввоза, вывоза за пределы государств и передача права собственности на них: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Чудинов. – Л., 1990.
22. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ [Электронный ресурс] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 26. – Ст. 2519; 2006. – № 1. – Ст. 10; № 52. – Ст. 5498; 2007. – № 1. – Ст. 21; № 27. – Ст. 3213; 2011. – № 49. – Ст. 7015; 2013. – № 30. – Ст. 4078; 2014. – № 43. – Ст. 5799 // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://yandex.by/search/?text>. – Дата доступа: 09.03.2015.
23. О вывозе и ввозе культурных ценностей: Закон Рос. Федерации от 15 апр. 1993 г. № 4804-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 29 июля 1993 г. – № 20. – Ст. 718; действует с учетом изм. и доп., внес. Федеральными законами от 6 дек. 2011 г. № 409-ФЗ, 2 нояб. 2004 г. № 127-ФЗ, 23 июля 2008 г. № 160-ФЗ, 17 июля 2009 г. № 150-ФЗ и 1 июля 2011 г. № 169-ФЗ.
24. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – 29 июля – № 30. – Ч. I. – Ст. 4078.

Поступила 04.11.2015

**CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL BORDER CROSSINGS CULTURAL PROPERTY:
COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF LEGISLATION OF RUSSIAN FEDERATION
AND THE MEMBER STATES CUSTOMS UNION**

O. BOCHAROVA

The article deals with the criminalization of smuggling of cultural property set out in the legislation of three Member States of the Customs Union. The article analyzes the criminal - legal prohibitions established by the laws of the – members of the Customs Union, the proposals for improving the efficiency of countering the illicit movement of cultural property across the border, improvement and harmonization of national criminal law, the establishment of special registers of Stolen or Illegally Exported Cultural Objects, the necessity of the development of international cooperation to combat smuggling of Cultural Property.

Key words: Customs Union, cultural values, contraband, criminal responsibility, international cooperation.

УДК 343.2(476)

**УЧАСТИЕ ГРАЖДАН НА ДОВЕРИТЕЛЬНОЙ ОСНОВЕ В БОРЬБЕ
С КОРРУПЦИОННЫМИ И ИНЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ПРОЯВЛЕНИЯМИ****В.А. КУРЯКОВ***(Полоцкий государственный университет)*

Рассматриваются в рамках сравнительно-правового анализа закрепленные в национальном законодательстве современные формы взаимодействия (сотрудничества) граждан с государством в борьбе с преступностью. Отдельно исследуется норма-новелла (ст. 39) Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией», устанавливающая гарантии применения мер безопасности и выплату вознаграждения физическому лицу, способствующему выявлению коррупции.

Ключевые слова: преступность, правопорядок, граждане, государство, сотрудничество, поощрение.

Конституция Республики Беларусь не содержит нормы, в которой было бы закреплено право граждан непосредственно выполнять функции, присущие органам государственной власти, в частности в сфере борьбы с преступностью. Тем не менее совокупный анализ ряда положений Основного Закона (ст. 2, 10, 21 и др.) позволяет сделать вывод, что участие граждан в обеспечении правопорядка является одной из форм выражения народовластия [1].

В целях укрепления правопорядка, сокращения антиобщественных проявлений во всех сферах жизнедеятельности общества в рамках реализации стратегии уголовной политики в Республике Беларусь на законодательном и организационном уровне разрабатываются и реализуются комплексы мер, направленных на повышение эффективности деятельности правоохранительных и других государственных органов, общественных объединений, в том числе и расширение участия *граждан* (выд. авт. – **В. К.**) в борьбе с преступностью.

Учитывая специфические особенности участия граждан в обеспечении правопорядка в сравнении с профессиональной деятельностью должностных лиц правоохранительных органов, правовая регламентация оснований такого сотрудничества (взаимодействия) физических лиц с государством требует особо тщательной продуманности, максимально точного определения их статуса, системы мер поощрения и защиты от возможных угроз со стороны преступной среды. По указанным основаниям полагаем, что проведение в рамках настоящего исследования сравнительно-правового анализа современного национального законодательства, в положениях которого закреплены формы участия граждан в борьбе с преступностью, в том числе с такими общественно опасными проявлениями, как правонарушения коррупционной направленности, будет иметь не только информационно-познавательное, но в определенной мере и научно-практическое значение.

Основная часть. Вопросы юридического регулирования оснований участия граждан в охране правопорядка и их формы содействия (сотрудничества) в современном национальном законодательстве получили свое закрепление в ряде законодательных актов, среди которых к основополагающим можно отнести следующие:

- Закон Республики Беларусь от 26.06.2003 № 214-З (с изм. и доп.) «Об участии граждан в охране правопорядка»;
- Закон Республики Беларусь от 17.07.2007 № 263-З (с изм. и доп.) «Об органах внутренних дел»;
- Закон Республики Беларусь от 10.11.2008 № 453-З (с изм. и доп.) «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»;
- Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности»;
- Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией».

На научно-теоретическом уровне их можно систематизировать в единый блок нормативных правовых актов по ряду признаков.

Так, в статье 3 Закона 2003 года «Об участии граждан в охране правопорядка» закреплено положение, что «*Предметом регулирования настоящего Закона являются общественные отношения, возникающие в связи с участием граждан Республики Беларусь... в охране правопорядка*» (выд. авт. – **В. К.**), под которым понимается процесс соблюдения, исполнения, использования и применения законов и подзаконных актов, итог воплощения законности в реальные общественные отношения [2].

В статье 7 Закона 2007 года «Об органах внутренних дел» говорится, что «*Граждане могут добровольно участвовать в решении задач, стоящих перед органами внутренних дел*» [3]. Законодательное право и обязанность **граждан** «...оказывать содействие милиции в охране общественного порядка

и борьбе с преступностью» было продекларировано в статье 7 ранее действовавшего Закона 1991 года (с неоднакр. изм. и доп.) «О милиции» [4].

В новом российском Законе односторонней направленности «О полиции» 2015 года в части 1 статьи 10 указывается, что «Полиция при осуществлении своей деятельности взаимодействует с другими правоохранительными органами, ... и *гражданами*» [5].

На более высоком уровне правовой конкретики формы практического содействия (помощи) *граждан* в борьбе с преступностью получили свое законодательное закрепление в положениях Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [6].

Фактически перечень названных нормативных правовых актов, объединенных и общим предметом правового регулирования – участие *граждан* в борьбе с *преступностью*, является *исчерпывающим*. Другие юридические акты, в том числе и с грифом «Совершенно секретно», затрагивающие в разных объемах вопросы правовой регламентации правоотношений, возникающих между гражданами и государством в связи с их участием в выявлении правонарушений, за которые установлена административная или уголовная ответственность, не содержат самостоятельных предметов правового регулирования. Основное назначение таких подзаконных нормативных правовых актов – конкретизация базовых положений, прописанных в законах, а также определение механизма их практической реализации.

Вторым условием, объединяющим указанные законы как бы в один правовой блок, является выделение через толкование норм группы признаков, по которым представляется возможным установить точно адресата, то есть к кому (по субъектному признаку) они (законы) обращены. Этим адресатом является физическое лицо или в социальном понимании – *обычный гражданин*, не занимающийся борьбой с преступностью на профессиональном уровне, а соответственно, не обладающий какими-либо специальными юридически властными полномочиями.

По нашему мнению, базовым законом, устанавливающим общую стратегию формирования институтов взаимоотношений государства и граждан в борьбе с преступностью, является Закон 2003 года «Об участии граждан в охране правопорядка». В нем адресат, задачи и цели сформулированы максимально конкретно: а) *гражданин* как центральная фигура и основной юридический субъект; б) *формы* его участия в охране правопорядка.

Как определил законодатель в статье 6 Закона, «Граждане могут реализовывать свое право в охране правопорядка в следующих формах: индивидуальное участие; внештатное сотрудничество с правоохранительными органами; участие в объединениях, содействующих правоохранительным органам в охране правопорядка; членство в добровольных дружинах».

С позиции общей теории права названный закон следует отнести к категории нормативно-правовых актов общей юрисдикции. Любые другие законы, в которых гражданин также назван в числе субъектов борьбы с преступностью, содержат помимо общих условий дополнительные признаки, которые отражают специфические особенности его правового статуса, а также определяют признаки органа государственного управления, с которыми возникли правоотношения [3; 7] и др.].

Например, в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» многочисленные положения имеют адресатом гражданина, вступившего в правоотношения с оперативно-розыскными службами для участия в борьбе с преступностью, но на *конфиденциальной* основе (ст. 2, 10, 14 и др.) [6]. В Законе «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (ст. 7 называется «Взаимодействие органов внутренних дел с другими государственными органами, иными организациями и *гражданами*» [3]. Здесь конкретизированы юридические признаки второй стороны *правоотношений* – органы внутренних дел. В числе субъектов, призванных вести борьбу с коррупцией, в статье 39 Закона «О борьбе с коррупцией» конкретно выделена и такая фигура, как *физическое лицо, сообщившее о факте правонарушения, создающего условия для коррупции* [8; 9]. Отличительный признак *сферы* участия гражданина в борьбе с преступностью – ее *коррупционная* направленность.

Более подробное исследование общих и специальных статусных признаков гражданина как субъекта имеет определенное практическое значение и для правильного разграничения их правового положения в законах общей и специальной юрисдикции. Соответственно, представляется возможным получить ответ на вопрос, в рамках каких законов гражданин выступает *общим* субъектом, в каких – *специальным*. Подобная конкретизация, полагаем, имеет и научно-практическое значение, ибо с этими условиями связана различная правовая регламентация положений, определяющих формы содействия (сотрудничества), систему мер поощрительного характера, основания и объем государственной защиты и др. Выделим для анализа несколько направлений.

1. Наличие в современной национальной правовой системе *группы* нормативных правовых актов, в которых в числе других субъектов назван и *гражданин* как *носитель* конституционного права на участие в борьбе с преступностью, не исключает возможности возникновения такого явления, как *конкуренция* норм.

Как следствие, конкуренция может вызывать у субъектов правоотношений (граждане, представители ОВД, оперативно-розыскных подразделений и др.) неверное представление о своем правовом статусе.

Не вызывает принципиальных возражений условие, что гражданин, вступивший с государством в специфические правоотношения, наполненные нередко достаточно высоким уровнем личного риска, имеет право максимально точно ориентироваться в содержании правового поля, в пределах которого нормативно определен его соответствующий правовой статус, конкретно обозначены права и обязанности, границы дозволенного, пределы правомерности участия в охране правопорядка. Нормативная прозрачность статутного положения, очевидно, будет способствовать и формированию у гражданина *уверенности в правоте своего участия в борьбе с преступности, в соответствии своих действий требованиям законности, в наличии правовой защищенности и т.д.*

2. Следующее информационное направление для исследования – это ситуации, когда:

а) участие гражданина в охране правопорядка (в борьбе с преступностью) выражается в статусе, *точно прописанном в законах* (член добровольной народной дружины, внештатный сотрудник, лицо, сотрудничающее на конфиденциальной основе в соответствии с законодательством об оперативно-розыскной деятельности). В указанных нормативных правовых актах максимально конкретизированы условия и требования к основаниям возникновения правовой связи гражданина с соответствующим органом государственного управления (органом внутренних дел, их оперативно-розыскными подразделениями и др.);

б) участвующее в борьбе с преступностью физическое лицо не имеет дополнительных специальных статусных признаков или, образно выражаясь, оно – *обычный рядовой гражданин*. Рассматриваемый вариант близок по своей фактической и правовой природе с таким неизвестным ранее национальному законодательству явлением, которое впервые получило свое правовое закрепление в статье 23 Закона 2006 года «О борьбе с коррупцией» и было перенесено в полном объеме с небольшим дополнением и уточнением в содержание статьи 39 Закона 2015 года «О борьбе с коррупцией»: **«Физическое лицо, сообщившее о факте правонарушения, создающего условия для коррупции, коррупционного правонарушения или иным образом способствующее выявлению коррупции»** (выд. авт. – В. К.) [8; 9]. Отличительные признаки здесь связаны с особенностями объекта общественно опасного посягательства – правонарушения *коррупционной* направленности.

3. Рассматривая в сравнительном анализе этапы становления и развития национального законодательства, регламентирующего взаимоотношения граждан и государства в сфере охраны правопорядка, по нашему мнению, имеются достаточные основания для вывода, что нормотворческая деятельность в этом направлении *не была простой и безупречной* на предмет ее способности создать необходимые условия для сотрудничества в строгом соответствии с требованиями законности и обеспечения безопасности граждан, принявших участие в борьбе с преступностью. Не является она такой, как представляется, и в настоящее время, хотя прогресс в этом направлении очевиден.

Так, например, принятый в 1991 году Закон «О милиции», выступающей в качестве основного субъекта в системе государственных структур, противодействующих преступности, в целях совершенствования его правовых возможностей результативно воздействовать на состояние правопорядка в стране неоднократно корректировался [4]. В 2007 году вместо Закона «О милиции» был принят новый, более разработанный нормативный правовой акт под названием Закон «Об органах внутренних дел», совершенствование содержания которого продолжается и сегодня [3].

На территории Республики Беларусь как суверенного государства Закон «О борьбе с коррупцией» был впервые принят в 1993 году, структура которого состояла всего из *трех статей* декларативной направленности. Определение понятия «коррупция» отсутствовало, не было сказано и о возможном участии *граждан* в качестве субъекта в борьбе с коррупционными проявлениями [10].

Новый Закон Республики Беларусь от 26.06.1997 «О борьбе с организованной преступностью и коррупцией» значительно расширил сферу нормативной регламентации противодействия коррупционным проявлениям, однако в число официальных субъектов, осуществляющих выявление и борьбу с коррупционными преступлениями, *граждане* вновь не были включены (названы) [11].

Учитывая наличие многочисленных пробельных мест в законе 1997 года (с послед. изм. и доп.), что не позволяло разрешать на правовом уровне возникающие в практической деятельности принципиально спорные вопросы, зарубежный опыт и активизацию государства в борьбе с коррупцией, в 2006 году была принята новая, более совершенная редакция антикоррупционного закона. Именно в положениях этого правового акта *граждане* были **впервые** названы в качестве самостоятельных субъектов борьбы с коррупционными проявлениями [8].

Принципиально важным явилось включение в Закон положения (ст. 23), в котором закреплена принятая государством обязанность защищать эту категорию граждан за содействие в борьбе с преступностью в случае возникновения угрозы их правоохраняемым интересам [8].

Например, в части 1 статьи 23 Закона 2006 года законодательно получило закрепление следующее условие: «Физическое лицо, сообщившее о факте правонарушения, связанного с коррупцией, или иным образом способствующее выявлению коррупции, находится под защитой государства». Более конкретно **основания** применения мер обеспечения безопасности физическому лицу, способствующему выявлению коррупции, его супругу (супруге), близким родственникам или свойственникам, законодатель сформулировал в части 2 этой же статьи. Применяв бланкетную конструкцию диспозиции нормы, показал, что при наличии оснований, перечисленных в части 2 статьи 23 Закона, указанным лицам «**гарантируется применение мер по обеспечению безопасности в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь**» [8].

Названное положение было перенесено и в статью 39 Закона «О борьбе с коррупцией» в редакции 2015 года с одновременным расширением *перечня признаков физических лиц*, имеющих право на государственную защиту. К этой категории Законом 2015 года отнесены не только лица, *сообщившие* о факте правонарушения, связанного с коррупцией, или иным образом *способствующие* выявлению коррупции (редакция ч. 1 ст. 23 Закона 2006 г.), но и впервые *сообщившие о факте правонарушения, создающего условия для коррупции*.

4. Однако наряду с очевидно положительной направленностью проведенной корректировки специальной нормы [9], каковой является статья 39, при более углубленном изучении ее конструкции и правового содержания обнаруживается принципиально важное, по нашему мнению, негативное обстоятельство. В частности, требуется *юридически правильно* ответить, прежде всего, на такой вопрос: к какому «...законодательству...» апеллирует часть 2 статьи 39 Закона «О борьбе с коррупцией»?

В Законе Республики Беларусь от 13.12.1999 «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, сотрудников органов государственной охраны», в статье 3 законодатель определил исчерпывающий перечень лиц, подлежащих государственной защите в соответствии с указанным законом: судьи, должностные лица правоохранительных органов, должностные лица контролирующих органов, близкие, то есть речь идет исключительно о специальных субъектах [12]. Следовательно, положения названного закона не могут применяться для защиты интересов обычных граждан, участвующих в борьбе с преступностью.

Очевидно, что под этим «... законодательством...» подразумеваются исключительно положения главы 8 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) под названием «**Меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц**» [13]. Другого законодательного акта, призванного регламентировать основания и порядок применения мер по обеспечению безопасности именно *обычных граждан, в национальной правовой системе нет*.

Как следует из буквального толкования статьи 39 Закона «О борьбе с коррупцией» в редакции 2015 года, на правовую *защиту* может рассчитывать только физическое лицо, имеющее *статус участника уголовного процесса*, а также члены его семьи и близкие. Понятие членов семьи и близких в точных определениях дается в нормах иных отраслей права, следовательно, и установление их процессуального статуса не может вызывать трудностей (см. ч. 2 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь и др.) [14].

Анализ оснований применения мер по обеспечению безопасности и указанного в части 1 статьи 65 УПК перечня субъектов, имеющих право на государственную защиту, который может рассматриваться как исчерпывающий, показал, что сложным (не бесспорным) остается вопрос: *каков же статус* физического лица, которое *сообщило* соответствующим органам «...о факте правонарушения, создающего условия для коррупции, коррупционного правонарушения, или иным образом способствовало выявлению коррупции...»?

Есть **два варианта** ответа:

1) если физическое лицо является *участником уголовного процесса* (вероятнее всего, оно может выступать в качестве свидетеля, потерпевшего), применение мер безопасности в случае возникновения для этого оснований *будет соответствовать* нормативным положениям главы 8 УПК;

2) исходя из опыта продолжительной работы в оперативно-следственных подразделениях системы МВД, считаем обоснованным высказать суждение, что не всегда, в частности, *физическое лицо*, сообщившее о коррупционном (ых) проявлении (ях), *согласится стать впоследствии и участником уголовного процесса*. Например, путем *официального закрепления в процессуальной форме его заявления (сообщения)* о коррупционном преступлении с указанием всех установочных данных лица-информатора, как этого требует УПК. Более того, как показывает практика, подобный вариант поведения-уклонения ставится гражданином нередко *одним из принципиальных условий* передачи правоохранительным органам коррупционной информации по схеме типа: «Я вам информацию, а вы меня не видели и не слышали».

Причин для подобного отказа гражданина более чем достаточно, ибо именно с этого момента и может возникнуть опасность его правоохраняемым интересам. Полагаем, что в этом нет ничего противоестественного, как и нет открытого проявления неуважительного отношения к государству и его

правовой системе. Это субъективная позиция гражданина, в какой внешней форме выразить свое отношение к участию в борьбе с преступностью. Здесь есть и еще одно обстоятельство, о котором нельзя не сказать. В силу причин *субъективного* (личного) или *объективного* характера (сам информатор проговорился, произошла утечка служебной тайны в системе органов уголовного преследования, что, однако, не исключается, и др.) *об источнике криминальной информации стало известно субъектам коррупционных преступлений* со всеми вытекающими из этого общественного опасными для информатора последствиями.

Как в таких ситуациях может быть обеспечена очевидно необходимая для гражданина именно указанной категории (*не является субъектом уголовного процесса*) безопасность? По нашему мнению, *четко прописанных* правовых оснований обеспечения защиты граждан, сообщивших о коррупции и не являющихся официальными участниками уголовного процесса, *уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает*.

В пункте 16 Научно-практического комментария к статье 65 УПК Республики Беларусь его авторами высказано суждение следующего характера: «Согласно пункту 49 статьи 6 УПК лица, подавшие заявления и сообщения о преступлении, *не относятся к участникам уголовного процесса*» [13]. А далее делается вывод, фактически *противоречащий* первой части комментария: «Однако орган уголовного преследования согласно статье 67 УПК в случае необходимости должен принять решение о применении мер безопасности и в отношении этих лиц» [13].

По нашему мнению, позиция далеко не бесспорная. Ведь ни в пункте 49 статьи 6 УПК, ни в статье 67 УПК законодатель не выделил в самостоятельную процессуальную фигуру гражданина, который, сообщив о коррупционном преступлении, не посчитал для себя возможным стать *официальным участником уголовного процесса*. Подобный вывод возможен при условии использования разработчиками комментария к статье 65 УПК приема так называемого *расширительного толкования*, что в целом допустимо в рамках научных рассуждений, но ни в коем случае не в сфере реального правоприменения. Одновременно фактически предлагается руководствоваться разъяснениями и предложениями, основанными на применении закона *по аналогии*.

Ссылку на статью 67 УПК не представляется возможным признать юридически корректной и по тем основаниям, что в ней законодатель предусматривает возможность в рамках реализации мер по обеспечению безопасности выполнить такие действия, как изменение «фамилии, имени, отчества, других анкетных данных, изменение сведений о месте жительства и работы (учебы) в *заявлениях и сообщениях о преступлениях*», то есть в официальных процессуальных документах, которых в рассматриваемых ситуациях нет. Но таких процессуальных документов нет, а есть неофициальная информация.

Допускаем предположение, что исключительно из позитивных побуждений и *в целях как бы восполнения пробела в законе* авторы комментируемой статьи, применив некорректные и противоречащие принципу законности приемы толкования положений нормы, предложили *уравнять* в праве на защиту со стороны государства двух *разных* в уголовно-процессуальном понимании субъектов (*один имеет статус участника уголовного процесса, второй – нет*). То есть по аналогии распространить действие закона по государственной защите на лицо, которое в этом же законе не получило своего правового определения, соответственно, и не приобрело право на защиту.

При этом, как представляется, игнорируется еще одно принципиально значимое условие. Если бы с принятием мер по обеспечению безопасности гражданина не было связано совершение ряда юридически значимых процессуальных действий, в том числе влекущих наступление существенных юридически значимых последствий, можно было бы и согласиться с предложением ученых-юристов *устранить пробел в законе на уровне субъективного комментария*. Но согласятся ли с подобным, не бесспорным с позиции законности предложением должностные лица, наделенные правом принимать ответственные управленческие решения о применении мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса (следователь, прокурор, другие должностные лица)? Вопрос далеко не риторический.

Не следует забывать и о таком обстоятельстве: как негативно может повлиять неполная правовая регламентация мер по обеспечению безопасности той категории граждан, которые оказали помощь в выявлении коррупционных преступлений, но *не соответствуют процессуальному статусу, предусмотренному частью 1 статьи 65 УПК*, на их активность в сотрудничестве с государством по выявлению коррупционных правонарушений? Считаем, что эти и подобные вопросы имеют право на их более углубленное научно-практическое исследование и на выработку вариантов законодательной корректировки положений части 1 статьи 65 УК [14].

В этой части можно обратиться к более удачной в правовом отношении позиции российского законодателя. В частности, в статье 2 «Лица, подлежащие государственной защите» Федерального закона Российской Федерации от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и

иных участников уголовного судопроизводства» определены дополнительные основания распространения государственной защиты и на лиц, *которые не являются участниками уголовного процесса* [15]. В норме на достаточно высоком уровне конкретизации закреплено условие, что «Меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления *либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления*». Полагаем, что названная формулировка может быть принята за основу в качестве дополнения части 2 статьи 39 Закона 2015 года «О борьбе с коррупцией».

Также следует отметить, что в аналогичном положении (т.е. без государственной защиты) по условиям статьи 65 УПК могут оказаться и другие категории граждан, которые в соответствии с положением статьи 6 Закона 2003 года «Об участии граждан в охране правопорядка» также названы в качестве самостоятельных субъектов борьбы с преступностью (внештатные сотрудники, члены добровольных дружин и др.).

Институт мер по обеспечению безопасности физических лиц, имеющих право на государственную защиту по основаниям участия в борьбе с преступностью и возникшей угрозой, в их практической реализации, очевидно, является сложным и затратным как в организационном, так и материальном отношении. В этой связи можно высказать предположение, что включение в УПК нормы, юридическая конструкция которой содержит набор признаков, допускающих фактически *исключение* из сферы государственной защиты *всех иных граждан, не являющихся участниками уголовного процесса*, – это не оплошность ее разработчиков.

Заключение. Анализ оснований возникновения и содержания правоотношений *физических лиц* с правоохранительными органами, закрепленных в анализируемых законодательных актах, позволяет сделать вывод, что свое внешнее выражение они получают в форме именно *гласного содействия* граждан в выявлении и раскрытии преступлений, в том числе коррупционной направленности.

Однако в этой системе взаимоотношений имеет место и такая правовая связь, получившая название «сотрудничество», под которым понимается негласная форма взаимоотношений гражданина и государства на устойчивой (постоянной) основе с элементами контрактных обязательств. Правовая регламентация условий сотрудничества получила свое закрепление в Законе 2015 года «Об оперативно-розыскной деятельности». Это более сложный в социальном и правовом отношении правовой институт, формирующий особые условия установления взаимоотношений граждан со специальными оперативными подразделениями системы МВД Республики Беларусь и некоторых других правоохранительных органов в борьбе с преступностью [6].

Научно-практический интерес, по нашему мнению, представляет и анализ законодательной регламентации форм поощрения государством граждан, участвующих в борьбе с преступностью в различных статусных состояниях, виды которых получили свое нормативное закрепление в Законе «О борьбе с коррупцией» [9], «Об оперативно-розыскной деятельности» [6] и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что вопросы юридического регулирования оснований участия граждан в охране правопорядка и их формы содействия (сотрудничества) в современном национальном законодательстве требуют дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
2. Об участии граждан в охране правопорядка: Закон Респ. Беларусь, 26.06.2003, № 214-3: с изм. и доп.: текст по состоянию на 04.01.2014 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. Об органах внутренних дел: Закон Респ. Беларусь, 17.07.2007, № 263-3: с изм. и доп.: текст по состоянию на 15.07.2015 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. О милиции: Закон Респ. Беларусь, 26.02.1991, № 637-ХП: с изм. и доп.: текст по состоянию на 17.07.2007 // Нац. реестр прав. актов Респ. Беларусь, 15.03.2001, № 2/284 (утратил силу в 2007 г.).
5. О полиции: Закон Рос. Федерации, 07.02.2011 (с изм. и доп. на 14.12.2015) // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 15.07.2015, № 307-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

7. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 12.11.1992 № 1932-ХП: с изм. и доп.: текст по сост. на 04.11.1998 // Ведом. Верховного Совета Респ. Беларусь, 1992. – № 32. – Ст. 513.
8. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 20.07.2006, № 305-3 // Нац. реестр прав. актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 122, 2/1262 (утратил силу в 20015 г.).
9. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 15.07.2015, № 305-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
10. О борьбе с преступностью в сфере экономики и с коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 15.07.1993, № 2399-ХП // Ведомости Нац. собрания Респ. Беларусь. – 1993. – № 26. – Ст. 318 (утратил силу в 1997 г.).
11. О борьбе с организованной преступностью и коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 26.06.1997, № 47-3 // Ведомости Нац. собрания Респ. Беларусь. – 1997. – № 24. – Ст. 460 (утратил силу в 2006 г.).
12. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Закон Респ. Беларусь, 13.12.1999. – № 340-3: с изм. и доп.: текст по состоянию на 15.03.2016 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.
13. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Респ. Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.]; под науч. ред. М.А. Шостака; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск: Акад. МВД, 2014. – 1230 с.
14. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.А. Ахраменко [и др.]; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1063 с.
15. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Закон Рос. Федерации, 20.08.2004 (в ред. от 08.03.2015) № 119-ФЗ // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Поступила 25.03.2016

CITIZENS PARTICIPATION IN THE STRUGGLE AGAINST CORRUPT AND OTHER CRIMINAL MANIFESTATIONS ON THE TRUSTING BASIS

V. KURYAKOV

Contemporary forms of citizens interaction (co-operation) with the state, consolidated by the national legislation in the struggle against criminality are under consideration in the frames of the comparative-legal analysis. A norm-novel (article 39) of the Law of the Republic of Belarus from 15.07.2015 № 305-3 «About the Struggle against Corruption» is being investigated separately. It establishes the guarantees of the application security measures and the reward payment to a physical person who assisted to reveal the corruption.

Keywords: *crime, rule of law, citizens, government, cooperation, encouragement.*

УДК 343.621

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 156
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****А.Н. РУСАК***(Барановичский государственный университет)*

Представлен формально-юридический анализ признаков состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконное производство аборта. Установлено, что уголовно-правовой запрет на незаконное производство аборта не является новеллой для отечественного уголовного законодательства и прошел длительный путь становления и развития, претерпев значительные изменения. Проведенное исследование позволило прийти к выводу, что изменения, внесенные Законом № 241-З и трансформировавшие подход законодателя к дифференциации уголовной ответственности на основании субъекта преступления, противоречат принципу справедливости. Основываясь на опыте предшествующего правоприменения и учитывая высокую степень общественной опасности действий лица, принуждающего женщину к производству аборта, представляется целесообразным и обоснованным рассмотреть вопрос о возможности введения самостоятельного уголовно-правового запрета на принуждение женщины к производству аборта, признать в качестве объекта данного преступления жизнь и здоровье беременной женщины и разместить его в рамках главы 19 «Преступления против жизни и здоровья».

Ключевые слова: *преступление; беременная женщина; аборт; лицо, получившее высшее образование по профилю образования «Здравоохранение»; тяжкие телесные повреждения; смерть.*

Законом Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18 июля 1993 года № 2435-ХП (далее – Закон № 2435-ХП) женщине предоставляется право самостоятельно решать вопрос о материнстве (ст. 27). Данная норма является правовой основой легализации аборт на территории Республики Беларусь. Учитывая высокую вероятность осложнений (бесплодие, развитие хронических воспалительных заболеваний органов малого таза, гормонально-зависимых пролиферативных процессов и др.), основания и условия проведения искусственного прерывания беременности строго регламентированы на законодательном уровне, обеспечивая тем самым его максимально возможную безопасность. Несоблюдение законодательных предписаний в разы повышает опасность данного медицинского вмешательства для жизни и здоровья беременной женщины.

Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 года (далее – УК 1999 года) содержит статью 156, которая предусматривает уголовную ответственность за незаконное производство аборта. Указанный уголовно-правовой запрет не является новеллой для отечественного уголовного законодательства и имеет многовековую историю, о чем свидетельствует анализ нормативных источников досоветского белорусского права. Так, в разделе XI Статута Великого Княжества Литовского 1588 года содержался артикул 60 «О наказании таких распутных женщин, которые бы погубили своих детей или чужих» следующего содержания: «<...> если бы какая женщина, не будучи в супружестве и ведя непорядочный и распутный образ жизни, забеременела, а потом из-за стыда или боязни наказания лишилась того плода и его умертвила сама или при помощи кого другого, и на самом том преступлении была бы поймана сама или вместе с тем, кто это будет делать, или были бы избличены какими-либо достоверными, точными, значительными и явными доказательствами, таковые, как тот, кто подрядился это сделать и плод погубить, так и та, которая плод свой на пагубу дала, должны быть сами наказаны смертью» [1]. Заслуживает внимания детальная и обоснованная дифференциация уголовной ответственности за «изгнание плода» в статьях 1461–1463 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в зависимости от согласия женщины («умышленно без ведома и согласия женщины» либо «умышленно с ведома и согласия женщины»), от возможных последствий (в случае наступления вреда ее здоровью или смерти) и от субъекта (была ли это сама женщина, избличены ли в совершении данного деяния акушер, врач, повивальная бабка или аптекарь либо лицо, которое уже и прежде было виновно в совершении такого преступления). Аналогичные по содержанию нормы были и в Уголовном уложении 1903 года. Отличие состояло в отказе законодателя от таких квалифицирующих признаков «умерщвления плода», как причинение вреда здоровью женщины или наступление ее смерти; совершение деяния акушером, аптекарем или лицом, ранее уже совершившим такое деяние [1].

С принятием Уголовного кодекса РСФСР 1922 года (далее – УК 1922 года) был принципиально изменен подход к оценке аборта – уголовная ответственность устанавливалась не за производство соответствующего вмешательства как такового, а за несоблюдение декретированного порядка его осуществления. Помимо того, была отменена присутствовавшая в отечественном уголовном законе на протяже-

нии веков уголовная ответственность за самоаборт. Часть первая статьи 146 УК 1922 года устанавливала уголовную ответственность за «совершение с согласия матери изгнания плода или искусственного прерыва беременности лицами, не имеющими для этого надлежаще удостоверенной медицинской подготовки или хотя бы и имеющими специальную медицинскую подготовку, но в ненадлежащих условиях», часть вторая в качестве квалифицирующих признаков предусматривала совершение указанных действий в виде промысла; без согласия матери; повлекших смерть матери.

На момент вступления в силу Уголовного кодекса БССР 1928 года (далее – УК БССР 1928 года) содержащаяся в нем статья 217 практически зеркально отражала статью 146 УК 1922 года. В силу сложившейся негативной демографической ситуации постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 года «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях законодательства о разводах» производство абортов на территории СССР было запрещено под угрозой уголовной ответственности (исключение: наличие угрозы жизни или здоровью самой беременной женщины или передающихся по наследству тяжелых заболеваний родителей). На основании указанного акта статья 217 УК БССР 1928 года была изложена в новой редакции и устанавливала ответственность за производство абортов вне больниц или в больнице, но с нарушением установленных условий. Квалифицирующими признаками являлись: производство абортов в антисанитарной обстановке или лицами, не имеющими специального медицинского образования. Кроме того, УК БССР 1928 года был дополнен статьей 217¹, карающей за понуждение женщины к производству аборта, и статьей 217², которая устанавливала ответственность непосредственно самой беременной женщины за производство аборта в нарушение закона. Преступлением признавался также аборт, который беременная произвела сама себе. Таким образом, законодатель значительно расширил границы уголовно-правового воздействия в репродуктивной сфере. Практика применения указанных уголовно-правовых запретов привела к массовым криминальным абортам, что в разы повысило уровень материнской смертности, возросло число детоубийств. Стала очевидной необходимость очередной трансформации норм уголовного закона. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 30 сентября 1954 года уголовная ответственность беременных женщин за производство абортов была отменена, а статья 217² исключена из УК БССР 1928 года [1].

Вступивший в законную силу Уголовный кодекс БССР 1960 года (далее – УК БССР 1960 года) впервые на законодательном уровне закрепил специальный термин для уголовно наказуемых разновидностей данного деяния: «незаконное производство аборта» (ст. 114). Содержание диспозиции части 1 статьи 114 УК БССР 1960 года свидетельствует, что врач подлежал уголовной ответственности за производство аборта с нарушением предъявляемых к данной операции требований, а лицо, не имеющее высшего медицинского образования, – в любых случаях совершения обозначенного деяния. В качестве квалифицирующих признаков устанавливались неоднократность, причинение смерти потерпевшей, иные тяжкие последствия (например, бесплодие). Новеллой УК БССР 1960 года была отдельная регламентация ответственности за умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее прерывание беременности (ст. 106). Впервые в истории отечественного уголовного законодательства указанное последствие рассматривалось в качестве критерия тяжких телесных повреждений, посредством чего была усилена уголовно-правовая репрессия за производство аборта без согласия беременной женщины.

Основываясь на опыте предшествующего правоприменения УК 1999 года, незаконное производство аборта выделяет в качестве самостоятельного состава преступления, признаки и ответственность за который устанавливаются статьей 156. В первоначальной редакции часть первая указанной статьи определяла незаконное производство аборта как «незаконное производство аборта врачом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля»; часть вторая предусматривала повышенную уголовную ответственность в случаях производства аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля; часть третья в качестве квалифицирующих признаков закрепляла общественно опасные последствия в виде смерти женщины либо причинения тяжкого телесного повреждения. Преступления, предусмотренные частями 1 и 2 статьи 156 УК 1999 года относились к числу преступлений, не представляющих большой общественной опасности, а частью предусмотренные частью 3 – к числу менее тяжких. Законом Республики Беларусь от 22 июля 2003 года № 227-3 «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь» [2] санкция преступления, признаки которого были закреплены в части второй статьи 156 УК 1999 года, была подвергнута корректировке. Законодатель произвел замену наказания в виде штрафа – арестом, отказался от наказания в виде лишения свободы. Указанная трансформация была предпринята с целью смягчения уголовной ответственности за данное преступление. Однако учитывая возможность применения отсрочки исполнения назначенного наказания (ст. 77 УК 1999 года) или осуждения с условным неприменением наказания (ст. 78 УК 1999 года) лишь при назначении лишения свободы, можно констатировать, что указанные изменения ухудшили положение обвиняемого, сузив диапазон судейского усмотрения.

Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 года № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» (далее – Закон № 241-З) [3] были внесены существенные изменения, которые затронули не только содержание санкций, предусмотренных статьей 156 УК 1999 года, но и признаки данного состава преступления.

Дифференцировав в первоначальной редакции частей 1 и 2 статьи 156 УК 1999 года уголовную ответственность в зависимости от субъекта преступления, законодатель исходил из того, что незаконный аборт, произведенный врачом акушером-гинекологом, менее опасен для жизни и здоровья женщины, нежели произведенный лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля. Безусловно, лицо, не имеющее высшего медицинского образования по направлению специальности «Акушерство и гинекология», не может в полной мере осознавать опасность противопоказаний к искусственному прерыванию беременности, не владеет необходимыми знаниями для его производства, что в разы повышает вероятность неблагоприятного исхода такого вмешательства. Этим и детерминировалась повышенная общественная опасность незаконного аборта, производимого лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля.

На основании Закона № 241-З законодателем был изменен подход к определению субъекта рассматриваемого преступления. Новая редакция диспозиции части 1 статьи 156 УК 1999 года в качестве субъекта преступления называет «лицо, имеющее высшее образование по профилю образования «Здравоохранение», а часть 2 – «лицо, не имеющее высшего образования по профилю образования «Здравоохранение». В соответствии с Общегосударственным классификатором Республики Беларусь ОКРБ 011-2009 «Специальности и квалификации», утвержденным постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 2 июня 2009 года № 36, имеющими высшее образование по профилю образования «Здравоохранение» являются лица, получившие высшее образование по следующим специальностям (специализациям): 1-79 01 01 «Лечебное дело»; 1-79 01 01 01 «Военно-медицинское дело»; 1-79 01 02 «Педиатрия»; 1-79 01 03 «Медико-профилактическое дело»; 1-79 01 04 «Медико-диагностическое дело»; 1-79 01 05 «Медико-психологическое дело»; 1-79 01 06 «Сестринское дело»; 1-79 01 07 «Стоматология»; 1-79 01 07 01 «Военная стоматология»; 1-79 01 08 «Фармация»; 1-80 02 01 «Медико-биологическое дело»; 1-80 02 01 01 «Цитология»; 1-80 02 01 02 «Биохимия»; 1-80 02 01 03 «Иммунология»; 1-80 02 01 04 «Гематология». При этом квалификация «Врач» присваивается только лицам, получившим высшее образование по специальностям (специализациям) 1-79 01 01 «Лечебное дело»; 1-79 01 01 01 «Военно-медицинское дело»; 1-79 01 02 «Педиатрия»; 1-79 01 03 «Медико-профилактическое дело»; 1-79 01 04 «Медико-диагностическое дело»; 1-79 01 05 «Медико-психологическое дело»; 1-79 01 07 «Стоматология»; 1-79 01 07 01 «Военная стоматология». Тем же, кто получил высшее образование по специальности (специализации) 1-79 01 06 «Сестринское дело», присваивается квалификация «Медицинская сестра с высшим образованием»; 1-79 01 08 «Фармация» – «Провизор»; 1-80 02 01 «Медико-биологическое дело»; 1-80 02 01 01 «Цитология»; 1-80 02 01 02 «Биохимия»; 1-80 02 01 03 «Иммунология»; 1-80 02 01 04 «Гематология» – «Биолог-аналитик. Преподаватель биологии» [4].

Догматический анализ изменений, внесенных Законом № 241-З, свидетельствует о том, что, не затронув объема криминализации, они отражают изменившуюся законодательную оценку характера и степени общественной опасности незаконного производства аборта отдельными категориями лиц. Законодатель сужает сферу уголовно-правового воздействия по части 2 статьи 156 УК 1999 года путем расширения субъектного состава по части первой. Представляется, что данные изменения не вполне обоснованы. Очевидно, что лицо, получившее высшее образование, например, по специальности (специализации) 1-80 02 01 02 «Биохимия», не имеет достаточного уровня компетентности для производства искусственного прерывания беременности, равно как и получивший высшее образование по специальности 1-74 03 02 09 «Ветеринарная биохимия» и др. Представляется, что основания для признания производства незаконного аборта в первом случае менее опасным для жизни и здоровья женщины, нежели во втором, – отсутствуют. По нашему мнению, существовавший до недавнего времени подход законодателя к вопросу о дифференциации уголовной ответственности в части 1 и части 2 статьи 156 УК 1999 года в большей мере соответствовал принципу справедливости.

Несмотря на стабильность законодательства относительно установления иных криминообразующих признаков незаконного производства аборта, на практике возникают сложности при юридической оценке отдельных из них. Объектом анализируемого преступления выступают общественные отношения в сфере охраны жизни и здоровья беременной женщины, что обусловлено размещением статьи 156 в системе уголовно-правовых запретов, объединенных в главу 19 «Преступления против жизни и здоровья» УК 1999 года. Представляется, что авторы, выделяющие в качестве объекта рассматриваемого преступления лишь здоровье женщины [5, с. 316], не учитывают, что в качестве альтернативного последствия как признака объективной стороны состава преступления, предусмотренного частью 3 статьи 156 УК 1999 года,

называется смерть женщины. Потерпевшей может быть только женщина, находящаяся в состоянии беременности. Срок беременности не влияет на квалификацию содеянного, но должен учитываться при назначении наказания, так как чем больше срок беременности, тем выше опасность аборта для жизни и здоровья женщины. Для заключения о наличии в содеянном признаков объективной стороны состава незаконного производства аборта необходимо установить, что искусственное прерывание беременности было произведено незаконно. Указанное свидетельствует о бланкетности диспозиции части 1 статьи 156 УК 1999 года и предполагает установление порядка проведения искусственного прерывания беременности в соответствии с требованиями отраслевого законодательства.

В соответствии с Законом № 2435-ХІІ искусственное прерывание беременности сроком не более 12 недель может быть проведено по желанию женщины в организациях здравоохранения после обязательной предварительной консультации с врачом-специалистом и проведения предабортного психологического консультирования женщины. В случае если беременная женщина является несовершеннолетней, дополнительно необходимо получить письменное согласие на данное медицинское вмешательство ее законного представителя. При сроке беременности более 12 недель искусственное прерывание беременности возможно по согласию женщины лишь при наличии медицинских либо социальных показаний и только в государственных организациях здравоохранения. Беременность сроком не более 22 недель может быть прервана по согласию женщины при наличии социальных показаний [6]. Перечень социальных показаний для искусственного прерывания беременности включает два основания: а) наличие решения суда о лишении родительских прав; б) беременность, наступившая в результате изнасилования [7]. До недавнего времени в указанный перечень, помимо двух вышеназванных оснований, входили: факт пребывания женщины или ее мужа в местах лишения свободы; наличие инвалидности I, II группы у мужа; наличие ребенка-инвалида с детства; смерть мужа во время беременности женщины; расторжение брака во время беременности; многодетность (наличие троих и более детей); признание женщины или ее мужа безработными во время беременности женщины; наличие у женщины статуса беженца.

Признавая тот факт, что аборт на сроке между 12 и 22 неделями беременности представляет особую угрозу здоровью женщины, которая не может быть оправдана неблагоприятными материальными факторами (учитывая развитую систему социальной поддержки в Республике Беларусь), законодатель счел возможным сократить перечень социальных оснований до двух. При наличии медицинских показаний прерывание беременности проводится по согласию женщины независимо от срока беременности (согласие не требуется, если женщина признана в установленном порядке недееспособной или не способна по состоянию здоровья к принятию осознанного решения. В первом случае требуется письменное согласие опекуна беременной женщины, во втором – супруга (супруги) или одного из близких родственников (родителей, совершеннолетних детей, родных братьев (сестер), внуков, деда (бабки). В отношении несовершеннолетней беременной дополнительно требуется письменное согласие ее законного представителя.

Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности утвержден постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 10 декабря 2014 года № 88 (далее – Перечень) и представляет собой перечень заболеваний и других медицинских показаний для искусственного прерывания беременности со стороны матери или плода [8]. В исключительных случаях при наличии медицинских показаний, не указанных в Перечне, при которых продолжение беременности и роды представляют угрозу для жизни женщины или могут причинить вред ее здоровью, вопрос об искусственном прерывании беременности по медицинским показаниям решает врачебно-консультационная комиссия организации здравоохранения. Проведение искусственного прерывания беременности с нарушением вышеуказанных правил должно квалифицироваться по статье 156 УК 1999 года как незаконное производство аборта.

Незаконное производство аборта – уникальный состав преступления. Это единственное криминализованное в уголовном законе деяние, имманентным признаком которого является согласие потерпевшей на поставление в опасность причинения вреда ее жизни или здоровью. При этом прямого указания на это в самой статье 156 УК 1999 года нет (производство аборта без согласия на то беременной женщины должно квалифицироваться как причинение тяжких телесных повреждений). Согласие на производство аборта должно быть предварительным и полученным до начала медицинского вмешательства, информированным, добровольным. Объем информации, который должен быть представлен беременной женщине перед производством аборта, для получения от нее согласия, основанного на достаточной информированности, законодательно не установлен. Очевидно, врач должен сообщить пациентке полную и достоверную информацию об исходном состоянии ее здоровья; о вариантах искусственного прерывания беременности; о планируемом методе производства прерывания беременности, его эффективности, прогнозируемых результатах, возможных рисках и осложнениях; о необходимости строгого выполнения назначений и рекомендаций, визитов к врачу. Согласие женщины на производство аборта будет добровольным только в том случае, если в процессе принятия решения на нее не оказывалось принуждающего влияния. Формы принуждения, оказываемого при принятии решения, могут быть различными. В соответствии с действующим уголовным законом лицо, принуждающее женщину к производству аборта,

может быть привлечено к уголовной ответственности только в случае, если принуждение сопряжено с угрозой применения насилия к ней или ее близким, уничтожения или повреждения их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, либо с угрозой ущемления прав, свобод и законных интересов этих лиц (ст. 185 УК 1999 года).

Учитывая высокую степень общественной опасности действий лица, принуждающего женщину к производству аборта, представляется целесообразным и обоснованным рассмотреть вопрос о возможности введения самостоятельного уголовно-правового запрета на принуждение женщины к производству аборта, признать в качестве объекта данного преступления жизнь и здоровье беременной женщины и разместить его в рамках главы 19 «Преступления против жизни и здоровья».

Законодательная конструкция объективной стороны незаконного производства аборта позволяет считать составы преступлений, предусмотренные частями 1 и 2, формальными, а частью 3 – материальными. Дискуссионным с точки зрения теории уголовного права и судебной практики, является вопрос о моменте окончания незаконного производства аборта. Очевидно, разногласия возникают по причине описания действия в диспозиции статьи 156 УК 1999 года посредством отглагольного существительного «производство». Как отмечает Л.Л. Кругликов, «речь идет о процессе осуществления деяния, имеющем, следовательно, а) протяженность во времени, б) незавершенный или завершенный характер, в) а при завершенности – как успешным, так и безуспешным, неудачным» [9, с. 57]. Безусловно, определить момент окончания преступления в такой ситуации сложно.

Схожие по описанию противоправных действий составы преступлений полагаются оконченными: изнасилование, насильственные действия сексуального характера – с начала совершения полового акта, актов мужеложства, лесбиянства, иных действий сексуального характера [10]; изготовление поддельных денег или ценных бумаг – с момента изготовления хотя бы одного денежного знака или ценной бумаги, независимо от того, удалось ли осуществить их сбыт [11]; незаконная добыча рыбы или других водных животных и незаконная охота – с момента совершения действий, направленных на непосредственное завладение предметом охоты, рыбой или водными животными (это может выражаться в преследовании, установке капканов, сетей, приспособлении иных средств и орудий незаконной охоты, добычи рыбы или водных животных независимо от того, были ли фактически добыты предметы охоты, рыба или водные животные) [12]; посев или выращивание запрещенных к возделыванию растений или грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества – с момента посева независимо от последующего всхода либо произрастания растений или грибов [13]; дача взятки, получение взятки и посредничество во взяточничестве – с момента принятия должностным лицом материального вознаграждения [14].

Сказанное свидетельствует об отсутствии единообразного подхода при определении момента окончания преступления в ситуациях с деяниями, обозначенными существительными, образованными от глаголов несовершенного вида. В одних случаях момент юридического окончания деяний связывается с началом осуществления деятельности, в других – с ее физическим завершением, в иных – с успешным (хотя бы частично) итогом для виновного осуществленного поведения. Ряд авторов, отталкиваясь от семантического толкования термина «аборт», приходит к выводу, что оконченным данное преступление будет с момента удаления плода из утробы матери, т.е. необратимого прерывания беременности [15, с. 385–386; 16, с. 79]. Наиболее приемлемой при решении данного вопроса, видится позиция белорусских ученых И.С. Тишкевича и И.И. Горелика, по мнению которых данное преступление следует считать оконченным, когда совершены действия, причинившие вред здоровью беременной женщины или создавшие опасность для ее жизни либо здоровья, даже если беременность была сохранена [17, с. 127; 18, с. 160–161]. Такой подход представляется вполне обоснованным и необходимым, учитывая ценность и значимость объекта уголовно-правовой охраны по статье 156 УК 1999 года.

На основании ретроспективного формально-юридического анализа основных нормативных источников, действовавших на территории белорусского государства, установлено, что уголовно-правовой запрет на незаконное производство аборта не является новеллой для отечественного уголовного законодательства и прошел длительный путь становления и развития, претерпев за это время значительные изменения. В эпоху действия Статута Великого Княжества Литовского 1588 года, а позднее Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовного уложения 1903 года производство аборта как токового признавалось преступным и строго наказуемым.

С принятием первых уголовных кодексов РСФСР и БССР исследуемое деяние получило более детальную регламентацию. При этом с течением времени изменялись как объективные и субъективные признаки состава преступления, так и сам подход к оценке незаконного аборта – от криминализации в УК 1922 года и УК БССР 1928 и 1960 годов до закрепления указанного состава преступления в процессе последующей кодификации в статье 156 УК 1999 года.

Анализ многократных трансформаций признаков незаконного производства аборта в белорусском уголовном законодательстве позволил сделать *вывод* о позитивных сдвигах в законодательной регламен-

тации уголовной ответственности за данное деяние, а также о необходимости дальнейшего совершенствования анализируемой правовой нормы и практики ее применения. Проведенное исследование позволило прийти к выводу, что изменения, внесенные Законом № 241-3 и трансформировавшие подход законодателя к дифференциации уголовной ответственности на основании субъекта преступления, противоречат принципу справедливости. Наиболее приемлемым и обоснованным представляется признавать незаконный аборт (по ч. 1 и ч. 2 ст. 156 УК 1999 г.) юридически оконченным с момента совершения виновным лицом действий, причинивших вред здоровью беременной женщины или создавших опасность для ее жизни либо здоровья, даже если беременность была сохранена.

Основываясь на опыте предшествующего правоприменения и учитывая высокую степень общественной опасности действий лица, принуждающего женщину к производству аборта, представляется целесообразным и обоснованным рассмотреть вопрос о возможности введения самостоятельного уголовно-правового запрета на принуждение женщины к производству аборта, признать в качестве объекта данного преступления жизнь и здоровье беременной женщины и разместить его в рамках главы 19 «Преступления против жизни и здоровья» Уголовного кодекса 1999 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовное право Беларуси: тематический банк данных правовой информации [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Вып. 2. – Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 22 июля 2003 г., № 227-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2015 г., № 241-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. Об утверждении и введении в действие Общегосударственного классификатора Республики Беларусь ОКРБ 011-2009 «Специальности и квалификации» [Электронный ресурс]: постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 2 июня 2009 г., № 36: с изм. и доп. от 6 марта 2013 г. № 10 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
5. Круглов, В.А. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / В.А. Круглов, Е.И. Климова. – Минск: Амалфея, 2015. – 1008 с.
6. О здравоохранении [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 245-ХІІ: в ред. от 20 июня 2008 г. № 363-З: с изм. и доп. от 16 июня 2014 г. № 164-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
7. Об определении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 5 июля 2002 г. № 902 [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 23 октября 2008 г., № 1580: с изм. и доп. от 11 янв. 2013 г. № 23 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
8. Об установлении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь и отдельного структурного элемента постановления М-ва здравоохранения Респ. Беларусь от 9 нояб. 2007 г. № 105 [Электронный ресурс]: постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 10 дек. 2014 г., № 88 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
9. Кругликов, Л.Л. Виды юридических конструкций в уголовном праве / Л.Л. Кругликов // Юридическая техника. – 2013. – № 7. – С. 53–60.
10. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–170 УК) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 27 сентября 2012 г., № 7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
11. О судебной практике по делам об изготовлении, хранении либо сбыте поддельных денег или ценных бумаг [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 25 сент. 1997 г., № 10: с изм. и доп. от 29 марта 2007 г. № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

12. О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 18 дек. 2003 г., № 13: с изм. и доп. от 26 сент. 2013 г. № 9 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
13. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. 327–334 УК) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1: с изм. и доп. от 27 марта 2014 г. № 7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
14. О судебной практике по делам о взяточничестве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 26 июня 2003 г., № 6: с изм. и доп. от 24 сент. 2009 г. № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
15. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс». – 2008. – Т. II: Преступления против личности. – 682 с.
16. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. – М.: Статут, 2012. – 943 с.
17. Уголовное право БССР. Часть особенная / под общ. ред. И.С. Тишкевича. – Минск: Выш. школа, 1978. – 384 с.
18. Горелик, И.И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья / И.И. Горелик. – Минск: Выш. школа, 1973. – 320 с.

Поступила 23.05.2016

**RETROSPECTIVE FORMAL-LEGAL ANALYSIS
OF A CRIME UNDER ART. 156
OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

A. RUSAK

The article in the retrospective aspect of the formal-legal analysis of signs of crime, providing for liability for illegal abortion. It was established that the criminal law prohibition of illegal abortion is not a novelty for the domestic criminal legislation and passed a long way of formation and development, undergoing during this period significant changes. The study led to the conclusion that the changes made by the Law № 241-3 and transform the approach of the legislator to the criminal liability of differentiation based on the subject of crime, contrary to the principle of fairness. Based on the experience of previous law enforcement and considering the high degree of public danger of the person acts, forcing a woman to abortion, it is appropriate and justified to consider the possibility of introducing a separate criminal law prohibition on forcing a woman to abortion, recognized as the object of the crime life and health pregnant women, and post it in the framework of chapter 19 “Crimes against life and health”.

Keywords: a crime; pregnant woman; abortion; a person who has a degree in education profile “Health”; serious bodily injury; death.

УДК 343.9

**ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ВНУТРИСЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ****О.В. КАТУШОНОК***(Полоцкий государственный университет)*

На основе проведенного социологического исследования анализируются основные формы насилия, к которым прибегают родители в отношении своих несовершеннолетних детей. Приводятся статистические данные о наиболее распространенных формах физического и психического насилия, полученные путем проведения анкетирования. В качестве респондентов выступили учащиеся школ в трех возрастных группах. При этом речь идет о тех формах насилия, которые не носят ярко выраженного характера и не влекут административной либо уголовной ответственности. Делается вывод о наличии связи между возрастом ребенка и теми формами насилия, которые применяют к нему родители в целях воспитания; определяются основные субъекты такого насилия. Представлено авторское определение понятия «внутрисемейное насилие в отношении несовершеннолетних».

Ключевые слова: физическое насилие, психическое насилие, насилие в семье, формы внутрисемейного насилия, насилие в отношении несовершеннолетних.

Введение. Необходимой предпосылкой реализации индивидуальной виктимологической профилактики является правильно организованное виктимологическое изучение потенциальных потерпевших. Исследование жертв насилия в семье наряду с изучением преступника может помочь получить более конкретные знания о характере и направленности преступной деятельности, механизме преступлений, выделить группы людей наиболее часто подвергающихся негативному воздействию со стороны родных, предметно определить направление профилактических мероприятий.

Насилие в семье, как правило, ассоциируется с супружеским насилием. Тем не менее особое место среди насильственных посягательств в семье занимают посягательства на несовершеннолетних.

Актуальность изучения проблемы насилия по отношению к детям обусловлена необходимостью их защиты, предупреждения насильственной преступности в семье. Даже в современных условиях представление о природе насилия над детьми характеризует насилие как универсальное, необходимое в процессе обучения и воспитания (т.е. все дети в той или иной степени подвергаются домашнему насилию со стороны их родителей).

В ходе проведенного социологического исследования были выявлены разнообразные формы проявления внутрисемейного насилия в отношении несовершеннолетних членов семьи, не носящего уголовно-правового характера. В качестве респондентов выступили учащиеся младшего (9–11 лет), среднего (12–14 лет) и старшего (15–17 лет) школьного возраста школ города Полоцка и Полоцкого района (по 100 несовершеннолетних в каждой возрастной группе).

Основная часть. Исследование показало, что внутрисемейное насилие в отношении несовершеннолетних 9–11 лет применяется в различных проявлениях в 100% случаев. При этом в 66% отдельные насильственные действия совершаются со стороны обоих родителей, в 28% – только со стороны матери, в 6% – только со стороны отца. Как видно, основным субъектом насильственного воздействия на несовершеннолетних являются матери (94%), в то время как применение насилия отцами было выявлено в 72% случаев. В процессе проведенного исследования не было выявлено ни одного случая применения насилия в отношении несовершеннолетнего со стороны бабушки либо дедушки. Полученные данные можно объяснить следующим обстоятельством: обязанности по воспитанию детей законодательством возложены на обоих родителей, но фактически воспитанием детей занимаются именно матери.

Формы проявления внутрисемейного насилия в отношении несовершеннолетних данной группы со стороны их родителей также различны. Так, со стороны матери наиболее часто допускается психическое насилие. В частности, в более чем 70% присутствует ругань, крики на детей; запрет на просмотр телевизора и игры в компьютер были выявлены в 45 и 55% соответственно. Часто матери запрещают детям младшего школьного возраста встречаться с друзьями или родственниками (почти 15%), ставят их в угол (23%). Реже встречается применение матерями уголовно ненаказуемого физического насилия: только в 6 случаях выявлены удары руками, в 4 – удары ремнем. Также редко используются такие виды психического насилия, как угрозы (2%), шантаж (2%), запугивание (6%). При этом ни один из несовершеннолетних в возрасте 9–11 лет не указал на оскорбления со стороны матери.

Проведенное анкетирование позволило установить, что отцы чаще матерей прибегают к применению физического насилия. Так, среди опрошенных респондентов 23% указали на использование различных средств при телесном наказании. Формы проявления психического насилия со стороны отцов также

гораздо интенсивнее. Так, в отличие от матерей, они чаще прибегают к оскорблениям (более 17%), угрозам (11,5%), запугиваниям (11,5%), шантажу (5,7%). Более высок со стороны отцов уровень запрета просмотра телевизора (31,4%) и компьютерных игр (почти 63%).

Характерно, что применяемое в отношении несовершеннолетних младшей возрастной группы насильственное воздействие расценивают как вполне нормальное явление. В 62% дети 9–11 лет считают применение к ним наказания справедливым и реагируют на это спокойно; в 20% отмечается обида на родителей, но только лишь 6% из них рассказывают об этом другим родственникам. При этом в подавляющем большинстве случаев проанализированные формы воздействия несовершеннолетние младшего школьного возраста рассматривают не как насилие, а как одно из средств воспитания. В ходе исследования было установлено, что указанные формы насилия следуют как реакция родителей на плохие оценки (в 57% со стороны матери и в 60% со стороны отца), на плохое поведение (в 25,5 и 40%), на непослушание – в 32 и 17% со стороны матери и отца соответственно.

Значимые различия в распределении ответов зафиксированы у учащихся среднего школьного возраста. В ходе социологического опроса лишь в 50% случаев было выявлено применение внутрисемейного насилия в отношении несовершеннолетних 12–14 лет. Однако полученные данные не означают, что к данной группе детей насилие применяется в меньшей степени.

Насилие в отношении несовершеннолетних среднего школьного возраста достаточно сложно выявить и распознать, так как такие жертвы в силу особенностей своего возраста не желают вовлекать в семейные дела посторонних, не обращаются за помощью, не говорят об этом даже с близкими друзьями. О совершенном в отношении них насилии становится известно только при явных признаках насильственного воздействия. По мнению М.В. Молчановой, дети, подвергающиеся жестокому обращению со стороны своих родителей, имеют отличительные черты: среди них чаще, чем среди обычных детей, встречаются физические и психические отклонения, инвалидность или задержки в развитии, плохие манеры, тяжелый характер, поведенческие трудности [1, с. 16]. Но указанные признаки, наш взгляд, могут свидетельствовать о применении в отношении несовершеннолетних более жестких мер, в то время как выявить формы воздействия, не носящие характер уголовно либо административно наказуемых, без помощи и желания самих несовершеннолетних жертв практически невозможно.

Обнаружено, что в отношении несовершеннолетних среднего школьного возраста, указавших на применение к ним насилия, в 60% насилие применяют оба родителя, в 24% к насилию прибегает только мать, в 16% – только отец. В группе несовершеннолетних 12–14 лет субъектом насильственного воздействия также в большинстве случаев является мать (84%), отец прибегает к насилию в 76%. Кроме того, в 8 случаях из 50 было выявлено применение к ребенку насилия со стороны бабушки либо дедушки.

Формы проявления внутрисемейного насилия в отношении несовершеннолетних данной возрастной группы отличны от применяемых к несовершеннолетним младшего школьного возраста. Так, родители чаще склонны к применению физического насилия. Наказание ремнем было выявлено в 31% со стороны матери, в 21% со стороны отца и в 2% со стороны бабушки; также высок процент наказаний в виде ударов руками по различным частям тела (14% со стороны матери и 18% со стороны отца).

Среди форм психологического воздействия для обоих родителей также высок процент запрета просмотра телевизора и игр в компьютер (40% со стороны матери, 34% со стороны отца и 6% со стороны бабушки). Наиболее характерными формами психического насилия, применяемого матерями, являются: оскорбления (26%), запугивания (26%), угрозы (более 16%), лишение карманных денег (более 16%), ругательства, бранные слова в отношении детей (14%), запрет встречаться с родственниками либо друзьями (почти 12%). Реже они прибегают к шантажу (9,5%), унижению ребенка (7%), запирацию в комнате (7%).

Отцы при воздействии на детей 12–14 лет, как и матери, часто используют оскорбления (26%), ругательства (13%), запугивания (13%); реже прибегают к запирацию в комнате (5%), запрету встречаться с родственниками или друзьями (5%), унижениям ребенка (2,6%), вмешательству в личную жизнь (2,6%).

Несовершеннолетние 12–14 лет большинство мер воздействия, применяемых к ним родителями, относят к насилию. Так, 58% опрошенных считают насилием удары руками и ногами, 36% относят к насилию применение ремня и других средств при наказании. Более трети несовершеннолетних считают психическим насилием оскорбления, ругательства, бранные слова, запугивания, унижения вне зависимости от того, предназначаются они ребенку в присутствии посторонних или один на один. Также к насилию 29% опрошенных относят жестокое обращение с животными в присутствии детей, 28% – шантаж, 22% – запрет на общение с родственниками или друзьями, а также запирацию в комнате. Примечательным является тот факт, что несовершеннолетние данной возрастной группы испытывают страдания не только от применения в отношении них указанных традиционных форм воздействия, но и из-за отсутствия любви со стороны родителей (19%), пренебрежения интересами ребенка (12%). Высок процент тех, кто относит к насилию запрет на просмотр телевизора (17%), вмешательство в личную жизнь (16%), запрет на самостоятельный выбор досуга (15%), лишение карманных денег (15%).

Лишь 58 несовершеннолетних из 100 в возрасте от 15 до 17 лет отметили применение к ним различных насильственных форм со стороны родителей. Данный факт можно связать с тем, что к этому возрасту дети достигают определенного уровня правосознания, вырабатывают тот или иной стиль поведения, распределяют приоритеты. Применять насильственные меры воспитания к несовершеннолетним такого возраста, ведущим правопослушный образ жизни, нет необходимости, а воздействие на «трудных» детей уже не всегда является эффективным.

Исследование показало, что в 41% насильственные формы воздействия применяются со стороны обоих родителей, в 38% – только со стороны матери, в 21% – только со стороны отца. Как видно, на несовершеннолетних данного возраста также в основном воздействует мать (79%), отец же прибегает к насилию в 62%.

Основными формами воздействия как со стороны матери, так и со стороны отца являются ругательства (25 и 35,4% соответственно), удары руками (мать – 22,8%, отец – 32%). Также матери часто прибегают к таким формам воздействия, как лишение карманных денег (15%), вмешательство в личную жизнь (12,6%). Реже используются запреты либо ограничения на общение с друзьями (10%), запугивания (10%), оскорбления (7,6%). Как правило, к несовершеннолетним такого возраста матери не применяют шантаж, угрозы, унижения (лишь в 5%), запрет на просмотр телевизора, компьютерные игры (2,5%). Со стороны отца также часты случаи применения угроз (16%), запугивания (почти 13%), реже – унижения (6,4%), оскорбления (6,4%), шантаж (3,2%), запираение в комнате (3,2%).

Более 52% несовершеннолетних старшего школьного возраста, так же как и учащиеся младшего школьного возраста, применяемое родителями воздействие не считают насилием и лояльно относятся ко всем видам психологического насилия. Особо обращает на себя внимание то обстоятельство, что значительная часть респондентов не считают насилием ругательства (почти 16%), угрозы, запугивания (6%), вмешательство в личную жизнь, нотации и поучения (по 5%).

В ходе исследования было установлено, что внутрисемейное насилие к несовершеннолетним возможно не только со стороны родителей, но также и со стороны других несовершеннолетних – родных братьев и сестер. Это позволило подтвердить выводы отдельных авторов [2, с. 13; 3, с. 312]. Тем не менее анализ криминологической литературы позволяет сделать вывод, что исследования насилия в отношении братьев и сестер минимальны. Как правило, конфликты между ними вообще не позиционируются в качестве проблемы. Это происходит по некоторым причинам. Во-первых, драки между братьями и сестрами рассматриваются как естественные и неизбежные. Во-вторых, родители определяют такое насилие как воспитание и часто содействуют этому, говоря с детьми о заботе и справедливости по отношению друг к другу [3, с. 312].

В 67 семьях из 100, имеющих двух и более детей, выявлено применение различных форм насилия между родными братьями и сестрами. При этом самый высокий уровень физического насилия фиксируется в тех семьях, где родные братья и сестры одного возраста или имеют разницу в возрасте от 1 до 3 лет; применение психологического насилия характерно для родных, имеющих разницу в возрасте 5 и более лет. В процессе исследования было обнаружено, что, как правило, насилие применяют старшие братья/сестры (83%), младшие – лишь в 38%. Наиболее частыми оказались толчки, щипки (37,7% – со стороны старших; 45,8% – со стороны младших), удары руками (35,8 и 66,6% соответственно). Также высоким оказался процент психического насилия. В частности почти в 35,8% со стороны старших присутствовали оскорбления, обзывания; в 20,7% – запугивания и угрозы; в более чем 26% – ругательства; шантаж – в 13%. Однако часто младших для наказания они ставят в угол (17%). Наименее редко встречались удары ногами (9%), унижения (7,5%), запираения в комнате (7,5%). Младшие братья/сестры наиболее часто прибегают к психическому насилию. Так, более трети опрошенных (37,5%) заявили об оскорблениях, пятая часть (20,8%) – о запугиваниях и угрозах, 16,6% – о шантаже со стороны младших.

Заключение. Как видно из полученных в ходе исследования данных, в круг жертв насилия в семье вовлечены несовершеннолетние лица разного возраста. При этом применение той или иной формы насилия связано с возрастом несовершеннолетнего.

Так, в отношении малолетнего наиболее часто применяются такие виды психологического насилия, как ругательство, крики на детей, запрет на просмотр телевизора, на компьютерные игры; со стороны отца также и физическое наказание (жестокое физическое наказание).

В отношении подростка характерно применение в равной степени как психологического насилия (оскорбления, запугивания, угрозы, ругательства, вмешательство в личную жизнь, запрет на общение с друзьями), так и физического.

Кроме того, для детей любого возраста в качестве насилия может быть расценено отсутствие заботы (невнимание к основным нуждам ребенка в пище, одежде, жилье, медицинском обслуживании), а также эмоционально отрицательное обращение с детьми (отвержение ребенка, длительное лишение ребенка любви, заботы, причинение боли домашним животным с целью запугать ребенка и т.д.).

Проведенное анкетирование позволило установить, что в большинстве случаев применение физического и психического насилия является одной из мер воспитания со стороны родителей. При этом характерно, что субъектами физического насилия чаще выступают мужчины, а психического насилия – женщины. Выявлено, что несовершеннолетние, пострадавшие от насилия, как правило, не сообщают об этом другим родственникам и не обращаются к кому-либо за помощью.

Указанное обстоятельство подтвердило, что одна из главных причин латентности внутрисемейного насилия в отношении несовершеннолетних – невозможность установить четкие критерии разграничения применения насильственного воздействия как одного из средств воспитания и насилия как такового. И пока последствия применения насилия не имеют крайнего проявления (синяки, ушибы, ссадины и др.) нет и соответствующей реакции со стороны.

Как видно, насилие в отношении несовершеннолетних является сложно выявляемым и распознаваемым. В этой связи в качестве одного из эффективных инструментов решения проблемы жестокого обращения с детьми и преодоления последствий семейного насилия над детьми выступает социально-педагогическая деятельность школьных учреждений. Такая деятельность как вид профессиональной деятельности направлена в первую очередь на гармонизацию взаимоотношений личности (в том числе и ребенка) с окружающей средой во всех сферах жизнедеятельности (в том числе и в семье).

На основании изложенного *внутрисемейное насилие в отношении несовершеннолетних* можно определить как реальное действие или угрозу физического, психического, сексуального, экономического либо другого воздействия со стороны одного члена семьи вне зависимости от его возраста по отношению к несовершеннолетнему члену семьи, совершенные против либо помимо воли последнего, причиняющие либо могущие причинить ему физические и (или) психические страдания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молчанова, М.В. Внутрисемейное преступное насилие в отношении несовершеннолетних: причины, тенденции, противодействие: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.В. Молчанова. – СПб., 2004. – 24 с.
2. Шахов, В.И. Насилие в семье: уголовно-правовое и криминологическое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.В. Шахов. – Казань, 2003. – 25 с.
3. Voigt, L. Domestic and family violence: a special case? / L. Voigt // *Criminology and justice* / L. Voigt [et. al]. – McGraw-Hill. – 1994. – P. 303–318.

Поступила 19.02.2016

THE MAIN FORMS OF DOMESTIC VIOLENCE AGAINST MINOR FAMILY MEMBERS

O. KATUSHONOK

The article analyzes the main forms of family violence against children. Shows statistics on the forms of physical and mental violence. Data obtained from the questioning of minors. The survey was addressed to high school students. The considered forms of violence not entail administrative or criminal liability. It is concluded that there is a relationship between the child's age and forms of violence. Identifies the main agents of such violence. The above definition of family violence against minors.

Keywords: *physical violence, psychological violence, domestic violence, forms of domestic violence, violence against minors.*

СУДОУСТРОЙСТВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.962

ФОРМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

канд. юрид. наук, доц. **Е.Н. ЯРМОЦ**
(Полоцкий государственный университет)

В законодательстве Республики Беларусь закреплена возможность участия граждан в деятельности суда по осуществлению правосудия в качестве народных заседателей. Полагаем, что формы участия населения в судебной деятельности этим не ограничиваются, что позволяет говорить о наличии института общественного контроля за судебной деятельностью в Республике Беларусь. В этой связи предпринята попытка классификации форм общественного контроля за судебной деятельностью по различным основаниям. Наибольшее внимание уделено рассмотрению основных форм контроля в зависимости от формы институционализации. Сделан вывод о необходимости расширения форм общественного контроля за судебной деятельностью, в том числе на законодательном уровне.

Ключевые слова: законодательство Республики Беларусь, судебная деятельность, институционализация, институт общественного контроля.

Введение. В современных условиях развития белорусской государственности формируется особая модель взаимодействия государства и гражданского общества, основанная на принципах взаимодействия, результативности и подотчетности. В качестве важнейшего принципа государственного управления сегодня выступает категория транспарентности явлений и процессов, происходящих в обществе и государстве. Для полноценной реализации данного принципа необходимо наличие определенных условий, объективных предпосылок и элементов, указывающих на формирование гражданского общества.

Транспарентность в деятельности органов государственной власти и управления, в том числе в судебной деятельности, может быть обеспечена различными способами. В качестве одного из способов выступает общественный контроль, отличительными особенностями которого являются:

- социально-правовая природа, то есть осуществление контроля в интересах и от имени общества;
- независимость от институтов государственной власти и управления;
- доступность для всех желающих;
- осуществление контроля не только в рамках законности, но и по мотивам целесообразности;
- невысокая степень правовой регламентации;
- нерегулярная основа его осуществления;
- преимущественно рекомендательный характер решений, принимаемых субъектами контроля.

Законодательная регламентация понятия «общественный контроль» в Республике Беларусь отсутствует. Однако нормы отдельных нормативных правовых актов позволяют говорить о наличии института общественного контроля в самых разнообразных сферах: в природоохранной сфере [1], в сфере защиты трудовых прав граждан [2], охраны историко-культурного наследия [3], деятельности органов внутренних дел [4], противодействия коррупции [5].

Несмотря на давнюю историю и сложившиеся традиции участия населения в деятельности суда на белорусских землях, сегодня такая деятельность ограничивается указанием на возможность участия граждан в деятельности суда по осуществлению правосудия в качестве народных заседателей (ст. 9 и 133 Кодекса Республики Беларусь «О судоустройстве и статусе судей»). В процессуальных кодексах Республики Беларусь имеются положения, косвенно указывающие на возможность участия граждан в деятельности суда. Так, в Гражданский процессуальный кодекс (ГПК) Республики Беларусь внесены изменения и дополнения, касающиеся порядка и условий участия в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи; в статье 364 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь закреплено право на обжалование судебных решений. Таким образом, в Республике Беларусь формы участия граждан в судебной деятельности, на наш взгляд, характеризуются большим разнообразием, что позволяет говорить о наличии института общественного контроля в данной сфере. В судоустройственном законодательстве Республики Беларусь институт общественного контроля за судебной деятельностью пока не нашел своего отражения. В этой связи представляется целесообразным осуществить клас-

сификацию форм общественного контроля применительно к сфере судебной деятельности в Республике Беларусь по различным основаниям.

Так, *по периоду возникновения формы участия населения в деятельности суда:*

- существовавшие ранее формы («копный» суд в ВКЛ);
- традиционные (классические) формы – возникли достаточно давно, но не утратили своей значимости до настоящего времени (институт присяжных заседателей в Российской империи, суд шеффенов в Германии, суд ассизов в Англии);
- современные формы появились сравнительно недавно, во многом благодаря использованию информационно-коммуникационных технологий в судебной деятельности (участие в судебном заседании посредством видеоконференц-связи).

По правовой природе осуществления общественного контроля за судебной деятельностью:

- институциональный контроль, предполагающий наличие устоявшихся элементов его осуществления (взаимодействие судов со средствами массовой информации; наличие в судах телефонов доверия; осуществление приема граждан в судах, гласность судебного разбирательства);
- процессуальный контроль, который предполагает наличие процессуальных механизмов его осуществления (институт обжалования (опротестования) судебных решений).

По субъектному составу:

- контроль, осуществляемый субъектами, специально созданными для этой цели (органы судебного сообщества);
- контроль, осуществляемый иными субъектами, не обладающими специальными полномочиями (граждане в открытом судебном заседании);
- контроль, осуществляемый единолично субъектом контроля;
- контроль, осуществляемый коллегиально (граждане, участвующие в выездном судебном заседании; народные заседатели).

По характеру полномочий субъектов общественного контроля:

- императивный характер контроля, выражающийся в том, что решения, выносимые субъектом контроля, обязательны для исполнения всеми субъектами, в отношении которых они вынесены;
- диспозитивный характер контроля проявляется в том, что решения, вынесенные субъектом контроля, имеют рекомендательный характер и должны учитываться уполномоченным субъектом при принятии соответствующих решений.

По объему полномочий субъектов общественного контроля:

- непосредственные полномочия по осуществлению общественного контроля и принятию мер воздействия (обсуждение того или иного судебного решения на сайте суда; участие населения в социологических опросах по вопросам судебной деятельности);
- опосредованная форма осуществления общественного контроля и принятие мер воздействия путем сообщения в уполномоченные органы и учреждения (обжалование судебных решений).

По времени осуществления:

- предварительный контроль проводится с целью недопущения нарушений законодательства и имеет предупредительный характер (обжалование (опротестование) судебных решений);
- текущий контроль осуществляется в процессе повседневной деятельности подконтрольного объекта (формирование банка данных судебных решений);
- последующий контроль проводится с целью проверки фактического выполнения ранее предписанных решений и действий.

По основаниям и источнику инициирования:

- прямое указание на участие населения в судебной деятельности в нормативных правовых актах (п. 3 ст. 32 УПК Республики Беларусь – институт народных заседателей);
- волеизъявление граждан (право любого лица, достигшего 16-летнего возраста, присутствовать в открытом судебном заседании).

Наибольший интерес с точки зрения демонстрации разнообразия форм общественного контроля за судебной деятельностью вызывает его анализ с позиций процесса институционализации, в основу которого положены такие системообразующие признаки, как форма выражения общественного контроля и статус контролируемых субъектов. Так, по данному основанию можно выделить внешний, внутренний и смешанный (гибридный) общественный контроль.

Внешний контроль за деятельностью суда и иных правоохранительных органов является самым объемным по содержанию и характеризуется наибольшим разнообразием форм его осуществления. Внешний контроль осуществляется на нерегулярной основе (по мере необходимости) независимыми субъектами (гражданами, общественными объединениями, организациями, иными лицами), деятельность которых непосредственно не связана с осуществлением судебной власти в государстве и функционированием судебной системы.

Согласно Модельному закону СНГ «Об общественной экспертизе» под общественной экспертизой нормативных правовых актов понимается деятельность уполномоченных органов, организаций и граждан (общественных экспертов), связанная с анализом решений органов государственной власти, органов муниципального управления, общественных организаций и иных лиц, влияющих на реализацию прав граждан и осуществление их обязанностей, а также с оценкой последствий принятия указанных решений, затрагивающих интересы граждан, общества и государства [6].

В Республике Беларусь понятие общественной экспертизы нормативных правовых актов традиционно употребляется в связи с регулированием отношений в сфере охраны окружающей среды [7]. Однако правовое поле осуществления общественной экспертизы является более обширным, затрагивающим вопросы общественной безопасности, правопорядка, социальной защищенности граждан и др. Поэтому в Республике Беларусь представляется целесообразным расширить границы общественной экспертизы нормативных правовых актов, в том числе на судебную деятельность и деятельность иных правоохранительных органов.

Одна из форм осуществления внешнего общественного контроля за судебной деятельностью – организация и поддержание судом так называемой «обратной связи» с населением посредством использования информационно-коммуникационных технологий. К примеру, система электронных обращений в суд, предполагающая определение единого порядка электронных обращений с возможностью уведомления о получении обращения адресатом; опубликование судами своих решений либо создание банка данных судебных решений, благодаря которому судебные решения приобретают статус своеобразного регулятора общественных отношений. Во многих зарубежных государствах на сайтах судов существуют так называемые «коллекции судебной практики», где размещаются все решения, вынесенные судом.

Внутренний контроль за судебной деятельностью осуществляется, как правило, на постоянной основе с определенной периодичностью и связан с контролирующей деятельностью субъектов, прямо или косвенно задействованных в судебной деятельности и осуществлении правосудия.

Объективным выражением внутреннего контроля за судебной деятельностью выступают органы судейского сообщества, поскольку в состав данных органов помимо профессиональных судей могут входить и иные лица. Весьма важным является появление в Кодексе Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей соответствующего раздела. По мнению В.Н. Бибило, «сам факт функционирования судейского сообщества свидетельствует о демократических преобразованиях в обществе, причастности самих судей к упрочению организационно-правовых гарантий судебной власти» [8]. Так, по законодательству Республики Беларусь в состав квалификационной коллегии судей могут быть включены ученые-юристы, иные специалисты в области права, в полномочия которых входит: проведение (вне) очередной аттестации судей; рассмотрение заявлений о зачислении кандидатом в судьи, постановлений о возбуждении дисциплинарного производства; принятие решений об освобождении судей от должности; осуществление выездных заседаний коллегии в нижестоящие суды для изучения дел, рассматриваемых судьями, которым предстоит очередная аттестация, для контроля за соблюдением судьями культуры правосудия, для анализа жалоб непроцессуального характера, для проведения проверок выполнения судьями рекомендаций, полученных от квалификационной коллегии судей по результатам аттестации, соблюдения судьями норм служебной этики и др. [9].

Наиболее полно внутренний контроль выражается в форме непосредственного участия граждан в отправлении правосудия. В Законе Республики Беларусь от 13 января 1995 года № 3514-ХП «О судоустройстве и статусе судей» был установлен институт присяжных заседателей по гражданским и некоторым уголовным делам. В соответствии со статьей 8 указанного Закона, суд должен был рассматривать дела по первой инстанции в составе одного судьи и коллегии из семи присяжных заседателей о преступлениях, за совершение которых предусматривалось наказание в виде смертной казни, если обвиняемый не признавал себя виновным и требовал рассмотрения дела судом присяжных. Однако в новом УПК Республики Беларусь было принято решение вернуть действовавший ранее институт народных заседателей. На сегодняшний день согласно статье 9 Кодекса Республики Беларусь «О судоустройстве и статусе судей» данная форма участия граждан в осуществлении правосудия является единственной законодательно закрепленной формой.

Представляется, что одной из форм внутреннего контроля за судебной деятельностью должен стать мониторинг общественного мнения самих судей и работников суда при планировании и организации судебной деятельности, а также в целях повышения демократизма и совершенствования процесса судебного управления [10, с. 99].

Смешанный (гибридный) контроль за судебной деятельностью сочетает в себе признаки как внешнего, так и внутреннего контроля. Так, Научно-консультативный совет при Верховном Суде Республики Беларусь (далее – Совет) по составу и по выполняемым функциям, можно отнести к смешанным формам общественного контроля за судебной деятельностью. В состав Совета входят судьи и представители научной общественности. Совет взаимодействует с научными организациями, вузами, экспертными советами;

содействует укреплению контактов Верховного Суда Республики Беларусь с научной общественностью, освещению деятельности Верховного Суда Республики Беларусь в научных публикациях [11].

Правовая природа института обжалования судебных решений, приговоров и иных судебных постановлений, предусмотренного частью 3 статьи 115 Конституции Республики Беларусь, также сочетает в себе признаки внешнего (возможность подачи жалобы любым участником уголовного судопроизводства на решение суда первой инстанции) и внутреннего (контроль со стороны вышестоящей судебной инстанции за решением суда первой инстанции) общественного контроля.

К гибридным формам общественного контроля можно отнести проведение выездных судебных заседаний, поскольку, с одной стороны, на судебном заседании присутствуют граждане-работники соответствующего предприятия, учреждения, учащиеся школ, вузов и т.д., с другой – контроль осуществляется непосредственно судьей, в функции которого входит обеспечение процессуального порядка в судебном заседании.

Институциональным выражением гибридного контроля за судебной деятельностью выступают также международные и наднациональные органы и учреждения, неправительственные организации, созданные и функционирующие, как правило, в рамках межгосударственных образований. Так, Советом Европы были созданы разнообразные организации, содействующие развитию общедемократических принципов, закрепленных в Европейской конвенции по правам человека. В сфере судебной деятельности к таким организациям относятся Консультативный совет европейских судей, Комиссия по эффективности правосудия, Консультативный совет европейских прокуроров, которые в той или иной степени участвуют в реализации механизмов контроля за процессами, происходящими в сфере осуществления правосудия. Так, Консультативный совет европейских судей (Consultative Council of European Judges) состоит из судей и способствует распространению идей независимости, верховенства и легитимности судебной власти посредством проведения заседаний и принятия соответствующих заключений.

Заключение. На основании проведенного исследования в целях оптимизации осуществления общественного контроля за судебной деятельностью в Республике Беларусь представляется целесообразным:

- продолжать практику осуществления общественного контроля за судебной деятельностью;
- расширять на законодательном уровне перечень лиц, имеющих право на осуществление общественного контроля за судебной деятельностью, и форм такого контроля. В этих целях рекомендуется дополнить статью 9 Кодекса Республики Беларусь «О судостроительстве и статусе судей» следующим образом: «Граждане Республики Беларусь и иные лица имеют право участвовать в деятельности суда по осуществлению правосудия в качестве народных заседателей, а также в иных формах в порядке и случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иными законодательными актами»;
- создать банк данных судебных решений и судебной практики;
- расширять практику осуществления так называемой «обратной связи» суда с населением;
- проводить мониторинг общественного мнения самих судей и работников суда при планировании и организации работы суда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХП // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. О контроле деятельности первичных профсоюзных организаций Белорусского профсоюза работников здравоохранения по вопросу осуществления общественного контроля за соблюдением законодательства об охране труда [Электронный ресурс]: постановление Президиума Республиканского комитета Белорусского профсоюза работников здравоохранения, 3 сент. 2015 г., № 289 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. О порядке осуществления общественными объединениями общественного контроля за исполнением законодательства Республики Беларусь об охране историко-культурного наследия [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 окт. 2008 г., № 1570 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. Об утверждении Положения о порядке осуществления общественными объединениями контроля за деятельностью органов и учреждений, исполняющих наказания и иные меры уголовной ответственности [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 сент. 2006 г., № 1220 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
5. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 24 янв. 2016 г., № 305-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

6. О Модельном законе «Об общественной экспертизе»: постановление Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, 29 нояб. 2013 г., № 39-8 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
7. Об утверждении Положения о порядке проведения общественной экологической экспертизы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 окт. 2010 г., № 1592 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
8. Бибило, В.Н. Становление и развитие белорусского законодательства о судоустройстве [Электронный ресурс] / В.Н. Бибило // Белорус. гос. ун-т. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/34027/1/%D0%92.%D0%9D.%20%D0%91%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%BE.pdf>. – Дата доступа: 14.09.2015.
9. Об итогах работы квалификационных коллегий судей хозяйственных судов за 2011 год: постановление Пленума Высшего хозяйственного Суда Республики Беларусь, 23 дек. 2011 года, № 24 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
10. Симкин, Л.С. Функции организационного руководства судами / Л.С. Симкин // Советское государство и право. – 1980. – № 8. – С. 93–99.
11. Об утверждении положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде Республики Беларусь: постановление Пленума Высшего хозяйственного Суда Республики Беларусь, 27 марта 2014 года, № 8 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

Поступила 05.04.2016

FORMS OF INSTITUTIONALIZATION OF PUBLIC CONTROL OVER JUDICIAL ACTIVITIES

A. YARMATS

The legislation of the Republic of Belarus secured the opportunity of citizens' to participate in the administration of justice of the Court as lay judges. We believe that the forms of popular participation in the judicial activities are not limited to, suggesting that the presence of the institute of public control over the judicial activities in the Republic of Belarus. In this regard, the article attempts to classify the forms of public control over the judicial activity on various grounds. The attention is focused on forms of public control over the judicial activity, allocated in the form of institutionalization. The conclusion about the need to expand the forms of public control over the judicial activities, including at the legislative level.

Keywords: law of the Republic of Belarus, the judicial activity, the institutionalization, the Institute of public control.

УДК 343.13(476)

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

канд. юрид. наук, доц. Я.А. ПОЖОГО
(Белорусский государственный экономический университет)

Исследуются правила апелляционного производства по уголовным делам, введенные Законом Республики Беларусь № 356-3 от 5 января 2016 года. Сравнивается апелляция в Беларуси с российским и украинским законодательством. Учреждение апелляционных судов рассматривается как новый этап в развитии уголовного судопроизводства в Республике Беларусь. Полагаем, что ликвидация кассационных судов и отсутствие права на обжалование и опротестование приговоров и иных постановлений Верховного Суда Республики Беларусь не соотносятся с положениями Конституции. Предлагается изменить порядок исследования доказательств в апелляционных судах и допрашивать свидетелей, потерпевших и экспертов, а также сократить сроки представления материалов дел в апелляционный суд.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное дело, кассационный, апелляционный суд, жалоба.

Введение. Закон Республики Беларусь от 5 января 2016 года № 356-3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» внес существенные изменения в Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) Республики Беларусь и ряд других кодексов белорусского государства [1]. Указанный закон охватывает широкий диапазон правового регулирования в сфере гражданских, уголовных, административных, уголовно-процессуальных и иных общественных отношений.

В качестве главной цели настоящего исследования выступает анализ новелл в уголовно-процессуальном праве, которые связаны с учреждением стадии апелляционного производства и ликвидацией стадии пересмотра постановлений суда 1-й инстанции в кассационном порядке. Путем сравнения введенных правил апелляции по уголовным делам с отмененной процедурой кассационного производства в Беларуси, а также сопоставления отечественного законодательства апелляции с уголовно-процессуальным правом Российской Федерации и Украины предпримем попытку выявить достоинства и изъяны в апелляции по уголовным делам.

Основная часть. Судебные ошибки по уголовным делам подлежат устранению и исправлению в строгом соответствии с УПК Республики Беларусь. До принятия и вступления в законную силу Закона Республики Беларусь № 356-3 от 5 января 2016 года незаконные и необоснованные постановления судов по делам о совершенных преступлениях подлежали отмене или изменению в кассационном порядке, в надзорном производстве и по вновь открывшимся обстоятельствам. До 2016 года в национальном уголовном процессе Беларуси апелляционное производство отсутствовало. В то же время после распада СССР в Российской Федерации и Украине законодатель намного ранее, чем в Беларуси, учредил апелляционное производство.

Для проведения наиболее полного исследования и достижения цели обратим внимание на основные положения кассационного производства по уголовным делам, которое с 2016 года упразднено. Так, порядок пересмотра приговоров, определений и постановлений, не вступивших в законную силу, был урегулирован в статьях 370–398 УПК Республики Беларусь (раздел X, гл. 39–40).

В главе 39 содержались правила обжалования и опротестования приговоров, определений и постановлений, не вступивших в законную силу. Порядок рассмотрения уголовных дел по кассационным жалобам и протестам был закреплен в статьях 378–398 главы 40 УПК Республики Беларусь.

Согласно статье 370 УПК Республики Беларусь право кассационного обжалования и опротестования приговора было предоставлено: обвиняемому, его защитнику и законному представителю, а также потерпевшему, частному обвинителю или их представителям и другим указанным в законе лицам.

На прокурора указанная норма Кодекса возлагала обязанность опротестовывать в кассационном порядке каждый приговор, постановленный с нарушениями уголовного или уголовно-процессуального законодательства. При этом право на принесение протеста в кассационном порядке принадлежало прокурору, участвовавшему в рассмотрении дела в качестве государственного обвинителя. Что касается Генерального прокурора Республики Беларусь, прокуроров областей, городов, районов и приравненных к ним прокуроров и их заместителей, то они в пределах своей компетенции имели право опротестовывать приговор независимо от участия в судебном разбирательстве дела.

Гражданский истец и гражданский ответчик или их представители обладали правом обжалования в кассационном порядке приговора только в части, относящейся к гражданскому иску (пункт 4 ст. 370 УПК).

На основании пункта 5 статьи 370 УПК Республики Беларусь лицо, оправданное судом, могло обжаловать в кассационном порядке оправдательный приговор только в части мотивов и оснований оправдания.

Пункт 6 статьи 370 Кодекса устанавливал, что приговоры Верховного Суда Республики Беларусь обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежали. Перечень кассационных судов был закреплен в статье 371 УПК Республики Беларусь: приговоры, вынесенные районными городскими судами, пересматривались соответствующими областными (Минским городским) судами; приговоры областных и Минского городского судов пересматривались Верховным Судом Республики Беларусь.

Кассационные жалобы и протесты направлялись в кассационный суд через суд, вынесший приговор.

Особые правила обжалования и опротестования применялись в отношении определений (постановлений) суда первой инстанции по уголовному делу на основании статьи 377 УПК. Указанные жалобы и протесты именовались частными, а не кассационными.

Кассационное обжалование и опротестование осуществлялось в течение 10 суток со дня провозглашения приговора. В случае подачи жалобы обвиняемым, который содержался под стражей, десятидневный срок исчислялся со дня вручения ему копии приговора (ст. 374 УПК Республики Беларусь).

В силу требований статьи 376 УПК подача кассационной жалобы или протеста приостанавливала приведение приговора в исполнение.

По правилам кассационного производства предметом кассационного рассмотрения уголовного дела являлась проверка правильности применения закона к установленным судом фактам и соблюдения в ходе судебного разбирательства и разрешения уголовного дела процессуального законодательства. На основании статьи 378 УПК Республики Беларусь кассационный суд проверял законность и обоснованность приговора как по материалам, имеющимся в деле, так и дополнительно представленным. При этом суд не был связан доводами кассационных протестов и жалоб и проверял дело в полном объеме и в отношении всех обвиняемых.

Статья 380 УПК Республики Беларусь устанавливала, что кассационные суды должны рассматривать дела в день, назначенный судом первой инстанции, но не позднее одного месяца со дня его поступления. В исключительных случаях этот срок были уполномочены продлевать не более чем на 2 месяца председатель или его заместитель соответствующего суда кассационной инстанции.

Важным полномочием кассационных судов было их право принимать постановления с учетом дополнительно представленных материалов. В соответствии со статьей 383 УПК Республики Беларусь дополнительные материалы в кассационный суд кассаторы могли представить как до рассмотрения уголовного дела, так и в процессе его рассмотрения.

Процессуальный закон устанавливал, что дополнительные материалы не могли быть получены путем производства следственных действий.

Порядок рассмотрения дела в кассационном суде устанавливал, что в кассационном суде обвиняемый, его защитник и законный представитель, а также потерпевший, свидетели, эксперты, допрошенные в суде первой инстанции, дают пояснения, а не допрашиваются (статья 384 УПК).

В статье 388 УПК Республики Беларусь содержались основания к отмене или изменению приговора суда. К ним относились: 1) односторонность или неполнота судебного следствия; 2) несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре фактическим обстоятельствам дела; 3) существенное нарушение уголовно-процессуального закона; 4) неправильное применение уголовного закона; 5) несоответствие назначенного судом наказания тяжести преступления и личности обвиняемого.

В статьях 389, 390, 391, 392 и 393 УПК Республики Беларусь детально раскрывались перечисленные основания для отмены судебных приговоров. Уголовно-процессуальный кодекс в достаточно детальной форме регламентировал и иные правила кассационного производства.

Рассмотрим ключевые правила стадии апелляционного производства в Республике Беларусь по пересмотру приговоров, определений, постановлений судов первой инстанции по уголовным делам, не вступивших в законную силу. Указанные положения закреплены Законом № 356 в разделе X УПК Республики Беларусь.

Проанализируем некоторые из основных правил апелляционного производства по уголовным делам. Так, в статьях 370–376 УПК Республики Беларусь закреплены правила обжалования и опротестования приговоров судов первой инстанции, а в статье 377 УПК порядок обжалования и опротестования определений (постановлений) судов первой инстанции. Согласно статье 370 УПК Республики Беларусь право обжалования приговора, не вступившего в законную силу, предоставлено обвиняемому, его защитнику, потерпевшему, частному обвинителю и представителям этих лиц.

Право на внесение апелляционного протеста принадлежит прокурору, участвовавшему в рассмотрении уголовного дела в качестве государственного обвинителя, а также Генеральному прокурору Республики Беларусь, прокурорам области, города Минска, районов, городов, межрайонным прокурорам

и приравненным к ним транспортным прокурорам и их заместителям в пределах своей компетенции независимо от участия в судебном разбирательстве уголовного дела. Кроме того, в случаях, указанных в УПК Республики Беларусь, прокурор не только вправе, но и обязан опротестовать каждый приговор, постановленный с нарушениями уголовного и уголовно-процессуального закона.

В пунктах 3–5 статьи 370 УПК Беларуси указано, что гражданский истец и гражданский ответчик, их представители могут обжаловать в апелляционном порядке приговор в части, касающейся гражданского иска. Обвиняемый, который оправдан судом, может обжаловать приговор только в части мотивов и оснований оправдания.

Как отмечено в пункте 5 статьи 370 УПК Беларуси, приговоры, определения и постановления Верховного Суда Республики Беларусь обжалованию и опротестованию в апелляционном порядке не подлежат. В этой части уголовного процесса каких-либо новелл, в сравнении с отмененной кассацией, законодателем не внесено.

Однако здесь уместно заметить, что в главе 6 «Суд» Конституции Республики Беларусь закреплены фундаментальные положения о деятельности судов в нашей стране. При этом в части 3 статьи 115 Основного Закона указано, что «стороны и лица, участвующие в процессе, имеют право на обжалование решений, приговоров и других судебных постановлений [2].

Таким образом, содержание пункта 5 статьи 370 УПК Республики Беларусь не в полной мере соответствует Конституции и нуждается в дальнейшей корректировке с целью обеспечения конституционного права на обжалование судебных постановлений.

Сроки апелляционных обжалований и опротестования закреплены в статье 374 УПК Республики Беларусь, и они аналогичны тем срокам, которые применялись в кассационном производстве [3]. Жалобы и протесты на приговоры судов первой апелляции подлежат направлению в течение десяти суток со дня провозглашения приговора. Обвиняемый, содержащийся под стражей, может подать жалобу в пределах десяти суток с момента вручения ему копии приговора.

В пункте 4 статьи 374 УПК закреплено важное право на подачу дополнительных жалоб и протестов, а также письменных возражений на них. Эти процессуальные документы могут быть представлены в апелляционную инстанцию не позднее, чем за трое суток до начала рассмотрения уголовного дела.

Несомненно, это право создает дополнительные гарантии для более качественного пересмотра приговоров судов в апелляционном порядке.

Статья 376 УПК Республики Беларусь закрепляет правовые последствия подачи апелляционной жалобы или внесения протеста. По истечении двух месяцев по уголовным делам сокращенного производства; по иным делам – не позднее трех месяцев суд, постановивший приговор, направляет дело со всеми поступившими материалами в апелляционную инстанцию и извещает заинтересованных лиц о дне рассмотрения дела в апелляционном суде.

Представляется, что сроки в пределах одного месяца и трех для направления дела в апелляционный суд крайне завышены. Существенной организационно-технической работы для суда первой инстанции, связанной с отправкой дела, не требуется. Таким образом, неоправданно увеличивается срок разрешения дела по существу и создаются препятствия для вынесения законного, обоснованного и справедливого постановления суда.

По нашему мнению, в пункт 2 статьи 376 УПК необходимо внести изменения и сократить сроки направления дела в апелляционный суд: до 15 дней (по делам сокращенного производства) и одного месяца (по иным делам).

Апелляционный суд проверяет правильность установления фактических обстоятельств дела и применения уголовного закона, а также соблюдение судом первой инстанции норм уголовно-процессуального закона (статья 378 УПК в новой редакции).

Апелляционное производство устанавливает систему процессуальных правил, которые отсутствовали в УПК Республики Беларусь при кассационном пересмотре судебных постановлений.

В целом порядок апелляционного производства в большей степени, чем кассационное производство, гарантирует устранение ошибок суда первой инстанции и защиту прав сторон уголовного процесса.

Усиление гарантий защиты прав участников уголовного процесса в апелляционном производстве обеспечивается 1) путем более детальной регламентации апелляционного производства, вследствие чего сужается возможность незаконного ограничения прав сторон и других лиц; 2) внедрением новых процессуальных механизмов, направленных на обеспечение законности в уголовном судопроизводстве.

Для всестороннего анализа и оценки значимости новелл, внесенных в УПК, требуется проведение крупномасштабных комплексных научных исследований.

В подтверждение значимости изменений в уголовном судопроизводстве отметим только отдельные положительные элементы апелляционного производства.

Статья 385 УПК Республики Беларусь достаточно детально регламентирует порядок рассмотрения уголовного дела и полномочия апелляционной инстанции. В частности, в этой норме апелляционному суду предоставлено право исследовать доказательства с использованием систем видеоконференций. Кроме того, пункт 11 статьи 385 УПК Беларуси устанавливает, что при заслушивании апелляционным судом объяснений обвиняемого, потерпевшего, свидетелей и других участников процесса, а также при исследовании дополнительных материалов ход судебного заседания фиксируется с использованием средств аудио- и видеозаписи. Эти записи приобщаются к материалам уголовного дела.

Весьма значимыми в деле совершенствования правил пересмотра судебных постановлений, не вступивших в законную силу, по уголовным делам являются также и многие другие нормы апелляционного производства:

- о содержании апелляционного определения;
- о содержании апелляционных жалоб и протестов;
- об отсрочке исполнения наказания;
- об изменении и прекращении принудительных мер безопасности и лечения;
- об обеспечении безопасности участников процесса и др.

Вместе с тем в новых правилах сохранились и недостатки, которые существенно снижают эффективность апелляции. «Ахилесовой пятой» апелляционного производства является процедура рассмотрения дела в апелляционном суде.

В соответствии с пунктом 6 статьи 385 УПК Республики Беларусь потерпевшие, свидетели, допрошенные в суде первой инстанции, а также эксперты в апелляционном суде дают объяснения, но не допрашиваются. Таким образом, эти лица не предупреждаются судом об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Следовательно, участие этих лиц в апелляционном суде приобретает формальный характер и сводит на нет иные правовые достоинства апелляции.

Для сравнения новелл в Уголовно-процессуальном кодексе Беларуси с зарубежными законодательствами обратим внимание на Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [4] и Уголовно-процессуальный кодекс Украины [5].

Учитывая различия в территориальном устройстве и законодательстве этих стран, рассмотрим отдельные положения уголовно-процессуального регулирования апелляционного производства в России и Украине.

Так, Уголовно-процессуальный кодекс *Российской Федерации* предусматривает пересмотр судебных приговоров судов первой инстанции в апелляционном, кассационном и надзорном производстве, а также по вновь открывшимся обстоятельствам. Кроме того, при обжаловании и опротестовании судебных постановлений по уголовным делам в апелляционные суды эти судебные инстанции рассматривают дела по правилам их рассмотрения в судах первой инстанции. Это означает, что свидетели, потерпевшие и эксперты допрашиваются, а не дают объяснения.

Схожие правила действуют и при апелляционном обжаловании судебных постановлений судов первой инстанции по уголовным делам в *Украине*. Как и в Российской Федерации, в Украине судебные приговоры могут быть пересмотрены в апелляционном, кассационном и надзорном порядке, а также по вновь открывшимся обстоятельствам. В апелляционном суде Украины, в отличие от Беларуси, свидетели, потерпевшие и эксперты не дают пояснения, а допрашиваются. Для сравнения также заметим, что суд первой инстанции в Украине обязан направить материалы уголовного дела в апелляционный суд в течение трех дней с момента истечения срока на обжалование и опротестование приговора.

На основании проведенного анализа некоторых положений об апелляционном производстве в уголовном процессе Беларуси в сравнении с законодательством России и Украины можно сделать следующие **выводы**:

- 1) введение апелляционного производства в уголовном процессе Республики Беларусь – необходимый этап в совершенствовании уголовного судопроизводства;
- 2) вместе с тем упразднение стадии кассационного производства в уголовном процессе не в полной мере отвечает требованиям обеспечения законности и справедливости при вынесении приговоров и иных постановлений по уголовным делам;
- 3) с целью совершенствования апелляционного производства и обеспечения конституционного права на обжалование судебных постановлений, выносимых по уголовным делам Верховным Судом Республики Беларусь, по нашему мнению, целесообразно учредить апелляционный суд в Верховном Суде;
- 4) для обеспечения экономичности и законности апелляционного процесса следует сократить сроки направления материалов дел в апелляционный суд до 15 дней (по делам сокращенного производства) и до 1 месяца по другим делам;

5) требуется также изменить порядок исследования доказательств в апелляционном суде: производить допросы (а не получать объяснения) свидетелей, потерпевших и экспертов.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2016 г., № 356-3 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2016. – Дата доступа: 15.03.2016.
2. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятая на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – 188. – 1/6032.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: с изменениями и дополнениями по состоянию на 4 сент. 2015 г. – Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. 2015. – 448 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации, 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ, в ред. Федерального закона Рос. Федерации от 02.03.2016 / Tut.by [Электронный ресурс]. – Минск, 2016. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons.doc-Law/3448>. – Дата доступа 28.03.2016.
5. Криминальный процессуальный кодекс Украины: Закон України, 13 квітня 2012 р, № 4651 – VI: зміни внесені Законом України вид. 18 лютого 2016 г., № 4050 – VI // Яндекс [Электронный ресурс]. – Минск, 2016. – Режим доступа: <http://search.ligizakon.ual/doc.2.nst/dink1/T12465.htm>. – Дата доступа: 28.03.2016.

Поступила 07.04.2016

ON THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEDURE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

J. POZHOGO

The rules of appeal procedure in criminal cases introduced in the Law of the Republic of Belarus No. 356-3 dated January 5, 2016 are studied. The Belarusian appeal system is compared with the Russian and Ukrainian law. The establishment of the Courts of Appeal is viewed as a new stage in the development of the criminal procedure in Belarus. The Author suggests that the dissolution of the Courts of Cassation, absence of the right to appeal to a verdict or a decree of the Supreme Court of the Republic of Belarus do not correspond with the Constitution. The following amendments are suggested: change the process of examining evidence in the Courts of Appeal and questioning witnesses, victims and experts; change terms of case provision to the Court of Appeal.

Keywords: *criminal trial, criminal case, appeal, court of appeal, complaint.*

УДК 343.98

МЕТОДЫ ЭКСПЕРТНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

канд. юрид. наук **Е.Ю. ГОРОШКО**
(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

Рассматривается современный процесс становления частной судебно-экспертной теории прогнозирования в рамках развивающейся молодой науки судебной экспертизы. Сформирована система методов экспертного прогнозирования, основываясь на общенаучной методологии исследования и функционирующих в настоящее время подходах формирования частных теорий и учений. Уделено внимание общелогическим методам экспертной теории прогнозирования, таким как: сравнение, анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, индукция, дедукция, аналогия и моделирование, содержательный компонент которых раскрыт применительно к экспертно-прогностической деятельности. Показано, что применение общелогических методов – обязательное предопределяющее условие рационального и эффективного формирования экспертного прогноза в контексте становления теоретических основ экспертного прогнозирования и в рамках экспертной практики.

Ключевые слова: *теория экспертного прогнозирования, методы прогнозирования, общелогические методы, прогностическое моделирование, методы теоретического прогностического исследования.*

Теория экспертного прогнозирования как формирующаяся в настоящее время самостоятельная система знаний имеет собственную систему методов, которые обеспечивают ее методологическое развитие и возможность реализации в судебно-экспертной деятельности. Как отмечают М. Пэнто и М. Гравитц, «любая теория предполагает проблемы специфического содержания, которые она стремится разрешить. Однако теория отвечает на вопрос «что»?», в то время как методы, отвечают на вопрос «как»?» [1, с. 199].

Говоря о методах любой теории, представляется верным классифицировать их на научные методы, которые обеспечивают формирование и совершенствование данной теории, и прикладные, которые представляют собой инструментарий ее применения. Полагаем, что применительно к теории экспертного прогнозирования прикладные методы систематизируются в соответствии с классификацией криминалистических методов ввиду того, что частная судебная экспертная теория прогнозирования есть система знаний, которая в результате закона интеграции и дифференциации знаний и базирующихся на нем процессах объективно отпочковывается от криминалистической частной прогностической теории. Сегодня данный процесс активно обсуждается среди ученых, которые говорят о теории экспертного прогнозирования как о частной судебной экспертной теории, находящейся в процессе своего становления и развития [2, с. 404]. В то же время методы частной теории экспертного прогнозирования основываются на методологии современной науки общей теории судебной экспертизы, которая сегодня заявляется как самостоятельная область научного знания [2, с. 33].

Таким образом, система методов теории экспертного прогнозирования состоит из научных и прикладных систем методов, включающих определенную совокупность элементов.

Рассмотрим содержательный компонент научной системы методов.

Научные методы экспертного прогнозирования представляют собой инструментарий данной области знаний как науки. Под научным методом сегодня рассматривается система предписаний, регламентирующих содержание и последовательность познавательных действий, операций, процедур исследователя [3, с. 291]. В литературе существует множество классификаций научных методов. В общенаучные методы Р.С. Белкин включал чувственно-рациональные, математические и кибернетические [4, с. 63–65]. Применительно к прогнозированию в криминалистике Л.Г. Горшенин выделял в системе общенаучных методов наблюдение, описание, измерение, сравнение, моделирование и эксперимент [5, с. 45]. Импонирует и представляется более полной классификация Я.С. Яскевича и В.К. Лукашевича, которые в систему научных методов включают по формальным признакам общелогические методы, а по содержательным – методы теоретического и эмпирического исследования [3, с. 293].

Заметим, что в основу системы методов экспертного прогнозирования заложен философский фундамент и общенаучные подходы, которые представляют собой систему общих концепций, применяемых во всех сферах научного исследования. Уделим внимание общелогическому компоненту системы научных методов экспертного прогнозирования.

Общелогические методы обозначают собой гносеологическую сущность научного познания в области экспертного прогнозирования и включают: *методы сравнения, анализа, синтеза, индукции, дедукции, абстрагирования, обобщения, аналогии и моделирования.*

На основании общенаучного толкования данных методов сущность их применительно к теории экспертного прогнозирования следующая.

Метод сравнения состоит в сопоставлении объектов экспертного прогнозирования, которые по своим существенным свойствам в качественном и количественном отношении имеют определенную общность.

Ряд исследователей, в частности А.А. Козел, Л.Е. Лойко, отмечают, что «нельзя сравнивать заведомо несравнимые вещи, так как это для познания ничего не дает» [6, с. 328]. Следовательно, объекты экспертного прогноза должны иметь совокупность существенных одинаковых признаков, по которым должны изучаться их характеристики. Кроме того, метод сравнения обеспечивает экспертное прогнозирование инновационным развитием путем сопоставления различного рода научных концепций и положений, преломляя их к нуждам судебно-экспертной практики.

При помощи *метода анализа* объект экспертного прогнозирования расчленяется на составляющие элементы и проводится их глубокое изучение независимо друг от друга. Анализ в области формирования научных основ экспертного прогнозирования позволяет исследовать методологические элементы теории в познании конкретной сущности каждого из них относительно совокупности обладающих свойств.

Метод синтеза, наоборот, составные части объекта экспертного прогнозирования исследует в контексте их взаимодействия друг с другом, тем самым воссоединяя их в одно целое.

Теоретическое значение методов анализа и синтеза для экспертного прогнозирования заключается в возможности построения целостной системы знаний о формировании и реализации прогноза на основе исследованных и достоверных фактов.

Абстрагирование как общенаучный метод в рамках формирующейся теории экспертного прогнозирования представляет собой «научное обобщение, позволяющее отразить основные закономерности исследуемых объектов или явлений, изучать их, а также прогнозировать новые, неизвестные закономерности» [7]. В экспертном прогнозировании данный метод вычленяет мысленно определенные признаки объекта экспертного прогноза, при этом игнорируя его несущественные свойства с целью установления истинности и многообразия характеристик объекта исследования.

Обобщение – метод познания, состоящий в установлении общих признаков, свойств и отношений объекта экспертного прогнозирования. Данный метод представляется особенно важным, так как любой прогноз есть не что иное, как генерализация массива информации по конкретным свойствам объекта и их проявлениям в определенных условиях. Обобщение является стержневым методом в формировании информационного основ экспертного прогнозирования.

Метод дедукции, по мнению Л.Г. Горшенина, применительно к прогнозированию в криминалистике используется для систематизации прогнозируемой информации, более строгого и последовательного выведения следствий из прогнозируемых криминалистических событий и явлений. Важное значение применения данного метода обусловлено накоплением эмпирического материала [5, с. 44]. Аналогично содержание данного метода и в теории экспертного прогнозирования.

Индукция предопределяет формирование выводов и заключений при построении экспертного прогноза на основе изучения конкретных его свойств и признаков. Данный метод позволяет на основе частных эмпирических закономерностей сформировать вывод общего теоретического значения экспертного прогнозирования в отношении конкретного методологического его элемента, например, принципа реализации экспертного прогноза.

Теоретическое значение *аналогии* как общенаучного метода теории экспертного прогнозирования заключается в возможности воспроизведения события или явления прошлого или будущего на основе совокупности определенных данных.

Полагаем, что применение данного метода невозможно без *моделирования*, так как «моделирование основано на динамической аналогии» [2, с. 274], которое, представляется, в экспертном прогнозировании как метод имеет определяющее значение. Прямую взаимосвязь аналогии и моделирования, на наш взгляд, четко сформулировал еще в 1974 году К.Б. Ботароев: «понятие аналогии выражает не только своеобразный логический способ мышления, но и исходный, отправной пункт процесса моделирования, когда из многообразия реальных отношений в модели воспроизводятся или вычленяются те стороны и связи, которые позволяют логически вывести новое знание об интересующем нас объекте» [8, с. 88–89].

В общенаучном аспекте моделирование представляет собой «исследование каких-либо явлений, процессов или систем объектов путем построения и изучения их моделей, т.е. таких объектов, которые являются мысленно представленными или материально реализованными системами, каждая из которых, отображая или воспроизводя объект-оригинал, способна замещать его так, что ее изучение дает... новую информацию об этом объекте» [9, с. 88].

В теории экспертного прогнозирования моделирование выступает, во-первых, в качестве особого свойства мышления субъектов (субъекта) прогнозирования; во-вторых, является обязательным элемен-

том деятельности по формированию и реализации экспертных прогнозов как в практическом, так и научном контекстах; в-третьих, методом изучения объектов.

Человек воспринимает действительность при помощи отражения предметов, явлений и процессов материального мира в своем сознании. При помощи познания он исследует закономерности их развития, моделируя системы мысленных образов. При изучении объектов прогнозирования процесс моделирования направлен на создание и воспроизведение условий их образования и изменения, а также установления всех существующих связей, возникших в процессе взаимодействия с окружающей средой. Так называемое «мысленное моделирование» [10, с. 79], осуществляемое субъектом прогнозирования, обеспечивает идеальное воспроизведение не только самого объекта, но и его структуры, что, на наш взгляд, является важным, так как с философской точки зрения «любой объект представляет собой систему и может быть познан только на основе исследования свойств элементов, ее составляющих, их взаимодействия друг с другом» [11, с. 33]. Это позволяет субъекту прогнозирования более полно и всесторонне исследовать объект, формировать обоснованные прогнозы относительно проявления различных его свойств при воздействии на него множества условий и факторов.

Моделирование как обязательный элемент деятельности субъекта экспертного прогнозирования предполагает четкое, поэтапное, целенаправленное исследование объектов с учетом установления всех их свойств, а также внутренних и внешних связей при взаимодействии друг с другом и окружающей средой. Представляется верной позиция Л.Г. Горшенина, который моделирование рассматривал в прогнозировании в трех процедурах: построение модели объекта, экспериментирование с моделью, перенесение выводов, полученных при эксперименте на объект [5, с. 46]. В экспертном прогнозировании содержательный аспект моделирования в контексте практической деятельности субъекта осуществления аналогично. Как обязательный элемент научной деятельности в рамках экспертной прогностики моделирование включает в себя: уяснение общей задачи теоретического исследования; обеспечение привлечения необходимых специалистов; определение массива информации, а также действий, средств и методов, требуемых для проведения исследования; четкое определение последовательности исследования, формулирование гипотезы, ее доказывание и апробацию.

Моделирование в качестве метода предполагает построение на основе полученных сведений целостной модели прогнозируемого объекта, явления или процесса в конкретных условиях с целью установления достоверных фактов. Отметим, что в настоящее время учеными разработаны различные классификации и виды метода моделирования. Например, Л.Г. Горшенин, в криминалистическом прогнозировании выделял предметное, физическое, предметно-математическое, знаковое и информационное моделирование [5, с. 47]; Т.С. Волчецкая моделирование делит на материальное, кибернетическое и мысленное [12, с. 18].

На наш взгляд, классифицируя моделирование в рамках частной экспертной теории прогнозирования, необходимо учитывать характер прогнозируемых явлений или процессов. Это может быть экспертный прогноз по профилактике преступных действий и чрезвычайных происшествий (пожаров, наводнений и т.д.), совершенствованию профессиональной компетентности кадров и оптимизации судебно-экспертной деятельности в целом и др. В связи с этим моделирование как метод в различных его видах представляется более объемным и может быть детерминированным, стохастическим, статическим, динамическим, дискретным, непрерывным, реальным, мысленным, знаковым, математическим и т.д.

Методы эмпирического исследования экспертного прогнозирования включают наблюдение, описание, измерение и эксперимент. Методы теоретического исследования составляют идеализацию, формализацию, аксиоматический метод, гипотетико-дедуктивный, математическую гипотезу, восхождение от абстрактного к конкретному, мысленный эксперимент, метод единства исторического и логического.

Однако содержательный компонент данных методов применительно к теории экспертного прогнозирования в настоящее время не определен и требует со стороны ученых глубоко осмысления, анализа и разработки.

Заключение. Рассмотренные общелогические методы позволяют субъектам формирования экспертных прогнозов более детально разобраться в сущности прогностического процесса, снизить возможность совершения ошибок. Теоретически изложенные положения могут рассматриваться в качестве основы дальнейшего научного поиска в области становления и развития частной судебно-экспертной теории. Полагаем, что привлечение внимания ученых и практиков к методологии экспертного прогнозирования повысит качество прогнозов, сделает их реализацию более результативной и эффективной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пэнто, Р. Методы социальных наук / Р. Пэнто, М. Гравитц. – М., 1972. – 156 с.
2. Аверьянова, Т.В. Судебная экспертиза: курс общ. теории / Т.В. Аверьянова. – М.: Норма, 2006. – 480 с.

3. Яскевич, Я.С. Философия и методология науки: учеб. пособие / Я.С. Яскевич, В.К. Лукашевич. – Минск: БГЭУ, 2009. – 475 с.
4. Криминалистика: учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]; под ред. Р.С. Белкина. – М.: Норма, 2000. – 972 с.
5. Горшенин, Л.Г. Основы теории криминалистического прогнозирования / Л.Г. Горшенин. – М.: Академия МВД РФ, 1993. – 123 с.
6. Философия: учеб. пособие / А.А. Козел [и др.]; под общ. ред. А.А. Козела. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – 416 с.
7. Абстрагирование: универсальный филос. словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.seso.su/printword.php>. – Дата доступа: 25.03.2014.
8. Ботароев, К.Б. Кибернетика и метод аналогии / К.Б. Ботароев. – М.: МЮ СССР, 1974.
9. Криминалистика: учеб. для вузов / В.Н. Герасимов [и др.]; под ред. Н.П. Яблокова. – М.: БЕК, 1995. – 708 с.
10. Гучок, А.Е. Моделирование преступления на основе его криминалистической структуры / А.Е. Гучок // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Сер. 3, История. Философия. Психология. Политология. Социология. Экономика. Право. – 2008. – № 2. – С. 79–83.
11. Моисеев, Н.Н. Универсум. Информация. Общество / Н.Н. Моисеев. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 200 с.
12. Волчецкая, Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике: учеб. пособие / Т.С. Волчецкая. – Калининград, 1997. – 95 с.

Поступила 22.12.2015

METHODS OF EXPERT FORECASTING

Modern process of formation of the private judicial and expert theory of forecasting within developing young science of judicial examination is considered. The system of methods of expert forecasting, based on general scientific methodology of research and approaches of formation of private theories functioning now and doctrines is created. The attention to general-logical methods of the expert theory of forecasting, such as is paid: comparison, the analysis, synthesis, abstraction, generalization, induction, deduction, analogy and the modeling, which substantial component it is opened in relation to expert and predictive activity. It is shown how application of general-logical methods is an indispensable predetermining condition of rational and effective formation of the expert forecast in a context of formation of theoretical bases of expert forecasting, and within expert practice.

Keywords: *theory of expert forecasting, forecasting methods, general-logical methods, predictive modeling, methods of theoretical predictive research.*

УДК 343.985

**СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА,
ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ,
СВЯЗАННЫМ С КОНТРАФАКЦИЕЙ**

канд. юрид. наук, доц. В.А. ЧВАНКИН
(Академия МВД Республики Беларусь, Минск);
канд. юрид. наук, доц. М.П. ШРУБ
(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

Рассматривается одна из важных задач, стоящих перед органами уголовного преследования, – защита прав на объекты интеллектуальной собственности. При производстве по уголовным делам, связанным с контрафактной продукцией, объективно возникают трудности, связанные с планированием расследования и установлением обстоятельств, подлежащих доказыванию. В этой связи авторами определяется круг типичных следственных ситуаций, возникающих по уголовным делам, связанным с контрафакцией, устанавливается ряд проблем, которые могут возникать в каждой из таких ситуаций, а также даются конкретные предложения по их преодолению. В целях оптимизации планирования расследования раскрываются общие и частные версии, которые могут быть выдвинуты в условиях указанных ситуаций. Определяется перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам рассматриваемой категории. Предложенные сведения направлены на оптимизацию процесса расследования уголовных дел, связанных с нарушениями прав на объекты интеллектуальной собственности, на первоначальном этапе.

Ключевые слова: контрафактная продукция, следственная ситуация, версия, обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Ведение. Процесс расследования каждого конкретного преступления на том или ином этапе протекает в определенных условиях времени, места, окружающей среды, взаимосвязях с другими процессами объективной действительности. Данная система взаимосвязей образует соответствующую обстановку, которую в криминалистике называют *следственной ситуацией*. При этом условия, ее составляющие, делят на группы компонентов информационного, психологического, процессуального, тактического, материального и организационно-технического характера [1, с. 627–637].

Следственные ситуации классифицируют по различным основаниям: отношению к возможности достижения цели расследования; отношениям между участниками; степени проблемности; уровню значимости; времени возникновения в процессе расследования и т.д. [2, с. 503; 4, с. 23–24].

Для разработки частных криминалистических методик важное научно-методическое значение имеет анализ возникающих на практике ситуаций на предмет выделения наиболее часто складывающихся условий (вариаций различных компонентов), которые в конечном итоге позволяют определить ситуации, типичные для расследования преступлений отдельных видов и групп. Такие *типичные следственные ситуации* становятся своего рода отправной точкой для построения рекомендаций по организации (в том числе планированию) расследования, обуславливая наиболее целесообразные алгоритм и тактику действий следователя в конкретной обстановке.

Предмет доказывания, являющийся наряду с типичными ситуациями важным элементом структуры частной криминалистической методики, не содержит каких-либо практических рекомендаций по выявлению, раскрытию и расследованию преступления, как, собственно, и сведения о типичных ситуациях, возникающих в ходе реализации данных процессов. В этом смысле предмет доказывания несет в себе характер информационный, нежели методический, что справедливо и для данных о типичных ситуациях. Вместе с тем содержание названных элементов относится не к преступлению (как содержание криминалистической характеристики), а к его расследованию. При этом предмет доказывания определяет общую цель и направление деятельности органов уголовного преследования в целом. Типичные же ситуации, возникающие в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений, являются своего рода отправной точкой для организации (в том числе планирования) такой деятельности в конкретных условиях и при конкретных обстоятельствах, обуславливая алгоритм конкретных действий и рекомендаций по их осуществлению.

Основная часть. Проблема следственной ситуации активно разрабатывается в криминалистике с 60-х годов XX века. Исследованию теории следственных ситуаций посвящены работы Р.С. Белкина, Л.Я. Драпкина, В.К. Гавло, А.Д. Турчина, В.В. Ключкова, И.Ф. Герасимова, Н.А. Бурнашева, И.А. Возгриня, Г.А. Зорина и других авторов [1, с. 627–642; 3; 5–9].

Как отмечал Р.С. Белкин, «наиболее полно классификации следственных ситуаций были описаны Л.Я. Драпкиным, составившим следующую классификационную схему, помимо которой, и про-

стые, и сложные следственные ситуации подразделяются им на исходные, промежуточные и завершающие» [1, с. 632]. Анализируя различные классификации следственных ситуаций, предложенные Л.Я. Драпкиным, И.Ф. Герасимовым, Н.А. Гранат, А.Р. Ратионовым, И.М. Лузгиным и другими, Р.С. Белкин предлагает делить следственные ситуации на «типичные и специфические; начальные, промежуточные и конечные; бесконфликтные и конфликтные, а в общем виде – благоприятные и неблагоприятные для расследования» [1, с. 632–635; 10, с. 202–203].

Типичная ситуация по отношению к следственной практике имеет научно-методическое значение. Тактическая ее функция состоит в том, что знание типичных ситуаций способствует определению следователем задач и построению им соответствующих версий применительно к конкретной ситуации. Организационно-методическая функция заключается в том, что при оценке конкретной ситуации на каждом этапе расследования учет типичной ситуации облегчает выбор соответствующего направления расследования. Следует отметить и субъективный фактор следственной ситуации, который включает в себя работу следователя с информацией о противоправном деянии, ее изучение; выбор тактических приемов; противодействие участников процесса; профессионализм следователя, его самочувствие и т.д. Им определяются направление и задачи расследования, средства их решения, оцениваются складывающиеся на конкретный момент условия и обстановка и делается вывод о наличии или отсутствии конфликта. Анализируя следственную ситуацию, он выбирает наиболее оптимальные научно-практические рекомендации частной криминалистической методики.

После исследования материалов уголовных дел, возбужденных по статье 201 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь во всех областях республики, удалось выделить следующие следственные ситуации:

1) собственник интеллектуальной собственности своими силами выявил нарушения, установил преступника и заявил об этом в правоохранительные органы;

2) собственник выявил нарушения, но не смог установить преступника, и обратился в правоохранительные органы;

3) данные о нарушении и нарушителе обнаружены органами дознания при проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий;

4) нарушение выявлено организацией, представляющей права собственника, и ее представитель обратился в правоохранительные органы;

5) органами дознания оперативным путем выявлено деяние, связанное с изготовлением, транспортировкой, складированием и сбытом контрафактной продукции [11, с. 68–69].

Попытаемся охарактеризовать кратко каждую ситуацию. Ситуации *первая и вторая*: уголовное дело по данной категории преступлений может быть возбуждено только по заявлению потерпевшего. Следует отметить, что преступления, связанные с контрафакцией носят латентный характер. Очень часто, даже если автор и знает о нарушении его прав, он не обращается за помощью в правоохранительные органы. Отчасти это связано со степенью доверия граждан к органам внутренних дел, судам и прокуратуре. Кроме степени доверия на количество заявлений по делам о контрафакции влияют также и специфические отношения между правообладателем и потребителями. Так, владельцы товарных знаков не хотят, чтобы их товарный знак ассоциировался с уголовным делом.

Еще одной проблемой является само заявление в правоохранительные органы, составление которого вызывает у многих правообладателей ряд трудностей, поэтому заявления чаще всего поступают не от самого автора, а от организации, владеющей авторскими или смежными правами на коллективной основе. В этой ситуации следователю можно дать следующие рекомендации. Он должен убедиться, что перед ним представитель именно той организации либо тот человек, чьи права нарушены и должен получить от него подтверждение его авторства либо принадлежности ему смежных прав. Автор может иметь подтверждение иногда в виде сертификата, свидетельства, авторского экземпляра, авторского договора и т. д.

Из изученных нами материалов уголовных дел видно, что правообладатели зачастую обращаются с заявлениями, не подтвержденными необходимыми документами о принадлежности им нарушенного права, об исчислении суммы причиненного ущерба. В результате при рассмотрении заявлений, проверке изложенных в нем фактов не всегда удается получить данные, достаточные для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Ситуация третья: согласно Закону «Об органах внутренних дел» сотрудники органов внутренних дел обязаны пресекать и предотвращать преступления и правонарушения, что и осуществляется путем проведения периодических рейдов, проверок в местах предполагаемого сбыта контрафактной продукции. Заявление от пострадавшего как повод к возбуждению уголовного дела может появиться и в ходе проверки. Такие мероприятия должны проводиться и оформляться в строгом соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом и Законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

Оперативные работники должны четко и полно фиксировать все значимые для дела обстоятельства и иметь в виду, что значение имеет не только наличие каких-либо атрибутов продукции (квитанции, на-

кладные, лицензионные соглашения, договоры и т.д.), но и их отсутствие у проверяемого лица. Об этом нужно обязательно сделать отметку в протоколе. Тем более что в некоторых регионах установлены свои особенности защиты интеллектуальной собственности.

Как показывает анализ практики, основные проблемы возникают на стадии представления результатов оперативно-розыскных действий следователю. Наиболее распространенной причиной отказа в возбуждении уголовного дела или их прекращение по реабилитирующим основаниям является не использование оперативными работниками всех оперативных возможностей, некачественное отражение оперативно-розыскных мероприятий в документах.

Ситуация четвертая: на территории Беларуси существует несколько различных общественных, коммерческих и государственных организаций, ставящих своей задачей борьбу с видео-, аудио- и компьютерными пиратами. Упоминание такой цели в уставе организации, в иных учредительных документах не наделяет ее правами представлять чьи-либо конкретные интересы в каждом конкретном случае. У заявителя должна быть доверенность от автора (правообладателя) на осуществление действий по защите авторских и смежных прав, в том числе поручение представлять интересы потерпевшего лица в правоохранительных органах с заявлением о пресечении незаконного использования объектов интеллектуальной собственности.

Ситуация пятая: на совершение делящегося преступного деяния, связанного с изготовлением, транспортировкой, складированием и сбытом контрафактной продукции, указывают такие данные, как создание лжепредприятий; оформление фиктивных документов; сложность способа совершения преступления, требующего несколько лиц; крупный размер ущерба.

Что касается правонарушителей, то, согласно нашим исследованиям, «пиратами» в большинстве своем являются лица в возрасте от 23 до 35 лет, из которых половина – женщины. Они, как правило, имеют высшее образование; зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица; положительно характеризуются по месту жительства; ранее не судимы. Как показывают материалы изученных уголовных дел, контрафакторы имеют совершенно ясное представление о вкусах потребителей, отлично знают конъюнктуру рынка, постоянно изучают спрос, иногда выполняют конкретные заказы.

Анализ типовой исходной следственной ситуации, сбор и обработка сведений о ней, а также типологизация правонарушителей позволяет выдвинуть как общие, так и частные версии:

1. Общие версии – имели место следующие факты:

- выпуск контрафактной продукции;
- импорт контрафактной продукции;
- добросовестная продажа контрафактной продукции;
- добросовестный прокат контрафактной продукции;
- не уголовно-наказуемое деяние, связанное с контрафактной продукцией, а административное правонарушение.

2. Частные версии:

- версии о местах совершения преступления (рынки, склады, студии, транспорт, Интернет, библиотеки, гостиницы, кафе, рестораны, бары, клубы, дискотеки, казино, стадионы и т.п.);
- версии о способах совершения преступления (ввоз контрафактной продукции из-за рубежа, изготовление контрафактной продукции внутри страны);
- версия о личности преступника: круг лиц, среди которых следует искать виновное лицо: изготовители и распространители контрафактной продукции; недобросовестные пользователи интеллектуального продукта;
- версии по способу совершения;
- версии по способу сокрытия;
- версии о месте и времени совершения преступления;
- версии о мотивах и причинах преступлений.

Основной мотив – корысть.

Причины:

- дорогостоящая лицензионная продукция, недоступная для потребителя в финансовом плане;
- длительный временной интервал поступления интеллектуального продукта до массового потребителя.

Одной из важных составляющих эффективного расследования указанных деяний является правильное определение круга обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу и имеющих правовое значение для его решения по существу. Совокупность обобщенных обстоятельств, составляющих предмет доказывания, содержится в статье 89 Уголовно-процессуального кодекса (УПК). К ним относятся: наличие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения); виновность обвиняемого в совершении преступ-

ления; обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого (обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, характеризующие личность обвиняемого); характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, подтверждающие, что имущество приобретено преступным путем или является доходом, полученным от использования этого имущества.

Исходя из общих закрепленных в законе требований, предмет доказывания конкретизируется и дополняется применительно к определенному виду преступлений. Перечень таких типичных, подлежащих доказыванию обстоятельств, методика разрабатывает по каждому виду уголовно наказуемых деяний.

Раскроем специфику предмета доказывания применительно к рассматриваемой категории преступлений.

1. *Время и место изготовления, хранения, сбыта контрафактной продукции.* Поскольку нелегитимная продукция может быть изготовлена в одном месте, хранится перед реализацией – в другом, а реализована – в третьем, то установлению и исследованию подлежат все эти места.

2. *Событие преступления.* Установление факта изготовления или реализации контрафактной продукции – один из основных элементов предмета доказывания. Сбываемая нелегитимная продукция может иметь явно выраженные следы подделки: упаковка (полиграфический вкладыш) «черно-белого» исполнения; в качестве правообладателей указаны вымышленные компании либо компании, реально не обладающие правами на воспроизведение и распространение этих фонограмм, указаны вымышленные адреса и телефоны правообладателей либо их официальных дистрибьюторов; низкое качество рисунков и иллюстраций, отсутствие контрастности и чистоты изображения; отсутствуют: информация об исполнителях и наименовании альбома, наименование правообладателей и их товарные знаки; знаки охраны авторских (©) и смежных (®) прав, сведения о годе первой публикации альбомов; низкая розничная цена данной продукции, другие признаки. Бывают ситуации, когда факт контрафакции только предполагается. Для его подтверждения необходимо осуществить ряд неотложных следственных действий либо предварительное исследование данной продукции с целью получения основания для возбуждения уголовного дела.

3. *Способ изготовления или сбыта контрафактной продукции.* По каждому случаю обнаружения контрафактной продукции надлежит устанавливать: каким способом она изготовлена, где хранилась, как осуществлялся ее сбыт, изымалась ли ранее такая продукция, каково отличие контрафактной продукции от лицензионной.

4. *Вид, количество изготовленной, хранящейся, сбытой или реализуемой контрафактной продукции.* Установление перечисленных обстоятельств в сочетании с вышеуказанными позволяет принять необходимые меры для изъятия нелегитимной продукции из обращения в иных торговых точках, определить общественную опасность преступления и ущерб, причиненный как государству, так и производителю (правообладателю) или гражданам, быстро спланировать и провести осмотр, обыски, выемки.

5. *Цель деятельности лиц, занимающихся контрафакцией, – реализация контрафактного товара.* Установить данное обстоятельство при расследовании дел по статье 201 УК Республики Беларусь очень важно, так как уголовной ответственности подлежат только те лица, которые незаконно изготовляли и распространяли объекты, защищенные правами интеллектуальной собственности.

6. *Использованные для изготовления контрафактной продукции орудия, материалы, приспособления.* Сравнение способа совершения преступления и использованных материалов в различных случаях изготовления контрафактной продукции позволяет установить факт совершения ряда криминальных деяний одним и тем же лицом или группой лиц, а иногда и конкретного исполнителя. Установить это особенно важно, когда лицо, занимающееся выпуском контрафактной продукции, уже разоблачено и осуждено, а аналогичные контрафактные товары продолжают изымать после этого длительное время в разных регионах.

7. *Места и способы получения материалов и приспособлений для изготовления нелегитимной продукции.* Определив их, можно восстановить механизм преступления, выявить тех, кто способствовал его совершению.

8. *Количество участников, их роль в совершении преступления, личностная характеристика каждого из них.* Необходимо установить всех участников криминальной деятельности, выявить организаторов и лиц, активно участвовавших в совершении данного преступления, особенно если речь идет о несовершеннолетних, вовлеченных в это дело взрослыми и опытными преступниками, среди которых попадают даже родственники.

9. *Форма вины каждого участника, наличие умысла у продавцов* (лиц, занимающихся прокатом) контрафактной продукции, на реализацию заведомо поддельной продукции. Часто факта задержания при продаже контрафактной продукции бывает недостаточно для привлечения лица к уголовной ответственности, если в ходе расследования не будет доказана его осведомленность о контрафактности данной продукции.

10. *Наличие у заявителя прав на распространение (иные действия) лицензионной продукции.* У лица (правообладателя) необходимо обязательно установить наличие прав на распространение и защиту указанной в заявлении легитимной продукции, т.е. действительно ли он обладает правами на распространение и иные действия с лицензионной продукцией производителя.

11. *Изготовление или реализация контрафактной продукции способствовало получению дохода в крупном размере.* Так как конструкция диспозиции части 2 и 3 соответственно статье 201 УК Республики Беларусь предусматривает такие квалифицирующие признаки, как получение дохода и нанесение ущерба в крупном размере, то по уголовному делу необходимо доказать, что обвиняемый получил такой доход (или причинил ущерб).

Закключение. Подводя итог сказанному, полагаем, что изложенные сведения будут способствовать грамотному анализу складывающихся на практике следственных ситуаций, обоснованному выдвиганию общих и частных версий, а также правильному определению обстоятельств, подлежащих доказыванию, что в конечном итоге позволит оптимизировать процесс расследования преступлений, связанных с контрафактной продукцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин, Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов / Р.С. Белкин. – 3-е изд., доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2001. – 837 с.
2. Криминалистика: учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]; под ред. Р.С. Белкина. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2001. – 990 с.
3. Драпкин, Л.Я. Основы теории следственных ситуаций / Л.Я. Драпкин. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 163 с.
4. Яблоков, Н.П. Криминалистика: учеб. для вузов / Н.П. Яблоков. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. – 371 с.
5. Драпкин, Л.Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // Следственные ситуации и раскрытие преступлений: науч. тр. Свердлов. юрид. ин-та. – Свердловск, 1975. – Вып. 41. – С. 28.
6. Гавло, В.К. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: моногр. / В.К. Гавло, В.Е. Ключко, Д.В. Ким. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. – 224 с.
7. Криминалистика: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция» / А.А. Беляков [и др.]; под ред. И.Ф. Герасимова и Л.Я. Драпкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 2000. – 671 с.
8. Криминалистика: учеб. для высш. юрид. учеб. заведений / Бурнашев [и др.]; под ред. А.Г. Филиппова (отв. ред.), А.Ф. Вольнского. – М.: Спарк, 1998. – 543 с.
9. Возгрин, И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений / И.А. Возгрин. – Минск: Высш. шк., 1983. – 215 с.
10. Белкин, Р.С. Криминалистическая энциклопедия: справ. пособие / Р.С. Белкин. – 2-е изд., доп. – М.: Мегатрон-XXI, 2000. – 333 с.
11. Рубис, А.С. Основы стратегии борьбы с контрафактной продукцией в Республике Беларусь (на примере объектов интеллектуальной собственности на магнитных и оптических носителях информации) / А.С. Рубис, В.А. Чванкин; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск: Акад. МВД, 2015. – 255 с.

Поступила 25.03.2016

INVESTIGATIVE SITUATIONS AND FACTS TO BE PROVEN IN CRIMINAL CASES RELATED TO COUNTERFEITING

V. CHVANKIN, M. SHRUB

Protection of rights for the objects of intellectual property is one of the important tasks of the prosecuting agencies. However during criminal proceedings of cases related to counterfeit products, difficulties effectively arise related to the planning of an investigation and establishing the facts to be proven. In this respect the authors of the article deal with a number of aspects of the issue in question directed at its solution. For example the scope of typical investigative situations is determined that arise in criminal cases related to counterfeiting, a number of issues are established that may emerge in each of these situations and specific proposals of overcoming them are given. For the purpose of optimizing the planning of an investigation general and particular leads are covered which can be proposed under the circumstances of the above mentioned situations. The list of facts to be proven in cases of the category in question is determined. The proposed data is directed at the optimization of an investigation process for criminal cases related to violations of rights for the objects of intellectual property at the initial stage.

Keywords: counterfeit products; investigative situation; lead; facts to be proven.

УДК 343.9:614.8

**ПРАВОВОЕ И ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ОСМОТРА МЕСТА ПОЖАРА**

*канд. юрид. наук, доц. И.В. ГОЛЯКОВА; канд. юрид. наук, доц. Е.Ю. ПАСОВЕЦ
(Командно-инженерный институт МЧС Республики Беларусь, Минск)*

Опираясь на статистические данные пожаров и причины их возникновения, определены проблемные вопросы их ликвидации и расследования, существующие в современной практике, предложены пути их решения. Уделено внимание осмотру места пожара как неотложному следственному действию, проводимому в целях правильной квалификации деяния, связанного с пожаром. Сформированы специфические черты осмотра места пожара как одного из видов осмотра места происшествия, на основании чего аргументирован вывод о необходимости проведения системного исследования в области правового и технико-криминалистического обеспечения осмотра места пожара с точки зрения фундаментальных основ уголовно-процессуальной деятельности. Обозначены научные труды исследователей в области правового и технико-криминалистического обеспечения осмотра места пожара в Республике Беларусь и за ее пределами, определены научные центры по организации исследований в области осмотра места пожара.

Ключевые слова: место пожара, осмотр места происшествия, правовое обеспечение, технические средства осмотра, криминалистическое обеспечение, инспектор государственного пожарного надзора, научные центры по осмотру места пожара.

В Республике Беларусь ежегодно происходят около 7 000 пожаров. В соответствии с законодательством по каждому из них осуществляется предварительная проверка, обязательным элементом которой является проведение следственного действия – осмотр места происшествия. Следовательно, можно констатировать, что ежегодно инспекторами государственного пожарного надзора проводится около 7 000 осмотров мест пожаров (таблица).

Статистические данные о пожарах и причиненном ими ущербе за 2012–2014 годы

Годы	Количество пожаров	Число погибших	Из них погубило детей	Число поджогов	Материальный ущерб составил (тыс. руб.)
2012	7410	927	14	505	221052,7
2013	6882	783	20	513	290883,5
2014	6802	737	14	493	377029,5

Основными причинами пожара являются: взрывы; нарушение технологического регламента (процесса); нарушение противопожарных требований при проведении огневых работ; нарушение правил эксплуатации газовых устройств и агрегатов; шалость детей с огнем; нарушение правил монтажа и устройства электросетей и электрооборудования [1, с. 15].

Особое место в системе причин пожаров занимают поджоги. Необходимо отметить, что поджог является не только способом совершения преступления, но и способом сокрытия более тяжкого преступления, что на сегодняшний день носит прогрессирующий характер. В итоге, замаскированные путем поджога преступления, могут оставаться безнаказанными. Важно, что в настоящее время самостоятельного юридического состава по поджогу нормативное поле Республики Беларусь не предусматривает, что нельзя сказать про страны Евросоюза и страны ближнего зарубежья: Россия, Казахстан и другие [2].

Удельный вес поджогов в структуре пожаров в Республике Беларусь за последние двенадцать лет имеет относительно стабильную устойчивость (7–10%), колебания в цифровом эквиваленте от падения до роста незначительные: 2001 год – 628 поджогов; 2002 – 845; 2003 – 1032; 2004 – 1103; 2005 – 1168; 2006 – 1086; 2007 – 1155; 2008 – 917, 2009 – 987, 2010 – 755, 2011 – 677; 2012 – 505; 2013 – 513 [1, с. 17].

Наиболее информативным следственным действием при расследовании поджогов является осмотр места пожара. Однако анализ отечественного и обзор зарубежного законодательства, научной литературы и материалов практики в области осмотра свидетельствует о наличии ряда не решенных вопросов, непосредственно влияющих на эффективность правовых механизмов профилактики пожаров, в том числе и поджогов.

Во-первых, в последние годы ученые на постсоветском пространстве, в том числе в Беларуси, России и Украине, стали меньше внимания уделять проблеме тактико-организационного и технико-криминалистического обеспечения осмотра места пожара. Фактически, описывая данный сегмент в своих трудах, они используют классическую схему проведения осмотра места происшествия. Данное обстоятельство представляется не совсем корректным, так как осмотр места пожара – следственное действие, имеющее свою специфику: проводится после того, как пожарный расчет ликвидирует пожар, вследствие

чего уничтожаются частично либо полностью следы и предметы, которые важны для правильной квалификации деяния, установления виновных лиц и т.д.; само место происшествия подвергается воздействию высоких температур и огнетушащих веществ, в результате чего маскируется либо уничтожается следовая информация; осмотр места пожара проводится при взаимодействии различного рода структур и организаций (представителей Следственного комитета Республики Беларусь, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь и т.д.), что требует четкого механизма их взаимодействия.

Во-вторых, эффективное расследование дел по пожарам невозможно без использования достижений юридических, технических и других наук, которые принято называть специальными знаниями. Одна из процессуальных форм использования специальных знаний – участие специалиста в осмотре места происшествия и других следственных и процессуальных действиях, что значительно расширяет реальные возможности раскрытия преступления, позволяя использовать в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел весь арсенал современных научно-технических средств, а также обеспечивает надежность доказательственной базы по уголовным делам. Содержательный компонент осмотра места пожара представляет собой не только процессуальную фиксацию произошедшего события, но и выявление, изъятие и исследование вещественных доказательств. Специалист при осмотре места пожара, в роли которого выступает инспектор государственного пожарного надзора, для поиска доказательств использует комплекс технических средств и приемов, наиболее эффективных для обнаружения, изъятия, упаковки и предварительного исследования следов. Ни один осмотр места происшествия, в том числе и пожара, в случае наличия оснований полагать, что был совершен поджог либо другое деяние, связанное с нарушениями правил пожарной безопасности и т.д., не обходится без процесса обнаружения и изъятия следовой информации. К сожалению, в настоящее время вопросам технико-криминалистического обеспечения осмотра места пожара в Республике Беларусь не уделяется внимания. Как следствие, лицу, которое проводит осмотр места пожара, не доступны современные технические устройства, позволяющие повысить качественно-количественный показатель выявления и идентификации следов.

В-третьих, сегодня в Беларуси отсутствуют монографические исследования, которые бы в полном объеме освещали обозначенные выше особенности, раскрывали тактику проведения осмотра места пожара в контексте фундаментальных основ уголовно-процессуальной деятельности с учетом организационно-методических и технико-криминалистических аспектов. Данное обстоятельство оказывает существенное негативное влияние на реализацию механизма уголовного преследования по делам о пожарах, тем более профилактики данного антисоциального действия. Кроме того, анализ действующего нормативного поля в рамках проведения осмотра места пожара свидетельствует, что в настоящее время в правовой системе Республики Беларусь отсутствуют документы, которые четко регламентируют обязанности и права инспектора государственного пожарного надзора при проведении осмотра места пожара. Так, не существует конкретного алгоритма его действий на подготовительном, рабочем и заключительном этапах проведения вышеобозначенного следственного действия, отсутствуют рекомендации по использованию технических средств, которые должен иметь при себе инспектор государственного пожарного надзора на осмотре для обнаружения, фиксации и изъятия следов. В связи с этим считаем необходимым разработку правовой регламентации осмотра места пожара путем создания нормативного обеспечения, с регламентацией процессуального статуса каждого участника осмотра в рамках белорусского законодательства.

В-четвертых, правоприменительная практика органов государственного пожарного надзора свидетельствует о том, что специалисты, производящие осмотр места пожара, не обладают достаточными знаниями в области осуществления данного следственного действия. В связи с этим лицами, производящими дознание, следователями не уделяется должного внимания организационным аспектам проведения осмотра места пожара, обеспечивающим его результативность и безопасность; криминалистическому аспекту проведения осмотра места пожара в части обнаружения, фиксации и изъятия следов, изучению обстановки предшествовавшей пожару и после него. Как результат – снижение качества расследования дел по пожарам: потеря следовой информации и, как следствие, низкая результативность осмотра места пожара, несвоевременность привлечения специалистов, необходимых для эффективного осмотра и дальнейшего экспертного исследования объектов, неточности в формулировке вопросов эксперту при назначении экспертиз и т.д.

Указанные выше проблемы негативно сказываются на установлении причин пожара и своевременной выработке мер по *профилактике и предупреждению* нарушений в сфере пожарной безопасности; *прогнозированию* возможных причин и условий возникновения пожаров; *предотвращению* гибели людей на пожарах; *совершенствованию* средств и методов пожарно-профилактической работы, проводимой МЧС.

Очевидно, описанная выше ситуация сложилась в связи с отсутствием в стране правового и технико-криминалистического алгоритмов проведения осмотра места пожара, построенного на фундаментальных основах осуществления уголовно-процессуальной деятельности, отвечающего современным требованиям науки и техники. Данный пробел подлежит устранению: путем системного исследования теоретических основ осмотра места пожара; анализа нормативного поля в области осмотра места происшествия и создания правового акта по регламентации алгоритма проведения осмотра места пожара с учетом специфики объекта осмотра, взаимодействия между службами и т.д.; совершенствования технико-криминалистического обеспечения

осмотра места пожара; путем создания новых средств, приемов и методов обнаружения, изъятия, фиксации и исследования следов с учетом современных достижений науки и техники.

Анализ уголовно-процессуальной, криминалистической и иной литературы свидетельствует, что теоретико-методологической разработкой осмотра места происшествия с учетом специфики самого места происшествия – пожара – занимались различные ученые на протяжении многих лет. Научный интерес к тактике осмотра места происшествия по делам о пожарах обозначился в конце 50-х годов XX века. Начали появляться публикации о специфике осмотра при поджоге, об особенностях изъятия и упаковки следовой информации на пожарище и т.д. В 1966 году появилась работа Б.В. Мегорского «Методика установления причин пожаров» [3]. В 1978 году увидела свет работа Г.Н. Казакова «Осмотр места происшествия по делам о пожарах», в которой автором обозначены аспекты обнаружения и изъятия следов на месте пожара, определены участники следственного действия [4]. В конце 90-х годов XX века появились первые диссертационные работы. По данной тематике в рамках юридических специальностей защищено 22 диссертации, из них одна докторская: «Теоретические и прикладные проблемы применения специальных познаний при выявлении и расследовании преступлений, сопряженных с пожарами» (Зернов С.И., 1997 г.) [5]. В ней рассмотрены сущности и содержание специальных знаний при расследовании обстоятельств пожара, система следов преступлений, связанных с пожарами, их классификация. Определены проблемы фиксации криминалистически значимой информации при проведении осмотра места происшествия.

Параллельно с подготовкой диссертационных исследований, где разрабатывались в различных аспектах вопросы тактики осмотра места происшествия по делам о пожарах, издавались монографии, учебные и методические пособия. Сегодня список таковых достаточно объемен. На наш взгляд, наиболее актуальные из них следующие: И.Д. Чешко «Технические основы расследования пожаров» [6]; методические пособия коллективов авторов «Осмотр места пожара» [7]; «Техническое обеспечение расследования поджогов, совершенных с применением инициаторов горения» [8]; И.А. Попов «Расследование пожаров. Правовое регулирование, организация и методика» [9]; В.Ф. Чирков и А.М. Лапкин «Осмотр места пожара» [10]; С.И. Зернов и Е.Ю. Палов «Первоначальные действия по факту пожара» [11].

Уделяли внимание осмотру места пожара в своих трудах исследователи: В.П. Белобратова (Санкт-Петербург, 2006); М.Ю. Богуцкая (Санкт-Петербург, 2005); А.Н. Евтушенко (Москва, 1998); М.С. Жук (Краснодар, 2003); С.И. Зернов, В.В. Колесников (Харьков, 2005); Н.Н. Кривых (Волгоград, 2007); Э.В. Лантух (Санкт-Петербург, 1998); Б.А. Лукичев (Челябинск, 2005); А.Б. Маханек (Калининград, 2004); В.Н. Молоканов (Волгоград, 1999); А.А. Мухачев (Москва, 1998); С.А. Назаров (Москва, 1997); А.Г. Нам (Алматы, 2003); С.И. Неганов (Кемерово, 2009 г.); Е.Ю. Павлов (Москва, 2007); И.А. Попов; Т.Л. Роганова (Псков 2012); С.И. Соболевская (Нижний Новгород, 2003); В.В. Трегубов (Москва, 2006); А.И. Федор (Москва, 2001), Г.П. Шамаев (Москва, 2009) и другие.

В Республике Беларусь в период с 1996 по 2015 год научные исследования по осмотру места пожара не проводились. Косвенно они были освещены в диссертационном труде только один раз – в работе И.В. Данько «Правовые и организационные основы производства по уголовным делам об умышленном уничтожении либо повреждении имущества путем поджога» [12]. В то время как в России сегодня сформированы и функционируют научные центры по организации исследований в области осмотра места пожара: кафедра криминалистики и инженерно-технических экспертиз Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, одно из научных направлений которой – совершенствование и разработка методик криминалистической и пожарно-технической экспертиз; учебно-научный комплекс организации надзорной деятельности Академии Государственной противопожарной службы МЧС России, научными направлениям которого являются производство расследований по установлению очага пожара и механизма возникновения горения (непосредственной причины пожара); установление причинно-следственных связей между нарушениями требований пожарной безопасности и последствиями; квалификация нарушений требований пожарной безопасности; Всероссийский научно-исследовательский институт противопожарной обороны, в котором разрабатываются технические основы расследования пожаров (А.О. Антонов, Е.Г. Голяев, Б.С. Егоров, С.Г. Ефимов, И.Д. Чешко).

Подытоживая сказанное выше можно констатировать, что тактика осмотра места пожара есть элемент системы знаний об осмотре места происшествия. При помощи объективного процесса интеграции и дифференциации знаний, который является одним из законов обогащения и совершенствования науки, данный элемент долгое время пополнялся теоретико-прикладными положениями. В результате произошло отпочкование его от системы знаний об осмотре в целом и позволило сформироваться в самостоятельное отдельное направление – осмотр места пожара, которое имеет свою специфику, особенно в части реализации в практической деятельности.

На современном этапе возникли предпосылки для проведения научных исследований в области обеспечения осмотра места пожара (правового, технико-криминалистического, организационно-методического, др.), так как на данный момент накопился достаточный эмпирический материал, отдельные научные публикации, требующие серьезной научной систематизации на уровне методологической и теоретической основ. Однако накопленный в течение двух десятилетий массив знаний остался без должного внимания ученых, не вышел на уровень монографических исследований, кандидатских и докторских диссертаций. Как след-

ствие, остался нерешенным обширный круг задач: *отсутствует единый уголовно-процессуальный алгоритм проведения осмотра места пожара с учетом специфики объекта осмотра, взаимодействия участников осмотра и т.д.; не разрабатываются, соответственно, не внедряются* в практику проведения осмотра места пожара инновационные средства и методы обнаружения, изъятия и исследования следов. Несмотря на достаточное количество диссертационных работ, посвященных различным аспектам такого следственного действия, как осмотр места происшествия, научные исследования по осмотру места пожара в Республике Беларусь не проводились; в большинстве своем исследования по данному направлению реализованы в России, Украине, Казахстане.

Заключение. В настоящее время объективно обусловлена необходимость проведения системного исследования в области правового и технико-криминалистического обеспечения осмотра места пожара с точки зрения фундаментальных основ уголовно-процессуальной деятельности. Результаты исследования позволят проводить осмотр места пожара результативнее, повысить качественный и количественный показатели обнаружения, изъятия и исследования следовой информации, что, в свою очередь, обеспечит заинтересованных лиц современной методикой расследования преступлений, связанных с пожарами, эффективными профилактическими мероприятиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные показатели складывающейся обстановки с чрезвычайными ситуациями: информ.-стат. сб. МЧС Респ. Беларусь [Электронный ресурс] // Альфа, М-во по чрезвычайным ситуациям Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
2. Голякова, И. Правовые средства противодействия поджогам / И. Голякова, Е. Горошко // Юстиция Беларуси. – 2015. – № 2. – С. 61–64.
3. Мегорский, Б.В. Методика установления причин пожаров / Б.В. Мегорский. – М.: Стройиздат, 1966. – 347 с.
4. Казаков, Г.Н. Осмотр места происшествия по делам о пожарах / Г.Н. Казаков. – М.: Юрлит, 1978. – 79 с.
5. Зернов, С.И. Теоретические и прикладные проблемы применения специальных познаний при выявлении и расследовании преступлений, сопряженных с пожарами: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / С.И. Зернов. – М., 1997. – 517 с.
6. Чешко, И.Д. Технические основы расследования пожаров: методическое пособие / И.Д. Чешко. – М.: ВНИИПО, 2002. – 172 с.
7. Осмотр места пожара: метод. пособие / И.Д. Чешко [и др.]. – М.: ВНИИПО, 2004. – 503 с.
8. Техническое обеспечение расследования поджогов, совершенных с применением инициаторов горения: учеб.-метод. пособие / И.Д. Чешко [и др.]. – СПб.: С-Петербург. ун-т МВД России, 2000. – 103 с.
9. Попов, И.А. Расследование пожаров. Правовое регулирование, организация и методика: учеб. пособие / И.А. Попов. – М.: Юристъ, 1998. – 187 с.
10. Чирков, В.Ф. Осмотр места пожара / В.Ф. Чирков, А.М. Лапкин. – Иркутск: Лига, 1997. – 146 с.
11. Зернов, С.И. Первоначальные действия по факту пожара: учеб.-практ. пособие / С.И. Зернов., Е.Ю. Павлов. – М.: Акад. ГПС МЧС России, 2005. – 159 с.
12. Данько, И.В. Правовые и организационные основы производства по уголовным делам об умышленных уничтожениях либо повреждениях имущества путем поджога: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.В. Данько. – Минск, 2000. – 110 с.

Поступила 28.10.2015

LEGAL AND TECHNICALS CRIMINALISTIC ENSURING SURVEY OF THE PLACE OF THE FIRE

I. GOLJAKOVA, E. PASOVIC

Based on the statistics of fires and their causes for 2012–2014, identified the problematic issues of liquidation and investigation, existing in modern practice, the ways of their solution. Attention is paid to survey the site of fire as an urgent investigative action conducted for the purpose of correct qualification of acts associated with fire. Formed specific features of inspection of the fire as one of the types of crime scene investigation, on the basis of which is founded conclusions about the need for systematic research into the legal, technical and forensic security inspection of the fire in terms of fundamentals of criminal procedure. Marked scientific work of researchers in the field of legal, technical and forensic inspection of the fire security in Belarus and abroad, research centers identified by the organization of research in the field of inspection of the fire.

Keywords: *fire place, crime scene examination, legal support, technical means of inspection, forensic software, the inspector of state fire supervision, research centers on the examination of the scene of the fire.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зенькова И.В.</i> Теоретико-практический анализ причинно-следственных связей между механизмом достижения производительного труда, установлением уровня заработной платы и навыками рабочей силы: мировой опыт	2
--	---

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

<i>Богдан Н.И., Корзун Т.С.</i> Инновационные системы: секторальный подход как условие современной промышленной политики	11
<i>Тихонова Л.Е., Пань Цянь</i> Социально-демографические проблемы старения населения Китая	20
<i>Дружинина Е.О.</i> Экспертиза соответствия социально-экологических параметров инвестиционных проектов концепции социально-ответственного инвестирования	26
<i>Чжоу Вэйди, Луи Цинунь</i> Влияние выпуска государственных облигаций на экономический рост Китая	33
<i>Четырбок Н.П., Осопрелко Т.Н.</i> Современные подходы к оценке конкурентоспособности регионов Беларуси (на примере Брестской области)	42
<i>Тимофеев Д.В., Стригуль Л.С.</i> Анализ методических подходов к оценке конкурентоспособности техники на стадии проектирования	51
<i>Чукасова-Ильюшкина Е.В., Савицкая Т.Б.</i> Производственный потенциал промышленной организации: оценка и направления повышения эффективности его использования	59
<i>Попов Н.А.</i> Организационно-экономические аспекты использования отходов производства масложировой отрасли	64
<i>Зенькова И.В., Курпатов А.М.</i> Географическая концентрация как фактор кластерообразования	68
<i>Захаров К.С.</i> Стимулирование развития туризма в России	72
<i>Репкин С.Б.</i> Особенности организации и управления спортом во Франции	75
<i>Чуракова А.П.</i> «Зеленая экономика» в системе постиндустриального общества	81
<i>Павлыш В.Н., Миньковская М.В., Турчанин Г.И., Павлыш Э.В.</i> Математическое моделирование процессов управления рисками в условиях рыночной трансформации деятельности предприятия	86
<i>Шабанов Д.Н., Стахейко В.Н., Терехов С.А., Аверченко Н.А.</i> Модель оценки экономической эффективности использования 3D-принтера при создании изделий из стеклопластиковой арматуры периодического профиля	94

ФИНАНСЫ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

<i>Богатырёва В.В., Бословяк С.В.</i> Финансовый механизм управления инвестиционным потенциалом организации: элементы, концептуальный базис функционирования	99
<i>Матяс А.А.</i> Финансовые аспекты инвестиционной политики в Республике Беларусь	107
<i>Окунев И.С., Костюкова С.Н.</i> Направления совершенствования методического обеспечения оценки кредитоспособности строительных организаций банками	112
<i>Козловский В.В., Чаплыгин В.Г.</i> Существует ли теорема «О едином (коллективном) центральном банке»? ..	119
<i>Низяр Керимли Ильгар гызы</i> Правовое регулирование внебюджетных фондов и их место в финансовой системе	130

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

<i>Вегера С.Г.</i> Бухгалтерский учет земельной ренты	135
<i>Одинцова Т.М.</i> Трансформация бухгалтерского учета как фактор формирования информационной среды устойчивого экономического роста	146
<i>Косач О.Ф.</i> Идентификация денежных средств и их эквивалентов как объектов бухгалтерского учета	156
<i>Афанасьева Е.Ю.</i> Совершенствование состава и классификации затрат на производство продукции пчеловодства	162

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Пугачёв А.Н.</i> Истоки и первопричины европейского конституционализма. Часть 2	169
<i>Валейка А.В.</i> Зараджэнне і развіццё шляхецкай дэмакратыі	180
<i>Басюк І.А.</i> Вучэнне Францыска Скарыны аб праватворчасці і яго значэнне для сучаснасці	184
<i>Бардашевич Я.В.</i> Представление об эмбрионе человека у язычников.....	189

КОНСТИТУЦИОННОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

<i>Бородич А.И.</i> Основы теории национальной безопасности	193
<i>Лясковскі І.І.</i> Виды информации	198
<i>Гоев А.В., Петлицкий С.В.</i> О понятии и видах процедур экономической несостоятельности (банкротства)	203
<i>Капитанова А.А.</i> Преимущественное право покупки доли в праве общей собственности.....	209

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

<i>Бочарова О.С.</i> Уголовная ответственность за незаконное перемещение через границу культурных ценностей: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и государств-членов Таможенного союза.....	215
<i>Куряков В.А.</i> Участие граждан на доверительной основе в борьбе с коррупционными и иными преступными проявлениями	222
<i>Русак А.Н.</i> Ретроспективный формально-юридический анализ признаков состава преступления, предусмотренного статьей 156 Уголовного кодекса Республики Беларусь.....	229
<i>Катушонок О.В.</i> Основные формы проявления внутрисемейного насилия в отношении несовершеннолетних членов семьи.....	236

СУДОУСТРОЙСТВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Ярмоц Е.Н.</i> Формы институционализации общественного контроля за судебной деятельностью.....	240
<i>Пожого Я.А.</i> О совершенствовании уголовного судопроизводства в Республике Беларусь.....	245
<i>Горошко Е.Ю.</i> Методы экспертного прогнозирования	250
<i>Чванкин В.А., Шруб М.П.</i> Следственные ситуации и обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам, связанным с контрафакцией.....	254
<i>Голякова И.В., Пасовец Е.Ю.</i> Правовое и технико-криминалистическое обеспечение осмотра места пожара.....	259